
Mediae Valia
А.Н. Савин
Университетские дела
Дневник 1908—1917 гг.

Mediae Varia

Институт всеобщей истории Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

А.Н. Савин

Университетские дела

Дневник 1908—1917

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С13

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Публикация, вступительная статья и комментарии
А.В. Шаровой

Ответственный редактор
А.К. Гладков

Савин А.Н.

С13 Университетские дела. Дневник 1908—1917 / А.Н. Савин / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. — М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 524 с. (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-524-3

Университетские дневники (1908—1917) видного российского историка-медиевиста, профессора Московского университета Александра Николаевича Савина (1873—1923) — уникальный источник, в котором изложена история Московского университета в сложное десятилетие начала XX в. — борьба за сохранение университетской автономии, массовая отставка преподавателей в 1911 г., министерские назначения на профессорские должности и возвращение «отставленных» после февраля 1917 г. В записях А.Н. Савина представлен образ университетской корпорации в различных аспектах ее бытования, яркие портреты историков, преподававших как в университете, так и на Высших женских курсах в Москве. Дневники историка - свидетельство сложных взаимоотношений университетского сообщества и власти в России, взгляд изнутри на университетский мир и ее представителей. Дневниковые записи А.Н. Савина позволяют лучше понять мировоззрение самого историка. Впервые публикуемое в полном объеме, настоящее издание предназначено для всех, интересующихся историей России начала XX в., а также историей исторической науки.

ISBN 978-5-98712-524-3

Содержание

А.В. Шарова

Университетский дневник А.Н. Савина*

В начале XX века имя крупного историка Александра Николаевича Савина (1873—1923) было хорошо известно в университетских кругах. Однако путь к этой известности едва ли можно назвать простым: сказывалось как слабое здоровье ученого, так и стесненное материальное положение. А.Н. Савин — первенец в многодетной семье (шестеро детей) врача, Николая Савина[1], — родился 4 июля 1873 г. в селе Кондрово Калужской губернии, где фельдшером работал его отец. Таланты старшего сына родители разглядели быстро, так что с 1883 по 1891 г. он учился в Калужской гимназии, которую окончил с золотой медалью, и осенью 1891 г. начал учебу на историко-филологическом факультете Московского университета. Здесь он тоже показал в полной мере свой талант и упорство, завершив все испытания на «вполне удовлетворительно» весной 1895 г., за что получил диплом 1-ой степени[2]. Талантливый ученик П.Г. Виноградова, А.Н. Савин был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. По примеру учителя, научные интересы молодого историка оказались связаны

---

* *Шарова Антонина Владимировна* — к.и.н., доцент кафедры политической истории факультета истории НИУ ВШЭ.

«В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0116, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012-2013 гг.»

[1] В 1860 г. Николай Савин закончил Воронежское военное училище, работал фельдшером в госпиталях и артиллерийской бригаде. В 1870 г. стал фельдшером при больнице писчебумажной фабрики компании Говарда в селе Кондрово Медынского уезда Калужской губернии. См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 64. Д. 366. Л. 10.

[2] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 504. Л. 12.

с аграрной историей Англии. Успешно преодолев рубеж магистерского экзамена в 1899 г., А.Н. Савин приступил к подготовке диссертации. «Обратиться к изучению английской аграрной истории, - писал Александр Николаевич, - заставил меня живой интерес к социально-экономической эволюции человеческого общежития и к «говорящему по-английски миру»[1]. Работа в английских архивах позволила историку собрать достаточный материал для того, чтобы блестяще защитить в 1904 г. фундаментальную магистерскую диссертацию «Английская деревня в эпоху Тюдоров».

Новаторство ученого заключалось в том, что анализу была подвергнута одна из наиболее сложных и противоречивых эпох в истории английской деревни. Секуляризация монастырских земель, начатая в период правления Генриха VIII, изменила не только экономический быт Англии, но и трансформировала ее социальную структуру. Перед историком стояла сложная задача — разглядеть за эволюцией манориального обычая истоки кризиса и разорения обычных держателей. Как говорил историк, «моя работа смотрит больше назад, чем вперед, подчеркивает резче силу исторической инерции, нежели разрушительную и творческую мощь новых начал»[2]. Живучесть манориального строя, проявлявшаяся в истории общины, обычного держания, позднего вилланства — вот что в первую очередь заинтересовало исследователя. Сама постановка вопроса о манориальном обычае требовала от ученого глубокого экскурса в прошлое, что и было им осуществлено. А.Н. Савин проанализировал документы, касающиеся манориальной юрисдикции, и пришел к выводу о том, что манориальный обычай в рамках юридической процедуры не защищал более копигольдеров, а скорее, способствовал их разорению и передачи земли в руки лордов. Статья, написанная ученым по материалам диссертации[3], получила высокую оценку в Англии со стороны Ф. Мейтланда[4].

Докторская диссертация историка[5], успешно им защищенная в 1907 г., была посвящена проблеме секуляризации в Англии, логично продолжая тему, поднятую исследователем ранее. В этой работе А.Н. Савин обратил внимание на изменения, происходившие в Англии

---

[1] *Савин А.Н.* Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. 1.

[2] Там же. С. 2.

[3] *Savine A.* Copyhold Cases in the early Chancery Proceedings // English Historical Review. 1902. Vol. 17. P. 296—304.

[4] Ф. Мейтленд назвал статью А.Н. Савина, посвященную разбору дел об обычных держаниях в суде "admirable article". См. The Letters of Frederic William Maitland / Ed. by C.H.S. Fifoot. Cambridge University Press, 1965. P. 243.

[5] *Савин А.Н.* Английская секуляризация. М., 1906.

XVI столетия. Перед ученым стояла задача сначала оценить доход монастырских земель, которые были отобраны в пользу светских хозяев, а затем определить, кому по большей части достались эти конфискованные земли. А.Н. Савину удалось провести убедительный анализ и доказать, что говорить о кризисе и упадке монастырского землевладения в данный период не приходится, а значительная часть монастырских земель оказалась в руках знати, близкой к королевскому трону. Таким образом, смена хозяев земли могла лишь способствовать разорению английского крестьянства.

Историк назвал свой труд «фрагментом фрагмента», тем самым отмечая мало разработанный характер затронутой темы. До ранней истории капиталистического фермерства, о чем А.Н. Савин планировал говорить, предстояло провести массу статистических подсчетов, чтобы выяснить саму сущность осуществленной при Генрихе VIII диссолюции. Ученый с присущим ему талантом обнаруживать сложнейшие проблемы, выходившие за рамки проводимого исторического исследования, подводил читателя к разговору о сути тюдоровской государственности и социальных трансформациях, происходивших в Англии XVI в.

Отметив, что при разделе монастырских земель первое место принадлежало по преимуществу «руководителям центрального государственного механизма», а сами большие размеры их доли от продажи земель объясняются положением этих людей в структуре государственного управления, ученый заключил: в Англии сложилось такое сочетание общественных сил, которое создало почву «для чрезмерного роста государственности и для иллюзорных представлений о ее самобытных творческих потенциалах». Вывод о такой «государственной гипертрофии» в Англии XVI в. вполне укладывается в современные трактовки государства эпохи раннего Нового времени.

В дальнейшем А.Н. Савин продолжил изучение сложных процессов социальной истории Средневековья и раннего Нового времени на примерах локального материала отдельных маноров[1], используя успешную практику подобного подхода, который столь продуктивно начал применять известный английский историк Ф. Мэйтленд, чьи работы российский ученый высоко ценил и считал его одним из своих учителей.

Интерес к «рубежным» эпохам Новой истории, а также к процессам общественных трансформаций во всей их сложности и специфике занимали А.Н. Савина на протяжении всей жизни. Это видно по лекциям

[1] См. *Савин А.Н.* История двух маноров // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 4; *Он же.* История одного восточного манора // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917.

ученого об эпохе Реформации в странах Европы, о времени правления Людовика XIV во Франции[1].

Весной 1903 г. А.Н. Савин прочитал пробные лекции и был утвержден приват-доцентом Московского университета. Рекомендации от факультета подписали Р.Ю. Виппер и Д.М. Петрушевский, отметившие, что А.Н. Савин к тому времени в течение года успешно вел как лекционные курсы по европейской истории Нового времени, так и, по собственной инициативе, практические занятия (в том числе по Средневековью)[2]. После защиты докторской диссертации А.Н. Савина выбрали экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории (с 1908 г.) и включили в состав совета Московского университета. Педагогическая практика ученого была обширной: помимо университета А.Н. Савин преподавал на Московских высших женских курсах (с 1902 г.), проводя занятия, посвященные Великой французской революции и другим сюжетам Новой истории.

Современники отмечали уникальный педагогический талант А.Н.Савина, заключавшийся в том, что «любой его курс, ... даже в сильно изувеченной форме "издания без просмотра лектора", является оригинальный научным произведением». Наблюдения и выводы ученого, всегда основывавшиеся на глубоком знании исторического материала, отличались оригинальностью и яркостью, например, в оценках социального состава средневековой церкви, в трактовке работ Галлера, в описании ранней оппозиции при правлении Людовика XIV и др.[3]

Позднее, когда А.Н. Савину пришлось заняться историей XIX—XX вв., он перенес на новый материал ту исследовательскую технику, которую привычно использовал при работе со средневековыми источниками. Данная особенность творческого метода ученого делала его работы такими же точными, выверенными, как и разработанные им сюжеты аграрной истории.

Семинарии А.Н. Савина в университете считались весьма трудными, поэтому количество слушателей было невелико. Тем не менее, студенты признавали, что умение ученого показать учащимся сложность решения поставленных вопросов, привычка искренне «говорить "не знаю" в тех случаях, когда это легко можно было обойти молчанием или удачно сказанной фразой», стремление скрупулезно исследовать все доступные источники (даже при изучении проблем истории XIX в.) делали Александра Николаевича «совершенно исключительным учите-

---

[1] См. *Савин А.Н.* Религиозная история Европы эпохи Реформации. Курс лекций. М., 1914; *Он же.* Век Людовика XIV: Курс лекций. М., 1913.

[2] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 85. Д. 504. Л. 11.

[3] См. *Егоров Д.* Памяти А.Н. Савина // Анналы. 1923. № 3. С. 223.

лем для тех, кто собирался посвятить себя науке»[1]. В число его учеников входили С.Д. Сказкин, Е.А. Косминский, В.М. Лавровский и другие известные российские историки.

Вместе с тем А.Н. Савин не был в стороне от современных ему проблем развития социальных институтов не только в России, но и за рубежом. Он с интересом изучал опыт Фабианского общества в Англии[2], осуждал направленность и методы осуществления столыпинских реформ[3], анализировал экономическую теорию марксизма[4]. При всей внешней невовлеченности в сферу политической деятельности, историк активно участвовал в жизни университетского сообщества[5].

В ходе университетского кризиса 1911 г., когда, протестуя против вмешательства государства в дела университета и покушений на его полученную шестью годами ранее автономию, Московский университет покинула значительная часть прогрессивно настроенных преподавателей, атмосфера в нем заметно изменилась. Данные обстоятельства, безусловно, оказали воздействие на мировосприятие А.Н. Савина, равно как и на его неустанные попытки сохранить возможность возвращения «отставленных» коллег[6]. В эти годы историк начинает регулярно печатать статьи, посвященные современным событиям в Англии на страницах либеральных газет. В мае 1917 г. историк записал в дневнике: «Я, кажется, становлюсь газетчиком. Сегодня был на редакционном совещании в “Русских Ведомостях”». И хотя он успешно продолжал трудиться над сюжетами английской аграрной истории Нового времени, проблемы современности увлекали его все больше.

Особенно заметно это стало с началом Первой Мировой войны, когда А.Н. Савин принял активное участие в созданном в 1915 г. Обществе сближения с Англией, выступая с публичными лекциями[7].

---

[1] *Сказкин С.Д.* А.Н. Савин как учитель // Памяти Александра Николаевича Савина. 1873—1923. Сборник статей. Труды Института истории. Вып. 1. М., 1926. С. 52.

[2] *Савин А.* Фабианцы: Из лондонских впечатлений // Вестник Европы. 1903. Т. 4. Кн. 8. С. 637—661.

[3] *Савин А.Н.* Русские разрушители общины и английские огораживатели // Московский еженедельник. 1909. № 2.

[4] *Савин А.* Заметка о первоначальном накоплении в изображении Маркса // Помощь евреям, пострадавшим от неурожая. Литературно-художественный сборник, СПб., 1901. С. 442—455.

[5] Подробнее см.: *Шарова А.В.* А.Н. Савин: Неизвестная жизнь известного историка // Одиссей. Человек в истории. 2012: Предательство: опыт исторического анализа. М.: Наука, 2013. С. 212—243.

[6] См. *Шарова А.В.* Университетское сообщество и власть в начале XX века (По материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». М., 2010. № 18. С. 270—288.

[7] *Савин А.Н.* Война империй и мир ислама: Публичная лекция. М., 1915

Научный авторитет А.Н. Савина, его порядочность и верность друзьям, твердость в отстаивании принципов, а равно и умение находить компромиссы, в полной мере отразились на итогах выборов осени 1917 г.: историк вступил в должность проректора Московского университета. В кризисные для российской науки и образования годы он добросовестно выполнял сложные обязанности одного из руководителей и защитников гаснущей университетской автономии. А.Н. Савин был одним из первых преподавателей «старой школы», пришедших в Институт красной профессуры и занимавшихся со студентами проблемой империализма. В начале 20—х гг. он успешно работал в качестве заведующего одной из секций истории XIX в. Главархива, подготовив несколько статей по давно интересовавшей его проблематике русско-германских отношений.

В 1922 г. А.Н. Савину удалось вновь поехать в Англию для продолжения архивных разысканий в области аграрной истории, однако внезапная смерть, настигшая исследователя во время работы, так и не дала возможности осуществить задуманное.

1 сентября 1908 г. экстраординарный профессор Московского университета Александр Николаевич Савин начал вести дневник университетских дел. Историк делал записи на протяжении девяти лет, до 4 сентября 1917 г. Всего набралось две тетради записей: в первой 386, во второй — 259 страниц, заполненных убористым почерком ученого.

Не так часто приходится сталкиваться с тем, что источник личного происхождения целенаправленно создается, будучи посвящен одной единственной теме. Именно поэтому мы называем данное издание «университетским дневником» А.Н. Савина, поскольку главным героем выступает Московский университет во всем своем многообразии: заседания совета и дискуссии на них, профессура и студенты, экзамены и диспуты по диссертациям, пресса и ее роль в распространении информации об университете и, конечно, государственная политика по отношению к университету в 1908—1917 гг.

А.Н. Савин, прекрасный историк, фиксировал в дневнике все, что касалось исключительно университетского бытия, тем самым опуская данные собственной личной жизни. Из записей, например, не узнать, что женой историка была одна из знаменитых сестер-музыкантов, основателей музыкального училища в Москве — Евгения Фабиановна Гнесина[1]. К сожалению, в дневнике А.Н. Савина практически нельзя найти информацию о его семье, родителях и братьях; не прочитать там и о культурной жизни Москвы этого десятилетия. Даже о трудах само-

[1] Единственное исключение — запись от *2 ноября 1915* — что вместе с женой навещал Р.Ю. Виппера и приносил соболезнования по случаю смерти супруги историка.

го историка, в том числе об авторских курсах в университете, сведения крайне скудны. Даже приезд императора Николая II в Москву в мае 1912 г. упоминается лишь вскользь в связи с переносом заседания факультета. Единственная реплика об отце встречается в дневнике только потому, что из-за поездки к родителю А.Н. Савин не знал о смерти В.О. Ключевского. Все это делает данный источник по-своему уникальным, даже сама попытка его обезличенности; впрочем, именно попытка. Выдерживать нейтральный, позитивистский тон историку удается недолго. Сложная ситуация в России, при всей отстраненности А.Н. Савина от практической политики, постоянно ставила мыслящего человека перед выбором. При этом выбирать приходилось и круг общения, и прессу, которую следовало выписывать и читать, даже депутатов, за которых требовалось голосовать. По дневнику можно увидеть, насколько нелегким был этот выбор для российской профессуры начала XX века[1].

Отстраненная позиция «объективного» летописца сохраняется в дневниках не так долго. В записках вполне отчетливо проявляется негативная оценка А.Н. Савиным политики министра народного просвещения Л.А. Кассо; гораздо определеннее становится позиция ученого в знаменитом университетском кризисе 1911 г., когда в результате протеста против политики министерства в отставку сначала подало руководство университета («три М» — А.А. Мануилов, М.А. Мензбир, П.А. Минаков), а затем и более сотни профессоров и приват-доцентов. И даже занятый описанием чисто университетских дел — от вопросов состояния университетской типографии до экзаменов — историк в дневнике не может удержаться от ярких и весьма субъективных оценок при описании своих коллег как с историко-филологического, так и других факультетов Московского университета и иных высших учебных заведений России.

На страницах дневника помимо характеристики московской профессуры мы встречаемся с множеством любопытных деталей организации университетской жизни — от стандартной схемы размещения членов совета в зале заседаний, до устоявшихся университетских традиций (например, ежегодных праздничных обедов в «Праге»). Из записок А.Н. Савина можно узнать содержание и степень успешности пробных лекций молодых преподавателей, ощутить атмосферу диссертационных диспутов (очень ярко описан диспут П.Б. Струве в 1913 г.) и банкетных кампаний.

При чтении дневника сразу возникает вопрос о том, каким образом А.Н. Савин составлял свои записи: из анализа текста ясно, что ученый

[1] О выборе А.Н. Савиным своей позиции в ходе университетского кризиса 1911 г. см. подробнее: *Шарова А.В.* А.Н. Савин: Неизвестная жизнь…

заносил в тетради данные находясь дома, впоследствии даже не корректируя содержание. Данное обстоятельство особенно важно потому, что зафиксированной оказывалась непосредственная реакция историка на происходившие события, которая могла меняться в зависимости от того, какая новая информация поступала, или в каком направлении разворачивались те или иные события в жизни Московского университета. Скорее всего, ученый вел записи во время заседаний Совета университета и совета факультета, в состав которых он вошел после получения должности экстраординарного профессора. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что 27 января 1909 г. А.Н. Савин, внося сведения о количестве поданных записок на выборах секретаря совета факультета, подписывает: «сосчитано неверно, или у меня записано неверно, надо чтобы всех записок было 14». Записывал изложение происходивших событий А.Н. Савин обычно в тот же день, иногда даже ночью (в дни кризиса 1911 г.), реже — на следующий день. Иногда, как это было в дни смерти Л.Н. Толстого в 1910 г., историк зафиксировал поступающую информацию несколько раз в день, отмечая даже час своих записей — 3 часа дня, 6 часов вечера.

Хорошо известный специалист русской аграрной школы, привыкший к тщательному анализу источников и скрупулезным статистическим подсчетам, А.Н. Савин старался действовать максимально точно, формируя текст университетского дневника. Он постоянно указывает источники информации: называет газеты, из которых черпал сведения (обычно это «Русские ведомости» или «Русское слово») или коллег, делившихся с ним новостями. В тексте дневника историк всегда отмечает, если сам не присутствовал на заседаниях в университете, о которых пишет. При этом, допуская субъективность прессы, он старался уточнять полученные сведения у непосредственных свидетелей происходящего[1]. Сравнивая газетную информацию, А.Н. Савин целиком приводит ее вместе с отмеченными расхождениями. Например, в 1911 г. он записал: «Сегодня прочитал в газетах, что на вступительной лекции Станкевича в начале и в конце были свистки и крики «в Одессу», «к Толмачеву». На лекции был ректор. Явилась полиция; «Русское слово» утверждает, что полицию вызвал ректор; «Русские Ведомости», наоборот говорят, что ректор просил полицию никого не трогать»[2]. Также он относился и к информации, почерпнутой от коллег: «Любавский слышал это от Платонова», «не верю слухам, жду подтверждения», «слышал из хорошего источника» и т.д.

---

[1] Запись от 1 октября 1912 г. — «я маловерю газетам, спрошу кого-нибудь из естественников» (по поводу кандидатуры новоназначенного человека); 15 марта 1914 г. — «Я не видал никого из медиков и не могу проверить этих газетных сообщений».

[2] Запись от 16 сентября 1911 г.

Историк заносит на страницы дневника также собственные размышления о взаимоотношениях коллег, которые нередко были весьма непростыми. Он всегда оставляет себе возможность усомниться в чужих рассказах, рисующих кого-то из знакомых и близких ему людей с негативной стороны.

Однажды начав написание дневника, А.Н. Савин скоро понял, что времени и сил не всегда хватает. Пришлось признаваться самому себе: «обленился писать, а бросать не следует»[1]. Спустя год, когда здоровье историка заметно пошатнулось, в дневнике появилась и такая запись: «Я болен, что будет с этими записками?»[2]. К этому времени дневник уже был для ученого возможностью не только повествовать об университетских делах, но и наладить диалог с самим собой, рассуждая, объясняя себе (а, возможно, и будущим читателям), что помешало ему подать в отставку вместе с другими коллегами, Д.М. Петрушевским и П.Г. Виноградовым.

А.Н. Савин заносил в дневник подробные дискуссии, разворачивавшиеся на заседаниях советов университета, историко-филологического факультета и московских Высших женских курсов, что делает корпус его записок по-своему уникальным, поскольку протоколы совета, отсылавшиеся в министерство, обычно содержали итоговые решения и, изредка, особые мнения, но не ход самих дискуссий. Дневник А.Н. Савина позволяет восполнить данный пробел[3].

Интересным оказалось влияние на университетское сообщество публикации дневников министра народного просвещения Н.П. Боголепова[4], умершего в результате покушения в марте 1901 г. Выход в свет этих воспоминаний и созданный ими образ некоторых членов университетского сообщества произвел своеобразное впечатление на историка. А.Н. Савин внезапно осознал, что и его записи могут быть когда-нибудь опубликованы и, следовательно, тоже зафиксируют в памяти поколений искаженные образы некоторых его коллег. Именно в связи с такой ситуацией А.Н. Савин, всегда крайне скептически отзывавшийся о деятельности и личности И.В. Цветаева, решил исправить данное упущение после смерти создателя Императорского музея изящных искусств. Получились два портрета.

31 августа 1913 г. «Сегодня был поражен известием о смерти Цветаева. Старик был весной бодрый и жизнерадостный, мнил себя у пристани: построил музей, выхлопотал для него штаты, кажется, первый из

[1] Запись от 13 января 1910 г.
[2] Запись от 24 мая 1911 г.
[3] Запись от 22 марта 1917 г. — «Решили не вносить щекотливых прений в протокол»
[4] Страницы из жизни Московского университета. Профессора Н.П. Боголепова // Русский Архив. 1913. Т. 41. Вып. 1. С. 10—89.

профессоров стал почетным опекуном. <…> Человек он был мелкий, консисторской складки, елейно-подобострастный перед высокопоставленными, пролаза, радетель близких человечков, но кажется не злой и необычайно искусный в вытягивании денег на свой музей из московских толстосумов; житейский ум немалый, но в науке серый, отчасти прямо вульгарный. Но жалко старика, так недолго услаждавшегося своим благополучием».

На следующий же день А.Н. Савин записывает мнение о И.В. Цветаеве А.И. Яковлева и его рассказ: «Он рассказал мне трогательные вещи о покойном, повысившие мое мнение о человеке, который мне был открыт неказистой стороной. Покойный вышел из бедной провинциальной духовной семьи и до конца дней сохранил теплую привязанность к своей убогой почве, несмотря на свое опекунство и тайное советничество. Он от неизвестного, т.е. от себя, пожертвовал десять тысяч рублей на бедных воспитанников того духовного училища, в котором учился. Яковлев при поступлении в университет привез рекомендательное письмо от Цветаевского товарища по семинарии, занимавшего скромное положение в провинции; письма оказалось достаточно для того, чтобы Цветаев проявил к безвестному студенту очень теплое и прочно теплое отношение. Я нарочно спешу занести этот отзыв, чтобы быть справедливым именно к тому, кого я привык не уважать».

Действительно, А.Н. Савин, выступая в университетском совете на стороне «левых»[1] и воспринимаемый в сообществе как «почти кадет», при всем субъективизме оценок, которые он давал коллегам, всегда стремился отметить не столько их политические взгляды, сколько значимость как ученых. Даже ненавистному министру Л.А. Кассо нельзя было отказать в таланте: «Надо признаться, что молдаванин талантлив. Талант ясен в его недавней статье по истории Бессарабии. Почему-то он снова почтил меня своим вниманием, прислал мне оттиск с собственноручною подписью. Подожду отвечать ему несколько дней. Если он уйдет, я тогда гораздо охотнее расхвалю его ученые дарования»[2].

Мы уже отмечали, что попытка ученого обезличить свои записи быстро провалилась. Действительно, начиная с информации об убийстве П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. язык записей А.Н. Савина меняется, становится более эмоциональным. Перед нами рассуждения о

[1] Запись от 7 апреля 1913 г. — «Те, которых теперь зовут «левыми», это только всего приличные, порядочные люди, сохранившие искру привязанности к университетской автономии, искру чуткости к достоинству Московского университета, люди, чрезвычайно умеренные не только по взглядам, но и по темпераменту».

[2] Запись от 26 января 1914 г.

политике, о будущем России, а не только университета. Так виделись историку итоги произошедших в стране и высшей школе изменений в 1912 г.: «Эту чашу будут пить до дна, и она глубока. Пусть же упиваются, пусть упьются, пусть хмель ударяет в голову победителям. Теперь ваше время и власть тьмы. Вы, впрочем, считаете себя светочами. Что же, светите, озаряйте, ослепляйте, мерцайте, тлейте, чадьте, вообще раскрывайте все свои силы, способности, возможности, распоясывайтесь, оголяйтесь, пленяйте. По плодам их познаете их, думаю, скоро появятся и плоды. Но объемлют ли от терния грозды или от репия смоквы?»[1] Обращение к тексту Евангелия от Матфея кажется здесь вполне уместным.

Приступая ко второй тетради дневника, А.Н. Савин в 1913 г. написал: «Я начинаю новую большую тетрадь, в которую уместятся новые годы моей университетской жизни, если только я буду жив, и если попечительное начальство не остановит на мне чрезмерно благосклонного внимания. Что-то принесут ближайшие годы университету? В своей первой «книге» я записывал свои горькие впечатления от быстро надвигавшейся реакции, от великого февральского разгрома и от последующего пира победителей на костях. Я начинаю второе пятилетие своей профессорской жизни среди наивысшего торжества реакции»[2].

С каждым годом эмоциональный накал дневника нарастал. Эти тетради переставали быть для историка только летописью университетских дел и судеб коллег по высшей школе. И все же он пытался сохранять «университетский» характер своего дневника: «Давно не писал, потому что нечего было писать. Если бы я вёл политический дневник, то писать бы пришлось очень много: положение быстро обостряется, правительство ведет себя почти безумно. Но в университете тишь да гладь», — записывал он в апреле 1914 г.

Однако начало Первой Мировой войны и последующие события заставляли его забывать об университетских делах и поверять дневнику свои мысли о стране и политиках, о Государственной думе, о собственных настроениях, о будущем не только высшей школы. Весной 1917 г., когда стало ясно, что политика Временного правительства провалилась, А.Н. Савин писал: «Я совершенно свободен от предрассудков в политике, не боюсь решительно никаких страшных слов, но должен признаться, что очень боюсь, патриотически боюсь и болею за мою несчастную родину, над которой проделывали, проделывают и будут проделывать самые истязательские, мучительные эксперименты». Он и прекратил вести записи дневника именно потому что осознал, насколь-

[1] Запись от 11 января 1912 г.
[2] Запись от 8 января 1913 г.

ко мелки выглядят все эти «дрязги» коллег перед лицом развала всего привычного мира и страны[1].

Дневник А.Н. Савина — интереснейший источник, проливающий свет на то, как переживала и воспринимала грандиозную Мировую войну российская интеллигенция. «Нация», «отечество», «патриотизм» — термины, нередко встречающиеся на страницах именно с 1914 г. Можно с удивлением видеть, насколько глубокое воздействие оказывали слухи о «предательстве» в высших эшелонах власти даже на таких осторожных в своих суждениях ученых, как А.Н. Савин. Записи позволяют проследить, как усиливается антигерманская риторика и антигерманские настроения в университетской среде. В августе 1915 г. ученый называет бывшего начальника Генерального штаба В.А. Сухомлинова «прямым предателем», что в полной мере соответствовало сложившемуся общественному мнению. «Позорная анархия наверху, позорная тупость, позорное взяточничество, которое у некоторых соединяется с предательством. Какие мы варвары и как ужасно будущее!», — вот основное его чувство осенью 1915 г.

Вместе с тем, А.Н. Савин не мог не оставаться верен себе при анализе происходивших военных событий. Как историк он четко осознавал, насколько односторонней и скудной является та информация, которую получает население. В декабре 1914 г. он признавался: «Я воздерживаюсь от суждений о войне: подлинное положение известно лишь заправилам главных штабов, а прочие добавляют штабные сообщения слухами, до смешного противоречивыми». А через несколько месяцев опять возвращался к той же мысли: «Почему-то призвали в огромном числе ратников первого разряда, вплоть до 1902 года. Сомневаюсь, чтобы на всех хватило оружия, амуниции, артиллерии. Впрочем, кроме очень тесного круга посвященных, по правде говоря, никто не смеет судить о войне: конечно, воздержаться от мыслей и разговоров о войне невозможно, но болтовня остается болтовней».

Дневник А.Н. Савина демонстрирует, насколько животрепещущими для университетской профессуры становятся с началом войны вопрос о сущности Российской империи и положения ее народов, в частности, украинцев и евреев. «Вокруг везде несообразности, между прочим, с евреями. Они, конечно, шпионят на западе (т.е. шпионы на западе главным образом евреи, но, разумеется, число шпионов — ничтожная часть всего еврейского населения), их потому выселяют на восток, но в черте оседлости нет места, и потому расширяют черту оседлости, пускают ев-

[1] Запись от 15 сентября 1915 г. — «Как мелки, как призрачны университетский дела по сравнению с подлинными делами! Моему поколению довелось жить в пору огромных событий, перед грозным ликом которых пропадает охота писать о своей колокольне. И все-таки нужно писать, хотя, нехотя, с насилием над собою».

реев во все города, кроме столиц. Не смеют сравнять их с не-евреями в праве на поступление в высшие учебные заведения, и сочиняют для них ряд циркуляров, чтобы сделать уступку частичной, сделать право на поступление наградой за патриотизм, за родство с солдатом. Но сочиняют циркуляры так странно, что евреи оказываются в привилегированном положении сравнительно с не-евреями»[1].

Впрочем, как уже было сказано, наибольшая ценность данного дневника — это портрет университетской корпорации, причем в самом широком ракурсе. Прежде всего — профессиональном, поскольку А.Н. Савин писал обо всех членах совета Московского университета, вне зависимости от их специальности: историках и филологах, медиках и юристах. Это и университетский мир России, так как ученый записывал все, что касалось жизни высшей школы в целом, а также события, связанные не только с Московским университетом, но и с Варшавским, и с Новороссийским, а также с другими образовательными заведениями страны. Академическая мобильность, система рекомендаций, выборов и назначений рельефно проступает в дневниках историка. Разумеется, его характеристики коллег весьма субъективны. К тому же требования А.Н. Савина к университетской профессуре как таковой, равно как и к самому себе, были всегда чрезвычайно высоки, так что безусловных авторитетов у него никогда не было. По тексту видно, с каким пиететом историк относился к историкам В.О. Ключевскому, П.Г. Виноградову, физику П.Н. Лебедеву, представителю естественных наук К.А. Тимирязеву. Он восхищался талантами своего друга С.А. Котляревского и коллеги-медиевиста Д.Н. Егорова, сочувствовал Д.М. Петрушевскому, порицал бездействие Р.Ю. Виппера в сложных ситуациях. Непростые отношения у историка складывались с ректором Московского университета М.К. Любавским, со знаменитым историком В.И. Герье. Портретная галерея «университетского дневника» богата и разнопланова[2].

Не менее интересной представляется история самого текста. После смерти А.Н. Савина его записи вместе со всеми материалами остались в доме вдовы, Евгении Фабиановны Гнесиной. Известно, что она предприняла попытку опубликовать стихотворения, которые многие годы писал историк[3]. Однако дневник оставался неизвестен за пределами

---

1 Запись от 27 августа 1915 г.

2 О персональных характеристиках и субъективизме А.Н. Савина писал В.М. Далин. А.Н. Савин: «Nil admirari» (Дневник историка) // Исторические этюды о французской революции: Памяти В.М. Далина. М., 1998. С. 31—69.

3 См.: *Шарова А.В.* Историк и ... поэт (Революционная эпоха в прозе и поэзии Александра Николаевича Савина) // Человек и общество перед судом истории: сб. статей. М., РГГУ, 2013. С. 322—339.

семьи, поскольку его содержание, в частности, критика большевиков, могло быть опасным. После смерти Е.Ф. Гнесиной материалы А.Н. Савина передали в РГБ; впрочем, среди личных документов исследователя не было его записок, поступивших на хранение лишь в 60-е гг. XX в.

Тем не менее, в 1957 г. академик Е.А. Косминский получил ценный, но небезопасный подарок с дарственной надписью от Елены Гнесиной, С.Д. Сказкина и В.М. Лавровского — машинописную копию дневника А.Н. Савина[1]. Остается лишь поражаться тому, насколько смелыми оказались все друзья и ученики А.Н. Савина, взявшиеся хранить и распространять в столь сложные годы сочинение, в котором содержалась не только критика в адрес политики большевиков, но с симпатией упоминались ученые, оказавшиеся в эмиграции или подвергшиеся репрессиям (в частности, С.А. Котляревский).

Впервые фрагменты дневника со значительными купюрами (с 12 января 1914 г. по 4 сентября 1917 г.) были опубликованы В.Ф. Молчановым[2].

Что касается текста дневника, то, несмотря на хорошую сохранность подлинника, он имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, сокращенное (чаще всего просто в виде инициалов) написание фамилий ученых, постоянно требующее расшифровки. Кроме того, А.Н. Савин широко использовал прозвища, которыми наградили некоторых из известных персонажей. Мы не знаем, были ли это широко распространенные прозвища, или же А.Н. Савин использовал их только для дневника.

Основные прозвища следующие:

Кузьмич — М.К. Любавский;

сахарный граф — Л.А. Камаровский;

Иван в кубе — Иван Иванович Иванов;

вольноотпущенник — А.А. Грушка;

греческий человек — Г.И. Челпанов;

сюсюкающий пшют — А.А. Тихомиров, попечитель московского учебного округа;

молдаванин — министр народного просвещения Л.А. Кассо.

Дневник Александра Николаевича Савина хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки[3]. Записки историка представляют собой две тетради, листы которых исписаны с обеих сторон убористым почерком ученого. Текст написан

---

[1] Эта копия хранится в фонде Е.А. Косминского. Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а.

[2] *А.Н.Савин.* Дневниковые записи 1914—1917 гг / Публикац. и примеч. В.Ф. Молчанова // Записки отдела рукописей. Вып. 52. / Отв. ред. вып. В.И. Лосев, А.П. Вихрян. М., Пашков дом, 2004. С. 179—257.

[3] НИОР РГБ. Ф. 267. К. 48. ДД. 1, 2.

разборчиво, авторской правки практически нет, за исключением редких примечаний, внесенных А.Н. Савиным в конце страницы. Первая тетрадь записей охватывает период 1908—1912 гг. (386 стр.), вторая — с 1913 по 4 сентября 1917 г. (259 стр.).

Дневник А.Н. Савина впервые публикуется полностью.

При подготовке дневника к печати был использован его рукописный текст. Орфография записок исправлена на современную, но структура текста и его пунктуация в большинстве случаев сохранены. Соблюдена авторская хронология, использование устаревших слов оговаривается в примечаниях. В тех случаях, когда возможны разночтения, текст восстанавливается в квадратных скобках. В подстрочных примечаниях дается перевод иностранных слов и комментарии, касающиеся особенностей текста.

При этом мы сохранили в тексте авторские подчеркивания, не оговаривая их специально. Слова и фразы, вписанные А.Н. Савиным поверх строки, выделялись в тексте [1-1], зачеркнутые автором [2-2], знаком * с нумерацией обозначались сноски - пояснения, которые историк вписывал в конце страницы с текстом, при этом всегда обозначая место самих примечаний.

Поскольку дневник А.Н. Савина посвящен прежде всего университетской жизни, мы постарались в специально составленном именном указателе отметить, выпускником какого высшего учебного учреждения являлся тот или иной персонаж, упомянутый автором. Таким образом, вырисовывается любопытный портрет университетской корпорации России в начале XX в., границы ее мобильности, специфики взаимодействия с государственной властью, многие представители которой также являлись выпускниками высшей школы, а значит, в той или иной степени, носителями и университетской культуры в самом широком смысле этого слова. Для составления именного указателя были использованы материалы из целого ряда справочно-энциклопедических изданий, а также публикаций мемуаров и дневников современников А.Н. Савина и его коллег по Московскому университету[1].

[1] Профессора Московского университета. 1755—2004. Биографический словарь. / Сост. А. Рябухин, Г. Брянцева. Т. 1—2. М., 2005; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001; Управленческая элита Российской империи (1802—1917). СПб., 2008; *Волков В.А.* Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М., 2006; *Голубцов С.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999; Медицинская профессура Российской Империи. М., 2006.; Государственная дума Российской империи: 1906—1917. М.: РОССПЭН, 2008; *Богословский М.М.* Дневники (1913—1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011; «...Начинание на благо и возрождение России» (создание Университета имени А.Л. Шанявского): Сб. документов. М., 2004.

* * *

В заключение, хотелось бы выразить искреннюю благодарность тем, без кого настоящее издание не могло бы состояться: руководству и экспертам Научного фонда НИУ ВШЭ, поддержавшим данный проект; директору Архива РАН В.Ю. Афиани, заведующему НИОР РГБ В.Ф. Молчанова, руководству ИВИ РАН.

С особым чувством мне хотелось бы поблагодарить д.и.н., проф. И.Н. Данилевского и д.и.н., проф. А.Б. Каменского, которые первыми поверили в возможность данного проекта и всегда поддерживали мои труды в этом направлении; член-корреспондента РАН П.Ю. Уварова и д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН М.В. Винокурову за неизменный интерес к моей работе и творчеству А.Н. Савина, к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН А.К. Гладкова за его труды, благодаря которым настоящее издание стало возможным. Весьма признательна за помощь в обработке справочного аппарата студентам факультета истории НИУ ВШЭ В. Плецельман и Д. Урядовой. Я безмерно благодарна всем близким и друзьям, чья вера в мои силы поддерживала меня в самые трудные дни.

А.Н. Савин

Университетские дела

Дневник 1908—1917

Заметки о моих выборах

Состав университета в марте 1908.

Порядок старшинства членов историко-филологического факультета январь 1909:

Декан: Любавский.

Заслуженные ординарные профессора. Герье, Ключевский, Цветаев, Миллер.

Ординарные профессора. Брандт, Лопатин, Соболевский, Виппер, Покровский, (Любавский), Поржезинский, Петрушевский, Челпанов, Сперанский, Мальмберг, Виноградов.

Экстра-ординарные профессора. Грушка, Щепкин, Савин.

Сегодня, 22 марта 1909 я прочел в «Русских Ведомостях» приказ о производстве Грушки в ординарные[1].

Я выбран на факультете в порядке рекомендации в конце ноября 1907 (должно быть 27-го, во вторник, ибо в 1906—1908 заседания нашего факультета по вторникам) всеми против одного. Я мало любопытен и не расспрашивал о выборах. Но черного положил не то Грушка, не то Соболевский как мальцу, выдвигаемому «противниками» П.Г. Виноградова[*1].

В совете меня баллотировали в начале декабря 1907, 48 против 10. Читали о моих достоинствах записку факультета. Говорил, кажется, только В.М. Хвостов.

---

[1] Вышепреведенный текст написан в первой тетради на Л. 1. Далее — текст начинается в рукописи с Л. 16.

[*1] Я после из разговоров узнал, что черного, по всей вероятности, положил Грушка, что не коллегиально — *вписано А.Н. Савиным в конце страницы.*

Д.М. Петрушевский выбран в начале 1906, 43 против 7. П.Г. Виноградов 19 февраля 1908 г. 44 против 9 (черняки умножились, по-видимому, под прямым воздействием заступничества графа Камаровского, взбудоражившего историю сношений П.Г. Виноградова с советом после его ухода в 1901 и в присутствии троих профессоров всеобщей истории заявившего о том, как важно для университета то, что П.Г. Виноградов будет преподавать историю «из первых рук»!) Когда ректор огласил результат выборов, послышались жидкие аплодисменты. Я хлопал, вернее, присоединился. Это хлопанье совсем не в обычае совета[1].

26 февраля 1908 или немного позже я получил от ректора бумагу с извещением о том, что попечитель 14 февраля 1908 известил его о том, что приказом 4 февраля 1908 я назначен экстраординарным профессором. Итого от приказа до меня, по крайней мере, 22 дня. Но повестку на заседание совета я получил уже на 12 февраля 1908. Это и было мое первое заседание.

Привожу его программу: 1) Предложения графа Камаровского а) о распространении проекта устава выработанного Московским Университетом в 1906 (через рассылку проекта членам Думы и Государственного совета, совершенная благоглупость), б) об издании университетом собственного периодического органа печати. 2) Выборы П.Г. Виноградова в сверхштатные ординарные профессора всеобщей истории. 3) Предложение физико-математического факультета о допущении приват-доцента А.А. Эйхенвальда к соисканию степени доктора физики (он был даже не магистрант). 4) Представление юридического факультета о возведении А.А. Кауфмана в доктора политической экономии (диспут был незадолго перед тем). 4) Пересмотр правил о приеме и переводе студентов. 5) Текущие дела, между прочим, извещение о моем утверждении. Ректор встал, приветствуя меня по прочтении трехсловной бумажки. За ним поднялись все члены совета. Я поклонился. Это обычай совета.

Советская комната в новом здании, во втором этаже, кажется там, где до Виттевской перестройки была большая словесная. Сидят по факультетам, за одним столом. Ректор посредине за той длинной стороной стола, что ближе к окнам, к манежу, к Ломоносову. Направо от него мы, филологи; налево физико-математический факультет. По другую сторону стола налево от ректора юристы, направо медики, [1-]значит против нас они сидят[-1], которых конечно всего больше. По сторонам ректора помощник ректора и проректор, рядом с ними деканы и секретари историко-филологического и физико-математического факультетов; напротив ректора деканы и секретари юридического и ме-

[1] Далее текст в рукописи начинается с Л. 20.

[1-1] *вписано над строкой*

дицинского факультетов. Остальные сидят хотя и по факультетам, но в пределах факультета без мест. На стене противоположной ректору портрет первого после автономии (22 августа1905) выборного ректора князя С.Н. Трубецкого (А.А. Мануилов его непосредственный преемник). Странно, что в самой же зале совета есть возле дверей lavatory, [2-]телефонная будка[-2]. Зала большая, окон 8, белая, акустика по моему плоха, да, сзади ректора, ближе к окну, стул секретаря совета, С.И. Преображенского. А совсем у окон сзади ректора стул профессора богословия Н.А. Елеонского. Бедняжка, он не причислен ни к какому факультету, но имеет право ходить на заседания совета, и даже имеет там решающий голос, [2-]хотя, кажется, не голосует там. Есть ли у него хоть совещательный голос?[-2] Говорят, ходит он на советы часто.

Первое мое впечатление было такое, что на совете, к которому приват-доценты относятся с известного рода ироническим благоговением, ибо это святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали, это впечатление было неблагоприятно. Мало торжественности. Я разочаровался. Правда дела заседания (за исключением выборов П.Г. Виноградова) были не важные. Как бы то ни было, плохо слушают, разговаривают друг с другом, иногда голосуют, совершенно не зная, о чем идет речь. И это несмотря на то, что ректор А.А. Мануилов превосходный председатель и по общим отзывам строго держит совет.

Вот администрация Университета. Ректор А.А. Мануилов (с 10 приблизительно октября 1905 года). Он был первый выборный проректор, и после неожиданной смерти С.Н. Трубецкого был выбран ректором. В 1908 он пользуется огромным авторитетом. За ним огромные заслуги. Он лицо историческое. Он пережил всю революцию и его трехлетие кончается диким разгулом реакции, режимом Шварца. А начал он знаменитыми похоронами С.Н. Трубецкого и речью 18 октября 1905 на Театральной площади с водоразборного бассейна.

Помощник ректора Михаил Александрович Мензбир, зоолог. Я забыл точную дату его выбора. Это третий выборный помощник: 1-ый А.А. Мануилов, второй В.И. Вернадский (ушел, кажется, когда его выбрали в члены Государственного совета).

Проректор: В.С. Гулевич (медицинская химия), должность учреждена в 1906.

Деканы: А.В. Никитский (историко-филологический), А.С. Алексеев (юридический), Д.Н. Зернов (медицинский), К.А. Андреев (физико-математический).

Секретари: М.К. Любавский, В.М. Хвостов, (А.В. Мартынов), Э.Е. Лейст.

[2-2] *зачеркнуто.*

Мое первое факультетское заседание накануне 18 февраля 1908. Это не страшно. Все знакомы. На факультете мы, приват-доценты держим магистерские экзамены. Еще до революции автономии и предметной системы приват-доценты могли иногда попасть на заседание факультета. Например, я был приглашен в 1904 кажется году в качестве приват-доцента присутствовать на магистерском экзамене А.И. Яковлева по всеобщей истории (Р.Ю. Виппер уехал, кажется, в командировку, и В.И. Герье был единственный представитель кафедры. Вот почему меня и пригласили тогда). С революцией и автономией приват-доцентам слегка приотворили дверь в факультетские заседания. Иногда их звали in corpore[**]: раз на доклад о предметной системе, раз ежегодно на обозрение преподавания в будущем году. Затем им стали рассылать повестки на факультетские заседания, но без обозначения программы заседания. Практически приват-доценты почти не ходят на заседания факультета, конечно, за исключением тех приват-доцентов, присутствие которых на данном заседании нужно самому факультету (так часто бывало с М.Н. Розановым, единственным [1]авторитетным у факультета[1] представителем всеобщей литературы).

Состав факультета: Декан А.В. Никитский — ординарный профессор (он, кажется, не может быть заслуженным профессором, потому что как будто вначале служил не в университете); то же с Брандтом. Секретарь: ординарный профессор М.К. Любавский.

Заслуженные ординарные профессора. А.П. Лебедев[*1], В.И. Герье (не ходит, конечно, и не читает в факультете с 1905 или даже 1904 с того времени, как революция прервала занятия), И.В. Цветаев (ходит в факультет последнее время крайне редко, читает в 1908—9 г. 2 часа только), В.Ф. Миллер (в 1907-8 уже не читает, на факультете в 1907—8 был только раз, осенью 1907, когда ему не удалось провести А.Н. Веселовского в профессора русской литературы. Кажется, недовольство факультетом привело к абсолютному абсентеизму), В.О. Ключевский (я удивился тому, что он ходит сравнительно нередко. И в 1907-8, и в 1908-9 он читает 2 часа новой русской истории).

Ординарный профессор А.В. Никитский — декан (с 1902?), С.И. Соболевский (профессор с 1893 или 1894), М.М. Покровский (профессор с 1899), Р.Ф. Брандт (давно), Л.М. Лопатин (с 1892 или 1883), М.К. Любавский (с 1901?), Р.Ю. Виппер (с 1899), В.К. Поржезинский (с 1902 или 1903), Д.М. Петрушевский (переведен из Варшавы 1906), М.Н. Сперанский, Г.И. Челпанов, В.К. Мальмберг (переведены к нам в 1907 и начали читать с осени 1907).

[**] in corpore (лат.) — в полном объеме.

[*1] Он помер летом 1908, схватил рожу в бане — *вписано Савиным в конце страницы.*

Экстраординарный профессор А.А. Грушка (с 1907, утвержден, кажется, летом), В.Н. Щепкин (утвержден поздней осенью 1907, его утверждение очень затянули, может быть из-за брата, Евгения Николаевича), я. Наши докторские диспуты были в 1906—7, их осенью, мой 2 апреля. Мы все трое — выкормыши Московского Университета.

Приват-доценты всеобщие историки 1908 осень, сентябрь. Доцент С.Ф. Фортунатов. Абсентеист и морфинист П.В. Безобразов; не знаю, читает ли он. Священник Н.Г. Попов, совсем его не знаю; говорили, что симпатичный, но какова его ученость? С.А. Котляревский. Д.Н. Егоров, наша надежда и краса, в отпуске с марта 1908.

Уже выдержал магистерский экзамен Н.И. Радциг, серый выкормыш В.И. Герье; скоро должны быть его пробные лекции, уже имеющие свою историю. Держат экзамен Владимир Сергеевич Протопопов и Дмитрий Петрович Кончаловский, москвичи, и варшавский ученик Д.М. Петрушевского, М.А. Кречмар (держал хорошо). Готовится приехать другой варшавский ученик — Дубровский, мне сдается, будет полегче. Кроме того хотят держать экзамен в этом году М.В. Бердоносов, К.Н. Успенский (старше меня по выпуску на 1 год). А несчастный Штейгер спятил, как мне на днях говорил [1-]И.И. Шитц, давно уже отстал[-1].

П.В. Безобразов поступил в канцелярию Государственной думы в сентябре 1908.

В сентябре 1908 оставили при Университете четверых: Вячеслава Петровича Волгина, Георгия Михайловича Пригоровского, Александра Алексеича Фортунатова и Петра Денисовича Ерика. Более раннего оставления лишь Владимир Николаевич Дьяков, по крайней мере я и в сентябре 1908 не припоминаю других, кроме значительно более старых (Михаил Влад[имирович] Бердоносов). Александр Петрович Рудаков, Николай Михайлович Попов, Алексей Алексеевич Захаров, Михаил Николаевич Лукин, Евгений Алексеевич Косминский. [1-]1911 — Сергей Антонович Лясковский, Константин Романович Симон.[-1]

1908 г.[1]

1 сентября 1908.

Я начал дневник 1 сент. 1908 и тогда же написал за один присест страницу 16 (1-ую ½) и страницы 20—23.

6 часов вечера. Сегодня в 8 часов вечера должно быть заседание Совета. Я вернулся в Москву 20 августа (жил 7 недель в Heidelberg* и 3 недели в Silvaplana**). В России разгул черносотенства. Шварц совсем ненужно и бесцельно, проявляет его в своем ведомстве не меньше, чем его показывает у себя Синод. За лето Шварц выгнал вольнослушательниц, не вступился за 4 одесских профессоров, уволенных Толмачевым, предъявил профессорам и приват-доцентам выборжцам требование подписаться о выходе из «противоправительственных партий» (в Московском Университете их, выборжцев[1], 5: сверхштатные ординарные профессора С.А. Муромцев и Г.Ф. Шершеневич, приват-доценты С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев), ограничил право сходок (общая с разрешения министра, частная — с разрешения попечителя), запретил принимать в университет кого бы то ни было, кроме гимназистов. Ходят слухи о том, что скоро всех университетских преподавателей заставят расписаться в том, что они читали сенатское разъяснение о том, чтобы лица, состоящие на государственной службе, не принадлежали к противоправительственным партиям. Вполне возможно, что выхода из противоправительственных партий потребуют от членов комитета и выборщиков. «Противоправительственная партия» — конечно, кадеты. В Университете почти нет более левых людей, и те очень немногие, какие есть, не активные politicians***. Но официальные кадеты среди преподавателей есть. Например, А.А. Кизеветтер, Н.А. Каблуков и сам А.А. Мануилов, кажется, все же состоит в московском городском и чуть ли не в центральном комитете, хотя фактически довольно давно не участвует в

[1] Текст начат на Л. 31.

* Heidelberg (нем.) — город в Германии, знаменит своим университетом, основанным в 1386 г.

** Silvaplana (нем.) — деревня на берегу одноименного озера в Верхнем Энгадине, кантон Граубюнден, Швейцария.

*** politicians (англ.) — политики.

«политике». В СПБ дело, конечно, много хуже: там официальных кадетов не-выборжцев больше. Между тем в начале сентября 1908 надо выбирать ректора (А.А. Мануилов отслуживает свое 3-летие только в октябре 1908, но из СПБ приказали произвести выборы в сентябре). Утвердят ли его, если его переизберут? Захочет ли он вновь поставить кандидатуру? Как отнесется совет к выборжцам? Они дали уклончивый ответ, заявили, что они отнюдь не анархисты и не вносят политики в университет. Выпрут ли их из Университета? Сегодня я слышал от одного студента, что в университете между студентами уже идут толки о сходке на завтра, 2 сентября, между прочим, и по делу преподавателей-выборжцев. Я не верю этому. Пока студентов мало, да вероятно и те, что есть, смирны как овцы. И профессора, мною виденные, очень кротки; и даже свободолюбивые смотрят на Шварца как на неотвратимое стихийное бедствие, вроде труса**, борьба с которым немыслима. Но и ту и другую смирную группу точно гонят на оппозицию. Что это? провокация, или тупость, или озорство самоуверенных победителей черного колера? Если провокация, то, значит, наверху хотят разрушить университет, либо обратить его в лицей черносотенных студентов, обучаемых черносотенными профессорами. Последних только мало: чтобы подобрать одноцветно-черную компанию, нужно из 9 университетов сделать 3 или даже 2. Хотят ли это наверху? Или, может быть, наверху думают благожелательно успокоить всех без больших осложнений и мечтают, что по указанию попечительского начальства капризничающие профессора и студенты исправятся и станут благонравно слушаться начальства? Или, может быть, вовсе не верят в наше исправление и просто издеваются над нами в уверенности, что мы молча проглотим и эту, и все последующие обиды и не посмеем протестовать открыто, а что затаенная злоба нашего ничтожества совершенно безопасна для власть имущих? Скоро все выяснится.

Не все благополучно и на факультете. Прежде всего, к нам поступило очень мало народу, всего 72 человека. В прошлом году (1907) человек 250. Причины: разрешено принимать только гимназистов, в прошлом году был искусственно высокий прилив студентов (скопилось за революционную разруху несколько выпусков из средних учебных заведений), в гимназии мало охотников учиться греческому, знание которого пока обязательно для поступления на филологический факультет (а Шварц разрешает держать экзамен зрелости по греческому языку только при округе — это «черная» новость), а гимназистов с обязательным греческим языком очень мало. Летом умер А.П. Лебедев. Свободной кафедры нет, кажется. Значит, можно пока только поручить кому-либо чтение обязательного курса церковной истории. Кому? Конечно,

** трус — землетрясение (церковно-книжное, устаревшее).

наши приват-доценты из духовной академии очень захотят этого курса*[1]. Но, кажется, их не захотим мы, всеобщие историки. С.А. Котляревсвий указывал мне на канониста Гидулянова; Р.Ю. Виппер его не знает, но подозревает в нем черного, Суворовского подголоска[2]. Основательно ли только это? Совершенно неожиданно для меня Р.Ю. Виппер заговорил о том, что хорошо было бы поручить курс Котляревскому. С.А. Котляревский сейчас в деревне отдыхает после летней тюрьмы, скоро вернется в Москву. Я был бы очень рад, если бы это устроилось. Только не утопично ли это? Впрочем, скоро судьба выборжцев выяснится.

И, наконец, как наладятся отношения между П.Г. Виноградовым с одной стороны, Р.Ю. Виппером и Д.М. Петрушевским с другой? Заседание факультета завтра. П.Г. Виноградов еще не приехал, кажется. Сейчас иду на заседание Совета.

11 ½ часов вечера, 1 сентября. Только что вернулся. Мое первое интересное и важное заседание Борьба единодушного совета с идущим сверку разрушением университета. Оказывается, что уже заседание 31 мая, последнее заседание совета перед каникулами, ознаменовалось борьбою за университет против министра, уничтожающего университет. В заседании 31 мая 1908 (я на нем не был, ибо уехал в Германию) из министерства пришли 3 бумаги: о том, чтобы выгнать вольнослушательниц, о том, чтобы не пускать семинаристов, о том, чтобы совет отвечал за все, что творится на студенческих собраниях. Против этих требований возражали единодушно и сделали постановление о ходатайстве пред министром о допуске семинаристов, о допуске женщин не только в качестве вольнослушательниц, но и в качестве студенток. А насчет студенческих собраний указали, что требование министра противоречит Высочайшему указу об автономии 27 августа 1905.

Заседание 1 сентября, довольно многолюдное, человек должно быть 60, открылось чтением бумаг из министерства. Отказать в утверждении г-жи Данчаковой приват-доцентом. Насчет семинаристов отказ. Насчет вольнослушательниц — отказ с указанием на то, что допущением их в университет совет совершил беззаконие. Встает ректор и сообщает, что он вовсе не хочет полемизировать с министерством, но должен сообщить юридические основания, по которым слушательницы были допущены в университет, и сообщает их. Затем, ответ совета от 31 мая о студенческих собраниях окончательно вывел министерство из себя. В своем rejoinder** министерство заявляет, что совет не освобожден от

*[1] А.И. Покровский (он уронил себя рецензией на черносотенного Арсеньева), С.И. Смирнов (но он специалист по русской, церковной истории). — *вписано в конце страницы.*

** rejoinder (англ.) — возражение (вторичное возражение ответчика — юр.).

обязанности соблюдать законы, что указ 29 августа 1906 не отменил устава 1884 года, что в этом уставе есть статья, предоставляющая министру право издавать правила для студентов, следовательно, и правила о студенческих собраниях, и что эти правила не подлежат обжалованию. Мало того. Министерство присоединяет требование о присылке ему журнала заседания 31 мая 1908, очевидно с целью раскрытия в нем состава государственного преступления. Но и этого мало. Министерство требует списка членов совета, участвовавших в единогласных постановлениях заседания 31 мая. Это уже прямо сыск и грубая угроза. Настроение присутствующих подымается. И еще капля. Сообщение министерства о том, что в Москву командирован т[айный] с[оветник] Спешков учинить сыск по приему, особенно по приему сторонних слушателей и слушательниц за 1905—1908. Ректор сообщает, что т[айный] с[оветник] Спешков приехал и затребовал к себе все дела по приему и все протоколы совета и факультетов за 1905—8.

Наступает пауза. Будет ли доложено дело выборжцев или нет? Встает кн. Е.Н. Трубецкой и хочет что-то сказать. Ректор говорит ему, что даст ему слово сейчас и затем сообщает, что к нему, ректору, пришла бумага из министерства через попечителя для передачи 5 выборжцам, излагает ее содержание, добавляет, что им грозит увольнение по 3 пункту и говорит, что от 4 выборжцев уже поступили ответы, и излагает их содержание. Встает кн. Трубецкой, он сидит почти под портретом брата, и произносит короткую, но сильную речь. «Совет не может остаться равнодушным к судьбе своих товарищей. Если выборжцев уволят, то юридический факультет будет разгромлен. Сверх того, в университет будет внесена политика. Совету нет дела до того, к какой партии принадлежат университетские преподаватели. В революцию приходилось спасать университет от левых. Теперь приходится спасать университет от министра, который хочет обратить университет в арену политической борьбы». Речь выслушана с очевидным сочувствием. Встает гр. Камаровский и торжественно заявляет о необходимости спасать свободу преподавания и русскую науку. А.С. Алексеев высказывается приблизительно в том же смысле. Кн.Трубецкой читает текст заявления, которое он предлагает принять университетскому совету по поводу выборжцев. Ректор осторожно спрашивает, желает ли совет сделать какое-нибудь постановление по поводу выборжцев. Голосование. Все за постановление, кроме попа Елеонского, который демонстративно явился в совет демонстративно засвидетельствовать свое не то подневольное, не то добровольное черносотенство. Ректор предлагает выработать проект ответа советской комиссии. Ему отвечают, что время не терпит, что необходимо послать заявление скорее. Решают сделать перерыв и в перерыве устроить заседание советской комиссии (из присутствовав-

ших в советском заседании членов), которая выработает окончательный текст ответа. Я иду к своему декану и указываю на необходимость включить в заявление указание, что и историко-филологический факультет пострадает от ухода выборжцев. Он сначала упирается, но потом поддается и просит члена советской комиссии Любавского сделать соответствующее дополнение в заявлении. Перед перерывом ректор предлагает послать телеграмму Л.Н. Толстому, поздравление с 80-летием, и читает текст. Его принимают все, кроме попа Елеонского.

После перерыва читается текст заявления о выборжцах. Оно близко к речи кн. Е.Н. Трубецкого. Только есть указание на то, что [2-]внесение политики в университет грозит мирному[-2] лишь последовательное проведение академической точки зрения может обеспечить правильный ход академической жизни и дополнение об историко-филологическом факультете. Я сказал несколько слов, [1-]my maiden speech[-1] [**] в разъяснение того, что Котляревский и Муромцев важны для нашего факультета и осрамился, не знал, что Муромцев и в этом году читает курс гражданского права для историков. Но я не вполне виноват, ибо Муромцева нет ни в расписании, ни в обозрении. Текст заявления ставится на голосование. В последней фразе: лишь последовательное проведение академической точки зрения обеспечит [2-]образ действий министерства нарушит[-2] мирный ход академической жизни, некоторые (Млодзеевский, Филиппов) усматривают угрозу. Но все остальное принято почти единогласно, восьми против двух (Елеонский и еще кто-то). Последняя фраза принята всеми против семи. Если наверху в министерстве так разгневались за 31 мая, то что же сделают за 1 сентября?

Затем мир. Ректор сообщает о необходимости по предписанию Министра до 10 сентября назначить заседание для выбора ректора. Назначили вторник вечером. Гр. Л.А. Камаровский подымает вопрос о том, законно ли требование министерства о немедленном производстве выборов по истечении 3-летия, когда в уставе 1884 указан 4-летний срок, и о том, почему в предписании министра не указано на выборы помощника ректора и проректора. Ректор заявляет, что теперь неудобно подымать этот вопрос в виду того, что в некоторых других университетах выборы уже произведены. Гр. Л.А. Камаровский снова встает и напоминает совету о громадных заслугах ректора за 1905—8 и выражает желание, чтобы он уступил единодушному, [1-]единогласному[-1] [*1] желанию совета и вновь поставил свою кандидатуру. Все подымаются и долго

[**] my maiden speech (англ.) — моя первая речь.

[*1] Снова единогласие! Тактичны ли эти заявления. Среди сотни членов совета даже по отношению к столь авторитетному человеку, как А.А. Мануилов, могут найтись несколько разногласящих. — *вписано в конце страницы.*

рукоплещут ректору. Тот благодарит, но не дает определенного ответа, согласится ли он. Встает проректор и заявляет, что ввиду большого умножения своих преподавательских обязанностей, он не может дольше быть проректором. Ректор указывает на его выдающиеся заслуги, на твердость, тактичность, неуклонную преданность долгу. Его благодарит совет. Ректор горячо просит хотя немного повременить с отставкою, и проректор соглашается.

Пикантный инцидент. Ректор указывает, что Д.Я. Сам[оквасов] оказал большую услугу университету своевременным и успешным представительством за выборжцев перед высшей московской администрацией (чашка чаю). Все встают, чтобы поблагодарить Сам[оквасова]; последний — член с[оюза] р[усского] н[арода][3]. Только Елеонский внес, впрочем, чуть слышный диссонанс в академическое единодушие.

2 сентября, заседание факультета. Представления об оставленных. Р.Ю. Виппер оставляет Пригоровского и Волгина, Д.М. Петрушевский Ерика и Фортунатова (племянник С.Ф.[Фортунатова]). По русской истории оставлен Уланов. Оставлена редкая птица, классик, но и тот оказался греческим подданным — Даратани[*2].

Пришел В.О.Ключевский, как будто чуть глуховат, Во 2-й раз, [1-]нет 3й[-1], раз в жизни я имел с ним длинную беседу, и он был со мною очень любезен. Говорили о двух предметах: о моей кандидатуре в Московской духовной академии и об «секуляризации» кафедры церковной истории в Московском университете (по поводу смерти А.П. Лебедева). Последний предмет и был главным предметом обсуждения. Положение кафедры очень странное: она связана с двумя ведомствами (Синод и Министерство народного просвещения), по крайней мере, иногда бывала связана в прошлом. Неясно самое право факультета давать ученые степени по кафедре церковной истории. Неясен научный ценз, который требуется от кандидатов на кафедру. До сих пор, кажется, у нас бывали все доктора богословия. Революция и автономия еще более запутала дело. На этот раз единодушие у историков. Все бы хотели, чтобы инициатива в замещении кафедры перешла к факультету, и чтобы кафедра досталась С.А. Котляревскому. Но тут два затруднения: С.А. Котляревский выборжец, С.А. Котляревский переобременен занятиями и тяготеет к юридическому факультету. С ним даже еще не говорили по этому поводу, и сейчас его нет в Москве (вернется 7—8 сентября). Дело

[*2] Пикантно, что представление М.Н. Розанова об оставлении Фишера отложено факультетом впредь до представления дополнительных данных (на многих членов факультета Фишер произвел неблагоприятное впечатление). — *вписано в конце страницы.*

пришлось вести осторожно. Экстраординатура свободна. Но сразу замещать кафедры нельзя. Надо выяснить юридическую обстановку. Но в принципе решили позаботиться о том, чтобы кафедру замещал сам факультет. Никто не возражал. Осторожно стали говорить о С.А. Котляревском и, как это ни странно, я, [1-]младший член факультета[-1], первый, потом Д.М. Петрушевский. Л.М. Лопатин горячо поддержал наши заявления. Р.Ф. Б[рандт] (и С.И. С[соболевский]) стали говорить о неожиданности, о том, не должен ли церковный историк быть доктором богословия, хотя и воздавали должное С.А. Котляревскому. В.О. Ключевский указал, что А.М. Иванцов — П[латонов] мечтал, чтобы его преемником был воспитанник Московского университета и даже начал готовить себе преемника (кажется, М.С. Корелина),что другая полусинодская кафедра уже секуляризована в Москве (Суворов, в Ярославле Гидулянов, докторский диспут 1907 года). Возражения смолкли. Временное преподавание решили предложить С.А. Котляревскому и подождать переговоров с ним.

4 сентября. Сегодня справлялся по телефону и узнал, что приехал П.Г. Виноградов. Он со своей семьей (без Mary) и живет в Княжьем дворе.

9 сентября, 11 часов вечера. Сначала о том, что в промежутке. Был 5 у П.Г. Виноградова. Важен, но любезен. Внимательно читает корректуру моего перевода. 8 был у меня С.А. Котляревский. Говорили о кафедре церковной истории. Он подумает, но, вероятно, откажется. Он пишет уже докторскую диссертацию по государственному праву, и должен будет иметь основание получить кафедру у юристов, конечно, если общее политическое положение не будет слишком черно. Между прочим, он показал мне благодарственные письма Шварца, где тот (кажется, в 1905) благодарит его за присылку книги и восхваляет принцип свободы.

9 вечером совет. На нем впервые П.Г. Виноградов. 69 человек, 76 голосов. Только выборы ректора. Подают записки. Мануилов, кажется, 57, Любавский 3. Лахтин, Никитский, Муромцев, Андреев, кто по 2, кто по 1. Любавский, Никитский, Андреев, Муромцев отказываются. Лахтина нет и он не прислал письменного отказа от баллотировки. Мануилов заявляет о согласии баллотироваться, но прежде баллотировки просит позволения прочесть записку. Читает. Вопрос об отношении между уставом 1884 года и указом 27 августа 1905. По его мнению, указом отменен устав в тех частях, которые противоречат указу; министр и попечитель, пока не отменен устав, надзирает за закономерностью, но не целесообразностью действий. Мануилову аплодируют. Передает председательство Мензбиру [1-]и уходит[-1]. Ставят два ящика: налево

Мануилов, направо Лахтин. Раздается голос, что Лахтин по телефону отказывается от баллотировки. Председатель заявляет, что могут быть приняты лишь письменные отказы. (Кстати, к баллотировочному ящику подходят сначала заслуженные, потом ординарные, потом экстраординарные. В каждом разряде по старшинству. Оттого П.Г. Виноградов оказался последним в ординарных. Я все еще самый младший). Результаты баллотировки. Мензбир считает избирательные шары Мануилова. Их 65. Не знаю почему, раздаются рукоплескания. Ведь неизбирательные голоса не сочтены. Их 11. Лахтин: избирательных 16, неизбирательных 59, всего в ящике Лахтина 75 шаров. Где же 76-ой шар? Замешательство. Мензбир дает нелепое объяснение: кто-нибудь положил два шара в один ящик. Но тогда было бы 77 и 75. Очевидно, кто-то взял только один шар. Я шучу соседям: либеральные профессора съели Лахтинский шар. Петрушевский прибавляет: и не подавились.

Трубецкой заявляет, что недохватка одного шара у Лахтина не может изменить результата выборов. Мензбир заявляет: Мануилов выбран ректором. Мануилов входит. Рукоплескания. Он благодарит и подчеркивает, что голосование относится не только к нему, но и к его программе — записке. Встает Камаровский, приветствует Мануилова и тоже [1-]читает проект резолюции, которая[-1] подчеркивает готовность совета поддерживать автономию против нападений, откуда бы они ни исходили. Рукоплескания. Хвостов напоминает, что надо баллотировать резолюцию. Мензбир спрашивает, кто против резолюции. Никто не встает. Принята единогласно. Мануилов принимает председательство от Мензбира и закрывает заседание. Его поздравляют отдельные профессора. Он целуется с Камаровским. Публика расходится.

12 сентября. Видел третьего дня В.М. Хвостова. Говорили об университетских делах. Он не считает возможным, чтобы совет отнесся равнодушно к удалению выборжцев, если таковое воспоследует. Конечно, трудно думать, чтобы очень многие профессора демонстративно подали в отставку: жертва слишком велика. Но он не считает невозможным, что ¾ если не ⅘ совета выскажутся за представление министру нового заявления о пагубности ухода выборжцев и за приостановку занятий до ответа на это заявление. Я сомневаюсь. — Нужно ожидать, что ректор, проректор и помощник ректора уйдут в отставку, если придет увольнение выборжцев, и что не пожелает баллотироваться никто из имеющих шансы пройти, так что Министерству придется назначать. А кого? Сторонник автономии вряд ли примет назначение, ибо похоронит себя в глазах большинства, а Молчалин[4] в стиле Лахтина будет иметь против себя большинство Совета. — В настоящее время, несомненно, в борьбе за автономию юридический фактор ведет за собою

остальные. Вчера в «Голосе Москвы»[5] (11 сентября) была резкая статья против Шварца и за автономию. Возможность ее появления в «Голосе Москвы» характерна: реакция снова сплачивает против себя широкую национальную оппозицию. — Вчера говорил по телефону с С.А. Котляревским. У него всплыл проект посадить на церковную историю С.Н. Булгакова. Не только я, но и Л.М. Лопатин указал ему на полную утопичность проекта. С Гидуляновым дело не ладится. И С.А. Котляревский начинает слегка колебаться . Но ему очень трудно уйти от политики. Я не знаю хорошо, насколько велики у него шансы получить кафедру государственного права здесь; думаю, что большие. И конечно, эта перспектива куда пленительнее нашей. Мне бы очень хотелось, чтобы он остался у нас. Но думается, надежды мало на его согласие. Сегодня вступительная лекция П.Г. Виноградова в 2 часа. Надеюсь, что богословская будет полна. На семинарии у него народу немного: 4 посторонних и 8 студентов.

6 часов вечера. Был на лекции. Огромная богословская аудитория переполнена. Юридический факультет не то отменил, не то отсрочил свое заседание, и юристов явилось очень много. Филологов конечно тоже очень много, так что и платформа была переполнена почти так же, как аудитория. Встретили очень тепло, длинной овацией. П.Г. Виноградов сказал несколько прочувственных слов в благодарность. Вступительная лекция (о праве и истории, о правоведении и философии, о рецепциях, о праве и обществе, о диалектическом развитии права, о главных моментах в истории правоведения) была мало оригинальная |¯по мысли¯|, на мой вкус и не изящна |¯по внешности¯|. Слишком ясны дробления и деления. |¯Кое-где lapsus linguae[**]¯|. Остов изложения ничем почти не прикрыт. Но сведущему человеку, конечно, за каждым утверждением чувствовалась сила, сила редкой эрудиции и большой конструкторской способности (так сказать в деловых вопросах, вопросах среднего калибра). Сказана с большой выразительностью, голос совсем свежий. Может быть, слишком много подчеркиваний. Закончил политическим намеком: уважать историческую традицию — не значит цепляться за гнилые стропила. Публике, кажется, понравилось. Хлопали много. Но философия вовсе не сильное место П.Г. Виноградова. Вторая лекция об общих условиях развития греческого правоведения была, разумеется, в виду своей большой конкретности, гораздо интереснее для преподавателей, хотя для студентов она, вероятно, была трудна. Как бы то ни было, был несомненно большой успех, и П.Г. Виноградов остался вполне удовлетворен приемом.

[**] lapsus linguae (лат.) — оговорка.

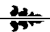
13 сентября. Сегодня гром среди ясного неба. Раскрываю свои «Русские Ведомости»[6] и читаю перепечатку статьи из «России»[7]. Вот, мол, левые издания похвалились, что профессора-выборжцы подписки не дали, а к лекциям приступили. Все это газетчики врали. На деле выборжцы смирились и к указанному начальством сроку дали подписку, которую начальство признало вполне удовлетворительною. Что сей сон значит? По-видимому, наверху увидали, что Шварц зашел слишком далеко, и попридержали его за рукав. Но и тут не сумели faire bonne mine**. Если действительно выборгское дело ликвидировано благополучно, это конечно огромный плюс для университета.

15 сентября понедельник. Вчера крестил у Д.Н. Егорова. Там слышал, что в СПБ студенты устроили общую сходку, где провозгласили забастовку и устроили какой-то коалиционный совет. Мне думается, если только это не утка, это печально и вредно. По-видимому, наверху увидали необходимость пойти на уступки; а теперь снова заговорят, что всякая уступчивость рождает смуту. Но может быть у нас ничего не будет? — Вечером вчера небольшая компания историков. Почти единогласно находят вступительную лекцию П.Г. Виноградова малоудачною.

16 сентября. Сегодня заходил прощаться с Д.Н. Егоровым, завтра едет в Германию. Сегодня и факультет, и совет. 6 часов вечера заседание факультета, деловое. Впервые присутствует П.Г. Виноградов и проявляет живой интерес к факультетским делам, говорит несколько раз. Декан высказывает ему большое почтение. Любопытно предложение министерства облегчить доступ на наш факультет, пускать туда и не знающих греческого языка.

18 сентября. Был очень занят и только теперь пишу коротко о советском заседании 16 сентября. Ректор сделал сообщение о событиях в СПБ университете. Там 13 сентября сходка вынесла 2398 голосами против 77 при 82 воздержавшихся резолюцию с осуждением политики Шварца, приглашением к всероссийской студенческой забастовке для спасения культуры, свободы преподавания, свободы студенческих организаций, для раскрытия университета женщинам и евреям. 14-го было заседание СПБ совета, пригласившее студентов не прерывать занятия. 15 сентября 2-ая сходка, которая отложила забастовку на неделю, правда незначительным большинством, кажется, 1103 против 972. Кроме того, возродился «коалиционный студенческий совет».

** faire bonne mine (франц) — делать хороший вид [при плохой игре].

Что случилось в Москве? 15 возродился центральный университетский орган. Он выпустил заявление о том, что подготовляет сходку. Студенты ждут сходки в пятницу или в субботу. Между студентами заметно возбуждение, но никакого нарушения порядка не было. В понедельник 15-го было заседание советской комиссии, которое признало нужным обратиться к студентам и выработало проект обращения. Обращение, по мнению комиссии, желательно потому, что студентов агитаторы заверяют, будто профессора ждут от студентов поддержки и что лучшей формой поддержки будет забастовка. За обращение высказываются все против одного, проректора. Обратиться ли немедленно или ждать? За отсрочку пошлый Кож[евников], слишком часто говорящий в совете: еще ничего не произошло. Умный и привлекательный Вернадский советует подождать с обращением: лучше оставить это оружие до подлинного волнения. Хвостов настаивает на необходимости немедленного обращения, которое одно выведет студентов из заблуждения, разъяснит им настроение профессоров. Немедленность принята всеми против 4. Проректор встает и разъясняет, что он не против всякого обращения, а лишь против немедленности.

Ректор читает проект обращения (смотри «Русские Ведомости» 17 сентября). Чаплыгин находит неудобным «грозит автономии», точно совет накаркивает беду, подсказывает начальству репрессию. Трубецкой отстаивает слово «грозит», потому что оно точно выражает суть дела, смягчать выражение не к чему. Умеренные (Ник[итский], Хвостов) находят, что неудобно говорить только об опасности для автономии, точно наука и университет не дороги совету. Совет соглашается вставить «университет вообще». Любопытен Брандт, он ерзает на стуле, подымается, хочет что-то сказать, ректор его не видит и он опускается. Так несколько раз. Наконец Любавский сжалился и обратил внимание ректора. Брандт предлагает нелепую поправку в текст обращения, превращающую текст в полицейский окрик. Ее пропустили мимо ушей. Бесплодные разговоры о стиле обращения. Текст принят.

Целый час нелепо длинных разговоров о переизбрании библиотечной комиссии. Выборы советской комиссии и дисциплинарного суда. В очень важную советскую комиссию попали прежние, по 3 от факультета: Ключевский, Виппер, Любавский. — Хвостов, Трубецкой, Каблуков — Рот, Спижарный, Фохт — Млодзеевский, Вернадский, Зелинский. Суд: гр.Камаровский, Покровский, Минаков, Филиппов, и, кажется, Лейст.

Доклад советской комиссии об Уставе 1884 и указе 27 августа 1905 прочитан и принят единогласно.

Конфликт с министром об общежитиях. Министр разрешает открыть студенческие общежития и попечительский совет [1-]общежития с попечителем во главе[-1] самовольно и, кажется, незаконно было открыл

их. Между тем совет не раз осуждал общежития в их теперешнем виде. Камаровский выступает защитником достоинства совета и убеждает не тратить времени на вопрос, уже обсужденный советом. Решено обсуждений не открывать.

Всплывает скандал медицинского факультета — просьба факультета об освобождении Павлинова от чтения лекций. Он уже который год ничего не читает, но желает оставаться директором клиники и не уходит в отставку, потому что не дослужил несколько лет до пенсии. Ректор замечает, что Павлинов должен просить об отпуске, которого он еще не просил.

17 и 18-го все в университете спокойно, и я читал лекции.

21 сентября, воскресенье. 19-го сентября в университете была общая сходка, которая [1-]приблизительно 2100 голосами против 500[-1] приняла резолюцию, сходную с СПБ. Завтра, 22-го, назначен совет.

22 сентября, 11 часов. В совете прежде всего выбирали трех выборщиков в избирательный съезд для избрания члена Государственного совета от академической курии на место отказавшегося кн. Е.Н. Трубецкого. Принимало участие в выборах 48 человек. Выбраны: гр. Камаровский — 44 голоса, П.Г. Виноградов 40, Алексеев 34. Ректор сообщил о событиях в высших учебных заведениях. В СПБ в субботу неразрешенная сходка. Громадным большинством решили осуществить забастовку. Занятиям мешали. «Уважаемых» профессоров снимали. А что делали с неуважаемыми, того ректор по телефону не дослышал. Нарушение порядка было настолько сильное, что совет закрыл университет. В Москве были сходки и решено бастовать в Межевом[8], Сельскохозяйственном[9], Техническом[10]. В Инженерном[11] на сходке большинство против забастовки. В Московском университете пока волнение лишь в юридическом корпусе (я сегодня вел практические занятия, и все было спокойно), но порядок не нарушался. Если и будет забастовка, то короткая. Советская комиссия думает, что в настоящее время нет никаких оснований закрывать университет. Никто не возражает.

Я уже не младший профессор. Сегодня доложен Высочайший приказ о назначении Настюкова на кафедру химической технологии. Он был. Ему поклонились, и он кланялся.

В заключение комический, но и печальный эпизод. Министерство утвердило планы преподавания на 1908—9 на историко-филологическом, юридическом, медицинском факультетах. Но обозрение физико-математического факультета министерству не понравилось, и оно прислало ряд критических замечаний. И пособий-то указано слишком много, и издания не везде новые, и отчего не приведены русские пере-

воды, когда студенты редко читают не по-русски. Это — наглое вмешательство в чисто учебные дела, наглое до смешного, так что при чтении этого удивительного документа больше смеялись, чем возмущались. По предложению ректора бумага передана в физико-математический факультет, а потом будет рассмотрена в совете. Подписана сия бумажка товарищем министра Ульяновым, языковедом. Думаю, что он получит хорошую и заслуженную трепку.

В Московский Университет принято в 1907 в конце концов немного больше 2000, а было старых больше 7000. С вольнослушателями (всего 86 человек, на медицинском и физико-математическом факультетах их вовсе нет) и фармацевтами их больше 7 ½ тысяч. О вольнослушательницах странным образом все не приходит бумага из министерства, хотя нелепое решение (беззаконники — профессора пусть дочитывают им курс отдельно от студентов, но в здании университетов) состоялось очень давно. Очевидно, хотят затянуть дело, чтобы семестр прошел, и оттянуть вопрос до будущего учебного года.

Страшно, сказочно аккуратного декана А.В. Никитского нет в совете. Что это значит? Говорят, что он уехал в СПБ. Он мнительный и должен сильно бояться тамошней холеры. Только очень сильная причина могла его увезти. Поржезинский и Покровский предполагают, что Шварц «призвал» его и что из поездки он вернется попечителем какого-нибудь округа. Скоро увидим.

23 сентября. Вторник. Сегодня в газете два грома: провозглашение независимости 22 сентября Болгарии и грозный выговор Шварца совету СПБ университета, будто бы слишком торопливо закрывшему университет. На деле в совете за закрытие было 48 против 2. Шварц велит всем преподавателям неуклонно продолжать занятия. А студенты-союзники бесчинствуют: адрес академику Соболевскому за его «разоблачения» в «СПБ Ведомостях», разоблачения, за которые совет СПБ университета решил возбудить против него обвинение в клевете (на совет).

Заседание факультета только о приеме на наш факультет без греческого. У нас комплект 150, принято новых 82, переведено с других факультетов 34, вольнослушателей 23, итого 139. До комплекта 11. Просятся перевестись новички с других факультетов человек 40, не имеющих гимназической отметки по-гречески. Как быть с ними? В сентябре 1907 факультет энергично постановил не принимать без греческого. Но тогда желающих поступить было больше комплекта, конечно, потому что принимали семинаристов. Теперь недобор. А в других университетах недобор огромный. В Одессе оказался будто бы со знанием греческого всего 1 желающий поступить на историко-филологический факультет. В СПБ около 40. В других университетах уже отказались от

требования греческой отметки при приеме. В Казани еще раньше была устроена греческая лектура. Министерство прислало предложение устроить греческую лектуру по всем университетам. Говорили много все 9 бывших на заседании. В конце концов решили принять (и принимать) без греческих отметок, лектуры пока не устраивать (большинство против принижения университетского преподавания до элементарного уровня: если бы даже в будущем и учреждать лектуру, то скорее пригласить опытного гимназического преподавателя), но новопринятых не пускать ни в какие практические занятия и обязать их на стороне научиться по-гречески и получить гимназическую отметку. Время же, которое они проведут от поступления в университет до получения греческой отметки, считать им не более как за 2 семестра.

Декан вернулся. Произошла ли перемена в его служебном положении, пока неясно. Держит себя просто.

25 сентября, четверг. Вчера с 12 часов у нас забастовка. Я не читал лекций с 12 до 2. У нас забастовка всецело отголосок СПБ. Даже настоящей студенческой организации нет. Но характерно, что даже очень умеренные студенты, например, октябристы, примкнули к забастовке. Не ходят на лекции. «Обструкции» нет. В СПБ острый конфликт: совет закрыл университет, Шварц велел раскрыть; совет по статье 192 Устава о службе гражданской сделал министру представление о крайнем неудобстве исполнения его распоряжения. По слухам из СПБ, Шварц начинает входить в доверие у государя, и Столыпин должен будет стоять за него. Положение запутывается. Я сегодня должен читать лекцию, и, конечно, она не состоится.

26 сентября, пятница. Министерство не уважило представления СПБ совета, и СПБ совет был вынужден вчера объявить университет открытым с субботы 27 сентября для занятий. Конечно, отсюда еще вовсе не следует, что занятия возобновятся. В московских газетах сегодня сообщение СПБ Телеграфного Агентства, имеющее вид правительственного сообщения, суждения совета министров об высших учебных заведениях. Правительство не может допустить, чтобы впредь до истолкования Сенатом отношения между указом 27 августа 1905 и уставом 1884 года советы могли не подчиняться правительственному истолкованию этого отношения. Жалобы на переполнение высших учебных заведений лицами неподготовленными, на появление общестуденческих организаций, на отдельные резкие проявления непорядков. Правительство допускает, что отдельные учебные группы могут обращаться через выборных к профессорам по академическим вопросам. Правительство соглашается выслушать мнение советов о том, как «лицам женского пола» всего удобнее «дослушать начатые ими университетские курсы». В виду забастовки правительство обязано дать

возможность учиться желающим учиться, оградить студентов и профессоров от насилия забастовщиков. Правительство предлагает профессорам продолжать лекции, советам принимать меры против насильников, а при бессилии обращаться к содействию гражданских властей. — Но ведь это все пустословие: в пустой аудитории читать нельзя.

Вчера был у Р.Ю. Виппера. Его отпуск кончается 1 октября. Хотя чувствует он себя неважно, однако хочет на будущей неделе приступить к лекциям и занятиям.

В газете «Речь»[12] от 25 сентября говорится, что «правительственное сообщение» напечатано в № 210 «Правительственного Вестника»[13]. На завтра, 27 сентября в 3 часа назначено заседание совета.

27 сентября, суббота. Был совет в 3 часа. Не понимаю, зачем его собирали. Выбрали в председатели дисциплинарного суда Камаровского. Затем ректор сообщил о положении дел. Но, собственно, ничего почти не произошло. Студенты не ходят на лекции, или вернее ходят в малом числе. В канцеляриях их много, и в клиниках они в некотором числе ходят на практические занятия и кураторствуют. Сегодня читали некоторые на нашем факультете, но у Щепкина был всего 1 слушатель. Читал и сам ректор (союзники[14] уже зовут его корнем крамолы и требуют смещения), в 1-ый час (9—10) у него было человек 15, 2-й человек 40 (обычно в начале года человек 600—700). По выходе некоторые свистели, некоторые хлопали. — Советская комиссия предлагает в случае продления забастовки указать на неизбежность незачета полугодия. — О вольнослушательницах все еще нет бумаги. Встает П.Г. Виноградов и предлагает (ректор предложил дать советской комиссии поручение разработать вопрос о слушательницах к понедельнику в надежде, что к понедельнику придет, наконец, бумага о слушательницах) во всяком случае разобрать в понедельник дело о слушательницах, придет ли бумага или нет. Он делает резкое замечание о том, что министерство, придирающееся ко всяким пустякам в деятельности профессиональной коллегии, с точки зрения законности, само прямо таки манкирует своими обязанностями и не извещает советы о давно состоявшихся правительственных постановлениях, затрагивающих интересы многих лиц. Предложение принято без прений. Значит, в понедельник опять совет.

29 сентября, понедельник. Сегодня студенты перешли к наступательным действиям. До 12 часов все, кажется, сошло сравнительно благополучно. Чаплыгин говорил мне, что он вел практические занятия. Но с 12 часов бесчинство. Лахтин читал, запершись на ключ. Любавский вошел в аудиторию. К нему обратились с просьбой не читать. Он попросил не желающих его слушать уйти. Двери никто не затворял; он

сам затворил и стал читать. Просившие не читать остались в аудитории. Стал читать. Скоро дверь снаружи отворили, и в аудиторию доносится столько гула, что читать нельзя. Любавский жалуется на бесчинства. Какой-то студент встает и говорит: «А! Вы хотите читать при закрытых дверях. А ведь при закрытых дверях делаются только гнусные вещи». Любавский протестует и уходит. Его провожают аплодисментами, по его мнению, оскорбительными. Он тут же пишет заявление ректору о том, что до восстановления порядка читать не может.

Любопытно, что в «Голосе Москвы» (где он ведет университетский отдел) уже несколько дней пишется, что надо читать, если есть хоть один желающий, и грубо выбранен Платонов, [1-]петербургский правый октябрист[-1], за заявление о том, что он не будет читать лекций в забастовочной обстановке. — Собралась советская комиссия. И вечером, вернувшись от молодоженов Готье, я застаю извещение о том, что по предложению комиссии ректор созывает экстренное заседание совета на 30 сентября 8 часов и приостанавливает занятия в университете впредь до решения совета.

Я сегодня был в университете в 2 часа. У меня желающих быть на практических занятиях не оказалось, и я ушел.

30 сентября, 6 часов. Сегодня ходил на ВЖК в 12 часов. Там пусто. В.К. Мальберг говорит, что не будет читать. Ко мне приходят человек 10 слушательниц и просят читать. Я говорю, что за тем и пришел. Устраиваюсь, в аудитории слушательниц человек 20. Дверь открыта. В нее входят обструкционистки, человек 20 и вступают в беседу — пререкания и требуют — просят, чтобы я не читал, и ссылаются на постановления сходки. Я заявляю, что требование сходки меня не связывает, что мой долг читать и что если я не буду читать, то только из-за обструкции, т.е. уступая силе. Отказываюсь говорить с ними в аудитории. В коридоре беседа о забастовке. Я стараюсь указать им вред забастовки, они пробуют защищать свою позицию. Желающие слушать вставляют свои замечания. Расходимся мирно. Обструкционистки справляются, будет ли читать еще кто. Оказывается, что нет. Все расходятся.

1 час ночи. Только что вернулся. Важное и грустное заседание. Напишу о нем завтра утром.

1 октября, среда, 11 часов утра. Вначале ректор делает сообщение о разрешении министра попечительскому совету студенческого общежития открыть общежитие за ответственностью попечительского совета и указывает на ряд недоумений, вызываемых этим разрешением. Для общежитий существует высочайше утвержденное положение 1897 года, уже 1-ый § которого говорит, что общежития находятся под надзором университета. Есть и другие §§, устанавливающие связь общежитий с

университетом, в том числе связь финансовую. Министерское разрешение стоит в непримиримом противоречии с высочайшим положением. Решено передать этот вопрос на обсуждение правления.

Но не в этом сейчас дело, а в заявлении ректора об общем положении в университете.

Сначала фактические сообщения. С субботы попытки обструкций. В понедельник они стали резки. Случай с Любавским (я уже отметил его). Лахтин мог читать только запершись в аудитории. У самого ректора была лекция с 9 до 11. Во время лекции вошел какой-то субъект в шапке и отказался снять шапку по требованию ректора. Хотя в аудитории было немного народа, этого субъекта удалили. Но после лекции ректора провожали в коридоре свистками. Советская комиссия обсуждала положение в понедельник вечером (решила приостановить занятия), сидела 5 часов, и во вторник. Советская комиссия выработала текст обращения к студентам, который и оглашается ректором. В обращении указано, что забастовка разрушает университет, выражено крайнее негодование на обструкции с грубыми и оскорбительными поступками против профессоров и их слушателей. Создалось исключительно опасное положение, необходимо немедленное возвращение к правильным занятиям. Без подчинения студентов авторитету профессорской коллегии автономия невозможна

Уже этот проект обращения звучит зловеще. Еще серьезнее личное заявление самого ректора. Оно напечатано сегодня в «Русских Ведомостях». Он напомнил совету о своей речи перед выборами, об обещании охранять указ 27 августа 1905, откуда бы ни исходили попытки нарушить его. Теперь его нарушают студенты. По указу университетом управляет совет и его органы. На них [1-]по закону и совести[-1] лежит обязанность восстановить нарушенный порядок, либо сложить с себя ответственность, т.е. отказаться от автономии. События понедельника поставили вопрос о том, быть или не быть автономии. В настоящее время совет и его органы не имеют авторитета в университете: студентов пригласили прекратить забастовку, они не только не послушались, но перешли к грубой обструкции. «Такой образ действий студентов я считаю преступным, это образ действий врагов автономий и разрушителей русской культуры». При данных условиях он не может оставаться ректором. В правительственном сообщении от 25 сентября в таких случаях предписано обращаться для восстановления порядка к гражданским властям, т.е. к принудительным мерам. Но ректор считает такое обращение вредным и прибегнуть к нему не может. Ему не остается ничего, как только сложить с себя полномочия.

Совет был огорошен. Я, признаться, не узнал уравновешенного Александра Аполлоновича. В самом деле, что говорит он? В университете

должен быть порядок. Его должен восстановить совет. Он не мог восстановить его. Он не может обратиться и к помощи или военным властям. Положение ужасно. Из него один выход: отказ от автономии. Смерть автономии! — Но что случилось? Грубая обструкция, оскорбительные выходки. Да разве в этом есть что-нибудь новое? Разве «автономный» университет не бывал местом гораздо более грубой обструкции, разве в нем не прерывались занятия на гораздо более продолжительное время? Разве он не превращался в политическое и революционное торжище, в которое шла многотысячная толпа, в котором раздавались крики о ничтожестве университета и научной работы по сравнению с величавой бурею революции, в котором гремели призывы к вооруженному восстанию и делались сборы на «оружие»? Разве тот момент, разве те моменты, не были несравненно серьезнее теперешнего? А ведь тогда профессора не отказывались от автономии, и тот же самый Александр Аполлонович был героическим ректором, своим мужеством, своим величавым самообладанием (напомню хотя бы день и особенно вечер похорон кн. С.Н. Трубецкого) неизгладимо вписавший свое имя на страницы русской истории. Конечно, тогда была революция, а теперь тишь. Конечно, могут сказать, что допустимое в 1905—6 недопустимо осенью 1908 года. Разница между положениями, несомненно, велика. И все же, неужели порядок, порядок во что бы то ни стало, должен стать Молохом университетской автономии? Предположим, что автономия похоронена и что профессора своим уходом ускорили ее агонию. Чему же уступит она место? Пустоте? Конечно, нет. Жизнь страны немыслима без высшей школы. Бюрократическому университету? Но разве в бюрократическом университете можно будет водворить тот порядок, из-за нарушения которого профессоров приглашают ускорить смерть автономии? Ведь в бюрократическом университете беспорядок будет острее, и шире, и длительнее, чем в автономном. Где же выход? Выхода нет. Беспорядок есть стихия русского университета. Русский университет начала XX века может быть только университетом беспорядочным, с автономией или без автономии, это все равно. Но при автономии этого беспорядку будет меньше, а порядку будет больше, равно как и уважения всякого рода начальств к нравственному авторитету профессорской коллегии. Конечно и в том и в другой случае это «уважение» очень невелико. Русский профессор начала XX века не гарантирован от грубейших оскорблений со стороны учащейся молодежи, печати, всякого рода начальств, как бы ни была высока его научная ценность, как бы ни была безупречна его личная и гражданская жизнь. Но куда ему уйти от науки, от университета? Ему некуда уйти. Совет кн. Е.Н. Трубецкого перейти к другим занятиям есть совет утопический. Где те люди, которые заменят перешедших к другим занятиям? Их нет. Переход к другим занятиям, если бы на него решилась значительная часть про-

фессуры, означал бы временный разгром русской высшей школы. [1-]Брак между теперешними профессорами и русской высшей школой есть брак нерасторжимый[-1]. И вероятно не только по «буржуазной» тяге к жалованью и гонорару, но и по высоко патриотичным и даже сверхнародным побуждениям «перешедшие к другим занятиям» были бы вынуждены скоро вернуться в ту высшую школу, из которой они ушли. Атмосфера оскорблений, ненависти, непонимания человека человеком есть неизбывный удел профессора наших дней. Скажем больше, всякого общественного человека наших дней. В самом деле, разве не гуще сбирается ненависть, разве не грубее, жесточе звучат оскорбления вокруг политического деятеля, писателя, клирика. И разве преклонность лет и гениальность застраховала великого старца от радостной и печальной привилегии собрать в день своего 80-летия вокруг своего славного имени вместе с высотами человеческой любви — все низины человеческой глупости и человеческой злобы? Откуда же этот неожиданный пессимизм? Откуда это утомление и готовность сложить оружие Автономии? Вполне возможно, что оно будет вырвано у профессорской коллегии соединенными усилиями студенческой обструкции и правительственной реакции. Но зачем отдавать его слишком скоро и до решительного поражения? Чем дольше удержим мы в своих руках дорогой сосуд автономии, тем меньше будет на нас укора в легком отношении к ней, тем весче будет прецедент автономии университета, тем труднее будет насаждение полицейского университета, и тем легче возврат к новому автономному университету, вероятно и увы тоже беспорядочному и не проникнутому достодолжным уважением к нравственному авторитету профессорской коллегии.

На той точке зрения и настроения, которые я выражаю в настоящих строках, стояло меньшинство советской комиссии, насколько это выяснилось из прений: Мензбир, Вернадский, Каблуков. В прениях ее же тактично, но веско проводил Чаплыгин. Психологически я понимаю Мануилова. Он, должно быть, устал и стал нервен. Черносотенцы последнее время видят в нем корень беспорядков и [Восторгов?] даже посылал куда-то петицию о его смещении. Чувство бессилия поддержать порядок конечно крайне тягостно, когда на тебе лежит ответ за порядок и особенно когда сознаешь, что каждый день беспорядка вреден университету и автономии. А в комиссии его слишком горячо поддерживает в этом настроении кн. Е.Н. Трубецкой, высказавший в данном случае очень много темперамента и очень мало христианского самоотвержения, которое ему пристало бы, казалось, больше, чем кому другому. Он слишком горячо ставил все дело на плоскость личного достоинства. Что и говорить, положение профессора несладко. Но следует ли давать волю естественному чувству чести и можно ли относиться к действиям возбужденной толпы как к обдуманным поступкам отдель-

ного обидчика? Мануилов в данном случае оказался выше. Резкость своего обращения и решительность своего отказа он оправдывает как раз психологией толпы. Надо «огреть» толпу, надо решительным сухим ударом показать ей, что нельзя шутить с огнем, научить ее быть осторожнее. Характерны его слова во время прений, что если бы он верил в применимость грубой силы к университетской жизни, то он не остановился бы перед беспощадным применением ее для торжества порядка. Он выражал надежду, что именно решительность поведения профессоров может произвести впечатление на толпу и подавить беспорядок.

Трубецкой в прениях шел даже дальше его, говорил с большим подъемом. Студенты нанесли тягчайшее оскорбление совету. Они даже не соблаговолили обсудить первый советский призыв к занятиям. Они оскорбляют излюбленного советского человека, выборного ректора. Оскорбляют профессоров и сверху. В СПб профессору Брауну сломали палец (я не знаю об этом: в аудитории Брауна произошла свалка между союзниками — с Шенкеным во главе — желавшим «слушать» Брауна и обструкционистами. Чтение стало немыслимо. Браун направился к выходу. Шенкен костылем преградил ему дорогу. Может быть тут и произошло это возмутительное насилие?)[15]. Профессоров чуть не бьют. И все это потому, что все уверены в совершенной беззащитности профессоров. А ведь издевательские фантазии беспредельны у Шварца; Трубецкой боится, что они беспредельны и у наших студентов. У профессоров должно, наконец, проснуться чувство собственного достоинства. Скоро наступит момент, может быть, он наступает, когда профессора должны пустить в ход единственное оружие, которым они располагают, прошение об отставке. «Всем нам, вероятно, скоро придется подумать о переходе к другому роду занятии».

Приблизительно тоже говорит редко появляющийся в совете Снегирев. Он одобрял мужественное поведение ректора, но находил, что логичным выводом из него должно быть присоединение к нему всех профессоров, подача прошений об отставке, причем необходимо в то же время ясно и решительно и гласно оценить и поведение правительства и поведение студентов. Нужны твердые и решительные действия. Никакие бумажки, никакие обращения к студентам не подействуют. Нужны дела, а не слова. Я видел и слышал его в первый раз. Говорит с пафосом. Но должно быть он человек легкомысленный, потому что после он — в числе просивших Мануилова взять назад прошение об отставке.

Из прений скоро выяснилось, что большинство совета не разделяет пессимизма ректора и комиссий. Крайне любопытно, что с охлаждающими речами выступали люди самые разнообразные, правые, умеренные, левые и просто безалаберные. Лахтин пел сиреной о солидарности между профессором и аудиторией, о том что он читал на запоре о бесконечных малых, и что 45 человек слушали эту лекцию с бесконечно боль-

шим вниманием и по окончании ее предложили ему свою охрану, но что страхи насилия были напрасны: в коридоре Лахтину пробовали свистеть, но свист был покрыт оглушительными рукоплесканиями. Самоквасов говорил о группе студентов (не союзники ли в виду специфичности Самоквасова), которая обращалась к нему с просьбой читать лекции и заверяла, что в очень скором времени аудитории снова станут полны. Цветаев указывал, что студенты очень хотят заниматься, что Румянцевский переполнен студентами и что многим приходится отказывать. Лебедев заверяет, что в обструкции повинна лишь кучка студентов, «паршивые овцы». Вернадский видел в обструкции признак бессилия и конца забастовки: к грубым и вызывающим действиям прибегают именно потому что забастовщики потеряли веру в свои силы. Говорят сходно и другие. — Другие указывают на крайнюю опасность и трагичность шага. Дело идет о самоубийстве автономного университета. Настал ли момент для такого акта? Дьяконов указывает на то, что прежде в сходных случаях находили возможность прибегать к другим мерам, например, к временному закрытию университета. Кожевников не находит, что бы произошло что-нибудь чрезвычайное. Правда, учинено несколько скандалов, но нельзя связывать с ними судьбу университетской автономии, нельзя ставить великое в зависимости от малого. Чаплыгин старается разъяснить психологию студенчества и показать, что дело вовсе не безнадежно, что момент для самоубийства еще не наступил. Мензбир решительно протестует против разочарования в автономии, проникающее собою обращение комиссии к студентам. Нельзя мечтать, что с введением автономии уважение студентов к совету свалится как зрелый плод. Надо воспитывать в молодежи уважение к автономии. А это дело длинное, трудное. Нельзя относиться к студентам как к установившимся людям. Отказ от автономии очень плохое воспитательное средство и будет по достоинству оценен последующими поколениями.

Хвостов пробует защищать большинство комиссии. С точки зрения комиссии положение не безнадежно, но и очень серьезно. Студенты презрели первое советское обращение. Самое большее они усмотрели в нем эзопов язык и некоторые продолжают верить в солидарность профессоров с забастовщиками. Каково поведение коалиционного совета? Он, правда, не смеет выразить обструкции, но и не осуждает, и «снимает с себя ответственность за обструкции». Это дурной признак. Мало хорошего предвещает и дружность забастовки. Аудитории пусты или почти пусты. Это не то, что было в прошлом году. Решение ректора есть решение обдуманное. И комиссия много работала, прежде чем выступила со своим проектом обращения.

Хвостову отвечает Каблуков, горячо и хорошо. Неверно то, что автономия ничего не дала университету, что ей грозит банкротство. Го-

ворят, мы в университете не сдвинулись с места. Но намного ли сдвинулась с места вся страна за 3 года? События в университете протекают мягче, чем если бы они протекали без автономии. Весьма вероятно, что скоро в университете создастся более спокойное настроение, что занятия возобновятся. Нужно воздержаться от поспешных шагов, которые только подольют масла в огонь, сгустят, а не разредят атмосферу.

К ректору общаются с просьбой взять назад просьбу об отставке. Отмечая, что многие в совете расходятся с ним в сценке серьезности положения, он соглашается снять с очереди прошение об отставке. Он прямо заявляет, что забастовка вызвана «ненужными» действиями Министерства народного просвещения, но это не уменьшает серьезности положения. Он настаивает на необходимости огласить свое заявление (как я уже указывал, оно сегодня появилось в «Русских Ведомостях») и обратиться к студентам от имени совета. Это принимается. Обсуждается текст комиссии. Слава Богу, из него выкидываются вызывающие слова о «немедленном» возвращении к занятиям, о «подчинении» студентов профессорам. Трубецкой, кипятясь, предлагал наоборот сделать обращение еще более резким, чем это предлагала комиссия. Но обращение вышло мягче, чем его предлагала комиссия (оно напечатано в «Русских Ведомостях»).

Заседание закрыто половина первого. На четверг назначены занятия. У меня есть лекция.

3 октября, пятница, 6 часов. Только что вернулся с совета ВЖК, где обсуждался тот же вопрос, как отнестись к забастовке. Как это непохоже на университет! В университете Чаплыгин крайний левый. Тут он правый центр и председатель, конечно сохраняющий всю свою мягкость и тактичность. На ВЖК некоторыми подвергается сомнению самый вопрос о вреде забастовки. Высказываются некоторыми взгляды, что для молодежи было бы позорно, если бы она не отозвалась на деятельность Шварца. И потом сомневаются в нужности обращения к слушательницам. Это, правда, меньшинство. Решили обратиться к слушательницам с осуждением обструкции, но не забастовки, и пригласить их вернуться к занятиям. Вред ли это к чему приведет, но вряд ли и повредит. Практический результат у постановления, однако, есть. Им лекторы принуждаются являться на лекции и читать, коли им не мешают и коли для этого имеется сколько-нибудь подходящая аудитория. По этому поводу инцидент. Кольцов заявляет, что для него вопрос, читать или не читать лекцию во время забастовки, есть вопрос личной совести и личного достоинства, что, вполне уважая иное мнение, он считает нежелательным в данном случае принуждение со стороны коллегии. Слышатся горячие возражения. Когда совет очень значительным большинством постановляет считать курсы открытыми и тем обязывает

преподавателей являться на лекцию, Кольцов еще с кем-то демонстративно уходит из залы. Я думаю, все же вряд ли это серьезно, т.е. вряд ли он выходит из числа преподавателей.

4 октября, суббота. Во вчерашнем «Новом Времени» по сообщению «Русских Ведомостей» напечатан Шварцевский проект нового университетского устава. Подлинный ли он? Вот его суть в изложении «Русских Ведомостей». Университет есть учреждение государственное, дает высшее образование и готовит к государственной службе (А ученые задачи университета?). Между университетом и министром во всех делах стоит попечитель. Наблюдает за университетом. Профессора (равно как и доценты) избираются факультетами (а советами?), но в то же время за министром сохраняется право назначать профессоров (превосходно!). Совет состоит лишь из ординарных (sic!) профессоров, заслуженные входят туда лишь при участии в факультетском преподавании. Ректор, проректор и деканы избираются, но, после двукратного неутверждения, назначаются. Хозяйственные дела ведаются советником по хозяйственной части (единолично?), который назначается министерством. Приват-доценты не отменяются, но восстанавливаются доценты. Они избираются и имеют решающий голос в заседании факультета, за исключением выборов. Магистранты уничтожаются. Только магистры могут быть приват-доцентами и доцентами, только доктора профессорами, на медицинском факультете вводятся две степени. Гонорар отменяется. Жалованье повышается: экстраординарный профессор 3000, ординарный профессор 4000, через 5 лет прибавка ¼ жалованья, через 10 лет еще ¼. За порядком следят факультетские приставы (хорошенькое имя!), назначаются ректором.

Теперь о студентах. В студенты принимаются кончившие или сдавшие экзамен в мужской гимназии (реформированной, всех типов, значит кадеты, семинаристы и женщины устраняются, впрочем, что такое «лица сдавшие гимназический экзамен»?) Тут и женщины? Посторонние слушатели (значит, слушательницы не допускаются) допускаются лишь когда есть место, но не допускаются к экзаменам. Университетские дипломы не дают никаких служебных прав, даже права медицинской практики; нужно испытание в ведомственных комиссиях. Срок прохождения факультетского курса от 4 до 6 лет. Распределение стипендий и пособий отымается у университета (нелепица!). В университете не допускаются никакие студенческие собрания, никакие студенческие организации (безумие!). Студент, нарушивший правила, в 1-ый раз получает напоминание от декана, во 2-ой от ректора, в 3-ий увольняется.

Если порядок нарушен в университете скопом студентов, то ректор немедленно сообщает административной власти и увольняет участников беспорядков (безумие!).

Конечно, далеко не все плохо в этом проекте, но, в общем, по отношению к русским условиям это почти безумный бред, безусловно утопичный в очень существенных частях, и вредный в некоторых из осуществимых своих частей. Quos perdere vult[*].

5 октября, воскресенье. Сегодня в «Русских Ведомостях» начал печататься самый текст Шварцевского проекта. Оказывается, проект даже хуже, чем можно было думать по извлечению «Нового Времени». Очень характерная черта — стремление умалить значение совета, свести его к выборам ректора и проректора. Избрание профессоров совершенно отымается у совета и передается факультету, если только министр не пожелает назначить на вакантную кафедру. Все учебные дела отымаются у совета и не выходят за пределы факультета. Ни по каким делам университет не сносится с министром. Всюду попечитель, «контролю которого деятельность университета всегда должна быть доступна во всех ее частях»; попечитель может присутствовать на заседаниях совета.

От совета отымается не только хозяйственная, но и «юридическая» часть, которая находится в ведении единолично юрисконсульта.

Любопытно известие [1-]«Русские Ведомости» — передовица 5 октября[-1] о ненапечатанной еще части проекта: министр будто бы устанавливает общий учебный план, обязательный для всех университетов; факультеты самостоятельны лишь в выработке специальных планов, прохождение коих для студентов необязательно. Это конечно легко может стать равносильным отмене предметной системы.

Наконец, будто бы отменяется освобождение от платы, а плата в столичных университетах повышается до 75 рублей в полугодие.

7 октября, вторник. Сегодня в «Русских Ведомостях» кончено печатание Ульяново-Шварцевского проекта. Характерны §§ о приват-доцентах, сформулированные намеренно грубо. К приват-доцентам предъявляются очень высокие требования — магистр — и очевидно желание сократить их число.

По газетам, вчера в университете была большая сходка, которая (голосовало около 3000) постановила прекратить забастовку.

8 часов. Барышни и сегодня не дали мне читать лекции, а разговор был менее дружелюбный, чем прошлый вторник.

Было сегодня факультетское заседание, скучное. Любопытна слабость интереса к Шварцевскому проекту; никто не говорит о нем ни слова, обмениваются мыслями по всяким другим и часто пустым делам.

---

[*] Quos deus perdere vult, dementat prius (лат) - Кого Бог хочет погубить, того он прежде всего лишает разума.

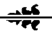

Есть ли, по крайней мере, скрытое негодование? Подали сочинение на медаль по римской истории Рудаков и Сергиевский.

8 октября. Сегодня читал в университете. Совершенно спокойно. Народу было больше, чем прошлый четверг, но меньше чем до забастовки. Вернулся Виноградов с академических выборов в члены Государственного совета, где всего 30 выборщиков. Трое (Виноградов, Базанов (Томск), Афанасьев (Юрьев) получили по 16 избирательных голосов. Между ними бросили жребий, пал на Афанасьева (правый октябрист и кандидат правых). Из московских Алекс[еев], получил 10 голосов, и Камаровский меньше всех, только 2. А у нас-то считали, что слащавого графа выберут чуть не единогласно. Виноградов не без удовольствия рассказывает, что выступал в качестве кандидата оппозиции. По его словам, правые хорошо сорганизовались и положили 14 голосов варшавскому Амалицкому, которого Петрушевский зовет «прибавлением к чудовищу» (ископаемое, открытое Амалицким где-то на Урале).

Сегодня по поводу шварцевской мечты разрушить совет Лопатин вспоминал дореволюционные советы, когда редкие заседания длились минут по 20, нередко с попечителем во главе, когда почти никто не разевал рта и профессор не знал даже голоса своих товарищей. Виноградов подтвердил верность этого отзыва. Лопатин кипятится по поводу шварцевского проекта, зовет его бессмысленным, сообщает, что даже октябристы — немцы [1-](Нольтейн)[-1] резко осуждают проект.

12 октября, воскресенье. Я третий день хвораю и вчера не мог быть на заседании совета, где между прочим обсуждался вопрос о вольнослушательницах. На заседании по сообщению сегодняшних газет решено ходатайствовать о принятии вольнослушательниц на общих основаниях (ст.520 и 529 Устава Университета), т.е. в качестве сторонних слушательниц. В докладе советской комиссии (он напечатан сегодня в «Русских Ведомостях») есть едкое замечание по адресу министра и совета министров, нагло предложивших обучать слушательниц в университете в свободное от занятий время. По-видимому раздавалась в печатном виде записка ректора о проекте нового университетского устава, прочитанная им в заседании совета министра народного просвещения 8 октября 1908 (знаменитое заседание, где Шварц стал бранить устав 1884, негодный, отживший, и восхвалял свой проект как ответ на новые запросы, а члены совета — Некрасов и Шиллер (к стыду для московского университета его «питомцы») — стали прославлять новый проект как возвращение к спасительным началам 1884, как последовательное проведение начал, заложенных в этой гнусной толстовщине). Записка Мануилова, по-моему, великолепна (она напечатана

сегодня полностью в «Русских Ведомостях»): спокойна, откровенна, решительна. Вот ее заключение (§7): «Проект простой сколок с устава 1884, но начала 1884 получают более резкое и прямолинейное применение. Проект есть попытка отбросить русские университеты назад к тому режиму, полная несостоятельность которого доказана опытом».

17 октября, пятница. Сегодня в «Русских Ведомостях» энергичная статья П.Г. Виноградова по университетскому вопросу, написанная сильно и остро, с резкой критикой шварцевской гнусности. Любопытна фраза о молодежи, «симпатичной в самых своих увлечениях». Любопытно появление статьи в «Русских Ведомостях». Конечно, теперь разгар реакции, сближающий различных людей. Но вряд ли из Англии П.Г. Виноградов решился бы писать (и это во 2-ой раз) в кадетском органе. Только прямое общение с родными условиями может исправить эмигранта.

Во вторник была пробная лекция Н.И. Радцига об «общественном движении во Франции в 1302 и 1303 гг.», по собственному выбору. Не мудрствуя лукаво, он изложил том документов 1302 и 1303, в тоне и духе летописей XIV в. без введения, без заключения, даже с меньшим вложением философии, чем в хрониках XIII и XIV в. Конечно, все 4 историка отметили это. В заключение отзыв отложили до прочтения 2-ой лекции по назначению факультета — «Исократ как публицист».

Сегодня заседал в комиссии Высших Женских Курсов по вопросу о повышении вознаграждения. Так как, мол, решили выстроить на мильон зданий из собственных сбережений, то, конечно, нет никакой возможности серьезно повысить вознаграждение. Плату за лекции повысили до 275 р., плату за историко-филологические семинарии оставили без перемен (200 р.), плату естественникам и медикам завысили до 150 р., и на 20% подняли вознаграждение ассистентам естественного и младшего отделения медицинских факультетов.

Понедельник, 20 октября. Сегодня получил в университете копию с предложения министра народного просвещения на имя попечителя от 27 [января?] 1908, за № 7887, заключающую в себе знаменитое и гнусное сенатское разъяснение от 30 апреля 1908 о непринадлежности лиц на государственной службе к противоправительственным партиям.

30 октября, четверг. Давно ничего не писал. Прошлый четверг была 2-ая пробная лекция Радцига «Исократ, как греческий публицист IV века», пожалуй, чуть получше первой, но все же элементарна, похоже на хорошего ученика. При оценке Виппер и Петрушевский решительно высказались против, я колебался, но присоединился к ним. Неожиданно Соболевский решительно осудил лекцию Радцига, даже

Радцигов. За только 2 голоса [Никитский], Любавский, и то, кажется, больше в виду того, что ясно было большинство против.

Сегодня в «Русских Ведомостях» отчет о «разъяснении» университетской автономии 1 департаментом сената. Заседание было 29 сентября, на нем 21 сенатор. От министерства выступал Ульянов. Он поставил 2 вопроса: 1) умалил ли указ 27 августа 1905 г. власть министра народного просвещения, как она определена Учреждением Министерства, (а не уставом 1884 года)? 2) могут ли университетские советы издавать на основании указа 27 августа 1905 правила, не предусмотренные более ранними законоположениями?

По вопросу 1 сенаторы признали единогласно, что указ не умалил прав министра, предоставленных ему Учреждением министерств.

По вопросу II разногласие. 7 человек признали (Мещанинов, Врасский, Шамшин), что указ 27 августа предполагает за советами право издавать новые правила. Но 14 человек присоединились к мнению Ульянова (это большинство, 2/3 достаточно). Мы разъяснены. Указ 27 августа 1905 [1-]фактически, может быть, уже[-1] сгинул, хотя «разъяснение» очень неясно.

31 октября. Сегодня в газетах известие о том, что собаке выбросили кость. Высочайше разрешено 29 октября вольнослушательницам докончить курс на общих с вольнослушателями основаниях. Конечно, сия милость приправлена резким указанием на незаконность их прежнего приема. Все же это «уступка», но какая маленькая в сравнении с наглыми захватами просветительских мракобесов. Вчера в газетах было совершенно невероятное известие о министерском циркуляре, предписывающем немедленную ликвидацию предметной системы и немедленный переход к старому порядку преподавания на историко — филологических факультетах. Я пока отказываюсь верить этому бреду.

Понедельник, 10 ноября. Прошлый четверг мне в университете даются для подписи приглашения всем профессорам нашего факультета собраться в воскресенье 9 ноября в университете и идти поздравлять В.И. Герье с 50-летием его ученой деятельности. Приват-доцентов не приглашают, может быть потому, что не надеются встретить много сочувствующих «юбилею». Вопрос о приветствии, очевидно, обсуждался в факультетском заседании во вторник 9 ноября, но на повестке он не стоял, а заседание было «пустое», экзамены по другим кафедрам, и историки на него не пошли. В субботу я был у П.Г. Виноградова, и он сообщает мне, что это он поднял вопрос о приветствии, внес в факультет письменное предложение. Я указал ему, что вряд ли форма приветствия выбрана удачная: едва ли все профессора пойдут поздравлять старика, который укрепился в злобе на новые

университетские порядки, на студентов и курсисток и еще совсем недавно поместил в одной южно-немецкой газете странную «правду» о русском университете и русских студентах; одним из авторитетов В.И. Герье были статьи академика Соболевского, за которые совет СПБ университета хотел привлечь академика-союзника за клевету. П.Г. Виноградов ответил, что он вовсе не за хождение in corpore** и что он лично имел в виду только письменное приветствие. Почему же он тогда не пошел на заседание и не выяснил своего предложения? Это странно. П.Г. Виноградов спросил меня, пойду ли я. Я ответил, что теплых чувств у меня к В.И. нет (совершенно независимо от того, что Герье не любил меня в университете, и что после я стал от него довольно далеко, хотя был в совершенно корректных отношениях), но что я должно быть все-таки пойду, чтобы показать пример терпимости. В четверг я спросил Д.М. Петрушевского, пойдет ли он, и он ответил да. Но все-таки да было подвигом своего рода, ибо возможно, что Р.Ю. Виппер косо посмотрит на наше хождение, а мы очень дорожим своими отношениями к нему. Р.Ю. Виппера я не видал. Я иду в университет вчера в воскресенье. Застаю декана, секретаря, Грушку, Брандта и впадаю в уныние. Но затем оно облегчается — приходит Щепкин. Все же я иду не без трепета. У Герье тревога проходит. Там нет П.Г. Виноградова, но и Д.М. Петрушевского. У Герье без всяких перемен: передняя, столовая, гостиная, где я не был лет пять, и сам он (я не видал его с весны 1904 года). Ему читают адрес, составленный осторожно. Он благодарит за «прощальный привет». Мы протестуем: он может явиться в любое заседание, например, в ближайший же вторник на экзамен В.С. Протопопова. Герье отговаривается выборами в думу и настаивает на прощальности привета. Кстати: Герье оставлен при университете или 22 или 24 октября 1858 и факультетское приветствие чуть-чуть запоздало. Старик благодарит. Его вызывают на воспоминания. Он все очень хорошо помнит и говорит немало интересного о своей заграничной командировке (1862). Он настолько бодр, что в 1 час должен быть на предвыборном собрании. Мы прощаемся. Он зовет нас в четверг завтракать.

Но как отнесутся к нам не-бывшие?

11 ноября, вторник. Сегодня факультетское заседание. Впервые встречаются 4 всеобщих историка. Сначала были далеки. Виноградов сидел у окна. Виппер у внутренней стены. Я пришел поздно. Петрушевский еще позднее. Вскоре боевой вопрос. Временное преподавание и постоянное замещение кафедры церковной истории. Почему же он боевой? По нелепому поводу. С.А. Котляревский отказывается от предложения занять кафедру и предлагает поручить временное чтение лекций

** in corpore (лат) — в полном объеме.

Гидулянову, а в будущем году предлагает, чтобы два часа читал Гидулянов, а 2 часа он сам. Котляревский в надежде, что к тому времени выяснится какой-нибудь подходящий кандидат. Но у Р.Ю. Виппера появилось сильнейшее предубеждение против Гидулянова, с тех пор как он, Виппер, прочел 3 страницы рецензии Гидулянова на книгу Петрищева в «Критическом обозрении», где Гидулянов разделывает свысока Петрищева. Виппер сразу решил, что Гидулянов черносотенец, что он хочет пробраться на наш факультет и прочее. Котляревский присутствует в заседании. Отказывается от временного преподавания. Любавский напоминает о Гидулянове. Котляревский характеризует с похвалою его ученые работы и высказывается за его временное приглашение. Обнаруживается, что и в 1909—10 можно было бы разделить преподавание между Котляревским и Гидуляновым. Виноградов заявляет, что он знает книгу Гидулянова о патриархах и высоко ее ставит. Тогда Виппер говорит, что отказ Котляревского еще не означает, чтобы было необходимо обращаться к представителю другого факультета, что на историко-филологическом факультете имеются приват-доценты, одному из которых временно и можно поручить чтение[*1]. Петрушевский присоединяется к этому мнению. Мое положение становится щекотливым. Но надо решать. Я встаю и заявляю, что еще в предыдущих заседаниях шла речь о секуляризации кафедры, что эту секуляризацию можно понимать двояко, в смысле секуляризации способа замещения и в смысле секуляризации школы, и что таким образом факультету невольно придется поставить вопрос о школе академической и университетской. Любавский меня поддерживает. Но Виппер ядовито замечает, что принадлежность к школе определяется не окончанием курса в том или другом учебном заведении, а приемами ученой работы, и что например, Гидулянов может быть очень далек от истории, как юрист. Котляревский и Виппер заявляют, что работы Гидулянова по преимуществу исторические. Виппер называет А.И. Покровского, и это выводит из равновесия Котляревского, который выходит из заседания и зовет меня. Он взволнован капризным пристрастием Виппера, горячо говорит о шаткости автономии при такой нетерпимости и заявляет, что ни за что не будет читать лекции по церковной истории, если обязательный курс поручат «шарлатану» Покровскому[*2]. Я возвращаюсь. В факультете голосование. Кому временное преподавание: Гидулянову или Покровскому? Я, как младший, должен голосовать первый. Я говорю да Гидулянову и впервые оказываюсь против Виппера и Петрушевского, который голосует против Гидулянова,

---

[*1] все они из духовной академии — *примечание А.Н. Савина.*

[*2] У Котляревского было и личное столкновение с Покровским. — *примечание А.Н. Савина.*

конечно под влиянием Виппера. За Гидулянова оказалось 8 (в т.ч. конечно Виноградов), против 5*1. Что же это, ссора или не ссора?

Потом начинается экзамен Протопопова по средней истории. Ему дали социальное движение в Англии XIV в. Можно было ему не позавидовать. Перед ним было 3 специалиста, в том числе такой, как Виппер. Он отвечал тягуче, нескладно, но основательно. Ему задавали вопросы Виноградов и я. Петрушевский почти не спрашивал, Виппер молчал. Спрашивали час. При оценке Виноградов находил ответ только удовлетворительным, но на этом не настаивал. Решили все же поставить весьма. Виноградов чуть-чуть поговорил с нами, лёд чуть-чуть растаял, но только сверху.

Поссорился я с Виппером или нет? Мы вышли втроем. И Протопопов с нами. Дошли до Арбатской площади. Протопопов отделился. Пошли втроем. Виппер зовет зайти к себе. Пошли. Был по-прежнему мил. Но мне думается, маленькая горечь осталась. Мы ушли от него вместе с Петрушевским. Петрушевский сообщает, что он, Виппер, не гневается на нас, меня и Петрушевского, за наше участие в юбилее Герье, что Виппер на предвыборном собрании (Городской думы) видел Герье и встретились спокойно. Боже мой, как люди, и хорошие люди, усложняют себе жизнь, усложняют нелепо, бесцельно! И как трудно жить между нескольких огней! Отчего у людей даже большого калибра, такие острые углы, такая прерывистость души, такие провалы?

14 ноября, пятница. К огорчению для себя был вынужден пойти к Герье на «завтрак». В четверг вчера я послал ему извещение, что не могу быть у него, и после этого к прискорбию узнал в университете, и после этого припомнил сам, что позвал он нас в пятницу. Сегодня утром получаю от Герье извещение в этом смысле и любезное подтверждение приглашения. Скрепя сердце пришлось идти. Там не было ни декана (занят в советской комиссии вопросом с студентах-посредниках), ни Виноградова. Но профессоров больше, чем в воскресенье. Корш (дряхлый, плохо видит, но балагурит и перескакивает с языка на язык по-прежнему), Цветаев, Миллер, Брандт, Любавский, Щепкин, Лопатин, Петрушевский, я да еще Грушка. Принимала гостей и Авд[отья] Ивановна. Если бы не было Дмитрия Моисеевича, я чувствовал бы себя неважно. До завтрака болтали о всяких материях, но тяжело. Завтрак предложен был прекрасный, но обязанность говорить и слушать тосты, которым сам не веришь, была тяжела. Даже мне пришлось сказать несколько слов о традиции кафедры и связующем значении Герье, меж-

*1 Вопрос о постоянном замещении кафедры решили пока не возбуждать — *примечание А.Н. Савина.*

ду тем как старик в последнее 10-летие главным образом и занимался разрушением славных традиций. Произошел и скандальчик. Глупый Брандт почему-то стал говорить о заслугах Герье по части женского образования и о том, как не умеют ценить этих заслуг теперешние курсы. Петрушевский встает, как декан курсов, и заявляет, что Брандт не осведомлен, что не далее как на открытии физико-химического корпуса с почетом поминалось имя Герье, и поднимает бокал за него от имени курсов. Пристыженный Брандт, никогда не имевший к курсам никакого отношения, умолкает. Впрочем, он и еще наглупил. Негодующие на распущенность и вольницу студентов старики вспоминают, как Брандт вступил во время беспорядков в перепалку со студентами и за это был обруган в «Вечерней Почте». Брандт самодовольно замечает: «вот как я напугал их, а ведь им так нетрудно было побить меня». И это в присутствии Герье, у которого все еще больно горит оскорбление действием. Герье срывается с места и несет юбилейное приветствие, поднесенное курсистками и покрытое значительным числом подписей.

Старики много говорят об автономии. Но странное дело, разговаривая о защите автономии, они почти только и делают, что нападают на студентов. Мне неприятно их слушать. Немного выше сортом и разговоры о славянских делах. Ухожу с облегчением. Долг исполнен.

Мне жаль старуху, да и Герье. Зачем так кончать? Зачем было вбивать кол в свою могилу? И хочется все простить ему, потому что больше мы не увидимся.

Четверг 20 ноября, 11 часов вечера. Надо записать о понедельнике. Открылась в 7 часов вечера историческая секция студенческого общества имени С.Н. Трубецкого. Мне неловко было не пойти. Но присутствовали там лишь ректор, П.Г. Виноградов, А.А. Кизеветтер, С.А. Котляревский, Ю.В. Готье, я. Почему не были другие, не знаю. (Петрушевский говорит, что у него как раз в эти часы лекция). Сначала говорили два студента. Да, дело было в богословской, и народу довольно много. Студенты ребячливо-кадетски жевали глубину премудрости С.Н. Трубецкого, в особенности «без науки нет культуры, без культуры нет науки». Потом С.А. Котляревский говорил о победе историзма, на который в действительности теперь не нападает только ленивый. Главный номер — обращение П.Г. Виноградова. Мне показалось оно слабым, а публика хлопала. Не знаю, есть ли это succès d'estime** или понравилось. У него вовсе нет определенного мировоззрения, и он вилял между разными точками зрения: история должна быть социологична и конкретна, беспристрастна и свидетельствовать о прогрессе, идеализм и служение каждого поколения

** succès d'estime (франц.) — успех у критики, но не у широкой публики.

своим целям. Кант и Shelling[*]. Очень трезво и прозаично говорил Кизеветтер: нужно больше работы и больше докладов.

21 ноября. Сегодня в газетах важная для факультета новость. Наш декан назначен оренбургским попечителем, приял сию милость от Шварца, хотя доселе старался отделять себя от Шварца и в частных разговорах с классиками бранил Псевдокомментарии к Псевдо-Ксенофонту. Значит, факультету предстоит выбор декана и профессора греческой словесности. Правые выдвигают в деканы Кузьмича и, вероятно, преуспеют, ибо за ними большинство. Наши «правые» по преимуществу октябристы. Сверх сего, за Любавского его товарищ и приятель-кадет Щепкин, может быть даже его учитель Ключевский. Скоро увидим.

25 ноября, вторник, 6 часов вечера. За мною ряд записей. — 21, в пятницу вечером, был у нас Виноградов с женой, и для него было позвано несколько «верных» учеников (Богословский, Гершензон, М.М. Покровский, Егоров, Котляревский, Протопопов). Виппер и Петрушевский уклонились. Все прошло благополучно.

22 вечером было назначено советское заседание. На повестке важные вопросы. В факультетской профессорской наш декан, ныне оренбургский попечитель. Держит себя просто. Но на совет не пошел, говорит, что он уже более не член совета и не член факультета. Впрочем, советское заседание не состоялось. Совсем как в московской думе, публика оказалась не в числе, и никакими телефонами не удалось собрать ее. Выдали медики, хотя у них «свои» лошади.

Сегодня, во вторник, 25, факультетское заседание. Председательствует Ключевский. Из необычных посетителей Цветаев, которому очень не повезло сегодня. Любавский читает от своего, как секретаря, имени хвалебное заявление о деятельности Никитского на филологическом факультете Московского университета в качестве секретаря и декана и просит у факультета разрешения приобщить свой отзыв к протоколу заседания. Соглашаются. Цветаев заявляет, что этого мало, что Никитский не простой декан, что он оказал громадные услуги, что он и ученый замечательный, что его эпиграфический ум острее чем у Латышева, что если б Латышев раньше не занял кресла греческой словесности в Академии наук, то сидеть бы там Никитскому. Сказано было это с обычной сдобностью и мягкостью. В воздухе запахло скандалом. Надо отдать справедливость нашим октябристам. Это они расхлебали скверную цветаевскую кашу. Любавский заявляет, что он очень сочувствует высокой оценке Никитского, но предложение Ивана Владимировича

[*] *Имя немецкого философа Ф.В.Й фон Шеллинга написано А.Н. Савиным с искажением (Schelling — нем.)*

Цветаева может наткнуться на сопротивление в совете и потому очень щекотливо. Лопатин прибавляет, что только тогда можно выступать с таким предложением, когда обеспечено единогласие или по крайней мере единодушное избрание. Брандт говорит приблизительно то же самое. После этого левому Покровскому легко встать и заявить, что как ни высоко он ценит преподавательские и ученые заслуги Никитского, все же он мало послужил Московскому университету, всего 6 лет, и покидает его всего в 49 лет.

Ключевский снимает вопрос после того как попавший в лужу Цветаев отказывается от своего предложения. Любавский просит позволения не заносить этих прений в протокол. Разрешают.

После этого главный вопрос. Из Министерства пришла бумага, в которой дубовым, нелепым языком спрашивают факультеты о преподавателях ниже доцентов, о библиотеке, вспомогательных учреждениях, письмоводителях и сообщается примерное число и жалованье этих вспомогательных преподавателей, и примерный бюджет вспомогательных учреждений, по-видимому, применительно к шварцевскому проекту устава. Запрещено говорить о содержании и классе этих вспомогательных преподавателей, которых предположено ввести в штат. Совершенно запрещено говорить о профессорах и доцентах, вопросы о которых разрешает 88 и 91 ст. проекта нового устава.

Поднялись долгие споры. Говорили о том, как понимать бумажку, спрашивает ли она о теперешнем, о фактическом или о желательном положении дел, нужно ли давать статистическую справку или направить вопрос в университетскую канцелярию, нужно ли отвечать на вопрос о желательности тех или других вспомогательных преподавателей, когда нам запрещают касаться самого основного вопроса факультетской жизни, вопроса о профессорах и доцентах. Левые стояли за то, чтобы уклониться от статистической справки и передать запрос о ней в университетскую канцелярию, ⌈и тем более уклониться от ответа на вопрос о желательном⌉, на том основании, что всякий ответ на нелепый вопрос будет как бы санкцией шварцевского проекта. Грушка и Цветаев советуют ответить на все подробно, не смущаясь бронею чистосердечно поведать начальству все нужды факультета, в надежде, что оно смилуется. Я имел первый (возможно, что и последний) парламентский успех в факультетском муравейнике. Я указал на нелепость ссылки на 88 и 91 ст. устава, официально факультету совершенно неизвестного. Как может факультет говорить о числе вспомогательных преподавателей, когда ему совершенно неизвестно предположенное в проекте устава число основных преподавателей? С моими замечаниями согласились и ввели их в ответ министерству. Но правые и умеренные статистическую справку решили дать (9 против 5). Зато объясняют,

что при неведомости устава невозможно говорить о числе вспомогательных преподавателей, которое должно быть сообразовано с числом основных, и что возможность отвечать устраняется также запретом обсуждать самый важный вопрос — число профессур и доцентур (10 против 4 — Цветаев, Грушка, Брандт, Мальмберг).

Ключевский плохо слышит.

В субботу 22 ноября на предсоветских разговорах Хвостов рассказал, что юридический декан (Алексеев) подал в отставку в тот же день, как прочел в газете о назначении Никитского попечителем, позавидовал Никитскому и рассердился на невнимание начальства. От Котляревского в понедельник слышал другое объяснение: у Алексеева будто вышло столкновение с Хвостовым и Алексеев подал в отставку от обиды.

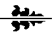
Виноградов не был на факультетском заседании. Его манкировка вряд ли поспособствует укреплению его позиции на факультете.

30 ноября, воскресенье. В пятницу по болезни не был в совете. В субботу ходил с Котляревским и Богословским в свидетели завещания П.Г. Виноградова и его жены у нотариуса Плевако. Это знак особого доверия к нам троим. После сего завтрак в «Славянском базаре». Стороною слышал, что даже при этом важном деле П.Г. Виноградов ломался, требовал, чтобы завещание было написано по-английски, и что нотариусу пришлось разъяснять необходимость писать же на языке российском.

Вчера, в субботу, был в небольшом собрании историков у Готье. Ключевский видимо размякает, становится добрее, доступнее. Между прочим, впервые зовет нас, зеленых людей, на знаменитые поминки Шахова, 5 декабря. Из первоначальных посетителей поминок (начались лет 30 тому назад) остались только сам Ключевский да С.Ф. Фортунатов (бывал еще Филипп Федорович Фортунатов, но он еще в СПБ).

2 декабря, вторник. Кажется, забыл записать, что несколько дней тому назад, 26 или 27 ноября, опубликовано наконец сенатское разъяснение университетской автономии. Само решение состоялось давно, еще 29 октября. Но в сенатской канцелярии все думали, как бы его получше проредактировать, так, чтобы и Шварца ублажить, и оставить хоть какой-нибудь смысл за указом 27 августа 1905. Получилось нечто угодливое, но неясное. Указ 27 августа не умалил прав министра и только сделал выборными ректора и деканов, но, с другой стороны, возложил на выборную администрацию обязанности по управлению университетом.

Сегодня было факультетское заседание. Председатель Брандт, с необыкновенным самодовольством. Когда Лопатин попросил позволения говорить у Кузьмича, Брандт как индийский петух поспешил: «Нет уж, позвольте мне позволить» (вам говорить). Всего важнее, что при-

шло официальное извещение о назначении декана попечителем. Оттого пришлось, согласно с прецедентами, назначить выборы декана на следующее заседание совета. Выбирает декана факультет, но в присутствии совета. По-видимому, будут выставлены 2 кандидатуры и победит, по всей видимости, Кузьмич, хотя неважным большинством.

Суббота 13 декабря, 6 часов вечера. Только что вернулся с заседания совета. Происходили выборы декана. Выбирал факультет в присутствии совета. Любавский мобилизировал все силы. В баллотировке участвовали старички, не имеющие никакого отношения к факультету. Явились самолично Герье, Цветаев, Миллер. Не явились Соболевский, доверивший голос Лопатину, и Виноградов, доверивший голос Грушке. Записками подали за Любавского 8 голосов, за Петрушевского 4, за Поржезинского 2, Лопатина 1, Виппера 1, Ключевского 1, Герье 1. Соглашаются баллотироваться Петрушевский и Любавский. Любавский избирательных 11, неизбирательных 7; Петрушевский избирательных 6, неизбирательных 12. Кандидат не кладет шара в свой ящик, но в ящик конкурента кладет. Значит, всех участвовавших в баллотировке было 19. За Петрушевского подали голос: Виппер, Поржезинский, Покровский, Сперанский, я и неизвестный. Не было ни одного человека, который бы не принял участия в баллотировке. После баллотировки Виппер пишет заявление о том, что передача Виноградовым голоса Грушке — неправильна. Под заявлением подписываются Покровский и Поржезинский. Виноградов уехал из Москвы 6-го. Ректор заявляет, что формально отпуск Виноградова начинается с 20 декабря, и что формально он мог участвовать в баллотировке. Заявление прилагается к протоколу.

Я вступаю в объяснение с Виппером, который предлагает и мне подписаться. Формально Виноградов по-видимому имел право передать голос. С моральной стороны, может быть, он поступил и нехорошо. Но ведь Герье и Миллер не принимают решительно никакого участия в делах факультета, а пришли на голосование[*1]. Любавский благодарил за избрание. Между прочим и врал, говорил, что избрание было для него совершенной неожиданностью, хотя он подвигнул явиться самого Герье.

Еще баллотировали Гидулянова в профессора церковного права. На факультете его в пятницу выбрали единогласно. В совете он получил 45 избирательных и 5 неизбирательных.

Любопытный спор был по поводу обязательного постановления московского генерал-губернатора, грозящего 3-месячной тюрьмой или

[*1] О протесте троих, конечно, Грушка не замедлит сообщить по адресу. Если бы я подписал протест, это конечно привело бы к ссоре с Виноградовым. Из-за такого пустяка ссориться не стоит. — *вписано Савиным в конце страницы.*

3000-ным штрафом всякому хранящему у себя изъятую из обращения литературу. На днях директор Санкт-Петербургского женского медицинского института Салазкин был оштрафован на 1000 р. за хранение склада нелегальной литературы. Граф Камаровский с обычной торжественностью говорит о необходимости протестовать против попрания одной из важнейших привилегий университета. Трубецкой говорит, что протестовать надо, но надо обратиться не к генерал-губернатору, а к Министру народного просвещения или в Совет Министров. Возможно, что генерал-губернатор усмотрит в обращении к нему как раз признание в хранении нелегальщины. Надо не хлопотать у генерал-губернатора, а жаловаться на него. Тарасов заявляет, что генерал-губернатор и в мыслях не имел попирать права университета, что постановление направлено исключительно против складчиков распространителей нелегальщины, к каковым принадлежал и Салазкин. Тарасову Кожевников напоминает, что указанные им статьи университетского Устава говорят лишь о безцензурной выписке иностранных книг, между тем как постановление генерал-губернатора говорит о русских книгах, изъятых из обращения. Можно, конечно, и пренебречь постановлением, но совершенно логично требовать разъяснения оного и, в случае надобности, охраны университетских интересов. Голосованием решили поручить комиссии сначала запросить генерал-губернатора о том, распространяется ли его постановление на университет и университетских служащих и, в случае утвердительного ответа, войти с ходатайством к министру об охране университетских прав.

[1-]Некоторые историки-киевляне, окончившие при Лучицком, недовольны Бубновым и Ардашевым и берут в Москве программу для магистерского экзамена. В конце 1908 это сделал Братковский, в начале апреля 1909 Балинский (учитель в Киеве), люди, не внушающие доверия.

17 января 1910 взял магистерскую программу ученик В.М. Хвостова Краузе[*1]. Вообще у нас множатся не оставленные, готовящиеся к магистерскому экзамену. Приходил в январе 10 Сергиевский, не особо приятный. В феврале 10 начинает держать магистерский экзамен К.Н. Успенский.

13 октября 1910 взял магистерскую программу Нижегородский учитель Кукаркин, кончивший 8 лет тому назад в Нежине, специалист по русской истории[-1].

15 декабря, понедельник. 2 часа дня. Третьего дня, пред выборами декана ко мне подошел М.М. Покровский и сообщил, что в воскресенье

[*1] Хвостов хотел оставить Краузе в Казани. Попечитель не разрешил, потому что Краузе попался на какой-то сходке. — *вписано в конце страницы.*

[1-1] *вписано другими чернилами.*

устраивают неофициальный обед декану, что на обеде будет и он, Покровский, и Поржезинский. После некоторого колебания я согласился, не справившись ни о Петрушевском, ни о Виппере, и Покровский обещал заехать ко мне, чтобы вместе отправиться на обед в Прагу в 6 часов. У входа в советскую залу меня остановил Любавский и сообщил об обеде. Я ответил согласием. После выборов декана я и Петрушевский были у Виппера и ушли оттуда вместе. Я спросил Петрушевского, будет ли он, и он ответил утвердительно: буду непременно, а то еще подумают, что я дуюсь на неизбрание в деканы.

Вчера в субботу в 4 часа входит М.М. Покровский, очевидно, в растрепанных чувствах и со второго слова заявляет, что он не едет на обед и что мне тоже ехать нельзя. Я не понимаю. Он объясняет, что между ним и Поржезинским с одной стороны, Цветаевым с другой, было резкое объяснение из-за протеста троих против участия Виноградова в деканских выборах. Цветаев сказал Покровскому и Поржезинскому, что в факультетских делах стали применяться приемы полицейского сыска (т.е. только сыском можно установить нахождение Виноградова в Англии). Покровский резко оборвал его. Сегодня, в воскресенье, он, Покровский, виделся с Поржезинским и решили не ездить на обед. Он уговаривает и меня не ездить. Что же это выходит? Значит, результатом выборов такое положение, при котором люди двух лагерей не могут даже пообедать вместе на проводах корректного декана, хотя бы и принявшего «вознесение» из очень дурных рук? Если дать себе волю и своей нетерпимости, то ведь дальше можно и не кланяться, не считать себя знакомыми, дойти до одесского либо варшавского положения. И потом протест против Виноградова раздувается при таком поведении и неминуемо поведет к резкому обострению отношений. Я беседую обо всем этом с Покровским. Он нервно заявляет, что действительно, из факультета может получиться ад, но что разрыв уже совершился и что отношения с Виноградовым кончены. Я заявляю ему, что конечно я не могу идти на обед и пошлю записку о болезни, если рискую не встретить там ни одного единомышленника, но что я не могу решить этого дела один, что я должен поговорить с Петрушевским, который вчера вечером твердо решил быть на обеде и тоже рискует остаться один в случае моего отсутствия. Покровский объясняет, что Петрушевского уже предупредил Поржезинский. Я все-таки беру извозчика и еду к Петрушевскому. Застаю за обедом. Петрушевский заявляет, что он поедет, что проводы старого декана и выборы нового декана вещи совсем различные, и что он приедет на обед еще и потому, что вчера не был выбран. И советует мне тоже быть на обеде. Я отвечаю, что совершенно разделяю его точку зрения, и что своим участием в таких «торжествах», как юбилей Герье или проводы декана вслед за подстроенными выборами, мы, левые, должны как раз показать свое умение возвыситься над партийностью

правых, показать свое моральное превосходство. Я был у Петрушевского всего несколько минут. Уже было поздно, и я должен был торопиться, чтобы поспеть к обеду. Петрушевский обещал явиться часам к 8. Вернувшись домой, застаю Покровского, который нетерпеливо ждет исхода. Сообщаю, что мы оба будем на обеде. И вдруг нам сообщают, что только что загорелся театр Гирша[16] и что Высшие женские курсы в опасности. А «Прага» через улицу. И какой же обед, когда в двух шагах горит высшее учебное заведение, где учит большинство обедающих. Я и Покровский выходим около 6 часов. Он едет домой, я иду в «Прагу». В Серебряном переулке яркое зарево. На Молчановке, ближе к Поварской, масса народу. Над крышей дома Гирш по Мерзляковскому переулку виден огонь. Густые клубы дыма высоко над улицей тянутся к Арбату. Очевидно, пожар сильный. По Поварской пройти нельзя. Возвращаюсь по Молчановке и [неразб.] переулком прохожу на Арбат (где очень мало дыму) и вхожу в «Прагу» с другой стороны. Оказывается профессора, провожающие профессора Никитского, собрались, и как раз в той комнате внизу, окна которой выходят на Поварскую к пожарнику.

Вхожу возбужденный пожаром, отчего смягчается чувство неловкости. Застаю Никитского, Ключевского, Любавского, Брандта, Лопатина, Челнокова, Сперанского, Грушку, Мальмберга, Цветаева. Петрушевский пришел в 8. Этот состав сильно облегчает положение. Ключевский, Лопатин, Челноков держат себя очень приветливо ко мне, [1-]тоже и Мальмберг и Брандт[-1]. Сперанский единомышленник, Любавский и Никитский любезны, Грушка подобрался, Цветаев гримасничает. За обедом тон приличный и товарищеский, куда меньше натянутости, чем у Герье. Я сижу в скромном конце рядом со Сперанским, напротив меня Лопатин и Челноков. Во время разговора Ключевский вспоминает о недавней встрече с Герье в университетском совете, о явлении мертвецов, это не в бровь, а в глаз выборным мобилизаторам. Тостов было очень мало. Первым говорил Ключевский: тургайская степь лишь перепутье пред станцией на берегах Невы, где Никитский мог сослужить службу русскому просвещению. Министр с товарищами и студенты это пассажиры в поезде русского просвещения, которые желают двигаться в противоположных направлениях, университетские преподаватели кондуктора и машинисты. Пусть Никитский как человек, сжившийся с наукой, поможет министру и студентам если не сблизиться, то хоть выносить друг друга. Никитский отвечает довольно казенно. Встает Любавский и говорит прилично, тоном добродушной шутки: если Никитский не переселится на берега Невы, а из Оренбурга уйдет, то пусть прикатится шаром на историко-филологический факультет. Брандт бранит Никитского за то, что слишком скоро и без предупреждения покинул факультет. Добродушно текла речь Мальмберга. В Юрьеве Никитский больше всего

интересовался греческими надписями, но его, кроме того, можно было часто видеть. Он, Мальмберг, несколько лет бывал у него каждый день, даже по 2 раза в день, и пили пиво. Никитский заявляет, что это очень преувеличено, особенно насчет пива. Мальмберг разъяснил, что Никитский только выставлял пиво, а пил оное он, Мальмберг.

Ключевский в ударе, интересные анекдоты. В 9 часов подымаются трое, Петрушевский, Сперанский и я. К удивлению вижу, Сперанский лобызается с Никитским, тоже проделывает Петрушевский и я. Уходим. Пожар еще не кончился. К самому пожарищу подойти нельзя. И полиция толком не знает, где горит. Сегодня, в понедельник был на курсах. Курсы, слава Богу, почти не пострадали, горел театр. Сгорела минералогическая лаборатория, и залили канцелярию естественного факультета, но документы не пострадали. Заходил к Любавскому платить деньги за обед. Оказывается, прочая публика сидела в «Праге» до 2 часов.

1909 г.

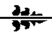
20 января 1909, вторник. Первое заседание под председательством нового декана. Я, как младший, исполнял обязанности секретаря. Заседание серое. Только личный вопрос был пикантен. У факультета оказались свободные суммы, которые важно оставить за факультетом. Декан предложил дать их приват-доцентам по русской литературе, которые ведут практические занятия без вознаграждения. Против этого решительно восстали и денег им не дали.

На будущий вторник, 27, назначены выборы секретаря. Виппер предлагает мне баллотироваться. Я отказался, главным образом по слепоте, но и по неохоте к канцелярщине.

23 января. Я слышал от В.Н. Щепкина, будто Анреп, который собирается съесть Шварца и сесть на оного место, приезжал в Москву собрать сведения о том минимуме университетской свободы, без которого университету не обойтись, и будто собирал для этой цели представителей различных партий, в том числе и Мануилова. Тот же Щепкин говорил, что Герье в тесном кругу зовет прямо Анрепа мошенником, который страстно добивается министерского портфеля. Щепкин: да ему бы тогда в интенданты. Герье: и туда бы пошел, да не пускают, Министерство народного просвещения его последняя надежда.

Завтра первое в 1909 заседание совета. Выборы проректора. Гулевич ушел в отставку. Медики прочат на его место Минакова, человека, кажется, вполне подходящего. Еще пришла бумага от министра. Он недоволен ответом совета и физико-математического факультета на замечания министерства об обозрении преподавания, зовет ответ неуместным и некорректным, предлагает впредь неуклонно руководиться замечаниями министерства об обозрении, но не ограничивается формальной стороною и пускается в полемику по существу и ядовито говорит о «перепечатке из года в год случайно и небрежно составленного обозрения», ⌈говорит, что совет и физико-математический факультет фактически не знают закона или не хотят соблюдать его⌉. Замечания касались главным образом руководств по анатомии.

24 января. Заседание совета. Скучное. Даже дерзкая бумага министра не вызвала никакого подъёма. Сахарный граф пробовал навести пафос,

говорил о чести университета, но все остались холодны. Очень долго говорил Андреев. Но у него совсем нет голоса и говорит он нескладно. Вышло томительно. Маленькое оживление внес Каблуков: он предложил совету просить министерство предать совет суду за нежелание соблюдать закон. Но Трубецкой заявил, что министерство, согласно со своей теперешней тактикой, предаст суду не совет, а одного ректора. Каблуков берет предложение назад. Дельно говорил ректор. Корень вопроса — юридическая контроверза. В ответе факультета и совета было указано, что постановлением 406 устава 1884 года попечение о полноте и научности преподавания лежит на факультетах. Министерство возражает, что оно говорит не о преподавании, а об обозрении и что ст. 471 дает министру право составлять правила для составления обозрения и утверждать представляемые советами обозрения. — Но ректор справедливо указал, что право составлять правила вовсе не есть право критиковать по существу отдельные обозрения. Правила о составлении обозрений уже давно изданы. В них ничего не говорится ни об объеме пособий, ни о новизне изданий, ни о предпочтении русского перевода иностранному подлиннику, и представленное физико-математическим факультетом обозрение мало в чем расходится с правилами. Таким образом, юридически возражение министерства очень шаткое. Но все-таки юридический вопрос лучше передать в комиссию. Так и сделали. А сегодня вынесли только принципиальное постановление о том, что всякое вмешательство извне в указанные факультетом пособия к читаемым курсам грозит большим ущербом интересам преподавания.

Избрали Минакова в проректоры очень дружно: 54 голоса против 4.

Наш факультет предложил «возвести» (такова формула) в почетные члены московского университета Ф.Ф. Зелинского. Процедура такая: предложение сделать такое представление совету вносится в факультет, принимается там открытой баллотировкой и поступает в совет, где читаются мотивы возведения (составил Покровский); в совете баллотировка тоже открытая. Народу к баллотировке осталось мало. Курьезно, что фармацевт Тихомиров порывался встать против возведения. Но ректор не заметил его вставания и заявил, что возведение состоялось единогласно (Тихомиров черный, но едва ли он знает, что Зелинский кадет и поляк).

Любопытная подробность из отношений министерства к университету. Лаборанты и ассистенты физико-математического факультета получают вознаграждение из специальных средств. Эта ассигновка должна быть утверждена министерством, и распределение вознаграждения (24.000) еще 24 ноября 1908 было послано в министерство. Оно не прислало утверждения к Рождеству, и младшие преподаватели встречали праздник без денег. В начале января попечитель поехал в СПБ. Ректор

просил его похлопотать о скорейшем утверждении ассигнования. В СПБ обещали, но ничего не сделали. Ректор писал и телеграфировал в министерство, и не получил никакого ответа. Так деньги до сих пор не могут быть выданы. Помощник ректора объяснил, что в Казанском университете ассигновки, которые нужно было выдать в январе, были утверждены только в июне.

Любопытна еще мелочь. В министерстве требуют, чтобы университет представлял в марте смету приходов и расходов из специальных средств не на учебный, а на гражданский год, с января до января. Но разве можно знать число студентов двух разных учебных годов и учебные потребности двух разных учебных годов?

27 января. Факультетское заседание. Интересное дело одно — выборы секретаря. Снова борьба партий и снова мобилизация всех сил. В выборах участвовало 17 голосов. Не участвуют только Виноградов и Мальмберг. Снова мертвые души — Герье и Миллер. Как младший, я во 2-ой и последний раз веду протокол. В конце заседания подают записки, всего 14 (голоса передали: Соболевский — декану, Миллер — Челпанову, Герье — Лопатину): Поржезинский 6, Грушка 5, Брандт 1, Челпанов 1, Савин 1. [2-]Сосчитано неверно, или у меня записано неверно, надо чтобы всех записок было 14[-2]. Брандт, Челпанов, Савин отказываются от баллотировки. Баллотируются Поржезинский и Грушка. Поржезинский 7 избирательных, 9 неизбирательных; Грушка 9 избирательных, 7 неизбирательных. Грушка секретарь, левые снова разбиты мертвыми душами, хотя, если бы пришел Мальмберг, у них было бы большинство и без кладбища. Виппер и Петрушевский очень опечалены. Никаких поздравлений секретарю. Наоборот, тут же довольно громко разговор о мертвых душах. Я немного разговариваю с Грушкой. А Виппер говорил даже о том, что не будет ходить на факультет с прежней аккуратностью: так неприятна ему физиономия Грушки в президиуме. Правда, к нему некоторые относятся крайне неблагосклонно, и говорят, что его поведение по отношению к Корем[неразб?][1] и Виноградову[2] было очень некрасиво.

За Поржезинского подали голос: Виппер, Петрушевский, Покровский, Сперанский, я, Брандт, Ключевский.

Щепкину должно быть стыдно своего голосования: даже помимо партий (а Щепкин кадет), Поржезинский, как человек и профессор много выше Грушки; но у Щепкина какая-то слабость к Любавскому (они товарищи кажется), а чрез него и к Грушке; Щепкин не мог простить, что 13 декабря 1908 с оружием в руках выступили против Любавского.

[1] часы — *надписано над фамилией.*

[2] телефон - *надписано над фамилией Виноградова.*

Лопатин октябрист— фанатик, а Челпанов загадочный человек, который, однако, голосует весьма незагадочно.

13 февраля, пятница. Во вторник 10 февраля было факультетское заседание. Впервые после перелома ноги пришел С.И. Соболевский (теперь д[ействительный] с[татский] с[оветник]) и сделал предварительное сообщение о том, что он имеет в виду предложить в профессора греческой словесности Николая Ивановича Новосадского, заслуженного профессора варшавского университета. Как промямлил С.И. [Соболевский] главное его достоинство — что он согласен пойти в сверхштатные профессора и, следовательно, не будет обременять факультетского бюджета. Правда, у нас есть свободная кафедра, но правые хотят продвинуть на эту свободную ординатуру Грушку. Тогда освободится экстра-ординатура. Хорошо, кабы она досталась Кизеветтеру. Ключевский хотел было удивиться, как это пропала кафедра, но я напомнил ему о Кизеветтере, и он не стал удивляться.

17 февраля, вторник. Сегодня первый дебют нового секретаря, Грушки. Он составил необыкновенно длинный и обстоятельный протокол, чтобы доказать свои способности. Главный предмет — греческая словесность. Ставится вопрос, приглашать ли нового преподавателя. Длинные и горячие прения. Соболевский и Грушка (который много говорит в этот день) горячо за приглашение. Грушка говорит глупости о достоинстве филологии, об ἀκρίβεια**, о строгих методах, о жалких историках, которые имеют мало дела с источниками и больше опираются на филологов. Поржезинский, который часто препирается с «вольноотпущенником», осадил его, и тот пошел на попятный. Виппер говорил о том, что можно удовольствоваться и 3 классиками, которые бы чередовали греческий и латинский курсы. Но Грушка и Соболевский решительно заявили, что греческая филология и латинская филология вещи не совместимые. Поставили на голоса вопрос, приглашать или нет 4-го преподавателя. В виде уступки оппозиции Любавский и Грушка в прозрачных намеках говорили, что приглашение Новосадского удобно еще потому, что освобождает кафедру для Кизеветтера.

Виппер после заявлял, что не верит октябристам, что они надуют.

При голосовании решили пригласить 4го классика. Против только трое (Виппер, Петрушевский, Поржезинский).

Кизеветтер уже напечатал диссертацию. Возможно, что диспут будет в мае.

** ἀκρίβεια (греч.) — акривия — в христианстве принцип абсолютности, строгой определённости, соответствие букве закона.

21 февраля, суббота. Заседание совета. Долго публика не собиралась, ждали целый час, пока она окажется в числе. Объясняют тем, что нет ничего боевого, и что совет проявляет много единодушия в академических делах.

Обсуждался проект ответа физико-математического факультета и комиссии на бумагу Ульянова об обозрении преподавания. Физико-математический факультет составил длинный ответ, но последний оказался не нужным. Комиссия решила презреть бумагу Ульянова в виду ее незаконности. Устав 1884 г. предоставляет министру устанавливать правила для составления обозрений; такие правила были составлены в 1885 и инкриминируемое обозрение ни в чем им не противоречит. Но закон нигде не предоставляет министру разбирать обозрение по существу. «Граф» с пафосом находит, что этой юридической отписки недостаточно, что нужно отвечать и по существу, но его сократили.

Любопытные прения по поводу поступившей от министра бумаги с изложением сенатского разъяснения указа 27 августа 1905. Ректор предлагает принять бумагу к сведению с заявлением, что ее резолютирующая часть о том, что указ 27 августа 1905 не отменил устава 1884 г., и что за министром осталось право надзора, совершенно согласуется с убеждением и практикою университетского совета, а что мотивы знаменитого разногласия, заключающие в себе осуждение советских взглядов на указ 27 августа имеют лишь академический характер.

«Граф» бунтует. Нельзя принять просто к сведению, надо в протокол занести, что совет настаивает на своем понимании указа 27 августа, и что сенат ошибается, надо «спасать» принципиальную сторону автономии.

Что означает сия октябристская фронда? Вернадский привез из СПБ весть, что Шварц шатается и что говорят о возврате Герасимова (?!). Inde irae**.

Но кадеты — выборжцы выливают ушат холодной воды на пошлого фрондера — октябриста и осаживают даже ректора. Муромцев, все еще красивый, холодный, ясный, заявляет, что в судебных решениях сената мотивы неотделимы от резолюции, что подчиненные суды обязаны руководиться и мотивами, что сходное должно иметь силу и для административного департамента, что указы сената подчиненными местами принимаются к исполнению, а не к сведению, что в разъяснении министру предоставлено право делать руководящие указания.

Шершеневич присоединяется к заявлению Муромцева о неотделимости мотивов от резолюции, но думается, что ульяновскую бумагу можно принять к сведению, а не к исполнению, ввиду того, что она исходит от министра и излагает сенатское разъяснение, а не приводит его

** Inde irae (лат.) — отсюда гнев.

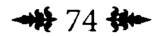
дословно. Ректор защищает свое утверждение о том, что разъяснение не вносит ничего нового: право делать «руководящие» указании было у министра и раньше, но указ 27 августа не отменен, а он возлагает на советы ответственность за правильный ход университетской жизни, а ответственность предполагает и права. Муромцев с величественной насмешкой спрашивает «почтенного графа Леонида Алекс[еевича]» о формуле, которую он думает придать своему предложению. Граф смущен. Шершеневич дает ему coup de grace**: граф предлагает платоновский протест[17], он, Шершеневич, считает такие выступления не лишними, даже очень полезными при известной обстановке, но теперь такой обстановки нет, протест бесполезен или вреден. Граф смолкает.

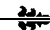
Говорят о делегатах на гоголевские торжества[18]. Просят Ключевского, он решительно отказывается, ссылаясь на недосуг. Сперанский говорит мне, что Ключевский в частной беседе по моральным условиям считает для себя невозможным говорить о Гоголе. Что это значит? Не понимаю. Конгениальность с Гоголем? Муромцев тоже отказывается, ссылается на необходимость ехать за границу поправлять здоровье: в этом году он читает 18 часов в неделю (почему? Некоторые говорят, что за выборгское воззвание он лишен права судебной практики и может зарабатывать только лекциями, но это, кажется, неточно) и врачи усылают его. Обоих просят. Муромцев заявляет, что он согласится, если Василий Осипович согласится. Василий Осипович плохо слышит и наклоняется к ректору, возле которого сидит, тот разъясняет. Василий Осипович вступает в тихую беседу с ректором, еле слышную для совета. Вопрос об их участии остается открытым. Решили просить еще кн. Трубецкого, но он сейчас на процессе одесских профессоров. Наш Сперанский, конечно, будет говорить.

Выбирали еще от нашего факультета члена в советскую комиссию. Здесь сказалась плохая организация наших левых. Выбирают в совет, [1-]в члены совета, записками[-1], где у левых большинство. Но никакой подготовки не было. Виппер бездеятелен. А умеренные, очевидно, агитировали. Подали записок: Челпанов 3, Прржезинский 9, Петрушевский 10, Лопатин 19. Лопатин выбран. Умеренные, очевидно, решили захватить себе все. Поржезинский и Виппер очень недовольны и опечалены, Поржезинский пророчит крах факультету и говорит о консисторском духе. Я смотрю на это легче.

Вторник, 27 февраля было заседание факультета. Пишу в четверг, когда впечатление чуть поблекло. А заседание важное. Началось совсем мирно. Толковали о новых временных правилах для учительских экзаменов. Пере-

** coup de grace (франц.) — смертельный удар.

ходят к главному предмету: желательности приглашения Н.И. Новосадского для преподавания греческой словесности. Соболевский читает бледный доклад. Виппер заявляет, что вопрос о желательности приглашения 4-го преподавателя решен, но вопрос о форме приглашения не решен. Приглашение в сверхштатные профессора очень почетно, и возможно ли сравнивать Новосадского с Виноградовым, Муромцевым и Шершеневичем. Ему резко возражает Грушка. Вообще в это заседание он держит себя чрезвычайно бесцеремонно, даже вызывающе. Букет сразу распустился в черную и дурного аромата розу. Я думал, что у него есть, по крайней мере, скромность. Я ошибся. Он заявляет, что ни по закону, ни по [неразб.] московского университета, сверхштатную профессуру нельзя назвать чем-нибудь особо почетным, и в ответ на заявление Виппера о возможности пригласить Новосадского в приват-доценты говорит, что переход в приват-доценты был бы для Новосадского capitis deminutio[**], а медики выбирают в сверхштатные профессора вовсе не в виде особого почета. Виппер замечает, что ссылка на медицинский факультет крайне неудачна, пример вовсе не заслуживает подражания, как раз медицинский факультет обнаружил большую фривольность в двух делах с сверхштатными профессорами и занимался фабрикацией членов совета. — Грушка мечет молнии. Он с негодованием отвергает такой неуважительный отзыв о чужом факультете и объявляет мнение Виппера недоказуемым. Самоуверенность, с которой этот профессор вчерашнего дня и серейшей окраски говорит с талантливым и заслуженным Виппером, изумительна; я очень жалею, что она не нашла должного отпора. — Декан тоже протестует против обвинений Виппера, но мягко, деликатно. У медицинского факультета сверхштатная профессура есть частое явление, но объясняется вовсе не фривольностью, а настоятельными нуждами преподавания. Например, одна кафедра для гинекологии и акушерства, и либо гинеколог, либо акушер должен быть сверхштатным. Заявления Виппера должны быть отвергнуты еще потому, что они бросают тень и на филологический факультет, внушают мысль, будто и на филологическом факультете хотят фабриковать членов совета и факультета.

Покровский спокойно и мягко возражает зазнавшемуся «вольноотпущеннику»[1-1]. Переход профессора в приват-доценты не deminutio capitis[**]. Сеченов первое время читал в Москве в качестве приват-доцента. Ульянов хотел в промежуток между попечительством и товари-

---

[**] capitis deminutio (лат.) — умаление правоспособности римского гражданина в зависимости от изменения его состояния.

[1-1] секретарю, кличка Виппера. — *вписано над словом* «вольноотпущенник».

[**] *в данном случае игра слов, так как имеется в виду та же латинская юридическая формула об изменении (умалении) статуса римского гражданина* (capitis deminutio).

щем министра поступить в приват-доценты СПБ университета, академик Шахматов был приват-доцентом СПБ университета. С другой стороны, ссылки на практику медицинского факультета неудобны: там совсем особые условия, и, во всяком случае, в сверхштатные профессора берут приват-доцентов, долго работавших для факультета, мы же совсем не знаем Новосадского.

Соболевский напоминает, что и на филологическом факультете были некоторые сверхштатные профессора; он, (Соболевский), и Шефф[ер] стали докторами почти в одно время, а свободная кафедра была одна, чтобы никого не обидеть, и Соболевского и Шефф[ера] назначили сверхштатными экстраординарными, поделили между ними оклад экстраординатуры, и никто не видел в этом никакого почета.

Покровский возражает: Да, так было прежде, теперь не то, у совета другая психология, с нею надо считаться, филологический факультет раз уже потерпел поражение с кандидатурой Розанова (в профессора по истории западных литератур), когда предложение филологического факультета было отклонено в виду того что Розанов только магистр (среди профессоров московского университета только один магистр — Сабанин, по агрономии), филологический факультет терпел и другие поражения в совете, теперь он восстанавливает свой авторитет в совете, но возможно, что кандидатура Новосадского пройдет в совете плохо или вовсе не пройдет, лучше не идти на риск; пусть Новосадский в приват-доцентах послужит Московскому университету, а там будет видно.

Я повторяю и развиваю замечание Покровского о том, что профессору не стыдно быть приват-доцентом, тычу Некрасовым и торжественно говорю о его должностях и чинах, не помешавших ему быть приват-доцентом.

Щепкин нелепо вмешивается и говорит, что он удивляется ненужным и длинным прениям, ведь уже прошлый раз решили пригласить 4-го преподавателя, чего ж терять время, давайте баллотировать. Он держит себя странно: кадет и сотрудник «Русских Ведомостей», он приспешник Любавского и Грушки, он не выносит Виппера (говорят, с той поры как Виппер дал отрицательный отзыв о диссертации его брата Евг[ения] Ник[олаевича]) и, усевшись рядом с Поржезинским, сердит его паясническими замечаниями о «выпадах» Виппера.

Секретарь, говорящий Бог весть в который раз, объясняет, что несмотря на доводы мои и Покровского, переход профессора в приват-доценты есть личная жертва, которой мы ни от кого не вправе требовать. Потом он прямо таки начинает грозить. И то мы, классики, вам много уступаем, мы отдаем русским историкам одну штатную профессуру. Если же будут возражать дальше, то он, Грушка, выступит с предложением пригласить 4-го штатного классика и у него уже имеется кан-

дидат. Это младший член факультета, предлагающий своего кандидата в профессора! Какая прыть! Покровский после говорил мне, что ничего не слышал от Грушки о таком кандидате.

Декан заявляет, что вопрос исчерпан и что можно перейти к избранию Новосадского. Но Виппер замечает, что вопрос о форме приглашения только обсуждался, но еще не решен. Его надо голосовать.

Спрашивают Соболевского. Он заявляет, что Новосадский согласен идти только в профессора, но не в приват-доценты. Да это и необходимо для факультета: приват-доцент мало связан с факультетом и может читать хоть 1 час. Я отвечаю, что и сверхштатный профессор, коли пожелает, тоже может читать хоть 1 час. Лопатин сейчас уже мне возражает, что я прав только юридически, а на деле сверхштатный профессор связан с факультетом много теснее, ибо он — член факультета и совета. Он наивно раскрывает карты всего подкопа: их желание увеличить еще на один число своих голосов. Ставится вопрос о том, как приглашать Новосадского, в профессора или приват-доценты? За приват-доцентуру лишь Виппер и Поржезинский. Петрушевский заявляет, что за профессуру лишь в виду обещания отдать штатную кафедру второму русскому историку. Декан предлагает приступить к баллотировке. Сперанский возражает ему, что лучше отложить до следующего раза, ибо на повестке нет баллотировки. Любавский и евойные пробуют возражать, но должны уступить, баллотировка откладывается. Интересно, будут ли мертвые души.

Заседание углубляет борозду между сплотившейся компанией и оппозицией. Поведение вольноотпущенного мне кажется очень нехорошим. А между тем он выступал петухом, лидером большинства, и другие шли за ним. Из молодых, да ранний. Все-таки зарвался. После заседания подходит к Випперу и спрашивает, заносить ли фривольность в протокол. Виппер: это ваше дело.

Челпанов подходил ко мне и объяснял, что на предыдущем заседании (слова о приспособляемости) он вовсе не хотел сказать ничего личного, что он намекал только на мой «экономический материализм». Я сказал ему, что не обиделся тогда, а больше не понял, и что я вовсе не экономический материалист. Недоразумение улажено.

Сегодня, 26 февраля, со мной нелепый, истинно русский пассаж. Приходит околоточный, приносит сверток и препроводительную бумагу из охранки, с разъяснением, что сверток принадлежит мне. Вскрываю сверток. Оказывается переписка, не имеющая ко мне никакого отношения, а я думал, что это студенческий реферат или какая книжка. Заявляю околоточному, что здесь недоразумение. Околоточный просит все-таки принять сверток, расписаться и самому разъяснить дело

в охранке. Я не знаю, у кого был обыск, и кому принадлежат письма. По-видимому, есть какая-то певица Нелли Ахилл[овна] Прево, которая пленила какого-то Александра Никонов[ича] Саввина[1] и чуть ли не сделалась оного женой. Я посмотрел всего 2—3 письма, весьма любовного [1-]и вульгарного[-1] содержания. Возможно, что именно у нее был обыск, и что охранка любезно возвращает ее вещи ее мужу, думая, что я есть оный. Что содержится в невозвращенных письмах, я не знаю, конечно. Собираю письма и везу ректору. Он советует мне изложить все в официальной бумаге для препровождения градоначальнику, что я и делаю. Авось, градоначальник укажет этим господам на их глупость и лень. В самом деле, ни лет, ни имени, ни семейного положения, ничего не потрудились сверить, прямо бухнули по «Всей Москве»[19]. Какие идиотские порядки в этом «учреждении»! Я надеюсь, что, уразумев свою дурь, они больше не станут меня беспокоить. Но какое милое у этих людей представление о душе университетского профессора!

28 февраля 1909. Вчера сенат вынес приговор по делу Занчевского и Васьковского[20]. Оба отрешены от должностей. Занчевский лишен права государственной службы навсегда, Васьковский на 3года. Это один из самых высоких гребней реакции. Сенат делает еще шаг на пути преображения в угодливое орудие политической расправы. Если реакция хочет быть последовательной, то надо судить администрацию всех других университетов. Но вряд ли хватит почина.

14 марта. Сегодня был самый короткий и благодушный из университетских советов. Выбирали Новосадского в сверхштатные ординарные профессора по греческой словесности (на прошлом заседании факультета, 3 марта, его выбрали 15 голосами против одного). Декан прочитал короткое сообщение о 3х последних заседаниях факультета, не особо лестных для Новосадского. Надо сказать, что сообщение было вполне откровенное. Можно было опасаться большего числа черняков. Но оказалось 42 избирательных против 7 неизбирательных.

Сегодня в 1-ый раз был в совете Гидулянов, он сразу попал в ординарные профессора, потому что был ординарным в Ярославле. Странно, что не читался приказ об его переводе, и что ему не кланялись.

Сегодня ректор сказал мне, что градоначальник прислал ему бумагу обо мне и Нелли, и что охранка больше не будет приставать ко мне.

Страстная и Святая, 22 марта — 5 мая. Во вторник, на Страстной, у меня было несколько человек гостей. Я звал и Випперов, они не приш-

---

* *фамилия А.Н. Савина нередко писалась в документах как Са<u>вв</u>ин.*

ли. Во вторник на Святой я с женой был у Петрушевского, туда звали и Випперов, они не пришли. А между тем Петрушевский и, может быть, я, стоим всего ближе к Випперу. Так он засиделся дома и таким становится одиноким. В пятницу на Святой был по делу у декана. Последнее время он любезен с Петрушевским и мною, высказывает свое добродушие и беспартийность, прощает нам кадетство. Меня угощал даже коньяком и говорил о семейных предположениях на лето, заговаривал о том, что в случае если бы Грушка отказался от секретарства, то хорошо бы мне быть секретарем и т.д. А сегодня в воскресенье, 5 мая, звонит мне по телефону Котляревский и сообщает, что Виноградов выкинул новую штуку, прислал грубое письмо с жалобами на невнимание к нему в «Московском Еженедельнике». Дело было в том, что Виноградов прислал в «Еженедельник» статью о теперешнем политическом положении. Ее напечатали с опечатками и на последнем месте. Вероятно, Виноградов страшно обиделся за последнее место, но придрался к опечаткам и заявил Сергею Андр[еевичу Котляревскому], что он не может участвовать в журнале, редакция которого (а Котляревский фактически редактор) так небрежно относится к его сотрудничеству. А надо заметить, что именно Котляревский всего мягче и терпимее относился к самодурствам великого человека. Вот еще человек, который правда на иной и худший манер, усиленно старается сделать себя в России одиноким.

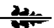
Четверг, 9 апреля. Во вторник 7 апреля магистерский экзамен Д.П. Кончаловского по новой истории. У нас установился дурной обычай для магистерских экзаменов. Экзаменующихся приглашают к началу заседания, в 2, а иногда заседание начинается в три или позже, и считают нужным сначала очистить всю повестку и только после этого приступить к экзамену. Если есть сложные или спорные вопросы или если повестка длинна, то начинают экзамен в 5, в 6, бывали случаи даже в 7. Магистрант томится и волнуется. Когда я экзаменовался, это было лучше: спрашивали во время самого заседания.

Кончаловский стал отвечать половину шестого. Ему дали вопрос о Montesquieu**. Сразу же почувствовалось, что ответ неважный. А скоро он иссяк. Бедный Кончаловский совсем остановился, и сказал, что не может идти дальше. Было очень жалко его. Я старался помочь ему разными вопросами, но из этого мало что вышло. Виппер предложил ему другой вопрос о реформе Штейна[21], и тут дело пошло гораздо лучше. В заключение пришлось поставить ему только удовлетворительно. Виппер сказал нам, что студентом Кончаловский особенно много изучал Montesquieu и даже писал о нем сочинение. Такая условная и случайная вещь экзамен.

** Montesquieu (франц.) — Монтескье Шарль Луи, французский просветитель.

Еще был большой выход М.Н. Розанова. Последнее время Розанов обнаружил свое нутро и, к весьма малой для себя выгоде. О нем доселе были хорошего мнения, считали его человеком среднего калибра, но вполне порядочным. Обнажение произошло с приездом графа де Ла Барта из Киева. Тому не повезло в Киеве: на конкурсе (1908) по кафедре западно-европейских литератур его забраковали черносотенцы и выбрали «своего» человека. Граф отряс киевский прах от ног своих и к весеннему семестру 1909 приехал к нам в Москву в приват-доценты. У нас в области западноевропейских литератур безраздельно царствовал Розанов, единственный магистр на всю Москву. И вдруг появился еще магистр, да кажется с готовой докторской диссертацией, с зычным голосом и с комплектом публичных лекций на модные темы (сверхчеловек, мещанский символизм и тому подобные вещи), с длинными волосами и длинной тощей фигурой Дон Кихота. Розанов встревожился за свою небольшую популярность и стал оттирать графа, неумело, грубо. Может быть, Розанов испугался даже за свою кафедру. Если так, то это просто глупо. Правда Розанов все еще не представил докторской диссертации, хотя ему 50 лет и он товарищ Милюкова по 1-ой московской гимназии. Но эту диссертацию он пишет и, кажется, скоро напишет. А главное, он уже давно и много преподает один весь свой необъятный предмет в университете (Веселовский уже года два как ушел из университета, обидевшись на то, что факультет провалил неумело веденное предложение В.Ф.Миллера о профессуре Веселовского, а Фриче только эсдек, ярый партийный работник, притом, по-видимому, без всяких помыслов о диссертации, и факультет — отчасти и по не любви к с[оциал]-д[емократам] — упорно относит все его курсы к «необязательным»). Несколько лет тому назад, еще в деканство М.И. Соколова, факультет даже выбрал Розанова в профессора по кафедре западноевропейских литератур, но представление факультета было провалено в совете по формальным соображениям, в виду того, что Розанов только магистр. Совет Московского университета единственный, который ревниво блюдет чистоту своего состава. В совете только один магистр, старик Сабанин, но и то только потому, что, кажется, докторов по его специальности, агрономической химии, вовсе не имеется, а сам Сабанин не хочет и, верно, не может написать докторской диссертации. И то, за многолетнюю службу его выбрали в профессора, только когда ему было 54 года, и, кажется, считают эти выборы ошибкой, которой не надо повторять. Так вот не стал ли Розанов бояться, что Ла Барт опередит его с докторством, и чего доброго займет его кафедру. Но ведь это нелепый страх. Розанов давно и тесно связан о факультетом, а Ла Барт человек совсем новый. И все-таки Розанов отнесся к нему прямо враждебно и этим повредил самому себе, обнаружил завистливость и трусливость. Он решил совершенно не пускать его на женские курсы,

под тем предлогом, что новый преподаватель там совсем не нужен. Декан Петрушевский указал на странность сию, что словесная группа историко-филологического факультета женских курсов не воспользовалась появлением в Москве нового специалиста и не совсем осторожно указал на то, что в числе преподавателей ВЖК по западной литературе есть люди, даже не сдавшие магистерского экзамена (Лютер, Грузинский). Розанов ответил обиженным, но по форме корректным письмом: и курсов и семинариев на отделении западной литературы совершенно достаточно, а Лютер, будто бы, известен своими трудами и в Германии. Розанов упорно стоит на неприглашении, и не знаю, удастся ли Петрушевскому одолеть эту некрасивую обструкцию. Розанов здесь кругом не прав: преподавателей западной литературы на женских курсах очень мало, а курсисток, желающих заниматься этим предметом, очень много.

Розанов решил оттереть Ла Барта и в университете. Тут вышла странная история. Во вторник на заседании Ла Барт запрашивает факультет, желательно ли дополнить учебные планы по группе западных литератур некоторыми не упомянутыми в планах курсами (введение в романскую филологию, введение в поэтику, вульгарная латынь). Советовался ли он с Розановым по этому поводу? Если нет, а, по-видимому, нет, то ведь это не корректно по отношению к Розанову. Это ведь как бы указания нового человека на промахи в планах, составленных Розановым. У Розанова была выгодная позиция. Но он вовсе не использовал ее, и наоборот посадил самого себя в лужу. Он стал говорить о том, что в существе дела предложение Ла Барта не заключает в себе ничего нового, что вульгарная латынь, например, входит в курс исторической грамматики латинского языка, который читался недавно М.М. Покровским, а скоро опять будет читаться им, то есть что курс Ла Барта вовсе не нужен. Но тут вступились Покровский и Грушка и заявили, что одно дело историческая грамматика латинского языка, а другое дело вульгарная латынь. Розанов должен был взять свое мнение назад. Ла Барту поручили курс вульгарной латыни. Перед началом заседания Петрушевский говорил, что Розанов хочет отстранить Ла Барта и от участия в диспуте Лазурского. Этот безталанный мамля написал плохую книгу о Стиле и Аддисоне[22] и представил ее в факультет. Лазурский действительно был у меня и просил о том, чтобы я выступил в качестве оппонента. Декан поступил хорошо. Он прямо сказал, что теперь есть два специалиста, которым и естественно передать книгу для отзыва. Предложение принято без прений. Кажется, только Розанов спрашивал, кому же собственно поручено составление отзыва.

Еще интересный разговор с Виппером. Этой зимой профессоров-историков беспокоил окончивший в Киевском университете историк Братковский, который зовет себя учеником Лучицкого и недоволен

Бубновым и Ардашевым. Будто бы только уход Лучицкого помешал его оставлению при университете. Но из разговора он оказался человеком очень легкомысленным. Все-таки он долго говорил со мною о магистерской программе. На Святой теперь такую же штуку проделал другой киевлянин, Балинский, товарищ Братковского (кончил, кажется, лет пять тому назад) и отнял у меня около часу. Приходя ко мне они ссылались на Петрушевского, будто бы пославшего их ко мне, и на то, что они жертвы режима. Я весьма добродетельно с ними разговаривал. Но Виппер обошелся с ними много суровее. Он строго выспрашивал их о том, чем и как они занимались. А когда оказалось, что они занимались мало и плохо, прямо заявил, что не видит оснований к тому, чтобы руководить их занятиями. Так они и ушли не солоно хлебавши.

17 апреля. Вчера полубольной ходил на заседание историко-философского факультета ВЖК. Разбирался инцидент Розанов — Ла Барт. На повестке вопрос о приглашении нового преподавателя по западной литературе, без указания имени. Народу на «скандал» пришло очень много. Отвели маленькую комнату, и было душно. Петрушевский докладывает, что он в качестве декана делал предложение председателю словесной группы пригласить Ла Барта, но получил в ответ отказ, основанный на том, что группа уже обсуждала возможность приглашения Ла Барта и сочла за лучшее обойтись без него. Розанов объясняет мотивы: и курсы и семинарии очень усилены в настоящем году и на семинарии не будут принимать больше 50 человек; он ссылается при этом на постановление факультета не пускать на семинарий слушательниц 1 курса по отделению русской литературы. Кизеветтер подхватывает это замечание и указывает, что в существе дела своими силами оборудован лишь минимум преподавания, нужны новые люди. Поржезинский указывает, что по его наблюдениям на ВЖК растет интерес к лингвистике, а Ла Барт специалист по романской филологии. Я говорю, что при теперешнем составе группы совершенно невозможно устроить семинарий повышенного типа для небольшого числа особо подготовленных слушательниц. Розанов отвечает нам кротко, но мало удачно. Петрушевский держится по отношению к нему явно недоброжелательно и иногда, несмотря на свое председательское положение, перебивает его ироничными замечаниями. Котляревский пробует вывести группу из ее неловкого положения и пробует оправдать хоть сколько-нибудь ее поведение заботливостью о финансах курсов. Розанов подхватывает это объяснение. Петрушевский высказывает ядовитые замечания по поводу этой бережливости. Потом он говорит сам и сравнивает поведение словесной группы с поведением философской группы, которая в это же самое заседание предлагает 4 новых преподавателей (Кубицкий, Самсонов, П.П. Соколов, Щербина — сле-

пой, читавший вчера пробную лекцию в университете). Сопоставление действительно уничтожающее. А тут еще инцидент. Алексей Иванович Яковлев припоминает один старый грех, числящийся за словесной группой. В конце прошлого года в факультет внесли предложение о поручении Ю.И. Айх[енваль]ду семинария по западной литературе и поручили словесной группе обсудить это предложение. Группа доселе не удосужилась сделать это. Яковлев спрашивает почему, и Петрушевский сурово подчеркивает вопрос. Розанов дает несуразные оправдания. Он разбит. Но и Петрушевский горячится. Он предлагает немедленно обсудить в факультете вопрос о приглашении Ла Барта, но тут наталкивается на возражения. Конечно, факультет осуждает группу. Но совершенно устранить группу от обсуждения кандидатуры Ла Барта и обсуждать ее прямо в факультете — неудобное или опасное нарушение инстанций и градаций. Тем более что разбитый Розанов стал уверять, что группа отвергла вовсе не Ла Барта, а только предложенный им курс и что в заседании группы было немного народу. Завязывается спор о конституции ВЖК, об отношении между факультетом и группами (Котляревский, Кизеветтер, Грушка, Петрушевский, Богословский). Петрушевский вынужден пойти на уступки. Факультет постановил поручить словесной группе обсудить кандидатуру Ла Барта и представить доклад не позже как через неделю.

В общем, однако, Розанов сражен, и я не знаю, останется ли он председателем словесной группы.

Пятница, 24 апреля. Вчера заседание факультета на ВЖК, с очень неприятным привкусом. Я пришел поздно, когда кончалась баллотировка 4 философов. Оказалось, что трое выбраны: П.П. Соколов, Щербина, Кубицкий, хотя очень неважным большинством, а Самсонов забаллотирован, кажется 8-ю против 12. Я не участвовал в баллотировке. Пошли разговоры о том, что результат совсем неожиданный и что могли по ошибке при счете шаров принять неизбирательный ящик за избирательный. Другие тихо говорят, что «молодые» преподаватели (у нас на курсах есть такие) не любят Самсонова за то, что после разгрома Екатерининского института[23] он согласился пойти туда в преподаватели, и что ошибки при счете не было. Но декан Петрушевский заявляет, что у него нет полной уверенности в том что он не перепутал ящиков у Самсонова. Встает Щепкин и заявляет, что лучше произвести новую баллотировку, потому что некоторые могли по ошибке положить налево. Странное заявление! Что это? Предположение или утверждение? Я спрашиваю его. Он задорно отвечает: а, коли вы хотите факта, так вот вам факт, я ошибся! Правда, ошибка на один шар не меняет результата голосования. Но почему-то решают произвести перебаллотировку. Для одного Самсонова или для

всех. По совету юриста Хвостова решают для всех. Прибавляются два лишних человека, я и Челпанов. Результат: Соколов + 19 (-5), Кубицкий + 15 (-9), Самсонов + 13 (-11), Щербина + 10 (-14). Но ведь это скандал. На промежутке в четверть часа баллотировка дала совсем иные результаты. Так менять своих мнений нельзя. Уж очень пестрый состав у факультета и уж очень слаба связь с курсами. И состав заседаний случайный, подвижной. Люди приходят, когда есть свободный вечер и уходят раньше конца! Несерьезное учреждение. — Все эти баллотировки (были еще и другие) заняли много времени, и осталось мало народу, когда приступили к докладу словесной группы. Петрушевский очень плохо распорядился. Этот доклад надо было пустить в первую голову, когда люди были еще свежи, и их было больше.

Словесная группа сделала небольшую уступку. Она предлагает пригласить Айхенвальда для практических занятий по новой русской литературе и ввести в программу словесной группы ряд лингвистических романо-германских дисциплин, с будущего года ввести введение в романскую и введение в германскую филологию и поручить первую Ла Барту, а вторую Поржезинскому. Смысл, конечно, в том, чтобы отстранить Ла Барта от литературы и дать ему возможно более скучные занятия; собственно литературное преподавание группа признает совершенно достаточным. Как часто бывает в коллегиях, спор разгорелся из-за второстепенного вопроса о возможности лингвистического преподавания очень плохо подготовленным слушательницам, не знающим греческого, а по большей части и латинского. Странным образом словесники (Розанов, Грушка, Щепкин), сами предлагающие ввести лингвистические предметы, сами же указывают с жаром на совершенную невозможность научного преподавания лингвистики. Поржезинский вступает с ними в спор и защищает лингвистику на курсах. Щепкин держит себя истерично, много раз говорит об учебнике Поржезинского «Введение в сравнительное языковедение»[21] и, с явным намерением уязвить автора как можно больнее, много раз зовет учебник композицией. Не понимаю, почему Петрушевский не останавливает его. В заключение сам Поржезинский попросил его прекратить эти личные сценки, имевшие очень мало отношения к предмету спора. Тогда выступил Грушка и опять обнажил себя, говорил дерзко о том, что секция предлагает свои «введения» не потому чтобы она была убеждена в их желательности, а потому что факультет силой навязал секции обязательство расширить преподавание и пригласить определенное лицо. Смысл такой: на словесной секции все благополучно, не нужно ни новых предметов, ни новых людей, но факультет нарушил все академические традиции, устранил инициативу группы, навязывает ей новых людей и требует ответа в очень короткий срок; мы подчиняемся и приглашаем ненужного Ла Барта на ненужный предмет только для того, чтобы не создавать рез-

кого конфликта между секцией и факультетом. Розанов, конечно значительно смирнее, говорит на ту же тему. Даже я, смирный я, должен был осаживать этих господ и указывать на то, что факультет вовсе не в такой мере нарушил автономию секции и что бестактно объяснять введение в программу новых предметов насилием факультета. Петрушевский возражал слабо, вообще его поведение было в резком контрасте с задорностью предыдущего заседания. Была уже полночь, когда стали обсуждать отказ секции расширить собственно литературное преподавание. Как раз этот вопрос возбудил резкие пререкания в предыдущем заседании. Теперь нападали на секцию очень вяло (Кизеветтер и Петрушевский) и отказ закрепили постановлением факультета.

В заключение Розанов делает характеристику Ла Барта, сравнительно корректную и все же звучащую недоброжелательством к нему. Другие молчат. Петрушевский силой заставил Челпанова говорить. Челпанов был деканом в Киеве на ВЖК, когда там преподавал Ла Барт. И все-таки этот мнимо загадочный человек хотел увильнуть от отзыва о Ла Барте, чтобы ни с кем не ссориться. Но пришлось говорить, и мы услышали несколько слов, благоприятных Ла Барту. Потом я ухожу с Фортунатовым и Богословским. Богословский бранит курсы и заверяет, что на выборах в городскую думу много больше порядку.

1 мая. Вчера на ВЖК в нашем факультете в присутствии совета были выборы декана. Налицо 22 человека с 29 голосами. Подают записки. За Поржезинского 1, за Любавского 1, за Хвостова10, за Петрушевского 10. Общее изумление. Директор спрашивает, желают ли предложенные баллотироваться. Поржезинский и Любавский отказываются. Хвостов выразительно заявляет: «Если прежний декан не отказывается от баллотировки, то я отказываюсь». Чаплыгин разводит руками и спрашивает, что сие значит. Хвостов повторяет то же самое. Чаплыгин недоумевая спрашивает Петрушевского, согласен ли он баллотироваться. Петрушевский: да, я согласен. Значит баллотируется один Петрушевский. Он получает 15 избирательных и 14 неизбирательных. Чаплыгин объявляет его избранным при общем недоумении публики.

Идем в «Прагу»: я, Петрушевский, Егоров, Кизеветтер, Котляревский. Выступление Хвостова полная неожиданность. Он только что отказался от секретарства в юридическом факультете за обилием личных дел. 30 мая выборы декана юридического факультета за уходом Алексеева, и Хвостов имеет там много шансов. Что же означает его кандидатура на ВЖК? Нелепо. И, очевидно, против Петрушевского велась настоящая кампания и Хвостова определенно наметили в качестве кандидата. Вероятно, твердо рассчитывали провалить Петрушевского в виду прекраснодушия и неорганизованности его сторонников.

Но в этот раз расчеты сказались ошибочны. Пришли, и без всякого зову, сами, очень редко являющиеся в заседание совета Новгородцев и Н.В. Спер[анский]. Пришел Д.Н. Егоров, который официально находится в заграничной командировке и вряд ли имел право участвовать в баллотировке. По-видимому, противники Петрушевского потерпели поражение, т.е. сделали хотя и много, но меньше чем думали. И все-таки незавидно быть деканом, когда тебя выбрала только половина факультета, да еще в том числе сомнительный Егоров. Не понимаю, почему не было протеста против его участия в баллотировке. Значит и на ВЖК перешли те же отношения, что сложились в факультете университета: мы раскололись и почти пополам.

Котляревский сообщает странную вещь про Хвостова. Недавно «Московский Еженедельник» привлекли в суду по 128 ст. за статью Гр[игория] Трубецкого, в которой были слова «зло самодержавия». Редактор, Евгений Трубецкой, во время напечатания этой статьи защищал в СПБ Занчевского. Если только найдут состав преступления, то Евгения, вероятно, оправдают.

Статьи выходящего номера обычно читаются в редакционном совещании, куда ходит и Хвостов. И вот Хвостов стал доказывать, что он не был на том заседании или, по крайней мере, на той части заседания, когда читалась статья Григория. А Григорий и Котляревский довольно твердо помнят, что он был. Между тем никто и не собирается еще привлекать к ответу редакционное совещание. Так что это желание установить для себя alibi** даже и не нужно, не только некрасиво. Котляревский говорит, что Хвостов сильно понизился в глазах Евгения после этого пассажа.

10 мая, воскресенье. Сегодня повестка на экстренное заседание совета в понедельник, 11 мая. Вот она. «1) Доклад ректора о новых обстоятельствах в положении дел в университете. 2) Выборы декана юридического факультета. В виду особой важности подлежащих обсуждению вопросов ректор настоятельно просит профессоров прибыть в заседание совета».

В нашем университете (и в СПБ) ревизия уже недели две. Ревизует попечитель Жданов. Кажется, больше всего смотрят хозяйственную отчетность. Как указано в недавней официозной газетной заметке, хотят выяснить университетскую задолженность. Государственный контроль нашел в отчетности какие-то большие недочеты, тысяч на сто, кажется мнимые, и поднял шум. В университетском хозяйстве не все благополучно. Особенно профессора-медики позволяют себе превышать

** alibi (лат.) — где-либо в другом месте. Доказательство невиновности, основанное на том, что обвиняемый находился в другом месте и таким образом не мог совершить преступление, в котором обвиняется.

смету. Превышение в 1000 рублей считается небольшим. После смерти П.И. Дьяконова в хирургической клинике оказался перерасход тысяч в 17. Но в ревизии к хозяйству примешалась политика. Наверху озорство, хотят окончательно сокрушить гидру и для этого почему-то хотят отдать под суд всех ректоров освободительного периода. Занчевский, Гагарин осуждены, Пассек под судом. В СПБ говорят, что теперь наступила очередь Мануилова. Я очень боюсь, что доклад ректора касается именно этой «политической» ревизии. Кстати, вчера в газетах был слух, что похороненный было шварцевский устав воскресает, и будет проведен летом в порядке 87 ст.

Мануилов все еще не утвержден в должности ректора (это с сентября не удосужились).

На юридическом факультете Алексеев недавно ушел из деканов. Хвостов, бывший последнее время с ним в натянутых отношениях, не зная о намерении Алексеева уйти в отставку, за несколько дней до заявления Алексеева об отставке сам ушел из секретарей, жалуясь на то, что административные обязанности мешают ему заниматься наукой. А через несколько дней он выкинул на ВЖКурсах загадочный пассаж при выборах декана, значит можно подозревать, что его заявление о тяготе административного бремени не искреннее. И все-таки ему теперь не совсем удобно выступать кандидатом в деканы на юридическом факультете. Там желали бы деканства Филиппов и Камаровский. Посмотрим, что будет завтра.

У нас на факультете встает теперь вопрос о Кизеветтере. Прошлый вторник Любавский читал отзыв об его докторской диссертации (Городовое положение 1785[25]), не особо хвалебный. На вопрос Сперанского Любавский заявил, что Ключевский читал отзыв и вполне к нему присоединился (Ключевский сильно расстроен неожиданной смертью жены — под Вербное воскресенье, — доктора отсылают его в деревню, он не будет оппонентом, вместо него будет Готье). Диспут назначен на 24 мая. Следующее заседание факультета — 26 мая. Любавский и Ключевский должны теперь внести [представление] о замещении свободной экстра ординатуры специалистом по русской истории, и о замещении путем рекомендации (конечно, кандидат есть Кизеветтер). Не понимаю, почему они раньше не вошли с представлением. Скептики (Виппер, Поржезинский) сомневаются насчет того, что представление о рекомендации будет сделано теперь, в мае. Им кажется, что Любавский не хочет иметь подле себя гораздо более талантливого Кизеветтера и предпочитает ему Богословского (впрочем, Богословский человек очень способный), тем более что Богословский ближе ему и по общественно-политическому духу (действительно, у Богословского очень много обывательщины). Богословский уже печатает докторскую дис-

сертацию, к осени она будет готова, к Рождеству будет защищена. Если оттянуть дело о рекомендации до осени, то ответ министерства с разрешением заместить кафедру путем рекомендации придет лишь к Рождеству, и тогда подымется вопрос о Богословском. Будто бы Любавский предложил поставить Кизеветтера и Богословского в одинаковое положение, т.е. в сверхштатные экстраординарные, или даже сделать Кизеветтера штатным, а Богословского сверхштатным, министерство не утвердит очень неприятного верхам Кизеветтера, а тогда Богословский немедленно станет штатным.

Мне представляется это коварство совершенно ненужным при теперешнем положении. Любавский может совсем безопасно разыграть самую благородную роль и выдвигает пока только Кизеветтера. Все равно теперь его вряд ли утвердят. А после отказа в утверждении можно самым искренним образом бранить министерство и поневоле выдвинуть кандидатуру Богословского. Одиозность падет всецело на черносотенную реакцию сверху.

12 мая. Вчера совет. Ректор докладывает бумагу министерства, подписанную товарищем министра Ульяновым, грубую и глупую. В ней сообщается ректору о том, что во вверенном университете, по сведениям общей администрации, в марте, кажется 5, происходило студенческое собрание, на котором произносились преступные и опасные для государственного порядка речи. Приводится содержание речей, называются имена ораторов, конечно, подобран букет «поляки, жиды, армяне». Ректора спрашивают, почему он не донес по начальству о сем опасном собрании, по неведению или по желанию скрыть и прикрыть оное собрание? Ему напоминают о Высочайше утвержденном мнении Совета министров (кажется, от начала декабря 1907). Это мнение требует, чтобы ректор был осведомлен о всех собраниях и обо всем что на них делается. В заключение от ректора требуют, чтобы он прямо откровенно сообщил все нарушения закона, которые имели место на студенческих собраниях в 1909.

По слухам, в СПБ решили придраться к этому несчастному собранию, на котором и было то всего человек 15, чтобы отдать ректора под суд за бездействие власти. Но другие успокаивают: дело будто вовсе не так серьезно, бумагу написал будто Ульянов своим умом и по собственной инициативе, даже не посоветовавшись с юрисконсультом, и бумага дальнейшего хода иметь не может, тем более, что «сведения» об ужасном собрании идут, конечно, от филеров и, в данном случае, от филеров очень невысокого качества.

Но ректор придает делу очень большое значение. Он взволнован. Необходимо выяснить положение. История, поднятая здесь Ульяновым, стара. Высочайше утвержденное мнение Совета министров, о котором

идет речь в бумаге, пришло в университет еще в декабре 1907 и совет университета в заседании 22 декабря 1907 определенно заявил, что ознакомление со всем, что делается на студенческих собраниях, мыслимо либо при присутствии университетской администрации на собраниях, что непосильно, бесполезно и вредно, либо при организации тайной агентуры самою университетской администрациею, что, безусловно, несовместимо с достоинством профессоров и даже прямо опасно. Доселе министерство не предъявляло к университетской администрации требования о «внутренней» полиции студенческих собраний, а министр Кауфман, вскоре после своей отставки, в январе 1908, объяснил Мануилову появление злополучного мнения совета министров полным незнакомством Совета министров с условиями университетской жизни.

Ректор указывает на грубый, оскорбительный тон министерской бумаги, намекающей на то, что университетская администрация чуть ли не прикрывает государственных преступников. И подобные намеки позволяют себе делать по фантастическим, быть может, измышлениям невежественных филеров. Если министерство будет настаивать на точном исполнении мнения Совета министров в духе своей грубой бумаги, то положение университетской администрации станет невыносимым и невозможным. Необходимо ходатайствовать об отмене Высочайше утвержденного мнения комитета министров в той его части, которая говорит об осведомленности университетской администрации насчет всего, что делается на студенческих собраниях.

Выступают двое из советской комиссии. Фохт указывает, что ректор действовал всегда в полном согласии с советом и что в настоящем случае особенно необходимо подчеркнуть солидарность ректора с советом. Трубецкой говорит о необходимости послать советскую депутацию к министру народного просвещения и председателю Совета министров, разъясняют всю невыносимость создавшегося положения. В самом деле, профессорам предлагают либо заниматься сыском, либо идти под суд. Особенно необходимо, чтобы выступил вперед совет. У правительства теперь тенденция выхватывать отдельных лиц профессорской корпорации, по преимуществу выборную администрацию, и отдавать их под суд. Нужно, чтобы в Москве этот прием не удался, и чтобы правительство имело дело с советом, а не ректором. Оттого, чтобы ректор даже не входил в советскую депутацию. На депутацию надо возложить и другое поручение. Избранник совета, А.А. Мануилов, доселе не утвержден в должности ректора. Это грубое неуважение. С октября до мая министр не удосужился узнать высочайшую волю в этом вопросе.

Против посылки депутации почти нет возражений. Но скептики спрашивают, как примут и даже вообще примут ли депутацию. Много спорят о том, вводить ли ректора, помощника ректора и проректора в

депутацию или нет. Решают, что нет. Является в совет помощник ректора и сообщает о ревизии денежной отчетности университета. Оказывается, что ревизор — наш попечитель — ведет себя грубо, проявляет явное недоверие и все ищет каких-то «хищений». Назначение его в ревизоры университетской задолженности очень пикантно для наших бюрократических нравов. По слухам, Жданов в долгу как в шелку, и, уезжая из СПБ, оставил по себе большое долговое наследство. Впрочем, может быть, его выбрали именно как специалиста по долговой части.

Но спорят, о чем ходатайствовать депутации, об отмене или о пересмотре Высочайше утвержденного мнения Совета министров. Октябристы, Камаровский, Лопатин напуганы «дерзкою» формулой отмены и советуют «в такую минуту» удовольствоваться пересмотром. О том же говорит Самоквасов. Ректор упорно стоит на формуле отмена и, по-видимому, становится вразрез с настроением значительной части совета. В перерыве советская комиссия выработала примирительную формулу, в которой сохранена «отмена», но вставлена в довольно почтительную рамку. Формула принята. Выбрана депутация: Камаровский, Снегирев, Гулевич.

На юридическом факультете выбирают декана. Баллотируется только Камаровский и получает 11 избирательных и 4 неизбирательных.

17 мая. Троицын день. Вчера было заседание историко-филологического факультета на ВЖК. Баллотировали Ла Барта, Айхенвальда. Ходили слухи, что против них ведется интрига. На этот раз, однако, и сторонники кандидатов приняли, правда, очень скромные меры, и получили несколько голосов по доверенности. Если б этого не было, то был бы провал, ибо оба кандидата прошли только большинством 16 против 14. Баллотировался еще С.И. Соболевский в преподаватели греческой литературы и получил тоже 16 голосов против 14, но только 16 были у него неизбирательные.

Немало говорили о Гершензоне, которого декан желает провести на курсы в преподаватели русской литературы. Это намерение, кажется, сильно раздражает словесную группу. У Гершензона вдобавок есть противники и среди не словесников. Вызывающей, бестактной статьей в «Вехах»[26] он рассердил и некоторых «левых», особливо молодых. Словесная группа предлагает поручить ему только семинарий. Петрушевскому хотелось бы, чтобы Гершензону поручили и курс, и семинарий. Но декан находит мало поддержки. Решено баллотировать Гершензона только в руководители практических занятий. Декан совершает бестактность, предлагая баллотировать Гершензона не в следующее заседание, как это твердо установлено факультетской практикой, а немедленно, в виду близости конца учебного года. Тут декана сдерживают даже горячие его сторонники, в том числе и я. Баллотировка, конечно, отложена до следующего заседания.

27 мая, среда. Это заседание состоялось в субботу, 23 мая. Еще до заседания Гершензон телефонировал мне, что он отказывается от баллотировки, что он не желает входить на курсы контрабандою, что он пошел бы лишь в том случае, если бы ему дали курс и семинарий, что ему, наконец, неприятно работать в группе, многие члены которой относятся к нему враждебно. Он послал официальный отказ от баллотировки Розанову. Отказ был прочитан на заседании.

И все-таки вышел скандал. Его герой — Грузинский, учитель гимназии, который по чисто российской нелепости состоит председателем любителей российской словесности и по своей серости очень зазнался, особенно после гоголевских празднеств, на которых он всенародно говорил пошлости. Приятели, Сперанский и Розанов, провели его в сторонние преподаватели и на курсах, и в университете, и вот он вздумал разговаривать, хотя не имеет решительно никакого ученого ценза. Он заявляет, что Айхенвальд в разговоре выразил ему удивление по поводу своего избрания в преподаватели истории литературы. Айхенвальд сказал ему, что никогда не занимался, и не будет заниматься историей литературы. Как же теперь быть с порученным ему семинарием. Розанов тоже говорит о недоумении Айхенвальда. Но тут не вытерпел даже близкий Розанову Н.Д. Виноградов, секретарь факультета, и заявил, что Айхенвальд и не думал отказываться от предложенного ему семинария, (наоборот, в разговоре с ним, Виноградовым, Айхенвальд считал возможным подвести свой семинарий под понятие истории литературы). Общее недоумение. Но и после этого разъяснения разговор об Айхенвальде продолжается. Розанов и даже Сакулин, говорят о том, что Айхенвальд принципиально сторонится от исторического метода, и что его занятия не могут быть названы занятиями по истории литературы. Что все это значит? Айхенвальда хотят устранить уже после того, как он выбран? Ведь это Бог знает что такое! Я, смирный и покладистый, вмешиваюсь и воюю. Я спрашиваю декана, пришел ли формальный отказ Айхенвальда от занятий. Конечно, такого отказа нет. Я указываю тогда, что мы не имеем права говорить об устранении Айхенвальда от занятий. Я указываю на бестактность разговоров о приемах работы Айхенвальда: после выборов Айхенвальд наш товарищ и мы не имеем права в его отсутствие обсуждать в факультете приемы его работы. Но публика и после этого унялась не вполне. Начинают говорить о том, какой семинарий поручить Айхенвальду. Словесники предлагают поручить занятия по писателям последних лет, в виду того, что Айхенвальд талантливый критик, но не историк литературы. И вот Грузинский выпаливает такую штуку: «Как же это поручить Айхенвальду семинарии, например, по русской литературе времени Александра II? Ведь у меня семинарий по той же эпохе. И может случиться, что Айхенвальд будет изучать тот

же предмет совсем иными приемами». Это слишком нагло и глупо. Этого господина посекли и указали ему, чтобы он не забывался и памятовал, что он находится не в своем классе, а в заседании факультета, где ему бы собственно вовсе не след находиться. И он все-таки не унялся. И под конец Петрушевский еще раз отделал его, на этот раз по другому поводу и не совсем справедливо. Что же, однако, это за компания.

В воскресенье, 24 мая, докторский диспут Кизеветтера. Очень много народу в красивой богословской аудитории. Но преобладает молодежь*[1]. Солидных людей мало, мало больших кадетов. Профессоров и приват-доцентов с других факультетов очень мало. И свои далеко не все. Странно, что нет Виппера; Ключевский болен и в деревне. Вступительная речь очень хороша, есть политические намеки. Кизеветтер говорил важнее прежнего, в некоторых местах отчеканивает слова, поднимает брови, точно власть имеющий, словно сам С.А. Муромцев. — Любавский возражает хорошо, лучше, чем на слышанных мною ранее диспутах. Конечно, Кизеветтер защищается очень хорошо, и со свойственным ему красноречием и темпераментом. Дебютировал в роли оппонента Готье. Ну, он держал себя как добродушный юнец, как ученик с учителем, и все время говорил комплименты и просил не принимать его замечаний за возражения. Но по существу и его замечания были интересны, были и архивные справки.

«После диспута» на другой день. Почему-то Кизеветтер позвал очень мало народу, почему и собрались в его небольшой квартире на Моховой. Но и созванные пришли не все, вечером страшный ливень, и например, Форт[унатов?] не пришел, потому что испугался. Были только Петрушевский, я, Любавский, Готье, Богословский, Строж[?] и доктор Н.М. Кишк[ин], последний, кажется, по кадетству. Было очень просто, но хорошо. Речей не было вовсе. Вспоминали университетскую старину.

Любавский не обмолвился ни одним словом о кафедре для Кизеветтера и не поставил этого вопроса на повестку факультетского заседания.

Вчера это заседание было. Говорили о студентах, которых собираются оставлять при университете. У классиков — Фолькман, но против его оставления говорили и Виппер, и Покровский, и Поржезинский, все-таки решили оставить (6 против 4) в виду того, что уж очень редки сносные классики. У словесников — С.С. Розанов. Виппер думает оста-

*[1] очень много курсисток, они молоды, в светлых соломенных шляпках, в светлых кофточках, и день солнечный, весело смотреть вокруг, но отчаянная жара и духота, окна почему-то закрыты. На кафедру поклонницы поставили цветы. — *Вписано А.Н. Савиным в конце страницы.*

вить Лукина (Писал ему о жирондистах, я не знаю Лукина). П.Г. Виноградов прислал представление (в частном письме декану, великий человек не затрудняет себя формальностями) об оставлении А.П. Рудакова. Виппер дал Рудакову золотую медаль, но очень невысокого мнения об его нравственном облике, и не очень высокого об его способностях. Любавский не одобряет головы Рудакова. У меня и Петрушевского Рудаков не занимался. Поведение его действительно подозрительное. Поживем — увидим.

Уже несколько дней тому назад частным образом получено известие, что Мануилов утвержден в должности ректора. Сегодня, 27 мая, в газетах официальное утверждение. Советская депутация будет принята в СПБ 1 июня.

Завтра я уезжаю на лето в деревню, в Канев, на дачу Ленских[27]. Прощай, мой дневник, до осени.

Осень 1909.

2 сентября. Хорошее лето. Но сейчас же в Москве простудился и теперь кисну. Я приехал к 20 августа принимать девиц на ВЖК. Этой осенью в очень многих местах недобор: пропал студент, пропала курсистка, т.е. пропали баснословные полчища. В счастливой Москве безлюдия нет. Но прошений о приеме все-таки меньше чем в прошлом году, только 2 ½ тысячи — принято немного больше половины.

В университет принято на наш факультет около 175, а старых студентов около 870. У многих членов факультета есть желание ограничить комплект, довести число студентов на факультете до 600 на том основании, что большим числом нельзя вести практические занятия. Это преувеличено. Конечно, стыдно вести себя как юристы. Они установили комплект в тысячу и преспокойно берут с них гонорарий, оставляя юношей почти без практических занятий.

Первое заседание факультета было 1 сентября. На нем новый член, Новосадский. По-провинциальному он обходит всех с визитами. Скромный и робкий, моложавый для своего возраста.

На заседании интересный выход Цветаева. В июле летом он по поручению совета и министерства принимал Голенищевский египетский музей, который куплен государством для Московского музея изящных искусств[28]. Он с Тураевым и чиновником из министерства Дмитревским уже уложил больше половины в какие-то особенные ящики, как вдруг из министерства прислали в приемную комиссию председателя — князя Чегодаева, князя Татарского (член совета Министерства народного просвещения). Чегодаев нашел в приеме упущения и моментально распорядился ломать упакованные ящики и пересчитывать вещи. Афронт для Цветаева невероятный. Надо заметить, что этот самый Чегодаев ис-

портил старику уже много крови ревизией Румянцевского музея. И вот даже сей любоначальный до подхалимства тайный советник пустился во фронду, хотя и опасливую. С негодованием он жаловался, что за 1 ½ года ни Шварц, ни Ульянов не удосужились заглянуть в Голенищевский музей, который с интересом осматривали великие князья и члены Думы. С негодованием он повествовал, как «невежественный алкоголик» Чегодаев поднял невероятную кутерьму в тесном помещении музея, вогнал упаковку в три тысячи и попортил при переупаковке ценные предметы. С негодованием говорил о волоките и формализме министерства. Присутствовавшие, конечно, отлично понимали, в чем дело. В Румянцевском музее Цветаев навлек на себя подозрение в бездействии власти, при нем случилось расхищение гравюр. Очевидно, Чегодаеву хотелось обнаружить какой-нибудь скандал и с египетскими древностями. Inde irae**.

На факультете другой «фрондер» истинный октябрист Лопатин стал допрашивать, почему же оскорбленная приемная комиссия не бросила приема, почему не огласила дела в печати, почему не хлопотала о запросе в Думе. Цветаев отвечал неясно. Очевидно, смелости не хватало.

О Кизеветтере ни слова. Диссертация Богословского напечатана. Представил, наконец, диссертацию и Викторов[29]. Он писал ее лет семь, хотя в ней всего 250 страниц и посвящена она оценке только одной системы (Avenarius**).

12 сентября. Сегодня первое заседание совета, очень короткое и пустое. Выбирали декана физико-математического факультета, переизбрали Андреева (18 против 2). Выбирали советские комиссии и суд. Состав остался прежний. Только выбрали новых на место отказавшихся — Ключевского и графа. На место Ключевского в советскую комиссию выбрали небольшим числом голосов — 16 — Петрушевского; на место Графа, ставшего деканом, выбрали в судьи И. Каблукова.

Ключевский, увы, не читает в этом году. Сын заверяет, что доктор безусловно запретил; а некоторые думают, что не доктор, а Борис запретил старику читать лекции и заставляет его писать курс.

29 сентября. Вчера вечером было заседание совета, на которое я не ходил. Выбирали 3 выборщиков для выбора 2 членов Государственного Совета взамен выбывших по жребию Ковалевского и Афанасьева. Выбрали кн.Трубецкого, Анучина, Чаплыгина. Пришло 46 человек, и они получили 36—38 голосов. Еще баллотировались Зернов, 25 голосов, и Лахтин, 12 голосов.

** Inde irae (лат.) — отсюда гнев.
** Avenarius (лат.) — речь идет о философе Рихарде Авенариусе.

Филиппов выбран в председатели дисциплинарного суда, а Мальмберг кандидатом в судьи взамен отказавшегося Шер[винского?].

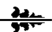
4 октября. Сегодня прочел в газете, что в СПБ устроили общую сходку, поминки по Феррер[30]. Мало у нас своих Феррер. В границы университета ввели полицию. Все кончилось благополучно.

Сегодня был на диспуте Лазурского. Он писал о Стиле и Аддисоне, книга трудолюбивая и убогая[31]. Приняли ее не без колебаний. Публики пришло мало. Лазурский страшно старообразен. Вступительная речь тупа и заносчива, похлопал по плечу Стороженко, говорил о своем методе, о своих работах. Розанов начал возражать, но ответы были так наивны и в то же время развязны, что Розанов оживился и в общем отчитал Лазурского. Ла Барт начал мягко, я с Петрушевским ушел, мало было желания участвовать в чинопроизводстве.

Вчера заседание совета ВЖК. Наконец выбрали Ла Барта (Розанов с ним теперь держит себя вполне корректно, передал свои лекции у Шанявского) и провалили Соболевского очень значительным большинством. Возник вопрос о сроке полномочий директора. Выбирали его на два года, которые в конце октября кончаются, а министерство прислало бумагу с указанием, что директора высших учебных заведений выбираются на 3 года, хотя в Высочайше утвержденном мнении Совета министров говорится о директорах мужских учебных заведении и о том, что они выбираются не более как на 3 года. Как же быть? Пренебречь ли бумагою министра? Признать ли, что 2 года тому назад директора выбрали на 3 года, продолжить ли закрытым голосованием полномочия директору на год, назначить ли новые выборы, но впредь считать срок полномочий директора уже в 3 года. Много спорили. Я предложил поручить юристам разобраться в этой путанице. Меня не поддержали, и я ушел. Слышал, что решили в конце октября произвести новые выборы, но уже на три года. Интересно, что скажут в министерстве.

Сегодня в факультете перед диспутом говорили о многочисленных студентах, не знающих греческого языка. Решили обращаться с ними круто, не пускать их ни в какие семинарии и на некоторые курсы. Возможно, что наш факультет обезлюдеет и что многим преподавателям будет мало дела, но необходимо поднять студенческую подготовку.

Суббота, 24 октября. Сегодня заседание совета. Неинтересно. Только выборы Эйхенвальда, физика. У него необычная карьера. Инженер путей сообщения, производивший большие работы. 33-х лет поехал доучиваться в немецкие университеты и вышел в ученые, физики говорят — крупные. Он же может сочинять романсы и строить дома. Толь-

ко curriculum vitae** написал слишком длинно и слегка рекламно. Он же [свесил?] эфир. Получил 48 избирательных и 5 неизбирательных.

23 ноября, понедельник. Давно не писал, был болен. Не ходил даже на заседание факультета 17 ноября, где читалось заявление Любавского и Ключевского о необходимости иметь второго штатного профессора по русской истории. Указаний на желательного кандидата и на желательный способ замещения кафедры не было сделано никаких. Говорил Любавский. Ключевский был, но молчал, здоровье его неважно. Решили послать в министерство это заявление, и, значит, предоставить министерству решить, каким путем заместить кафедру. Читался еще отзыв о диссертации Богословского[32], чрезвычайно хвалебный. Резкая разница сравнительно с сухим отзывом о книге Кизеветтера[33]; правда книга Богословского очень хороша и значительнее работы Кизеветтера. И все-таки здесь вряд ли обошлось без преднамеренности. В том же заседании кончил свой магистерский экзамен Протопопов.

А вчера, в воскресенье, докторский диспут Богословского, в богословской аудитории. Набралось огромное количество народу, особливо курсисток, которым Богословский нравился как лектор. На эстраде был рояль, оттого стульев было меньше обычного, и стулья нашлись далеко не для всех приват-доцентов и даже не для всех профессоров. Диспут очень интересный. У Богословского есть слабости — вера в «характер» русского народа, в его способность к самоуправлению, особенно у мужика. Его вступительная речь, сказанная основательно, веско, внушительно, мне не особенно понравилась. Но он очень хороший лектор и остроумный debater**. Несмотря на духоту и жару слушают с интересом. Меня удивил Любавский. Он положительно делает успехи. Возражал по существенным пунктам, говорил образно и хорошо, только, чтобы не поставить Богословского в трудное положение, не доводил до конца своих возражений и не защищал своих точек зрения, а переходил к другим вопросам. Кизеветтер, конечно, говорил ясно и остроумно, но остановился на вопросах второстепенных. В конце увеселительный инцидент. На предложение публике возражать вышел какой-то юнец и начал было приветствовать Богословского, кажется, от имени учеников. Декан вовремя оборвал его и предложил держаться в пределах возражений. Юнец замолк, декан строго спросил: так Вы не будете возражать? Юнец поспешно скрылся в толпе.

После диспута «Прага». Особенности — профессора Духовной Академии и С.Ф. Платонов; конечно, соответственно с этим о них говори-

** curriculum vitae (лат.) — краткая биография.
** debater (англ.) — участник дебатов, прений.

ли. Характерно, что первым о Духовной Академии заговорил Любавский. Громогласно основательно укорил себя и коллег, что они вечно и везде запаздывают. У меня болела голова и я рано ушел с Поржезинским. Последний по дороге рассказал, что к нему опять подходит Щепкин и жалуется и от себя и от декана на секретаря, в котором оба разочаровались и который своею бестактностью вносит разлад в факультете. Что сей сон значит?

Виппера на диспуте не было. Он собирается читать очень интересную публичную лекцию о конце римской империи и о духовной атмосфере, в которой родилось христианство. Духовные власти почуяли недоброе и до сих пор Общество для вспомоществования студентам, в пользу которого должна состояться лекция, не получило разрешения.

1910 г.

13 января. Обленился писать, а бросать не следует. 11 января получил приглашение на Татьянинский обед в «Прагу». Оказалось, что позванных человек, на мой счет, 70. Большинство профессоров, но есть видные, почтенные приват-доценты (при их выборе чем руководились? почему, например, не позвали Готье или наших философов, а юридических приват-доцентов было совсем мало). Но были и неуниверситетские люди: Чупров, Н.В. Сперанский, А.Ф. Фортунатов, инженер Астров и Н.Н. Львов.

Партийности, значит, не было: не приглашали глупых черных и отставших от университета стариков. Устраители — Новгородцев, Вернадский. Особенности: все платили за обед всего 2 р., закусывать идут по желанию в общую закусочную, а вино каждый заказывал сам. Для трезвенников очень дешево, но нельзя сказать, чтобы очень празднично. Расселись по дружбе и по факультетам приблизительно. Мы, четыре историка (Виппер, конечно, не пришел, а Любавскому запрещено пить), раскутились и пили игристый Moselwein**. Уже много лет такого преподавательского собрания не было. Новгородцев коротко сказал о побуждениях, заставивших возобновить Татьяну, но Татьяну разумную, трезвую; главная причина — успокоение и повышение научной работы. Предлагает избрать в председатели ректора. Избирается par acclamation**. Говорит речь. Не надо политики, не надо тостов. Но будем обсуждать дела высшей школы. Над нею повисла туча — проект устава. Не надо преувеличивать опасности. Жизнь способна перемолоть очень плохой устав. Так было с уставом 1884. И все ж осуществление Шварцевского проекта было бы очень печальным шагом назад. Предлагает выслушать мнение Львова о судьбе проекта в Думе. Львов — хороший оратор, с темпераментом, сначала говорит не совсем ясно и внятно, но когда воодушевляется, то говорит с подъемом и на более податливую аудиторию может произвести впечатление. В Думе слагается новое большинство — чисто столыпинское. Важное событие — основание Всероссийского национального клуба[34] (всем преподавателям ВЖК прислали приглашение вступить в клуб, на конверте имя и отче-

** Mozelwein (нем.) — мозельвейн (сорт вина).

** par acclamation (франц.) — общим провозглашением, без баллотировки.

ство в дательном падеже, а фамилия в именительном — Александру Николаевичу Савин — хорош русский дух). Крайние правые не правительственная, а стоящая рядом с правительством партия. Ядро национального клуба — умеренные правые. Новое большинство (да где оно?) сильно превзойдет самих октябристов в покорности правительству, и примет все, что пожелает Столыпин. Значит, на Думу не следует возлагать никаких надежд и все дело в том, пожелает ли Столыпин нового устава. Значит, надо воздействовать на Столыпина, и для этого организовать общественное мнение. И задачу эту должны взять на себя университетские деятели, голос коих здесь всего авторитетнее. Если общественный протест против проекта будет достаточно силен, правительство должно будет взять проект назад. Надеяться на исправление Шварцевского проекта в Думе нельзя. Октябристы смирно побредут за правительством, а потом поправки Думы будут отвергнуты советом.

Подымается сахарный граф и мямлит о том, что университеты действительно должны возвысить свой голос; и всего лучше напечатать в большом числе экземпляров проект университетского устава, сочиненный советом Московского университета в 1905 и широко распространить его. Муромцев говорит с чрезмерным чувством собственного достоинства, чуть не величия, отчеканивает слова. Надо дискредитировать Шварцевский устав в общественном мнении. Это недобросовестное законодательство. Против действующего закона в нем десяток новых статей; они прикрыты, припрятаны пересказом действующего устава. Надо их обнажить и сделать дело ясным для всех.

Импрессионист Трубецкой на этот раз в очень воинственном, задорном и в то же время прекраснодушном, ребячливом настроении. Не так страшен Шварц, как его малюют. Надеяться на чувство законности русских министров смешно, ибо их деятельность опирается на беззаконие. Надеяться можно только на собственную нравственную силу. В Одесском университете такой силы нет, и он разгромлен. В СПБ университете такой силы мало, и ректор с помощником ректора спрашивает у товарища министра, выходить ли ему в отставку или нет (кажется, у Боргмана и Гримма действительно был разговор с Ульяновым, похожий на слова князя). В Московском университете этой силы много и ему не страшны никакие проекты (хвалить себя и слышать похвалы себе приятно, князю хлопают).

Его чуточку обливает холодной водой инженер Астров, выражающий пожелание, чтобы борьба с новым шварцевским уставом обошлась Московскому университету дешевле борьбы с уставом 1884, чтобы она не отняла у Московского университета таких профессоров, как Муромцев. Львов упрекает князя в чрезмерном оптимизме и разъясняет увлекшемуся певцу нравственной силы, что устав вещь очень серьезная и опасная, а не простая писаная бумажка. Трубецкой пылко возражает. У

него есть основания для бодрости. Лет десять тому назад имя профессор было для студента почти ругательством. Теперь звание профессора высоко и почетно. Московский совет отстоял своих выборжцев (Ну, положим, отстоял он их только на ½, министерство отказывается восстановить Новгородцева в высоком и почетном звании профессора, и вопрос, утвердит ли оно Котляревского, когда его выберут в профессора государственного права), заставил утвердить выборы Мануилова.

И так громко трубит в трубы человек, который совсем недавно еще горячее доказывал невыносимость профессорского положения и вероятность подачи в отставку для всех уважающих себя профессоров.

Вернадский сказал несколько слов о безнадежности Государственного совета в деле с уставом. Мануилов резюмировал очень сдержанно. Нужно бороться с тучей, пусть каждый авторитетный человек печатает свое мнение об уставе. Лучший целитель время. Мало ли что может выйти, пока проект пройдет все стадии. И мало ли было в нашем прошлом самых вредоносных проектов, из которых ничего не выходило. Кончает пожеланием, чтобы возобновленная Татьяна жила и цвела в ближайшие годы.

Официальная часть кончена. Остаются кружки. Пьют и беседуют. В нашем кружке было весело. Подходили юристы. Мы пересидели всех, и все-таки «разумность» была соблюдена, мы ушли ½ 12-го, на своих ногах и в полном порядке. Но какие мы благонравные барашки!

30 января. В среду была публичная лекция Виппера, блестящая по форме и крайне парадоксальная, по моему мнению, прямо односторонняя по содержанию («сумерки людей»). В нем растет умственная нетерпимость и почти узость, и это очень досадно ввиду его больших талантов. Я уже спорил с ним, надеюсь, он не обиделся.

Приехал Виноградов, худее, но, кажется, еще важнее. Относится свысока к каким- то советам и факультетам. И в то же время хочет вести борьбу с проектом нового устава. Кого же он поведет, если никуда не будет ходить? Говорит, что непременно выйдет в отставку, если новый проект пройдет в чистом виде. Злопамятен по-прежнему и не хочет знать Петрушевского, хотя тот осыпал его похвалами в своем переложении «English Society of XI century»[35].

Пришло из министерства разрешение выбрать достойного на кафедру русской истории. В следующем заседании факультета сделают представление. Только что утвердили профессором Эйхенвальда. Теперь трое — моложе меня по службе.

Сегодня в заседании совета предложение послать министерству материалы по университетской реформе, протест довольно невинный, но почти бесполезный. Серьезнее план издать коллективную работу о те-

перешнем состоянии университета и об его реформе, возникший среди «столпов» нашего совета. Муромцев собирается резко раскритиковать проект Шварца с почки зрения законодательной техники. Сегодня же выборы глазника. Кандидат факультета Маклаков получил в факультете 16 белых и 15 черных. Знаменитый Головин получил 14 белых и 17 черных; столько же, кажется, петербургский Зеленковский, [1-]у него 15 белых и 16 неизбирательных[-1]. Московский Люткевич, кажется, только 12 белых. Маклаков тоже черен, но зато не совершил, по крайней мере, особо примечательных политических подвигов и в моральном отношении лучше Головина, который во время «избирательной агитации» допустил непозволительные приемы. Окулист, говорят, Маклаков порядочный, хотя и хуже Головина. Интересно послушать выборное производство. Вряд ли министерство посмеет не утвердить очень правого Маклакова (чуть ли не форменного [члена] с[оюза] р[усского] н[арода]) и навязать Москве Головина.

30 января. 6 часов. Пишу, вернувшись с заседания. Очень устал. Предложение о сообщении материалов министерству принято единогласно, без прений. Но выборы оказались необыкновенно длинны и утомительны. Читали все выборное производство. Автобиографии 7 кандидатов, подробную оценку их трудов и других достоинств и особые мнения всех членов факультетской комиссии (на медицинском факультете такой обычай, что все члены комиссии подают свои мнения). Необыкновенно длинны автобиографии. Кандидаты самохвально описывают почти каждый свой шаг, некоторые даже свои будущие шаги, свое каждое сообщение, свою каждую статейку. Комиссия подробно разбирает все «труды». И тягость слушания для тех, кто слушает, разнообразится лишь тем, что секретарь совета смешно коверкает немецкие слова. Комиссия пришла к выводу, что Головин, Зеленковский, Маклаков приблизительно равноценные кандидаты, и что она рекомендует факультету всех троих. Впрочем, из этой бесконечной тарабарщины ясно было, что как ученый и преподаватель Головин сильнее двух других, и что Маклаков стоит на 3-м месте, хоть он и кандидат факультета. Смешно было и то, как медики дорожат малейшею похвалою себе, если она исходит из немецких или французских уст, и очень мало заняты вопросом о том, каков удельный вес этих иноземных хвалителей. Например, в качестве хвалителя Маклакова выдвигался у комиссии какой-то Dr. Marx, которого член комиссии, оставшийся при особом мнении (черный Никифоров), назвал совершенно безвестным человеком.

Особые мнения были пикантны. Черные делали отчаянные усилия, чтобы провести Головина. Приглашенный в комиссию Ложечников (хотя, кажется, он не черен) разнес Маклакова, говорит обидевшись за

Helmholtz[**], которому Маклаков в одной своей работе будто не выразил достаточно уважения. Особенно отличился натиском Никифоров, доказывая, что Маклаков ученик, что значение его работ безмерно преувеличено, что ему помогал какой-то студент Горячев, что Зеленковский лучше его, а Головин головою выше их обоих, что нелепо ставить Головина рядом с Маклаковым и Зеленковским. Другие члены комиссии защищали мнение комиссии, Шервинский выдвигал Зеленковского. Огнев раскрыл то обстоятельство, что поданное будто бы в комиссию особое мнение Ложечникова на деле вовсе не поступало в комиссию, и было прочитано только в факультете (умеренный Огнев и тот не выносит Головина, зовет его прямо доносчиком). Всего интереснее особое мнение Снегирева. Это большой трактат с необузданными похвалами Головину, которого знают не только в Европе и Америке, но даже в Турции, Африке и Кубе. Нет никакого сомнения в том, что сей трактат сочинен самим Головиным для Снегиревского употребления, ибо в офтальмологии Снегирев смыслит весьма мало и, конечно, не стал бы тратить времени на такое писание. Это уж слишком грубый прием, неприятно подействовавший на аудиторию.

Маклаков не бог весть что, но как человек он все же много лучше Головина, у которого нет и необходимого в преподавателе минимума порядочности. Все это чтение длилось больше двух часов. Наступает голосование. Набралось очень много народу. Правда не все выдержали, ушли, передав голоса. Все-таки осталось человек 65, у которых 72 голоса. Маклаков получил 43 избирательных и 29 неизбирательных.

Если бы его не выбрали, нам, конечно, назначили бы Головина.

8 февраля. Понедельник. Вчера диспут Котляревского. Удивительный человек, защищающий 4-ую диссертацию, и притом 4-ая лучше предыдущих. Интерес очень широк, но, конечно, слишком всепримиряющая вступительная речь. Народу мало и много хлопают. Есть люди из общества, в последнее время редко показывающиеся на диспутах. Оппоненты — Алексеев и Камаровский. Граф и раньше был плох, а теперь на старости стал еще хуже. Алексеев возражал недурно, упрекал за расплывчатость и текучесть, и чрезмерную историчность. Защищался Котляревский слишком мягко и благодушно.

На диспуте нет ни Виноградова, ни даже Петрушевского, и, смешно сказать, почему. Диспут первоначально предполагался в пятницу 5 февраля. Его отложили на 7. И вот прошлую среду Егоров слышал у Виппера разговоры (Поржезинский, Петрушевский) о холопстве юридического факультета [1-]или Котляревского?[-1], отложившего диспут из-за того, что

[**] Helmholtz (нем.) — Гельмгольц.

Виноградов в пятницу не мог быть на диспуте. Это, кажется, неверно. По крайней мере, Хвостов вчера говорил мне, что диспут перенесен по настояниям Алексеева, которому хотелось выступить перед возможно более многолюдной аудиторией. Но те три, а может быть и большее число, решили не принимать участия в холопстве, и не явились на диспут. В среду, рассказывал Егоров, вообще у Петрушевского и Поржезинского настроение было до болезненности нервное, а к некоторым членам факультета прилагались может быть и меткие, но очень непочтительные клички (глиста, свиное рыло). Петрушевский чрезвычайно раздражен на Виноградова. Три ждут в заседании 9 февраля всяких каверз от Любавского по поводу замещения русской кафедры, говорят даже о 3-м кандидате, Довн[ар]-Зап[ольском]; последняя кандидатура, кажется, просто химера, созданная натянутыми нервами. Котляревский говорил мне, будто Богословский просил Любавского не выставлять его кандидатуры рядом с Кизеветтером. Поживем до вторника, увидим. Хочу быть оптимистом.

После диспута, конечно, «Прага», больше юристы, из филологов Любавский, Кизеветтер, Богословский, Лопатин, Егоров, я. Довольно много речей. Чрезвычайно остроумно говорил Кизеветтер. Шла и легкая словесная схватка между Хвостовым и Алексеевым, их пытался помирить кн. Е. Трубецкой. Был и Григорий Трубецкой, мой калужский товарищ, он очень толстый и кажется старше своих лет.

Вторник, 9 февраля. Наконец-то пресловутое представление прочитано. Как отрадно быть хорошего мнения о человеке и увидеть, что оно оправдывается. Любавский внес безукоризненное представление Кизеветтера. Представление подписано и Ключевским [1-](а может быть, и написано Ключевским?)[-1]; старик и сам явился на заседание, вид у него не очень хороший, и слышит он плоховато. В представлении даже докторская дискуссия очень расхвалена, гораздо горячее, чем в свое время в отзыве перед диспутом. Любавский спрашивает, не желает ли кто назвать другого кандидата. Все молчат. Значит, на следующее заседание баллотировка. Петрушевский и Поржезинский просят назначить следующее заседание поскорее, чтобы Кизеветтеруа можно было баллотировать в совете в февральское заседание. Декан соглашается. Значит, в будущий вторник мы будем выбирать Кизеветтера в факультете, а в субботу в совете.

Я думаю, мнительным людям должно быть теперь очень неловко, и может быть впредь они будут чуть потерпимее.

Виноградов не был, но прислал письменное заявление. Признаться, я сначала очень испугался, не вздумал ли он расхвалить Богословского и выставить его в качестве кандидата. Оказалось, все обстоит благополучно и даже прямо таки хорошо. Виноградов выражает надежду, что при обсуждении вопроса о замещении кафедры факультет сумеет оце-

нить выдающиеся достоинства Кизеветтера. Я очень рад за Виноградова: он проявил редкую у него в последнее время тактичность и поднял свое положение на факультете.

Есть полусмешной инцидент. Весною гр.Уварова будет праздновать 25-летний юбилей своего председательства в Археологическом обществе. Это та самая дама, которая нашла, что трамвайное кольцо безобразит Красную Площадь и наносит смертельный удар патриотическим чувствам. Увы, она даже добилась своего, и кольцо изничтожила. Но у нас на факультете ее постигло поражение. У нее есть приятели по Археологическому Обществу наши старики — Миллер, Цветаев. Миллер, вовсе не интересующийся факультетскими делами, на этот раз решил использовать факультет, чтобы сделать приятное графине, и через декана просил позондировать почву насчет избрания оной графини в почетные члены. И стали было уже говорить о назначении особой комиссии для составления соответствующего доклада в совет, засуетился Брандт. Но потом, сначала робко, а потом настойчивее Поржезинский и Покровский (и отчасти Сперанский) стали говорить о щекотливости этого дела, и о сомнительности ее единогласного избрания в совете. Декан должен был пока оставить это дело. По-видимому, ограничатся посылкой адреса от факультета. Это безобидно.

В заключение экзамен Успенского по новой истории. Я был в странном положении. Успенский кончил университет на год раньше меня и был оставлен Герье, а на деле Корелиным (единственный его оставленный), и лет 12 тому назад начал держать экзамен, но провалился у Виноградова. Теперь он целый секретарь совета ВЖК и читает много лет один и тот же курс по греческой истории, курс, как я слышал от Егорова, очень неважный. Сегодня ему дали вопрос без меня, как раз тот вопрос, которым я теперь занимаюсь — социальное законодательство Конституанты[36]. Этот вопрос Виппер дал ему очень недавно взамен вопроса о политическом законодательстве Конституанты. Отвечал он плохо, даже очень плохо. Я сильно старался помочь ему, и все-таки бедный Успенский несколько раз обнаружил грубое незнание. Другого бы признали невыдержавшим. Но тут Виппер и Петрушевский — может быть из неприязни к Виноградову — сказали, что было бы жестоко сразу преградить ему дорогу. Я, конечно, не возражал. Поставили ему удовлетворительно. Он был страшно взволнован и сказал, что в случае провала может быть даже покончил бы с собой.

Среда, 17 февраля. Я хвораю и вчера не мог быть на заседании факультета, где баллотировали Кизеветтера. Я передал свой голос Сперанскому. По «Русским Ведомостям» знаю, что оказалось 14 избирательных шаров и 3 неизбирательных. Очень интересно знать, кто же это положил налево. Неужели мертвые душ приняли участие в баллотировке?

20 февраля. Нет, Герье и Миллер никому не передали голосов.

20 февраля, суббота. Все заседание совета ушло на выборы Кизеветтера и Мартынова. О Кизеветтере очень краткое сообщение факультета. Никто не пожелал делать никаких замечаний. У собравшихся 64 шара. Кизеветтер получил 50 избирательных и 14 неизбирательных, для такого яркого кадета это очень хороший результат. Немного похлопали. Потом слушали представление медицинского факультета о результатах конкурса по замещению кафедры госпитальной хирургии. 4 конкурента: Алексин[ский], Зыков, Мартынов, Напалков. Читали далеко не все документы, а только главное. В факультете принимали участие в баллотировке, кажется, 30 шаров. Избирательные получили Мартынов 20, Алекс[инский] 11, Напалков 10, Зыков 4 — по отзыву факультетской комиссии много ниже других кандидатов и участвовал в конкурсе по недоразумению. Остальные 3 конкурента приблизительно равны по достоинствам. Напалков как будто сильнее по теоретическим работам, Мартынов и Алекс[инский] как будто лучше как клиницисты. Факультет выбрал Мартынова, говорят для того, чтобы дать ему штатную профессуру, теперь он сверхштатный. А Алекс[инский], штатный, хотя все еще без своей клиники. Баллотировался только кандидат факультета, Мартынов, получил 54 избирательных и 10 неизбирательных. Перед баллотровкой Левшин (единственный действительный тайный советник среди профессоров) сказал несколько слов о несправедливости комиссии к его protègè** Зыкову.

Комиссия придавала особое значение докторским диссертациям. Между тем совершенно неправильно судить о кандидатах по их диссертациям. Медицинские диссертации пишутся при особых условиях, и о врачах безопаснее судить по их деятельности после диссертации. Но Левшинский кандидат был явно плох, и его заступничество не произвело никакого впечатления.

После заседания я с Петрушевским зашел к Кизеветтеру поздравить его с выборами. Застали и поздравили. Даже Ключевский пришел на заседание.

Да, я уже давно узнал, что наш бывший декан Никитский недолго усидел в оренбургских попечителях. Он уже подал в отставку и теперь временно живет в Москве. Видевшие его говорят, что он сильно постарел и очень нервен. Кажется, окружные кляузы совершенно измучили этого дотошного человека. Декан кому-то говорил о какой-то эстонке, которая будто бы объясняет многое в этой отставке.

6 марта, 2 часа дня. Сейчас был у меня П.П. Гензель, в большом волнении, в каком я никогда еще не видал этого сдержанного, ультракоррект-

** protègè (франц.) — протеже; тот, кому оказывают протекцию или покровительство

ного человека. Печальная университетская история, очень красноречиво свидетельствующая о духовной бедности некоторых мастеров ученого цеха. Гензель ученик Озерова, ученик очень преданный и, по моему мнению, сильно преувеличивающий размеры своего учителя. Озеров долго ему покровительствовал, хвалил за магистерскую диссертацию и много раз выражал свое желание видеть его своим преемником. Года два тому назад Озеров ушел из профессоров Московского университета и перешел в Петербург. Правда, он остался в Москве приват-доцентом и продолжает читать общий куре финансового права, но все были уверены, что он оставляет за собой лишь до тех пор, пока Гензель не защитит докторской диссертации и не выйдет в профессора. Тем более, что Озеров недавно согласился выступить кандидатом в члены Государственного Совета и был выбран, причем выборщики поставили ему условие, чтобы он жил в Петербурге, а не в Москве. А то Озеров был профессором петербургским и читал лекции в 3 или 4 заведениях, но жил в Москве, где читал большой и ответственный курс в университете и несколько других курсов в других заведениях. Всего набиралось в двух городах часов до 20 в неделю[*1]. В конце 1909 Гензель напечатал докторскую диссертацию и представил ее в факультет. Одновременно распространились слухи, что Озеров хочет вернуться в московские профессора, главным образом, будто бы по настояниям жены. И вдруг в отношениях Озерова к Гензелю наступает резкая перемена. Озеров приходит в ужас от диссертации Гензеля, где доказывается невозможность строить государственное и городское хозяйство на одной и той же основе (общеподоходного налога) и необходимость реального обложения для удовлетворения нужд местного значения. Озеров видит в этом непозволительную ересь и особенно ругается одного, действительно неосторожного места в диссертации, где некоторым финансистам прилагается имя «жалкий». Озерову почудилось, что Гензель между прочим метил и в него. И вот скромный Гензель стал повинен в мании величия. 19 февраля в факультетское заседание Озеров читает самый резкий отзыв о диссертации, где хлопает по плечу ее историческую и описательную часть (а это семь глав), как «иллюстрацию», а восьмую главу — теоретическую — зовет вещью высокомерной и совершенно неудачной. Заключает, однако, признанием работы удовлетворительной. Члены факультета (Шершеневич) указали ему, что вывод

[*1] Конечно, он не ведет никаких практических занятий. Впрочем, здесь он не составляет исключения. И некоторые другие московские профессора-юристы, избалованные тысячными гонорарами за лекции, считают ниже своего достоинства вести семинарий с 30—40 студентами и переваливают на приват-доцентов все практические занятия, кстати сказать, плохо поставленные. — *Вписано в конце страницы.*

не следует из посылок. Хвостов указал, что необходимо покончить с укореняющейся на юридическом факультете практикой резких отзывов о диссертациях, допускаемых к публичной защите (так было и с диссертациями Савальского[37] и Полянского), и что необходимо либо отвергнуть диссертацию, либо отложить суждение о ней и поручить официальному оппоненту изменить свой отзыв. Поставили на баллотировку вопрос, иметь ли суждение о диссертации немедленно или отложить суждение до следующего заседания, когда главный официальный оппонент представит измененный отвыв. Голоса разделились пополам, 4 против 4 (юридический факультет очень малолюден), и голосом председателя решили отложить суждение.

Следующее заседание состоялось вчера, в пятницу. Озеров представил более спокойный, но все же неприязненный отзыв. Единогласно решили допустить диссертацию к публичной защите. Диспут назначен на будущую субботу, 13 марта.

Гензель страшно расстроен. Он мечтал о кафедре в Москве. Но он совсем искренне не подумал бы о том, чтобы стать поперек дороги своему учителю, выступить его конкурентом. А по-видимому у Озерова живо именно такое подозрение. Иначе трудно объяснить явное желание повредить Гензелю, уронить его в глазах факультета, нанести ему ряд булавочных уколов, которые приват-доцент вынужден сносить безропотно от своего начальства (например, экзаменуют рядом Озеров и Гензель. Озеров проваливает половину студентов, Гензель одного из восьми. Озеров в присутствии студентов делает выговор Гензелю за чрезмерную снисходительность), а главное нельзя объяснить крутого и ничем не вызванного перехода от учительского благожелательства к злопыхательству.

Странно и поведение Хвостова. Он на днях публично заявлял в гостях у Сыром[ятникова], что Гензель страдает манией величия, что он узкий специалист и не годится для Московского университета. Это, конечно, предвестие возвращения Озерова. Но это в то же самое время грубая несправедливость по отношению к Гензелю. Гензель — человек очень скромный, очень ученый и умный, с исключительной работоспособностью.

Гензелю предлагают кафедру в Казани и Варшаве. Он не знает, что ему делать, особенно потому что с возвращением Озерова в Москву, вероятно, Мигулин пожелает перейти в Петербург и тогда освободится кафедра в более привлекательном Харькове. Бедный Гензель, он относился к этому Озерову даже с пиэтетом, а тот подозревает его в черных и некрасивых интригах. Какое отсутствие чуткости, какая грубость душ!

8 марта, понедельник. Сейчас Гензель говорил мне по телефону, что был — отчасти и по моему совету — у Мануилова, со стороны которого встретил самое доброжелательное отношение. Мануилов не советует

Гензелю бросать Москву. Факультет в скором времени предложит Озерову выбирать между Москвой и СПБ и тогда положение выяснится. Если Озеров выберет СПБ, тогда Гензель единственный кандидат, и не будет действительно совершенно неуместной конкуренции ученика и учителя. Но если даже Озеров решит вернуться в Москву, то факультет может ходатайствовать о разрешении избрать второго профессора по кафедре финансового права, ибо свободные кафедры на факультете имеются.

9 марта, вторник. Сегодня факультетское заседание. В одной министерской бумажке министр, обращаясь к попечителю, говорит «во вверенном вам университете». Обсуждается измененный план преподавания по исторической группе, в существе дела составленный Виппером. Виппер не соизволил придти на заседание защищать собственный план. Зато появился Виноградов и, ни слова ни сказавши товарищам по кафедре, стал критиковать выработанный группой план. Хороши товарищеские отношения. Петрушевский был, но вначале не возражал, так что мне пришлось защищать план группы. Может быть Виноградов и обиделся на дерзость ученика, но если бы я этого не сделал, получилось бы для группы очень странное и глупое положение. За Виноградова стояло большинство присутствующих и те его предложения, на которых он настаивал, приняты, в том числе и предложение включить в число основных курсов исторической группы два курса по истории церкви.

Впечатление от заседания тяжелое.

Среда, 17 марта. В субботу был диспут Гензеля. Гензель очень взволнован и сказал бледную речь. Озеров вначале держался спокойно, но скоро потерял равновесие и стал возражать с наскоком и личным раздражением. Временами он принимал пренебрежительный тон и говорил как профессор с плохим студентом, или начальник с провинившимся подчиненным. Диссертация Гензеля, к сожалению, не Бог весть какая, а последняя глава, теоретическая часть слаба. Конечно, и Озеров диалектик не из сильных. Но здесь иногда он был прав. А Гензель защищался в общем неудачно, иногда например, не отвечал прямо на возражения, но долго говорил не по существу, на что Озеров резко ему указывал. И все-таки Озеров вел себя так, как не следует вести себя на диспуте.

Второй оппонент, Елистратов (доктор полицейского права, перешел из Казани, откуда его вытеснил попечитель; но попечитель оказал Елистратову услугу: в субботу 20 марта Елистратова выбирают у нас в совет на кафедру полицейского права) держал себя очень корректно и произвел благоприятное впечатление.

Несмотря на то, что заранее можно было ожидать тяжелого диспута, Гензель позвал к себе гостей после диспута. Были все юристы, из фило-

логов только я. Было два стола, и произошел естественный отбор: за один стол он и профессора, за другой приват-доценты (только я скромно уселся за «младший» стол). И тут, несмотря на все радушие хозяев, чувствовалась натянутость. Гензель в тосте выражал пожелание, чтобы остались без перемены его отношения к «дорогому учителю». «Дорогой учитель», конечно, отвечал любезно, но с известной сдержанностью. Алексеев говорил о кочевых привычках Озерова, что едва ли было приятно последнему. Приват-доценты молчали. Разошлись рано.

Вчера заседание факультета. Новый подвох от министерства, требования точно соблюдать статью 78 устава 1884 года, которая не может быть точно соблюдена при господстве предметной системы. Статья 78 требует, чтобы в учебных планах точно были определены для каждого семестра курсы, семинарии в экзамены, необходимые для зачета. Предметная система основана на очень широкой свободе и на зачете предметов, а не семестров; для зачета семестров возможно установить лишь очень маловажные требования, вроде записи на один курс и на один семинарий. Весь этот подвох производит впечатление чего-то мелкого и трусливого. Нет мужества открыто осудить и отменить предметную систему. Хотят повалить ее некрасивыми подходами сзади.

Мелкий, но характерный инцидент с Покровским. Он просится в отпуск на шестой неделе и представляет мотивировку. Вдруг из округа приходит ответ о невозможности дать отпуск в виду того, что просьба факультета не мотивирована и что могут пострадать учебные занятия. Покровский вскипел. Отпуска в учебное время даются министром, а не попечителем. Как смеет попечитель не разрешать отпуск, и в особенности находить мотивировку неосновательной! Но прежде чем поднять дело в факультете, он наводит справку у секретаря совета, и что же оказывается? По-видимому, попечитель не виноват. Секретарь факультета, Грушка, вовсе не послал к попечителю объяснительной записки Покровского, а просьбу факультета о разрешении отпуска Покровскому держит у себя дней 10. Попечитель, получив просьбу о командировке в учебное время без мотивировки, по-видимому, был обязан вернуть ее факультету. Покровский думает, что Грушка умышленно причинил ему эту неприятность.

Я скорее склонен видеть здесь непростительную небрежность. Как бы то ни было, Грушка даже не извинился перед Покровским, когда раскрылась эта история. И теперь Покровский не говорит с Грушкой.

20 марта. Вчера заседание факультета на ВЖК. Обсуждался план преподавания на ВЖК и происходило сечение зазнавшихся молодых людей. Васютинский, специализировавшийся на революциях и революционерах и расправляющийся со своими семинариями весьма храбро, предложил целых три семинария. На курсах не принято, чтобы

кто-нибудь предлагал более двух семинариев. И предложения все нелепые, например, предложение разбирать с <u>начинающими</u> мемуары времени французской революции, причем в числе этих мемуаров указаны почему-то только Chaumette[38] и Julien[39]. И в довершение смехотворности от участниц семинария не требуется даже французского языка. Или еще предлагаются занятия по немецким социальным и политическим учениям первой половины XIX века, «например, по Вейтлингу»[*1]. Васютинский был жестоко высечен деканом ˹и другими˺, который в этот вечер был очень строг. Молодого человека заставили совсем отбросить свои мемуары и дать более определенные указания относительно своего Вейтлинга. Оказывается, он «забыл» упомянуть о других писателях.

Хорош был и большой выход Гольд[неразб?]. Он заявил, что собирается вести семинарий особого, высоко научного типа и что на этот семинарий примет всего несколько человек, почему и отказывается от всякого вознаграждения. Немедленно и жестоко был сокращен деканом, который разъяснил, что ни один преподаватель не смеет обзывать чужих семинариев ненаучными и отказываться от вознаграждения.

Еще разбирали столкновение двух психологов, Соколова и Викторова. Соколов не хочет давать Викторову приборов, нужных для демонстраций на лекциях по психологии. Заставили дать. Еще выбирали знаменитого Коновалова[40]. Декан предлагал выбирать его в полноправные преподаватели, т.е. в члены совета. Но ему с разных сторон указали, что у Коновалова Синод отнял магистерскую степень, а преподавателями курсов теперь министр утверждает только лиц со степенями, и что опального Коновалова наверное не утвердят в качестве члена совета. Безопаснее выбирать его в помощники преподавателя. Так и поступили. Интересно, утвердят ли его.

Недавно на ВЖК был инцидент при выборе сифилидолога. Решили заместить должность в порядке рекомендации. И вдруг оказалось, что факультет предлагает <u>двух</u> кандидатов, Павл[инова] и юркого Членова, причем на факультете каждый из них получил 15 избирательных и 14 неизбирательных шаров. В совете жаловались, что не могут разобраться в этом странном предложении, и прокатили обоих, оба получили по 26 неизбирательных и по 20 избирательных.

Сегодня в университетском совете были выборы экстраординарного профессора по кафедре полицейского права. В порядке рекомендации факультет единогласно избрал перешедшего из Казани приват-доцента

[*1] Или еще предложение пускать к себе на семинарий «по своему выбору» или только уже занимавшихся у него. Спрашивают, что такое «свой» выбор. Ответ: А уж это я буду удостоверяться, каким бы то ни было способом. — *Вписано в конце страницы.*

Елистратова. В совете он получил 46 избирательных и 4 неизбирательных шара. Больше в совете ничего интересного не было.

Понедельник, 22 марта. Вчера праздновалось 25-летие Психологического Общества[41]. Набралось очень много народа. Говорил первым Лопатин. Он, не знаю в который раз, повторил свои любимые утверждения о спорности предпосылок естествознания, о многозначности причины, о возможности перерыва в ряду механической причинности. Интереснее была резкая критика неокантианства, мелкой борьбы, мелких школ (Cohen[42], имманентная школа[43], Rickert[44] — Windelband[45]), которые устроили себе бога из Канта и относятся к историческому Канту приблизительно так же, как средневековая схоластика относится к историческому Аристотелю. Всего любопытнее была необыкновенно высокая оценка прагматистов, в особенности Джемса. Речь была порою спорна, порою узка, но все-таки умна и интересна. Но, Боже, что последовало за нею. Фокусник из Таганрога вздумал говорить об индивидуальной психологии, а вместо этого повторил в третий раз свои изобличения другого фокусника, петербургского (Нечаева), который в настоящее время морочит российских педагогов. Какая это была пошлость! Челпанов с апломбом профессора белой и черной магии сообщал публике, что психологические эксперименты лучше поручать подготовленному человеку, нежели неподготовленному, что лучше наблюдать одного человека сто раз, чем сто человек один раз, что внимание не есть величина постоянная, что один и тот же человек бывает то внимателен, то рассеян, что психологи до сих пор еще не установили, кто умнее, мальчики или девочки. Публика хлопала, а Челпанов кланялся. И после этого смеют говорить о подъеме философских интересов в России.

Третьим говорил Новгородцев, очень обще и бессодержательно, но по крайней мере с присущею ему вымученною красотою слога. Говорил о падении веры в земной рай и об отношении между личностью и обществом. Печальное зрелище. И К.Я. Грот немало болтал, но все-таки Лопатину [1-](куда же он выше)[-1] должно быть было грустно слушать эпигонов.

30 марта. Сегодня заседание факультета. Был Виноградов и держал себя не очень гордо. Миллер появился в первый раз в моем опыте. Ему ужасно хочется провести графиню Уварову в почетные члены университета, и он написал к сему случаю длинное представление, которое не вызвало возражений, Виноградов даже поддержал его.

После был бой между Розановым и Де Ла Бартом, очень резкий и тяжелый. Ла Барт заявляет, что Розанов восстает против чтения объявленных им курсов по истории литературы XVI и XIX, в виду того, что он,

Розанов, сам будет читать эти курсы в будущем году. Если факультет станет на точку зрения Розанова, то он, Ла Барт, сымает всякие курсы. Отвечает декан: Розанов старый преподаватель, на котором долго лежала вся тяжесть преподавания западных литератур, оттого неудобно объявлять параллельные ему курсы, не согласится ли граф взять например, историческую поэтику или сравнительную грамматику романских языков. Подымается Розанов и заявляет, что никакого запрета читать курсы нет и что только в видах экономии преподавательских сил и большей полноты преподавания он предлагает Ла Барту читать не параллельные, а дополнительные специальные курсы и жалуется, что Ла Барт уклонился от всякого соглашения. Ла Барт ответил, что наоборот Розанов держал себя так, что всякое соглашение было немыслимо. Петрушевский вскипает и заявляет, что решительно протестует против всяких покушений на свободу преподавания, и что приват-доцент Ла Барт может читать любой курс. Декан поспешил заявить, что никто не покушается на свободу преподавания. И действительно дело шло не о праве Ла Барта читать какойугодно курс, а о том, считать ли обязательным и принимать ли к зачету объявленный им общий курс, параллельный курсу Розанова. И все-таки горячность Петрушевского оказалась полезною. Розанов спешит заявить, что ведь можно представить себе очень много курсов специального характера, по отдельному писателю или по какой-нибудь литературной форме, которые и мог бы взять на себя Ла Барт. И декан сдается, предлагает Ла Барту назвать свой курс по литературе XVI века специальным, и тогда его можно будет принимать к зачету. На этом и порешили.

Ключевский собирается опять читать лекцию в будущем году.

Декан сообщил, что в СПБ склонны возможно больше тянуть дело об утверждении или неутверждении Кизеветтера.

1 апреля. Сегодня Котляревский говорил, что ездил в СПБ и виделся со Шварцем. Шварц говорил, что в настоящее время нечего и думать об утверждении Кизеветтера. Пуришкевич теперь сила. И раз он обратил благосклонное внимание «сфер» на автора шпаргалки, то последнему не бывать профессором. И выборжцев пока нельзя продвинуть в профессора (Котляревского, Новгородцева). Гессен утвержден в политехникуме как-то хитро, накануне речи какого-то правого, кажется Замысл[овского], с обличением политехнических порядков.

27 апреля. Вторник Фоминой[46]. Сегодня в «Русских Ведомостях» телеграмма: «Передают, что избранный Московским Университетом на кафедру офтальмологии приват-доцент Маклаков не будет утвержден в должности профессора. Министерство народного просвещения запросило на днях профессора Новороссийского университета Головина, согласен ли

он быть назначенным на кафедру офтальмологии в Москве. Ответ получился утвердительный». Признаться, такой храбрости со стороны черных я не ожидал. Мы, очевидно, сделали уж очень большие попятные успехи.

30 апреля. На заседании факультета во вторник Челпанов от своего и Лопатина имени прочитал отзыв о диссертации Викторова об Авенариусе. Отзыв крайне сдержанный, известное значение признается за книгою только в «русской» литературе, как будто бы ценность книги зависит от языка, на котором книга написана. Никто не возражал, диспут назначен на воскресенье. Челпанов подымает вопрос о том, нужно ли ограничить доступ на диспут и не желательно ли пускать публику только по билетам. Ему мерещится, что на диспут придет невероятное количество слушательниц Викторова и немалое количество обоеполых членов р[оссийской] с[оциал] д[емократической] п[артии], которые заступятся за Авенариуса (который будто бы провозглашен партийным философом частью эсдеков) и Викторова, а оппонентам устроят враждебную демонстрацию. Кажется, эти страхи совершенно фантастичны. Но против билетов остальные члены факультета восстали. При голосовании сам Челпанов должен был высказаться против билетов. Его предложение было нелепо еще потому, что совсем не оказалось бы времени напечатать билеты в необыкновенно медленно работающей университетской типографии и оповестить о них публику. Затем «греческий человек» делает другой подход. Он спрашивает, нужно ли на диспуте читать отзыв факультета о диссертации. Ведь факультет отлично знает этот отзыв. Зачем же читать этот отзыв во второй раз и утомлять публику? Члены факультета выражают на лице недоумение. Что сей сон значит? Недоразумение быстро разъясняется. Видите ли, между отзывом факультета о книге и впечатлением публики от диспута может оказаться сильное противоречие, например, отзыв его, Челпанова о книге довольно суров, а на диспуте, по недостатку времени, не успеешь выяснить всех недостатков книги. Это уже прямо трусость. Хочется одновременно и уколоть диссертанта очень прохладным отзывом, и уклониться от публичной ответственности за свой отзыв. К счастью, и здесь был оказан дружный отпор. Челпанову указали на традиции Московского университета (а Челпанов человек пришлый) и на то, что зрелый авторитетный отзыв факультета как раз и должен быть противовесом случайному впечатлению публики.

Сегодня Котляревский сообщил слух о том, что назначение Головина уже состоялось, и состоялось по настоянию вдовствующей, к которой проныра сумел найти ход. Что касается утверждения Кизеветтера, то пока начальство действует измором. Попечитель все еще не удосужился направить представление совета в министерство и все еще собирает какие-то сведения о Кизеветтере. Какой, подумаешь, малоизвест-

ный человек этот Кизеветтер. Но хорошо это или плохо, сказать трудно по теперешним временам. Конечно, эта волокита может завершиться неутверждением. Но все же надежда не потеряна.

1 мая. Вчера на заседании юридического факультета решили отклонить большую диссертацию Борового «История личной свободы во Франции», 8 голосами против 4. Боровой странный человек. Учился в консерватории, был оставлен Тарасовым по кафедре полицейского права, но занимался больше политической экономией, а когда касался проблем государственного права, то выступал с проповедью анархизма. Диссертацию же он написал чисто исторического характера, выбрал для изучения революционный период, в котором в области административного права царствовал хаос. Но и историк и из него вышел плохой, ибо у него нет ни исторической подготовки, ни исторического дарования. А между тем он, безусловно, человек способный, может быть прямо талантливый. Я никогда его не слышал. Но слышавшие говорят, что он блестящий лектор. Он одно время имел большой успех у молодежи. Странен он и по своей политической позиции. Администрация года два тому назад оштрафовала его и запретила ему читать лекции не в университете, а так называемые прогрессивные профессора косятся на него за то, что он находится под покровительством Тарасова. Тарасов, хотя и с большими оговорками, высказался за принятие диссертации. Но Елистратов настаивал на том, что работа не имеет никакой цены для юриста. Обратились к Котляревскому и спросили его, принял ли бы филологический факультет работу Борового в качестве исторической диссертации. Котляревский при всем нежелании вредить Боровому конечно никак не мог дать решительного ответа. Но, конечно, не исторические, а кридические особенности книги, вкупе с неприязнью к лицу, решили дело.

Вторник 4 мая. Вчера вечером был совет, на котором я не был. Выбирали помощника ректора. Переизбрали Мензбира, 49 голосами против 11.

Воскресенье, 9 мая. Пока свежо воспоминание, запишу несколько слов о диспуте Викторова, бывшем в воскресенье, 2 мая. Народу собралось гораздо меньше, чем ждали, человек 300, пришли главным образом курсистки. Диспут был интересен главным образом потому, что раскрыл Челпанова. Ежели и раньше существовали сомнения насчет его ума, то теперь размеры этого мнимо-загадочного и важничающего человека стали ясны для всех слушателей. Он прямо таки ограниченный человек, наделенный известными преподавательскими дарованиями и большим трудолюбием. На диспуте он вел себя прямо жалким образом. Начал с того, что объявил Викторова скрытым авенарианцем и потребовал от Викторова

обнаружения своей философской веры, от чего Викторов отказался; затем обвинил Викторова в том, что он оказывает Авенариусу плохую услугу указанием на источники философских взглядов Авенариуса; если бы читатели Викторова прочли в его книге, что Авенариус был оригинален во всех своих взглядах, то они прониклись бы благоговением к Авенариусу, а теперь читатели увидят, что Авенариус одно заимствовал у Цельнера, другое у Штейнталя, третье у Геринга и не будут читать Авенариуса. Было еще одно не менее глупое возражение. У Викторова говорится в одном месте, что Авенариус неверно понимал Юма и Канта. Челпанов возражает: «Как вы смеете говорить такие ужасные вещи! Я на экзамене требую, чтобы каждый студент верно излагал мне Юма и Канта, а вы пишите, что Авенариус не понимал Юма и Канта. Разве вы забыли, что Авенариус был ординарным профессором философии?» В таком духе Челпанов возражал битых три часа и среди этой бесконечной пустоты трудно было выбрать три — четыре дельных возражения. Кончил он грубо и бестактно, обвинил Викторова в недостатке патриотизма, в систематическом пренебрежении к русской литературе, в которой будто есть немало ценных замечаний об Авенариусе; Челпанов придает известное философское значение даже Луначарскому и Богданову. Был ли греческий человек здесь искренен или же хотел за дешевую плату приобрести симпатии большевиков, я не знаю. Только цели своей он вряд ли достиг.

А между тем возразить Викторову было вовсе не трудно, и это обнаружилось сейчас же как стал говорить Лопатин. Он обошелся с Викторовым очень сурово и справедливо указал на чрезвычайно непритязательный характер диссертации, которую он назвал летописью. Действительно, Викторов ограничился изложением и упрощением Авенариуса; его историческия изыскания и критические замечания очень отрывочны. Лопатин говорил интересно, умно и старался показать неясность, противоречивость основных понятий у Авенариуса. С Челпановым Викторов справился очень ловко и очень легко, отвечал коротко и насмешливо, но на очень серьезные возражения Лопатина Викторов почти не отвечал; правда нужно прибавить, что он успел сильно устать к тому времени, когда стал говорить Лопатин.

А Челпанов, по-видимому, безнадежен. Как и в Психологическом обществе, так и здесь он даже не понял, что провалился и, уйдя отдохнуть после своих возражений, вернулся в аудиторию с сияющим лицом.

В четверг было заседание факультета на ВЖК. Между прочим разбирался вопрос о преподавании экспериментальной психологии, которое поручено профессору духовной академии Соколову. Я в первый раз увидал и услыхал его и получил очень сильное впечатление, особенно от его манеры говорить. Он говорит медленно, певуче, лениво, самоуверенно, картавит и пришепетывает, совсем как видавшей виды и мно-

го поживший, бывавший за границей русский дворянин, настоящий boulevardier**. Воображаю, как он должен быть эффектен у Троицы, в присутствии митрополита. Психолог он, говорят, хороший.

На заседании его обидели. Он просил себе 1000 рублей на приборы. Викторов, который преподает общую психологию и уже имел с Соколовым столкновение из-за пользования приборами, обычно ведет себя очень тихо, даже молчаливо. На этот раз он выступил, правда очень спокойно, но очень резко и заявил, что при настоящих условиях, когда на курсах нет ни кабинета, ни лаборатории, ни аудитории для преподавания экспериментальной психологии, научное преподавание этого предмета немыслимо. Иными словами, Соколов преподает шарлатански. Странно, что декан не указал Викторову на малую уместность его замечаний. В прениях многие советовали поискать для Соколова более удобное помещение и в случае успеха дать ему тысячу на приборы. Но декан, явно не сочувствовавший Соколову, не поставил вопроса на голосование и несколько произвольно резюмировал прения в том смысле, что при настоящих условиях преждевременно просить денег на приборы.

Среда 12 мая. Шварц внес в Думу свой проект университетского устава, кажется подвергшийся небольшому изменению в Совете министров.

Котляревский сообщил, что 29 мая его будут выбирать на кафедру государственного права. Я уезжаю 30-го и, стало быть, могу участвовать в выборах.

Воскресенье, 23 мая. Заседание совета, на котором будут выбирать Котляревского, назначено на среду, 26 мая, так что я могу на нем присутствовать (я уезжаю в Тироль 30 мая).

Прошлый четверг было заседание факультета на ВЖК, где философы помирились: Челпанов ходатайствовал о том, чтобы Соколову отпустили 1000 р. на приборы. И отпустили. Кстати о Челпанове. Он глядит теперь именинником: С. Щукин пожертвовал ему 100.000 на лабораторию. Но и тут пошли дурные слухи, надеюсь ложные. Говорят, будто этим путем сын Щукина хочет обеспечить себе оставление при университете. Говорят, будто Челпанов едет в Америку смотреть тамошние лаборатории не один, а для пущей важности со свитой из двух «ассистентов». Я не хочу верить этому.

Четверг 27 мая. Я боялся, что совет вчера не состоится, и что Котляревскому придется ждать выборов до осени. Но очень много народу прислало извещения о своем отъезде из Москвы, а такие не входят в счет кворума, а заседание состоялось. Перед выборами помощник

** boulevardier (франц.) — завсегдатай парижских Больших бульваров.

ректора жаловался, что министерство до конца мая не удосужилось утвердить смету специальных средств, посланную в СПБ еще в январе. Оттого университет приостановил платежи младшим преподавателям и многим своим поставщикам. Некоторые в безвыходном положении. Потом приступили к выборам. Секретарь юридического факультета Гидулянов прочитал длинное представление факультета, но читает он отвратительно, разобрать почти ничего нельзя, и все стали разговаривать. Говорили два декана. Камаровский с обычного торжественностью и преувеличенностью, Любавский с необычною теплотою и пожалуй тоже преувеличенностью. Котляревский получил 48 голосов против 4. Дело за Шварцем. Я пошел из заседания поздравить Котляревского, застал дома и просидел с полчаса.

Пришло утверждение Мартынова в должности экстраординарного профессора по кафедре госпитальной хирургической клиники. Слышно, что его место в Екатерининской больнице хочет занять Рейн.

Прерываю свои короткие заметки до осени, хочу посмотреть Тироль.

Да, министерство прислало бумагу, в которой зовет незаконным постановление совета о рассылке имеющихся в архивах совета материалов по университетскому вопросу.

Осень 1910. 20 августа.

Провел лето в южном Тироле. Скверная погода мешала, и все-таки было хорошо. [1-]Но я превратился в полуинвалида[-1]. Университетские новости за лето. Кизеветтер не утвержден. Медицинскому факультету предложено объяснить, почему он выбрал не Головина, а Маклакова. Пропал студент. Везде, кроме Москвы, недобор против комплекта. В Харькове, даже в СПБ, недобор очень велик.

4 сентября, суббота. Во вторник уже факультетское заседание. Сегодня видел в библиотеке Кизеветтера. Он спокоен, но сурово судит о теперешнем политическом положении. Я спрашивал его, вернется ли он к политике. Он говорит, что его тянет ученая, даже архивная работа. Если бы наши заправилы знали, как бессмысленны их кары. Но у них глаза в шорах и они не способны побороть в себе чувство личной обиды, мстят долго и скверно. Кизеветтер сообщил слух, будто дело о Котляревском, еще не решено и будто министерство затребовало избирательный протокол. К чему это? Ведь там так мало интересного. Еще слух. Будто вчера вечером в одном из университетских зданий нашли несколько заряженных бомб. Совершенно невероятная вещь. Первое, что приходит в голову — это подозрение, что бомбы подложены кем-нибудь из университетских слушателей, среди которых имеются члены социалистов-революционеров.

В библиотеке теперь появился Никольский, держит себя очень скромно и возвращается к своим греческим надписям. А в «Биржевых Ведомостях» летом пустили слух, будто его прочат в московские попечители.

Среда. 7 сентября. Первое факультетское заседание. Декан доложил о приеме. Без греческого принято 119, с греческим 52 (а в прошлом году всего было 25). Из принятых в 1908 еще не сдали греческого 12 и исключены. Из принятых в 1909 еще не сдали греческого 76.

Внесены формально ходатайства об оставлении. По всеобщей истории оставляются Евгений Алексеевич Косминский и Николай Михайлович Попов. Совершенно неожиданным для меня было ходатайство П.Г. Виноградова об оставлении серого А.А. Захарова. Весною я говорил с П.Г. [Виноградовым] об этом муравье, и Виноградов как будто отказался от этой мысли. А теперь присылает представление. Петрушевский предложил отложить обсуждение до следующего заседания ввиду отсутствия Виппера (он был, но ушел до конца заседания). Декану это предложение было неприятно, но скрепя сердце он согласился отложить. По русской истории оставляют И.А. Голубцова.

Ключевский все-таки не будет читать в осеннем полугодии. Просят об отпуске Романов, Викторов, Сакулин, все хотят писать диссертации.

Немало говорили о том, можно ли оставленным при университете, получающим министерскую стипендию в 1000 р., брать какие-нибудь посторонние занятия. Это по поводу намерения Блонского читать на курсах Алферова[47]. Решили давать такие разрешения только в особо уважительных случаях. Челпанов заявил, что в данном случае особо уважительных обстоятельств нет, и Блонскому отказали.

А бомбы оказались подлинными бомбами. Их нашли даже в филологической аудитории, в № 7. Они были завернуты в газеты 1906 года и значит спокойно лежали под амфитеатром 4 года. Хорошо же убирают служители! В 1906 их могли спрятать и студенты, и посторонния лица и провокаторы. Не знаю, будет ли этот казус иметь последствия.

11 сентября, суббота. В среду 1 советское заседание. Л.М. Лопатин превратился в заслуженного ординарного профессора.

15 сентября, среда. Первый совет. Народу мало. Скучно. Выбирают советскую комиссию, конечно прежнюю, и суд с небольшими переменами. Читают министерскую бумагу про выборы глазника, глупую и дерзкую. Головин заслуженнее, ученее и опытнее Маклакова; единственный в комиссии окулист (Ложечников) высказался против Маклакова; министр не утверждает Маклакова, велит факультету пересмотреть дело и указать мотивы в том случае, если не будет избран Головин. Медицин-

ский факультет сочинил довольно приличный ответ, который принят советом. Факультет конечно указывает, что выборы были произведены в полном соответствии с законом, а что мотивы тайного голосования неизвестны. Характерно, что министерство не заметило, что в составе комиссии было два окулиста (Ложечников и Гиршман).

Немногим лучше бумага о Кизеветтере. Министр не утверждает Кизеветтера и предписывает факультету безотлагательно озаботиться выбором нового лица для замещения вакантной кафедры. Кафедра вовсе не вакантна. Как министр может предлагать немедленно выбрать новое лицо, когда факультет вправе ходатайствовать о назначении конкурса или даже может вовсе никого не выбирать. Министр может назначить профессора, но не может заставить выбрать профессора. Советом дело передано в факультет. Хочется думать, что в факультете все-таки удастся выработать приличный ответ.

Министерство ничего не делает, до сих пор не утвердило обозрения преподавания на 2 факультетах, не утвердило сметы на ремонт (на 28.000); правление все-таки произвело ремонт. Но зато из округа пришла кляузная бумажка о вознаграждении приват-доцентов.

21 сентября, вторник. Сегодняшнее заседание факультета — заседание о Захарове. Секретарь читает протокол. Неожиданно оказывается по протоколу, что факультет в прошлом заседании решил оставить Захарова. Даже декан протестует, хотя робко, и говорит, что такого решения не было. Петрушевский очень решительно заявляет, что в протоколе неверно изложено то, что было в заседании, что необходимо исправить протокол. Между Грушкой и Петрушевским происходит обмен довольно резкими словами. Декан предлагает решить вопрос о протоколе голосованием. Я указываю на нелепость этого предложения. Переходят к вопросу о том, обсуждать ли кандидатуру Захарова. Секретарь, державшийся сегодня очень дерзко и развязно, пробует доказывать, что обсуждать нельзя. Лопатин заявляет, что надо просто оставить Захарова, что всякое обсуждение будет оскорблением Виноградову, ибо Виноградова не запрашивали о кандидатуре Попова и Косминского, а теперь собираются спрашивать мнение отсутствовавшего Виппера. Петрушевский решительно указывает на неуместность разговоров об оскорблении и высоких качествах Виноградова; каждый оставляемый при университете подлежит обсуждению в факультете, и приводит из практики нашего факультета случаи, когда факультет расходился с оценкою представляющего. Фактически переходят к оценке кандидатуры. Виппер говорит довольно резко о том, что это представление делается вопреки мнению товарищей по кафедре, и что его особенно удивляет как Виноградов мог признать Захарова особенно годным для занятий древней историей, которая находится в его, Виппера, веде-

нии. Я тут иду против Виппера и указываю, что у Виноградова был свой семинарий по древней истории, на котором он мог узнать Захарова. Виппер зовет Захарова бездарным и говорит, что ему даже не могло бы прийти в голову оставить Захарова при университете. Щепкин просит Виппера разъяснить, что такое бездарный, и говорит что-то невразумительное о различных видах бездарности. Виппер отказывается объяснить. Тогда Грушка позволяет себе дерзость, говорит о нежелании или неумении Виппера дать характеристику Захарова. Виппер просит призвать грубияна к порядку. Но декан дает зарвавшемуся договорить и только потом, путаясь и робея, делает Грушке невразумительные замечания. Петрушевский делает характеристику Захарова, которая кажется Челпанову недостаточно убедительной. Грушка с пафосом говорит о высоких педагогических талантах Виноградова, о том, что к нему идут лучшие студенты и что Захаров его ближайший ученик. Декан передает необыкновенно лестный отзыв Никитского о Захарове. Покровский сомневается в дарованиях Захарова. Я указываю на необходимость дождаться ответа Виноградова на возражения, сделанные по поводу его представления. Но факультет большинством голосов решает немедленно голосовать вопрос без обращения к Виноградову и оставляет Захарова. Виппер ушел до конца заседания. Грушка, конечно, изобразит все Виноградову в должном свете, и скверные уже отношения грозят превратиться в невыносимые.

Суббота, 25 сентября. Сегодня в «Русских Ведомостях» известие, будто Шварц и Георгиевский уволены в отставку и будто наш Кассо назначен министром. Кого и когда пленил черный молдаванин, недоумеваю. При проезде через Москву, Столыпин действительно два раза принимал его. Кассо по слухам очень прав, но он такой замкнутый, что кажется, сами товарищи — юристы не знают его как следует. Выдвинули Кассо по всей вероятности свои люди — Крупенские[48], может быть, даже и Пуришкевич заступился. Впрочем, Котляревский сообщил, что Кассо — родственник Столыпинской жены.

Вторник, 28 сентября. Сегодня в «Русских Ведомостях» известие (полученное из СПБ от Шимкевича) о том, будто Шварц перед уходом в отставку утвердил Котляревского и Маклакова, и будто Кассо берет себе в товарищи Гуляева (очень правого) и столь хорошо известного москвичам Соколовского. Конечно смена министра дает формальный повод возобновить ходатайство о Кизеветтере, хотя по существу надежды на успех нет почти никакой. — Сегодня факультетское заседание прошло тихо и смирно. Петрушевский спросил декана о кафедре русской истории. Декан сообщил, что он виделся с Ключевским, и что Ключевский советует обождать с ответом на министерскую бумагу,

пока не выяснится положение. Декан прибавил, что здоровье Ключевского в неважном положении.

Среда, 29 октября. Сегодня в библиотеке видел ректора. Оказывается, что известие об утверждении Котляревского неверно. Пока нет никакого ответа. Но Маклаков утвержден. Ректор просил Кассо похлопотать об утверждении Котляревского, и Кассо обещал оказать посильное содействие.

Понедельник, 4 октября. Сегодня домашние принесли с улицы слух о внезапной смерти С.А. Муромцева. Я видел его в последний раз на заседании совета 15 сентября. Торжественный, даже напыщенный как всегда, он подошел к нашей маленькой группе историков и говорил о том, как провел лето в Kissingen**, как хорошо поправился и как под конец мог ходить километров по 20—25. Я до сих пор не понимаю, почему после выборского процесса он бросил адвокатуру и стал усиленно читать лекции, часов по 18—20 в неделю; думается, что это форсированное чтение ускорило развязку. Я мало знал его и потому основное впечатление — внешнее, почти жреческой осанистости и красоты, в походке, лице, речи, манерах. Его жизнь на людях была точно сплошным священнодействием, даже когда в 90-х годах я видел его в опале, на кресле председателя юридического общества.

Получил повестку о том, что в 7 часов вечера будет панихида в университетской церкви. Покойному оказываются чрезвычайные почести.

Вторник, 12 октября. Что сказать о похоронах Муромцева, что были в четверг? Было много порядку и много народу. Но народ, в условном смысле ибо простого народу было мало, не шел за гробом, а больше смотрел на шествие; собравшаяся же во множестве учащаяся молодежь по преимуществу образовывала цепи. Порядку было столько, что в церковь пускали с очень строгим выбором и ее не заполнили. Из неуниверситетских властей не явился никто. Не явился даже никто из думских и земских октябристов. Люди, упрекающие кадетов в партийности, проявили в полном блеске свою способность подняться над партиями. Я не ходил на кладбище. Хотя все обошлось по-хорошему, Курлов специально приехал из СПБ разыскивать похоронные беззакония. И нашел. На похоронах были гимназисты, которым полагалось сидеть на уроке. Составить список и расследовать причины. Редактору «Русского Слова» за какой-то пустяк по поводу похорон велели на три месяца сесть в тюрьму. Подъему на похоронах не было. Тишь и гладь.

** Киссинген — город и курорт в северной части Баварии.

Сегодня на заседании факультета декан сообщил, что в университетской типографии произведена растрата, тысяч на 13. Помощник ректора и советник правления (Рыбников) примут на свой счет, чего не удастся взять с растратчика, Шмелева; впрочем взять с этого Шмелева кажется почти нечего.

Был магистерский экзамен Успенского, отвечал не особенно удачно. Виппера не было, Петрушевский был по моему мнению слишком мягок, предложив поставить весьма. Я не настаивал на более низкой вценке, потому что все-таки кое-что Успенский знал. Экзаменоваться у Петрушевского легко: он только слушает и предлагает лишь очень общие вопросы.

В «Русских Ведомостях» по «Новому Времени» трогательное описание того, как Столыпин посетил клуб академистов (студентов) в его первую годовщину. Встречал и благодарил Пуришкевич. Столыпин на прощанье приветствовал хозяев клуба, как зарю возрождения, как молодую крепкую Россию. Теперь еще более обнаглеют. До чего мы еще дойдем!

Суббота 23 октября. Сегодня скучный совет. Медики выбирали декана. Снова выбрали Зернова, 27 голосами против 2. Пришел из министерства ответ о Маклакове, его утвердили, но высочайший приказ пока не получен, и потому Маклакова сегодня не было. Одна совершенно анекдотическая подробность. Министерство утверждает представление медицинского факультета о поручении временного преподавания по вакантным кафедрам, но делает выговор за запоздалую присылку представления. Что же оказывается? Представление говорит о весеннем полугодии 1910 года; Министерство утверждает представление в октябре 1910 года, то есть через несколько месяцев после окончания этого полугодия.

Среда, 27 октября. Помер Елеонский, серая фигура, по рассказам старших много бледнее Сергиевского. Вчера экзаменовали Фортунатова по древней истории. Спрашивали о египетских финансах птолемеева периода. Виппер по-видимому сам мало знает об этом предмете и не предлагает никаких вопросов; меня удивило, что он по-видимому не потребовал с Фортунатова никаких источников по этому вопросу; еще спрашивали о римских аграрных законах, здесь вопросы были, но в умеренном количестве. Вообще чувствовалась предвзятость в пользу Фортунатова; я его совсем не знаю, но по слухам он очень основательный человек. И все-таки лучше бы мерять более равною мерою. Отвечал он хорошо.

В заседании Петрушевский поднял вопрос о богадельне, которую завел на факультете священник Попов под флагом семинария по византийской истории. Нежелающие работать толпою устремляются к нему, и он позволяет себе давать такие темы для кандидатского сочинения, как «Мозаика Кахрия-Джами»[49]; факультет отверг эту тему.

Среда 3 ноября. Союзники обнаглели. Кассир общества взаимопомощи студентов — юристов, Флоровский, проворовался с некоторыми другими молодцами, обернулся союзником и конечно немедленно перешел в наступление, сочинил Пуришкевичу донос, по которому все растраты в обществе от того, что Мануилов покрывает растратчиков кадетов. В субботу какой-то Пиралов-Пиралянц на приеме у ректора швырнул ему в лицо свое прошение о приеме за то, что ректор указал ему на невозможность приема, 1) потому что вообще уже прошел срок для приема прошений, 2) потому что Пиралов был исключен еще в 1906 году и пропустил льготный срок для подачи прошения. Некоторые подозрительные люди и здесь видят руку союзников, которые будто подбили Пиралянца «замарать» ректора. Подозрительно, что с Пиралянцем было два каких-то студента, поспешивших убраться до составления протокола. Делу дан законный ход. Все факультеты являлись к ректору выражать свое негодование и уважение.

Видел сегодня Котляревского. Он был в СПБ и видел Шварца. Шварц конечно фрондирует, бранит Кассо и Столыпина. Кассо будто даже не понимает слов «условный кредит» и отказался для своего министерства от условных кредитов, чем поставил ведомство в очень трудное положение. Столыпин попал под влияние «академистов», которые учредили настоящее бюро с платными должностями по надзору над крамольными профессорами и студентами и делают доносы самолично Столыпину. Столыпин будто охотно слушает. Шварц будто предостерегал, говорил, что нельзя доверять доносам мальчишек на чиновников VI и V класса. Столыпин будто возражал: «Но ведь они говорят правду». Покойный С.Н. Трубецкой жаловался на педократию в университете. Тут педократия почище, в самом объединенном министерстве. Какой развал! Что касается Кизеветтера, то Совет министров будто резко настроен против его утверждения, и у Столыпина будто имеются неизвестные министру народного просвещения агентурныя сведения о политических грехах Кизеветхера. Но в министерстве будто не собираются замещать московской кафедры русской истории по назначению.

Воскресенье, 7 ноября. Помер Толстой, так же крупно и своеобразно, как жил. Пока еще неизвестно, когда и как его хоронят. Но страхи уже растут. Сегодня директор ВЖК уже получил две бумажки, одну от градоначальника, другую от попечителя, где совершенно конфиденциально требуется, чтобы на сходках по поводу смерти не выносили никаких резолюций, враждебных Синоду и правительству. Собрали советскую комиссию (кстати, меня выбрали туда без моего ведома). Директор спрашивает, как быть с собраниями. Решено позволять, даже в лекционные часы, а в день похорон закрыть курсы. Если же начальство за-

претит закрывать, то фактически никто не будет читать, а слушательницы с разрешения начальства устроят сходку в лекционные часы.

Сегодня советская комиссия заседает в университете.

Понедельник, 3 часа дня. На сегодня, 4 часа, назначено советское заседание по поводу смерти Толстого. Егоров только что телефонировал мне из университета, что сейчас там большая сходка, на которой отчасти уже приняты, отчасти предложены противосинодские и противоправительственные резолюции. Возможна каша. Лекций сегодня почти не было. Не было их даже в училище живописи и ваяния.

6 часов вечера. Я был на совете. Решили послать на похороны депутацию из трех человек — ректора, М.Н. Сперанского и М.К. Любавского. Философы уклонились под предлогом болезни. Ректор сообщил о сходке. Слух о резких резолюциях неверен. Сходка прошла мирно. Но студенты решили идти завтра к московскому дому Толстого для гражданского поминовения и к Курскому вокзалу для встречи и провожания депутаций. Если только они выполнят намерения, могут быть осложнения. Завтра решено университет для занятий закрыть.

На заседании был В.О. Ключевский. На его лице печать смерти. Я говорил с ним о его знакомстве с Толстым и о том впечатлении, которое могут произвести на народ гражданские похороны отлученного человека. Мне было больно глядеть на него, хотя я и сам болен. По что я в сравнении с ним? Меня не жалко.

Суббота, 13 ноября. Почитание памяти Толстого привело в высших учебных заведениях к ряду манифестаций. Были они и в Москве, но были много слабее, чем в СПБ. Советские комиссии в университете и на ВЖК собирались несколько раз, выслушивали «совершенно конфиденциальные» бумаги от градоначальника и попечителя (бессилие МНП сказывается и тут: градоначальник — оригинал, попечитель просто его переписывает) и совещались, как отписываться на эти бумаги, разрешать ли или не разрешать сходки. Настоящего учебного настроения не было у молодежи, и аудитории поредели.

Понедельник, 15 ноября. Порядок пока не восстанавливается. В воскресенье были уличные демонстрации, но довольно непротивленского свойства. Толпа учащихся при появлении конной полиции разбегалась. Выкидывали флаг с надписью: «Долой смертную казнь». Арестовали человек двести. Помощник градоначальника Модль заверяет, что полиция решительно никого не била, но что некоторые женщины из толпы бранились крепкими словами. Сегодня, конечно, явочные сходки с требованием освободить арестованных. Но сходки в немногих аудиториях, а

в большинстве аудиторий шли лекции. Да и сходки расходятся по требованию полиции. Какая-то странная, худосочная канитель. Советская комиссия собирается часто и толкует, что делать, разрешать ли сходку или закрывать заведение, или брать публику измором. На ВЖК решили пока пробовать последнее средство, читать пока только это возможно.

3 декабря. Я не писал давно. Раскис и трагедия с братом. А события конечно идут. Едва успел отойти Толстой, как надвинулось сечение политических каторжников в Зерентуе[50], за которым последовали покушения на самоубийство, у Сазонова приведшее к смерти[51]. Спешность запроса в Думе отклонили, но сейчас же сходки в высших учебных заведениях в СПБ. На этот раз учащиеся не расходятся добровольно, их пришлось удалять силою. При этом конечно пошли слухи о насилиях полиции, и в Думу внесен соответствующий запрос, которому вероятно тоже предстоит отклонение или отсрочка. Но у учащихся еще повод к волнениям. У нас есть специально московский повод. Левым студентам не понравилась статья кн. Е.Н. Трубецкого в «Русских Ведомостях» о студенческих толстовских беспорядках; созывалась сходка, разрешенная, выразить ему порицание. И выразили, конечно, браня либералов за трусость и клеветы на «демократическое» движение. Кстати, выразили негодование «штрейкбрехерам» толстовских дней. Умеренные студенты собирают подписи под заявлением о глубоком уважении к кн. Трубецкому. Это дело, вероятно, улеглось бы скоро, но подоспело зерентуйское дело. Очевидно, возбуждение есть, ибо теперь святки на носу, а у юристов, да отчасти и у нас, экзамены. И, тем не менее, в университете уже неспокойно. На ВЖК уже вчера была неразрешенная сходка, постановившая бастовать три дня. Сходку быстро разогнали, без особых последствий (в СПБ курсистки жаловались на грубое обхождение полиции, и одна из них, Таль, дала пощечину помощнику пристава). Сегодня, когда я шел на лекции в начале первого, я застал ворота университета закрытыми. Студентов туда не пускали. Полковник Модль уже дежурил в университете. Он входил в аудиторию № 1 юридического корпуса и просил студентов разойтись. Студенты отвечали, что они пришли не на сходку, а на лекцию Котляревского. Это, конечно, неправда, их было гораздо больше, чем обычно бывает на лекции. Ректор тогда распорядился, чтобы лекция Котляревского была перенесена в аудиторию № 6, поменьше, и Котляревский пошел туда. Я пошел в свою аудиторию и никого там не нашел. Я читаю в этот день специальный курс, и меня слушает очень немного народа, отчасти потому что моя лекция совпадает с обязательным для многих курсом Челпанова. Но полное отсутствие слушателей объясняется, по-видимому, тем, что их просто не пустили в университет: ворота заперты с полови-

ны двенадцатого, и пропускают только преподавателей, слушатели не могут проникнуть в университет. Смешно и печально.

Я беседовал с некоторыми участниками моего семинария о политических настроениях теперешнего студенчества. Они говорят, что студенты, поступившие в университет в 1910, значительно левее, чем студенты трех последних приемов (1907—1909). Отсюда в значительной степени и возобновление студенческих беспорядков. Есть ли это полевение студенчества отражение полевения взрослых обывателей, сказать трудно. Но конечно очень важной причиной беспорядков является и усиление правительственной реакции. Если дело пойдет дальше тем же путем, мы и в университете, и вне университета неминуемо встретимся с новою смутой. Я признаться думал, что нам предстоит еще немало лет апатии и подавленности. Беспорядки в университете меня несколько удивили, и я продолжаю считать их не имеющими глубокой почвы в общественных настроениях.

Среда 8 декабря. Вчера на заседании факультета постановили просить министерство, чтобы оно разрешило заместить путем рекомендации кафедру истории западных европейских литератур. Розанов в воскресенье защитил свою докторскую диссертацию; некоторые думают, что выбирая Харьков, он хотел быть совсем как де Ла Барт.

Сегодня с большим удовольствием и некоторым удивлением узнал, что Высочайшим приказом Котляревский назначен экстраординарным профессором. Несмотря на резкий курс вправо, Столыпин и Кассо не сочли на этот раз возможный отказать ему в утверждении. — В университете и на ВЖК трехдневная забастовка.

Суббота, утром, 11 декабря. Вчера прочел две пробных лекции Протопопов, одну о псевдоксенофонтовой политии, другую о борьбе Генриха IV с Григорием VII. Читал он, конечно, по писаному тексту, однотонно и однотемпно, картавя. По содержанию обе лекции были хороши и самостоятельны.

На факультет поступила докторская диссертация юрьевского профессора Лаппо по литовско-русской истории. Сегодня будет заседание совета в университете. Ужасная одесская трагедия пока совсем не отразилась на университете. Как причудлива психология толпы!

На совете впервые были Маклаков и Котляревский. Ректор доложил о ходе событий и поставил вопрос, нужно ли опровергать неверные известия о событиях в университете, появляющиеся в газетах. У него в руках были вырезки с клеветническими или лживыми статьями и он привел несколько выдержек из «России» и «Студенческой газеты». Он предложил не относиться равнодушно к печатным помоям и посиль-

но опровергать. Граф произнес две пышных слащавых речи о необходимости отстаивать достоинство университета. Но, слава Богу, был и ряд возражений. Указывали (Кожевников, Анучин), что газеты не уймутся, что будут опровергать опровержения и выливать новые помои. Указывали, что администрация университета может ошибиться в мелочах, которыя будут раздуты недобросовестными газетчиками. Но самые сильные возражения были сделаны двумя юристами (Шершеневич, Хвостов): опровержения опасны потому, что создадут представление об обязанности университета опровергать лживые сообщения, и что неопровергнутые сообщения будут считаться установленными, на университетскую администрацию падет тяжелое бремя — следить за сообщениями газет об университете, просевать эту газетную труху и опровергать лгунов и клеветников. Хвостов предложил ограничиться тем, чтобы в доклады ректора совету о текущих событиях помещать опровержения наиболее резких лжей и клевет, выявившихся в наиболее распространенных либо наиболее влиятельных газетах, и с согласия совета, в случае надобности печатать эти доклады для раздачи членам совета; приложенные к протоколу, эти доклады дойдут и до министерства. Мануилов, очевидно, был раздражен гнусными газетными выходками по поводу общества взаимопомощи юристов, дело о котором теперь передано прокурорскому надзору. Слава Богу, Мануилов принял это примирительное предложение и этим вопрос был исчерпан.

1911

Январь 13, 1911. Невесело открывается новый год. По слухам, среди студентов возможно брожение. Есть даже слухи, будто уже предположена12-дневная забастовка с 24 января, в виде протеста против административных исключений из университетов (по распоряжению Совета министров, у нас исключенных немного, кажется, только 4 значатся в присланном из СПБ списке, и то одна фамилия фантастическая, другая принадлежит человеку, уже кончившему университет. Хорошая агентура!) и против одесских событий (множатся слухи в пользу версии, приписывающей все тамошние выстрелы студентам — академистам, но, конечно, тамошние события дела очень темны, и у левых студентов тоже рыльце в пушку). Само правительство предвидит смуту и принимает меры против нее. Устроилось в декабре 1910 совещание правых профессоров, среди которых не было ни одного читающего в СПБ и Москве. Из бывших московских профессоров был пропечатан как участник совещания В.И.Герье; но он говорил Д.Н. Егорову, что он был только на одном подготовительном заседании, и будто бы не сочувствует политике Кассо. Старик забыл, что Кассо остался как-то в стороне от совещания, и что совещание занималось воскрешением шварцевского проекта устава, к которому В.И. Герье относится с немалым сочувствием; странным образом В.И. Герье убежден, что в Шварце до сих пер не умер старый профессор.

В начале января 1911 издано постановление Совета министров, по которому в высших учебных заведениях временно воспрещены всякие студенческие собрания кроме чисто научных; если же соберется сходка и не разойдется по первому требованию учебного начальства, то учебное начальство немедленно вызывает полицию, которая переписывает всех участников сходки и силою удаляет их из стен учебного заведения; все переписанные немедленно исключаются из учебного заведения. На первый взгляд эта мера представляется очень ясной и последовательной. На деле здесь встретится много затруднений. Как быть со студентами, которые придут мешать сходке и забастовке, с боевыми академистами? Ведь не исключать же их! Как быть со студентами, собравшимися на лекцию и слушающими лекцию, но устраивающими сходку в промежутки между лекциями? Как помешать обсуждению ненаучных вопросов перед собраниями, имеющими чисто научный характер? Я не говорю уже о том,

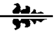
что последовательное применение постановления Совета министров может привести к массовым увольнениям. Странно то, что Совет министров, несмотря на грозные предостережения в газете «Россия» точно сам боится своей меры, и призывает администрацию и советы высших учебных заведений приложить все старания к восстановлению порядка, между тем как само же постановление указывает всего две меры: запрет собраний и массовое увольнение. Наконец, сегодня в газетах известие о циркуляре Кассо попечителям для передачи советам высших учебных заведений. Циркуляр говорил, что с упразднением инспекции не исчезла обязанность ректоров и советов (на основании устава 1884 г. эта обязанность лежит на ректорах, о советах министр говорит, по-видимому, на основании августовского Высочайшего указа об автономии) принимать все меры к само-осведомлению о ходе событий и к восстановлению порядка; министр укоризненно заявляет, что доселе администрация и советы плохо выполняли эту обязанность; теперь советы должны выработать мероприятия для подавления беспорядков применительно к местным условиям. На 15 января уже назначено экстренное заседание совета для обсуждения означенного циркуляра.

Жданова перевели в СПБ с повышением. Попечитель назначен — А.А. Тихомиров, бывший профессор зоологии и ректор по назначению, а позже директор департамента народного просвещения.

Из факультетских новостей слух о том, что министерство отказало в оставлении Н.М. Попова при университете.

Татьяну провели 6 всеобщих историков и 2 юриста (Котляревский, Новгородцев) у Протопопова. М.М. Хвостов хочет провести его в Казань на положение приват-доцента, которому поручены обязательные курсы; но Хвостов говорит, что здесь немало препятствий; пока еще ничего верного сказать нельзя. Хвостов рассказывает о Казани малоутешительные вещи.

14 января. Сегодня был в советской комиссии ВЖК. Директор прочел постановление Совета министров и еще телеграмму от попечителя с коротким воспрещением всяких студенческих собраний. Он сообщил, что Мануилов только что вернулся из СПБ, где хлопотал за некоторых исключенных, повидимому, по недоразумению студентов; Кассо отказался для них что-нибудь сделать в силу того, что исключение состоялось на основании надежных сведений. У Мануилова создалось впечатление, что в Совете министров настроение очень решительное. Чаплыгин сказал, что у него была мысль о выходе в отставку, но что после долгого размышления он признал отставку ошибкой, ибо в ней легко могут усмотреть призыв к беспорядкам; комиссия присоединилась к его мнению и посоветовала выждать событий. На ВЖК лекции должны начать-

ся 17 января, в понедельник. Завтра заседание университетского совета. Увы, ходить на советы и заседания преподавателям придется много.

15 января. Грустное заседание. Доложены бумаги о запрещении собраний. Они изложены не вполне ясно, и некоторые даже пытались растолковать их в том смысле, что запрещены только собрания неорганизованных студентов, сходки в собственном смысле слова, но что собрания землячеств, научных кружков, вообще всяких обществ с утвержденными уставами могут происходить на прежних основаниях. Любопытно, что всего рьянее защищал такое толкование очень правый Тарасов, и что «левые» видели в постановлении Совета министров ясное запрещение всяких собраний. Челпанов предложил запросить министерство о точном смысле постановления. Но Каблуков и Мензбир предупреждали, что ответом будет издевательство над неспособностью совета понимать самые ясные вещи. Затем возник вопрос о научных собраниях. В постановлении научные собрания изъяты из запрещения; но вслед за постановлением пришла от попечителя какая-то бумага с запрещением всяких собраний. Ректор объяснил, что это, по-видимому, краткое изложение того же самого постановления и что научные собрания разрешены. Но советская комиссия предлагает изменить порядок разрешения научных собраний в виду того, что под флагом научного собрания легко может собраться сходка, и тогда пострадают люди, в простоте души явившиеся на научное собрание; пусть впредь советская комиссия дает разрешение на научные собрания, если она признает обеспеченным научный характер собрания. Еще решили оповестить студентов о необходимости иметь при себе входные билеты по требованию министра и попечителя. Министерство предложило еще выработать меры для обеспечения действительного надзора за учащимися; по этому поводу Зернов указал, что вопрос об инспекции имеет за собою длинную историю, что прежняя инспекция оказалась бессильной, а теперь с огромным увеличением числа студентов и с введением предметной системы осуществление надзора стало гораздо вреднее. Тарасов с гордостью напомнил, что именно по его предложению совет высказался за отмену инспекции в виду ее бессилия и вредоносности. Решили избрать особую комиссию по вопросу о надзоре из 7 человек, в числе которых и Тарасов. Наконец, ректор предложил обменяться мнениями по вопросу о положении, созданном циркулярами. Все молчат. Тогда сам ректор разъясняет, что положение университетской администрации изменилось, что из выборного советского органа она стала органом начальства, исполнителем ведений свыше. А между тем указ 27 августа 1905 года не отменен. Получилось нелепое и очень трудное положение. Правда, мера зовется временною, но временные меры так легко превращаются в постоянные. Если так случится и в дан-

ном случае, то нужно будет желать чего-нибудь одного: либо подлинной автономии, либо ее ясной, формальной отмены. Но вопрос сложен, и лучше передать его обсуждение в советскую комиссию. Так и сделали.

Наверху, может быть, и не хотят беспорядков, может быть, искренне думают, что новая политика выведет политику из университета. Но тогда какое слабое знакомстве с действительностью. Ведь эти противобеспорядочные меры легко могут даже теперешних апатичных студентов толкнуть на беспорядки. А потом трудно поверить в искренность страхов перед новой революционной волной. Простой смертный пока не видит никакой революционной волны, всюду как будто тишь да гладь. И невольно у некоторых рождается подозрение, не есть ли университетская смута просто желанный предлог для нового решительного сдвига назад. Еще сильнее подозрения насчет наших «революционных» партий: они откровенно видят в университете только поле для пропаганды и для выступлений. Бедный университет.

19 января. Сегодня слышал из хорошего источника любопытные вести о съезде правых профессоров. Устроителем был бывший профессор Варшавского университета Адамович. Московских и петербургских профессоров просто никого не позвали. Но по слухам, три московских профессора, Соболевский, Лахтин, Никифоров присоединились к постановлениям съезда и прислали записки с похвалами проекту шварцевского устава. Когда участники совещания представлялись государю, государь спросил: почему нет никого из Москвы и СПБ? Кто-то из представлявшихся будто бы ответил: «Они гонорарники, Ваше Императорское Величество». Если это и было сказано, то вряд ли в такой форме, малопонятной для государя; но возможно, что отсутствие московских и петербургских профессоров было объяснено их боязнью за свои гонорары. Как велики эти гонорары у филологов! Государь будто бы заметил: в Петербурге и Москве большинство левое, оттого оттуда никого нет. Государь милостиво стал спрашивать представлявшихся, кто что читает. И тут некоторых постиг афронт, в том числе руководителя Адамовича. Адамович должен был признаться , что он теперь ничего не читает.

В высших учебных заведениях пока все тихо. Кажется, сегодня было вывешено (и, конечно, немедленно снято начальством) объявление от информационного комитета о том, что в настоящее время ведутся переговоры о согласованном выступлении всего студенчества и что результаты этих переговоров своевременно будут объявлены во всеобщее сведение.

24 января. Начинается. Сегодня в «Русских Ведомостях» телеграмма из Томска. Вчера там в технологическом институте собралась неразрешенная сходка. Студенты были переписаны полицией и распоряжением попечите-

ля, которое было подтверждено министром, немедленно исключены из института, хотя, по мнению профессоров, не все переписанные участвовали в сходке (некоторые будто бы явились просто за письмами и справками). В институт явился попечитель Лаврентьев, вызвал находившихся в здании института профессоров из профессорской в коридор, где ходили студенты, и требовал, чтобы профессора немедленно, при нем стали успокаивать студентов. Профессора, явившиеся на зов, будто смущенно молчали. Тогда в присутствии студентов попечитель будто бы затопал ногами и стал кричать, что они даром получают жалованье и не исполняют своих прямых обязанностей, а что некоторые даже не явились в коридор, сбежали. С каким то профессором[1-1] будто даже сделалась истерика. Обиженные отправились жаловаться местному губернатору Гондатти.

23 января. Сегодня был у П.Г. Виноградова, который только что приехал из Англии. Я боялся, что он будет страшно холоден из-за моего голосования против оставления Захарова. Оказалось, что он милостивее, чем я думал, хотя конечно кошка пробежала. Между прочим, я пытался объяснить, что Петрушевский вовсе не относится к нему враждебно. Но Виноградов прямо заявил, что никогда не простит Петрушевскому его поведения при выборах Виноградова. Представление о выборах Виноградова будто бы не было подписано ни Петрушевским, ни Виппером. Я этого не знал. Если это верно, то это конечно было очень нехорошо. Виноградов смотрит очень мрачно на теперешнее университетское и вообще политическое положение. — Только что узнал, что на последнем заседании нашего факультета на ВЖКурсах произошло целое событие: декан (Петрушевский) разошелся во взглядах с факультетом по совершенно неважному вопросу о сроке подачи кандидатских сочинений, разгорячился, и ни с кем не переговоривши тут же заявил, что он подает в отставку. Я на этом заседании не был.

25 января, вторник. Сегодня заседание факультета. Экзаменовался по всеобщей истории Бочкарев. Отвечал с апломбом, но плохо. Петрушевский почти не уличал в ошибках. Виппер же довел до конца уличение и обнаружил незнакомство с надписями в вопросе о колонате. Я спрашивал мало, но и данный мне ответ был слабоват. Решили признать экзамен не состоявшимся и предложить подготовиться поосновательнее. Бочкарев был чрезвычайно оскорблен ибо он очень высокого о себе мнения, вступил в словопрения по поводу оценки и ушел с видом обиженной невинности.

А перед этим часа два препирались по поводу кандидатуры Розанова. Пришло из министерства разрешение заместить кафедру путем рекомен-

[1-1] Минлевым? — *вписано поверх строки.*

дации. Декан неосторожно заявил, что он называет М.Н. Розанова. Сейчас же Петрушевский указал, что надо отложить указание имени рекомендуемого до следующего заседания. Виппер указал, что при представлении обо мне «называние» исходило от специалистов, и что так же надлежит поступить и в настоящем случае, но так как специалистов нет, то следует предоставить называние представителям родственных кафедр. Поржезинский присоединился к этому мнению. Всплыло имя де Ла Барта, как возможного кандидата. И разговор стал приобретать острый характер. Особенно Грушка и Лопатин, но также декан и Челпанов увидали в замечаниях скрытый поход против Розанова и попрание принципа рекомендации, а в предложении отсрочить называние до следующего заседания — злоумышленную обструкцию. Мне, младшему члену факультета, пришлось выступить в роли примирителя и настаивать на том, чтобы называние исходило от комиссии из представителей наиболее близких кафедре, но что комиссию можно образовать сейчас же, поручить ей обдумать, кого назвать кандидатом, прервать для этого заседание на несколько минут и возобновить его, когда комиссия вернется с именем кандидата. После довольно долгих споров о составе этой назывательной комиссии, в которых мне пришлось спорить с Лопатиным, мое предложение было принято вместе с предложением декана образовать эту комиссию из профессоров словесного отделения. Прервали заседание. Четыре словесника в этой же комнате поговорили две минуты и вернулись к столу. Когда заседание было возобновлено, то они, конечно, произнесли имя М.Н. Розанова. Теперь надо выбирать комиссию для того, чтобы представить отвыв о рекомендуемом кандидате. Опять споры. Наконец решают поручить это дело троим, Сперанскому, Лопатину и мне. Потом новые и жаркие споры о том, не ввести ли в комиссию де Ла Барта, который тогда стал бы судьей Розанова. За это предложение было 5 не то 6 голосов, но оно отвергнуто, ибо в заседании 14 человек, я голосовал против этого, по-моему, совершенно скользкого предложения. Я выступил с примерительным предложением поручить комиссии запросить отзыв де Ла Барта и Харьковского оппонента на докторском диспуте Розанова, но и мое предложение провалилось. Решили не связывать комиссию никакими инструкциями, и позволили ей войти с представлением о кандидате в начале мая. Я прошу себе заграничной командировки с 24 апреля и, значит, может быть не буду участвовать в выборах.

28 января. Массовые беспорядки начались в СПБ еще третьего дня, причем конечно студенты обошлись без сходки в аудитории и направились в университет и провозгласили забастовку в большом коридоре, после чего стали срывать лекции, а у синолога Попова устроили химическую обструкцию. У нас вчера полиция явилась в университет без зова университетской администрации и переписала 188 человек, кото-

рые по мнению полиции собрались на сходку, хотя в действительности сходка еще не состоялись. Сегодня в 12 часов в юридический корпус была введена полиция, и все-таки студенты как-то успели провозгласить забастовку. У меня лекция с 12 часов. В филологическом квадратном коридоре было очень людно, и студенты были очень возбуждены. Но, слава Богу, у меня в аудитории никого не оказалось, и я мог спокойно уйти назад, не подвергаясь активной обструкции. Виппер сообщил мне, что вчера вечером на заседании советской комиссии ректор, помощник ректора и проректор заявили о своем решении подать в отставку. Сегодня вечером экстренное заседание совета.

3 часа дня. Сейчас говорил по телефону с Котляревским. У него тоже должна была состояться лекция в 12 ч. В аудитории было три человека, по-видимому, не из обычных слушателей. Он начал им читать, но через несколько минут ворвалась толпа и сорвала лекцию. Челпанов прочитал первый час, но в середине второго часа ворвалась толпа и сорвала лекцию. А следом за обструкционистами вошла полиция и переписала всех находившихся в аудитории, обструкционистов и слушателей. Там начальство разберет.

12 часов ночи. Хорошей прелюдией к заседанию было сообщение, что Кассо не разрешил повесить портрет Муромцева в актовом зале. Затем ректор прочел чисто фактический дневник университетских событий за последние дни, указал на то, что нет решительно никаких оснований жаловаться на поведение полиции, которая только исполняла свои обязанности, и закончил заявлением, что в университете двоевластие выборной советской администрации и общей полиции, но что неизбежным образом советская администрация оказалась в подчинении у полиции и утратила всякую самостоятельность, что обе эти власти в точности исполняли постановление Совета министров, которое, однако, не предотвратило беспорядков. Ввиду своего бессилия и убеждения в том, что дальнейшее применение означенного постановления только обострит беспорядки, ректор, помощник ректора и проректор подают в отставку. Ректор и особенно помощник ректора указали, что студенты находятся в возбужденном состоянии, что полиции приходится нести очень тяжелую службу и что с ее стороны возможно в будущем известное раздражение и что если положение не изменится, то в очень скором времени могут произойти столкновения между студентами и полицией.

Выслушивают молча. Камаровский предлагает горячо благодарить подавших в отставку за самоотверженную деятельность. Подымаются и долго рукоплещут. Умов предлагает не подавать в отставку, пока не выяснится отношение министерства, а Цераский предлагает ректору просить аудиенции у Столыпина. Ректор разъясняет бесцельность этой аудиенции и настаивает на отставке.

Переходят к вопросу о том, что делать, приостановить ли занятия властью совета, властью ректора или ходатайствовать о приостановке перед министром. Решают на основании закона не останавливать своею властью, а ходатайствовать перед министерством о приостановке не долее, чем до первой недели поста. Совет поручает советской комиссии составить доклад о положении дела для представления министру и присоединяется к соображениям, высказанным подавшими в отставку.

2/3 февраля. 2 часа ночи.

Среда 2 февраля. Сегодня утром в газетах появилось известие от Осведомительного бюро[52], будто бы Совет министров усмотрел политическую демонстрацию в том, что выборная администрация Московского и Петербургского университетов подала в отставку, и будто подавшие в отставку отстранены не только от административных, но и от профессорских должностей, с причислением к министерству. Конечно, этот слух вызвал сильное возбуждение даже в уравновешенной профессорской среде. Днем заседала советская комиссия, а вечером экстренное заседание совета. Народу вначале много, человек около 60. К концу заседания умеренные частью исчезают, но остается человек около 50. О торжественности заседания свидетельствует уже то обстоятельство, что ректор сам читает протокол последнего заседания и делает в нем некоторые стилистические поправки. Затем он заявляет, что он, помощник ректора и проректор присутствуют на заседании только потому, что они еще не получили никакого официального извещения о своей отставке и потому он, ректор, даже обязан председательствовать. Затем ректор сообщает, что несколько профессоров и довольно много приват-доцентов подали ему письменное заявление о том, что они не могут читать при настоящих условиях, впредь до выяснения положения, причем некоторые заявили, что подадут прошение об отставке в случае, если подтвердится слух об отрешении ректора, помощника ректора и проректора от профессорских должностей. Частным образом становится известным, что Хвостов уже подал прошение об отставке, но просил дать ход этому прошению лишь в том случае, если подтвердится слух Осведомительного Бюро. От имени советской комиссии Вернадский читает проект обращения к министерству по поводу слухов, передаваемых Осведомительным Бюро. Обращение доводит до сведения министра нижеследующие соображения. За все время своего управления университетом совет, без различия партий и направлений, руководился академическими принципами и боролся против всякого внесения политики в университетскую жизнь. Он надеялся, что и весенний семестр 1910/1911 года удастся благополучно довести до конца, несмотря на брожение среди молодежи. Постановление Совета министров явилось серьезным нару-

шением автономии, но не предотвратило студенческих беспорядков, а, создав двоевластие в университете, сделало невозможным положение выборной администрации и заставило ее подать прошение об отставке. Если же осуществится слух Осведомительного Бюро, то последствия его окажутся гибельными для Московского университета. Совет не может умолчать, что некоторые профессора найдут дальнейшую преподавательскую деятельность несовместной со своим личным достоинством, в виду того, что совет выбрал нынешнего ректора, помощника ректора и проректора и присоединился к мотивам, заставившим их подать прошение об отставке. Одновременный уход значительного числа профессоров нанесет огромный урон преподаванию. Совет не может представить себе, чтобы управляющий министерством народного просвещения, на обязанности которого лежат попечение о преуспеянии высшей школы, мог содействовать разрушению старейшего русского университета, основанного Елизаветой Петровной и вплоть до настоящего дня находившегося под Высочайшим покровительством, представляющего крупную народную организацию, находящуюся в непрерывном общении с другими европейскими университетами.

Когда этот проект, изложенный мною очень приблизительно, был прочитан, то умеренные, Лопатин и Шервинский, возбудили вопрос о своевременности этого обращения в виду того, что слухи могут не подтвердиться. Чтобы узнать последние известия, решено прервать заседание и послать депутацию из двух профессоров (граф Камаровский, Анучин) к новому попечителю Тихомирову. Они немедленно отправляются и долго не возвращаются. Конечно, Тихомиров им ровно ничего не сказал, может быть потому что ничего не знает, а может быть потому, что не желает преждевременно сообщать то, что знает. Жаркие споры (присутствующие слегка взволнованы, и ректору часто приходится звонить в колокольчик) о том, продолжать ли обсуждение проекта обращения или отложить обсуждения до выяснения положения, и о том, считать ли обращение в случае его принятия условным, подлежащим только занесению в протокол, или же немедленно послать его через попечителя министру, и если послать, то не послать ли его через особую депутацию. Решено послать его немедленно министру через попечителя, невзирая на то, основательны или неосновательны слухи Осведомительного бюро, причем мотив посылки — осведомление министерства о впечатлении, которое произведено на совет простым слухом об отстранении выборной администрации от профессорских должностей. Много споров возбудила редакция советской комиссии относительно связи университета с монаршей властью. Проект комиссии заканчивался приблизительно такими словами: Совет не может допустить мысли, чтобы управляющий министерством народного просвещения

и т.д. связал царствование императора Николая II с разрушением Московского университета. Особенно Котляревский ратовал за то, что в конституционной монархии монарх должен быть поставлен вне выражений какого бы то ни было недовольства, и предложил смягченную редакцию. Мануилов предложил совершенно устранить слова о связи между царствованием Николая II и разрушением Московского университета и, слава Богу, это предложение было принято, так что все обращение получило безупречный с конституционной точки зрения вид. Лопатин, конечно, преувеличивал, когда видел в последних словах чуть не оскорбление величества, но несомненно редакция советской комиссии была спорной, если не прямо опасной с политической и даже конституционной точки зрения. Млодзеевский вносит предложение о том, чтобы дополнить обращение резолютивной частью, ходатайством об оставлении ректора, помощника ректора и проректора в профессорских должностях. Это предложение отвергается в той форме, как оно предложено Млодзеевским, чтобы не ослаблять обращения. Но совет постановил независимо от обращения возбудить перед министром ходатайство об оставлении ректора, помощника ректора и проректора в профессорских должностях и ходатайствовать о разрешении сделать это через особую депутацию, в которую тут же выбираются граф Камаровский, Анучин и Гулевич. Заседание закрывается. Уже почти час ночи. Это, конечно, самое печальное из моих заседаний, и может быть даже последнее, ибо при всей моей умеренности, может быть даже я буду вынужден подать прошение об отставке. Настроение было грустное, несколько взволнованное, не подавленное. Между прочим, ректор, проректор и помощник ректора заявили, что они сами против ходатайства. Они (все трое) не принимали участия в голосованиях. Пора спать.

4 февраля, пятница. Крах наступил. Утром вчера пришел «Правительственный Вестник» от 2 февраля, где напечатан Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 1 февраля 1911 об увольнении Мануилова, Мензбира и Минакова от занимаемых ими должностей, [1-]значит и от профессуры[-1], с причислением к министерству. В тот же день подали прошение об отставке Умов, Вернадский, Чаплыгин, Эйхенвальд, Хвостов, Шершеневич, Алексинский, Петрушевский. Сверх того, по сведениям из газет подали в отставку приват-доценты Боровой, Н.Д. Виноградов, Вормс, Вульф, Гернет, Н.В. Давыдов, Н.А. Кабанов, Кизеветтер, Б.А. Кистяковский, Кокошкин, Н.К. Кольцов, Кубицкий, Полянский, Россолимо, Сакулин, Д.Ф. Синицын, Сыромятников, Устинов, Цингер, Шапошников. Вчера я читал в университете от 2 до 4, в нашем коридоре было безлюдно, а у меня было 7 человек слушателей, и все было совершенно спокойно.

Сегодня я пошел в университет на лекцию к 12 часам. Застал в профессорской нашего факультета Поржезинского и Щепкина. Поржезинский сообщает, что видел графа Камаровского, который теперь исполняет обязанности ректора. Камаровский созывает сегодня в 3 часа дня заседание советской комиссии, а сегодня вечером или завтра, будет экстренное заседание совета для обсуждения сложившегося положения. На юридическом и медицинском факультете предположены предварительные совещания. У Камаровского, по-видимому, есть мечта снарядить в Петербург и, может быть, даже для просьбы о представлении государю, депутацию из влиятельных правых профессоров, чтобы просить об возвращении троих отставленных и «причисленных» на кафедры, которые были ими заняты. Надежды на удовлетворение такого ходатайства, по моему мнению, нет почти никакой. И потому реальный вопрос — это вопрос об отставке, каковой и будет обсуждаться на факультетских совещаниях. Мы выбрали ректора, помощника ректора и проректора, мы одобрили их намерение подать в отставку. Нам трудно не поддержать их, когда их увольняют от профессорской должности за эту одобренную нами подачу прошения об отставке. Как можем мы поддержать их, раз все ходатайства не будут удовлетворены. Я вижу только один путь: самому подать прошение об отставке. Но я хорошо знаю, что этот путь, давая удовлетворение нравственному порыву, чувству товарищества, нисколько не поможет и, может быть, даже повредит университету. Пусть 30-40 штатных профессоров выйдут в отставку. На их место сейчас же или в скором времени назначат из провинции либо из числа приват-доцентов, людей в духе «чего изволите» или прямых реакционеров, и Московский университет приблизится к университету Киевскому или Одесскому. А так как профессора в духе «чего изволите» или в духе союзнических чайных обычно и по своим учено-педагогическим капиталам уступают профессорам иных направлений (есть исключения, но в целом это неоспоримый факт), то уровень учено-педагогической жизни в Московском университете понизится. Это пустяки в сравнении с вечностью, и даже с общими судьбами России. Но это очень тяжело для людей, десятки лет живущих жизнью университета, даже совершенно независимо от грубой катастрофы в личной жизни многих профессоров.

Всего легче правительству обуздать профессоров-филологов. Провинциальные факультеты (у филологов) пустуют, их можно закрыть почти без всякого вреда для государства и даже с пользой для казенного сундука. Тогда в Москву и Петербург можно набрать из провинции совершенно достаточное число профессоров, очень удобных для теперяшнего правительства.

Меня очень удивило и обрадовало, что Щепкин откололся от тех, с которыми он был все время; он проявляет даже гораздо более решительное

настроение, нежели я, и выражает твердое намерение подать в отставку. Наш декан сейчас болен. Поржезинский, Щепкин и я просим Брандта съездить к декану и попросить его назначить сегодня вечером факультетское совещание по вопросу о положении дел на факультете. Брандт простодушно прибавляет: кстати, поговорим о желательных кандидатах в ректоры и помощники ректора. Как он надеялся! Хорош и Челпанов. Сегодня студенты упросили его не читать лекции, и он был этим расстроен до чрезвычайности. Потом стал горевать о том, что не состоится семестр, что хорошо было бы уехать в Америку по поводу психологического института. Как будто бы в настоящее время не нависли над университетом вопросы несравненно более важные! Щепкин ядовито отделал его.

Только что получил повестку о частном факультетском совещании сегодня вечером.

5 февраля. Вчера вечером в 8 часов на нашем факультете частное совещание, пришло 11 человек. Декан болен и председательствовал Брандт, очень гордившийся своею ролью и приготовивший длинную речь, малоосмысленную и отнявшую немало дорогого времени речь. Покровский пришел прямо таки пьяный, грозно спрашивал о причинах отсутствия секретаря и нескоро утихомирился. Как эта обстановка подходит к трагическому положению! И как это ни странно, пришлось говорить мне и предложить проект мнения о том, чтобы просить подавших в отставку повременить с этими прошениями и о том, что ответственность за подачу бывшим президиумом прошений об отставке падает на всех членов совета, присутствовавших на заседании 28 января. Я предлагал еще просить о том, чтобы поэтому административная кара была наложена и на этих членов совета, а чтобы трое М были возвращены в университет. Но последнее предложение встретило возражение и слева (Щепкин) и справа (Лопатин, Челпанов). Щепкин требовал более решительного тона. Челпанов протестовал против всякого упоминания об ответственности на том основании, что члены совета ни в чем не виноваты и что его, Челпанова, наказывать не за что: он паинька. Лопатин, конечно, гораздо умнее и привлекательнее; он настаивал на том, чтобы включить упоминание о том, что по мнению совещания и бывший президиум не совершил ничего противозаконного и не заслужил обрушившейся на него тяжелой кары. У Лопатина это, по-видимому, искренне, а у Челпанова просто желание выйти сухим из воды. Петрушевский согласился с моим мнением о необходимости задержать прошения об отставке. Это в самом деле необходимо. Предположим, что советская депутация будет принята министром и получит удовлетворительный ответ: все трое М будут возвращены в университет. Предположим, что просьбы об отставке тоже будут удовлетворены. Разве при

этих условиях Мануилов, Мензбир, Минаков смогут вернуться в университет? Они должны будут дожидаться возвращения в университет товарищей, ради них подавших в отставку. А такое возвращение неизбежно будет затяжным или прямо невозможным, и разгром не будет предотвращен.

Печально было в факультетском совещании, еще грустнее в совете. Народу немного. Слух о том, что правые влиятельные медики собираются грудью стоять за Мануилова, по-видимому, не основателен. [1-]Они не явились совсем[-1]. Из юристов только председательствующий гр. Камаровский, Каблуков да Познышев, который скоро уходит. Камаровский очень слабый председатель, и в заседании много даже внешнего беспорядка. Прения вначале бессистемны, иногда говорят несколько человек подряд, старшие члены ведут себя хуже младших, ходят чуть не группами по зале. Вот он, распад университета. Факультетские совещания на других факультетах не пришли ни к каким выводам, в советской комиссии, лишившейся многих членов, разноголосица. Людская пыль. Камаровский сообщил о положении дел в университете. Еще три профессора подали в отставку, Сербский, Рот, Млодзееевский и несколько приват-доцентов[*1]. Ответа на ходатайство о разрешении послать депутацию к министру еще не последовало. Зато в московских газетах от 4 февраля известие о том, что трое поехали частным образом хлопотать об университетских делах — Котляревский, Гидулянов, Озеров. Гидулянов вероятно поехал к своему другу Кассо докладывать о положении в Москве. Озеров поехал вероятно просто читать лекцию, а бедный Котляревский, помещенный газетами в эту компанию, поехал действительно, поехал по своей страсти интервьюировать и вести дипломатические беседы с влиятельными лицами; вчера вечером он прислал мне даже из Петербурга телеграмму с убеждением не делать «непоправимого шага». Не скоро даже установился порядок дня, и мне только после долгих споров позволили прочесть мнение нашего факультетского совещания и не обратили на это мнение почти никакого внимания. Стало ясно, что от имени советской комиссии Вернадский (из подавших в отставку еще были Петрушевский и Сербский, ничего не говорившие Алекс[инский] и Чаплыгин) хочет провести новое резкое обращение к министерству, не то протест, не то ходатайство. Обсуждение было очень беспорядочное. И уже после перехода к чтению по статьям некоторые продолжали говорить про общий тон проекта, даже без определенных указаний на те или другие места в проекте. Деловой спор был главным образом из-за мест о невозможности произвести новые выборы ректора (это странная мысль Вернадского немедленно назначить выборы и никого не выби-

---

[*1] В том числе Булгаков и Новгородцев. — *Примечание А.Н. Савина.*

рать, чтобы показать безвыходность нового положения) и о прошениях об отставке. По моему настоянию выключили место об отставках, по настоянию Гулевича место о выборах. Но все это обращение пустая, никчемная бумага. Важно, да и то не очень, немного задержать прошения об отставке, на случай, если у министерства окажется примирительное настроение. Надежды на которое, впрочем, чрезвычайно мало. А чтобы подавшие в отставку профессора и приват-доценты могли повременить со своими прошениями, нужно просить их об этом от имени совета. Вернадский, Чаплыгин и Алекс[инский] чинили всяческую обструкцию предложению поставить вопрос о просьбе на голосование совета, и когда все их доводы были отвергнуты, сослались на свою совесть и на отсутствие многих подавших в отставку. Кроме того, было ужасно поздно — 1 час ночи. И вопрос о том, чтобы просить повременить с прошениями об отставке, отложен до следующего экстренного заседания совета, которое состоится должно быть в воскресенье, 6 февраля.

6 февраля, воскресенье. Сегодня с 3 ½ часа дня до 7 часов вечера страстное заседание. Прежде всего председательствующий Камаровский докладывает о положении дел в университете. Вчера не было ни беспорядков, ни полиции, но за то не было и лекций или вернее слушателей. Число профессоров подавших прошения об отставке, увеличилось: это Шервинский, Рейн, Фохт, Лебедев, Зелинский, Соколов [1-](значит, три старика)[-1]. Физико-математический факультет сделал постановление по поводу огромного ущерба для преподавания вследствие увольнения Мензбира. По этому поводу Гидулянов, [1-]на основании личной беседы с Кассо[-1], заявляет, что здесь произошло недоразумение, что в министерстве число лет службы Мензбира сосчитали по устарелым документам и потому пришли к заключению, что он не прослужил 30 лет и потому может быть уволен от должности профессора. Я встаю и заявляю, что по моему мнению, статьи 505 и 506 Устава учебных заведений свидетельствуют, что и после Высочайшего приказа от 1 февраля Мензбир сохранил за собою звание заслуженного профессора, право [1-]буде он пожелает[-1] читать лекции и являться на заседания факультета и совета. Шершеневич соглашается, что Мензбир сохранил звание заслуженного профессора, но что работа в заседаниях факультета и совета есть должность, что Мензбир не может являться в факультет и совет. Это, по моему, неверно. Вернадский вносит предложение поручить советской комиссии к следующему заседанию составить доклад о выборе нового президиума. Его мысль — мне непонятная — показать кому-то, что при настоящем положении выбрать никого нельзя. Глупый Брандт принимает это предложение всерьез и говорит, что здесь комиссия не при чем, и что в будущем заседании можно будет

произвести самые выборы, что он уже даже наметил себе очень подходящих кандидатов. Решают поручить комиссии изготовить доклад.

Затем переходят к главному вопросу. Брандт пытается что-то говорить. Вернадский прерывает его и просит председательствующего установить какой-нибудь порядок дня, причем предлагает исходить от мнений частного совещания историко-филологического факультета. Таким образом, мой набросок становится канвой обсуждения. Нелепый инцидент с Брандтом и Петрушевским. Петрушевский возражает против того, что указанные мнения точно воспроизводят суждения собрания, хотя он не знал, как я их окончательно сформулировал. Брандт гордо заявляет, что он председательствовал на этом совещании, но что он великодушно позволяет мне, как секретарю, прочесть мнение совещания. Я спрашиваю: кого будет угодно выслушать совету, меня или профессора Петрушевского. Слово предоставляется мне. Я читаю только пункт 1: необходимо просить господ членов совета, подавших прошения об отставке, пока не давать хода этим прошениям об отставке. [1-]Я повторяю также свою прежнюю мотивировку этого мнения[-1]. Полились страстные речи, подавших в отставку было в заседании много. Очевидно, у них был сговор (Щепкин передавал мне как слух, что в их совещании были и некоторые преподаватели других высших учебных заведений). Говорили из подавших в отставку Вернадский, Млодзеевский, Шершеневич, Хвостов, Алексеев, Сербский, Эйхенвальд, Рот. Всех резче по тону говорил Вернадский, резче всех по существу, но в то же время короче всех Сербский, красноречивее всех Шершеневич. Все подавшие говорили, что подача прошений об отставке есть дело их совести, их чести и личного достоинства, что в этих вопросах невозможно никакое подчинение большинству. Сербский заявил, что он просит не задержать, а ускорить ход своего прошения об отставке. Вернадский усмотрел в этой просьбе просьбу совершить акт, противный чести и совести, хотя он говорил о двух разных вещах, о предложении Брандта взять прошение обратно и о предложении факультетского совещания повременить с подачею прошений об отставке[*1]. Шершеневич очень красноречиво говорил об огромных заслугах Мануилова и о постоянной солидарности между ним и советом. Хвостов говорил о том же, но тягуче, причем особенно напирал на свою дружбу с Мануиловым. Алекс[инский] указывал на то, как Мануилов отстоял его в то время, когда его, Алекс[инского], хотели уволить без прошения. Шершеневич с искренним волнением указывает, как Мануилов своею широкою спи-

[*1] Кроме того, в его речи были обидныя указания на то, что у разных членов совета существуют разные взгляды на честь и совесть. — *Примечание А.Н. Савина.*

ною укрыл его, Шершеневича и Муромцева, причем имел в виду дело с выборжцами в сентябре 1908.

Отвечали: я, Егоров, Щепкин, Лопатин, Камаровский. Я указал, что все подавшие заявления говорили вовсе не о предложении историко-филологического факультета, что мнение совещания просить только повременить с прошениями, но отнюдь не брать их обратно; я признал, что определить здесь срок очень затруднительно и что срок этот не может быть долог, не дольше ответа министра советской депутации; что участники факультетского совещания отнюдь не посягают на свободу своих товарищей, подавших в отставку, что я лично отношусь с самым глубоким уважением к тем мотивам, которые заставили многих членов совета подать в отставку; что В.И. Вернадский напрасно делит совет на 2 группы, подавших и не подавших, что на деле этих групп три — подавшие, не подавшие и еще не подавшие; что II пункт мнения факультетского совещания определенно говорит о том, что ответственность за подачу бывшим президиумом прошений об отставке падает и на всех членов совета, в заседании 28 января признавших подачу этих 3 прошений неизбежным последствием сложившегося положения, что в факультетском совещании я даже делал предложение в случае отказа сверху вернуть Мануилова, Мензбира и Минакова внести в совет предложение ходатайствовать о том, чтобы административная кара была наложена и на всех членов сонета, выразивших 28 января одобрение акту президиума; и в заключение выразил пожелание, чтобы члены совета речами добивались больше объединения, нежели разъединения членов совета. Щепкин в короткой, но хорошей речи указал, что мотивы подавших прошение об отставке для него не новы, ново лишь их непримиримое настроение, которого он не разделяет. Лопатин говорил горячо, не особенно удачно, вполне справедливо о том, что мнение факультетского совещания очень бережно относится к совести каждого члена совета, но неудачно о том, что в обществе, даже в умеренных кругах, начинают говорить о профессорской забастовке; что он слышал разговоры на тему о том, что ссора с хозяином не дает права извозчику ссаживать ездока середь дороги (намекая, конечно, на обязанности профессоров по отношению к студентам, ˹и предлагая отсрочить подачу прошений до конца полугодия˺.

На ту же тему, об обязанностях по отношению к студентам, с большим чувством говорил Цераский. Но, конечно, эти сентиментальные речи сейчас же встретили решительный отпор со стороны лиц, подавших в отставку, и указание на то, что профессора должны являть пример следования чувству долга, как раз для участия молодежи. Надо ставить на голоса вопрос о том, просить или не просить подавших взять на короткое время свои прошения. Тогда ряд подавших прошения заявляет, что они ни в каком случае не исполнят просьбы совета, если бы таковая воспос-

ледовала, и не задержат своих прошений. Камаровского зовет к телефону попечитель. Возвратившись, он высказывает свое мнение о том, что надо просить подавших повременить со своими прошениями, чтобы построить золотой мост для примирения с министерством, а потом говорит о словах попечителя. Попечитель сообщил, что Кассо не находит возможным принять депутацию немедленно, но примет ее на масленой. Эти слова производят глубокое впечатление, но толкуются различно; подавшими прошения, как новое грубое оскорбление, нанесенное совету, «умеренными», как начало отступления со стороны министерства. Хвостов подходит к Лопатину и говорит, что мы, вносящие предложение об отсрочке прошений, не понимаем, что мы делаем: они, подавшие, ни за что не согласятся на отсрочку; если совет постановит просить их об отсрочке, а они не исполнят просьбы совета, то наверху скажут: «вот какие бунтовщики, не слушают своего же совета», и применят к отказавшимся суровую кару; таким образом, вносящие предложение о просьбе отягчат участь товарищей. Лопатин возмущен и уходит, я иду за ним и уговариваю его вернуться. Тогда он взволнованно говорит, что снимает свое предложение обратиться к товарищам с просьбой об отсрочке в виду того, что этой просьбе дано неверное и оскорбительное истолкование. Почти никто не слышал его разговора с Хвостовым и не понял возбужденности, с которой было сделано это заявление. Подымается вопрос о том, не отказаться ли от посылки депутации к министру ввиду его отказа немедленно принять депутацию. Настроение очень возбужденное; если бы вопрос о депутации был поставлен на голоса, депутация провалилась бы, а с нею и надежда на мирный исход борьбы. Умеренные напоминают, что в заседании нет кворума, и заседание закрывается среди всеобщего возбуждения.

Каков же результат? Положение очень обострилось. Либо страшный разгром университета, либо позорные для правительства уступки. Я считаю первый исход несравненно более вероятным, и непримиримую тактику ошибочною. Но сейчас уже должен оговориться, что очень мало верю и в успех примирительной тактики. Если я скоро подам в отставку, то сделаю это исключительно из чувства товарищества, с твердым убеждением в безнадежности университетского положения, хотя конечно мое убеждение еще не достоверность.

Хвостов сделал любопытное разоблачение. Оказывается, в заседании советской комиссии, предшествовавшем заседанию 28 января, Мануилов высказал предположение, что подача прошений об отставке ректором, помощником ректора и проректором может быть истолкована наверху как политическая манифестация, за которую подавших уволят по 3 пункту. Он, Хвостов, немедленно ответил ректору, что подаст в отставку сейчас же после увольнения ректора. Почему же ректор 28 января ничего не сообщил совету о своих опасениях? Забывчивость?

Лопатин, между прочим поставил в заседании вопрос, какой смысл имеет подача прошений об отставке «тридцатилетними» профессорами. Для некоторых из них отставка невозможна, ибо они (например, Шервинский) не имеют никакой должности, но для большинства их отставка возможна, ибо они занимают должности заведующих учебно-вспомогательными учреждениями.

9 февраля, среда. Вчера длинное и печальное заседание факультета. Докладывается бумага больного декана об ущербе для преподавания в случае ухода Петрушевского, Кизеветтера, Фортунатова, Сакулина, Н.Д. Виноградова, Кубицкого, Романова. Декан предлагает просить означенных лиц взять свои прошения назад. Лопатин предлагает просить означенных лиц взять свои прошения назад. Лопатин предлагает просить подавших в отставку остаться до лета, чтобы довести год до конца. Челпанов находит нужным просить их остаться, пока факультет не найдет заместителей. Я решительно возражаю против всякого формального факультетского обращения даже с простой просьбой задержать прошение, а не то что взять его обратно; настроение членов совета, подавших в отставку, вполне ясно определилось в последнем заседании: они болезненно относятся ко всякой просьбе об отсрочке, видят здесь вопрос личной чести и заранее заявили, что не смогут исполнить обращенной к ним просьбы совета, если бы таковая просьба воспоследовала. Это заявление группы членов совета по всей вероятности известно младшим преподавателям, подавшим в отставку; и совершенно невозможно предположить, чтобы младшие преподаватели нашли совместимою со своею честью всякую задержку прошений. Просьба только обострит, а не умягчит взаимного отношения. Все, кроме Брандта, соглашаются со мною и, слава Богу, просьба отстранена. Решают ограничиться сухим, фактическим докладом исполняющему должность ректора о последствиях ухода преподавателей, и тут же составляют этот доклад; Брандт усматривает в этом докладе личную для себя опасность, нелепо заранее заявляет о своем несогласии с еще ненаписанным докладом и торопливо уходит. После этого составляется короткая записка о Мануилове, как о преподавателе политической экономии на нашем факультете. И затем длинный предлинный экзамен Назаревского (сын председателя цензурного комитета и брат известного союзника). Остается послушать много народа, ибо ходят слухи, что ему дана какая-то упрощенная программа. Присутствует и Н.И. Романов, которого каким-то загадочным образом известили об экзамене лишь в последнюю минуту. Неожиданным образом Назаревский обнаружил много знаний, но слаб в общих вопросах. Кончилось небольшим инцидентом. Мнение Романова отражено не было, а Цветаев и Маль-

мберг, не говоря ни слова, поставили отметку весьма удовлетворительно. Петрушевский подымает бурю и требует обсуждения ответа. Цветаев морщится. Грушка что-то пытается объяснить, но в конце концов Цветаев вынужден говорить, но говорить вовсе не об ответе, а о том, что ради науки Назаревский отказался от службы в министерстве внутренних дел, где был недалеко от вице-губернаторства, и дальше в том же роде. Мальмберг и Романов говорят об ответе.

Как жалок этот инцидент на трагическом фоне теперешней университетской жизни. Котляревский вернулся из СПБ. Он неосторожно ведет себя, действительно ездил в «частной депутации» в компании Озерова и Гидулянова, старался видеть разных высокопоставленных лиц и, между прочим, два раза был у Кассо вместе со своими товарищами по «депутации». Конечно, толку из этих разговоров не выходит никакого, а репутация страдает. Ведь если получается некоторая осведомленность, то она и дается начальству относительно положения в университете. Беседа Кассо с Котляревским ведь немного похожа на беседу кошки с мышкой или опытного следователя с подследственным. Котляревский сообщает, что настроение в «сферах» боевое и непримиримое, что Мануилова не вернут и что кадетским прошениям об отставке очень рады; что Кассо жалел о том, что не нашел в списке некоторых желательных ему имен (например, Виппера). В Думе будто октябристы ничего не делают для умиротворения кризиса и что Гучков будто даже рад падению Мануилова. В СПБ университете положение подавленное и не ясное.

Все эти слухи, правда, мимолетные, возможны и перемены. Я, впрочем, мрачно смотрю на будущее университета. Сегодня в «Русских Ведомостях» совершенно справедливое разъяснение Кассо, что 30-летние профессора напрасно утруждали себя прошениями об отставке, что их не от чего отставлять, ибо у них нет должностей, но что начатые ими курсы они должны довести до конца года (подразумевается: тем более подавшие в отставку штатные профессора). Говорят, что завтра будет заседание совета под председательством попечителя, который доложит Высочайшие слова, обращенные 21 декабря 1910 к депутации правых профессоров, и что совет будет составлять Всеподданнейший ответ. Я думаю, что составление ответа поручат какой-нибудь комиссии.

11 февраля, пятница. Во вчерашнем заседании говорили только об обеспечении правильных занятий в университете. Попечитель присутствовал. Сначала докладывались ходатайства историко-филологического факультета о Мануилове и медицинского о Минакове, потом поставили на голоса три предложения трех факультетов (физико-математического, медицинского, историко-филологического, а юридический факультет никак не может собраться, ибо все не в числе) о трех

уволенных профессорах. Предложения принимаются единогласно. Затем небольшой инцидент. Камаровский докладывает, что поступило от историко-филологического факультета ходатайство о возвращении профессора Петрушевского в университет. Общее изумление и затем негодование некоторых. И. Каблуков негодующе спрашивает, разве Петрушевский не продолжает оставаться дорогим товарищем членов совета. Слышится презрительный голос Чаплыгина — снять с очереди. Наш факультет очень не популярен теперь в совете, по-видимому из-за частых выступлений Брандта и из-за толстокожести (только Петрушевский подал в отставку). Декана нашего нет, но секретарь факультета или старший профессор обязаны были разъяснить ошибку. Они молчат, молчат и старшие профессора. Мне, младшему, пришлось встать и настойчиво заявить, что такого нелепого ходатайства не было, что Брандт и Камаровский совершенно не поняли представления, присланного деканом об отставных прошениях преподавателей нашего факультета, не поняли и постановления, сделанного по этому поводу факультетом. И если в деканской просьбе взять назад прошения был неудобный элемент, то постановление факультета не заключает в себе ничего неприемлемого.

Встает попечитель А.А. Тихомиров, явившийся в вицмундире, но без орденов и с докторским значком. Я его совсем не знаю, но от профессоров, знавших его на посту назначенного ректора слышал, что он, несмотря на свою яркую правизну, был самым способным из назначенных ректоров и искусным руководителем заседаний совета. Некоторые прибавляли, что он свободен от каких бы то ни было убеждений, что он очень невысокого мнения о человеческой, в частности, профессорской природе, презирает всех и вся. Теперь ему лет 60. Говорит он развязно узкими звуками и поджатыми губами, как пьют, и тон речи легкий, почти легкомысленный. Он рад снова видеть себя в совете и, заняв «пост» попечителя, будет доступен для господ профессоров. Теперь он должен предложить профессорам вопрос о занятиях. Конечно, в университете очень спокойно, положение не так остро, как в СПБ, но ведь ходит так мало народу. Как привлечь всех желающих учиться? Он, попечитель, полагал бы обратиться с воззванием от совета к студенчеству и с решительным осуждением забастовки, и настойчивым приглашением учиться. Кстати этим обращением совет показал бы, на чьей стороне его симпатии, на стороне желающих или не желающих учиться. Длинные и горячие прения. Говорят с достоинством, с полною корректностью формы и сдержанностью тона, но и с большою независимостью. Говорят только не подавшие в отставку, говорят частью люди чрезвычайно умеренные и далекие от какой бы то ни было политики, и все-таки общее впечатление слагается убийственно для министерской политики. Сначала спор о том, благополучно ли или неблагополучно в универси-

тете. Познышев, Брандт, Соболевский торопятся сообщить, что у них благополучно, что к ним ходят слушатели. А чтобы привлечь запуганную обструкционистами массу, Познышев предлагает вывесить объявление от совета и поручить факультетам обсудить вопрос о дальнейших мероприятиях. Только у этих трех чувствовалась угодливость перед министерством, но ведь Брандт и Соболевский конечно в счет не идут. Близок к ним по настроению Тарасов, который справедливо указывал на отсутствие у университетской администрации всяких реальных сил для борьбы с обструкцией и предлагал завести собственную университетскую полицию, дюжих гренадер. На это Мартынов совершенно верно заметил, что никакая собственная полиция не справится с тысячной студенческой толпой. Если пятеро городовых в состоянии водворить порядок в любой студенческой толпе, причина ясна. Студенты отлично знают, что за пятерыми вооруженными городовыми стоит вся московская полиция, и в случае надобности весь московский гарнизон; за дюжими гренадерами не будет никого. Несколько профессоров поделились своими наблюдениями над забастовкой и решительно признавали ее длительной и упорной. Гулевич говорит, что у него никто не занимается в лаборатории, особенно тревожным является то, что даже обструкционисты ходить перестали: некого снимать, такою прочною кажется им забастовка. Никто не ходит и в клиники. Н. Каблуков, как у него каждый раз меняется состав очень небольшой аудитории и являются слушать люди, в первый раз попадающие на лекцию по статистике. Котляревский указывал на совершенное прекращение практических занятий. А Челпанов, у которого слушателей, [1-]и при том подлинных слушателей[-1], больше, чем у других преподавателей нового здания, считал семестр безнадежно потерянным, так подавлены студенты событиями; Челпанова особенно поразили 4 февраля настойчивые и трогательные мольбы не читать, исходившие от нескольких очень усердных слушателей.

Несколько лиц указывает на совершенную безопасность обращений к студентам. Анучин колет «молодого» профессора Познышева, не знающего университетской истории: например, пространные обращения 1901 года, сделанныя по настоянию Корша и кого-то еще, нисколько не умиротворили студентов и только вызвали ряд насмешек и нападений. Другие указывали на несвоевременность подобного обращения. Мартынов и Лопатин особенно подчеркнули связь между забастовкой и появлениями полиции. Бессильная разобраться в сложной университетской жизни, полиция не умеет отличить участников сходки и обструкционистов от мирных слушателей, активных антиобструкционистов и случайно попавших в толпу студентов. Неизбежны самые грубые ошибки, за которыми нередко следует такая суровая кара, как административная высылка без суда и следствия. Посещение лекций и

практических занятий стало прямо таки опасным делом, не только потому, что надо иметь мужество бороться с обструкционистами, но и потому, что смирный слушатель легко может показаться полиции виновником беспорядка*. Лопатин очень хорошо рассказывает несколько удивительных случаев ареста или высылки студентов, далеких от всякой политики или даже энергично боровшихся с забастовкою. Как же могут профессора звать мирных студентов в университет, раз посещение лекций связано с прямою опасностью? В этом печальное и неизбежное последствие двоевластия, заставившего бывший президиум подать в отставку. Лопатин предлагает ходатайствовать о том, чтобы полиция не являлась в университет по собственной инициативе, и чтобы за советом было признано право в крайних случаях закрывать университет, чтобы вывести молодежь из раздражающей обстановки, несколько утишить взволнованных.

И, конечно, быстро всплывает самый мучительный вопрос теперешней минуты. Как можно надеяться на правильные занятия и звать студентов, когда три профессора уволены, когда 18 профессоров (Трубецкой выслал прошение) и человек 80 младших преподавателей (Д.Н. Егоров сделал свое заявление) подали прошение об отставке, и когда нет уверенности в том, что новых прошений не будет. Попечитель в ответ встает и насмешливо разъясняет, что подающие в отставку руководятся личными побуждениями, но что помимо личного самолюбия существует служебный и патриотический долг. Правительство уже разъяснило 30-летним профессорам, что их просьбы об отставке излишни, но что они все-таки должны довести до конца свои курсы; подавшие в отставку штатные профессора могут и нравственно обязаны сделать то же самое. Котляревский спрашивает, каким образом подавшие в отставку смогут вести преподавание, если они будут отставлены от должности и от службы. Попечитель небрежно отвечает: «Как я могу предугадать мнение министра? Может быть, на положении сторонних преподавателей»*[1]. Очень долго, тягуче говорит Андреев, но именно он сказал всего больше горь-

* Кроме того между полицией и студентами легко возникают пререкания.Вот например достоверный случай: полковник Модль спрашивает в юридическом корпусе студента: Вы какого факультета? — Математик. — Зачем же вы здесь? — Я студент и я в университете. А вы зачем здесь, господин полковник? — Захарченко, взять его в участок! (случай с одним из Трауб[?].) — *сноска А.Н. Савина.*

*[1] Это едва ли сказано совершенно серьезно. Если правительство твердо решило во что бы то ни стало довести семестр до конца, то оно должно оставить подавших в отставку на службе до конца семестра и тогда может предъявлять к ним какие хочет требования. К сторонним преподавателям таких требований предъявлять нельзя, ибо сторонние преподаватели служат по вольному найму. — *сноска А.Н. Савина.*

ких истин. В сдержанных, но ясных выражениях он негодует, что высший в округе представитель учебного ведомства все еще позволяет себе сомневаться в том, на чьей стороне симпатии членов совета. В течение нескольких лет в университете шла спокойная, но деятельная учено-педагогическая работа. Первый выборный ректор, которому судьба не дала долгой жизни (и взоры членов совета невольно обращаются к портрету С.Н. Трубецкого), энергично восстал против вторжения улицы в университет, а второй выборный ректор больше 5 лет самоотверженно боролся за истинный академизм. Правда, в настоящую минуту у членов совета нет уверенности в раздельности университета и улицы: аудитории и лаборатории оказались в ведении общей полиции почти на тех же основаниях, как бани и кинематографы. Но здесь члены совета бессильны. А сверх того, не будет ли лицемерием звать к занятиям теперь, когда члены совета совершенно выбиты из колеи, взволнованы до последней степени, когда они переживают мучительныя и поистине трагическия минуты, когда они нервно ждут масленой и поминутно ставят вопрос, подавать или не подавать, когда они сами утратили способность заниматься.

Попечитель берет себе слово и отвечает всем. Он не отрицает за членами совета права критиковать действия правительства. «Я и сам громко критиковал правительственную политику в области народного образования в Русском Собрании в Петербурге и в Союзе русского народа в Царском Селе, откровенно указывал, что правительство в течение ста лет не могло упорядочить русские университеты». Члены совета жалуются, что их обидело правительство. И попечитель признает, что увольнение трех профессоров осложнило московские беспорядки. Но беспорядки происходят во всей России и начались раньше увольнения трех профессоров. Беспорядки носят несомненно политический характер, и вот почему Мануилов, Мензбир, Минаков совершили большую ошибку, подав прошения об отставке среди политической смуты. Попечитель уходит.

Некоторые члены совета негодуют, что он ушел, не пожелав выслушать замечаний на свое последнее утверждение. Рот в волнении заявляет, что студенты-медики волнуются единственно из-за увольнения трех профессоров, просит занести это заявление в протокол. Камаровский резюмирует прения и спрашивает, нужно ли выносить какия-нибудь постановления. Уже поздно, первый час ночи. Раздаются голоса, что поднятые вопросы слишком многочисленны и сложны, чтобы принимать какие-нибудь резолюции. Но предлагает теперь же высказаться по вопросу об обращении к студентам. Всеми голосами против трех (Познышев, Брандт, Соболевский) обращение признано несвоевременным.

Зачем приходил попечитель? Прежде всего, конечно, чтобы ознакомиться с настроением членов совета. Может быть еще для того, чтобы смирить рабские души намеками на связь профессорской фронды с по-

литической смутой. И, может быть, желание добиться от совета обращения к студентам тоже объясняется политическим расчетом: если бы профессора сделали такое обращение, они показали бы, что считают занятия легко осуществимыми и что, следовательно, увольнение трех профессоров и многочисленные прошения об отставке есть мимолетный, малозначительный эпизод университетской жизни. По второму и третьему пункту попечитель потерпел поражение: не запугал членов совета и не добился обращения. Осведомленности он, конечно, достиг, но вряд ли пришел к приятным заключениям: говорили только не подавшие в отставку, и все-таки преобладали чувства тревоги, боли, обиды.

Виноградов взял себе отпуск и уехал назад в Англию; думаю, что оттуда он пришлет прошение об отставке. Виппер за все это время не вымолвил [1-]в совете[-1] ни одного слова по поводу университетской трагедии: сфинкс.

Сегодня, 11 февраля, в «Русских Ведомостях» письмо по университетскому вопросу, подписанное многими (66) торговопромышленниками, думается, не меньше как миллионов на 150. Несомненно, это открытое заявление о несогласии с правительственной политикой подействует сильнее всех жалоб самой ученой братии.

12 февраля, суббота. Сегодня в «Голосе Москвы» письмо председателя Московского биржевого комитета, Г. Крестовникова. Он негодует, что только из газеты узнал о письме в редакцию «Русских Ведомостей», что среди 66 подписавшихся только 29 выборных Московского биржевого общества из общего состава в 120 человек и только 1 старшина московского биржевого комитета из состава шести старшин. «Я не сомневаюсь, что большинство состава биржевого общества разделит мое мнение о совершенной неуместности и нетактичности такого выступления, которое ничего не выясняет, а лишь способствует усилению волнения». Вероятно, теперь собираются подписи под контр-обращением, которое должно разрушить эффект, произведенный письмом в редакцию «Русских Ведомостей». Как запутывается положение и как безнадежно университетская смута смешивается с политикой. Сегодня попечитель запретил Кокошкину читать лекции за то, что [1-]Кокошкин в письменном заявлении ректору[-1] отказался читать при полиции. Я считаю это сплетение великим несчастием для университета и я считаю глубоким и вредным заблуждением мнение некоторых подавших в отставку (я это мнение не слышал, знаю о нем лишь по слухам), будто мы возвращаемся к положению 1903—1904 года. По моему мнению, Россия еще далека от сильного революционного движения, хотя правительственная политика сильно способствует усилению и распространению политического недовольства. А сверх того, я

вообще считаю вредной для университета связь между политикою и университетом. Я хорошо знаю, что эта связь неизбежна, но неизбежное зло остается злом. И по моему мнению, долг университетского преподавателя по мере сил ослаблять эту связь. Вот почему, даже помимо эгоистических побуждений самосохранения, подача прошения об отставке представляется мне теперь вещью далеко не беспорной: при теперешних обстоятельствах подача прошения, несомненно, приобрела [1-]в глазах правительства и его сторонников[-1] привкус политической манифестации. Между тем как в глазах огромного большинства подающих профессоров это исполнение нравственного, товарищеского долга, изъявление готовности пострадать вместе с товарищами — профессорами и только, без всякой политической примеси. Как тяжело жить в этой роковой и безвыходной смуте и путанице!

В газетах известие о том, что Цераский просит по болезни освободить его от чтения лекций и от заведования лабораторией, причем прилагает медицинское свидетельство. Скольким преподавателям разобьет жизнь и расстроит здоровье эта трагедия!

9 часов вечера. Сейчас звонил Котляревский и сообщил совершенно сказочный слух. Он только что беседовал с Камаровским, который был очень мрачен, выразил сомнение в том, чтобы советская депутация была принята, и вообще имеет такой вид, как будто он знает ужасную вещь, которой другие не знают; почему-то Котляревскому показалось, что дело в намерении правительства закрыть Московский университет на продолжительный срок. Я отказываюсь верить этому предположению. Потом Котляревский слышал от Фельдштейна, который хорош с Гидуляновым, будто в Петербурге решили принять прошения об отставке. Это конечно гораздо больше похоже на правду. Но что же тогда будет с весенним семестром и с «упорядочением» занятий? Ясно одно: разгром университета близок.

Воскресенье, 13 февраля. Сегодня известие о том, что попечитель удовлетворил просьбы 8 приват-доцентов историко-филологического факультета (Фортунатов, Кизеветтер, Пичета, Романов, Сакулин, П.П. Соколов, Виноградов, Кубицкий) об исключении их из списка приват-доцентов Московского университета. Это — важное известие; оно показывает, что министерство отказалось от мысли во что бы то ни стало довести семестр до конца и решило произвести немедленный разгром университета, не дожидаться лета. Цераский напечатал письмо в «Русских Ведомостях»: он подал просьбу об отставке «по общеуниверситетским мотивам», а не по болезни, свидетельство же о болезни приложил потому, что чувствует себя совершенно больным, и не может нести лежащих на нем служебных обязанностей.

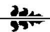
Вторник 15 февраля. Разгром — дело совершившееся. Сегодня в «Русских Ведомостях» перепечатано сообщение Осведомительного бюро о том, что [1-]по слухам[-1] принята отставка профессоров Вернадского, Зелинского, Лебедева, Эйхенвальда, Чаплыгина, Рота, Рейна, Сербского, Алекс[инского], Хвостова, Шершеневича, Петрушевского. Тридцатилетние профессора не упомянуты. Значит, конец истории. Будущее темно. Si fractus illabatur orbis impavidum ferient ruinae[*], как бы я хотел иметь право сказать это себе, но пока я его не имею, [1-]а вероятно, и после не буду иметь по малодушию[-1]. Восстановить университет конечно гораздо труднее, нежели разрушить. Любопытно, что вчера же в СПБ окружном суде началось дело Ларичкина (об убийстве Мухина)[53], в котором сразу же обнаружилась прикосновенность Юскевича-Красковского, Дубровина, Булацеля к ряду преступных деяний. Очевидно, Столыпин решил вести войну на два фронта, с союзниками и со строптивыми профессорами. Сокрушение университета нужно ему не само по себе, а как средство доказать свою политическую правизну; над Московским университетом проделывается experimentum in corpore vili[**]. Чтобы усидеть на премьерском кресле, Столыпин готов не оставить камня на камне в Московском университете. И в самом деле, что ему Гекуба[54]. Мне трудно поверить, чтобы Столыпин был серьезно убежден в неблагонадежности профессоров. Что может быть умереннее и законопослушнее университетского профессора? Но свободный от политики университетский совет и теперешний русский политический строй — две веши не совместимые. Теперь мыслимы «автономные советы» лишь одесско-киевско-варшавского склада, либо профессора, отстраненные от всякого участия в управлении университетом.

Четверг масленицы 17 февраля. Сейчас долго беседовал с В.М. Хвостовым. Он в понедельник получил телеграмму от Мануилова о том, что в СПБ настроение по отношение к подавшим в отставку непримиримое, что приказ об их увольнении в отставку по прошению уже составлен, но еще не подписан и появится в конце масленицы или в начале первой недели. В министерстве будто имеется ряд заявлений о желании занять освободившиеся в Москве кафедры, особенно на медицинском факультете. Вчера был у Виппера, долго беседовал. Какое тяжелое чувство разочарования!

Пятница 18 февраля. В «Русских Ведомостях» сообщение, что А.С. Алексеев шлет свое прошение об отставке, хотя ему совершенно

[*] Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae (лат.) — Если падали вокруг него обломки мира, то руины не устрашат его.

[**] experimentum in corpore vili (лат) — эксперимент (опыт) на малоценном организме (на подопытных животных).

не от чего отставлять себя. Затем сообщение о том, что Кассо согласен принять советскую депутацию в воскресенье 20 февраля. Ответ будет, конечно, самый непримиримый.

Воскресенье, 20 февраля. Сегодня в «Русских Ведомостях» известие, что Кассо согласился принять советскую депутацию лишь в том случае, если она ничего не будет говорить о трех уволенных профессорах. Я слышал об этом еще вчера от Котляревского, который только что вернулся из СПБ. Конечно, при таком издевательстве депутация должна отказаться от выполнения данного ей поручения. Столыпин, по слухам, непреклонен по отношению к Московскому университету, готов на крайние меры. Оптимист и interviewer** Котляревский утешается, но, кажется, напрасно тем, что многие влиятельные лица относятся к университету несколько мягче. Коковцев будто бы обещал замолвить словечко за университет; Шварц советовал просить о назначении сенаторской ревизии; Гучков, при первом известии о прошении трех московских профессоров будто бы спросивший Кассо «неужели вы оставите Мануилова на государственной службе?» теперь, по слухам, начинает понимать неудобство тупика, в который забрели октябристы, и по слухам что-то говорил об университете в Царском Селе. Родзянко, у которого есть сын студент, будто бы недоволен массовыми безразборными высылками студентов. Но что толку в этих слухах и словах, когда вся власть в руках Столыпина, а все политическое влияние в руках дворянского съезда, готового проглотить университет в его теперешнем виде?

Сегодня в «Русских Ведомостях» приблизительный подсчет уволенных и подавших в отставку: 25 профессоров (с нештатными), 74 приват-доцента, 7 лаборантов или ассистентов, 2 сторонних преподавателя (Кончаловский и Протопопов).

Понедельник, 21 февраля. Сегодня ходил в университет на свой семинарий. Не пришло ни одного человека, и я удалился восвояси. Вообще сегодня в университете почти не было студентов. Многие лекции не состоялись, а на состоявшихся слушателей было мало до смешного. Видел Любавского, еще не совсем выздоровевшего; он сегодня исправлял четыре должности (ректор, помощник ректора, проректор, декан). Камаровский приезжает завтра. Любавский думает, что совета не будет до 5 марта, потому что собираться незачем. У Любавского есть слабая надежда, что факультетам предложат пополнить пробелы и что факультеты выберут ушедших. Я не верю этому.

Вторник, 22 февраля. Оказывается, Любавский ошибался. Совет назначен на четверг, в 8 часов. Предмет заседания — доклад депутации о судьбе

** interviewer (англ.) — собеседник, журналист.

данного ей поручения. Сегодня заседание факультета, где были только текущие дела, в числе которых уже есть две просьбы «простить» курс Булгакова. По этому поводу, конечно, немедленно поднялся общий вопрос о том, как быть с зачетом полугодий и выдачей выпускных свидетельств. Были уже и прения. Решено поставить этот вопрос на повестку одного из ближайших заседаний. Официальных увольнений подавших в отставку профессоров еще не пришло, и Петрушевский присутствовал на заседании.

Да, еще любопытно, извещение, полученное от ректора сторонними преподавателями Кончаловским и Протопоповым. Ректор извещает их, что они обязаны довести до конца те практические занятия, которыми они руководят. Какую силу имеет это извещение, я не знаю.

Пятница, 25 февраля. Вчера заседание совета. Странным образом приказ об отставке подавших прошения все еще не приходит, хотя Кассо 20 февраля говорил Камаровскому, что приказ появится в «Правительственном Вестнике» во вторник 22 февраля. Есть ли это признак известного колебания среди министров или простая канцелярская проволочка, никто не знает. Некоторые из подавших были на заседании. Заседание свелось к рассказу Камаровского о своих беседах с министром и октябристами. Камаровский держит себя с большим достоинством и вообще оказал университету несомненные услуги в это ужасное время. Человек хорошего общества и октябрист, он конечно имеет доступ туда, куда не пустили бы или не охотно пустили бы Мануилова, и в то же время у Камаровского есть несомненная любовь к университету. Всего грубее и непримиримее оказался Кассо. Он заявил Камаровскому (Гулевич счел излишним явиться к Кассо в виду поставленного условия, а Камаровский был в качестве исполняющего обязанности ректора), что вопрос о трех профессорах есть вопрос конченный, который не может быть предметом беседы, что прошения подавших в отставку удовлетворены, что ученые и педагогические дарования этих профессоров сильно преувеличены Камаровским в беседе, что министерство не встретит особых затруднений при замещении вакантных кафедр, даже если бы все московские профессора подали в отставку. Университет должен быть открыт, и совет должен обратиться к студентам с увещеванием заниматься. Если студенты не будут посещать лекций в достаточном числе, то министерство должно будет сделать распоряжение о незачете семестра. Камаровский почти жаловался на равнодушие Кассо к университету.

Столыпин держал себя корректнее и заявил, что только левая печать говорит о каком-то правительственном походе на высшую школу. Беспорядки в высшей школе — плод политической агитации. Мануилов знал, каким влиянием он пользуется в академических кругах, знал, что за ним уйдет значительная группа его сторонников, и что уход произ-

ведет немалое впечатление и удлинит забастовку. Мануилов выбрал самый неудачный момент для своего прошения и произвел несомненную политическую демонстрацию. Было бы наивно думать, что правительство оставит в университете на казенном содержании человека, ведущего явно противоправительственную политику. Столыпин, в отличие от Кассо, не оспаривал мения Камаровского о тяжелой утрате, которую понесет университет, если уйдут все подавшие в отставку профессора, но заявил, что высшие государственные соображения заставляют безусловно пренебречь второстепенным вопросом о наличном составе преподавателей Московского университета. Столыпин выразил готовность пойти на некоторые уступки в вопросе о введении полиции в университет, но просил Камаровского не оглашать его, Столыпина, слов в совете и, особенно, в печати.

С Коковцевым Камаровский говорил о том, возможна ли сенаторская ревизия Московского университета. Коковцев полагал, что подходящих ревизоров очень мало, а ведь ревизовать пришлось бы и Петербургский университет; Коковцев сверх того не знает, приносят ли вообще сенаторские ревизии пользу или вред.

Октябристские лидеры, по словам Камаровского, отнеслись к его горю с гораздо большим сочувствием. В кабинете Гучкова он беседовал с Гучковым, Ан[?], Капуст[иным], Мейендорфом, Родзянко, которые обещали содействовать умиротворению высшей школы и уже будто бы указали Столыпину на ошибочность его политики в данном вопросе. Но что выйдет из этого заступничества, неизвестно.

Присутствовавшие выслушали это сообщение в большом унынии, и разошлись тихо и вяло.

Да, еще Столыпин говорил Камаровскому поучительные вещи о невинно, по недоразумению высланных студентах. Раз университетская администрация не в силах справиться с беспорядками, то неизбежно появление общей полиции, которая действует как стихийная сила, не разбирающая правого и виноватого. Ошибки неизбежны, но могут быть исправлены лишь впоследствии, с восстановлением порядка.

Воскресенье, 27 февраля. Правительство закусило удила. В ответ на слухи об отставке Кассо, Осведомительное бюро сообщает, что Кассо за свои подвиги назначается министром (до сих пор он был управляющим). «Россия» в номере от 26 февраля читает строгий выговор Камаровскому. В «Новом Времени» появилось сообщение о том, что Камаровский сделал доклад совету о своей петербургской поездке, и что по его словам у членов Государственной думы он встретил больше сочувствия к университету, чем у министров. По этому поводу Камаровский обвиняется чуть не в государственном преступлении, хотя в статье есть

и виляния, комплименты по адресу Камаровского. А отставка профессорам все не приходит. Вряд ли это есть виляние, скорее издевательство.

Вторник, 1 марта. Сегодня в «Русских Ведомостях» известие о том, что 12 профессоров, подавших в отставку, уволены. В короткой телеграмме не объяснено, уволены ли они по прошению или иначе.

Среда, 2 марта. Вчера было заседание факультета по поводу расстройства преподавания на факультете. Петрушевского уже не было. Глупый Брандт возбудил вопрос о том, можно ли продолжать печатание докторской диссертации уволенного Н.Д. Виноградова, но решительно ни в ком не встретил поддержки. Затем говорили только о желающих получить выпускное свидетельство. У некоторых не хватает пустяков вследствие ухода преподавателей, какого-нибудь вспомогательного курса; таким факультет может выдать свидетельство. Но другим не хватает основных курсов и практических занятий. Как тут быть? Я предлагал, чтобы такие подавали министерству просьбу о разрешении держать экстернами. Министерство заварило кашу, пусть оно само ее и расхлебывает. Но в факультете, даже у Поржезинского, желание «мира», и мое предложение отвергнуто всеми. Наиболее миролюбивые, как Челпанов и Грушка, предлагают вообще не делать никаких общих постановлений, и рассматривать каждое прошение отдельно, как будто можно разрешать отдельные случаи, не выработавши никаких общих правил. И, конечно, пришлось все-таки толковать об общих правилах, хотя конечно для разных кафедр придется руководиться различными правилами, потому что урон распределился очень неравномерно. Говорили много, и я не дождался конца, мне надо было идти на репетицию «Прометея»[55].

Предложением министра Любавский назначен исправлять обязанности помощника ректора, а попечитель собственной властью освободил его от исполнения обязанностей декана. Вчера председательствовал на факультете Лопатин и, конечно, хорошо.

Понедельник, 7 марта, 6 ½ часов вечера. Только что вернулся из университета, куда ходил на практические занятия. В этом полугодии занятия у меня не могли состояться ни разу. И сегодня пришел только один студент, так что я только проэкзаменовал двух студентов. Видел в профессорской Любавского, который только что вернулся из СПБ. Он ездил к Кассо хлопотать за студентов, исключенных по недоразумению. Любавский передает, что Кассо по-прежнему больше всего стремится поддержать престиж власти. Оказывается, что список студентов, переписанных полицией, чуть не на половину состоит из армян и евреев. Затем Н.Я. Калиновский, желая выгородить каких-то трех близких ему студентов, усиленно подчеркнул в

протоколе, что эти трое не участвовали в сходке, тем самым создавая впечатление, что все остальные участвовали. И, наконец, в протоколе имеется приписка Модля о показании, которое ему будто бы дали студенты Зиф и Фарбер (и тут «жид» примешался) о приготовлениях к сходке. По всем этим соображениям Кассо считает свое поведение совершенно правильным. Но он согласился принять во внимание ходатайство преподавателей, показывающих, что записанный полицией студент был у них на занятиях. Любавский составил в СПБ список таких студентов в 25 человек, и Кассо обещал вернуть их. Еще Кассо обещал, что разрешит держать экстернами государственный экзамен тем из исключенных студентов, которые имеют право получить выпускное свидетельство.

Что касается профессорского кризиса, то Кассо заявил, что он вовсе не противник разумной автономии, что не будет вмешиваться в дело о пополнении «президиума» в Москве. Он спросил Любавского, один ли Петрушевский ушел с факультета, и тоже сказал, что предоставит факультету заместить кафедру. Но какую цену имеют эти заверения, когда в СПБ говорят, что дни столыпинского министерства сочтены. Конечно, не все министры падут вместе со Столыпиным, но Кассо, думается мне, падет. В СПБ Любавский слышал, что в министерство уже поступило ходатайство одного охотника о назначении его одновременно директором Лазаревского института (Миллер выбран в академики и переезжает в СПБ). Теперь я понимаю, почему совет Лазаревского института решил обратиться к министру с ходатайством о назначении А.В. Никитского директором института; совет торопится спасти себя от начального «охотника» профессором русской истории в Московском университете. При всей своей робости и умеренности Любавский назвал этого господина гнусным человеком. В министерстве этой ищейке отказали. Я думаю, что Любавский слышал эту историю от С.Ф. Платонова, у которого он был, и что этот охотник — Д. Цветаев. Любавский сказал, что в ограждении факультета от подобных неожиданностей он в следующее же заседание внесет предложение о выборах М.М. Богословского.

Председателем испытательной комиссии назначен к нам киевский Бубнов.

Я спрашивал Любавского, правда ли, что Н.И. Гучков обращался к градоначальнику с просьбой не карать студентов, записанных по недоразумению. Любавский сказал, что это правда. Этим, конечно, и объясняется субботний не то пятничный приезд градоначальника в правление университета к графу Камаровскому для разговора о студентах. Очень характерно, что даже октябристы нашли нужным вмешаться в это дело.

Говорил с Котляревским. У них на юридическом факультете очень плохо. Гидулянов являет себя во всей красе. Неожиданным образом и Елистратов, которого до сих пор считали приличным человеком, обна-

руживает странные качества; уверяет, что забастовка от профессоров, а не от студентов; переписал к себе слушателей от ушедших доцентов — полицеистов, заверяя, что последние не успели в весеннем полугодии прочесть ни одной лекции. Значит, одну половину курса студенты слушают у одного лектора, другую у другого. Конечно, вместе со слушателями переписывается и гонорар. Уже что-то совсем бесцеремонно выходит, люди распоясываются и готовы предстать перед студентами совсем как их мать родила. Вот реакции достойные плоды!

Вторник 8 марта. Сегодня в «Русских Ведомостях» слух о том, что Столыпин подал прошение об отставке, что отставка принята и что его преемником будет Коковцев. Каковы будут последствия для университета, если этот слух верен, я не знаю. Октябристы усиленно моют себе лицо. А.И. Гучков прислал Мануилову, Мензбиру и В.М. Соболевскому приглашение принять участие в приеме очень высокопоставленной английской депутации, которая приезжает в Россию весной. Очевидно, министерство перетянуло лук и оттолкнуло даже октябристов.

Суббота,12 марта. В среду 9 марта было заседание факультета на Высших Женских Курсах, очень поучительное для настроений преподавательской среды. Обсуждался вопрос о том, как быть с семестром. Преподаватели один за другим повествовали о том, что у них совсем не идут практические занятия, а лекции либо вовсе не идут, либо идут при очень малочисленной и подозрительной аудитории. Только Хвостов стал говорить о том, что у него хотя и маленькая, но подлинная аудитория, и что занимающимся необходимо зачесть доведенные до конца курсы и семинарии, ибо факультет должен бороться с забастовкой, а внесшие платы и занимавшиеся слушательницы имеют право требовать зачета и экзамена. Хвостов — «подавший в отставку и уволенный», и все-таки его слова сейчас же вызвали негодующую отповедь Сакулина на тему о том, что не дело преподавателей бороться с забастовкой, которую притом осуждают не все преподаватели, и что не подобает вносить в обсуждение коммерческий элемент, что он, Сакулин, принципиально не ходит на лекции, что если слушательницы не обратятся к преподавателям с просьбой чтобы они, преподаватели, несмотря на забастовку, получили гонорар, то он, Сакулин, откажется от гонорара. Петрушевский в качестве декана не то резюмирует прения, не то высказывает свое личное мнение и, к моему великому изумлению, говорит о том, что, как выяснилось из прений, настоящих лекций нет, семинариев нет и что значит ничего зачитывать нельзя. Я слушаю и ушам не верю. На последнем заседании советской комиссии решили проводить на факультетах мысль о том, что необходимо зачитывать все курсы, которые

будут закончены, независимо от численности и состава аудитории. Петрушевский как декан и член советской комиссии был обязан поддерживать это мнение. И вдруг он толкует о том, что никаких занятий нет и что ничего зачитывать нельзя. Секретарь Н.Д. Виноградов пробует указать, что незачет полугодия очень тяжело отразится на приеме и занятиях будущего года. Петрушевский резко обрывает его указанием, что занятия будущего года не значатся на повестке заседания. Тогда я был вынужден доложить факультету точку зрения советской комиссии, безвыходность положения медицинского и естественного факультетов в случае, если семестр будет признан незачтенным, неправомерность незачета по отношению к занимавшимся слушательницам. Но я, «не подавший прошения», почти изменник в глазах подавших, и мои слова были либо не поняты, либо превратно истолкованы не только фигляром Стороженко, но, к моему изумлению, даже корректным и благодушным Кизеветтером; они усмотрели в моих словах предложение признать состоявшимися все курсы и семинарии. И пришлось разъяснять им очень простые вещи. Все-таки мое предложение поставить особый вопрос о зачете семестра оказалось полезным. А то без этого поставленного ребром вопроса факультет легко мог постановить, что нельзя зачитывать никаких курсов и семинариев, плохо сознавая, что он делает незаконное и опасное в политическом отношении постановление. Вопрос был поставлен правда в смягченной форме, есть ли в настоящее время у факультета достаточный материал для того, чтобы решить вопрос, состоялся ли или не состоялся семестр. 21 голосом против 16 признали, что достаточного материала нет. Значит, как будто дело ясно; как будто факультет решил отложить рассмотрение этого вопроса. Но нет, нелепым образом обсуждение вопроса продолжается и нелепым образом наспех факультет [1-](почти единогласно!?)[-1] решает, чтобы каждый преподаватель сообщил факультету о том, считает ли он свой курс состоявшимся или несостоявшимся. Это очень благоразумное и удобное решение. Но оно находится в резком противоречии с решением отложить вопрос о зачете семестра за отсутствием достаточного материала. Нелепым образом Грузинский обращает внимание на эту нелепость слишком поздно, уже после того как факультет проголосовал порядок зачета отдельных курсов. Петрушевский очень резко обрывает его и лишает слова. Становится поздно и неприятно сидеть в этой напряженной обстановке. Да и дела остались второстепенные. У меня осталось от этого заседания (и притом совершенно независимо от того, что я убедился в неприязни ко мне некоторых членов факультета) такое же тяжелое впечатление развала, беспорядка, как от советского заседания 5 февраля в университете. Конечно этот хаос пройдет, и дело так или иначе наладится со временем. Но пока это что- то грустное, маленькое. А Петрушевский и раньше был

плохой председатель, а теперь нервы его в особенном беспорядке и он позволяет себе грубо обращаться с Грузинским, который очень не любит Петрушевского и все-таки подписал просьбу членов факультета, чтобы Петрушевский взял назад свое прошение об отставке.

Вторник, 15 марта. В субботу было экстренное, короткое заседание факультета в университете. Разбирали согласно с разрешением министра заявления студентов, переписанных полицией 27 января, исключенных из университета и просивших у преподавателей удостоверения в том, что они 27 января были на лекциях и практических занятиях. Большинству студентов требуемое удостоверение выдали, и теперь Кассо должен вернуть их, если он во что-нибудь ставит свое слово.

Сегодня длинное заседание. Во-первых, решали вопрос о том, как быть с курсами и семинариями ушедших преподавателей. У нас поступили лучше, чем у юристов. Всем ушедшим преподавателям разослали предложение сообщить, как они сами смотрят на зачет своих курсов и семинарией. Почти все уже ответили, и факультет поступил сообразно с их указаниями.

Во-вторых, Любавский внес предложение по поводу кафедры русской истории. Он указал на свою переобремененность занятиями, особенно студенческими сочинениями и заявил, что либо надо немедленно выбирать второго штатного профессора по русской истории, либо надо осенью сократить или даже прекратить прием новых студентов на отделение русской истории. Он предложил факультету немедленно решить вопрос, нужно ли в ближайшия заседания выбрать экстраординарного профессора русской истории. Конечно, он выражал сожаление по поводу болезни Ключевского и уверял, что о личности рекомендуемого кандидата он непременно попросит отзыва у Ключевского. Брандт, Соболевский, Лопатин, Грушка усердно поддерживали Любавского. Но мне, Випперу, Поржезинскому, Покровскому удалось настоять на том, что невозможно предпринимать какие бы то ни было шаги в этом деле, не запросивши предварительного мнения у В.О. Ключевского. Нам возражали, что Ключевскому опять нехорошо (он все еще в лечебнице Стороженка, говорят, что у него какой-то извилистый свищ, что ему делали какую-то дополнительную операцию, и что ему больно) и что его трудно видеть, что Борис не допускает до него, что больного неделикатно беспокоить. Но в конце концов Любавский увидал, что ему после наших указаний неудобно начать дело без Ключевского и согласился прежде всего постараться переговорить с больным Ключевским.

Был тяжелый инцидент. Грушка очень бестактно заговорил что-то о «расслабленности» Ключевского. Покровский, который ненавидит Грушку, понял это заявление в том смысле, что Грушка ссылается на га-

зетные толки о поглупении больного, и просил, чтобы слова Грушки не были занесены в протокол и вообще не разглашались членами факультета. Грушка оправдывался, но неловко и снова употребил совершенно неуместные выражения о Ключевском.

После заседания я шел с Любавским. Он сообщил, что ему хотелось бы устроить выборы президиума как можно скорее, но что Камаровскому хотелось бы оттянуть выборы. По слухам, Любавскому хотелось бы попасть в ректоры; он будто бы уже ведет агитацию в этом смысле.

Характерная мелочь. Министерство прислало ответ на просьбу факультета не понижать вознаграждения за преподавание педагогики (с 1200 рублей до 800): министерство не нашло возможным удовлетворить ходатайство факультета.

Министр назначил профессора богословия; это Боголюбский, из сельскохозяйственного института[56].

Среда, 16 марта. Сейчас говорил с Котляревским. Он сообщил невероятный слух о том, будто бы у министерства было намерение уволить Виппера. Я отказываюсь верить. Уж слишком нагло. И если бы даже у министерства было такое намерение, вряд ли оно уцелело теперь, когда Столыпин восстановил против себя в СПБ так много народу, и влиятельного народу.

Пятница, 18 марта. Сейчас Виппер говорил со мною по телефону. Он часто и прежде страдал бессоницей. Теперь бессоница возобновилась. Врачи запретили ему экзаменовать. Он уже подал заявление о том, что он может экзаменовать только по древней истории. Если он откажется от членства в государственной комиссии, то членом, вероятно, придется быть мне. А я подал прошение о заграничной командировке с 24 апреля. Теперь, по-видимому, придется отказаться от нее, даже если бы меня отпустили.

Суббота,12 марта. Татарское бесчинствование министерства продолжается. Сегодня в «Русских Ведомостях» известие, что младший ординатор Старо-Екатерининской больницы приват-доцент Преображенский назначается экстраординарным профессором по кафедре нервных и душевных болезней. Его никто не выбирал, значит, мы возвращаемся к порядку назначения.

8 часов вечера. Говорил по телефону с Котляревским. Он слышал, кажется, от Сербского, будто медицинский факультет, вернее некоторые профессора медицинского факультета исподтишка вели переговоры с Кассо о назначении Преображенского. Если это верно, то это печальный и грозный признак нравственного разложения в профессорской среде. Во-первых, медики отвертываются от подавших в отставку товарищей, преграждают им путь к возвращению. Во-вторых, они сами стремятся к

тому, чтобы министерство назначило профессоров, топчут в грязь право кооптации. В-третьих, они не имеют мужества признаться в своей низости и желают переложить всю тяжесть поступка на министерство. Невероятного в этом слухе нет ничего. И нравственный и ученый уровень медицинского факультета был невысок уже до кризиса; теперь еще скатились. Но все же подожду верить до более надежного подтверждения.

Сербский жалуется, что с ушедшими в отставку медицинский факультет вообще обошелся нехорошо, например, при временном устройстве преподавания и заведования клиниками.

11 часов вечера. Сейчас звонил Котляревский. Слава Богу, известие о назначении Преображенского в Москву оказалось неверным; Преображенский будто бы назначен в Варшаву, где он был выбран факультетом и советом.

Среда, 23 марта. Сегодня в газете («Русских Ведомостях») известие о том, что медицинский факультет решил возбудить ходатайство о назначении конкурса для замещения 4 кафедр, освободившихся вследствие ухода Рейна, Алексеева, Сербского, Мартынова. Какая печальная торопливость! Нет ли здесь желания поскорее и благовиднее отстранить этих людей? Я боюсь этого потому, что моему томскому брату-хирургу[57] (я получил вчера вечером от него телеграмму) Зернов сделал предложение выставить кандидатуру на кафедру оперативной хирургии, т.е. на кафедру Рейна. Если только факультет не имеет в виду Рейна для какой- нибудь другой хирургической кафедры (а такой другой кафедры я, по крайней мере сейчас, не вижу, ибо обе клинические кафедры заняты Мартыновым и Спижарным), то значит он ничего не имел бы против того, чтобы место Рейна занял кто-нибудь другой. Конечно, Рейн может принять участие в конкурсе, но тогда к чему декан приглашает людей со стороны участвовать в конкурсе. А потом Рейн ушел из-за Мануилова. И, казалось бы, медики должны были обождать с замещением кафедр и предоставить первенство в этом деле юристам. Как все скверно, как все запутывается, и как университет разваливается!

Четверг, 24 марта, 11 часов утра. Сейчас случайно встретил на улице Котляревского и узнал, что в юридический факультет поступило министерское требование принять меры к замещению освободившихся кафедр. Значит, развязка приближается.

Суббота, 26 марта. Заседание совета. Выбирали на госпитальную терапевтическую клинику и на гигиену. Медицинский факультет конечно и на сей раз порадел своим человечкам, выбрал не лучших, а наиболее удобных кандидатов, Усова и Орлова. Совет послушно побрел за фа-

культетом. Усов получил 36 избирательных к 15 неизбирательных, Орлов 39 избирательных и 11 неизбирательных.

Потом вопрос о положении советской комиссии. Из нее считаются ушедшими Петрушевский, Зелинский, Вернадский, Хвостов, Рот. Кроме того Виппер подал заявление об уходе. Странным образом члены совета встают и один за другим начинают говорить против выборов. Два Каблукова и Гулевич против немедленных выборов, в виду того, что комиссия должна работать в тесной связи с президиумом и что выборы президиума должны быть поставлены впереди, должны определять собою и направление выборов в комиссию. Но Тарасов резко высказывается против самого существования комиссии: прежде может быть комиссия и была нужна, а теперь нет, ведь в других университетах нет никакой комиссии. Наши черные, очевидно, хотят совершенно дезорганизовать университет, для того чтобы создать наиболее удобную для себя обстановку. Очень враждебно относится к комиссии и Зернов; он конечно не так линеен, но усиленно подчеркивает, что комиссия должна иметь чисто совещательное значение, никоим образом не должна превращаться в олигархический сенат; это конечно камень в огород прежней комиссии. У комиссии защитников не очень много, председатель Камаровский, Андреев, Щепкин. Но когда голосуют вопрос, произвести ли выборы немедленно или отложить их, то неожиданно оказывается, что 18 против 16 решено произвести немедленные выборы. Выбирают. Выбраны Гулевич, Котляревский, Егоров, Павлов, Поржезинский, я.

Кончают наиболее важным вопросом заседания: обсуждением времени для выборов ректора, проректора и помощника ректора. Мне кажется, что этому вопросу придают преувеличенную важность. Не в нем самом болезненное место университета, а в возвращении ушедших товарищей. Но как это часто бывает, партийные группировки сказываются и в мелочах. Люди, которые примиряются с разгромом и готовы распроститься с ушедшими, стоят за ускорение выборов. Тарасову хотелось бы произвести выборы даже на шестой неделе. Любавский и Кожевников требуют, чтобы выборы состоялись не позже как в апреле, дабы утверждение воспоследовало к июню и новоизбранные успели бы к сентябрю ознакомиться с университетскими делами. Против спешных выборов приводятся очень веская доказательства; за возможно большую отсрочку высказываются Егоров, Гулевич, Котляревский, я. Но голосование опять дает неожиданные результаты: 17 голосами против 14 решено произвести выборы в конце апреля. Какое ничтожное большинство! И потом это как раз quorum**, ибо членов совета осталось теперь всего 62. Университет разваливается.

** quorum (лат.) — кворум, правомочный состав.

Вместе со мной выходит Мартынов и в первый раз заводит беседу об университетском положении. Он преувеличивает значение выборов президиума и, на мой взгляд, чрезмерно негодует на только что состоявшееся постановление. Но мы все-таки единомышленники. Он говорит о том, нельзя ли будет сорвать апрельское заседание неявкой, ибо тогда совет окажется не в числе; если же он и будет в числе, то незавидно будет положение людей, выбранных очень небольшим числом голосов. Это вероятно возможно; но здесь есть и опасность выбора совершенно черных людей; и потом я враг всякой обструкции. Потом я спрашиваю его о том, почему медицинский факультет поторопился с ходатайством о конкурсе. Он отвечает мне, что это еще был наименее плохой выход из положения. На факультете раздавались голоса в пользу ходатайства о рекомендации, но при этом имели в виду вовсе не ушедших, а новых людей. «Левые» тогда высказались за ходатайство о конкурсе, видя в этом средство хоть сколько нибудь оттянуть развязку и еле-еле провели свое предложение, 8 голосами против 7. Увы, этот наилучший выход очень плох.

Воскресенье, 27 марта. Сегодня Осведомительное Бюро сообщает, что Е. Трубецкой и П. Виноградов за выслугою срока (т.е. 25 лет) увольняются от службы. Значит их прошениям не дано хода. И число подавших в отставку всего только 12, ничтожная горсть. Очень утешительно с бюрократической точки зрения. Mais qui trompe on ici?**

Вторник, 29 марта. Мирное заседание факультета в университете. Любавский читал свой отзыв о докторской диссертации юрьевского профессора Лаппо, солидный, но очень скучный. Сперанский читал представление о Розанове. Писал его он, а потом приходил ко мне прочесть свой отзыв; я предложил внести некоторые поправки, например, в представлении были ссылки на газетные отзывы о «Ленце»[58] ("Duna Z[eitun]g", "Vossische Z[eitun]g", "Berliner Tageblatt")[59], я попросил это выпустить, чтобы не подать повода к насмешкам; попросил я выпустить и указания на такие труды, как библиографические отзывы в три строки в «Книге о книгах». Нелепое преклонение пред всякой нерусской строчкой встречается впрочем и у людей много крупнее, например, у П.Г. Виноградова. Но это только смешно. А вот стремление соваться в дело о собственной кандидатуре уже совсем неуместно. Узнав от меня по телефону, что Сперанский читает мне свое представление, Розанов ужасно взволновался, что нет Лопатина, в котором он видит своего главного ангела-хранителя, и очень просил меня пригласить Лопатина, боясь, что мы недостаточно его похвалим.

** Mais qui trompe on ici? (франц.) — Но кто здесь обманывает?

Пятница Святой недели, 15 апреля. На Страстную ездил к Котляревскому в Балашовский уезд. Тем временем разгром высших учебных заведений продолжается. На шестой неделе поста сенат решил отдать под суд бывшего юрьевского ректора Пассека за преступления по должности, совершенный им в 1905 и 1906. Обер-прокурор, правда, отверг большую часть обвинений, выставленных в знаменитом рапорте Шварца, но счел возможным поддержать два обвинения, в том числе допущение революционных сборищ в университетских зданиях. Это прямо бессовестное обвинение, ибо в «потачке» революционерам местный полицмейстер и губернатор, а в особенности министр внутренних дел Столыпин виновны бесконечно больше чем ректор, не располагающий решительно никакими средствами для борьбы с крамолой. Совершенно такое же обвинение можно предъявить в любой момент ко всем ректорам 1905-6 года, но в бесконечно большей степени ко всем высшим чиновникам министерства внутренних дел. До какого бесстыдства дошло правительство, выступающее с подобными обвинениями! Но теперь все возможно, и легко может случиться, что я прочитаю в газетах о возбуждении судебного преследования против Мануилова и Мензбира.

Директор и профессор медицинского института Салазкин, получивший от министерства грубый окрик в ответ на свое заявление (по моему мнению не вполне тактичное) о бессилии совета принять какие бы то ни было новые меры к возобновлению учебных занятий, подал прошение об отставке от должности директора. Его прошение удовлетворено, но он отставлен не только от директорства, но и от профессуры, с причислением к министерству. Очевидно, министерство считает необыкновенно остроумной тактику, примененную впервые к Мануилову.

И, наконец, министерство продолжает неуклонно пещись о Московском университете. Деканы юридического, филологического и математического факультета получили от министра предписание принять немедленные меры к замещению всех кафедр, освободившихся вследствие ухода в отставку 12 профессоров (вернее 8, ибо на 4 свободные медицинские кафедры объявлен конкурс). Что касается нашего факультета, то по слухам (я еще не видел Любавского) к требованию заместить свободную кафедру всеобщей истории Кассо присоединил сообщение о своем намерении назначить Богословсксго на кафедру русской истории.

С возвращением в университет исключенных студентов, за которых хлопотали факультеты, министерство и не думает торопиться. В «России» (1 апреля) есть развязная передовица о доверчивости профессоров, которых легко проводит за нос любой студент — революционер, прикинувшийся смирной овцой.

Какой разгул произвола и распоясанности! Какая это жалкая вещь — российское просвещение.

Суббота, 16 апреля. Получил письмо от Бубнова с предложением стать членом государственной комиссии и с извещением о том, что приглашение Петрушевского в экзаменаторы оказалось невозможным. Я согласился, потому что иначе некому было бы экзаменовать.

Разговаривал по телефону с Любавским. Он действительно получил от министра официальное письмо с предложением назвать кандидатов (множественное число) на кафедру всобщей истории и с извещением о намерении министра назначить Богословского на кафедру русской истории. Мотив: забота о полноте преподавания по этим важным кафедрам. Любавский слышал, будто бы министерство собирается назначить нам Вязигина, если мы не укажем кандидатов. Я не особенно верю этому: Вязигин вряд ли пойдет в Москву. Может быть Любавский просто пугает, чтобы я не чинил затруднений при «назывании» кандидатов. Он (впрочем, по указанию Котляревского) упомянул мне об юрьевском Васильеве.

Вечером я был у Новгородцева, где были еще Котляревский и Егоров. Говорили о кандидатах в деканы на ВЖК. Все согласились, что Петрушевский невозможен; он и сам отказывается, по слухам. Новгородцев выдвигает Кизеветтера; он может быть прекрасным деканом; но я убежден, что его не утвердят. Другие трое не считают его утверждение невозможным. Очень хочется быть деканом Хвостову. Новгородцев сообщил, что по слухам возможна кандидатура Богословского. Еще соберутся у Новгородцева в ближайшую пятницу.

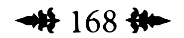
Котляревский сообщил, что Кассо назначает своего фаворита Гидулянова директором Лазаревского института.

Вторник, 19 апреля. Очень тяжелое заседание факультета. Сначала выбирали Розанова, который получил 12 избирательных и 1 неизбирательный. В совете его будут выбирать в пятницу. Затем читается официальное за номером письмо министра (за подписью Л. Кассо), адресованное «Милостивый Государь Матвей Кузьмич», извещающее декана о намерении министра назначить Богословского на кафедру русской истории и предлагающее немедленно назвать желательных факультету кандидатов на кафедру всеобщей истории. Завязываются длинные прения по поводу закономерности этого предложения. Поржезинский указывает на то, что министр ошибочно зовет кафедру всеобщей истории вакантной, тогда как на факультете имеются два профессора всеобщей истории. Любавский возражает, что 100 статья устава предоставляет министру право замещать не только вакантные кафедры, но и вакантные профессорские должности. Я указываю на трудности, сопряженные с таким толкованием статьи, но признаю, что путем изворотов статья может быть истолкована в таком благоприятном для министерства смысле. Зато есть несомненная

трудность и внезаконность: министр предлагает факультету (через декана) назвать имена кандидатов, неизвестно скольких, о чем совершенно не говорится в законе, и совсем не указывает, каким путем факультет должен осуществить это предложение, ибо закон не знает такой процедуры. Лопатин стращает кандидатурой «крайнего правого» Вязигина. Брандт удивляется вечному желанию искать незаконность в действиях министра и находит требование министра весьма ясным и простым: факультет должен указать несколько кандидатов открытым голосованием. Я отчитываю Брандта. И тогда настает тяжелый момент. Лопатин заявляет, что при замещении кафедры русской истории усиленно настаивали на обращении к Ключевскому. Почему же теперь молчат о столь же заслуженном члене факультета, о Владимире Ивановиче Герье? Это очень похоже на желание вытолкнуть Петрушевского окончательно. Герье не любит Петрушевского и питает нежную привязанность к Ардашеву. Как это противно! С одной стороны страхи перед правизной Вязигина, а с другой стороны очень плохо прикрытое намерение навязать факультету не менее правого и гораздо более неприятного Ардашева. Тогда Щепкин и я говорим о невозможности в таком случае обойтись без мнения П.Г. Виноградова. Грушка и тут верен себе, вечный advocatus turpium causarum**, распространяется о желательности возможно более широкого опроса при замещении кафедры [1-] и ссылается на «скандинавскую» практику[-1]. Лопатин лицемерно жалеет о том, что Виноградов перестал быть членом факультета, и что потому трудно спрашивать его мнения. Тут Щепкин не выдерживает и ядовито упрекает Лопатина в том, что в вопросе о Виноградове он становится на чисто чиновничью точку зрения. Я отчитываю Грушку и указываю на незаконность и нецелесообразность его «скандинавского» предложения. Я и Любавский указываем на необходимость расчленить вопрос: нужно определить нужды кафедры всеобщей истории (можно ли обойтись без третьего профессора иди нет), нужно решить формальный вопрос о пути, которым можно удовлетворять эти нужды (чтение добавочных курсов наличными профессорами, просьба о назначении конкурса, назыв желательных факультету кандидатов) и, наконец, обсуждение вопроса об именах желательных кандидатов, если факультет выскажется за последний способ. Факультет соглашается с этим расчленением и поручает профессорам всеобщей истории, т.е. мне и Випперу, составить ко вторнику письменный доклад о нуждах кафедры. Я спрашиваю, нужно ли обращаться на этой стадии к Герье и указываю на чисто практические неудобства такого обращения. Припертый к стене Лопатин соглашается, что на этой стадии к Герье обращаться не следует. Я предлагаю включить в «комиссию» (т.е. я и Виппер) и профессора русской истории, т.е. Любавского. Любавский и факультет согла-

** advocatus turpium causarum (лат.) — адвокат постыдных дел.

шаются. Заседание нашей комиссии из трех назначено на пятницу, перед советом, где будут выбирать декана. Этим все кончается.

Удивительно отсутствие Виппера, ужасно похоже на измену Петрушевскому. Он намеренно не явился на заседание. Я был у него вчера вечером специально для того, чтобы предупредить его о предстоящем на следующий день обсуждении вопроса о замещении кафедры. Он был обязан придти отстаивать интересы кафедры и интересы Петрушевского, он не пришел. Любавский сообщил мне «дамские» разговоры о том, что Виппер поссорился с Петрушевским. И я начинаю верить этому. Только полным разрывом отношений, полным равнодушием к судьбе Петрушевского, можно объяснить неприход Виппера на это заседание. Может быть, Петрушевский позволил себе резко отозваться о Виппере, может быть, этот отзыв дошел до Виппера и привел к разрыву. Я не считаю возможным, чтобы Петрушевский позволил себе непосредственно обратиться к Випперу с резкими упреками. До разгрома Перушевский был в настоящем плену у Виппера и во всем шел по его указке. — Но если даже Виппер разорвал с Петрушевским, он все-таки был обязан придти на заседание не ради Петрушевского, но ради кафедры, о судьбе которой шла речь. Такое отсутствие не прощается.

Я был уже два раза у Петрушевского, чтобы сообщить ему о положении, и не застал его дома. Он все еще в Киеве.

Одна характерная мелочь. Из министерства прислано разъяснение относительно максимальной длительности обучения студентов в университете (7 ½ лет на медицинском факультете и 6 ½ лет на остальных). Министерство требует, чтобы эта статья устава была немедленно и неуклонно применена ко всем студентам теперешнего состава; исключенные старосидельцы пусть подают прошения о разрешении держать государственный экзамен экстернами. Это жестоко, но это законно. Но что сказать о требовании считать при этом все семестры 1905 и 1906, в том числе и такие, которые сочтены не состоявшимися с разрешения тогдашнего министра? Это требование — прямо бессарабское или, вернее, арабское.

Поржезинский ездил на святой в Киев, где встретил Петрушевского и Кизеветтер сказал там, что получил от Ключевского телеграмму с запросом, согласен ли он теперь на то, чтобы снова была выставлена его (Кизеветтера) кандидатура на кафедру русской истории. Кизеветтер ответил отказом. Любавский сказал мне, что Ключевский плох и все еще в лечебнице, что не может быть и речи о возобновлении им лекций.

Среда 20 апреля, 4 часа дня. В полдень я был у Петрушевского и рассказал ему о положении и спросил его, будет ли он согласен принять участие в конкурсе, если бы Кассо согласился на конкурс, согласен ли он в настоящее время, чтобы он был назван одним из кандидатов, если бы факультет признал необходимым исполнить странное требование министра. Петрушев-

ский, как и следовало ожидать, отказывается и после моих уговоров согласился только отложить окончательный ответ до завтра. Я спросил его, была ли у него какая-нибудь ссора с Виппером. Он говорит, что не было никакой, что они не сказали друг другу ни одного неприятного слова. Но с февраля они не виделись. Теперь мне становится еще яснее, что Виппер — чистый эгоист, по чистоте очертаний редкий представитель этого типа.

Вечером в 2 часа у меня собрались Котляревский, Д.Ф. Егоров, Мартынов, чтобы обсудить положение с ректорскими выборами. Мартынов сообщил после телефонного разговора с Кишкиным, что Зернов ни в каком случае не выставит своей кандидатуры и будет стоять за Гулевича. Таким образом, возможны три кандидата в ректоры: Любавский, Камаровский, Гулевич. У Любавского шансы меньше, чем у Камаровского и Гулевича, как это выяснилось из разговора. Если Камаровский не согласится (а это вполне возможно), то Гулевич, вероятно, пройдет. Мы считали более желательной кандидатуру Гулевича, но конечно, Любавский и особенно Камаровский должны быть почтены особою благодарностью со стороны совета. В помощники ректора многие профессора физико-математического факультета хотели бы провести Лейста, но его мало знают в совете и, чтобы его кандидатура не поразила нежелательностью, нужны предварительные шаги; главный шанс Лейста — отсутствие кандидатов на должность помощника ректора, ибо Любавский вряд ли согласится служить под началом Гулевича и наоборот. Всего труднее найти желающего стать проректором. Решили собраться за час до советского заседания в пятницу и позвать на это заседание человек 30, чтобы не разбились голоса. Я к сожалению не могу быть на этом предсоветском заседании, потому что должен как раз в это время говорить с Виппером и Любавским о кафедре всеобщей истории.

Четверг, 22 апреля. Утром я был у Поржезинского и сообщил ему о нашем вчерашнем совещании, просил позвать на него Покровского, Сперанского, Щепкина, Поржезинского. Третьего дня был у Виппера и рассказал ему о вторничном заседании факультета, так что сегодня вечером, когда я буду говорить с Виппером, почва уже будет подготовлена. Поржезинский не вынес такого впечатления, чтобы Виппер относился враждебно к Петрушевскому. У Поржезинского очень сильная тяга к Випперу, но и Поржезинский сегодня в разговоре со мною должен был признать, что Виппер — себялюбец.

В 11 часов утра пришли Петрушевский и Новгородцев. Новгородцев как близкий к Петрушевскому человек. Странно, что больше говорил Новгородцев. Петрушевский был ко мне дружелюбен, как и вчера, но показался мне сегодня очень подавленным. Его поразило известие, что Виппер не пришел на заседание факультета и что Лопатин завел речь о Герье;

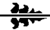

он даже пришел к заключению, что его возвращения желают на факультете всего 3-4 человека; я поспешил разубедить его. Говорили о том, как ответить на предложение министра о замещении кафедры. Как и следовало ожидать, Петрушевский не пожелал, чтобы его теперь же выставили кандидатом на кафедру. Значит задача состоит в том, чтобы по возможности оттянуть замещение. Здесь два пути: просьба о немедленном назначении конкурса, просьба дать факультету время подумать о способах замещения, с тем чтобы наличные преподаватели взяли на себя преподавание средней истории. Я высказался за последний путь. Новгородцев и Петрушевский согласились со мной. Любавский в разговорах со мной уже высказался в том же смысле. Остается поговорить с Виппером.

Был у Виппера и вынес тяжелое впечатление, одно из самых тяжелых впечатлений моей жизни. Я стал ему рассказывать то, что было на вторичном заседании факультета и то, что сказал Петрушевский, сообщил о завтрашнем заседании и о своих предложениях, главным образом о своем намерении читать курс по средней истории. Виппер молчит. Я спрашиваю, какого он мнения. Он молчит. Я спрашиваю его, находит ли он возможным назвать каких-нибудь кандидатов, если нельзя назвать Петрушевского. Он мнется. Я настаиваю на ответе. Он говорит, что в этом вопросе у него еще нет никакого определенного мнения, [1-]и что все равно наверху как-нибудь заранее все решили[-1]. Я тогда говорю ему, что завтра половина второго он должен будет высказать какое-нибудь мнение. Он молчит (и я подозреваю, что он вовсе не придет).

Тогда я перехожу к завтрашним выборам и тоже начинаю рассказывать о возможных кандидатах и сочетаниях, чтобы объяснить, почему я прошу его голосовать за Гулевича — Лейста. На его лице не то недоумение, не то равнодушие. Я тогда спрашиваю, есть ли у него определенное мнение о наиболее желательном кандидате в ректоры. Он отвечает: я их всех так мало знаю. Я извиняюсь, что надоел ему разговором о совершенно не интересном предмете, но пробую объяснить, что тот или иной исход выборов сильно отразится на составе правления. Он отвечает, что плохо представляет себе теперешний состав правления. Я говорю, что избрание Любавского в президиум создаст для филологов затруднения с выбором декана. Он отвечает: «Мы вечно остаемся в меньшинстве, доживем и до Грушки». На этом разговор о завтрашних делах и обрывается: он весь оказался недоразумением. Виппер достиг поразительно чистой и полной резиньяции, с высоты или низости которой он и созерцает мимо несущийся поток явлений. Мы переходим к невинным темам, к коллоквиям и учительским экзаменам и кончаем замечаниями об электрических лампах «Осрам». Как грустно! О срам!

Пятница, 22 апреля. Совет. Перед ним совещание комиссии. Как я и думал, Виппер не пришел, но прислал письмо Любавскому с извещением с

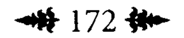
том, что он не имеет кандидата, которого бы мог рекомендовать и что он не может взять на себя доли преподавания по средневековой истории. Значит, я говорил только с Любавским. Он согласился с тем предложением, которое я собираюсь сделать, т.е. ответить министерству, что факультет не может в настоящее время указать определенного кандидата, но немедленно приступит к обсуждению вопроса о замещении; а на будущий год постарается обеспечить преподавание средневековой истории наличными преподавательскими силами, причем преподавание по средней истории будут вести экстраординарный профессор Савин и приват-доцент священник Попов.

На совет собралось много народу, человек больше пятидесяти. Печальное известие о том, что на Моховой сегодня утром трамвай сшиб Камаровского. По-видимому, повреждения он получил легкие, но все-таки должен был уехать домой. Председательствует Любавский, как исполняющий должность помощника ректора. Поучительный инцидент с приветствием университету в Христиании к столетнему юбилею. Покровский читает проект адреса, русский перевод латинского текста. Приветствие начинается с указания на тяжелое время, переживаемое Московским университетом. Это очень не нравится правым; Губарев, Митропольский, Никифоров высказываются за пропуск этого указания. Покровский как петух горячо поддерживает свое начало, но потом встретившись с патриотической оппозицией (я, впрочем, тоже против этой ссылки), берет назад весь свой проект приветствия и, вероятно, с глубоким душевным прискорбием упускает случай щегольнуть изяществом своей латыни. Поручают составить новый текст Лейсту, который едет в Христианию от математического факультета. Долгие пиквикские споры о языке приветствия. Голосуются языки, первым латинский, который и собирает огромное большинство.

Затем выборы Розанова, который получил 55 избирательных и 4 неизбирательных.

И, наконец, вопрос о выборе ректора и т.д. Во время длинной баллотировки Розанова Поржезинский и Егоров говорят мне, что правые спелись и что против Гулевича пущены какие-то фантастические, но компрометирующие его слухи о переговорах с министерством с заднего крыльца, и что надо отложить выборы. Повод — печальный случай с Камаровским. За отсрочку говорит Егоров, я, Андреев, доцент Тарасов, против Познышев и Кожевников. Но мы задеваем чувствительную струну — сострадания к пользующемуся общим уважением старику и при голосовании только двое за немедленные выборы — Герье[*] и еще кто-то. Выборы отложены до субботы 30-го.

* Я второй раз вижу Герье в совете: первый раз он пришел в декабре 1908, чтобы выбрать Любавского в деканы, теперь, чтобы выбрать Любавского в ректоры. Он стал тоньше, ходит еще легче и на нем отблеск вечности. — *Вписано А.Н. Савиным в конце страницы.*

В воскресенье будет в «Праге» обед группы профессоров, человек в 30 в связи предстоящими выборами, так сказать предвыборное совещание.

Вечером ходил к Новгородцеву, где были Петрушевский, Кизеветтер, Егоров, Котляревский, Поржезинский и говорили о выборах декана на ВЖК. Желательные кандидаты не хотят идти, и пришлось признать, что кроме Хвостова выбирать некого. Но придумали одну водевильную штуку; только удастся ли она?

Воскресенье, 24 апреля. Вчера вечером был у Гензеля. Он прожил несколько ужасных недель, потому что взял назад данное в февральском заседании обещание выйти в отставку, потому что его сильно обижает Озеров, и потому что ему угрожает счастие быть назначенным в профессора вместе с Гуляевым. Юридический факультет даже не счел нужным запросить его о согласии быть назначенным. [1-]Кассо тоже вряд ли спросит его[-1]. Гензель уверен, что если в одно прекрасное утро прочтет в газетах приказ о своем назначении и подымет протест против такого свободного с ним обращения, или даже если он просто попросит Кассо не назначать его, а предоставить ему возможность быть избранным, то этим он, Гензель, надолго закроет себе дорогу ко всякой академической деятельности. Он после трудных колебаний решился проглотить пилюлю. По слухам, назначение состоится через несколько дней, а Байкова и Митюкова Кассо будто бы затрудняется назначить в Москву, ибо они только магистры. Относительно Митюкова Гензель думает, что факультет сделал комическую ошибку, принял Митюкова — сына за Митюкова — отца и был несказанно удивлен, что Митюков только магистр и не думал писать тех ученых трудов, которые ему факультет приписывал. Вообще об этом Митюкове ходят странные слухи, будто он вывел в люди Вяльцеву, потом опустился до дна, был босяком, будто Вяльцева прислала ему денег подняться, будто он алкоголик и в пьяном виде подрался с хозяином в первый же свой московский визит. Сколько во всем этом правды, я не знаю.

Был у меня Бубнов, моложавый, живой, слегка провинциального склада, любезный. Сообщил, будто историков, подавших прошение об экзамене, 90 человек. Сколько мне предстоит экзаменной муки!

Звонил Д.Ф. Егоров и сообщил о неблагоприятных слухах относительно кандидатуры Гулевича и о возможной неудаче сегодняшнего обеда в «Праге», не мною затеянного. Я признаться не вижу проку в этом обеде, но не вижу и большой беды.

Сегодня ходил на докторский диспут юрьевца Лаппо. Это ученый, но серый человек и наш специалист по Литве, Любавский, много выше его. Я просидел на диспуте только 1 ½ часа. Любавский весьма основательно пробирал его.

В 6 часов вечера предвыборный обед в «Праге». Лист желающих обедать подписывали в субботу 22-го, на заседании совета. Там подписались человек 30, пришло, кажется, 24 человека. Собрание беспартийное. Андреев, Жуковский, Павлов, И. Каблуков, Настюков, Егоров, Кожевников, Чирвинский, Кишкин, Березовский, Голубинин, Губарев, Анучин, Котляревский, Познышев, Гидулянов, Лопатин, Сперанский, Покровский, Поржезинский, я и кажется еще двое. Это было чрезвычайно поучительное собрание, выяснившее теперешние настроения совета. Они, несомненно, сильно переместились вправо. Из кадетского совет стал чем-то вроде левооктябристского, [1-]а может быть и просто октябристского[-1], хотя, конечно, эти политические термины плохо выражают профессорскую психологию, ибо университет или, вернее, профессорский мир, довольно далек от политики. Черносотенный совет в Москве конечно немыслим, но мне представляется, что впредь до новой революции, ежели таковая когда-либо произойдет, и кадетский совет стал анахронизмом и что февральские отставки были миниатюрным выборгским воззванием. Что делать, приходится мириться с тем, что люди такого типа, как Андреев, Егоров, Мартынов, Котляревский и я, раньше составлявшие центр совета, теперь ходом событий превращены в левое крыло. — На обеде самым важным моментом было заявление Лопатина о том, что Любавский отказывается поставить свою кандидатуру: по заявлению Лопатина он чувствует себя представителем меньшинства, он по существу не согласен с прежней политикой совета, которая обращала слишком много внимания на эфемерные воздействия извне и слишком мало заботилась о внутренних делах. Эти слова произвели впечатление, ибо они полновесны, заключают в себе разрыв с прошлым и предуказание будущего. Любопытен и другой инцидент: я и Котляревский говорили о том, как трудно было бы найти новых деканов, если бы Любавский и Камаровский попали в президиум. Подымается Познышев и говорит, что на юридическом факультете имеются заслуженные и достойные кандидаты; это надо понимать в том смысле, что они хотят провести в деканы Тарасова. После обмена мнениями выяснилось, что большинство желает провести в ректоры Камаровского, в помощники ректора Гулевича и в проректоры Лейста, а ежели Камаровский откажется, то в ректоры Камаровского и в помощники ректора Лейста. На этом разошлись. Горячо и красноречиво, но лицемерно говорил за кандидатуру графа Лопатин.

Вторник, 11 часов вечера. Сегодня на заседании факультета я прочитал доклад о пятничной комиссии по поводу предложения министра о замещении кафедры всеобщей истории. Мои и Любавского соображения не встретили никаких возражений; наоборот, Лопатин похвалил за тактичность ответа.

Эти два дня сижу на государственном экзамене, где состою членом комиссии. Бубнов пытался навести свои порядки, не пускать студентов в экзаменное помещение, экзаменовать по древней истории на одну руку (Виппер). Но мы сели экзаменовать за два стола на две руки в отсутствии Бубнова, и он встретился со совершившимся фактом. Бубнов явно сомневался в достаточности моих познаний по древней истории и по окончании экзамена в понедельник выразил мне удивление по поводу свежести моих познаний. Он вмешивается в экзамен и удлиняет его, спрашивает об историографии, которой, надо признаться, студенты совсем не знают, но обнаруживает элементарность умственного склада.

Студентов держит экзамены по всем отделениям 168 человек, в том числе историков 113 человек. Такого большого числа на нашем факультете еще никогда не было. Вот тебе и гражданские чувства.

Суббота, 30 апреля. Сегодня состоялось заседание совета, на котором выбирали ректора, помощника ректора и проректора. Камаровский болен и председательствует Любавский, который на этот раз в новом сюртуке, а не в скверном пиджаке, как в прошлый раз, когда председательство застало его врасплох. Любавский произносит очень бесцветную, умышленно бесцветную благодарность Камаровскому, ни одного слова о защите автономии. Камаровский все еще болен и прислал письменное заявление о своем отказе от баллотировки. Подают записки кандидатов в ректоры и тут сразу вскрывается глубочайшая перемена в настроении совета: из кадетского большинство стало октябристским, может быть даже право октябристским. Поданы 52[1-1] записки. Получили: Виппер 1 голос, Тарасов 1, Камаровский 2, Анучин 2, Зернов 3, Гулевич 19, Любавский 27. Очевидно, заявление Любавского о своем отказе от баллотировки, сделанное на предвыборном обеде, было только предвыборным маневром с целью обеспечить себе почетное отступление, если бы настроение оказалось ему враждебно. Но как некрасива эта политика подвохов, виляний. Почему не действовать прямо, с поднятым забралом? Как много напускного в этом добродушии Любавского и как много нетерпимости в этой мягкости к противнику! [1-]Конечно, Герье был опять мобилизирован[-1]. Конечно, все кроме Любавского, отказываются. Он получает 38 избирательных шаров и 25 неизбирательных. Потом подают записки для выборов помощника ректора. Получил протоиерей Боголюбский 1 записку, Гулевич 1, Н.Каблуков 1, Березовский 1, Лейст 44. Баллотируется только Лейст и получает 59 избирательных шаров и 4 неизбирательных. Наконец подают записки для выборов проректора. Митропольский получил 1 записку, Грушка 1, Брандт 3 , Познышев 5, Егоров

[1-1] 54 — *вписано поверх строки.*

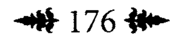

7, Поржезинский 13, Елистратов 18. Все кроме Елистратова отказываются. Елистратов получает 35 избирательных шаров и 28 неизбирательных. Кандидатура Елистратова особенно характерна для господ положения. В последние дни Елистратов так подмочил свою репутацию не только с политической, но и прямо с моральной стороны, что лишь очень неразборчивые люди согласятся взять его к себе в товарищи. Хорош и «добродушный, незлобивый как ребенок» Лопатин, который на предвыборном обеде не постеснялся быть вестником и слугой лживого подвоха.

Февральская катастрофа провела глубочайшую борозду в истории совета, открыла новый период. Ушедшие в отставку совершили огромную политическую ошибку. Я не обвинял бы и не смел бы обвинять их в том, что они подали в отставку, если бы здесь у них все дело было в личном чувстве, в ощущении личной невозможности продолжать службу при данной обстановке. Но ведь к этому чувству у многих примешивался политический расчет, у некоторых этот расчет преобладал над личным чувством. Ушедшие думали, что уходом они спасают автономию. Я вовсе не хочу утверждать, что оставшись они могли спасти автономию и преобладание кадетов [1-]или, вернее, «прогрессистов»[-1]; и автономия и преобладание «левых» очень плохо мирится с теперешней политической и общественной обстановкой, и в руках обозлившегося правительства всегда есть средства разгромить университет. Но ушедшие облегчили правительству его задачу и помогли Любавским и Елистратовым занять председательские места, напугали профессоров, прежде всего жаждущих покоя, и отбросили их далеко направо. Мартынов грубо заблуждался, когда говорил, что большинство медиков будет голосовать за Гулевича. Гулевич, этот сдержанный человек, самый голос которого есть воплощенная осторожность, показался для людей типа Зернова недостаточно надежным и они голосовали за Любавского, за a safer horse**, потому что Любавский обещал им совершенно изгнать из университета «политику» и заниматься только «внутренними» делами. Это, конечно, наивная у одних, притворно-плутоватая у других вера. Но по слухам, Зернов говорил, что два грека разгромили университет — Кассо и Мануилов (многие думают, что в Мануилове есть греческая кровь).

Вечером совет ВЖК. Между прочим выборы декана историко-философского факультета. Налицо кажется 24 или 26 членов факультета, у которых 32 голоса (выборы производятся в присутствии совета). Как и следовало ожидать, записки разбились: Виноградов получил 1 записку, Поржезинский и Богословский не то по 3, не то по 4, Кизеветтер 7, Хвостов 10. Соглашается баллотироваться только Хвостов, который получает 22 избирательных шара и 12 неизбирательных. Мензбир воз-

** a safer horse (англ.) — более надежная лошадь.

вращается на ВЖК, он получил 56 избирательных и 6 неизбирательных записок. На последнем заседании совета ВЖК, оказывается, был «случай» с Баженовым. Ему почему-то захотелось преподавать историю медицины. Факультет выбрал его, но совет провалил.

После заседания идем в «Прагу». Пестрая компания: Любавский, Розанов, Богословский, Грушка, Хвостов, П.П. Соколов, Челпанов и я. Это справляются выборы Любавского и Хвостова. Я пошел из любопытства, узнать настроения и манеры этого кружка. Мне трудно в нем, и мнение о людях стало уж никак не лучше. Но польза получилась. Я узнал или, лучше сказать почувствовал, что Любавский хлопотал у Кассо о назначении Богословского, что Богословский согласился быть назначенным, что причина тому — несогласие Ключевского высказаться за немедленную кандидатуру Богословского; что Грушку выберут в деканы и что секретарем будет Богословский или Розанов. Какие все приятные вести! Всего неприятнее были мне оброненные Любавским слова о том, что следовало бы предупредить назначение какого-нибудь нежелательного кандидата на кафедру всеобщей истории, т.е. преклонить выю пред Кассо и назвать желательного факультету кандидата.

Протопопов и Кончаловский отказались вести практические занятия по всеобщей истории в будущем году, и нам придется учить студентов всеобщей истории в существе дела вдвоем, если только министр не «смилуется» над нами и не назначит нам товарища-медиевиста.

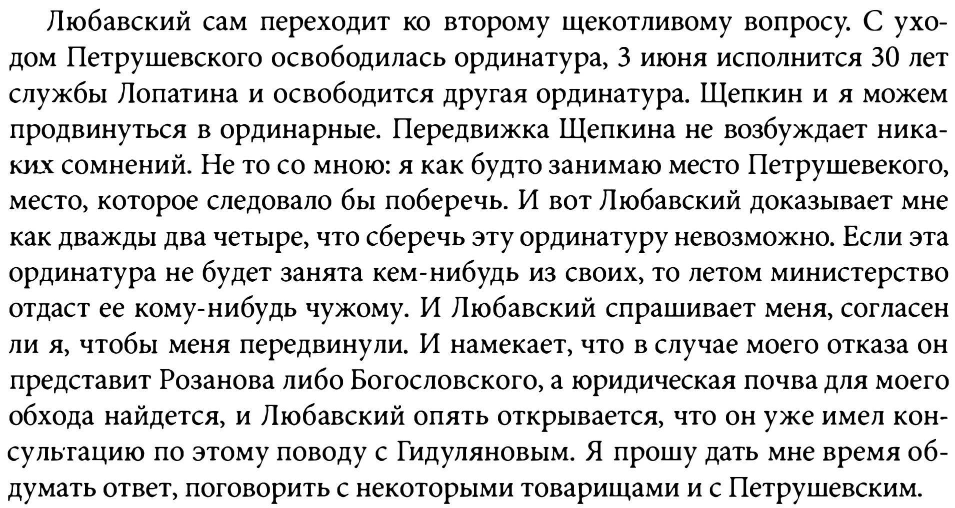
21 мая. Прошел большой промежуток. Я экзаменовал в государственной комиссии по средней истории. Котляревский оказал мне большую дружескую услугу, согласился экзаменовать вместе со мной (Виппер согласился экзаменовать только по древней истории) и мы кончили этот экзамен в два дня 5 и 7 мая. В тот же вечер 7 мая, я уехал к отцу в Астапово на неделю, где хорошо отдохнул. Возвращаясь в Москву, я 15 вечером покупаю в Сухиничах газету от 14 мая и читаю о смерти Ключевского 12 мая. Я не ждал этой смерти так скоро. Мартынов говорил мне, что старик еще может выкарабкаться. Я был очень опечален тем, что не мог быть на похоронах, — его похоронили 15 мая. Я не мог быть и на обедне в девятый день, 20-го мая, потому что 17,18 и 20 мая с утра до вечера один экзаменовал студентов по новой истории (и очень устал от их ответов). Пойду в Донской на двадцатый день, чтобы выразить почтение к памяти очень большого человека. Последние дни он, кажется, страдал.

Вчера, 20 мая, утром, перед уходом на экзамен получаю письмо из Юрьева от А.А. Васильева. Он пишет, что на историко-филологическом факультете в Москве ведется речь об его кандидатуре, и что он хотел бы 27 или 28 по-товарищески поговорить со мною в Москве о положении. И прибавляет «я получил дня три тому назад письмо от М.К. Любавско-

го и написал ему, что хотел бы с ним познакомиться». Я был удивлен и опечален. Что сей союз значит? Опять двойная игра. Вместе со мною хлопотать в факультете об отсрочке с замещением кафедры с целью посильно поберечь ее для Петрушевского и в то же время за моею спиною вступать в сношения с человеком, который должен преградить дорогу Петрушевскому. На экзамене я прошу у Любавского разрешения зайти к нему вечером. Прихожу в 9 часов вечера и просиживаю у него до часу ночи. Показываю ему письмо Васильева. Он видимо смущен. Он не предполагал возможности этого письма, не знал о нашем знакомстве. Теперь двойная игра выведена на свежую воду. Нужно признаваться и объясняться. Да, он писал Васильеву и запрашивал его о согласии перейти в Москву. Он даже просил Васильева зайти на всякий случай к Владимиру Ивановичу Герье в Петербурге, чтобы познакомиться. И все это было совершенно невинно, только справки, только частная рекогносцировка. Сверх того, он поручил и Лаппо навести справки, как смотрит Васильев на переход в Москву. А Васильев поторопился, придал делу слишком серьезный характер. Дальнейшие откровенности. С.Ф. Платонов рассказал, что Васильев был и в министерстве, разузнавал, как Кассо посмотрел бы на назначение Васильева в Москву. А сегодня, 20-го, на экзамене Гидулянов восхвалял Васильева как медиевиста, который может читать и церковную историю. Гидулянов спросил и о факультетском ответе на предложение министра, и укоризненно обозвал этот ответ обструкцией. А Гидулянов близок к Кассо. Значит, подходы Васильева приняты благосклонно. Не следует ли из всего этого, что Васильева надо указать как наиболее желательного кандидата? Любавский по-видимому думает, что да. Он оправдывается еще ссылкой на немыслимость скорого возвращения Петрушевского в Москву. Кассо очень силен, держится крепче Столыпина, своим балагурством на французском и немецком языке очаровал августейших дам и семь раз завтракал в Царском Селе. И этот прочно сидящий министр очень озабочен замещением кафедр в Москве. В июне попечитель поедет к нему специально для доклада об этом деле. А Петрушевский, которого Любавский очень жалеет (Любавский уверяет, что Петрушевский не успел выслужить никакой пенсии), может устроиться в провинции, как говорили Любавскому Тихомиров и Деревицкий. Какая гибкость! Какой типичный октябрист! Хорош и Васильев, который забегает в министерство, делает визит Герье и в то же время желает выступать в роли факультетского избранника.

Я указываю Любавскому на все неудобство отступления от раз принятой линии поведения. Он грозит Вязигиным. Я говорю о призрачности этих угроз, о том, что назначенный Вязигин не хуже «выбранного» Васильева. Любавский как будто и соглашается, но с экивоками. Я думаю, все-таки он будет впредь чуть осторожнее.

Любавский сам переходит ко второму щекотливому вопросу. С уходом Петрушевского освободилась ординатура, 3 июня исполнится 30 лет службы Лопатина и освободится другая ординатура. Щепкин и я можем продвинуться в ординарные. Передвижка Щепкина не возбуждает никаких сомнений. Не то со мною: я как будто занимаю место Петрушевекого, место, которое следовало бы поберечь. И вот Любавский доказывает мне как дважды два четыре, что сберечь эту ординатуру невозможно. Если эта ординатура не будет занята кем-нибудь из своих, то летом министерство отдаст ее кому-нибудь чужому. И Любавский спрашивает меня, согласен ли я, чтобы меня передвинули. И намекает, что в случае моего отказа он представит Розанова либо Богословского, а юридическая почва для моего обхода найдется, и Любавский опять открывается, что он уже имел консультацию по этому поводу с Гидуляновым. Я прошу дать мне время обдумать ответ, поговорить с некоторыми товарищами и с Петрушевским.

Любавский говорит со мной и о деканских выборах, соглашается, что нет ни одного совершенно подходящего человека и перебирает членов факультета, протворяясь наивным человеком, не знающим, на ком остановиться. Я не поддерживаю этой комедии и говорю ему прямо, что, по моему мнению, Грушка будет плохим деканом и что ему, Любавскому, следовало бы повлиять на Лопатина, уговорить его пойти в деканы. Любавский серьезно обсуждает кандидатуру Лопатина, хотя да деле Любавский уже твердо решил выставить кандидатуру Грушки. Что касается секретаря, то добродушными намеками Любавский заявляет о своем желании выставить мою кандидатуру. Я рекомендую ему Розанова.

Любавский много говорит о ревизии Деревицкого. Ревизуют очень придирчиво и внимательно. Я высказываю предположение, что вся эта ревизия есть мелкая политическая месть, ее потайная цель — предание суду. Любавский старается выгородить Деревицкого и думает, что ревизия главным образом должна подготовить материал для будущего устава, но он и сам не верит в то, что говорит. Ревизия продолжится долго, вероятно до июля. Поводом к ревизии, по-видимому, послужили полученные в министерстве доносы уволенных служащих университетской типографии.

Интересна беседа о Ключевском. Любавский подтверждает мои предположения о том, что с Ключевским было нелегко даже его собственным ученикам, и что присутствие Бориса делало положение еще более трудным. За тридцать лет профессуры Ключевский оставил при университете только Милюкова с Любавским (да и то вместе с Нилом Поповым), Кизеветтера, Богословского, М.Н. Покровского, Яковлева. Из них всего ближе к Ключевскому стоял самый молодой и всего менее определившийся, Яковлев. К Богословскому Ключевский относился довольно холодно, хотя и признавал его дарования. Милюков в 80-х гг. был очень близок в Ключевскому, часто бывал в доме и даже учил Бо-

риса ездить на велосипеде. Но из-за Бориса же ⌐(но и из-за амикошонства, которое дозволил себе Милюков)¬ будто и произошла резкая размолвка в начале 90-х годов. Любавский подтвердил мою догадку о том, что отказ дать Милюкову доктора за диссертацию объясняется в значительной мере и личной неприязнью. Политические разногласия с 1894 еще более удалили их друг от друга. Но политика же, кадетство обоих, привела к новому сближению в последние годы, хотя никакой интимности не получилось. — В Кизеветтере Ключевский первоначально разочаровался и обвинял его в легкомысленном разбрасывании талантов, но в последние годы Ключевский полюбил Кизеветтера, хотя иногда и говорил, что «Катька» сильно ему вредит[60]. Про себя Любавский говорит, что он был все время хорош с Ключевским, хотя в последнее время отношения стали холоднее из-за политики. М.Н. Покровский высказал едкость характера даже на магистерском экзамене, где уличал Ключевского в каких-то ошибках и, кажется, был прав.

10 часов вечера. Только что был у М.Н. Сперанского и советовался (там был и М.М. Покровский) об ответе относительно своей ординатуры. Сперанский склоняется к тому, чтобы я не возражал против своей передвижки, в виду того, что мой отказ не принесет никакой пользы Петрушевскому и может даже принести ему некоторый вред. Но Сперанский согласился со мной, что мне нужно переговорить с Петрушевским.

22 мая, вечер. Я был сегодня утром у Петрушевского, который с семьей бросил свою квартиру и временно живет в квартире Щелкан. Бедный, он постарел и находится в печальном настроении, но не раздражителен. Я рассказал ему дело с ординатурой и спросил его мнения. Он отказался высказать какое бы то ни было мнение и заявил, что для Московского университета он человек конченный, что ему больше нет ходу в факультет. Ко мне он был довольно дружелюбен и обещал зайти на днях. Мы довольно долго говорили о делах академического муравейника; он был очень резок в суждениях о некоторых людях, и порою его речь напоминала его варшавские рассказы преувеличенностью и нетерпимостью оценок. И все-таки он очень привлекателен, и мне его очень жалко, он поседел и постарел.

24 мая, вторник. Сегодня последнее заседание факультета перед каникулами, и целый ряд предварительных представлений об оставляемых при университете. В том числе Виппер представляет Лясковского, а я (впервые) Симона. Поговорил еще с Петрушевским и с Поржезинским и сказал сегодня Любавскому, что я согласен на свое представление к ординатуре. Он ответил, что 4 июня представит меня, но что министерство может назначить со стороны ординарного (я подумал:

особенно если его об этом попросят из Москвы). — Я болен, и, может быть, серьезно. Не знаю, что будет с этими записками. Они могут оборваться очень скоро. Не знаю даже, что делать с собою летом.

25 мая, 4 часа дня. Сейчас проездом был Котляревский и сообщил, что на юридическом факультете у них без него все-таки учинили маленький подвох. Раньше говорили о том, чтобы Бобина пригласить на историю римского права, а Митюкова на догму, так чтобы кафедра истории (хвостовская) римского права оставалась вакантной. Но теперь поступили не так: Бобину поручили догму, а Митюкову историю. Правда, разница между этими кафедрами очень невелика.

По слухам, в министерстве очень недовольны тем, что в женском Медицинском институте никто не ушел вслед за Салазкиным. В министерстве твердо рассчитывали на повторение московской истерии, на возможность произвести основательную чистку. А ведь среди московских профессоров, уходивших в феврале в отставку, несомненно были люди, мечтавшие одолеть министерство в университетском вопросе. Выборгское воззвание их ничему не научило; в своей малой области они повторили своих предшественников 1906 года и ... разделят их участь.

26 мая, 10 часов утра. Сейчас получил письмо от Васильева из Юрьева. Его обстоятельства сложились так, что этим маем он через Москву не проедет. Очевидно, Любавский послал ему охлаждающее письмо.

6 сентября 1911.

Трудно приниматься за писание после лета. Я провел лето наполовину в качестве водяного человека в Neuenahr[61], лечил свою артритическую диатезу, наполовину высоко в горах, в Saas Fee[62], где было очень хорошо в это необычайно засушливое и знойное (в Западной Европе) лето. А тем временем Кассо возрождал Московский университет. И от этого возрождения становилось горько и больно. Вот его назначения.

А) Юридический факультет: Гуляев, Митюков, Байков. Митюков и Байков магистры, значит теперь в совете три магистра (не считая батюшки). Митюков — алкоголик. Байков — магистр международного права, а назначен на кафедру философии права. Гензель назначен экстраординарным профессором. Но и Озеров перепросился в Москву из СПБ. Почему он это сделал, не известно. Он, кажется, объясняет это «гражданскими» мотивами. Он переходит, чтобы увеличить число экономистов в Москве и тем помешать нежелательному замещению мануиловской кафедры, ибо Кассо может доложить государю, что кафедра Мануилова замещена Озеровым. Но читать Озеров будет финансы. Верно ли это объяснение, я не знаю. Может быть, Озеров переходит со-

вершенно независимо от замещения кафедры политической экономии, на которую просто никого не нашли.

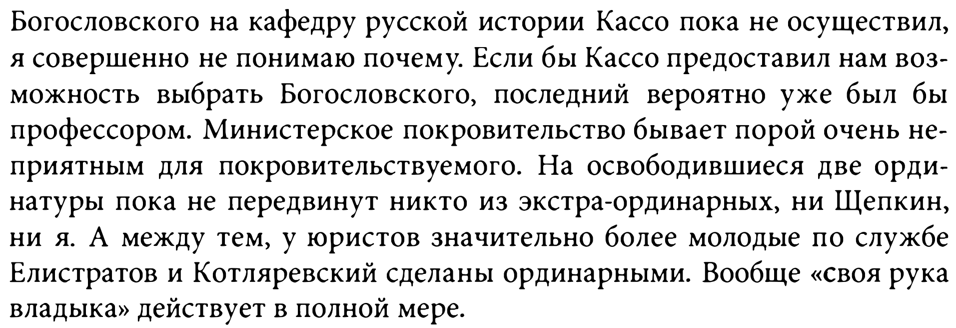
В) физико-математический факультет. Назначены: Глинка, Станкевич. Минеролог Глинка — доктор и приват-доцент СПБ университета. Он назначен сразу ординарным, что представляет грубое нарушение традиций Московского университета. Я совершенно не знаю Глинки. Станкевич переведен из Одессы; и его не знаю, но мне чудится, что это в лучшем случае серая посредственность и, конечно, черная. Да, Глинка, думается мне, назначен сразу ординарным для того, чтобы на страх врагам доказать легкость замещения ненавистной минералогической кафедры (Вернадский — bete noire** правых газет). Штатного профессора-химика так и не назначили, механика тоже не нашли.

С) Медицинский: Венгловский, Головин, Савельев, Муратов, Григорьев, Корнилов. Главный ход, конечно, назначение Головина. Это озорство, ибо глазная кафедра замещена Маклаковым, а Головин переведен в Москву главным врачом глазной больницы; Головин назначен ординарным, не знаю только штатным ли или сверхштатным. Но самое «смелое» это то, что он кажется назначен директором глазной клиники, а Маклаков оставлен без клиники. Дальше этого кажется идти некуда. Совершенно неожиданным было неутверждение Усова. Не в том ли дело, что он лечил Толстого? Непонятно и то, почему выбор министра пал на юрьевского Савельева, кажется очень серого человека. Уж не в совместной ли службе в Юрьеве? Я не знаю Савельева; думается, что он черен и что это немало говорило за его назначение. Венгловский — бывший ассистент Дьяконова, по прежним отзывам хороший хирург и неприятный человек; его общественный облик мне совершенно неясен. Муратов переведен из Томска, брат пишет мне, что он очень хороший невропатолог и человек приличный в общественных отношениях, но тяжелый в личной жизни. Имя Корнилова знакомо мне в качестве московского невропатолога; но ясного представления о нем я не имею. Совершенно загадочная для меня личность — Григорьев, «статский советник из отставных», я не знаю даже, был ли он когда-нибудь на учебной службе в Московском университете. А между тем он назначен сразу ординарным по кафедре судебной медицины*1.

Д) Филологический. Мы представляем собою единственный не пострадавший факультет. Выбранный нами Розанов утвержден. На место Петрушевского пока никто не назначен, и я по-видимому, буду читать порученный мне курс средней истории. Своего намерения назначить

** bete noire (франц.) — предмет особой ненависти.

*1 Избранные факультетом и советом Орлов и Зеленев утверждены — *сноска А.Н. Савина в конце страницы.*

Богословского на кафедру русской истории Кассо пока не осуществил, я совершенно не понимаю почему. Если бы Кассо предоставил нам возможность выбрать Богословского, последний вероятно уже был бы профессором. Министерское покровительство бывает порой очень неприятным для покровительствуемого. На освободившиеся две ординатуры пока не передвинут никто из экстра-ординарных, ни Щепкин, ни я. А между тем, у юристов значительно более молодые по службе Елистратов и Котляревский сделаны ординарными. Вообще «своя рука владыка» действует в полной мере.

Какое направление получит теперь деятельность совета, не знаю. Возможны всякие неожиданности, ибо личный состав претерпел большие изменения. Новый президиум проявил свою позицию по очень трагическому поводу. 1 сентября в Киеве в городском театре в присутствии Государя и двора ранен Столыпин, ранен тем самым человеком, которому было поручено охранить Столыпина[63]. 5 сентября Столыпин помер. Никто не знает, что это такое: единичное политическое убийство или начало новой смуты, бессмысленное преступление тупого фанатика или нечто похожее на убийство Плеве, т.е. важное звено в кровавой и жестокой революционной цепи. Я не замечаю вокруг никакого революционного возбуждения, никаких признаков общественной смуты. Я склонен видеть в киевской трагедии мимолетный кошмар, за которым не развернется новых потрясений. Столыпин был очень крупной фигурой сравнительно почти со всеми с другими «государственными» людьми последнего десятилетия. Но возможно, что он уже сыграл свою роль и что, не будь киевского выстрела, он удалился бы в почетную кавказскую ссылку на смену Воронцову-Дашкову. Возможно, что это убийство ничего не изменит в ходе русской истории. Но даже и в этом случае оно может внести перемены в гораздо более узкую историю, в историю русской высшей школы.

Кассо — ставленник Столыпина (хотя, по некоторым слухам, Кассо сумел понравиться и при дворе) и может быть оставлен преемником Столыпина, даже если этот преемник будет правее Столыпина, что возможно. Все темно в завтрашнем дне, а Кассо уже и до сентябрьской трагедии вынужден был пойти на попятный. Его величайший летний подвиг — это увольнение почти всех слушательниц женского Медицинского института за нехождение на лекции и предложение шести профессорам подать в отставку за подстрекательство к забастовке. И среди слушательниц, и среди профессоров оказались лица, совершенно непричастные к забастовке, и лица со связями. Курьезно, что среди опальных профессоров оказались лица, представляющие крайнюю правую совета (Тилле, Хлопин); они возмутились, пожаловались видным заступникам и подняли большой шум. Некоторые барышни тоже подняли шум, и за

барышень вступился между прочим А.И. Гучков. Кассо должен был сам себя высечь — отказаться от отставления профессоров и принять в институт значительную часть уволенных слушательниц.

Кассо начал отказываться и от буквального применения своего нелепого и жестокого циркуляра о предельном сроке пребывания в университете и уже легко разрешает отдельным старикам остаться семестр — другой долее предельного срока. Но некоторые подвиги Кассо еще не аннулированы и, может быть, не будут аннулированы. На днях министерскими циркулярами введена почти чисто курсовая система преподавания на юридическом и физико-математическом факультете. Пергамент, несмотря на свои протесты, переведен из СПБ в Юрьев (по-видимому, за свое еврейство). Деревицкий продолжает искать в московской университетской канцелярии материал для привлечения к суду Мануилова, Мензбира и Минакова.

Теперь о политической позиции нового президиума — Любавский, Лейст, Елистратов. Любавский послал телеграмму после первого известия о покушении и сегодня отслужил панихиду в университетской церкви. Я был на панихиде, там было очень мало студентов и довольно много профессоров. Я сочувствую этим манифестациям. Университет должен снять с себя опальную репутацию и должен проявлять политическую терпимость даже к таким жертвам террора, которые причинили университету много зла и страданий. Корпоративные настроения должны уступить место иным, более широким побуждениям. Я должен только прибавить, что Любавский послал телеграмму и отслужил панихиду вероятно не по этим мотивам, которые я только что указал.

Сегодня было первое заседание факультета, главным образом, об оставленных при университете. Ужасно много оставленных философов, и все это гении: Огнев, Щукин, Экземплярский, В. Смирнов, Туча (который позорно отвечал мне по всеобщей истории), Разевич, Каэляс. По русской литературе два брата Соколовы (сыновья покойного Матвея Ивановича) и Малицкий. По русской истории Панов и Бережков. По истории искусства — сын Виппера. По всеобщей истории — Симон (это мой первый оставленный).

Студенты принимались на наш факультет только с приличными аттестатами зрелости, ни ниже 4 в среднем выводе. Их набралось пока 144 и, конечно, наберется полный комплект в 150 человек. Но знающих греческий язык среди них немного.

В общем же все печально и темно. Студент утих и «поумнел», может быть прочно. Но кто поручится за это? И потом его дразнят, справа, слева. Трудно быть русским профессором.

26 августа ездил в Покровское-Глебово на дачу к П.Г. Виноградову. Он очень мрачно оценивает положение.

8 сентября. Сейчас был у меня М.Н. Розанов, который в новом звании делает визиты коллегам. Конечно, чуть поговорили об университете. Он, конечно, заступник нового ректора и, между прочим, в доказательство его приверженности к автономии рассказал такой случай (достоверность пусть остается на совести рассказчика). Новоназначенный терапевт Савельев является к ректору и просит его посодействовать переводу из Юрьева ассистента для клиники. Любавский отвечает, что клинические ассистенты до сих пор ставились не единолично, а по соглашению с факультетом, и зовет секретаря совета подтвердить это указание. Преображенский подтверждает. Тогда Савельев возражает: «Да, может быть, так и было прежде, но теперь это вероятно возможно будет устроить иначе». Любавский будто бы обрезывает его: «Вы явились в Москву против воли факультета; неужели Вы хотите ухудшить свое и без того трудное положение?». Савельев будто съежился: «Я попал в Москву против своей воли, в прежние разы я, правда, добивался перехода в Москву, но в этот я был переведен против своей воли». И уж больше не говорил об ассистенте.

14 сентября. Сегодня прочитал в «Русских Ведомостях» приказ о назначении Богословского экстраординарным профессором. Значит, Кассо успел осуществить свое намерение, хотя и не очень торопился. Издал Кассо еще новые учебные планы для трех факультетов и новые правила об испытательных комиссиях. И планы, и правила наносят очень сильный удар предметной системе. На нашем факультете они, например, совершенно не предусматривают ни отделения по истории искусства, ни (mirabile dictu**) философского отделения. Кассо разрешает четыре отделения: классическое, славянорусское, романогерманское, историческое. Посмотрим, что будут петь по этому поводу наши любоначальные философы.

Сегодня неожиданно ко мне пришел «с визитом» ректор и был очень мил. Я спрашивал его о ревизии Деревицкого. Он сообщил, что самое серьезное в ней — это порядки, или вернее беспорядки, в университетской типографии. А в типографии самое серьезное — эпизод с машинами. При переходе типографии от Грингмута к университету возник вопрос, как быть с машинами катковской поры. Мензбир пригласил эксперта, заведующего городской типографии, Тулубьева, и попросил оценить машины. Тулубьев оценил машины в 12 тысяч, деньги были уплачены вдове Каткова. За оценку Тулубьев получил полторы тысячи. Но вероятно он получил немало и с другой стороны. По крайней мере Мензбир через неделю сделал правлению доклад о необходимости продать машины на слом за негодностью. Правление согласилось, и машины были проданы

** mirabile dictu (лат.) — достойно удивления.

за бесценок. Докатился ли Деревицкий сам до этой истории, или же в министерстве о ней узнали по доносу, неизвестно; скорее всего был донос. Будет ли процесс, Любавский не знает; всего сильнее замешан советник правления Рыбник[ов?], на втором месте Мензбир.

Говорили о некоторых новых профессорах. Между прочим, только от Любавского я услышал, что еще имеется назначенный профессор, Рыбаков, что у Маклакова клиника не отнята, что Глинка человек пожилой, бывший ординарный профессор в Ново-Александрии[64] и что ему осталось немного лет до тридцатилетия. Как врут газеты даже при пересказе чисто фактического материала. По поводу неутверждения Усова Любавский слышал в Петербурге, что Усову поставили в вину принадлежность к «пражскому» факультету (медики, собиравшиеся в «Праге»), а воспользовались для неутверждения тем пренебрежительным отзывом об Усове, который был составлен на одном из прежних конкурсов, когда выбрали Голубинина. По-видимому, и здесь у министерства была «информация», которая шла из среды самого факультета.

Отдавал визит Розанову. Говорили о деканских выборах, о терпимости, о желательности создать факультетский центр. Я указывал на нежелательность Грушки в качестве декана. Розанов соглашался, но тут же указывал на неудобства других возможных кандидатов, особенно Поржезинского и Новосадского; Сперанскому он как будто бы выражал сочувствие. И все-таки я остался при убеждении, что Розанов вращается в орбите Любавского и что он подаст голос за Грушку.

Говорил по телефону с Котляревским. Он доехал летом до Константинополя, но, встретив холерный карантин, повернул на север и через Болгарию и Сербию проехал в северную Италию и в Германию. Сообщил о последней «эволюции» Елистратова, о поездке в Киев с целью завязать прочные сношения с тамошними «академистами»[65] и подготовить насаждение сходной организации в Москве. Поживем, увидим.

Да, я спрашивал у Любавского, почему так поздно состоялось назначение Богословского. Он разъяснил, что министерство народного просвещения здесь не при чем и что вся задержка произошла из-за Синода. Богословский — профессор Московской духовной академии. Пришлось запрашивать Синод о том, нет ли препятствий с назначением Богословского профессором университета. Дело безнадежно застряло в синодской канцелярии и, кажется, не без хлопот получило надлежащее движение.

16 сентября, пятница. Сегодня прочитал в газетах, что на вступительной лекции Станкевича в начале и в конце были свистки и крики «в Одессу», «к Толмачеву». На лекции был ректор. Явилась полиция; «Русское слово» утверждает, что полицию вызвал ректор; «Русские Ве-

домости», наоборот говорят, что ректор просил полицию никого не трогать. Никого не арестовали.

18 сентября, воскресенье. 5 часов дня. Сейчас вернулся от Петрушевского. Слава Богу, застал его в хорошем настроении. Они летом погорели на даче. Теперь впечатление пожара изгладилось. О личных видах на будущее Петрушевский не говорил, и я не затрагивал этой щекотливой темы. Петрушевский слышал, будто Тихомиров назначен в Москву со специальною миссией — объединить правых профессоров по одесскому и киевскому образцу, создать в Москве отделение академического союза. Если слух верен, то возможно, что Елистратов ездил в Киев по попечительскому поручению. Хорош гусь.

Сейчас вызвал меня к телефону Котляревский и сообщил, что Бубнов назначен директором Шелапутинского педагогического института[66]. Вполне возможно и весьма вероятно, что он пожелает принять участие в преподавании на нашем факультете. Я не знаю, к каким это приведет последствиям, т.е. хорошо ли это или плохо для Петрушевского. Если Бубнов будет читать на положении сверхштатного профессора, то это хорошо.

Еще Котляревский сообщил, что Митюков понравился студентам и что ему много хлопали. Да, еще о Станкевиче. Он сам заявил о своем желании, чтобы его вступительная лекция была обставлена поторжественнее. Декан уговаривал его отказаться от помпы и начать курс как можно проще. Станкевич поехал к попечителю и просил его оказать воздействие на ректора и декана. Воздействие было оказано, ректор и декан были на лекции.

20 сентября. Сегодня было необычно скромное заседание факультета. Председательствовал Брандт, который докладывал отдельно и подробно каждое студенческое прошение. Комический эпизод — доклад Виппера об ученых трудах Лапина. Этот новохоперский директор, добивающийся приват-доцентуры, прислал брошюрку о Бецком, печатный отзыв о двух студенческих сочинениях о Тиберии[67] (а читать ему хотелось бы историю Востока), расписание лекций Харьковского университета за один из тех годов, когда он еще был приват-доцентом, и, наконец, копию письма Масперо. Лапин писал Масперо и просил о разрешении переводить «Историю Востока»; Масперо ответил, что право собственности на «Историю Востока» принадлежит фирме Hachette[68]. И все эти «документы» относятся к 90-м гг. прошлого века. Решили, конечно, отказать в просьбе о зачислении в приват-доценты.

Я спросил Любавского во время заседания в какой мере можно верить слухам о назначении Бубнова. После заседания он сообщил мне

наедине, что эти слухи идут из очень хорошего источника. По положению о педагогическом институте (положение это прошло через обе наши законодательные палаты и удостоилось высочайшего утверждения) должность директора несовместима ни с какой другой штатной должностью. И между прочим поэтому Лахтин решительно отказался от директорства. У Лахтина, впрочем, еще дурные отношения со Зверев[ым?], почетным попечителем училища; Зверев навязывал Лахтину (а Лахтин временно исправляет должность директора) таких преподавателей, которые Лахтину казались неприемлемыми, например, профессора духовной академии Введенского; Лахтин очень близок к этому Введенскому по политическим взглядам, но Лахтин — честный человек и распознал во Введенском человека весьма сомнительных нравственных качеств. Но что невозможно для Лахтина, то возможно для Бубнова. Бубнов соглашается пойти в директора лишь в том случае, если его одновременно переведут штатным профессором в Москву. И теперь идет торг. Уже придумали, как обойти закон. Бубнова назначат не директором, а исправляющим должность директора; тогда он может быть одновременно штатным профессором. Бубнов будто бы еще колеблется: в Киеве он живет барином, на хорошей квартире, держит лошадей. В Москве ему придется жить попроще. На днях дело выяснится. Какие нравы! И какое обращение с законом, с Московским университетом! Наши хлопоты о незамещении кафедры обратятся, вероятно, скоро в мыльный пузырь. Бедный Петрушевский и бедный факультет!

Был в первый раз на заседании Богословский. Виппер представил к оставлению Лясковского.

24 сентября, 8 часов вечера. Сегодня первое заседание совета. Сначала о выборах декана, которого мы выбирали в присутствии совета. На этот раз не было ни одной мертвой души. Подача записок. Новосадский получил 1 записку, Соболевский 2, Сперанский 6, Грушка 7. Не было ни одного переданного голоса, из наличных профессоров не было Герье и Цветаева. Баллотируются Сперанский и Грушка. Сперанский получает 6 избирательных шаров и 9 неизбирательных, Грушка 8 избирательных и 7 неизбирательных. Грушка выбран, но уж очень кисло. Он произносит серую, но приличную речь, объясняя свое избрание своею близостью к Кузьмичу. Это точно. [1-]И кстати, Кузьмич как раз в это заседание проявил во всем блеске изнанку своей малой, неказистой души[-1]. Какие невысокие нравственные требования предъявляют к себе, друг к другу господа профессора!

В совет явилось немало новых людей, в том числе Головин и Станкевич. Читается длинный ряд приказов об их назначении. Большая часть публики встает. Я не встаю; я сижу на диванчике, что в углу у окна бли-

же к нашему концу советского стола. Загадочный человек Челпанов, что рядом со мною, встает. Он же голосует, вероятно, за Грушку и против Сперанского. И он же говорит мне непочтительные по адресу начальства слова о разрушении философского отделения, об отсутствии чувства чести у профессоров, принявших назначения, рассказывает, как его — еще в бытность киевским приват-доцентом — министр без его ведома назначил экстраординарным профессором в Варшаву и как он, Челпанов, отказался от этой чести.

Заседание было очень печальное и стыдное для совета и, в особенности, для нового ректора. Обнаружилось, что он не пользуется авторитетом в совете и никогда не будет пользоваться им, ибо на председательском месте он сохраняет свои коренные не председательские качества — хитрую трусливость, [1-]претворяющееся добродушием плутовство[-1], нежелание давать ясные и определенные ответы при горячем желании угодить начальству. Провалилось первое же его предложение — сдать университетскую типографию в аренду на пять лет. В бесконечных прениях выяснилась крайняя сложность вопроса и недостаточная обоснованность ректорского предложения. Решили просить ректора представить ряд дополнительных сведений и отложить голосование.

Боевой вопрос — переизбрание советской комиссии. Встает Зернов и повторяет свою весеннюю старческую нелепицу о сенате, об аристократах и демократах, о приниженности невыбранных в комиссию и присоединяет еще нелепость: выбирать новых профессоров нельзя — старые их не знают, не выбирать их — тоже нельзя, это значило бы их обидеть, следовательно не надо выбирать комиссии.

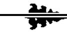
К моему удивлению подымается Филиппов и говорит дельно и резко: комиссию выбирать надо; ректор — избранник совета, и должен работать вместе с советом; только в комиссии он может ознакомиться с настроением совета; Филиппов соглашается лишь повременить с выборами, чтобы дать новым членам совета возможность хоть немного познакомиться с порядками и традициями совета. Егоров, Андреев, И. Каблуков горячо доказывают пользу постоянной совещательной комиссии. Любавский делает выверт. Он заявляет, что по точному смыслу указа 27 августа 1905 комиссия должна быть решающая, принимающая экстренные меры в критические минуты. Сейчас же ему возражают: Андреев, что прежняя комиссия была совещательная; Котляревский, что едва ли указ 27 августа, сопоставленный с уставом 1884 года, позволяет говорить о комиссии решающей и ответственной. И. Каблуков и Андреев спрашивают Любавского в упор, желает ли он сам избрания этой комиссии, которая ведь должна помогать ректору, быть при ректоре. Любавский трусливо увертывается от ответа и ставит вопрос о том, угодно ли совету выбирать комиссию для управления университе-

том или нет. Его намерения очевидны. Зная нежелание совета выбирать решающую комиссию, он хочет под флагом решающей комиссии провалить комиссию вообще. Но хитрость уж слишком ясна, и Любавский уж слишком невысокого мнения о совете нового состава. Постановка вопроса вызывает ряд возражений; между прочим я указываю, что решающая комиссия одно, а совещательная другое, что совет после отвержения решающей комиссии должен будет голосовать вопрос о комиссии совещательной. И Любавский должен сдаться, поставить отдельно вопросы о комиссии совещательной и комиссии решающей. За решающую комиссию не высказывается никто. За совещательную комиссию высказываются 27 человек, против нее тоже 27. Слышатся голоса: голос председателя, т.е. мнение Любавского решает дело. Он должен выявить свое лицо. И он выявляет его очень постыдным образом. Он заявляет, что он стоял при голосовании, и что его присчитали к сторонникам комиссии, но что он стоял только как председатель совета, а высказывается он против избрания комиссии. Значит, за комиссию 26 голосов и против комиссии 28 голосов и ректор своим голосом уничтожил комиссию, которая должна была помогать ректору, связывать его с советом. Каково начало для ректорской деятельности!

Очевидно, Любавскому сверху предписано уничтожить комиссию, чтобы она не мешала министру и попечителю умиротворять университет. И Любавский смиренно творит волю начальства. И, может быть, сам роет себе яму: при всей своей угодливости он может не угодить начальству, ибо у нас начальство не одно; есть начальство московское и начальство петербургское, есть начальство «просветительное» и начальство полицейское, и одно начальство может разойтись с другим. Он может не угодить совету: сторонников университетской автономии он решительно оттолкнул от себя тем, что согласился взять на себя постыдную роль пособника при уничтожении автономии, а для черных он недостаточно черен. Что же касается студентов, то конечно смешно и говорить о том, что подобная линия поведения понравится студентам, хотя бы даже теперешним студентам. На кого же будет опираться этот трусливый и хитрящий ректор безвременья? Он заслужил свою незавидную участь.

В последнее время я с разных сторон слышу предостережения против Богословского. Его многие считают человеком, лишенным всякого чувства общественности и циником. Я не люблю строго судить людей, я люблю людей со скептическим складом. Но признаюсь, и мне не нравится его поведение в последнее время. Он с каким то карамазовским сладострастием смакует все те оскорбительные и больные удары, которые в таком изобилии сыплются на высшую русскую школу. Поживем — увидим. Я тоже не жду от него хорошего. А жаль. Он человек с большими дарованиями. Я убежден, что сегодня он голосовал за Грушку.

Злые языки говорят, что Филиппов неожиданно стал горячим поборником автономии, и стал потому, что его обижают: не назначают ни председателем юридической комиссии, ни директором архива юстиции.

27 сентября. Сейчас вернулся с факультетского заседания, где обсуждались новые министерские правила о полукурсовых испытаниях. Эти правила формулированы очень неясно; и трудности толкования увеличиваются, если сопоставить со статьей 470-й устава 1884 года (об учебных планах). Утвержденные прежним министром учебные планы нашего московского факультета (утверждены они в 1907) не отменены и предусматривают 11 групп. Новые министерския правила устанавливают порядок испытаний только для 4 основных отделений (классического, славянорусского, исторического, романо-германского). О практических занятиях правила не говорят ничего. И неясно, можно ли по-прежнему проходить любой из 11 утвержденных в 1907 учебных планов и руководиться новыми правилами только для 12 экзаменов полукурсового испытания, или же надо непременно записаться на одно из 4 основных отделений и проделывать на нем весь учебный план. Едва ли министр имел в виду второе толкование. Правда, трудно записаться на нелегализованное отделение, проходить его учебных план и в то же время сдать 12 экзаменов по одному из 4 основных отделений; но назвать это невозможным нельзя.

Прения обнаружили поистине постыдное любоначалие у обоих философов. Начальство высекло их группу; они говорят «мало» и просят еще. Они истолковали министерскую волю в чисто уничтожительном смысле: министр уничтожил философское отделение (а министр, может быть, и не хотел совершенно уничтожать его), значит, распишем философов по 4 легализованным основным отделениям и будем умолять министра только об отсрочке применения правил для старых студентов. Они боятся даже попросить министра разъяснить точный смысл правил. Ну, публика. Как и не сечь таких. По Сеньке шапка.

Пятница, 30 сентября. Вчера вечером впервые в своей жизни заседал в стипендиальной комиссии. Пришел кроме меня только Челпанов и Сперанский, который сделал это по своей доброте, ибо он отказался от членства. Странно, что стипендий оказалось больше, чем кандидатов. Из 77 стипендий мы роздали 59. Правда, у нас ни студенты 9 семестра, ни студенты 1 семестра, ни студенты, не сдавшие экзамена по греческому языку, не имеют права на стипендию.

Сегодня в библиотеке видел В.А. Краснокутского. Он сообщил мне, что Вормс возвращается на службу в министерство народного просвещения, согласился взять доцентуру в Ярославле; возможно, что это только

ступень для возвращения в Москву. Я спрашивал о новых цивилистах. Услышал, что Гуляев очень плохой юрист, но что Митюков и Бобин хорошей немецкой школы и хорошо знают "Corpus iuris"[69]. Митюков нравится студентам и завел семинарий по "Corpus iuris". Бобин из породы вечных приват-доцентов, но будто бы хороший лектор и преподаватель.

Воскресенье, 2 октября. В пятницу вечером был я в Литературно-Художественном кружке[70] на заседании в память В.О. Ключевского. Говорили Богословский, Кизеветтер, Громогласов. Было много народу. Но Ключевского не было. Все трое говорили не о том Ключевском, который был, упрощали, я готов сказать уплощали покойного. Ведь это был человек необыкновенно сложный, причудливый, противоречивый, своеобычный. О нем было много разных мнений; а я думаю, он немало менялся. Сказать, каков был настоящий Ключевский, нелегко. В нем было много недосказанности, не то лукавой, не то замкнутой. Это был человек не только удивительно талантливый, но и на редкость интересный, любопытный своими недомолвками, намеками и поворотами[*1]. В нем было много великорусского. Смешно превозносить его как историка-философа. В философии его ахиллесова пята. У него не было ни надлежащего философского образования, ни философского дарования. Он любил сопоставлять русские явления с иноземными, но делал это не всегда удачно, ибо недостаточно знал европейскую историю. [1-]Его тянуло к «философии истории», в которой он не дал и не мог дать ничего значительного[-1]. Тем удивительнее его талант и значение им сделанного. Это самородок, правда, очень много над собой поработавший. Например, его стиль несколько манерен, несмотря на свой реализм. И пусть он не был философом. Историк может и не быть им, ежели он обладает даром средних обобщений и конструкций. А этой способностью Ключевский обладал в очень высокой степени. Был ли Ключевский добр? [1-]Кивеветтер назвал его добрым[-1]. Я слишком мало знал его, чтобы ответить на этот вопрос. А потом ведь много разных родов доброты. Когда я сидел на студенческой скамье, мы, студенты, не считали его добрым. После я слышал от старых студентов и от профессоров, что в свою бытность помощником ректора и деканом Ключевский казался формалистом. Это конечно не значит, что он им был; ибо конечно никто лучше Ключевского не умел совлекать со всякого человека и учреждения его

[*1] То, что он говорил, было оригинально, интересно, образно, насмешливо. Но часто он умел создать впечатление, что он знает много больше того, что он говорит, и что недоговоренное важнее и значительнее того, что он говорит. Позади лекции и беседы стояли намёк, тайна. И это сообщало словам особую привлекательность, затягивало. — *Сноска А.Н. Савина в конце страницы.*

мишурный мундир, чтобы разглядеть подлинную плоть. Был ли Ключевский эгоистичен и зол? Я думаю, что нет. Но он легко мог показаться таким. Он был слишком остер и подозрительно-проницателен для того, чтобы легко дать себя растрогать, легко дать себя в обман. И мне думается, он любил дальнее больше ближнего, желанную Россию больше России теперешней или России какого бы то ни было определенного момента; Московский университет больше чем отдельных профессоров и студентов; звон отдаленного благовеста больше, чем гнусавую и невнятную службу в своей церкви. И ведь эта любовь к высокому и далекому так строга, так требовательна, так легко совмещается с резким осуждением живых лиц и порядков, совмещается даже с сомнением, с неверием. Верил ли покойный в родину, в ее будущее? Я не знаю. Я верю только, что он любил ее. И в то же время этот требовательный насмешник применялся к самым несходным обстановкам — Царскому Селу, Абас-Туману[71], столовой С.М. Соловьева, гостиной Лопатиных, лаврской академической компании с ее всенощной беседой и карточной игрой. Он многое умел. И везде оставался самим собой. А по быту, почвенно, он, вероятно, был ближе к Московской Руси, чем к России императорской.

Среда, 5 октября. Вчера заседание факультета. Челпанов читал проект положения о психологическом институте. Проект был составлен очень плохо и его жестоко раскритиковали. Челпанов, например, хотел предоставить даже студентам, занимающимся в институте, звание членов института. Его высмеяли, указали, что это будет звучать особенно гордо по-французски, Membre de l'Institut[**]. Членов вычеркнули. Поржезинский сообщил мне, что по словам В.Ф. Миллера бубновское дело не выгорело, что Кассо не решился начать руководительство педагогическим институтом с грубого обхода законности. Новгородцев говорил Поржезинскому, что теперь пора подготовлять почву для возвращения Петрушевского. Значит ли это, что Петрушевский согласится выставить свою кандидатуру? Моя заветная мечта — увидеть возвращение Петрушевского. Но, конечно, здесь необходимо действовать с оглядкою и, прежде всего, узнать, прочно ли положение Кассо или нет.

16 октября, воскресенье. Я хворал и пропустил одно факультетское заседание. Сегодня говорил по телефону с Мартыновым по просьбе томского брата, который наивно надеялся перейти в Новоекатерининскую больницу. Оказывается, попечитель запросил факультет и главного врача (Попова), свободно ли место помощника. Факультет и Попов ответили, что место (обычно связывавшееся со сверхштатной хирурги-

[**] Membre de l'Institut (франц.) — член института.

ческой экстраординатурой) свободно, и что факультет обсуждает замещение вакансий. Попечитель известил, что факультету незачем утруждать себя этими хлопотами, что министр сам озаботится замещением. По слухам, будет назначен Герцен.

Я спросил Мартынова о новых профессорах — медиках. Он ответил, что если обсуждать и научные и моральные свойства, то только один, Муратов на месте (впрочем, страдает самомнением). Хуже всех и бесцеремоннее всех Савельев, который к тому же никогда не заведывал клиникой. Мартынов говорит, что впечатление от него прямо удручающее.

С другой стороны, я слышал, что этот господин завел у себя в клинике «земскую амбулаторию», где в один час пропускают человек по 50 больных, т.е. учит студентов тому, как не надо лечить. Головин будто держит себя приличнее.

От петербургского брата получил из политехникума письмо по поводу семейного горя. Там спокойно учат и учатся. Но из министерства внутренних дел идут слухи, будто революционная пропаганда усиливается и в начале ноября возможна попытка новой забастовки, притом именно в Москве. Может быть, все это только фантазия охранников. По крайней мере, о признаках какого бы то ни было брожения, я ровно ничего не слыхал. Кстати о политехникуме. Там, по словам Д.Д. Гримма, стараются отодвинуть кандидатуру Петрушевского и испоместить Тарле, опираясь главным образом на отказ Петрушевского переселиться в СПБ.

Вторник 18 октября. Сегодня был на факультетском заседании. Грушка читал сводную записку министру по поводу новых правил о полукурсовых и государственных экзаменах. В конце концов она вышла приличная. Просит факультет о неприменении правил к наличным студентам, т.е. поступившим до распубликования этих правил, т.е. не позднее осени 1911 года. Во-вторых, о дополнении правил специальными схемами для лингвистического, искусного и философского отделения, а также о разделении славянорусского отделения на два. Никакой депутации к министру не будет. Но много ли выйдет толку из этой записки? И не окажется ли она отпиской?

Вторник, 26 октября. В газетах слух о назначении Ясинского директором Педагогического института. Любавский говорит, что слух идет из хорошего источника. Окажется ли Ясинский профессором Московского университета, я не знаю.

Необычайно тяжелое заседание факультета. Оказывается, что в пропущенном мною заседании 11 октября было резкое личное столкновение между Щепкиным (и Поржезинским) и Грушкой. Щепкин указал, что весною Грушка в вывешенном для студентов объявлении неправильно поме-

стил сроком подачи сочинений на медаль не 1 октября 1912 года, а 1 октября 1911 года; что вследствие этого некоторые студенты, желавшие писать сочинение на предложенную Щепкиным тему «Байронизм Словацкого», отказались от своего намерения, и что необходимо отложить срок подачи сочинений до 1 октября 1913 года. Стали голосовать это предложение. Перед подачей голоса Поржезинский просил поставить на вид президиуму факультета нежелательность повторения подобных сшибок. Предложение было принято 9 голосами против 7. После голосования Щепкин поблагодарил факультет за моральную поддержку и со своей стороны указал на нежелательность подобных ошибок со стороны секретаря.

Сегодня читался протокол этого заседания и в протоколе этот эпизод был изображен очень неточно. Щепкин наговорил Грушке много неприятных и резких вещей по поводу неточности протокола. В ответе Любавский делает торжественное заявление по поводу недопустимости и незаконности порицаний секретарю со стороны членов факультета. Он прибавляет, что неуместно благодарить отдельных членов факультета и что среди голосовавших за отсрочку были лица, например он сам, Любавский, не желавшие оказывать Щепкину моральной поддержки, а просто хотевшие вывести студентов из затруднительного положения. То же сказал Челпанов, но только в более резких выражениях. Начался обмен резкостями. Например, Грушка, оправдываясь, сослался на то, что с февраля он несет и обязанности декана, и обязанности секретаря, и что неточности в протоколах объясняются переобремененностью и переутомленностью. Щепкин сейчас же возражает, что «неточности» в протоколах начались много раньше февраля, и что поэтому он не надеется на исправление Грушки после избрания нового секретаря[*1]. И разговор долго ведется в таком же личном тоне. Между прочим резкая перепалка между Щепкиным и Розановым, недавними приятелями.

Мне поручили составить отзыв о годовом отчете Рудакова, который был оставлен П.Г. Виноградовым. Эта обязанность оказалась очень неприятной. Я совсем не знал Рудакова. До меня доходили неблагоприятные слухи о нем, но я не придавал им большого значения. Отчет показал мне, что сей господин действительно противен по своему нравственному облику, но что сверх того он не обладает и сколько-нибудь значительными способностями, что в умственном отношении это человек очень серый. Он даже не совсем грамотен, пишет отвратительным языком, позволяет себе третировать свысока историков[1-1], о рабо-

---

[*1] «Люди развитые и порядочные извиняются перед товарищами, если заметят свою ошибку, а наш секретарь только оправдывается». — *вписано А.Н. Савиным в конце страницы.*

[1-1] Luchaire — *вписано над строкой.*

тах которых он не успел или не смог составить себе никакого понятия, не умеет даже сносным образом изложить хорошую книгу. Наглость его доходит до того, что он позволяет себе расценивать книги, которых он не видал в глаза; так вышло например с книгой Venturi[72]. Я изложил свой отзыв возможно мягче и признал отчет удовлетворительным. Но товарищи заметили мне, что из отзыва нельзя сделать такого вывода, а надо признать отчет неудовлетворительным. Я не отрицал этого и предложил такой выход — вернуть отчет Рудакову для исправления. Мое предложение было принято факультетом.

Я шел домой с Богословским. Между прочим зашла речь о Петрушевском и новом профессоре всеобщей истории. Богословский с некоторым азартом уверял, что Петрушевский не может вернуться без Мануилова, а что Мануилов не может вернуться без Петрушевского, и что утвердить Мануилова профессором может только министерство Милюкова. Стало быть, мы должны сами указать наиболее приемлемого для нас профессора всеобщей истории. Я указал ему на чрезвычайную щекотливость этого вопроса, но, кажется, не убедил его.

Странным образом Богословский успел поссориться со Сперанским, и из-за пустяков, не стоящих выеденного яйца. Неужели и он будет затруднять установление мира на факультете?

Среда, 26 октября. Сегодня встретил в библиотеке Рудакова и должен был жестоко пробрать его за отчет. Это занятие совершенно не по мне, но пришлось испить эту горькую чащу по долгу службы. У Рудакова «гибкая» душа, и он выслушал мой реприманд со смирением. Мне Рудаков не понравился.

Суббота, 29 октября. Сегодня слышал от Розанова об очень печальном происшествии. На недавнем коллоквиуме по польской литературе Щепкин был очень нервный и нагнал страх на студентов. Один неудачно отвечавший студент, Тулаев, вскоре после коллоквиума заболел душевным расстройством. Об этом напечатали в газетах. Некоторые студенты подали будто бы Любавскому (почему Любавскому? ведь учебные дела находятся в ведении факультета) заявление о крайней нервности Щепкина. Любавский будто бы попросил Сперанского поговорить с Щепкиным о необходимости быть поспокойнее.

Розанов и Богословский думают, что Щепкин не просто страдает нервами, а находится на границе душевной болезни. Богословский говорил Розанову, что когда Щепкин начинает на заседании факультета мигать глазами, ему, Богословскому, представляется, что вот вот Щепкин сойдет с ума на самом факультетском заседании.

Нервы Шепкина действительно в очень дурном состоянии. Но мне «товарищеский» диагноз представляется преувеличенным, пристрастным, недоброжелательным.

30 октября. Сейчас заходил ко мне Гензель. Я спрашивал его о юридических факультетских делах. Он говорил, что факультетских дел нет, и что самый факультет до сих пор собирался всего два раза в этом полугодии, и один раз заседание было пустое и очень короткое. Новых людей он почти не знает. По экономическим пунктам студенты работают очень мало. Например, по финансам есть всего один семинарий, и на него записалось меньше 20 человек, а студентов-юристов, пробывших на факультете не менее двух лет и подготовленных к этому семинарию, тысячи 1 ½, а может быть и больше. Семинария по теоретической экономии в этом году вовсе нет. Но гонорарий идет. Когда умер Самоквасов, Филиппов остался единственным профессором по истории русского права и объявил обязательный курс в восемь часов в неделю. Приват-доцент Тельберг (по слухам очень хороший лектор, перешел из Казани) спросил, можно ли объявить параллельный курс. Филиппов будто бы замахал на него руками; он столько лет дожидался монополии, и вдруг у него хотят урвать лакомый кусок. А рядом такой факт. У Шершеневича, читавшего торговое право, никогда не бывало больше 20—30 слушателей, а он прекрасный лектор и популяризатор (относительно того, какой он ученый и диалектик, мнения расходятся). Между тем в Коммерческом институте на лекциях по этому же торговому праву у него всегда многосотенная аудитория. Шершеневич человек очень самолюбивый и, по слухам, говорил близким людям, что собирался прекратить чтение лекций по торговому праву в университете даже независимо от Кассова погрома и раньше погрома.

Суббота, 5 ноября. Поржезинский передавал сегодня идущие от Платонова слова о скорой отставке Кассо. Провалился он, по слухам, на родительских комитетах[73]. Какой-то обиженный родитель подал жалобу в сенат. Сенат стал рассматривать дело и увидал, что Кассо своим циркуляром о родительских комитетах грубо нарушил одно Высочайшее повеление. Получился скандал. Будто бы задним числом сам юрисконсульт министерства признался, что циркуляр был незаконный. Сколько здесь правды, не знаю.

Вчера в промежуток между какими-то лекциями «курсистки» вынесли постановление о том, чтобы почтить годовщину смерти Толстого однодневной забастовкой в понедельник. По этому поводу на курсах экстренное заседание советской комиссии, на котором я быть не могу. Насчет забастовки в университете ничего не известно. Во вторник в университете нет занятий по случаю Ломоносовского юбилея.

Ясинский назначен директором Шелапутинского института, без назначения профессором к нам. Я недавно говорил с Мальмбергом об юрьевских профессорах, и он сообщил мне, будто Васильев вскоре получает какое-то место в Петербурге. Если это верно, то кажется министерству некого будет назначить к нам на место Петрушевского.

Воскресенье, 13 ноября. Вчера было заседание совета. У меня была лекция до 4 часов, и я пришел в середине заседания. Интересны были разговоры о типографии. Ректор устроил совещание правления с тремя сведущими в типографском деле людьми. Отчет об этом заседании правления был доложен совету. Из экспертов всего интереснее оказался заведующий Казанского университета, Соловьев, представивший обстоятельную записку о преобразовании типографии. Соловьев считает штаты типографии чрезмерными; чрезмерна и сдельная плата, например за первую, неответственную корректуру. Возможно и желательно сильное сокращение штатов. Отчетность по типографии очень запущена и здесь тоже необходимы реформы.

Контроль над проворовавшимся Шмел[неразб?], был очень слаб; нужно, чтобы заведующий типографией сдавал все деньги в казначейство. По мнению Соловьева, после реформ и подыскания честного, энергичного управляющего типография должна давать доход; типография Казанского университета находится в худших условиях и все-таки дает доход. Записка Соловьева произвела сильное впечатление на членов правления, и все они склонились к тому заключению, что надо реформировать типографию, а не сдавать ее в аренду и не закрывать ее. Только у ректора остались значительные сомнения насчет того, что в Казани все дешевле, что Соловьев не принял во внимание платы за помещение; что какой-то анонимный эксперт из городской типографии смотрит гораздо мрачнее на будущность университетской типографии и, главное, что какая-то статья 12-я не позволяет покрывать убытки по типографии из специальных средств, что бюджет типографии должен быть совершенно выделен из общеуниверситетского бюджета. В заседании снова обнаружилось, что Любавский не пользуется большим авторитетом даже среди своих собственных сторонников. Зернов, Тарасов, Кожевников на ректорских выборах конечно голосовали за него, влиятельный Зернов много способствовал его избранию, а тут они решительно разочлись с Любавским. За Любавского говорили в сущности только Елистатов и Гензель. Но перевертень Елистратов вряд ли много поможет Любавскому. Даже в этом, чисто деловом вопросе обнаружилась непривлекательность этого недавнего эсдека, с удивительной быстротою перекочевавшего в Катковский лицей[74]. На заседании правления в четверг 10 ноября он высказался за соловьевское предложение;

на заседании совета 12 ноября он стал говорить против этого предложения, против университетской типографии. Очевидно Любавский велел ему говорить против Соловьева, и перевертень не осмел ослушаться труса. Гензель не говорил прямо против типографии, но указывал на трудное положение коммерческих предприятий в казенном заведовании; Гензель употребил очень неудачное выражение, сказал, что решение этого вопроса зависит от воли правления. Я сейчас же поправил его и указал, что само правление держится иного мнения, отдает этот вопрос на обсуждение и решение совету. Камаровский, Егоров и особенно Андреев говорили решительнее и говорили о необходимости беречь университетские учреждения, и об обязанности университетской администрации вести даже трудные дела, если они нужны университету. Ректор очевидно был задет за живое и заявил о своей готовности подчиниться воле совета, которому однако он должен был сообщить все свои сомнения. Он передает председательство Лейсту, потому что уже 7 часов и он должен читать сообщение о Ключевском в Обществе истории и древностей. Но профессора уже давно не в числе и заседание закрывается. Вряд ли это заседание было приятно для ректора.

Мне кажется, Любавский так враждебен типографии только потому, что хочет снять с себя ответственность за нее, упростить свои обязанности. Но у Котляревского есть политические подозрения. Он думает, что начальство, т.е. Тихомиров, приказало Любавскому добиться сдачи типографии в аренду, и что арендатором будет какой-нибудь очень черный политический деятель, что одним словом подготовляется новая Катковская эра. Я этого не думаю.

Вторник, 15 ноября. Вообще ужасно скучное заседание факультета, но вначале Щепкин устроил себе развлечение и долго травил Грушку за протокол, изобличая его в неточностях, предираясь к словам и говоря ему много колкостей. На этот раз Грушка почти не защищался. — Наконец Мальмберг назначен старшим хранителем музея. Министр не нашел препятствий к тому, чтобы Цветаев исправлял обязанности директора музея.

Любавский говорил мне, что правление все-таки вступило в переговоры с казанским Соловьевым насчет перехода его в Москву на место управляющего университетской типографией. Само ли правление начало эти переговоры или подействовало настроение совета, не знаю.

Да, Рудаков представил мне исправленный отчет, в котором он постарался быть поприличнее и сверх того думает подделаться под меня: он ввел туда почти все сделанные мною указания. Сегодня я прочитал свой отзыв и, надеюсь, отделался от этого господина на довольно долгое время.

Воскресенье, 20 ноября. В газетах еще вчера было известие о том, что харьковский финансист Мигулин переведен в СПБ. За последние годы в Петербургском университете не было назначения профессоров министром. Мигулина никто не выбирал. Это первый петербургский случай со времени введения автономии. И здесь по-видимому озорное желание показать свою власть, ибо Мигулин хороший финансист и, мне думается, легко прошел бы и в факультете и в совете.

На юридическом факультете некоторые профессора подняли вопрос о том, чтобы формально преградить приват-доцентам доступ в заседания факультета. До сих пор там приват-доценты регулярно получают приглашение на заседания. Сложился этот обычай потому, что у них мало профессоров и приват-доцентам поневоле поручается важные курсы; отчасти эти приглашения — остаток «освободительного» движения.

У нас на филологическом факультете, кажется до 1908, тоже рассылались пригласительныя повестки приват-доцентам, но приват-доценты не ходили на заседания. Потом перестали посылать повестки, но права ходить на заседания не отымали. В прошлом году почему-то довольно часто ходил на заседания слепой Щербина; а в этом году и он не ходит.

Вторник 22 ноября. Сегодня Поржезинский передавал мне нелепый слух, будто бы возможно неутверждение Грушки в должности декана в виде кары за письмо, недавно помешенное Грушкою в «Русских Ведомостях» по поводу новых экзаменных правил и в ответ на одно студенческое письмо. Грушкино письмо было вполне невинно с точки зрения начальства и касалось дела очень маловажного. Я отказываюсь верить слуху.

Пятница 26 ноября. За «первым» замещением кафедры в Петербургском университете по назначению министра очень быстро последовало второе. Известный нововременец Пиленко, недавно защитивший докторскую диссертацию, без всяких выборов назначен профессором международного права, и притом сразу ординарным профессором.

Суббота, 26 ноября. Сегодня экстренное заседание совета для обсуждения вопроса о типографии. Кузьмич опять обнаружил худшие качества своей души, подговорил своих приверженцев говорить против типографии. Еще до начала заседания у него был заготовлен букет «своих» ораторов — Тарасов, Грушка, Челпанов, Соболевский. Это имело очень некрасивый вид. Но конечно эта консисторская хитрость была сшита белыми нитками. Егоров указал сейчас же на подвох, на то, что сегодняшнее заседание находится в полном противоречии с предыдущим заседанием, где наиболее почтенные члены совета высказались за типографию. А лукавый Анучин жестоко разнес Кузьмича. Когда дело дошло

до голосования, мы оказались не в числе и суждение отложено до следующего заседания. — Оказывается, что Шервинский просил освободить его от обязанностей члена факультета и совета только на один год. Поэтому в председатели библиотечной комиссии выбрали Сперанского.

Вторник, 28 ноября. Факультетское заседание. Н.Д. Виноградов представил докторскую диссертацию об этике Юма. Поручают рассмотреть диссертацию Лопатину и Челпанову. Челпанов просит освободить его от этой обязанности и поручить Шпету быть вторым оппонентом. Челпанов дал маху и подвел себя под удары. Щепкин взял на себя emploi* пикадора. Он говорит об обязанностях штатного профессора, о славных традициях московского университета, которых нельзя нарушать, о том, что магистранту невместно быть официальным оппонентом докторанта. Покровский, Поржезинский и даже Брандт указывают на неудобство Челпановского предложения. За Челпанова стоят Лопатин, Грушка и Богословский, которые ссылаются на некоторые, не во всем убедительные прецеденты. Челпанов обидчиво берет свое предложение назад и соглашается быть вторым оппонентом. Но Щепкин беспощаден. Он просит, чтобы в настоящем случае было строго соблюдено правило, по которому оппонент не имеет права рассматривать диссертацию долее 6 месяцев, и требует, чтобы его слова были занесены в протокол.

Челпанов обидчиво возражает, что предложение Щепкина является совершенно излишним, потому что профессора философии доселе не задерживали диссертаций. Щепкин трагическим шепотом замечает: А Викторов? Слова Челпанова заносятся в протокол, равно как и указания Кузьмича на то, что в его бытность деканом задержки с диспутами не было.

Я поднял вопрос о расширении штатных должностей при учебно-вспомогательных учреждениях факультета. Я предлагаю хлопотать о том, чтобы устроить специально приспособленные семинарии по крайней мере при некоторых кафедрах факультета, чтобы отвести для семинариев особые и постоянныя помещения, создать Handbibliotek** и должности заведующих семинариями.

Все отнеслись сочувственно к этому предложению, и профессорам каждой кафедры поручено к январскому заседанию представить свои соображения по этому предмету.

Я подымаю вопрос о том, как быть с коллоквиями по курсам, читанным Петрушевским, Фортунатовым, Виноградовым. Виппер решительно отказался производить эти коллоквии и предлагает в заседании простить их студентам. Но он не встречает сочувствия, и даже я по совести

* emploi (франц.) — амплуа, роль.
** Handbibliotek (нем.) — справочная библиотека.

вынужден высказаться против Виппера. Факультет, кажется 9 голосами против 4, постановил производить коллоквии. Виппер наотрез отказывается производить их, ссылаясь на свою переобремененность занятиями. Любавский ядовито говорит, что профессора русской истории еще более обременены преподавательской работой, и предлагает сократить прием студентов. По моей просьбе факультет разрешает мне устроить коллоквий только для тех студентов, которые в этом году должны получить выпускное свидетельство.

Пригоровский держал экзамен по средневековой истории, очень хорошо.

Мелкое, но характерное приключение. Профессора, получавшие в течение гражданского года менее тысячи рублей гонорара, имеют право на казенную прибавку в размере 20% жалованья. Характерно, что прибавка за 1910 год выдается только в конце ноября 1911. Характерно, что в университетской канцелярии ухитрялись наделать ошибок при составлении списка малогонорарных профессоров. Я получил в 1910 году меньше тысячи рублей и не попал в список. Лопатин получил больше тысячи и в список попал. От этого получилась большая путаница в делопроизводстве. Кузьмич говорит, что я деньги все-таки получу.

Пятница, 2 декабря. Я в этом году не посещаю заседаний на ВЖК, но вчера по просьбе нескольких товарищей пошел на советское заседание. Там действительно произошло нечто необычное. С будущей осени лекции и практические занятия на историко-филологическом факультете переносятся в большой новый дом на Девичьем поле. Расходы при этом сильно возрастут, и директор, конечно, принимает меры к увеличению доходов. Казна, с характерным равнодушием к судьбам женского образования, не дает ничего. И директор желал бы увеличить прием на курсы, а козлом отпущения должен явиться историко-филологический факультет. Директор избрал весьма странный путь. Без всяких сношений с факультетом директор поставил на повестку советского заседания вопрос о выборе советской комиссии для обсуждения вопроса об увеличении комплекта на историко-филологическом факультете. Я пришел к средине заседания, во время речи директора, который предложил увеличить факультетский прием до 850 человек и образовать советскую комиссию из всех членов совета, состоящих членами историко-филологического факультета, для обсуждения вопроса о способах расширить преподавание. Предложение директора дышало таким пренебрежением к факультету, что не могло не вызвать решительного отпора. Кто резче, кто мягче, но все говорившие члены историко-филологического факультета высказались против директора — декан Хвостов, Кизеветтер, я, Протопопов, Егоров. Все указывали на то, что только факультет

в состоянии решить вопрос о том, какое максимальное число слушательниц может быть обучено на факультете, можно ли или нельзя найти новых преподавателей, а затем, что вопрос о расширении комплекта должен быть поставлен по отношению ко всем факультетам. Спор между Хвостовым и Чаплыгиным был довольно острый, хотя значительно мягче тех разговоров, что в последнее время стали обычными на историко-филологическом факультете университета. И директор потерпел ряд поражений. Он должен был отказаться от предположенного им комплекта, он должен был передать вопрос на предварительное обсуждение факультету, а не советской комиссии, и придать предложению общекурсовой характер; и даже внесенное им предложение, чтобы совет признал необходимым увеличение приема на историко-филологическом факультете, было отвергнуто 17 голосами против 14. Единогласно была принята формула Кизеветтера о необходимости увеличения приема на курсах вообще и о желательности того, чтобы это увеличение началось с историко-филологического факультета. Чаплыгин был очень расстроен, но он заслужил свою участь. Я не узнал его в этот вечер. Какая муха его укусила?

Воскресенье, 4 декабря. Я был у С.Ф. Фортунатова и встретил там Петрушевского. Между прочим, он сообщил мне одну мелочь, очень нелестную для петербургской ученой братии. Петрушевскому хотелось бы попасть в Петербургский политехникум. Министр торговли выразил пожелание, чтобы свободная кафедра истории была замещена путем конкурса, и конкурс был объявлен на днях. В связи с этим конкурсом Петрушевский получил недавно анонимное письмо, которое «дружески» указывает ему на опасность выставления кандидатуры. Министр его, Петрушевского не утвердит, а главное, у Петрушевского есть на факультете враги; и Ковалевский даст неблагоприятный отзыв о диссертациях Петрушевского, и сверх того укажет, что после диссертаций научная деятельность Петрушевского сводится на нет. Автор письма сообщает адрес, по которому Петрушевский может отвечать в СПБ; автор обещает даже Петрушевскому приехать в Москву, ежели пожелает Петрушевский, и сделать дальнейшие разоблачения. Руководствуясь правилом qui prodest** Петрушевский предположил, что письмо написано по указаниям человека, которому кандидатура Петрушевского неудобна и которому хотелось бы запугать Петрушевского. Петрушевский не говорит этого прямо, но из его слов нетрудно понять, что он видит здесь руку Тарле. Если Петрушевский прав, то хорош же этот «доктор всеобщей истории». Ведь это анонимное письмо похоже пря-

** Is fecit, qui prodest (лат.) — сделал тот, кому выгодно.

мо-таки на шантаж, и притом неискусный, глупый. Предположить, что письмо написано человеком, желающим добра Петрушевскому, по моему мнению, действительно невозможно.

Вторник, 6 декабря. Вчера вечером я был у Бориса Ключевского, который в память отца хочет возобновить Шаховские поминки, превратившияся теперь и в поминки по Ключевскому. Были еще Виппер, Фортунатов, Кизеветтер, Яковлев, С.Ф. Платонов; Богословский не мог быть, потому что он в Посаде. Занимались, конечно, по преимуществу воспоминаниями. Между прочим Борис передавал, что Василий Осипович очень тяготился лекциями, которые его заставляли читать в генерал-губернаторском доме[75] и в Абас-Тумане. Насколько эта аудитория была мало подготовлена видно из того, что один из очень немногих слушателей в генерал-губернаторском доме, Юсупов, после лекции об Александре I спросил: «А правда ли, профессор, что у Александра I очень скверно пахли ноги?».

Виппер и Борис очень недовольны некоторыми местами Платоновского некролога, и как раз среди резких отзывов о Платонове — Платонов вошел. Он большой дипломат петербургской складки; некоторые прочат его в преемники Кассо, но кажется Кассо опять укрепился, сегодня он произведен в тайные.

В газетах известие о том, что Грушка наконец утвержден в должности декана. Как я и думал, догадки насчет того, что наверху, т.е. у попечителя, он впал в немилость, оказались неосновательными.

К характеристике петербургских чиновничьих нравов. Щегловитов где-то увидал Платонова и спрашивает: Знаете ли вы, что я назначил нового директора в Московский архив министерства юстиции? Знаю. — Довольны ли вы этим назначением? — Нет. — Почему? — Я ждал, что вы назначите А.Н. Филиппова. — А он меня об этом не просил.

Сейчас получил повестку на субботнее заседание совета. Опять никаких дел кроме «продолжения суждения о типографии». Не будь злополучной типографии, совету незачем было бы и собираться. Какая тишь, гладь и благодать при новом начальстве.

Пятница, 9 декабря. В газетах появилось известие, будто юридический факультет решил не допускать приват-доцентов на факультетские заседания, запретил им чтение курсов, параллельных с профессорскими, и уменьшил им вознаграждение за годовой час с 400 до 200 рублей. Несмотря на наличность смягчающих обстоятельств, все эти постановления высоко бестактны, и в газетах, конечно, уже появились ядовитые насмешки.

Суббота, 10 декабря. Заседание факультета. На повестке выборы секретаря. Пришло 15 человек, и Брандт сверх того передал голос

Грушке. Но до баллотировки Пoржезинский спрашивает, почему членам факультета рассылали для подписания адрес Лопатину (по поводу 30-летнего юбилея), текст которого не обсуждался в факультете и некоторым членам факультета стал известен только тогда, когда он был им принесен для подписи. Щепкин и Покровский присоединяются к этому запросу. Любавский объясняет, что адрес не есть дело факультета, а дело частное, инициатива исходит от нескольких членов факультета, которые и просили разослать свой проект адреса для подписи всем профессорам и приват-доцентам. Никого не заставляли подписываться. Желающие могли составить другой адрес и распространять его среди товарищей. Затем нервно начинает говорить Челпанов. Вопрос об адресе вовсе не может обсуждаться в заседании, ибо он не входит в компетенцию факультета. Сперанский с большой горячностью осаживает мариупольца и указывает, что декан (это Грушка) еще не открывал заседание, и что пока идет частное совещание. Челпанов что-то мямлит. Грушка торопливо звонит и открывает заседание. Подаются записки с именами кандидатов в секретари. Богословский и Щепкин получили по 1 записке, Розанов 2, я 4, Соболевский 7. Все кроме Соболевского отказываются. Баллотируется Соболевский, получает 10 избирательных шаров и 6 неизбирательных шаров. Соболевский по службе один из старших членов факультета, а главное, потому мало подходящий секретарь, что вряд ли он даже в состоянии составить путный протокол, несмотря на всю свою греческую ученость. Но 10 больше 6 и Соболевский секретарь. Пусть себе пишет протоколы*[1].

Потом я пошел на лекцию и потому запоздал к началу советского заседания. Снова и долго говорят опять о типографии. На этот раз очень энергично говорят за сохранение типографии в ведении правления старики — Черн[ышев], Анучин, Андреев, Жуковский, Павлов. Гензель отступился от своего мнения и указывает, что во-первых, убыточность типографии была преувеличена в докладе ректора и, во вторых, что обособленность типографской сметы вовсе не составляет непроходимого затруднения, с чем вынужден согласиться Кузьмич. Зернов, Анучин, Павлов напоминают о том, как трудно было вернуть типографию в распоряжение университета, каким нареканиям подвергался университет в годы катковской аренды, и указывают, что в 1906 году главный до-

* Соболевский благодарит положивших направо, но еще более положивших налево, которые хотели освободить его от неприятных секретарских обязанностей. Эти обязанности не всегда были тяжелы, но в последнее время стали неприятны. Он, Соболевский, конечно не будет таким хорошим секретарем, каким был Любавский и Грушка (?!), но все же посильно послужит государю и отечеству. — *вписано в конце страницы.*

вод университета в пользу возвращения типографии состоял в том, что типография очень нужна университету. Лейст, которого Кузьмич подбил стоять за аренду, говорит, что сдача типографии в аренду не грозит никакими опасностями. Соболевский радостно присоединяется к этим словам и прибавляет, что, если бы начальство и отняло типографию, то беды здесь никакой нет. Вот если бы японцы отняли типографию, это было бы нехорошо. А российское начальство и отнявши не обидит университет. Соболевский решительно невозможен по своей допотопной, ребячье черной простоте. А у него последнее время ораторский зуд. Но Зернов настаивает на том, что опасность несомненная и велика. Затем встает Камаровский и говорит, что мы вот уже три заседания говорим о типографии, пора решить это дело. Кузьмичу приходится приступать к голосованию. И вдруг он выпаливает, что он с помощником ректора и проректором не примет участия в голосовании, хотя высказывается против оставления типографии в заведовании университета. Сейчас же Камаровский подвергает его сечению; ректор не может отказываться от участия в голосовании, он должен иметь ясный и определенный взгляд по всем важным вопросам университетской жизни; Камаровский прямо зовет поведение ректора некорректным. Гулевич думает, что уклонение президиума от участия в голосовании даже незаконно и может привести к отмене советского постановления. Кузьмич вынужден взять назад свой отказ. Затем он предлагает четыре формулы: ликвидацию, аренду, собственное заведование с сокращением, собственнее заведование в теперешнем размере. Он хочет начать с ликвидации. Спижарный предлагает ему начать с того исхода, на который указывало большинство ораторов — с собственного заведования в теперешнем размере. Кузьмич соглашается, но выдвигает новый подвох. А как быть с вопросом об убытках? По его мнению, надо ввести слова о «собственном заведовании, даже если бы в конце концов получился некоторый убыток». Это ехидное, лисье предложение вызывает должный отпор; указывают на неясность, опасность, даже незаконность формулы. Намерение Кузьмича провалить типографию каким-нибудь вывертом ясно как день; ясно как день и то, что начальство приказало ему проводить аренду, и вот он доказывает свое усердие перед начальством. Сперанский, сидящий возле меня, говорит мне, что Кузьмич старается перед Гидуляновым, который ходит в совет специально для того, чтобы в случае надобности донести все по начальству и следить за тем, чтобы Кузьмич стоял на высоте заданных начальством задач. Кузьмич виляет и говорит, что он имеет в виду 2 формулы — одну о собственном заведовании без всякого упоминания об убытках, другую — с упоминанием об убытках. Он ставит на голосование первую, и оставление типографии в собственном заведовании без упоминания об убытках принима-

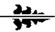

ется 35 голосами против 21. Казалось бы, на этом и делу конец. Но нет. Кузьмич делает новый выверт и говорит: «А теперь я поставлю на голоса формулу с упоминанием об убытках». И снова недоумение и негодование. Ибо большинство считает, что дело уже покончено, и что нового голосования быть не должно. Ряд указаний на нелепость, опасность и практические неудобства нового голосования. Кузьма в конце концов смиряется и снимает формулу с упоминанием об убытках, заседание закрывается. Но какой у нас президиум, и в особенности какой ректор! Какая трусость, какое любоначалие, какое отсутствие истинного самолюбия, и какой мелкий калибр! Стыдно.

Среда, 14 декабря. Несколько дней был очень занят и не мог писать по свежим следам. Решение юридического факультета не позволять приват-доцентам читать курсы, параллельные с профессорскими, вызвало сенсацию в университетском муравейнике, особенно среди ушедших в отставку. Теперь выясняется, что эта мера действительно направлена против ушедших в отставку, на тот случай, если бы они вернулись в университет на положении приват-доцентов. Поднят этот вопрос был Гидуляновым еще весною, конечно, по предписанию свыше. Основания приводились юридические, некоторые статьи устава 1884 года и, в особенности, какая-то объяснительная записка к уставу 1884 года. Но мне представляется, что юридическая почва для этого запрета чрезвычайно ненадежна, и что скорее можно говорить о противоречии между уставом 1884 года и постановлением факультета. Против предложения голосовали только трое: Каблуков, Гензель, Котляревский.

Всю мелкость и неопрятность своей души опять выказал Елистратов. За день или за два до голосования он говорил Котляревскому, что будет голосовать против запрета, но голосовал за запрет. [1-]Отвратительно держали себя Гуляев и алкоголик Митюков[-1].

В негодовании ушедших много преувеличенного. И до разгрома факультеты смотрели очень неблагосклонно на параллельные курсы приват-доцентов. Когда, например, ярославский криминалист Фельдштейн, доктор уголовного права (кстати, юридический факультет, минуя совет обратился к министру с просьбой о назначении его на кафедру уголовного права, и любопытно, назначит ли Кассо этого еврея) попробовал объявить общий курс уголовного процесса, параллельный курсу Давыдова, человека очень хорошего, но имеющего слабое отношение к науке и не имеющего никакой степени, то факультет чинил всякие препятствия, и Фельдштейн должен был снять свой курс. Теперь об этих прецедентах слишком легко забывают. Укажу еще на лицемерие хозяев «Русских Ведомостей». Они горой стоят за ушедших, но пальцем не пошевелили, чтобы помочь Мануилову; их нравственный долг состоял в

том, чтобы сделать Мануилова редактором; но эти свободолюбивые газетчики цепляются за свои места и оклады и ничуть не менее, чем теперешние профессора-юристы. И все-таки юристы сделали не только скверную, но и глупую вещь: опозорили себя и в то же время нисколько не предохранили от отмены своего сомнительной законности постановления, когда в университете повеет свежим воздухом.

В воскресенье, 11 декабря, было торжественное заседание Психологического общества, лопатинский юбилей. Было очень много народу, много поливановцев[76] и арсеньевок[77]. Адреса, речи, поднесение юбилейного сборника. Любавский разливался сладко о любви юбиляра к университету, об изящном благородстве Лопатина, и это на другой день после своего поистине зазорного поведения в совете. Грушка читал от факультета выспренный адрес, в котором Лопатин звался философом Божией милостию и человеком, часто выводящим факультет из затруднений; это Лопатин, которому несомненные философские дарования не мешают выступать некрасивым прислужником Любавского и Грушки и выбирать в секретари прямо убогого Соболевского. Стыдно! От университета Шанявского[78] Давыдов и Рот прочли адрес, в котором демонстративно ни словом не заикнулись о Московском университете. Ухитрился два раза пропарадировать на эстраде неизбежный и глупый Иван Иванович Попов, от Литературно-художественного кружка и от Общества деятелей периодической печати[79], в котором, как я услышал к своему удивлению, Лопатин состоит судьею чести. Попов хвалил необычайную чуткость Льва Михайловича в вопросах «этической морали». Весьма эффектна была последняя депутация, от журнала «Логос»[80], Степун и Яковенко. Предыдущие ораторы превозносили Лопатина превыше Канта и Гегеля; эти же двое заявили, что ничего своеобразного и национального в Лопатине нет, что он повторяет некоторых второстепенных западных философов, вроде Фихте Младшего и Росмини, и что вся заслуга Лопатина сводится к тому, что он пробуждает в русском обществе интерес к философии и расчищает дорогу для них, критицистов.

Лопатин держал себя очень хорошо, скромно, но с достоинством, и говорил два раза интересно, умно и местами даже остроумно.

Во вторник, 13 декабря, заседание факультета. Присуждение медалей. Я впервые присуждаю медаль. Мне было подано одно сочинение, хорошее, его автор — умный консерватор, питающий сочувствие к Тэну. Ко мне он во время работы вовсе не обращался, и оказалось, что это студент 5 семестра Фрязинов, которого я знаю; он получил золотую медаль. У Челпанова, конечно, снова выползли гении, два совсем больших и один чуть поменьше. Четыре литератора писали о Гофмане, и трое получили золотую медаль, в том числе одна девица.

Экзаменовался Лукин по средней истории. Отвечал недурно и получил весьма удовлетворительно.

Кузьмич сообщил, что в субботу созывается экстренное заседание совета для суждения о типографии. Дело серьезное. Это начало последствий ревизии. Из министерства пришла бумага, в которой говорится о полной бесхозяйственности прежнего правления по отношению к типографии, причем особо выделяется советник Рыбников. Министерство требует от совета объяснений насчет того, как расплатиться с долгами и положить конец убыткам. Другая бумага из министерства жалуется на беспорядки в клиническом хозяйстве. Кузьмич думает, что возможно предание Рыбникова суду. А три М? Скверно.

Пятница, 16 декабря. Тяжело жить университетскому преподавателю, желающему соблюсти чистоту. Но его доля представляется каким-то раем по сравнению с долею университетского преподавателя, служащего одновременно в синодальном ведомстве. У нас есть один такой человек, приват-доцент Орлов. М.Н. Сперанский, который его хорошо знает и который отнюдь не грешит резкостью в отзывах о людях, а к Орлову был прямо расположен, [1-]вчера говорил мне о нем[-1]. Орлов давно служит в синодальной типографии, где раньше начальником был знаменитый взяточник и казнокрад Войт, незаконный сын Победоносцева. В типографии все едят друг друга, все пробираются к высоким окладам, а многие, и к возможности получать большие безгрешные доходы с поставщиков бумаги, и все доносят друг на друга, все стараются найти себе сильную руку в синоде. И вот Орлов на глазах Сперанского падает со ступеньки на ступеньку. Он пресмыкается перед Шереметевым, в виду больших придворных связей Шереметьева, заискивает перед Роговичем, устраивает недостойную комедию со своим переводом в казанские профессора русской словесности и, в конце концов, достигает заветной цели: его назначают начальником синодальной типографии на место Войта, которому взамен арестантских рот дают пять тысяч пенсии. Но усидеть на месте нелегко, надо угождать начальству, а угодить ему не легко, особенно когда начальство меняется и когда на месте Лукьянова появляется Саблер.

Орлов съел Войта, теперь Войт (ведь Саблер был правою рукою Победоносцева) хочет съесть Орлова, а подчиненные сослуживцы Орлова, мучительно ему завидующие, тоже изворачиваются на все лады, чтобы спихнуть его. И вот в Петербург летят доносы за доносами, и какие доносы. Добро бы еще обвиняли в неблагонадежности, безбожии, развратном поведении! Нет, обвиняют друг друга в казнокрадстве и взяточничестве. Орлов откровенно и без малейшего смущения рассказывает о том, что на него, Орлова, подано в Синод уже 26 доносов, и

что он, Орлов, вынужден защищаться тем же оружием, послал на своих доносчиков 16 ответных доносов.

Он остается приват-доцентом потому, что его каждую минуту могут выгнать из типографии; в случае выгона приват-доцентура даст ему известное общественное положение. Этот несчастный даже не понимает, что он весь облеплен скверно пахнущею грязью, он принюхался.

Воскресенье, 18 декабря. Вчера было советское заседание по поводу министерской бумаги о типографии. Оно оказалось благоприятным. Правда помощник ректора сообщил неутешительные известия о росте убытков по типографии. Но этот рост в значительной мере объясняется тем, что почему-то правление держит на службе ненужную ораву служащих (Любавский неудачно ссылается на страх перед забастовкой и на необходимость собирать у этих ненужных служащих какия-то справки), и что газеты распустили слух о близком или даже состоявшемся прекращении приема частных заказов, причем правление не потрудилось опровергнуть этих слухов. Тарасов правда пытался внести предложение пересмотреть ошибочное постановление совета, но встретил отпор. Чрезвычайно неприятное впечатление произвел опять Байков; он говорил с пафосом самого дурного тона, как очень пошловатый адвокат, и отчасти говорил прямо глупости и недостойные вещи. Ректор на этот раз держал себя довольно прилично. Выбрали комиссию, чтобы рассмотреть способ расплатиться с долгами и предотвратить убытки.

Сегодня в газетах известие о том, что министр затребовал от петербургского ректора объяснений от приват-доцента В.Н. Сперанского о лекции 7 ноября, что разъяснения давал сам Сперанский, что министр нашел эти объяснения неудовлетворительными и исключил Сперанского из числа преподавателей. Я не знаю этого дела. Газеты объясняют (но им не во всем можно верить), что 7 ноября была объявлена забастовка в память Толстого, что Сперанский застал в актовой зале большую беспокойную толпу, услышал просьбы не читать лекций, стал читать о Толстом, но не мог читать из-за шума и ушел из аудитории. До более полного ознакомления с делом я воздерживаюсь от суждения о новом подвиге министра.

Насколько теперь трудно жить в кругу ученой братии, видно из рассказа (я слышал его от Егорова) об отношениях между Богословским и Петрушевским. Они были до краха не в дружеских, правда, но вполне дружелюбных отношениях. Осенью Богословский встречается на улице с Петрушевским. Богословский, не уверенный в том, что Петрушевский ответит ему на поклон, не торопится снять шляпу и ждет соответствующих жестов от Петрушевского, а Петрушевский и не думает прикладывать руку к шляпе. Они проходят друг мимо друга как незнакомые.

Понедельник, 19 декабря. Вчера был у Хвостова. В первый раз слышал, как Лопатин рассказывает о привидениях. Действительно очень хорошо. Но, говорят, репертуар у него небольшой. Видел там Б. Кистяковского, который поступил на службу в Ярославский лицей; Кистяковский сообщил, что Вормс действительно поступил в Ярославский лицей и уже утвержден.

Сегодня в газетах («Речь») известие, что юрьевский Тарановский переводится в Петербург на кафедру государственного права, а харьковский Удинцев на кафедру гражданского права. Молодец Кассо, он смело идет своим путем, плюет на все факультеты и советы.

Понедельник, 26 декабря. Правые профессора распоясываются. Они по примеру 1910 года устроили совещание в СПБ (опять-таки там не было никого из петербургских и московских профессоров, даже черные не нашли нужным или возможным присутствовать, вообще на съезде, за исключением Герье и А.И. Соболевского, ни одного значительного имени), выработали ряд постановлений и преподнесли их министру. Нужно сказать прямо, что среди этих постановлений есть вполне основательные и что они отнюдь не раболепны по отношению к министру. Между прочим члены совещания выступают против Кассова замысла печь профессоров за границей и рекомендуют производить эту операцию дома. Но «при выборе как руководителей — профессоров*[1], так и кандидатов для замещения в будущем профессорских кафедр, решительное предпочтение должно быть отдаваемо людям русским не только по происхождению, но и по своей преданности историческим заветам родной земли». Что значат эти удивительные слова? То ли, что ceteris paribus** надо предпочитать «преданного заветам» (среди членов совещания преобладали крайние правые, но были и октябристы, так что определить «преданность заветам» нелегко, и например, не ясно, предан ли заветам «русский по происхождению» и октябрист Герье) или же «преданность заветам» есть единственно существенное требование, а все остальное приложится? «Россия» (23 не то 24 декабря) имеет смелость назвать эти постановления постановлениями академистов в истинном смысле слова. Это конечно академисты в кавычках, в истинно русском смысле слова. Сегодня я слышал о выходке одного такого «академиста». Физик Станкевич, кстати сказать, за это полугодие получивший больше шести тысяч гонорара, на экзамене спрашивает

*[1] При особо выдающихся русских специалистах должны быть учреждены профессорские семинарии на манер тех, которые Кассо хочет завести за границей — *вписано А.Н. Савиным в конце страницы.*

** ceteris paribus (лат) — при прочих равных условиях.

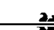

у студентов, по какому учебнику они готовились. Один студент отвечает: по Хвольсону[81]. Как отвечал студент по Хвольсону, не знаю; может быть и скверно. Станкевич проваливает, но и брезгливо замечает: «Можно ли готовиться по жидовскому учебнику?» Я понятия не имею об учебнике Хвольсона. Но если даже он никуда не годится, все-таки Москва успешно превращается в Толмачевскую резиденцию, а московские аудитории в союзническую чайную.

Удивительные вещи слышал М.М. Покровский от какого-то студента-юриста о том, как Байков на лекции разделывал под орех своих предшественников по кафедре философии права (которые при всех своих недостатках уже конечно гораздо значительнее этого ярославца).

28 декабря. Будет еще одно заседание о типографии, и даже на святках, 30 декабря. Прочтут доклад типографской комиссии и будут говорить об ответе министерству. На повестке я с удивлением увидал, что медик Зеленев назначен ординарным, между тем как на медицинском факультете есть много людей старше его по службе в Московском университете. Начало старшинства при передвижке в ординарные доселе строго соблюдалось в Москве, хотя порядок старшинства основан только на обычае, а не на законе. Обычай нарушен и, вероятно, будет нарушаться не раз. Ничего, все стерпим.

Обращение с петербургскими профессорами, впрочем, немногим деликатнее. В Петербурге, кажется этою весною, отслужил всякие сроки геолог Иностранцев. По разным соображениям Иностранцев и факультет решили заполучить двух геологов, киевского Андрусова в штатные профессора, петербургского Левинсона-Лессинга в сверхштатные. Провели обоих через факультет и совет, представили для утверждения в Министерство. Кассо Андрусова не утвердил, а Левинсона утвердил, но штатным, и написал на представлении: «лично известного мне Левинсона-Лессинга утверждаю штатным профессором» (Кассо хорошо знает Левинсона-Лессинга по Юрьеву и, кажется, даже ухаживал за его свояченицею; нужно отдать справедливость Кассо, что, отстранивши Авдрусова по-видимому за кадетство, он утвердил Левинсона-Лессинга, несмотря на общеизвестное кадетство последнего; «личная известность» все превозмогает). Это было летом, и Левинсон-Лессинг находился в казенной командировке на Кавказе (проект перевальной дороги). В горах он получает от ректора извещение о своем назначении в штатные профессора и о неутверждении Андрусова. Левинсон-Лессинг шлет Кассо длиннейшую телеграмму о том, что он может принять кафедру лишь в том случае, если одновременно будет утвержден Андрусов. Кассо отвечает очень коротко: «Принимайте кафедру без всяких условий». Левинсон-Лессинг отказывается от кафедры. Кассо

победил, но ценою потери двух видных геологов, ибо Андрусов, уже заслуженный профессор, немедленно отказался от преподавания в Киеве. А русские университеты отнюдь не богаты геологами.

Я слышал эту историю из очень хорошего источника, от своего брата, который провел на Кавказе несколько недель вместе с Левинсоном-Лессингом и до некоторой степени переживал с ним это приключение.

31 декабря. Вчера было заседание совета о типографии, на котором я не был. От Гензеля я слышал, что типографская комиссия решила просить министерство о пятилетней ссуде в 25.000 и составила для типографии смету с небольшим превышением доходов над расходами. Газеты сообщают, что эти предложения комиссии приняты советом. Черный год кончается, кажется, самый черный в истории Московского университета. Впереди может быть еще хуже, но это худшее будет прямым последствием краха 1911 года, и, во всяком случае, всякое дальнейшее ухудшение в сравнении с положением 1911 года будет менее резким и болезненным, нежели крах 1911 года. А лучшего я не надеюсь увидать. Оно за горами.

1912 г.

2 января. Все министры усидели на местах. Но Кассо не назначен в Государственный совет (ноябрьское известие об его назначении в Государственный совет оказалось уткой «Биржевых Ведомостей»[82]). «Новое Время»[83] в новогоднем обзоре осыпает Кассо безоговорочными похвалами за упорядочение высшей школы и, особенно, Московского университета; значит сидит Кассо крепко; Тихомиров произведен в тайные советники, Любавский в действительные статские советники (здесь нет особой милости, он служит давно; «Русские Ведомости» произвели Любавского в тайные советники, не знаю с умыслом или без умысла).

Сейчас неожиданно получил повестку на советское заседание 7 января, где значатся только текущие дела. В списке профессоров новое лицо — Дзирне, очевидно назначенный в Екатерининскую больницу на сверхштатную экстраординатуру. Я не знаю его, но чудится мне, слышал что-то нехорошее.

Я спрашивал сейчас Любавского о совете; оказывается, его собирают просто чтобы подписать последний протокол о типографии и поскорее отправить бумагу министру. — Головин, произведен в действительные статские советники за «особые заслуги». В чем они? В Москве пока, слава Богу, он держит себя смирно. Если за одесские подвиги, то почему они не были награждены в Одессе? Или это поощрение на будущее? Но, кажется, и громить то уж стало некого.

9 января. Врачи-хирурги из Екатерининской больницы с тревогою ожидают Дзирне. Дзирне будто бы был бит уже два раза. Отсутствие ученых заслуг не мешает этому господину презирать русских. Вот хирурги и боятся, не пришлось бы кому-нибудь из них, в случае грубого обращения, побить Дзирне в третий раз. Неужели это правда?

11 января. «Новое Время» разразилось статьей против совещания правых профессоров. Кто их уполномачивал? Ни одного столичного профессора. И кто председатель? Магистр Зверев, который из рук вон плохо исполнял обязанности министра народного просвещения. И как они смеют выступать с претензией готовить профессоров, когда именно они, провинциальные профессора, привели свои университеты к за-

пустению? Попутно, впрочем, борзописец разъясняет, что командированные за границу будут по-прежнему держать магистерский экзамен и защищать диссертации в России.

Я, впрочем, думаю, милые бранятся — только тешатся. Вероятно, в скором времени Кассо или же имеющий сменить его облобызается со Зверевым и поручит подготовку молодежи истинно национальным профессорам. Эту чашу будут пить до дна, и она глубока. Пусть же упиваются, пусть упьются, пусть хмель ударяет в голову победителям. Теперь ваше время и власть тьмы. Вы, впрочем, считаете себя светочами. Что же, светите, озаряйте, ослепляйте, мерцайте, тлейте, чадьте, вообще раскрывайте все свои силы, способности, возможности, распоясывайтесь, оголяйтесь, пленяйте. По плодам их познаете их, думаю, скоро появятся и плоды. Но объемлют ли от терния грозды или от репия смоквы?[84]

14 января. Сейчас заходил ко мне Егоров, и между прочим сообщил анекдот о молодых историках. Он предложил написать рецензию для «Русской Мысли»[85] Волгину и Попову (который не был утвержден к оставлению). Оба отклонили предложение на том основании, что они тяготеют к социалистам. Между тем, Волгин осенью поступил в «Русские Ведомости» и теперь, кажется, даже получает фикс[86]. Егоров имел жестокость спросить: А ведь Вы, кажется, работаете в «Русских Ведомостях»? Ответ: Да, но я чувствую там себя не совсем хорошо.

16 января, понедельник. Сейчас звонил ректор. Газеты до сих пор ничего не писали о намерении английской депутации[87] посетить университет, и мне это показалось очень странным. На деле газеты плохо осведомлены. Англичане, конечно, приедут в университет в четверг в 2 ½ часа. Кузьмич, который должен их принимать, очутился в трудном положении. По-английски он ни гугу, я думаю и французский выговор у него семинарский, а молчать нельзя и хворать неловко. Он спрашивал моего совета насчет костюма и языка, говорил, что может быть пришлет свой французский текст приветствия для перевода на английский. Профессора, конечно, приглашены прибыть в четверг к 2 ½ часам в сюртуках.

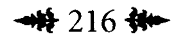
20 января. Вчера были в университете англичане, человек 6—7. Епископы не приехали, явились Ross, Wallace, Drage, Pares, Baker, и еще один или два, кого я не знаю. Провели их в советскую залу, где ректор сказал им несколько общих мест; говорил по-русски, но гостям предложили английский перевод. Потом пошли в богословскую аудиторию, где было очень много студентов. Встретили англичан студенты очень тепло, и сопровождающие англичан все время москвичи говорят, что это первый подлинно теплый прием. Но англичане вылили на студентов немало

холодной воды. Правда Росс говорил без всякой поучительности, но он говорил по-английски, и конечно никто ничего не понял. Зато трое говоривших по-русски поучали, всех больше Drage. Правда, англичане, вероятно, не хотели поучать, а хотели говорить комплименты, но уж очень их расценки расходятся со студенческими. Например, в качестве выдающихся питомцев Московского университета говоривший всего менее далеко от студенческого настроения Pares назвал Аксакова, Бакунина, Каткова, Белинского. И против выбора можно спорить, когда называешь только четырех. Drage указывал, что у русских и англичан одни идеалы, любовь к Богу и Государю, что даже гимны у них одинаковые и т.д., привел несколько подлинных и мнимых русских пословиц, например, «не считай звезд — гляди на ноги». Часть студентов кое-где пошипывала. Но, в общем, сошла благополучно даже речь Дреджа. Всего больше студенты кричали — да здравствует свободная Англия. Какой-то студент прочитал приветствие по-английски, сносно. Конечно, в нем были общие места. Я из приличия сказал несколько слов по-английски, конечно самых общих мест, какие всегда говорятся в таких случаях; я ненавижу подобные выступления и сделал это исключительно из международной вежливости, [1-]и чтобы англичане не подумали, что ни один профессор не умеет говорить по-английски[-1]. Потом англичан повели в библиотеку, неизвестно для чего, потому что они очень торопились, а потом повезли в гинекологический институт и на Высшие женские курсы. На Высших женских курсах к моему приятному изумлению не было решительно никакого подъема, и англичане должны были составить себе благоприятное представление о сдержанности и благовоспитанности русских курсисток. Чаплыгин говорил (два-три слова) по-французски, какой-то англичанин, кажется Chirol, по-французски и Wallace по-русски. Этим все и закончилось. Все время англичане очень торопились.

22 января. Вчера был на англо-русском обеде у С.И. Щукина. Впрочем, это имя надо понимать cum grano salis[**], ибо англичан было пятеро — Wallace, Pares, Ross, Chirel и знаменитый корреспондент Dillon, а русских видимо-невидимо, человек 50, если не больше. Бывший у меня С.И. Щукин предупредил меня, что собрание будет беспартийное, но на деле преобладали «прогрессивные» элементы. У Щукина большой капитал, чудесный дом со знаменитой галереей и большой художественный вкус. Было не только богато, но и красиво. Было хорошее концертное отделение. Было много интересных речей за обедом, но была и фальшь: речи некоторых русских ораторов с англо-русского тона сбивались на русский и даже партийно-русский. И потом было слишком мало английских ре-

[**] cum grano salis (лат.) — с крупинкой соли, т.е. осмотрительно.

чей с русской стороны. Молодой Щукин сказал короткое приветствие, и потом Ф.Е. Корш спас положение, сказал очень удачную и очень остроумную речь на тему о том, что Петербург только окно в Европу, и что через это окно дует западный ветер (window от wind)*, от близких и низких берегов часто вредный, несущий если не малярию (которая была изучена Россом), то febris reactionaria**, а от далекого западного побережья здоровый и бодрый. Если бы не Корш, то мне пришлось бы спасать положение и, при отсутствии у меня всяких ораторских способностей, говорить по-английски очень скучные вещи. По-русски говорил Wallace, хорошо, дипломатично и остроумно. Очень плохо, по-моему, говорили Снегирев и Анучин; речь последнего прямо сбивалась на статью из сухого учебника литературы о влиянии английской литературы на русскую. Князь Павел Д[митриевич] Долгоруков прочитал с листка французскую речь о заслугах кадетов в деле англо-русского сближения. Ф.Ф. Кокошкин, безмерно идеализируя английскую историю, говорил по-французски о причинах, побуждающих прогрессивную часть русского общества искать англо-русского сближения; он говорил красноречиво и горячо, но вряд ли это было интересно для англичан и вряд ли историк поставил бы оратору высокую отметку за его сведения по английской истории. Дипломатичный Chirol сейчас же поправил оратора и указал, что русская музыка, притом старая церковная музыка, русская живопись, притом старая иконопись, свидетельствует о большой, сильной индивидуальности русского национального гения, который конечно сумеет выработать себе самобытные и хорошие учреждения без чужой указки и помощи. Даже Мануилов говорил главным образом о русском горе, говорил очень сильно, горячо и хорошо о некоторых больных местах русской университетской жизни, но думается мне, говорил о вещах, глубоко затрагивающих русского слушателя, но мало интересных для англичанина.

А сегодня русские историки затеяли завтрак в «Праге» с Pares. Еще пригласили меня и Фортунатова. Из русских историков был Богословский, С.Б. Веселовский, Бахрушин, Богоявленский, Яковлев, Любавский. Готье отговорился болезнью, а Кизеветтер странным образом не приехал, отчасти впрочем, его задержала панихида по [Тахтам?]. Говорили речи Любавский, Pares, я, Богословский, Яковлев, Бахрушин. Pares стоял на чисто практической почве и просил практического содействия журналу «Russian Review»[88], слишком много говорил о своей школе и о преимуществах Ливерпульского университета[89] над Oxford и Cambridge, и уж слишком старался подготовить почву для поездки русских ученых в

* window от wind — буквально: по-английски слово «окно» происходит от слова «ветер».

** febris reactionaria (лат.) — игра слов (букв.) реакционная лихорадка.

Англию под эгидою ливерпульской русской школы. Сколько здесь искреннего увлечения и сколько рекламистости, я не знаю. Все же было нескучно, и я получил представление об этом человеке, не Бог весть какого полета. Pares привез с собой и одного ученика ливерпульской школы, теперь изучающего в России земские учреждения.

28 января. В газетах известие о том, что в профессора химии — значит, на место Зелинского — переводится к нам саратовский профессор Челинцев, магистр только, но по нынешним временам сие неважно. Что он за человек, я не знаю.

Сейчас был у меня с визитом А. Ясинский, директор Шелапутинского института, впечатление от него среднее, от его визитной карточки неприятное. Он сообщил мне, что уже подал прошение о зачислении к нам в приват-доценты и что в будущем году думает читать историю славян.

29 января. Сегодня отдавал визит Ясинскому и не застал его дома, столкнулся у подъевда с Любавским, который оказался у Ясинского по такому же случаю. Любавский оттуда направился к Герье. Я, между прочим спросил, каким образом Герье находит для себя возможным участвовать в совещании «правых профессоров». Любавский ответил, будто бы Герье и не участвовал в совещании и что его прикосновенность к совещанию состоит лишь в получении приглашения на совещание. Любавский сам заговорил о том, что на совещании не было ни одного крупного человека и ни одного столичного профессора, несмотря на зазывания Адамовича. Адамович обратился к Цветаеву с просьбой организовать московскую правую депутацию. Цветаев передал это приглашение Любавскому, а Любавский благоразумно уклонился от поездки на совещание и посоветовал Цветаеву тоже не ездить.

2 февраля, четверг масленицы. В последние дни из разных мест известия о приключениях с назначенными профессорами. Все ли только известия достоверны? В Москве в офтальмологическом обществе выбранный в председатели Маклаков выразил — в присутствии Головина — сожаление по поводу того, что Головин попал в московские профессора по назначению. В Харькове презренный Гиммель боится читать студентам лекции и ограничивается осмотром больных. В Юрьеве будто бы тоже произошло какое-то недоразумение с одним из назначенных. В Петербурге студенты сорвали вступительную лекцию Мигулина и на другой день устроили нечто вроде сходки, на которой, по словам «России», протестовали против назначения профессоров и против персидской авантюры. Мигулин будто бы не решился читать лекции в ближайший лекционный день и ждет после-масленичного

успокоения. В газетах есть, может быть фантастичные, беседы его со студентами, где он указывает на свои научные заслуги, подчеркивает свою дружбу с Озеровым и дружбу Озерова с Кассо (чтобы подложить свинью Озерову).

Я не думаю, чтобы из этих разрозненных столкновений выросли серьезные университетские беспорядки.

Пятница, 3 февраля. Сегодня в «Русском Слове» прочитал, будто бы харьковское начальство прислало Гиммелю личную охрану, так что он даже венерических дам принимает в обществе сыщика. Se non e vero**... Предвидел ли молдаванин подобные осложнения, когда подписывал подобные позорные назначения? Каким презрением к России надо обладать, чтобы вести такую политику!

7 февраля. В СПБ Мигулин не ходит на лекции, а Удинцев читал свою первую лекцию под охраной полиции и только академистам. Было и подобие сходки. Но, думается мне, это поверхностные и мимолетные вспышки.

Сегодня было бесцветное заседание факультета. После заседания Щепкин заговорил со мною об ординатуре. Дело в том, что Любавский сообщил ему о движении дела. Попечитель будто бы сказал, что представление о передвижке в ординарные Щепкина и меня рассматривалось в министерстве, и что удовлетворение представления было найдено несвоевременным, ибо министерство имеет в виду назначить на свободные ординатуры историка церкви и всеобщего историка, которого найдет само министерство (или же представит факультет?). Я хорошо понимаю, почему министерство против моего назначения: надо наказать фрондера, который не исполнил министерского желания. Глупые, они не понимают, что своей «карой» они оказывают мне услугу, и избавляют меня от очень неприятного положения. Да притом в существе они даже и не покарали меня. Ведь если бы я указал факультету на кандидата — историка, то его назначили бы на ординатуру, и для меня не осталось бы ординатуры; значит, я совершил бы некрасивый поступок и не получил бы за это никакой награды. Может быть наверху, т.е. у попечителя и министра, это понимают и потому решили за неприятный ответ наказать Щепкина (который притом же строптиво ведет себя в совете, обладает двумя неблагонадежными братьями и, следовательно, сам по себе заслуживает кары). Меня можно наказать тем, что назначат в ординарные кого-нибудь из моих младших сослуживцев (т.е. Розанова или Богословского). Если же

** Se non è vero, è ben trovato (итал.) — если это и неправда, то хорошо придумано (изречение Джордано Бруно в «Gli eroici furori»).

освободится еще ординатура и на нее переведут кого-нибудь из другого университета, то этим накажут не только меня, но и Розанова с Богословским, которых не за что наказывать. Начальственное раздражение против меня должно подчеркиваться тем, что они теперь в неприятном положении: им, кажется, некого назначить в Москву, если они хотят назначить медиевиста. Кажется, Васильев не хочет ехать в Москву без согласия факультета, Бубнову же на согласие факультета наплевать, но он вообще не хочет уезжать из Киева. Ясинского же нельзя назначить без нарушения какой-то статьи. Конечно, можно перевести не-медиевиста. Но, по-видимому, на это не хватает смелости.

Да, на заседании факультета одна трогательная подробность: Герье в качестве члена факультета, сделал книжный заказ.

Среда 8 февраля. Сейчас мне принесли университетскую повестку с извещением о том, что в мае в высочайшем присутствии состоится торжественное открытие Музея изящных искусств и что профессора, желающие присутствовать на торжестве, должны заявить о таковом своем желании на повестке и должны явиться в мундире и орденах. Последнее условие решило для меня вопрос: у меня никакого мундира нет и шить я его себе не буду, пока мне не прикажет начальство. Но, может быть, даже из этих подписей на повестке устроят пробу благонадежности: не пожелавшие сшить себе мундира и бросить сотню рублей на алтарь патриотизма и на поддержание отечественной промышленности — неблагонадежны. Заявивших о невозможности быть, очень немного. Значит, да цветут московские портные!

Понедельник, 13 февраля. Если верить «Русскому Слову» (по-видимому, верить можно, ибо Денисов из «России» негодует на то, что студенты позволяют Удинцову читать только под охраной полиции), то в Петербургском университете после последней лекции Удинцову (читает он в физическом институте), в потянувшуюся из института процессию — Удинцов, экзекутор, 15 студентов-союзников, неопределенное число охраняющих входы городовых — студенты из раскрытого окна главного здания бросали бранные слова, комки бумаги, снег, чернильницы и пытались бросить ... диван, да, диван. Но диван зацепился за раму и повис на ней. Участвовавшие в этой «демонстрации» студенты поспешили скрыться до прихода администрации и полиции.

Среда, 15 февраля. Странным образом Кассо разрешил юристам заместить уголовную кафедру путем рекомендации. Кандидат юристов — Фельдштейн, происхождения иудейского, вероисповедания я не знаю какого. Кажется, скоро будет советское заседание, где его будут выби-

рать. Что это за человек, я не знаю. Может быть, разрешено выбрать только для того, чтобы не утвердить. А может быть, Фельдштейн менее неприятен, чем другие возможные кандидаты.

Пятница, 17 февраля. Сегодня был в университете по делу. Слышал от декана, будто в министерстве отнеслись неблагосклонно к факультетской просьбе сохранить отделения философии, искусств и т.д. По этому поводу Лопатин, Челпанов, Богословский говорили смиренномудрые, [1-]но совершенно неосновательные[-1] вещи о том, как неосторожно было просить за 4 отделения, как опасно раздражать начальство, которое может быть уважило бы факультет, если бы последний просил только о философском отделении. Между прочим зашла речь о самодурных переводах, вроде приключений, бывших с Пергаментом, Алферовым[90]. Богословский сообщил, что Делянов хотел перевести Ключевского в Казань, и что отстоял Ключевского Боголепов. И вдруг Челпанов, осуждая начальство, говорит: «Какая непоследовательность, например, в деле Алферова! Сначала опозорили человека, а потом опять разрешили поступить на службу». Тут даже субинспекторская душа Ильи Вас[ильевича] Сафинского не выдержала и спросила: «Да чем же собственно опозорили Алферова?» И греческий человек пробормотал: «А как же? Признали недостойным служить в Москве». И это философ.

Лопатин говорил, как он был удивлен тем, что Пуришкевич в своей думской речи припутал его, Лопатина, к мнимой цитате из воспоминаний Боголепова[91]. Пуришкевич хотел сразить Милюкова и ссылался на московские университетские события конца 1894[92]. Пуришкевич приписывает Боголепову утверждение, будто бы Милюков был посредником между Герье и союзным советом, и будто бы на частном совещании профессоров Лопатин на ухо сказал профессору Ч. (Лопатин думает, что имеется в виду Че[ри]нов), что Милюков присутствует на совещании в качестве шпиона. Лопатин сказал, что уговорил его пойти на это совещание как раз Милюков, и что уже по одному этому он не мог резко осуждать Милюкова за присутствие на совещании. Богословский, который очень не любит Милюкова, удивлялся тому, как Милюков ухитряется бывать там, где ему быть не надлежит: в Выборге он вместе с депутатами Первой думы, в 1894 он, приват-доцент, вместе с профессорами, и притом единственный не депутат, единственный не профессор. Эта преувеличенная острая неприязнь к политической деятельности Милюкова очень характерная для Богословского.

В газетах известие о том, что Кассо принял нескольких, кажется восьмерых, молодцов — юристов, командируемых в заграничные семинарии. В числе их несколько московских лицеистов, но есть и несколько человек, намеченных какими-то университскими факультетами, не знаю какими.

Суббота 18 февраля. Сегодня в газетах известие, будто Кассо разослал циркуляр, воспрещающий (будто бы на основании университетского устава — на деле устав здесь неясен и скорее говорит против Кассо) приват-доцентам читать обязательные курсы параллельно с профессорами. Дело в том, что в Петербурге после выгона Пергамента его курс еще с осени был поделен между тремя приват-доцентами. Удинцова перевели зимой, и на его долю не осталось обязательных слушателей; этот герой живет это полугодие не только без аудитории, но и без гонорара. Кассо боится, как бы в будущем году петербургские профессора-юристы не разрешили тем же доцентам читать параллельный с удинцевским курс; оттого и запрет. Теперь совершенно ясно, что сходное постановление большинства московских профессоров-юристов и, следовательно, московского юридического факультета, было сделано по прямому приказу Кассо, которому впрочем большинство факультета горячо сочувствовало.

Среда 22 февраля. Сегодня в газетах напечатан циркуляр Кассо, «разъясняющий» право приват-доцентов читать курсы, параллельные профессорским. Гензель говорит мне, что этот циркуляр списан с доклада, представленного в юридический факультет комиссией из Гидулянова, Тарасова и Познышева. Эти «софисты» сослужили плохую службу своему хозяину, ибо циркуляр опирается на очень шаткую почву.

Среди командированных за границу младенцев имеется несколько голов из Москвы, отобранных Гуляевым и Елистратовым.

Вторник 28 февраля. Пришла бумага из министерства в ответ на факультетское ходатайство о сохранении четырех отделений и о неприменении новых министерских правил (о зачете полугодий и о государственных экзаменах) к студентам, поступившим до осени 1911 года. Министерство сделало немаловажные уступки. Студентам, получившим выпускные свидетельства до издания новых правил, разрешено держать по старым правилам. Для 1912 и 1913 года разрешено устроить в государственной комиссии отделения философии, сравнительного языковедения, истории искусств. Расширены права факультета относительно замены предметов, входящих в полукурсовое испытание. Отказано в разрешении сохранить на будущее время секцию славяноведения. Относительно секций по философии, истории искусств, сравнительному языковедению министр откладывает окончательную резолюцию и предлагает представить дополнительная сведения; по словам ректора, только что вернувшегося из Петербурга, есть надежда, что в Москве эти секции будут сохранены, особенно секция философии и истории искусств.

Пятница 2 марта. Умер П.Н. Лебедев. Вот действительно большая потеря. Среди ушедших в отставку профессоров это был самый значительный по своему ученому положению.

Министр не дал университету ссуды в 25.000 на уплату типографских долгов и сделал предложение о ликвидации типографии в годичный срок. Этим он, по-видимому, превысил свои полномочия. Любопытно, подымается ли вопрос об этом в завтрашнем заседании совета. В «Русских Ведомостях» напечатана заметка о том, что предложение министра о ликвидации будет сообщено совету только для сведения. Что это значит? Хочет ли Кузьмич зажать рот совету и не допустить разговоров о законности министерского предложения? Удастся ли это ему? Правда, с практической стороны, борьба с министром из-за типографии безнадежна; если ссуды не будет, типографию придется закрыть даже без министерского предложения.

Я спросил Котляревского о том, кого они командировали от юридического факультета в Кассовы заграничные семинарии. Оказывается, факультет даже не обсуждал этой командировки; услужающие институту профессора от себя, домашним образом, послали своих молодцов. Особенно отличается Елистратов. Он, по словам чрезвычайно терпимого и снисходительного Котляревского, быстро теряет последние остатки стыда и совести. Он будто бы решил оставлять по своей кафедре только таких молодых людей, которые согласятся поехать в заграничный семинарий.

А в Петербургском университете Кассо отменил постановление юридического факультета о признании не состоявшимися курсов Мигулина и Ходского, не утвердил трех приват-доцентских курсов в качестве курсов, параллельных к удиницовскому, велел перестроить университет так, чтобы студенты разных факультетов были разобщены. Теперь петербуржцы пьют ту горькую чашу, которую мы пили год тому назад.

Суббота 8 марта. Сегодня в газетах известие о том, что юридический факультет Петербургского университета по вопросу о неутверждении параллельных приват-доцентских курсов постановил по ст. 191 (СВЗ 1 ч.2) обратиться к министру и, в случае подтверждения министерского предписания, к сенату; по вопросу же о курсах Мигулина и Ходского подтвердил свое прежнее постановление о признании этих курсов не состоявшимися. Думаю, что покорный правительству правительствующий сенат признает толкование Кассо правильным, хотя не завидую сенату: уж очень зазорно сенаторам расправляться с законом по-бессарабски.

Из похорон Лебедева шанявцы, кажется, устраивают шанявскую, антиуниверситетскую демонстрацию; они забрали погребение всецело в свои руки. Кузьмич вероятно несказанно рад этому, потому что это из-

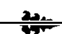
бавляет его от всяких «историй». Хоронить будут в домовой церкви шанявцев в воскресенье, и в воскресенье же в университетской церкви будет обедня и панихида; молодежь вся конечно уйдет в «домовую церковь» и в университетской будет безлюдно и спокойно; с другой стороны, правящее профессорское большинство может и почтить память покойного и не ходить в «домовую церковь». Как дипломатично, и как больно, что похороны большого ученого и достойного человека ввергаются в мутный поток партийной борьбы. Но так было, так есть, так будет.

6 часов вечера. Было заседание совета. Я попал на него с лекции. Говорил физик Соколов о желательности выхлопотать пенсию для вдовы Лебедева, и после Андреев об издании сочинений Лебедева на университетский счет. Ректор указал на формальные затруднения в виду того, что Лебедев еще за год до смерти вышел из состава профессоров. Все-таки единогласно решили ходатайствовать. Среди текущих бумаг прочли очень дерзкое предложение министра о ликвидации типографии в годичный срок ввиду полнейшей неспособности совета и правления управлять типографией. По поводу этой бумаги никто не сказал ни слова, проглотили.

Прочли представление юридического факультета о Фельдштейне и выбрали его 34 голосами против 10. Я удивился, что мало неизбирательных.

Я шел из университета домой с Познышевым и говорил с ним о «параллельных курсах». Он горячо, но неубедительно защищал правильность запрещения и жаловался на партийность прежнего состава профессоров-юристов. Он не только черен, но и неумен, и все-таки он не возбуждает той брезгливости, которую даже я, человек очень снисходительный, чувствую к Елистратову. Познышев конечно уверен, что сенат признает толкование Кассо единственно возможным.

В истории с Удинцовым и тремя доцентами есть одно поразительное обстоятельство. Ведь Удинцов назначен в Петербург только во втором полугодии 1911—1912 учебного года. Пергамент удален из Петербурга летом 1911 года, и все осеннее полугодие кафедра гражданского права оставалась вакантной. Факультет по закону был обязан организовать преподавание по этой кафедре, ибо студенты не могут же оставаться без общего курса гражданского права, это грозит потерей года. Факультет в начале осеннего полугодия разбил общий курс на три части и поручил чтение трем доцентам-цивилистам. Тогда Удинцов преспокойно был киевским профессором, и никто в факультете не подозревал того, что в январе он очутится в Петербурге; все осеннее полугодие три доцента решительно ни с кем не соперничали, не были параллельными. Доценты спокойно прочитали все осеннее полугодие, студенты внесли им гонорар. Неужели Кассо утвердил постановление факультета о поручении курса, а потом отменил свое собственное утверждение? Едва ли, [2-]хотя наверное я этого

не знаю[-2]. Бумажки ходят у нас очень медленно [1-]и более вероятно, что Кассо ответа не прислал[-1]. Думаю, что поручение было дано доцентам на год, а не на полугодие; наверное я этого не знаю, но полугодовые курсы совершенно необычны на юридическом факультете. В январе Удинцов вваливается в Петербург и начинает читать общий курс гражданского права. Если курсы трех доцентов были годовые, то для Удинцова не могло найтись никаких слушателей: все студенты, которым нужно было записаться на общий курс гражданского права, осенью уже записались у трех доцентов. Значит ни со стороны факультета, ни со стороны доцентов, ни со стороны студентов здесь не было никаких козней. Просто Кассо сделал глупость: ему надо было дождаться конца учебного года, перевести Удинцова в мае или июне, а не в январе, затем в июне не утвердить параллельных доцентских курсов (если бы факультет объявил их на 1912—1913 год, в чем я сомневаюсь), и все студенты со всем своим гонораром попали бы в цепкие руки Удинцова. Кассо переводит Удинцова в январе; значит, Удинцов не дочитал курса в Киеве, а в Петербурге в одно полугодие вряд ли он может прочитать огромный общий курс гражданского права даже при 12 часах в короткое весеннее полугодие. Оказывается, что для Удинцова студентов не осталось. Что же делает Кассо? Он не утверждает трех доцентских курсов и хочет заставить всех студентов записаться на полугодовой курс Удинцова. Значит, Удинцов будет читать годовой курс в течение одного полугодия. Значит, студенты попусту заплатили гонорар трем доцентам в осеннее полугодие. Значит, доценты должны прервать курс, три четверти которого они спокойно прочитали. А может быть, чтобы не обидеть студентов, Кассо велит доцентам вернуть «незаконно» полученный ими гонорар? Как все это бесцеремонно, грубо, глупо! Потомки будут удивляться нашему долготерпению. У нас оправдание одно: раньше бывало еще хуже. Наши университетские предки были еще терпеливее. Правда, у них не было еще ни «конституции», ни «автономии».

Вторник 6 марта. Заседание факультета. По моей инициативе обсуждали вопрос о лучшей постановке семинариев. Я встретил довольно решительное противодействие своим «смелым» предложениям. Но все-таки решили приспособить несколько аудиторий под семинарии, поставить в них столы, стулья, шкафы и некоторые книги. Мое предложение об ассистентах показалось чудовищным, утопическим; но Кузьмич согласился, что штатные доценты нам нужны. А чем в существе дела они отличаются от ассистентов? Решили возбудить ходатайство об учреждении штатных доцентов. Кузьмич уверял, что в Петербурге государственный совет хочет сам, в пику Кассо, выдвинуть вопрос об университетских штатах, и в том числе о штатных доцентах. Я сомневаюсь в том, чтобы из этого что-нибудь вышло.

Странный инцидент. Грушка заявляет, что совершил оплошность. Лясковский был представлен к оставлению с казенным содержанием, а он, Грушка, представил его по рассеянности к оставлению без содержания. Он примет возможные меры к тому, чтобы устроить Лясковского, в крайнем случае постарается доставить Лясковскому факультетскую стипендию, а разницу между факультетскою и министерскою стипендией примет на свою ответственность. Что это значит? Неужели он уплатит Лясковскому 600—700 рублей разницы? Не думаю.

Я спрашиваю Виппера, не желает ли он выдвинуть вопрос о приглашении Тураева (Тураев приглашен заведовать Голенищевским собранием египетских древностей и будет приезжать в Москву раз в две недели) для чтения лекций или ведения практических занятий по истории востока. Виппер выказал полное и малопонятное мне равнодушие к этому вопросу, так что я больше говорить с ним о Тураеве не буду.

Я спросил Кузьмича, не слышал ли он чего в Петербурге о замещении вакантных кафедр. Первым движением его трусливой души было сказать: нет. Но потом он спохватился и сказал, что Кассо спросил его о вакантных кафедрах и о том, почему они не замещаются. Кузьмич будто бы ответил: подходящих людей никак не найдем.

Ох, вряд ли он так ответил.

Кассо будто бы ответил: Когда найдете, напишите мне, и я их назначу. В связи с этим Кузьмич говорил мне о желательности заместить поскорее кафедру по истории церкви и указывал на Васильева. Я ответил, что ничего не имею против приглашения Васильева на кафедру истории церкви. Боюсь только, не вышло бы и здесь подвоха, не назначили бы Васильева на кафедру всеобщей истории.

Еще курьез. Декан сообщает, что не мог исполнить факультетского поручения послать телеграмму ректору об экзамене Виппера-сына. Он, Грушка, спрашивал жену ректора о том, где остановился в Петербурге ее муж, но та, видите ли, не знала мужнего адреса.

Кассо ответил петербургским профессорам-юристам, что он подтверждает свой циркуляр о параллельных курсах. Любопытно, что теперь скажет сенат.

Пятница 9 марта. Грушку Кассо назначил председателем испытательной комиссии в Петербурге, не смущаясь ни его молодостью, ни его незначительностью. Это a la Гидулянов. Был бы только «услужающий», а все остальное приложится. Так Столыпин назначал губернаторов.

Человек, по слухам, весьма сомнительных нравственных качеств и небольшой учености, Статкевич, назначен профессором физиологии. Очевидно, Кассо не надеется даже на теперешний состав медицинского

факультета и потому назначает. Юристы надежны, им разрешили поиграть в выборы.

Суббота 10 марта. Кузьмич сообщил мне сегодня, что Богословский назначен председателем испытательной комиссии в Казань. Ай да Кассо, он знать не хочет университетских и даже бюрократических традиций. Богословский только экстраординарный и притом свежеиспеченный профессор. И вдруг к нему под начало поступают заслуженные и седоволосые. И он спокойно принимает это назначение. Он маленький. Виппер на приглашение в члены комиссии ответил: затрудняюсь ответом. Назначенный к нам в председатели А.В. Никитский поручил все приглашения Кузьмичу. Кузьмич истолковал ответ Виппера в смысле отказа и пригласил меня. Я согласился в случае, если Виппер откажется. Надо же кому-нибудь экзаменовать студентов.

Вербное воскресенье, 18 марта. Я был очень занят на чистой неделе и не мог писать. Заполню теперь пробелы. В нашем факультетском муравейнике произошли маленькие, но характерные события. Грушка привез от министра наказ заместить поскорее кафедру истории церкви и совет заместить ее юрьевским Васильевым. Во вторник было заседание факультета, на котором Грушка доложил о наказе министра. Решили поручить комиссии историков, с Виппером во главе, к следующему заседанию (оно состоится в пятницу) представить доклад. Виппер, конечно, никакого совещания не собрал, а в пятницу прислал письмо Кузьмичу с извещением, что на заседании не будет, а кафедру предлагает заместить путем конкурса. Пришлось совещаться комиссии без него втроем (Любавский, Богословский, я). Мы, конечно, предпочли рекомендацию, и странным образом мои желания совпали с Кассовыми: я тоже считаю Васильева весьма подходящим кандидатом; о Любавском и Богословском говорить нечего, для них всякое желание министра есть закон. Мы решили (и, конечно, факультет согласился с мнением комиссии) просить Кассо о разрешении заместить кафедру путем рекомендации, запросить Васильева о согласии выставить свою кандидатуру и известить Кассо, что факультетским кандидатом является Васильев. Но по слухам Васильев уже пристроился в Петербургском педагогическом институте Платонова и вряд ли пойдет в Москву. На всякий случай мы наметили и второго кандидата, профессора Московской духовной академии и нашего приват-доцента Смирнова, человека очень ученого и, кажется мне, безобидного.

Во вторник 13 марта Лопатин и Челпанов внесли нелепый проект организации философского отделения. Сочинен проект конечно Челпановым, Лопатин, впрочем, тоже защищал эту стряпню. Проект соединяет

прежнюю программу философского отделения с учительским экзаменом на звание учителя истории, либо русского языка. Челпанов оправдывал эту связь тем, что надо указать министру на какую-нибудь практическую пользу от философского отделения, чтобы спасти особность философского отделения. Но почему тогда заставлять всех философов держать учительский экзамен и непременно один из этих двух экзаменов. Главное же возражение то, что учительские экзамены составляют несомненное зло в жизни факультета и в жизни средней школы и умножать, разводить это зло по факультетской инициативе не приходится. Начальство заставляет нас производить эти обременительные и вредные для средней школы учительские экзамены, дающие плохо подготовленных учителей и отымающие у профессоров много времени; но весьма странно и весьма непохвально со стороны профессоров-философов расширять эти печальные экзамены на двух других отделениях. Но Челпанов заранее стакнулся с Любавским и Грушкой и был вполне уверен в легком проведении своей странной затеи через факультет. Он наткнулся на неожиданное противодействие. Поржезинский, Сперанский, Щепкин указали на вопиющие недостатки плана, на то, что факультету хотят навязать подготовку плохих учителей, которые даже не пройдут ни через один семинарий по тому предмету, который они собираются преподавать в средней школе. Нам вынуждены сделать уступку: вводят для философов два обязательных семинария по истории либо литературе и языку. Но и после этого улучшения проект все же очень плох. Резкий Щепкин зовет его элаборатом** (Щепкин произносит это слово тоном глубокого презрения) профессора Чел—панова. Челпанов кипятится и замечает, что на заседании неуместно говорить на жаргоне. Щепкин немедленно выражает изумление по поводу того, что Челпанов считает латинское слово «элаборат» жаргоном; впрочем по жаргонной части ему, Челпанову, и книги в руки, но пусть только профессор с нерусской фамилией и нерусским акцентом не исправляет его, щепкинский, московский стиль.

Дальнейшее обсуждение в несколько повышенном тоне. Несмотря на крайнюю спорность проекта, Челпанов предлагает закончить обсуждение в этом же заседании. Даже трусливый и маленький Розанов соглашается с Поржезинским, мною, Сперанским, что желательно обсудить вопрос тщательнее. Все-таки Грушка ставит на голоса вопрос о сроке обсуждения. Всего в заседании 14 человек. Семь человек против голосования в том же заседании, и, тем не менее, Грушка бестактно, грубо позволил себе высказаться за голосование в том же заседании. Это конечно сердит меня и других противников проекта. Без какого бы то ни было предварительного уговора мы пытаемся показать всю спорность,

** элаборат (лат. elaborare — разработать) — шаблонно написанное сочинение.

даже нелепость предложения и, между прочим, вносим ряд поправок. Заседание затягивается. Я должен признаться, что отчасти (но только отчасти, и притом в очень небольшой части) я умышленно затягиваю обсуждение, чтобы хоть немного отомстить за грубое насилие над половиной факультета. Тогда заправилы факультета прибегают к новому насилию, объявляют, что надо отличать поправки от дополнений, и объявляют ряд наших поправок дополнениями, а не поправками. Несмотря на наши протесты декан Грушка ставит на голоса вопрос о том, суть ли предлагаемые нами изменения поправки или изменения, и факультет признает их дополнениями; они снимаются с очереди. Розанов и Богословский участники этого насилия. Я вообще сильно в них разочаровался и раньше по отношению к ним был повинен в прекраснодушии; морально (а Розанов и интеллектуально) это люди небольшого калибра, из породы услужающих. Я заявляю, что с некоторыми товарищами представлю особое мнение по поводу постановления факультета. Заседание растянулось до половины девятого, и Лопатин очень жаловался на «обструкцию». При мне еще ни разу не было на факультете особых мнений, и мое заявление производит маленькую сенсацию.

Следующее заседание факультета в пятницу 16 марта. Я приготовил особое мнение и с ним перед заседанием поехал к Поржезинскому. Там были еще Сперанский и Покровский. Щепкина отговорил от подписания Кузьмич, который застращал его дальнейшей оттяжкой ординатуры в случае подписания; если же Щепкин не подпишется, то ординатура будет ему к лету. Щепкин обременен семьей, нисколько не осуждаю его за робкое уклонение от подписи. Правда, можно бы и подписать мнение по вопросу чисто учебного характера. Но в России холопство доходит до того, что умные люди, подобные Кузьмичу и Богословскому, даже на организацию преподавания смотрят с точки зрения личной карьеры и услужения начальству; они уверены, что Кассо за нелепый проект Челпанова, и потому голосуют за проект. Но уж раз боишься высказать свое искреннее мнение по чисто учебному вопросу, то надо отойти в сторону. Щепкин поступает не так. Он приходит на пятничное заседание и заявляет, что подаст особое устное мнение, которое состоит в том, что Челпанов поступил недостойным профессора образом и сверх того хочет обмануть министра. Происходит скандал. Челпанов и Лопатин, с видом негодующей невинности, возмущенные уходят из заседания, правда на очень короткое время. Розанов, Любавский, Богословский, Грушка читают нотации Щепкину. Возвращается Челпанов и заявляет, что Щепкин, очевидно, хочет прочесть в его, челпановском, сердце и сделать донос министру. Щепкин что-то кричит ему в ответ. Грушка не делает никаких замечаний Челпанову. Челпанов опять уходит с видом оскорбленной невинности. Щепкин что-то кричит ему в

догонку. Какие нравы! Еще немного, и мы дойдем до Государственной думы.

Тогда переходят к разбору скучных и бесконечных студенческих прошений. Между прочим я и Розанов настояли на переносе заседания из нашей душной факультетской комнаты в прекрасную залу совета, где заседают другие факультеты. Мы и раньше вносили это предложение, но рутина превозмогла. Теперь, может быть, под влиянием последних тяжелых сцен, факультет немедленно снимается с места и перекочевывает в залу совета, где дышится гораздо легче. Это целая революция, авось прочная.

Маленькая черта для характеристики Богословского. В пятницу я шутя говорю ему: «Ведь вы во вторник, выражаясь репортерским языком, принимали участие в гнусном насилии». Он отвечает: «Нет, вот где гнусное, в речи Милюкова об полном исчезновении науки из Московского Университета и переход оной науки в шанявку».

Я не могу не согласиться с тем, что Милюков здесь «налгал», но обращаю внимание на то, что ложь Милюкова сама невинность в сравнении с клеветами по адресу университета из уст правых и даже некоторых октябристов. И вдруг Богословский говорит мне, что он не знаком с ложью правых и октябристов, и опять указывает, что Миллюков «гнусно» лжет и что у него, Богословского на лекциях и семинариях много усердно занимающегося наукой народа. Ужасно печально видеть такую моральную однобокость в таком несомненно умном и способном человеке, как Богословский. Розанову по его духовной, умственной бедности все простительно. А Богословскому стыдно.

Вторник 20 марта. В газетах известие о том, что Общество истории и древностей российских[93] выбрало Кассо в свои почетные члены и что после этого Кизеветтер прислал письменный отказ участвовать в работах общества. Кажется, Кассо способствовал увеличению правительственной ассигновки обществу. Едва ли нужно было придавать большое значение избранию молдаванина.

Понедельник 26 марта. Сегодня был у П.Г. Виноградова, который приехал сюда по очень трогательному поводу — показать своих детей своей очень старой матери. Он настроен очень мрачно по отношению к России и, по моему мнению, преувеличенно пессимистичен. Даже в оценках английской жизни он, по моему мнению, грешит преувеличением силы рабочего движения. В этот раз я оказался правее его. К английской депутации он относится с пренебрежением, считает ее искусственно подобранною, смеется над епископами. России пророчит не особенно далекую революцию. Вообще в его речи заметен тон раздра-

женного эмигранта. Своими занятиями в Оксфорде он доволен, доволен своей усадьбой, мечтает о зимней поездке в Египет и даже Индию. Между прочим говорил мне об интересных для меня работах Tawney, Lennard, Ashby.

Суббота 31 марта. Был у Д.Н. Егорова, куда был позван пить чай П.Г. Виноградов. Между прочим я навел его на интересный разговор о Ключевском. Несколько лет в восьмидесятых годах, Виноградов часто бывал у Ключевского, но прямо признает, что личной близости не было вследствие несходства душевных укладов. Виноградов подтверждает мое представление о Ключевском. И, по мнению Виноградова, Ключевский не только удивительно талантливый, но и удивительно сложный и негармоничный человек. Разные слои, бытовые и культурные, сталкивались в нем, не примиренные. Виноградов жалуется на его подозрительность, извилистость, unreliability[**]; кажется, вот-вот договорился с ним, пришел к определенному решению, глядь в решительную минуту он увильнет и окажется где-нибудь очень далеко от условленного места. Когда Ключевский был деканом, а Виноградов секретарем факультета, то у Виноградова было столкновение с Ключевским на почве факультетских дел[*1]. Еще труднее, по словам Виноградова, было поддерживать по крайней мере в восьмидесятых годах, домашние близкие отношения в виду того, что Виноградов прямо зовет старомосковской неопрятностью быта, ельпидифоро-барсовским[94] элементом. Виноградов отмечает еще, что порою Ключевский, при всей своей проницательности и осторожности, обнаруживал сильную близорукость. Так, например, Ключевскому импонировал Александр III и он не предчувствовал близости краха; его знаменитая лекция в ноябре 1894[95] была искренней данью этому увлечению. А позже Ключевский уж слишком резко осуждал императорский период.

Что касается Милюкова, то по мнению Виноградова, у Милюкова не могло быть настоящей близости к Ключевскому ввиду резкого различия душ; но одно время Милюков часто бывал у Ключевского и много беседовал с ним.

После ухода Виноградова зашел к Егорову Котляревский. Между прочим сообщил, что Елистратов издал курс русского государственного права, где проявил и научную мелкоту и весьма противное подхалимство.

[**] unreliability (англ.) — ненадежность.

[*1] Вследствие этой неустойчивости и ненадежности Ключевский, по словам Виноградова, несмотря на всеми признанные огромные размеры свои, никогда не пользовался большим влиянием ни в факультете, ни в совете. — *сноска А.Н. Савина в конце страницы.*

Виноградов верно отмечает так же, что у Ключевского, при всей его исключительной талантливости, было мало непосредственности во всех его публичных выступлениях. Это не был свободно бьющий фонтан. Тщательно обдумывалось каждое слово, каждая интонация. Оттого каждая речь или публичная лекция была не свободною игрою, а тяжелым подвигом. Борис Ключевский говорил мне, что в последние годы даже обычные университетские лекции тяготили и волновали отца предварительной подготовкой.

3 апреля, вторник, заседание факультета. Пришел в три часа, а заседание назначено не в три, а в два. Народу порядочно, но декан не открывает заседания. Половина четвертого, а декан все не открывает заседания. Поржезинский, Сперанский, Щепкин начинают волноваться. И в самом деле, невозможно заставлять занятых людей ждать так долго. Дело в том, что декан не решается открывать заседания без своей гувернантки, без ректора, а ректор сильно запоздал. Щепкин резко спрашивает, когда же начнут заседание. Грушка столь же резко просит его не делать замечаний декану. Щепкин кричит на него, что пока еще он не председатель, ибо он не открывал заседания, и, я не помню уж по какому поводу, очень громко заявляет, что от него, декана, члены факультета видали и увидят еще и не такие плохие вещи. По моей просьбе заседание переносится в советский зал. Читаются три протокола. По поводу их уехавший из Москвы Челпанов прислал письменное заявление о том, что подача особого мнения с изложением порядка заседания представляет собою не особое мнение, а никем не утвержденный протокол, т.е. не авторитетное изложение фактов, и потому является недопустимой. Заявление это по моему мнению совершенно неосновательное и тем не менее Грушка, advocatus turpium causarum**, всецело присоединяется к нему и выражает сожаление о том, что он неосмотрительно уже отправил в министерство это особое мнение. Затем выступает Лопатин, и совсем не философично. Запоздало он выражает протест против того, что произошло на заседании 13 марта: факультет принял их предложение (о философском отделении) целиком, и потом вдруг стал обсуждать уже принятое предложение и потратил на обсуждение несколько часов. Мне пришлось разъяснять разницу (не знаю, притворялся ли здесь Лопатин непонимающим или действительно не понимал) между тремя чтениями и положениями законопроекта. Лопатин несколько умерил свой протестующий жар, но настаивал на праве всякого члена факультета требовать, чтобы внесенное им предложение было поставлено на окончательное голосование в том самом виде, в каком оно было внесено. И Грушка

** advocatus turpium causarum (лат.) — адвокат позорных дел.

защищает эту более чем странную точку зрения. К моему удовольствию, обсуждение вопроса о желательном порядке обсуждения дел на факультете снимается с очереди по заявлению Богословского, Щепкина, Любавского и меня, ввиду того, что этот вопрос не стоит на повестке.

Читаются записки Поржезинского, Щепкина, Цветаева о сохранении отделений или, по крайней мере, групп по сравнительному языковедению, славистике и истории искусств. Грушка позволяет себе сделать несколько критических замечаний относительно постановки преподавания на отделении сравнительного языковедения, но обнаруживает только свою малую лингвистическую подготовленность; Поржезинский, Покровский, Щепкин быстро сажают его на место, и он, чтобы сделать свое отступление сколько-нибудь почетным, заявляет, что подаст особое мнение; Соболевский заранее присоединяется к этому мнению.

К.Н. Успенский подал заявление о своем желании прочесть пробные лекции. Виппер, не удостоивши меня предварительным сообщением о своем намерении, предложил поручить Пригоровскому практические занятия по древней истории. Таким образом, острое безлюдье несколько смягчается. Любавский сказал мне, что Ясинский желает читать в будущем году курс по средневековой истории, и что Ясинский распускает слухи о намерении Любавского не пустить его, Ясинского, на факультет. — Любавский и Богословский вносят предложение об увековечении памяти Ключевского по тому образцу, по которому почтили Соловьева: портрет в актовом зале, стипендия для оставленных по русской истории, премия за сочинения по русской истории. В справке о Соловьеве любопытно, что в 1881 министр и Государь не разрешили собирать деньги на памятник Соловьеву. Деньги на стипендию и премию, как и в Соловьевском случае, предположено собирать путем всероссийской подписки.

Воскресенье 6 апреля. Сегодня у меня завтракали Виноградов, Новгородцев, Котляревский, Егоров. Новгородцев и Котляревский передавали свои впечатления от вчерашнего диспута. Молодой юрист Алексеев защищал магистерскую диссертацию об отношении между естественными и общественными науками, историко-философского характера[96]. Оппонентами были Котляревский и Байков. Байков был в очень щекотливом положении: он назначенный профессор, всего только магистр, на кафедре он сидит после таких талантливых людей как Е.Н. Трубецкой и П.И. Новгородцев. И что же? Байков совершенно не подготовился к диспуту и говорил не о том, что есть в книге, а о том, чего в ней нет, предъявлял к диссертанту совершенно нелепые требования, делал иногда совершенно не идущие к делу замечания, и обнаружил свое полное незнакомство с теми вопросами, о которых шла речь в диссертации. А между тем держал он себя весьма развязно и вульгарно,

вульгарно даже с внешней стороны, со стороны жестов, походки, куренья. Позволял себе употреблять недопустимые на диспуте выражения. Например, делает возражения и заканчивает их так: «У меня есть и еще замечание, но я приберег его для десерта». Риккерта профессор, занимающий кафедру философии права, цитирует по русскому переводу. Ссылается на одну статью Риккерта. Алексеев указывает Байкову, что в этой статье Риккерта почти ничего не говорится о данном вопросе, что есть другая статья Риккерта, которая действительно посвящена данному вопросу. Байков без малейшего смущения заявляет: «Я, значит, маленечко ошибся; это со всяким бывает; я действительно имел в виду другую статью». Даже очень снисходительный Котляревский признает, что у сколько-нибудь понимающих людей впечатление должно было получиться удручающее. Новгородцев отзывается резче.

12 апреля, четверг. Вчера вечером был у Виппера. Немного позже пришел туда Петрушевский. Он резко постарел и кажется очень утомленным. На святой он был в Киеве и рассказывал кое-что интересное о тамошних черных профессорах и, особенно, о переусердствовавшем попечителе Зилове. Если Петрушевский будет утвержден в петербургском политехникуме, то он ничего и нигде не хочет читать в Москве, потому что чувствует себя усталым и собирается заниматься для себя. Мы ушли от Виппера вместе. Виппер дал нам недавно вышедший сборничек своих статей и публичных лекций[97]. Петрушевский спрашивает моего мнения о сборнике, который я видел раньше. Я откровенно говорю ему, что сборник и весь Виппер последних лет с интеллектуальной стороны возбуждает во мне печальные, даже горькие чувства. Из человека сложного, тонкого, живого, критически настроенного, несколько загадочного он превращается (а может быть и превратился) в человека откристаллизовавшегося, нетерпимого, в некоторых отношениях прямо узкого, очень решительного и порою неглубокого в отзывах об очень сложных вещах и людях, иногда чуть не в рядового сотрудника радикальных российских журналов и притом старомодного типа. В его сборнике всего одна ненапечатанная статья «Две интеллигенции»; это публичная лекция. Виппер вчера сказал нам, что он недавно собирался прочесть ее в пользу женских курсов, но что градоначальник не дал разрешения. Чаплыгин ездил к градоначальнику узнавать о причине, и Адрианов сослался на вредное направление последней лекции Виппера «Сумерки людей» и, несмотря на просьбы Чаплыгина, разрешения не дал. Обе эти лекции красноречиво свидетельствуют, что Виппер даже не застыл, а прямо идет назад. Так узко, даже прямо, так фальшиво отношение к раннему христианству, к Платону, к «Вехам», к русской интеллигенции и к другим предметам. Конечно, большой талант сказы-

вается еще во многом, но признаки увядания налицо. Специальным научным исследованием Виппер не занимается вовсе; его первое и последнее исследование — его единственная и очень хорошая диссертация. Его печатные курсы лекций заключают в себе много талантливого, но и много произвольного, капризного; Ростовцев, критик очень компетентный, не без основания назвал его главу об Августе историческим романом. Петрушевский видит корень зла в растущей и теперь почти скитской замкнутости, в вредном влиянии жены. Мне эти объяснения кажутся недостаточными.

О «практическом разуме» мы не говорили.

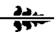
Вторник 17 апреля. На заседании факультета Лопатин прочел отзыв о докторской диссертации Н.Д. Виноградова[98]; Челпанов присоединился к отзыву. Отзыв очень хвалебный; я к стыду своему еще не прочитал книги; но, кажется, книга перехвалена. И в то же время в отзыве вовсе не чувствуется знакомства с предметом, его мог бы написать человек, очень плохо знающий английскую философию 18 века. На старом дворе университета в полдень сегодня была небольшая «ленская» демонстрация: сотни две студентов, главным образом медиков, пели «Вечную память» и похоронный марш. Прибыл Модль с надлежащим количеством полицейских, певших (с появлением полиции пение прекратилось) оцепили и, по словам ректора, отпустили. Арестовали будто бы только троих, оскорбивших полицию; но и тех Модль будто обещал оштрафовать на какой-нибудь полтинник. Это версия ректора.

Еще был магистерский экзамен Назаревского по христианскому искусству и искусству времени Возрождения. Я не слушал. При оценке Цветаев и Мальмберг стояли за отметку весьма удовлетворительно, Щепкин находил ответ элементарным и полным неточностей и стоял за отметку неудовлетворительно. Меня могли заставить голосовать по вопросу, в котором я не имел никакого мнения. И я ушел от голосования[*1].

Пришло и в наш факультет министерское предписание, основанное на каком-то старом и неотмененном правиле, не платить приват-доцентам больше 200 рублей за годовой час. Это при теперешних-то ценах! У нас они получали последние лет десять по 300 рублей. В заседании по-видимому расположены были молча принять это предписание к ис-

---

[*1] Мне рассказали, что Щепкин, подавши голос раньше Цветаева и Мальмберга, так отозвался об ответе Назаревского: «Если Цветаев и Мальмберг признают ответ удовлетворительным, то я так и быть признаю его удовлетворительным; если они признают ответ весьма удовлетворительным, то я считаю его неудовлетворительным». По большинству голосов признали ответ весьма удовлетворительным. — *вписано в конце страницы.*

полнению. Я настоял на возбуждении ходатайства о сохранении прежней нормы вознаграждения.

Суббота 21 апреля. Я пришел поздно на заседание университетского совета, среди разговора о том, праздновать ли или не праздновать акт в 1913 году. И неожиданным образом разговор пробрел горечь и остроту. Я застал Андреева говорящим о разрухе, которую претерпел университет в 1913 году и о том, что у многих членов совета не может быть праздничного, торжественного настроения на Татьяну 1913 года. Ректор возражает ему, что по вопросу о разрухе у членов совета могут быть разные мнения, и что на акте не предполагается никакого особенного торжества; это будет просто отчет о годовой университетской работе. Котляревский предлагает отложить вопрос об акте до осени, Павлов, которому по словам Любавского, ужасно хочется прочитать речь, стоит за немедленное решение вопроса. Ставят вопрос о том, устраивать ли акт 12 января 1913 года, и всего только человек 15 подымается против акта. Правда, в заседании народу немного, человек 45.

Любавский сообщил мне, что по слухам Васильев соглашается перейти к нам в историки церкви, потому что с педагогическим институтом дело будто бы не наладилось.

Воскресенье 29 апреля. Не писал целую неделю. Прошлое воскресенье был диспут Н.Д. Виноградова. Речь Виноградова (перед диспутом) была бледна. Возражали Лопатин и Челпанов. Лопатин не обнаружил никакого знакомства с английской философией XVII и XVIII века и делал самые общия возражения. Челпанов на этот раз выступил гораздо удачнее и был вполне приличен; правда предмет был гораздо более легкий, чем на диспуте Викторова. После диспута обед в «Праге». Люди из духовной академии и из университета, ушедшие и оставшиеся. Хвостов, Лопатин, Соколов произносят приличествующие случаю речи, Лопатин робко упоминает о возвращении ушедших. Ректор, земляк Виноградова по губернии (Рязанской) и семинарии, точно воды в рот набрал, нем как рыба. Я решил принести себя в жертву и громко заявить о возвращении ушедших. Но сделать это необходимо было политично, чтобы не раздразнить гусей, например, ректора, Соболевского; к числу гусей приходится отнести даже Лопатина, Челпанова и Богословского. Оттого я должен был говорить неискренние и отчасти даже противные слова о служении университету, о забвении прошлого и всеобщем примирении, слова, против которых ничего не смогут сказать даже черные. А бывший на обеде Сакулин наивно принял мои патриотические и примиренческие заявления за чистую монету и, как мне потом говорили, был возмущен моими словами, предложением мириться со Станкевичами и

Головиными. О святая непримиримость! Ведь у Станкевича, Головина и иже с ними в руках шары и даже в случае благоприятного поворота наверху эта компания может теперь в факультете и в совете забаллотировать кого пожелает. Необходимо по отношению к ним соблюдать внешнюю корректность; ибо только при этом кандидатура Минакова и Мануилова может иметь под собою хотя какую-нибудь почву.

По слухам, осенью некоторые члены медицинского факультета думают выдвинуть кандидатуру Минакова (Григорьев переведен в Военно-Медицинскую академию), и черные будто бы не противоречат. Я сильно боюсь, что здесь коварство: черное медицинское большинство не будет возражать против кандидатуры Минакова, но забаллотирует его, чтобы окончательно преградить Минакову доступ в университет. А оптимист Котляревский мечтает уже о том, что после Минакова можно будет поднять вопрос и о Мануилове. Я очень мало верю в это, но все же нельзя быть на ножах с теперешними господами университетского положения, как они ни противны.

Вчера беседовал с Д.Ф. Егоровым о физико-математическом факультете. Он очень удручен и собирается уходить из секретарей; оказывается, у них сторонники автономии тоже в меньшинстве. Кроме того, у них сильнее, чем у нас, пострадала предметная система и сильнее, чем у нас, чувствуется уход младших преподавателей. А новых старших преподавателей он не одобряет. Глинка не зловреден, но недалек и малоучен, много хуже Вернадского. Станкевич по словам Егорова не так уж плох, как я о нем думал, но конечно не может итти в сравнение с очень талантливым Эйхенвальдом, не говоря уже о покойном Лебедеве; Станкевич в заседания факультета будто бы ходит редко. Самым опасным из новых он считает Челинцева. Это человек талантливый и молодой, ученик Зелинского, пока только магистр, но вероятно скоро будет доктором. Раньше считался даже красным. Но эти красные как-то ужасно легко выворачиваются на изнанку. И теперь Челинцев на факультете самый горячий и умеющий говорить защитник Кассовой политики и нового режима; свой въезд в химическую лабораторию сей господин ознаменовал тем, что распорядился немедленно удалить из лаборатории бывшие там препараты своего учителя Зелинского. Значит, Елистратов номер второй, только поопаснее в виду своих способностей.

На виноградовском обеде сидел рядом с Богословским. Между прочим, он сообщил мне, что недавно получил он от великого князя Николая Михайловича известие о своем избрании в члены Русского Исторического Общества[99], заседания которого происходят иногда под председательством Государя. В обществе всего 29 членов. Из московских историков его членами состоят Филиппов и, кажется, Герье, из петербургских Платонов, Рождественский, Середонин. Ключевский

не был членом. Я спросил Богословского, не Платонов ли провел его в члены, Богословский сказал, что нет. После я догадался, что благодать пришла на Богословского, вероятно, из Гагаринского переулка, из дома действительного статского советника В.И. Герье. На благоволении этого дома, по-видимому, построил свою карьеру и Грушка. Какое неприглядное окружение для старика!

Вторник 1 мая. Вчера держали магистерский экзамен Сергиевский и Бочкарев, первый хорошо, второй плохо, так что мы только из милости поставили удовлетворительно.

Поржезинский видел в Петербурге Васильева, который только в половине мая даст нам свой ответ насчет истории церкви. Между прочим, Васильев спрашивал, имеется ли в виду назначение или избрание. Поржезинский успокоил его. По этому поводу вспоминаю о назначении Богословского, на первый взгляд совершенно нелепом, ибо избранию Богословского после смерти Ключевского не было никаких препятствий. Поржезинский и Виппер разъяснили мне некоторые подробности этой темной и некрасивой истории. В заседании факультета 15 марта 1911 года Любавский предложил немедленно решить вопрос о том, чтобы в ближайшее заседание факультета выбрать второго профессора по русской истории. За Любавским стояло большинство, и он надеялся форсированным маршем, нахрапом в одно заседание провести Богословского путем выборов. Ключевского, тяжело больного, он хотел совсем обойти. Но когда мы, меньшинство, указали на полное неприличие такого поведения по отношению к Ключевскому, то большинство должно было отступить и оправдывалось тем, что до Ключевского никак не дойдешь, Борис не пускает. Виппер и Поржезинский уверяют меня, что это была бесцеремонная ложь, что в ту же самую минуту как Любавский соболезнующе уверял, что он никак не может увидеть Ключевского и узнать его мнение относительно замещения кафедры, он, Любавский, держал спрятанным в кармане пиджака только что полученное от Ключевского письмо, в котором Ключевский просил отложить вопрос о замещении второй кафедры русской истории до того времени, как он, Ключевский, будет в состоянии явиться в заседание факультета. Если только это правда, то какова же низость и мелкота души у Любавского и всех тех, что распинались тогда за Любавского и Богословского. Потерпев поражение в факультете, эти господа решили тогда действовать окольными и неприятными путями. У них возникли опасения: а вдруг Ключевский громко заявит о своем желании подождать с замещением кафедры до тех пор, пока не станет возможною вторичная кандидатура Кизеветтера; ведь такое заявление затруднит кандидатуру Богословского. Значит надо торопиться и поскорее продвинуть Богословского с помощью Кассо.

Любавский едет в Петербург и указывает Кассо на козни Ключевского и факультетской оппозиции, которая не желает благонамеренного Богословского и мечтает о зловредном авторе шпаргалки. Из Гагаринского переулка, где Кивеветтера ненавидят, вероятно, тоже донесся до Кассовой передней голос о необходимости немедленно назначить Богословского. Отсюда и нелепое письмо Кассо к Любавскому, которое было прочитано на факультетском заседании 19 апреля 1911 и сообщало о намерении Кассо назначить Богословского на кафедру русской истории. Цель письма значит была в том, чтобы заткнуть рот умирающему Ключевскому, помещать ему заявить о своем желании повременить с замещением кафедры или даже прямо заявить о своем желании увидеть Кизеветтера профессором русской истории. Очень трудно предположить, чтобы Богословский ничего не знал о всех этих неприглядных ходах, чтобы он не участвовал во всей этой интриге. А если он участвовал, то как оценить его поведение и его душу? Как неприятно разочаровываться в человеке!

Поржезинский слышал от близких к Любавскому людей, будто Любавский не стесняется теперь заявлять в кругу своих, что он, Любавский, всегда был против появления Кизеветтера в роли профессора и, если одно время выдвигал кандидатуру Кизеветтера, то делал это исключительно под давлением Ключевского. Увы, жизнь учит презрению к людям.

Четверг 3 мая. Общество взаимопомощи студентов — филологов задумало почтить память Ключевского и внесло в факультет ходатайство о разрешении учредить премию имени Ключевского, но не путем внесения в казначейство определенного капитала из % с которого составлялась бы премия, а путем ежегодного отчисления определенной суммы из доходов общества. Кузьмич нашел ряд формальных недочетов в этом предположении и этим поверг некоторых членов общества в немалое негодование. Я беседовал с одним из инициаторов предложения, видным членом общества взаимопомощи, и он запальчиво жаловался мне на притеснения, которым подвергается общество со стороны теперешней университетской администрации, но к моему огорчению заявил, что при Минакове и Мануйлове студенческим организациям жилось немногим легче, что Минаков всячески выдворял из университета какой-то невинный шкаф, принадлежавший обществу. Смысл речи был тот, что профессора, считающиеся поборниками автономии, понимают автономию в узко профессорском смысле и что студенты не видят большой разницы между теперешней и предшествующей администрацией университета. Любопытно было бы узнать, в какой мере распространен среди студентов этот взгляд. Неужели даже разгром прошлого года не раскрыл глаз и не научил уважению к оставленным и ушедшим?

Сейчас звонил Котляревский. Он недавно напечатал книгу о русских основных законах[100], очень и, быть может, слишком «трезвую». В редакции «Русских Ведомостей» он увидел в гранках отзыв А.С. Алексеева об этой книге и был поражен его резкостью и даже недобросовестной резкостью: Котляревскому приписываются мнения, которых он не высказывал; Котляревский зачисляется чуть ли не в юристы a la Seydel. Котляревский уверяет, что Алексеев достаточно грамотен для того, чтобы понимать подобные книги, и видит здесь месть ушедшего, желание принизить оставшегося. Но как основательно забыл Алексеев все то, что он еще сравнительно недавно преподносил студентам под видом русского государственного права.

Есть слухи, что Коковцев не прочь сделать небольшие уступки в университетском вопросе. Ушедший Хвостов думает, что уже теперь следовало бы предпринять некоторые шаги, чтобы подготовить почву для возвращения Мануилова. Хвостов в хороших отношениях с Лопатиным, приятелем Любавского. И вот Хвостов склонил Лопатина выведать почву у Любавского. Лопатин взял с собою всеобщего примирителя Котляревского. Оба сегодня были у Любавского. План такой: добиться, чтобы теперешний совет немедленно возбудил ходатайство о возвращении Мануилова, Мензбира и Минакова в число профессоров Московского университета, и чтобы Любавский не мешал, а помогал проведению этого ходатайства. Конечно, Любавский вилял, но в конце концов указал, что в настоящий момент (приезд Двора для открытия памятника Александру III) невозможно вносить в совет предложение о таком ходатайстве. Для меня ясно, что Любавский сделает все, чтобы помешать осуществлению этого плана. Если когда-нибудь план осуществится, то вопреки Любавскому, а не при его содействии. Я боюсь, что слухи о готовности Коковцева на уступки в университетском вопросе имеют под собою очень зыбкую почву. Я вообще плохо верю в то, что мы уже сдвинулись с мертвой реакционной точки и что послеленские манифестации — суть начало нового общественного подъема.

Пятница 5 мая. Был вчера у Гензеля. Между прочим он рассказывал мне некоторые мелочи из жизни юридического факультета. Казалось бы, юристы должны знать университетский устав 1884 года. На деле они его не знают, хотя недавно занимались его извратительным толкованием. Недавно факультет закрытым голосованием выбирал приват-доцента (Тотомианца). Гензель потребовал указать на явную незаконность этого порядка. Гидулянов возражает ему, что выборы должностных лиц по уставу 1884 года должны производиться закрытым голосованием и что с точки зрения факультета приват-доцент есть лицо должностное. Это весьма пикантно в устах Гидулянова, который

всего несколько месяцев тому назад бесцеремонно утверждал, что приват-доцент даже не преподаватель в уставе 1884 года.

Алкоголик Митюков заявил на факультете, что в Москве слишком мало римского права, всего только 12 часов. В Киеве было много лучше — 22 часа. На удвоение римского права и гонорара факультет не согласился, и римское право осталось при 12 часах; уж коли удваивать гонорары, так удваивать всем юристам. Тогда сердитый Митюков заявил, что у них есть один незаконный руководитель практических занятий по римскому праву — Рождественский, который за 11 лет не сдал магистерского экзамена. Несмотря на присутствие приват-доцентов в этом заседании, Митюков позволил себе заявить, что таким господам, как Рождественский, факультет должен указывать дверь. И это говорит человек, который сам занимает кафедру в явном противоречии с уставом 1884 года (Митюков только магистр). К новому неудовольствию Митюкова факультет все-таки поручил Рождественскому вести практические занятия в будущем году, ибо Рождественский ведет их давно и успешно. Но каковы «новые люди».

Суббота 12 мая. Во вторник 8 мая было два магистерских экзамена по всеобщей истории, и экзаменовал почти исключительно я; это конечно очень утомительно. Бочкарев экзаменовался вторично, отвечал не лучше, чем в первый раз, и ему мы поставили удовлетворительно со значительною натяжкою. Зато второй, Сергиевский, отвечал хорошо (о парижском парламенте 18 века); это ученик Виппера, но не был оставлен, держит добровольцем.

В четверг К.Н. Успенский читал обе пробных лекции (о сенаторском землевладении при Юстиниане, о Демосфене). На первой лекции студентов было трое, на второй ни одного. Читал он с внешней стороны хорошо, по содержанию неважно. Сильно чувствовалось подлаживание под Виппера, и под слабые стороны: смелые, почти фантастические конструкции, чрезмерное выдвигание классовой борьбы в очень упрощенном виде.

Сегодня ходил на обедню и панихиду по Ключевскому в Донской. В газетах появилась заметка о том, что общество студентов — филологов отслужит панихиду на могиле. Этого оказалось достаточно для откомандирования пешей и конной полиции. Начальственные страхи были напрасны. Речей и манифестаций не было. Студенты ограничились фотографической съемкой у могилы. Народу в церкви было немного. Да и студентов собралось очень немного. Коротка человеческая память.

Вторник 15 мая. Факультетское заседание. Странно было извещение о том, что Щепкин отслужил 25 лет, и что Кассо соизволил оставить его

на два года. Это — грубое нарушение обычая. Доселе министр либо вовсе не оставлял после 25 лет (что бывало крайне редко) либо оставлял на пять лет, до тридцатилетия. По-видимому, оставление на два года придумано для острастки не совершившим крупных проступков, но не заслужившим начальственного доверия.

Ясинский подал заявление о своем желании читать лекции и вести практические занятия по средней истории. Возражений, конечно, быть не могло. Магистерский экзамен Виппера-сына по истории нового искусства состояться не мог, потому что Цветаева сейчас нет в Москве, а Мальмберг добродушно заявил, что мало смыслит в новом искусстве. Решили устроить экзамен в четверг утром.

Выбрали лектора — немца. Кандидатов было два, Вельм и Лютер. Лютер много лучше. Вельма забаллотировали (4 избирательных и 6 неизбирательных), Лютера выбрали (9 избирательные и 1 неизбирательный). По уставу лектора должны подвергаться вторичной баллотировке в совете, но это ясное указание устава кажется никогда не соблюдалось.

Анекдот с открытием Музея изящных искусств. Просили всех профессоров указать, собираются ли они присутствовать на торжестве, непременно в мундире. Многие поторопились сшить себе мундир, в том числе некоторые экстраординарные, например Байков, хваставшийся Котляревскому покроем мундира. Теперь оказывается, что на торжество будут допущены особы не ниже пятого класса, а экстраординарные состоят в шестом. — Всего больше говорили об организации торжественных заседаний в честь 1812 и трехсотлетия династии Романовых. Кузьмич усиленно хлопочет об этих заседаниях, желая подскакнуть на этом усердии, подготовить себе попечительство лояльностью, чтобы не сказать люборомановьем теперешнего университета. Наполеоновское заседание не носит яркого политического характера; на нем предположены речи М.Н. Сперанского, некоего В.К. Покровского, самого Любавского, С.В. Бахрушина. Но на династическом заседании без политики не обойдется; на него то и рассчитывают Любавский и, в еще большей степени, Богословский. Любавский и Готье будут говорить о подготовке избрания Михаила Федоровича и о самом избрании, С.Б. Веселовский о ликвидации смуты, а Богословский разъяснит, как выросла Россия за три века благодаря династии. Кто же пройдет раньше в попечители, Любавский или Богословский? Я думаю, Любавского уже точит червь зависти к быстрой карьере выдвинутого им Богословского. И здесь sic vos non vobis**. Это забавно.

Готье сегодня сказал мне, что Богословский сам заговорил о необходимости дать такой общий обзор трехсотлетия на предварительном

** sic vos non vobis (лат.) — так вы не для себя (в смысле воспользоваться чужими лаврами, трудами). Выражение приписывается Вергилию.

совещании русских историков у Любавского. Ему указали на трудность и щекотливость темы. Он продолжал настаивать на необходимости ввести эту речь. Ему предложили взять на себя речь. Он согласился с величайшею готовностью. Любопытно будет послушать этого умного карьериста; думаю, что он сумеет соблюсти известную меру даже в трехсотлетнем и преднамеренном славословии и не упустит из вида трудностей роли, вывернется. Пусть себе расцветает.

Среда, 16 мая. Сегодня видел Вормса. Он уже успел уйти из ярославского лицея и теперь помимо чтения лекций в Коммерческом институте, занимается адвокатурой; но очень интересуется и делами «Русских Ведомостей», где произошла «революция», между прочим, сделавшая его одним из пайщиков.

Показывал свои глаза В.П. Страхову, которой уже давно служит в Глазной больнице. Спросил его о Головине и услышал, что Головин старается держать себя корректно, не мешает другим работать, но любви к больнице не проявляет, смотрит на больницу больше как на средство для самовозвеличения. Страхов считает, что слава Головина сильно раздута черными; Головин, конечно, хороший окулист, но отнюдь не светило.

Понедельник, 28 мая. Сегодня было последнее факультетское заседание, не днем, а вечером, потому что днем приехал в Москву государь. Держал магистерский экзамен Косминский по средней истории, хорошо, основательно, но тяжеловато. Виппер, по моему мнению несправедливо, находит в нем лишь усвояющие способности; на деле у Косминского есть исследовательские и критические дарования, но, конечно, совсем не випперовского стиля. Поставили ему, конечно, весьма удовлетворительно.

Я на днях уезжаю в Лондон на месяц, хочу хоть немного позаняться для души. Это лето я не буду лечиться, не буду водяным.

1 октября. Понедельник. Я вернулся из командировки 23 сентября. Летом доволен. И отдохнул, и поработал в архиве, снова, хотя на короткое время, на два месяца, приобщился к архиву. В Англии два раза был у П.Г. Виноградова. Он живет большим барином, со своим автомобилем и в усадьбе, которая есть Sehenswürdigkeit**. Продолжает много работать, но теперь ему на старости лет приходится переучиваться на юриста и даже экзаменовать по разным правам. Это его очень занимает и явно представляется ему повышением в чине, так что даже чтение скучнейших студенческих экзаменных работ выходит чем-то очень

** Sehenswürdigkeit (нем.) — достопримечательность.

важным. Россией интересуется, и в этот раз судил трезвее о русских делах, но конечно чем дальше, тем русские связи становятся тоньше.

Был со мною и комический пассаж. Получаю в Лондоне, в начале тамошнего сентября, частное извещение из Москвы о назначении моем в члены государственной экзаменационной комиссии, которая должна закончить свои занятия к 10 октября. А мне дана командировка до 6 октября. Я немедленно запрашиваю Любавского и получаю от него сообщение, что новый председатель комиссии, петербуржец Чечулин, действительно назначил меня членом комиссии, никого не спросясь. Любавский немедленно известил Чечулина о том, что я в командировке; и после отказа Виппера от членства, членом комиссии назначили Ясинского. Но какова халатность порядков! И рядом с этим разнузданный произвол. Кассо действительно тамерланствует в высшей школе. Теперь главный погром в Петербургском университете. Еще весной Кассо предложил частным образом романисту И.А. Покровскому, очень хорошему ученому и преподавателю, перейти из Петербурга в Харьков для того, чтобы «поднять» преподавание в провинции. Кассо будто бы прибавил даже, что у него вообще есть мысль улучшить провинциальные университеты переводом туда хороших столичных профессоров. Покровский конечно в этом весеннем разговоре с министром ответил отказом и уехал куда-то на каникулы за границу. Летом приходит в университет официальное предложение Покровскому перейти в Харьков. Предложение пересылается Покровскому, который официально отказывается. Даже не дождавшись ответа, Кассо летом переводит Покровского в Харьков. Это вышло даже неприличнее, чем с Пергаментом. Пергамента, при переводе из Петербурга в Юрьев, по крайней мере повысили из экстраординарных в ординарные. А Покровский уже был ординарным в Петербурге. Конечно, Покровский подал в отставку. У Кассо это месть. Месть политическая за то, что Покровский демонстративно ушел из юридических деканов сейчас же после назначения Удинцова. Может быть даже месть личная, если только когда-нибудь Покровский, подобно Петражицкому, обидно отозвался когда-нибудь об ученых трудах Кассо.

Затем Кассо, сам предложивший петербургскому юридическому факультету указать кандидатов на кафедры политической экономии, торгового права, философии права, не утвердил указанных кандидатов (Туган-Барановского, Гордона, Тарановского) и назначил в Петербург двух одесских профессоров, Никонова и Грибовского. Это уже пятое назначение на юридический петербургский факультет. И характерным образом Кассо валит факультет под гору: Мигулин и Пиленко были хорошие профессора, Удинцов был средний, Никонов и Грибовский по отзывам юристов плохие ученые, особенно Никонов. В Петербурге недавно была в университете «летучая» сходка, где приняли «по-

литическую» резолюцию. Считают возможными там и студенческие демонстрации по адресу новоназначенных профессоров, почему ректор Э.Гримм отвел им аудиторию во дворе, в физическом институте. Грибовский очень обиделся и пожаловался министру. Казенные перья «России» и полуказенные перья «Нового Времени» обличают теперь левую петербургскую профессуру с такой клеветнической и змеиной злобой, с какой они обличали москвичей в конце 1910 года. По адресу ректора Гримма произносятся прямые угрозы. Возможно, что воспоследует и разгром.

Не оставлен был милостями и Московский университет. На кафедру химии назначен магистр, Плотников; я его совсем не знаю, в московских газетах сообщались весьма нелестные подробности из его ученой биографии; я мало верю газетам, спрошу кого-нибудь из естественников. На медицинский факультет назначены Буйневич (на место отслужившего Митропольского) и кажется еще кто-то, какой-то Райский из Томска, на кафедру судебной медицины. Буйневича я хорошо знаю, это умный и ученый человек, хороший врач. Но попал он на кафедру весьма характерным для наших дней путем. Он врач Лазаревского института, где директором Кассовский famulus** Гидулянов. Буйневич поляк (впрочем, черниговский), католик, человек отнюдь не интересующийся политикой и, мне кажется, отнюдь не черносотенец. Но он большой циник и, надо думать, прикинулся поклонником Кассовской политики в беседах с Гидуляновым. Гидулянов и указал на него.

А с нашим факультетом обошлись тоже хорошо. Весною мы постановили, согласно предложению министра, принять спешные меры, чтобы заместить кафедру церковной истории: обратились с письмом к Васильеву, а в случае его отказа постановили иметь в виду С.И. Смирнова. За это были и Любавский, и Грушка, и Богословский, т.е., казалось бы, все приятные министерству лица. Но теперь не церемонятся и со своими. Летом к нам назначили на кафедру церковной истории одесского профессора Алмазова, магистра богословия и доктора канонического права. Я совсем не знаю его, но сегодня Богословский говорил мне со слов академических профессоров, что Алмазов недурной специалист по литургике и ярый черносотенец. — На сентябрьском заседании совета выбирали выборщиков для избрания двух членов государственного совета от академии и университетов (на место Ковалевского и Д. Гримма, выбывших по жребию). Выбрали Любавского (кажется, 44 голосами из 67), Гулевича (кажется, 37 голосов) и Зернова. Для теперешнего советского состава это указывает на слабость или, может быть вернее, на некоторую конфузливость черных.

** famulus (лат.) — ассистент.

Конечно, и на преподавании сильно отражаются прелести теперешних порядков. Нам перекроили программу, навязали ряд новых обязательных предметов, которые факультет считает ненужными, приблизили высшую школу к институту для подготовки учителей. Студентам стало не в моготу выполнять одновременно старые факультетские и новые министерские требования. Пришлось урезать факультетские требования. Сегодня мы, историки (Любавский, Богословский, Виппер, я) обсуждали эту урезку. Только я стоял за удержание юридических предметов и был переголосован. Сократили число обязательных семинариев на один; странным образом Виппер предлагал сократить это число даже на два (но главным образом по моим настояниям сократили только на один и оставили четыре обязательных семинария). Министерство все еще не удосужилось ответить на нашу просьбу о сохранении отделений философии, языковедения, искусства, славяноведения,

Летом умерли Шершеневич и Голубинин, оба от рака и еще не старые.

Петрушевский все еще не утвержден в Петербургском политехникуме и, по слухам, даже не будет утвержден; это странно, ведь утвердили же там Зелинского, которого выбрали одновременно с Петрушевским; Петрушевский кому-то говорил, что на него в министерство торговли кто-то написал клеветнический, нелепый донос. Новгородцев надеется, что Петрушевского утвердят в Московском коммерческом институте[101], устав которого летом утвержден в законодательном порядке. Но и с Московским коммерческим институтом пока не вполне благополучно. Устав — то утвержден, но пока там еще никого не назначили на штатные должности. Говорят, что Кассо протестовал против назначения в Коммерческий институт людей, ушедших из Московского университета.

А ведь директор института Новгородцев — ушедший, да еще вдобавок выборжец. А среди преподавателей института — Мануилов.

Мне припомнилась одна мелочь. В прошлом году Кассо не утвердил выбранного в Петербурге Андрусова, очень хорошего геолога, не утвердил за «кадетство». Андрусов, киевский профессор, подал в отставку и переселился в Петербург, где его утвердили преподавателем на невских курсах. Он подал прошение о принятии его в приват-доценты петербургского университета. Кассо приказал попечителю не утвердить Андрусова. Как темно!

2 октября, вторник. Еще одна характерная мелочь. В газете «Речь» недавно диссертации Грибовского и Никонова были обозваны полусписанными; про Никонова было сказано, что его диссертация была забракована в Харьковском университете и еле прошла в Киевском; про Грибовского было сказано, что к его диссертации прямо предъявили обвинение в плагиате, и что дело чуть не дошло до суда. Теперь Грибов-

ский в «Речи» (в вашей «уважаемой газете») и Никонов в «Новом Времени» решительно отрицают утверждения «Речи». Одна из двух сторон говорит явную неправду. Которая? Как некрасивы университетские нравы! И неужели нельзя бороться по-джентльменски?*1

Заседание факультета в тот же день. Очень долго говорили о новых учебных планах, приспособленных к новым министерским многопредметным программам. Снова с большою яркостью обнаружилось, что большинство факультета — это спевшаяся клика, которая решает всякие дела по кумовству, а не по существу, поддерживает самые вздорные предложения, ежели они делаются своим, и выдумывает самые вздорные возражения, если безусловно дельное предложение исходит от не своего. Нравы более чем обывательские. А тут еще присоединяется к клике Алмазов, который вероятно даже для клики окажется слишком крепким орешком***. Кстати, в четверг он читает вступительную лекцию.

Было у меня сегодня столкновение с Виппером. На воскресном совещании Любавский и Богословский предложили причислить любезную Випперовскому сердцу «этнологию» из обязательных предметов в необязательные. Я ни слова не сказал о сем щекотливом предмете. И самая наука не совсем определенная. А главное, доселе он читал «этнологию» как обязательный предмет, но от студентов по этому предмету не требовали никакого испытания; обязательность была обязательностью записи. Сегодня Виппер заявил, что в заседании историков все его коллеги были против него, но что он все же должен апеллировать к факультету. Я должен был указать, что утверждение Виппера неточно, что в заседании комиссии я вовсе не высказывался по этому вопросу. Он пробует оспаривать мое утверждение. Но я ссылаюсь на Любавского и Богословского, которые подтверждают мои слова. Он, вероятно, очень рассердился, но в данном случае я был совершенно прав. Я высказался вместе с Виппером за обязательность этнологии, но нас конечно клика переголосовала. Мне было жаль Виппера, который в это заседание

*1 4 октября. «Речь» должна была признать 3 октября, что по отношению к Грибовскому обвинение в плагиате было предъявлено совершенно неосновательно; к сожалению, «Речь» даже извиняется в грубой форме. Но по отношению к Никонову «Речь», кажется, была права. Никоновская «Защита владения» была представлена в Харьковский университет, но по совету познакомившегося с книгою профессора Максимейко частным образом была взята обратно. Никонов не унялся и представил книгу в Киев, где пресловутый Удинцов принял ее. Тогда Максимейко напечатал брошюру, в которой собраны en regard [рядом (фр.)] списанные Никоновым места. — *Вписано в конце страницы.*

*** *В этом предложении слово* «клика» *надписано везде над зачеркнутыми* «к ним», «для них».

сделал еще одно явно неверное фактически утверждение (относительно А.И. Яковлева и предложенного ему курса по философии истории), в чем и был с торжеством уличен кликой.

4 октября. Сегодня в 4 часа состоялась вступительная лекция Алмазова. Из профессоров пришли декан, секретарь, Лопатин, Богословский, я; из приват-доцентов Орлов. Студентов собралось немало. У Алмазова вид совершенно семинарский, моложе своих лет, но что-то жестокое, деревянное, плотницкое. С первых же слов Алмазова начался шум, говор, шмыганье ногами, а потом и свистки. Минут пять шум медленно нарастал; но когда дело дошло до критического момента — либо принимать меры против демонстрантов, либо прекратить лекцию, ибо ее уже стало трудно слушать — демонстранты, спасая шкуру, начали уходить с немалым шумом. Осталось студентов человек двадцать. И лекция благополучно закончилась. Она была очень плоха с научной точки зрения, очень непривлекательна с религиозной точки зрения, довольно бесцветна с точки зрения политической, хотя человек компетентный в ней мог усмотреть совершенно черные намеки. С самого начала Алмазов стал на ортодоксальную, церковническую точку зрения. Церковь — создание Божьей воли, обладающее безусловною ценностью; только христианская церковь есть создание Божьей воли, неуничтожимое и универсальное. Основные факторы исторического процесса — церковь, государство, национальность, сиречь православие, самодержавие, народность. Всего важнее церковь. Между явлениями церковной истории и явлениями гражданской истории существует постоянное взаимодействие, но церковь влияет на гражданское общество гораздо сильнее, нежели гражданское общество на церковь. Например, только благодаря влиянию церкви исчезло рабство, женщина заняла подобающее жене и матери положение. Самые незначительные догматические различия могут оказать огромное влияние на судьбу гражданского общества или «сочленения», по любимому выражению Алмазова. Например, достаточно было церквам западной и восточной разойтись во взглядах на исхождение Святого духа, чтобы жизнь европейского запада и европейского востока потекла совершенно различными путями. В заключение Алмазов поведал, что изучение церковной старины необходимо и по чисто практическим соображениям. Россия стоит накануне коренных церковных реформ, а эти реформы должны быть проведены в согласии с церковными канонами и обычаями. О наукообразном в церковной истории не было сказано ни слова. Невежества либо лицемерия Алмазов обнаружил достаточно, но эрудиции ни малейшей; может быть она и есть, может быть ее и нет. С ученой точки зрения лекция была совершенно ничтожна, пуста, бессодержатель-

на. К моему великому изумлению некоторые студенты хлопали; я надеюсь, что это были союзники и что они хлопали единомышленнику; иначе это свидетельствует о постыдном нравственном и умственном убожестве. [1]⁻А сам Алмазов очень доволен собою, даже причмокивает в конце бурсацких периодов⁻[1]. Алмазов первым уходит с лекции (из аудитории № 5). В квадратном коридоре десятка четыре студентов. Раздается шип, свистки. Я иду рядом с Лопатиным. Когда мы доходим до двери, ведущей в профессорскую раздевальню, нам встречается бравая фигура полицейского офицера, а за нею взволнованная и оробевшая, заячья, виноватая физиономия Елистратова, по должности проректора. Это они идут наводить порядок. Мне Лопатин говорит, что недавно совершенно такой же прием был оказан химику Плотникову. В профессорской Богословский заводит разговор с Алмазовым о предсоборном присутствии и церковной реформе, но скоро уходит. Но я с Лопатиным поддерживаю разговор. Алмазов, между прочим, сообщает нам, что он, как человек правых убеждений, враг всяких выборов. Лопатин, по-видимому, без задней мысли, говорит назначенному Алмазову, присоединившись к моим словам о возможности осуществить выборное начало, по крайней мере, в среде самого клира (чтобы священники выбирали священников, архиереи — архиереев): «А ведь вот, например, профессора выбирали профессоров. И недурно выходило».

Вторник, 9 октября. Сегодня после факультетского заседания иду вместе с Богословским и спрашиваю его, как ему понравилась лекция Алмазова. Он отвечает, что ему понравилось. Я спрашиваю, что же понравилось. Он отвечает: а ссылка на практическую пользу церковной истории, на предстоящие преобразования русского церковного управления. И прибавляет: «А знаете ли вы, что демонстрация на лекции Алмазова уже возымела последствия?» Я ничего не знал об этих последствиях и спрашиваю: «Какие последствия?». «А как же! 11 свистунов уже удалены из университета». Я в полнейшем недоумении. «Кто же установил личность свистевших? И кто удалил их из университета?» Богословский отвечает: «Личность свиставших в коридоре удостоверена по показаниям служителей Елистратовым (может быть, вкупе с полицейским офицером), а приказ об исключении их пришел из Петербурга». Прямо не хочется верить этому. А трудно не верить, ибо по-видимому Богословский слышал это от ректора, от Любавского. Такая суровая скоропалительная расправа, и без всякого серьезного расследования. И очевидно Алмазов находится под каким-то особым покровительством, ибо за демонстрацию, направленную против него, студенты исключаются, между тем как демонстрации по адресу других профессоров проходят безнаказанными. Далеко ли мы от Константинополя?

Грустно и на факультете. Между прочим декан докладывает прошение Д.В. Викторова о продлении ему заграничной командировки (с содержанием) на полгода; к прошению Викторов взамен отчета прилагает три статьи. Летом в Лондоне я работал вместе с Викторовым в музее и недели две даже жил с ним в одном пансионе. Наши философы (Лопатин и Челпанов) были недовольны тем, что отчет о своих занятиях за первый год командировки он послал прямо в министерство, а не в факультет. Я поэтому присоветовал Викторову послать отчет за второй год в факультет, а не в министерство. Что же происходит в факультете? Челпанов заявляет, что он ничего не имеет против того, чтобы поддержать просьбу Викторова о продлении командировки, но что он решительно против рассмотрения отчета факультетам. После первого года Викторов обошел факультет и послал отчет прямо в министерство; министерский рецензент резко разошелся с факультетом в оценке магистерской диссертации Викторова (факультет, т.е. Лопатин и Челпанов — дал о диссертации очень неблагоприятный отзыв, а рецензент похвалил диссертацию). Точно так же рецензент, хотя и с оговорками, признал первый отчет Викторова удовлетворительным, между тем как этот отчет составлял всего только из одной (по тону чувствовалось: жидкой) статьи. Поэтому теперь факультету невместно разбирать отчет Викторова, а нужно просто переслать его в министерство. Лопатин присоединяется к этому предложению. Я вынужден тогда заявить, что Викторов прислал отчет в факультет по моему совету, что я хотел перевести Викторова с прежнего ложного пути на теперешний истинный. Челпанов раздраженно говорит: «В первый раз Викторов намеренно обошел факультет. У него в Петербурге есть заручка. И потому он послал первый отчет в Петербург. И факультету пришел как бы реприманд за отзыв о диссертации. И после этого он обращается в факультет!» Какая маленькая душа! Я снова указываю на то, что в данном случае Викторов поступил по моему совету и что, по моему мнению, он поступил правильно, так сказать загладил свою вину пред факультетом, что командированный за границу философ Эрн прислал свой отчет прямо в факультет и что Челпанов с Лопатиным признали этот путь правильным. Любавский пробует сослаться на то, что Эрн только магистрант, а Викторов магистр, что Эрну дали инструкцию, а Викторову не дали. На деле, однако, и Викторову дали инструкцию, что я и напомнил. Все-таки Лопатин с Челпановым настаивали на пересылке отчета в министерство без отзыва; в заседании осталось всего человек 6-7 и кроме меня все были (Любавский, Богословский, Соболевский, Грушка, Новосадский) за пересылку без отзыва. В конце концов это может быть даже выгоднее для Викторова. Но Лопатин все-таки чувствует неловкость положения. И когда я вскоре после этого быстро поднялся и ушел (мне нужно было передать одну записку),

то Лопатин, очевидно, подумал, что я ушел от негодования, потому что, когда я вернулся, то он стал расспрашивать меня о причине моего ухода. Но я отвык негодовать, обтерпелся. Да и самое лучшее отношение к теперешним людям и порядкам, это nil admirari**.

Еще одна неприятная черта, это отношение членов факультета к Випперу, которого в заседании не было. Читают сводную редакцию измененных учебных планов. Там значится: этнология или первобытная культура или доисторическая археология. Щепкин справедливо указывает на странность этого словосочетания, которое получилось от механического сопоставления программ двух отделений (всеобщей истории и русской истории). С разных сторон посыпались насмешливые замечания. А Цветаев (впрочем, этот, по-видимому, без злого умысла, просто по неведению) предложил сделать этнологию совершенно необязательной. Мне пришлось защищать этнологию, которую, в конце концов, не обидели больше того, что сделали в прошлый раз.

Затем читается прошение Сергиевского о назначении ему магистерского экзамена по средней истории. Сергиевский у меня был и об экзамене со мною условился. Я говорю об этом факультету и соглашаюсь проэкзаменовать его в одно из ближайших заседаний, но прибавляю, что надо спросить Виппера об его согласии. Мне говорят, что спрашивать об этом не нужно, что среднюю историю читаю я. Я должен разъяснять, что надо относиться с уважением к старшему представителю кафедры, что Сергиевский ученик Виппера и т.д. Тогда декан заявляет, что он не может вступать в частные переговоры со всеми членами факультета и что он отказывается беседовать с Виппером. Я говорю, что могу сам переговорить с Виппером о дне экзамена, если декан не находит для себя возможным говорить с членом факультета. Грушка и здесь находит трудности, совершенно фиктивные. Впрочем, дело улаживается благодаря тому, что назначение срока для экзамена оказалось возможным отложить до следующего заседания, а я до тех пор успею поговорить с Виппером.

Среда 10 октября. Я был сегодня на вступительной лекции Ясинского. Кроме меня были декан, Новосадский и Чечулин. Ясинский объявил курс по средневековой истории Франции. Лекция была не неприлична, но, на мой взгляд, очень суха, фактична, сера и скучна: в ней говорилось лишь об истории термина Francia и о фамильных каролингских разделах до 843 года. Народу на лекции было достаточно: человек 60—70. Наши студенты не привыкли к лекциям такого типа. Но я думаю, что кое-кто все-таки будет его слушать по шкурным соображениям — чтобы снискать благоволение господина директора

** nil admirari (лат.) — ничему не удивляйся.

педагогического института и получить там стипендию. Но и самомнение у этого серого господина. После первого часа мы разговариваем в профессорской. Подходит служитель и говорит Ясинскому: студенты спрашивают, будете ли вы читать второй час. Ясинский колеблется и говорит мне, Грушке и Чечулину: «Да, если меня будут слушать». Потом эта напускная скромность сменяется тоном обиды: «А ведь я, должно быть, не понравился. Никакого знака одобрения. Я, знаете, привык к тому, чтобы меня поощряли». И он даже не замечает бестактности своего хлестаковского хвастовства. Грушка утешает его тем, что в Москве вообще редко хлопают. Чечулин объясняет безмолвие студентов тем, что Ясинский ничего не сказал под занавес. Я молчу. Вот они conquête barbare**. И это еще далеко не худший из обров[102].

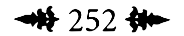
Сегодня нет подтверждения словам Богословского об исключении 11 алмазовских демонстрантов.

Вторник 16 октября. Для порядков теперешнего университета алмазовская история очень характерна. Профессора до сих пор ровно ничего не знают о ней из [1-]официального источника[-1]. Сперанский попробовал спросить Кузьмича о судьбе 11 и услышал в ответ, что их дело будет рассмотрено в правлении. И почти никто не интересуется судьбой студентов, попавших в эту переделку. «Успокоение» полное и среди студентов, и среди профессоров. А все-таки Кузьмичу не повезло на выборах в Государственный совет от академии и университетов. Выборы происходили вчера. Оказалось, что так называемые правые и левые поделились там почти поровну, но что у «левых» есть небольшой перевес (прошел Д. Гримм и есть надежда на избрание Ольденбурга), и что Кузьмич вовсе не самый популярный среди «правых»: саратовский Разумовский получил больше голосов. Как зол должен быть Кассо, вероятно, решивший производить дальнейшую чистку.

В пятницу я был на молении о выздоровлении наследника[103]. Любопытно, что профессоров в церкви было немного, и что «левых» было столько же, сколько и черных, так что упреки в недостаточной лояльности предъявить нельзя. Конечно, на молении присутствовал и попечитель. Среди студентов были характерные фигуры. Например, рядом со мной стоял смуглый инородец кавказского обличия, в сюртуке со шпагой. Молился ужасно усердно, становился на колени при всяком удобном и неудобном случае и при этом усердно стукал шпагой, уж не в расчете ли обратить на себя милостивое внимание зоркого начальства.

В пятницу был диспут пресловутого Чистякова, в свое время напечатавшего совершенно хулиганскую книгу о французской народной

** conquête barbare (франц.) — варварские завоевания.

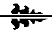
школе[104]. Теперь он представил книгу о страховании рабочих[105]. Котляревский сказал мне, что книга эта очень неважная, но все же много приличнее первой. На диспуте произошел инцидент. По болезни графа председательствовал Тарасов. Книгу после официальных оппонентов стали разносить Горбунов и Прокопович. Тарасов позволил себе остановить Прокоповича и заявить, что лица из публики могут говорить только о тезисах, но не о книге.

В воскресенье я был у Егорова, где встретил Петрушевского. Бедный, он сильно постарел за эти два года, а жене его пришлось давать уроки в Алферовской гимназии. Он слышал от Чупрова и Новгородцева, что на него поступило несколько анонимных доносов министру торговли (о его неблагонадежности, неуживчивости и даже научной несостоятельности) и что министр придает значение этим доносам. Петрушевский по-прежнему видит здесь руку Тарле. Летом он сообщил свою догадку Э. Гримму. Гримм всячески разуверял его и говорил, что эту невероятную и отвратительную интригу ведет не Тарле, а какой-то другой, неизвестный мне петербургский историк, читающий в политехническом институте древнюю историю. Какие гнусные люди возможны в среде преподавателей высшей школы! Недавно Тарле проездом через Москву был у Петрушевского и, по словам Петрушевского, начал с преувеличенной, грубой лести, но сочувствия не встретил. Петрушевский видит здесь желание замести след, отвести подозрение. Но ведь может быть Тарле и не повинен в анонимных доносах и угрожающих письмах.

Слышу нелестные отзывы о первых шагах преподавательской деятельности нашего нового приват-доцента, Успенского. Он объявил семинарий по Великой хартии вольностей, нисколько не смущаясь тем, что среди студентов почти никто не знает по-английски. Участников семинария он освободил от всякого вступительного собеседования. Ни Виноградов, ни Петрушевский, ни я никогда не вели семинария по английской истории.

Сегодня на заседании факультета в первый раз был Алмазов. Кроме его появления не было ничего примечательного. Философы обрели для оставления четырех Кантов; один из них сын Евгения Трубецкого[106]. Арсеньев держал магистерское испытание по западной литературе, отвечал о Данте, недурно. Конечно, Розанов просил Грушку не приглашать Ла Барта. Как это мелочно, мелко, мстительно!

20 октября, суббота. Это мелочь, но я рад, что Кузьмича прокатили на выборах в государственный совет. На второй день выборов получили поровну оба кандидата «прогрессивных» выборщиков, Ольденбург и Пусторослев, по 19 голосов из 32, а Кузьмич и еже с ним не более 13. Между Ольденбургом и Пусторослевым бросили жребий; жребий на

Пусторослева, но по слухам Пусторослев откажется и уступит свое место Ольденбургу. — В какой-то московской газете я прочел сообщение, что вернувшийся Кузьмич «выяснил» судьбу 11 студентов, у которых отобрали документы в связи с алмазовской демонстрацией: одним из этих студентов будто бы милостиво разрешено перейти в Харьков, другим в Петербург. Как они добры! Кстати, по поводу Алмазова. Уж не потому ли он перешел в Москву, что в Одессе почва стала «слишком горяча» даже для его звериных ног? Университетские одесские союзники из мелкотравчатых, секретарь совета [Гериг] и «начальник университетской охраны» Вакурин (я не ручаюсь за фамилию) чего-то не поделили. И «начальник охраны» стал печатать в провинциальных газетах удивительные даже для России и для Одессы разоблачения левашовских и алмазовских порядков. Картина героического хозяйничанья получилась такая отвратительная, что наверху очевидно нажали на Кассо, и тот скрепя сердце должен был назначить ревизию одесского университета, хотя совсем недавно этот молдаванин с высоты думской трибуны ставил одесский университет в пример всем остальным. Но кого он послал ревизором? Гидулянова, своего прихвостня, который конечно найдет в Одессе все то, что там будет угодно найти молдаванину! У меня невольно рождается подозрение, что Алмазов был сильно скомпрометирован в одесских темных, а может быть и преступных делах и делишках, и что из Петербурга ему посоветовали по добру по здорову перебраться в Москву до ревизии. А может быть, он и сам просил об этом. Я очень хотел бы, чтобы мои подозрения не оправдались, чтобы Алмазов, оказался честным резинщиком и толмачевцем, если только мыслимо подобное сочетание. Но должен признаться, что трудно найти какое бы то ни было другое объяснение его неожиданному переходу в Москву.

22 октября, понедельник. Вчера было соединенное заседание совета и Общества истории и древностей российских в память 1812 года. Присутствовали попечитель, преосвященный Анастасий, Прасковья Уварова. Отсутствовали студенты, за исключением 5—6 человек, очевидно таких, которых нельзя было не пустить (пускали по билетам). Офицеров было больше, чем студентов. Я опоздал к началу. Речь Герье читал близкий к Герье человек, конечно, Богословский. К старику 75 лет конечно нельзя предъявлять сколько-нибудь высоких требований. Наоборот, приходится удивляться тому, что Герье сохранил научные и публицистические интересы и способность писать ясно и литературно, но уж слишком гладко и педагогично, безлично. Но приходится удивляться тому, что умный Богословский в 43 года с видимым смаком и сочувствием читал эту речь, где были набившие оскомину рассуждения, или лучше сказать заверения, о роли личности, о заблуждениях эконо-

мического материализма, и где очень заметные и раньше недостатки Герье обнаружились со старческой преувеличенностью. С увлечением Богословский читал довольно малолюдной аудитории, что Наполеон есть представитель римской имперской идеи, а Александр — представитель восточной, греческой культуры, нашедшей себе пристанище в Москве.

Какой свежестью после этих затхлых фраз повеяло от речи Бахрушина! Это была яркая и смелая в данной обстановке картина. При всей своей близорукости я, сидевший близко от Кузьмича, видел на его лице, как неприятно он чувствовал себя во время бахрушинской речи. Воображаю, как должны были морщиться попечитель с Прасковьей. Бахрушин говорил о купеческой и дворянской Москве, о тесной связи между изяществом дворянской культуры и несправедливостью крепостного права, о том, что приезд Александра в Москву был отказом от преобразований и поворотом к екатерининской сословной политике, к поблажкам дворянству. Характеристика Ростопчина была почти безжалостна по своей договоренности. В очень реалистичных красках была изображена правительственная и обывательская растерянность в Москве 1812. Бахрушин кончил указанием, что в сущности 1812 год занимает очень скромное место в истории Москвы: почти сейчас же после ухода французов зажили так же, как жили и до француза. Любопытно, что в суховатом, но свободном от всякой политической тенденции докладе Любавского об университете в 1812 году чувствовалась та же мысль: 1812 год, конечно, сжег здания и коллекции университета, но не внес никаких серьезных перемен в университетскую жизнь. В истории университета 1804 год гораздо важнее двенадцатого года[107]. И это, конечно, совершенно верно. Но для чего же тогда устраивать юбилейное заседание? Впрочем, ясно для чего. Надо же пролезть в попечители и доказать, что в обновленном университете все лучше и патриотичнее, чем в прежнем. Только вот оказалось, что благородный патриотизм Бахрушина вряд ли пришелся по вкусу попечителю с Прасковьей, и что все заседание вряд ли намного ускорит наступление заветного момента назначения в попечители.

Еще в начале сентября Кассо не утвердил Н.В. Давыдова в должности председателя преподавательского совета в университете Шанявского; тогда там выбрали физика Эйхенвальда, ушедшего. Кассо не утвердил и его. Вчера слышал от Поржезинского, что Чечулин (председатель осенней испытательной комиссии) как-то в разговоре позволил себе сказать, услышав об университете Шанявского: «А, это университет Альфонсов» (Шанявского звали Альфонсом). Истинно нововременское остроумие, сочетание наглости с клубникой. Чечулину, впрочем, сейчас же указали на неуместность его шутки; он, конечно, повторяет то, что постоянно говорят в Петербурге люди, заправляющие нашим просвещением. — Новгородцев будто бы получил из Петербурга от Лагорио телеграмму о только что со-

стоявшемся утверждении его, Новгородцева, ординарным профессором и директором Коммерческого института. Как должен гримасничать Кассо! Такое попустительство по отношению к выборжцу и ушедшему! Любопытно, скольких других ушедших утвердит министр торговли[108] в институте. Правда, тем резче выступает стойкость молдаванина, не в пример министрам-кисляям бестрепетно и высоко держащего свое тамерлановское знамя. Но молдаванину еще неприятность. Его компатриоты взяты под сильное подозрение насчет славянского и русского патриотизма. Еще чего доброго в союзе с Австрией объявят войну русским.

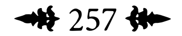
В московских газетах желтоватого колера в последние дни немало пишут об одном кассовском назначенце, истинно-русском поляке, физиологе Статкевиче. Это какая-то темная история с тотализатором, «спуском», конюшенными мальчиками, какая-то грязная денежная махинация. Сколько правды в газетных сплетнях, я совершенно не знаю. Но что-то не славен путь молдаванина, назначенцев, толмачевцев. В среде кассовской университетской администрации и профессуры начинает тянуть иногда уж очень срамным духом.

Странные вещи творятся с Озеровым. Он поступил в директора Ленского товарищества. Кроме того, вместе с Вормсом он прикосновенен к хлопотам о сдаче каких-то уральских казенных заводов в аренду какому-то французскому товариществу. Хорошо ли это или плохо, я не знаю. Может быть, это вовсе не предосудительно, может быть это даже хорошо, хотя благие порывы Озерова плохо совмещаются с высокими дивидендами ленских акционеров и с возбужденным настроением ленских рабочих (в газетах только что появились слухи о новом брожении на приисках, об установлении чрезвычайной охраны). Но ближайший результат пока был такой: в университете Озеров битый час, вместо того чтобы читать лекцию финансового права, оправдывал свое вступление в ленские директора и свое сочувствие французской аренде. А в Коммерческом институте Озерову положили на кафедру записку с вопросом: «Сколько у И.Х. Озерова Ленских акций?» Я искренне хочу верить, что у Озерова никогда не было ни одной ленской акции, и что он одушевлен самыми лучшими (хотя и весьма наивными) намерениями. И в Коммерческом институте вместо лекции он произносил возбужденную самозащитительную речь. Ведь уж обжегся на зубатовщине, и тоже с самыми лучшими намерениями. Нет, мало. А уж раз поступил, то зачем смешивать два ремесла, зачем произносить самозащитительные речи в часы, отведенные для лекции? Защищать себя гораздо удобнее было бы во время перерывов между лекциями.

Суббота, 27 октября. На женских курсах, к сожалению, не все благополучно. Случилось весьма неприятное происшествие. Виппер заявил

о своем желании читать лекции на курсах. Казалось бы, надо только радоваться этому заявлению. Ведь Виппер превосходный лектор, возвращение которого на курсы в высокой степени желательно. Увы, дело не так просто. Виппер нажил себе много врагов, которые рады сделать ему неприятность. К сожалению, среди недругов оказался и декан историко-филологического факультета курсов, Хвостов. Я не знаю, почему он не сочувствует возвращению Виппера на курсы. Может, здесь сказывается раздражение ушедшего против оставшегося. Злые языки утверждают, что Хвостов просто боится випперовской конкуренции. Виппер хочет в этом году читать историю Востока. Но ведь в будущем году он может выразить пожелание читать теорию исторического познания, т.е. один из курсов, монополизированных Хвостовым. Виппер сам себе усложнил дело. Вместо того, чтобы заявить о своем желании историкам (он, например, мог вполне положиться на Петрушевского, на Фортунатова, на меня), он почему-то обошел нас и действовал через Поржезинского. Поржезинский обратился к Хвостову с неофициальным устным заявлением о желании Виппера. Хвостов через Поржезинского посоветовал Випперу написать официальное письменное заявление о своем желании. Виппер так и сделал. И вот в четверг было на курсах заседание факультета, на котором обсуждалось это заявление. До заседания Поржезинский говорил с директором курсов Чаплыгиным об этом деле. Чаплыгин хочет, чтобы Виппер вернулся, и указал Поржезинскому, что Виппера можно провести ускоренным и упрощенным порядком. Виппер лет 11 тому назад был преподавателем на курсах, читал лекции, а потом выбыл из числа преподавателей. К таким бывшим преподавателям, желающим вернуться на курсы, уже несколько раз (Мензбир, Казаков, М.М. Покровский) применили такой порядок: на факультете их не баллотировали, а открытым голосованием делали постановление о желательности их возвращения; их выбирали только в совете, но и там, кажется, только записками, а не шарами.

В заседании Хвостов доложил о заявлении Виппера и о затруднениях, связанных с этим заявлением. Обычно никто не заявляет о своем желании стать преподавателем; обычно группа сама возбуждает вопрос о желательности приглашения нового преподавателя. Это было вероломство. Хвостов сам же присоветовал Випперу написать письмо, а потом изобразил дело так, как будто Виппер сам себя навязывает факультету. Затем Хвостов указал, что вряд ли удастся прочесть в текущем году предложенный Виппером курс по истории Востока; Хвостов намекал даже, что этот курс не нужен, ибо факультет уже сделал постановление о возможности обойтись в настоящем году без всякого Востока. Стало ясно, что Хвостов хочет оттянуть дело или даже совсем провалить его. Тогда Петрушевский и я заявили о крайней желательности возвращения Виппера, а также о желательности применить к Випперу упрощенный порядок, если такой существует.

А Поржезинский, сославшись на слова директора и на прецеденты, разъяснил, в чем состоит этот упрощенный порядок. Хвостов встал на дыбы и преисполнился самого благородного негодования. Он юрист и привык держаться общих норм, без воззрения на лицо. И вообще он против уклонения от баллотировки в факультете. Вот он, Хвостов, ушел из университета, вряд ли когда туда вернется и не особенно стремится к возвращению. Но если бы когда возник вопрос о возвращении ушедших, то он, Хвостов, потребовал бы, чтобы его подвергли баллотировке.- Сторонникам Виппера пришлось отводить эти крайне недоброжелательные намеки и попреки, указывать на полную определенность прецедентов. Но раз было деканом сделано заявление о чьем-то желании уклониться от баллотировки, то пришлось согласиться на баллотировку, чтобы показать, что никто не боится тайного голосования. Однако Кизеветтер и я заявили, что по нашему мнению нужно двинуть это дело как можно скорее. Декан должен был согласиться, и следующее заседание назначено на следующий четверг. Странным образом у Поржезинского нет полной уверенности в том, что Виппер пройдет в факультете. Я совершенно не допускаю мысли, чтобы факультет мог забаллотировать Виппера. Конечно Виппер большой мастер в gentle art of making enemies** [109]. Но ведь он в то же время очень выдающийся преподаватель, большой человек. Факультет прямо опозорится, если забаллотирует его. И даже самый ярый недруг в таком случае будет сильно колебаться, прежде чем положит шар.

Сегодня видел в библиотеке Герье. Он видит, слышит, легко ходит, чувствует интерес к ученой работе. В библиотеке он разыскивал пособия, в которых есть сведения о каких-то французских средневековых епископах. А старику 75 лет. Но еще более похудел и заострился, как птица.

Понедельник, 29 октября. Вчера был у меня с визитом Алмазов. Мои говорили мне, что он вошел робко, забито, с явной неуверенностью в том, что его примут. Я был безусловно вежлив. Между прочим говорили о дороговизне жизни и о мизерности профессорского жалованья; при этом случае Алмазов заявил, что вовсе не интересуется деньгами, и что всегда был по этой части даже слишком большим «идеалистом». В разговоре он неглуп, но непривлекателен.

Вторник 30 октября. Сегодня был магистерский экзамен Г.В. Сергиевского по средней истории. Мне было жалко его. Он хорошо отвечал по истории Флоренции и французских коммун. Но Виппер спросил его о халифате, и тут оказалось, что по этому вопросу он подготовился плохо; пришлось поставить ему только удовлетворительно. — При-

** gentle art of making enemies (англ.) — нежное искусство наживать врагов.

шел ответ из министерства о том, что философское отделение сохраняется, и притом в том нелепом виде, в каком его просило установить большинство нашего факультета, т.е. в виде историко-философском и словесно-философском; на наше отдельное мнение в министерстве не обратили никакого внимания. У Челпанова потекла слюни от удовольствия, и сегодня он и декан выступили с новым предложением устроить на философском отделении еще две подгруппы, романо-германскую и классическую. Это уж будет настоящий Мюр и Мерилиз[110]. Декан попробовал было даже провести эту новую затею в сегодняшнем заседании, но Покровский и я напомнили ему, что вопрос не значится на повестке и не может обсуждаться в сегодняшнем заседании.

Пятница, 2 ноября. Вчера вечером было заседание факультета на ВЖК, баллотировали Виппера. Пришло много народу, больше сорока человек. Вместе с переданными набралось 47 голосов. Были странные передачи, например, Мануилов передал свой голос Розанову, вероятно по совету Хвостова, знавшего, что Розанов положит налево. Достойнее было прийти самому и положить налево, чем укрываться за мнимою нейтральностью Розанова. А еще лучше было совсем уклониться от участия в баллотировке[*1]. Декан (Хвостов) принимает меры предосторожности, чтобы не могло быть никаких возражений против голосования. Он просит всех присутствующих подписаться на листе и вызывает всех по этому списку, что очень хорошо; к сожалению, раньше этого не делали. Виппер получает 19 избирательных и 28 неизбирательных. Впечатление получилось сильное. У одних — негодование, у других — плохо скрытое торжество. Слышится голос М.М. Покровского: «По поводу голосования будет заявлен протест. Поздравляю декана с голосованием, он добился своего». Потом он поправляется: «Поздравляю факультет с голосованием». Расходятся. Я разговариваю с Котляревским в соседней комнате по поводу этого удивительного голосования. Потом мы возвращаемся в комнату, где было заседание. Там Хвостов, Любавский, Грушка, Розанов, Кубицкий. Хвостов выражает удивление по поводу слов Покровского и радуется, что баллотировка состоялась и что он, декан, настаивал на баллотировке. Хороша была бы acclamation[**], когда при закрытом голосовании оказалось, что 3/5 факультета против возвращающегося преподавателя.

[*1] Так поступил А.И. Яковлев. Он имеет право считать, что Виппер обидел его. Ему было трудно положить шар за Виппера. Но он ушел до баллотировки. Больной М.М. Богословский, который не любит Виппера, никому не передал своего голоса. — *вписано в конце страницы.*

[**] acclamation (англ.) — одобрение.

Какой позор! Какая мелкота души! Не люди и страсти, а людишки и страстишки. Я вообще невысокого мнения о человеческой природе и не предъявляю к людям высоких требований. Я умею мягко, добродушно презирать людей. Оказывается, я недостаточно презирал их. Но неужели придется сильно понизить оценку людей, которых мне хочется уважать? Пусть какой-нибудь Хвостов спотыкается о свою «этику человеческого достоинства» и обнажает всю мстительность и подозрительность своего нутра. Здесь мало неожиданного. Но мне больно видеть, как Мануилов принимает участие в этом деле. Мстить за февральскую «измену» 1911 года положением шара налево в ноябре 1912, поставить себе целью не пустить Виппера на курсы, на те курсы, где действуют какие-нибудь Радциги, вступить в союз с Грушкой и Любавским, да ведь это значит ронять себя и сразу утратить все то нравственное превосходство, которое было у ушедших над оставшимися. Виппер в конце «непрочтенной» публичной лекции дал русской «интеллигенции» (как я не люблю этого слова) восторженную — и голословную — оценку. Вот она, русская «интеллигенция». Я всего менее безоглядный поклонник Виппера, я, кажется, все больше расхожусь с ним. Но ведь надо быть слепым, чтобы не видеть в нем очень талантливого человека и блестящего лектора. Среди теперешних московских историков он, конечно, самый выдающийся лектор. И господин Радциг с госпожою Еленскою не пускает его на курсы. Очень неприятно, что у меня нет полной уверенности даже в людях, относительно которых еще вчера у меня не было никаких сомнений.

Но оставим ушедших. Перейдем к оставшимся. Тут, среди положивших налево, уж прямо царство нравственных букашек, бессильных подняться над инстинктивной мстительностью темной душонки и чисто личною неприязнью. А у некоторых, как у Розанова, нет оправдания даже в желании отомстить, потому что и обид-то никаких не претерпено.

Я выхожу вчера вечером с Котляревским. Он говорит мне, что Виппера терпеть не могут и наши новые богоносцы, которые считают преподавательскую деятельность Виппера вредной и почему-то видят в его курсе по истории востока желание опорочить христианство. Я нахожу теперешние взгляды Виппера на религию узкими и нетерпимыми. Но в какой мере более нетерпимы те, которые сочувствуют его отстранению от преподавания. Котляревский не называл имен, но, по-видимому, намекал на людей булгаковской складки. Правда, Виппер с редким умением наживает себе врагов. Например, ушедшие и сочувствующие им из «Русских Ведомостей» так были озлоблены против него несколько месяцев тому назад, что даже не допускали мысли о поручении ему написать газетную рецензию на новую историческую книгу.

Сегодня в университете М.Н. Сперанский рассказал мне характерную мелочь об университете Шанявского. После неутверждения Давыдова Гучков, городской голова, спрашивал попечителя Тихомирова о том, кого бы можно считать приемлемым для начальства в должности председателя совета. Попечитель указал на одного «ушедшего», на физика Эйхенвальда. Выбрали Эйхенвальда и представили на утверждение попечителю Тихомирову. Тихомиров не утверждает Эйхенвальда. Гучков едет к попечителю и укоряет его: «Как же это вы, ваше превосходительство? Ведь вы сами указали нам на Эйхенвальда». Тихомиров, не сморгнувши, отвечает: «А вольно вам было мне верить». По слухам, этот самый Тихомиров сладко мечтает о том, чтобы вознестись либо в воспитатели цесаревича, либо в обер-прокуроры святейшего синода. Плоха русская «интеллигенция», но каковы агенты русского правительства!

В газетах напечатано сенатское решение по поводу жалобы петербургского университетского совета на Кассино постановление о параллельных курсах приват-доцентов. Решение совершенно крючкотворное и едва ли достойное даже теперешнего сената. Обер-прокурор предложил оставить жалобу без рассмотрения. В университетском уставе, видите ли, ничего не говорится о параллельных курсах. Советская жалоба опирается не на закон, а на толкование закона. Ну, а совету не предоставлено право толковать закон. Жаловаться на министра могут в данном случае лишь отдельные потерпевшие лица. Таковыми являются приват-доценты. Сенату было угодно согласиться с обер-прокурором. И это зовется — блюсти за строгим исполнением законов.

Суббота, 3 ноября. Сегодня в московских газетах заметка о забаллотировании Виппера. В ней сообщаются факты, но в изложении чувствуется неприязнь к Випперу.

Суббота, 10 ноября. Вчера вечером был у Д.Ф. Егорова. Он позвал человек десять «прогрессивных» профессоров (их всего осталось человек 25, но, конечно, почти все они очень умеренные люди; черных, вероятно, человек 30; и человек 30 болото либо равнодушных, либо трусливых и запуганных, либо беспринципных циников) поговорить о близких выборах проректора. Елистратов подал прошение об отставке (от должности проректора). Почему? Говорят по-разному. Одни уверяют, что Кассо скоро возьмет Гидулянова себе в товарищи, а Елистратова посадит на Гидуляновское место в директора Лазаревского института. А так как проректорское место весьма беспокойно, и на нем легко поскользнуться, то Елистратов торопиться уйти по добру и по здорову, чтобы не создавать препятствий для своего близкого назначения. По другим известиям Елистратов разошелся с другими членами правления

по вопросу о наказании участников алмазовской демонстрации и будто бы находил исключение слишком тяжелой карой.

По слухам, правящие теперь университетом круги наметили в проректоры Никифорова. Это очень странный выбор. Никифоров человек немолодой, заслуженный, хороший ученый. Он уже поэтому не годится для этой собачьей должности. Он правда очень правый, м.б. даже черный; но у него тяжелый, очень педантичный и черствый характер; и этот формалист не сумеет ладить со студентами. Непонятно, почему он соглашается выставить свою кандидатуру. Знающие Никифорова объяснили, что его жена недавно сильно проигралась на тотализаторе, так что мужу приходится искать дополнительного заработка.

Очевидно, черные очень сильно насели на трусливого и любоначального угря — карьериста Кузьмича, если он согласился взять к себе в товарищи такую тяжелую артиллерию. Возможна, впрочем, и худшая кандидатура — злобный Познышев. После беседы мы признали, конечно, совершенно не желательным по существу, да и сверх того и не осуществимым, выдвигать свою кандидатуру и решили написать на записках чужого нам, но сравнительно невинного Кожевникова, как все же меньшее зло, хотя без большой надежды на успехи даже без уверенности в том, что этот недалекий и влюбленный в себя ученик нынешнего попечителя согласится выставить свою кандидатуру.

Говорили и об общем положении дел в совете, о том, желательно ли устраивать периодические собрания, чаще и сплоченнее выступать в совете. Но пришли к заключению, что для этого еще не настало время, и что положение сейчас слишком тяжелое. В беседе преобладало грустное, подавленное настроение. Оно понятно. Но судеб университета нельзя отделять от общего хода русской жизни. Если произойдет сильный общий сдвиг, все эти печальные и противные герои и господа сегодняшних сумерек быстро уйдут либо перекрасят свою неказистую физиономию в более привлекательные или, вернее, менее неприглядные цвета. Не будет этого сдвига, они, несомненно, пойдут еще дальше и утратят даже элементарную стыдливость, дойдут до Киева, если не до Одессы.

В Московском коммерческом институте уже состоялось много назначений на штатные кафедры. Из «ушедших» назначены сам Новгородцев, Булгаков. Но Мануилов и Петрушевский еще не назначены; Новгородцев продолжает надеяться, что их обоих утвердят.

13 ноября, вторник. Кассо продолжает озорничать над Московским университетом. Сегодня утром читаю в газете, что Членов назначен сверхштатным экстраординарным профессором по кафедре венерических и накожных болезней. Кассо прямо наводнил медицинский факультет сверхштатными профессорами. Это, однако, обоюдоострое

средство. Ведь какой-нибудь из преемников Кассо может поназначить новый ряд сверхштатных профессоров, но уже по другим соображениям. И почему выбор пал на Членова? Уж не лечил ли он Кассо или кого из Кассовых клевретов? Я знаю Членова. Это юркий и рекламистый крещеный еврей, кажется среднего ученого калибра, доселе выставлявший безуспешно свою кандидатуру в разных местах и объяснявший свои провалы своим происхождением. Доселе изображавший из себя прогрессиста, примазывавшийся к Чехову, к обезьянам, к студенческой половой переписи. Я думаю, он человек жуликоватый, но отнюдь не черный. По-видимому, и здесь Кассо дал маху, как с Буйневичем. Да, вдобавок Членов в последнее время туг на ухо. Раньше это прокладывало дорогу в государственный совет; в наше конституционное время — очевидно, и в университетский совет.

17 ноября, суббота. В высших учебных заведениях опять не совсем спокойно. По поводу казни 11 черноморских матросов[111] по всей России прокатилась волна студенческих и рабочих забастовок. Эти демонстрации робки, нестрашны. Но год тому назад и такие демонстрации были невозможны. И уродливым образом, с несомненным, хотя и чрезвычайно медленным нарастанием общественного беспокойства, правительство грубеет, становится заносчивее, бесцеремоннее, особливо в нашем многострадальном ведомстве.

Московский университет очень спокоен. Но в нем была небольшая политическая демонстрация в анатомическом театре. Пели давно уж не раздававшийся в университетских стенах похоронный марш, освистали Елистратова, пререкались с поспешно явившимся Модлем, были переписаны и лишены входных билетов. Пострадавших оказалось человек 200. Едва ли даже молдаванин решится их выгнать; это значило бы выгнать весьма значительную часть медиков первого курса. А впрочем. Я знаю об этом происшествии только из газет. Теперешнее университетское начальство не считает нужным осведомлять совет о таких заворошках[**]. Судьба студентов, как в доброе старое деляновское время[112], определяется окриком сверху, из министерского кабинета, и доносящим нашептыванием снизу, из уст «педелей» или служителей, как их теперь зовут, либо полицейской переписью. Правление (а может быть и всего только Кузьмич с Елистратовым; я совсем не знаю, что теперь творится в «правлении») считает себя не органом, а начальством совета; но не только перед министром, а просто перед попечителем Кузьмич расстилается смиренно и земно, как захолустный поп перед грозными очами владыки, в чаянии блаженного мига, когда сам станет владыкою.

[**] заворошка (прост.) — путаница, осложнение в каком-либо деле.

На женских курсах было несколько «летучих» демонстраций, но смирных, так что до ввода полиции дело не дошло. Директор говорит, что и на будущей неделе возможны небольшие демонстрации. Я сегодня в первый раз был вечером в новом помещении курсов на Девичьем Поле. Там вечером очень хорошо, еще лучше, чем днем. И советская зала красива, не очень велика, но очень высока, кажется, с хорами. Как странно! На женских курсах в советской комиссии почти одни только «ушедшие», и мне не совсем ловко в их обществе.

Воскресенье,18 ноября. Сегодня прочитал в газете новый слух. Кассо будто желает взять себе в товарищи не Гидулянова, а Гуляева. Гидулянов передвигается на место Гуляева в лицей, а Елистратов на место Гидулянова. Это известие правдоподобнее прежних слухов. — На место покойного Голубинина назначен Голубов, старый московский профессор, бывший захарьинский ассистент, до сих пор служивший все сверхштатным.

Вчера студенты, опять таки я знаю это только по газете, учинили маленькую демонстрацию на лекции И. Каблукова, просили его не читать; после его отказа 2/3 ушли с лекции.

Воскресенье, 9 декабря. В последний понедельник, 3 декабря, Котляревский позвал Мартынова, Северцева, Егорова и меня. Вот повод. 10 ноября на собрании у Д.Ф. Егорова хозяин попробовал поставить на обсуждение вопрос о возможности возвращения троих М, но этим посеял только смущение. Старая лиса Анучин даже поспешил вынуть часы и удалиться из собрания. Вопрос почти и не обсуждался. Но Егорова видимо этот вопрос сильно волнует, и Котляревский предложил обсудить положение в более интимном кругу. Егоров говорил о желательности предпринять какие-нибудь шаги уже в ближайшее время. Можно например, обратиться к совету с предложением возобновить былое единогласное ходатайство о возвращении троих М. Егоров возлагает надежды на «старых» профессоров и думает, что при открытом голосовании они, связанные своим прежним голосованием и своим долгом перед пострадавшими товарищами, не посмеют выступить против этого предложения. Егоров возлагает надежду даже на министров, особенно Коковцева, который получил возможность держаться более примирительной политики.

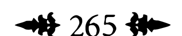
Но остальные четверо не разделяли этого оптимизма и находили возвращение троих совершенно не осуществимым в настоящую минуту. Кассо цел, а пока он цел, он силен как раз своею «непреклонностью» и своими нажимами, в частности, нажимом на профессоров. Если бы по ведомству просвещения пожелали держаться более мягких приемов, то, конечно, молдаванского грека заменили менее бесцеремонной фигурой. Если Кас-

су держат, значит Коковцев не смеет стать мягче, и, значит, повторное советское ходатайство будет отвергнуто министерством. А сверх того, вряд ли можно рассчитывать, чтобы теперешний совет повторил свое ходатайство о возвращении троих уволенных. Невозможно рассчитывать на всех старых профессоров. Некоторые из них, наверное, будут голосовать против ходатайства. Северцев сообщил о дошедших до него слухах, будто февральский разгром 1911 года произошел при самом живом содействии некоторых профессоров—медиков; он слышал о Губареве, Снегиреве, может быть Никифорове. Егоров подтвердил, что и до него, и притом с другой стороны, доходили такие же слухи. Северцев думает, что ново-назначенные профессора, без различия направлений, будут против ходатайства, ибо возвращение уволенных, за которым может воспоследовать возвращение подавших в отставку, для новоназначенных сопряжено с неприятностями, а может быть, и с опасностями. Ходят слухи, что новоназначенные на своих собраниях уже обсуждали грядущие возможности и решили не делать уступок: пускай себе меняются настроения в министерствах и в обществе, у нас теперь прочное большинство в совете Московского университета, и мы сумеем даже при повороте правительственной политики отстоять свои кафедры. Мартынов рассказал, что после перевода Григорьева (кстати, по словам Мартынова, он оказался наименее неприятным из назначенных*[1]) на медицинском факультете подняли вопрос о возвращении Минакова; прямо его не называли кандидатом на освободившуюся кафедру, но решили поднять вопрос о замещении освободившейся кафедры по рекомендации. Но хозяйничающее на факультете большинство сейчас же разнюхало план провести Минакова путем рекомендации; послышались ядовитые замечания о том, что сторонниками рекомендации внезапно стали те самые люди, которые раньше стояли за конкурс. А главное, поторопились принять свои меры в министерской передней, и кафедра судебной медицины быстро была замещена по назначению каким-то Райским из Томска, молодым из ранних. Котляревский сообщил о своей попытке склонить Муратова в пользу минаковской кандидатуры; Котляревский знал Муратова по Саратову и считал его раньше человеком порядочным; но с первых же слов наткнулся на враждебное, даже озлобленное отношение к ушедшим.

По списку профессоров мы стали подсчитывать, кто может высказаться за ходатайство и кто против него. Оказалось, что в лучшем случае за ходатайство выскажется ничтожное большинство; но его очень легко могут и отвергнуть. Мы решили повременить с возбуждением вопроса о

* Самый неприятный, прямо наглый, это будто Статкевич. Правда, после истории с «мальчиками» он присмирел. Вообще в этом году назначенные медики держатся почему-то смирнее прошлогоднего, хотя их больше. — *вписано в конце страницы.*

повторном ходатайстве, пока не улучшится положение наверху, в министерстве, и внизу, в совете. Егоров верно указывал на трудное положение оставшихся, сочувствующих уволенным и ушедшим: если слишком рано начать агитацию в пользу ходатайства, то можно даже повредить делу; но если дожидаться общей политической перестановки, то ведь при ней уволенные и ушедшие вернутся в университет на гребне общественной волны без всякого содействия оставшихся, и будут видеть в оставшихся если не врагов, то презренных и трусливых себялюбцев. Здесь есть немалая доля правды. Но все же остальные указывали Егорову, что до крутой перестановки общего политического положения еще может быть и очень далеко, и что не в очень отдаленном будущем может наступить момент, когда оставшиеся смогут оказать содействие возвращению уволенных и тем выполнить хотя бы часть своего долга. Если Кассо должен будет уйти, и если только его преемником будет назначен человек менее наглый или, может быть, даже прямо наклонный к мягкому образу действий, то легко может измениться к лучшему и поведение совета, окажутся перебежчики справа в средину, со средины влево, даже справа налево, а тогда легче будет провести ходатайство. На всех факультетах окажутся, вероятно, «кадеты в душе», вроде Розанова у нас, Членова у медиков, Плотникова у естественников (этот подозрительный назначенец ездил неведомо зачем с визитом к Северцеву и заверял, что он «кадет в душе»).

Решили пока сидеть у моря и ждать погоды. Я поставил вопрос: ну если придется уж очень долго ждать погоды, не выступить ли тогда с предложением о повторном ходатайстве без всякой надежды на успех и даже с ясным предвидением начальственных кар? Я не говорил, что я стою за такую демонстрацию. Я только поставил вопрос о ней, чтобы совершенно выяснить положение. Мне казалось, что среди нас пятерых лежащий на нас долг всего больше тяготит Егорова, и что ему хотелось бы даже принести жертву. Но никто не сказал ни слова в пользу демонстрации, а Северцев высказался решительно против нее.

Кассо вызвал Елистратова к себе и запретил ему подавать в отставку, так что никаких выборов проректора не будет. Замолкли и слухи о вознесении Гуляева и Гидулянова.

В среду 5 декабря по инициативе Яковлева собралось в «Праге» человек десять историков на поминки по Шахову и Ключевскому. В прошлом году в этот день собирались у Бориса, но было скучно, и Яковлев решил собрать народ на нейтральной почве. Пришел Виппер и держал себя приветливо; еще были Яковлев, Готье, Кизеветтер, Бахрушин, Богоявленский, Сухотин (внук Толстого), Веселовский, Котляревский и я. Богословский болен подагрою и сидит на диете, а Любавский отговорился правленским заседанием. Вечер прошел довольно оживленно,

под конец вспомнили о Ключевском и А. Шахове; Яковлев рассказывал интересные вещи о странном шаховском брате, прижимистом дельце, крупном картежнике и оппозиционном благотворителе.

Я был сегодня у Буйневича. В разговоре зашла речь о Савельеве, который теперь болен и весь этот семестр не мог посещать своей клиники. Этот господин даже не потрудился известить факультет о своей болезни. Когда факультет запросил Савельева о том, будет ли он вести занятия в осеннем полугодии, то Савельев послал прямо министру извещение о том, что он болен и просит об отпуске. Факультет для него — quantité négligeable**. Буйневичу как-то пришлось говорить о Савельеве с попечителем, и попечитель без всякого стеснения сказал: «Я знаком с Савельевым, ведь вы его тоже знаете. Не находите ли вы, что он как-то туповат?». Это — один из возродителей Московского университета. А Северцев, характеризуя Станкевича, говорил, что это, по-видимому, убежденный черносотенец и честный человек, но что в умственном отношении это, по-видимому, ... тут Северцев постучал по столу; и слышавший эти слова Егоров, другой товарищ Станкевича по факультету, не возражал против этой характеристики. Это другой возродитель и назначенец.

Конечно, надо быть справедливым. Среди назначенных есть умные и способные люди. Северцев говорил, что Челинцев производит благоприятное впечатление; и Егоров по-видимому теперь более благоприятного мнения об этом своем товарище.

Прошлый вторник, 4 декабря, я получил повестку о первом заседании исторической секции Чупровского общества[113]; на повестке стоял доклад Н.М. Никольского о феодализме у евреев Ветхого Завета. Отправляюсь на Страстной бульвар, в помещение статистического семинария. Случайно у подъезда встречаю Д.Н. Егорова. Входим. Застаем несколько девиц, участниц семинария Д.М. Петрушевского, несколько зеленых «левых» молодых историков — Лукина, Попова, Волгина, Удальцова (он еще студент). Больше никого. Нет ни председателя (Петрушевского), ни товарища председателя (Сторожева, и почему только его выбрали в председатели?). Волгин говорит мне, что заседание не состоится, потому что Никольский болен. Я говорю, что может быть можно достать реферат. Спрашивают Никольского по телефону. Тот отвечает, что собирался сделать устное сообщение. Значит, надо уходить. Входит Петрушевский; он знает о сюрпризе, но, по-видимому, ни в малейшей степени не смущен таким блестящим началом, не выражает ни мне, ни Егорову никакого сожаления по поводу того, что мы напрасно потеряли немало времени, которого у нас совсем не так много, и вступает в оживленную беседу с дамами своего семинарии. Я с Егоровым ухожу; мы, разумеется, поражены таким удивительным неумением

** quantité négligeable (фр.) — мелочь, пустяк.

положить начало общению прикосновенных к науке московских историков. Сегодня по телефону секретарь-барышня говорит мне, что доклад Никольского перенесен на вторник, 11 декабря, и что не сочли нужным рассылать новые повестки, решили ограничиться извещением по телефону. Кого же при этом известили? Тех, кто был прошлый вторник? Оригинальное общество, и вряд ли особенно жизнеспособное.

11 декабря. Сегодня был в университетской церкви на похоронах графа Камаровского. Хоронили его торжественно, с двумя архиереями (покойный был очень религиозен и каждое воскресенье ходил к обедне), с Гучковым, с военными. Пришли и ушедшие. Но на кладбище пошло немного народу. Покойный был человек добрый и прекраснодушный, искренне любил университет, в печальные февральские дни самому умиранию университета и совета он придал известное благолепие; но, конечно, его прекраснодушие было очень близко к простодушию, к наивности, и уж слишком много было в нем торжественности и чувствительности. Но при теперешнем составе юридического факультета и его смерть представляет немалую потерю, не для науки, а для факультетских и для советских дел.

На медицинском факультете продолжают назначать дублеров. До какого же числа профессоров там дойдут? Последнее назначение — это какой-то Струев, по фармацевтической части. Он назначен экстраординарным, в помощники попечительскому брату.

13 декабря. Вчера факультетское заседание. Отзывы о сочинениях. На этот раз есть сочинение у Грушки, первое и, кажется, недурное, Петровского, брат которого оставлен по западной литературе. Челпанов на этот раз обрел двух Кантов и одного подканта, одного русского, [1-]Бережков, тоже брат оставленного[-1], и двух инородцев. У Виппера никто не написал на предложенную им тему. Остальная часть заседания ушла на два дела, в которых факультетская клика выказала себя во всей красе. Розанову очень хочется облегчить магистерский экзамен для своих оставленных, и он задумал обкорнать экзамен по всеобщей истории, из шести вопросов оставить два. Он обращался к нам, ко мне и Випперу с этим проектом, но не встретил сочувствия и тогда решил пустить в ход голоса, что, конечно, и было осуществлено с полной легкостью. Я, Поржезинский, Покровский указали на сложность вопроса, на необходимость обсудить вопрос в комиссии, на желательность обсудить постановку магистерского экзамена и по другим кафедрам. Конечно, нам не могли возразить ничего сколько-нибудь серьезного; но все уперлись как быки, и, конечно, скоропалительно проголосовали предложение Розанова.

Второе дело было хуже. Оно пустое. Новые министерские учебные планы ввели в состав полукурсового испытания философию и методологию

истории. И некоторым студентам, всего только троим, нужно сдать экзамен по этому предмету, чтобы получить выпускное свидетельство. Совершенно нелепым образом Виппер отказывается экзаменовать их, хотя он по крайней мере два раза читал курс, зачитывавшийся студентом за философию и методологию истории; и отказывается по странным, крючкотворным соображениям. А проэкзаменовать этих студентов можно в час, если не в полчаса. На прошлом заседании факультет поручил Випперу проэкзаменовать их. Виппер письменно отказался, опять по хитросплетенным соображениям. Он пришел на заседание и отлично знал, что этот пустяковый вопрос снова будет обсуждаться. Но совершенно нелепым образом и бестактным образом ушел с заседания, не дождавшись его обсуждения. Клика, очевидно заранее решившая использовать его нелепое поведение в целях его осрамления, почувствовала себя пришпоренной и вела себя неприлично. Я не понимаю, откуда у них такая злобная ненависть к Випперу. Ведь кажется уж распотешили себя на женских курсах. Но им мало и ни в какой степени не стыдно. Всех больше отличался Грушка. Он совсем забыл о том, что сидит на председательском месте, и дерзко, по-прежнему дерзко, нападал на отсутствующего товарища, намекал на его некомпетентность в истории Востока и противополагал ему Тураева, стыдил за жестокость к студентам. Но когда во имя человеколюбия я предложил свои услуги, чтобы проэкзаменовать этих троих, он сейчас же запротестовал и с полной ясностью показал, что эта сострадательность — чистое лицемерие. Даже обычно идущий на подобные поблажки Лопатин вдруг преисполнился строгости и нашел, что только Виппер может экзаменовать этих студентов. Любавский, конечно, был осторожнее, но и он выказал крайнее недоброжелательство по отношению к Випперу, с которым года три, четыре тому назад он даже при разногласиях держался очень корректно. Всего хуже то, что Грушка два раза подчеркнул свое намерение в случае отказа Виппера подать особое мнение. Может быть, я чрезмерно подозрителен, но мне чудится, что клика хочет раздуть эту историю, которая не стоит выеденного яйца, воспользоваться бессмысленным поведением Виппера и очернить его за «неисполнение служебных обязанностей», подать особое мнение и с заднего крыльца доставить оное попечителю и министру, чтобы те получили возможность обрушить на виновного грозные начальственные кары.

Я шел домой с Поржезинским. Он, сильно и чрезмерно привязанный к Випперу, очень удручен и видит здесь даже предписанное начальством выискивание и нахождение повода к какому-нибудь грубому начальственному воздействию на Виппера, вплоть до перевода в провинцию. У него расходились нервы. Он подозревает сложный комплот, имеющий своею целью изгнать из факультета всякую оппозицию. Я считаю это преувеличенным. Но что на факультете устанавливается гнусная атмосфера, это верно. Надо сильнее презирать людей.

Понедельник, 17 декабря. В субботу заседание совета. Между прочим доложена смета на 1913 год, и ректор извинился за опоздание, обещал впредь изготовлять ее раньше и рассылать членам совета, а необходимые сокращения факультетских просьб отдавать на обсуждения факультетов. Он признал и полную ненормальность финансового положения. Решили просить о казенном пособии на уплату долгов и об увеличении казенных ассигновок на хозяйственные расходы университета. Здесь есть удивительные вещи. Ассигновка на ремонт университетских зданий остается без перемен с шестидесятых годов прошлого века, хотя этих зданий стало много больше, а цены на строительные материалы выросли больше чем вдвое (сильно поднялась, конечно, и заработная плата). О щекотливых пунктах не говорили: молчали о ликвидации университетской типографии, о том, как правление запоздало с заключением контрактов на поставку топлива и оттого переплатило несколько тысяч. Вообще смета прошла мирно.

Но много разговоров было о другом деле, очень характерном для современной разрухи высших школ. В Москве нет центрального морга, а есть только маленькие морги при отдельных полицейских частях. Минаков, преподаватель судебной медицины на Высших женских курсах, задумал, на благо курсам, но не в меньшей мере в пику «обновленному» и «казенному» университету, учредить центральный морг при курсах. Для морга нужны деньги. Деньги нашлись. В Москве есть богатый человек, в последние годы сделавший себе специальность из пожертвований на благотворительные предприятия, неприятные министерству народного просвещения. Это Н.А. Шахов. Минаков вошел в переговоры с Шаховым и Шахов обещал дашь 40.000, если морг будет устроен при женских курсах и в заведовании опального Минакова. Морг нужен городу. И Московская городская Дума недавно постановила дать от себя 40.000 на учреждение центрального морга при женских курсах. Если этот замысел осуществится, то это будет сильный щелчок университету и особенно медицинскому факультету. Морги — главный источник, откуда поступают «полицейские» трупы (т.е. трупы людей, умерших несомненной естественной смертью) в анатомические театры университета, и единственный источник, откуда поступают трупы «судебно-медицинские» (относительно которых есть уверенность или подозрение в насильственной смерти). Если центральный морг устроится при женских курсах, то трупы будут стекаться туда. Но университетские профессора анатомии и судебной медицины, Венгловский, не устыдившийся быть назначенным на место Рейна, и Райский, не устыдившийся быть назначенным на место Минакова, должны будут обращаться к Минакову с ходатайством об отпуске необходимых им трупов. Правда, казалось бы, университетские анатомы могут просить себе трупов в городских больницах. Но больничная администрация почему-то с давних пор относится очень неприязненно к медицинскому факультету универ-

ситета, и надежда на больницы очень плохая. На медицинском факультете всполошились, и эта тревога сразу получила весьма неказистую окраску. Некоторые медики из университета побежали к попечителю, к градоначальнику и обратили внимание не только на несомненный ущерб для университета, но и на «политическую» подкладку этого трудного дела. А морг есть учреждение не только учено-учебное, но и административно-судебное, и для его учреждения необходимо согласие и министерства юстиции и министерства внутренних дел. И вот от градоначальника поступает через попечителя запрос ректору, не потерпит ли университет ущерба от устройства морга при женских курсах. Запрос передается медицинскому факультету. Новый профессор судебной медицины, томский юнец Райский, считавшийся в Томске в прогрессистах, назначенец, составляет доклад об устройстве центрального морга при университете; доклад принимается в факультете и поступает в совет. В защиту «райского» доклада выступает несколько «назначенных» профессоров: Райский, Венгловский, Головин, Буйневич, это их дебют. Зернов, Карузин и Мартынов не пришли и Губарев жаловался мне на их отсутствие. Поскольку назначенные говорили о предпочтительности нахождения морга при университете, а не при курсах, они были совершенно правы, и совет единогласно принял соответственное предложение факультета. Но в прениях возбудили вопрос об отношении морга к Высшим женским курсам. Н. Каблуков предложил дополнить советское постановление указанием на то, что трупный материал морга будет справедливо распределяться между всеми высшими медицинскими школами Москвы. И вот медики восстали против этого, Венгловский и Райский сравнительно прилично, обещая без формального обещания выдавать медичкам нужные трупы, Головин и Буйневич неприлично и вызывающе, указывая на недопустимость подобного «обязательства» со стороны правительственного учреждения, каким является университет, по отношению к частному учебному заведению, каким являются женские курсы. Характерна была речь Березовского. Каблуков выразил надежду, что при примирительном отношении совета к моргу Городская дума может изменить свое решение и ассигновать деньга на морг, находящийся при университете, но удовлетворяющий потребностям всех высших медицинских школ. Березовский объяснил, что он выступал в Думе с таким примирительным предложением, но не встретил решительно никакого сочувствия, что управские и, в частности, больничные врачи издавна относятся к университетскому медицинскому факультету очень неприязненно, и что поэтому больше выступать с примирительными предложениями не следует. Райский проговорился, что он хорошо осведомлен о намерениях градоначальника, который не утвердит думского постановления о морге. Совершенно распоясался старик Тарасов, который предложил обратить внимание градоначальника на необходимость опротестовать думское по-

становление; но братья Каблуковы сейчас же указали на недопустимость такого гувернерства над градоначальником; Тарасовское предложение провалилось. Я говорил о желательности примирительного поведения и о том, что Высшие женские курсы не частное учебное заведение.

В заключение голосовались две дополнительных формулы, Каблуковская о справедливом распределении трупов между всеми высшими медицинскими школами (надо сознаться, формула очень неудачная по своей неясности), и моя о том, чтобы по удовлетворении учебно-ученых нужд университета оставшиеся трупы предоставлялись в распоряжение других медицинских школ. Обе формулы были отвергнуты, первая 19 голосами против 13, и вторая 18 голосами против 14. Надо заметить, что все наши голосования в этот день не имели законной силы, ибо мы были не в числе. — Впечатление грустное. Город на ножах с университетом. Минаков хочет устроить свой морг и не давать трупов университету. Шахов дает ему деньги в пику правительству. Райский с Венгловским хочет устроить морг при университете, что правильно; но они не хотят давать трупов курсам и с заднего крыльца забегают к градоначальнику, чтобы он опротестовал думское постановление. Трупов и тех не могут поделить ушедшие с назначенными. Какая иллюстрация всеобщей нетерпимости!

Сегодня встретился в трамвае с Муратовым. Он передал мне поклон от томского брата и сожаление о том, что брату не пришлось устроиться в Москве. Я указал, что его появление на кафедре оперативной хирургии (т.е. на Рейновском месте) было сопряжено с затруднениями, но что можно без всяких оговорок пожалеть о том, что ему не пришлось попасть в Новоекатерининскую больницу. Я, значит, коснулся больного места. Муратов отвечает, что он не просился на Ротовское место, как это делали менее видные врачи по отношению к другим освободившимся в Москве кафедрам, но что его просило министерство, как видного невропатолога, и что если бы он отказался, его могли бы выгнать со службы. Потом, к моему великому изумлению, он говорит: «А вот ваш брат опоздал заявить в министерстве о своем желании занять здесь кафедру оперативной хирургии». Муратов кажется хороший невропатолог, брат мой отнюдь не крупный хирург-теоретик (о его достоинстве в качестве практического хирурга я совершенно не могу судить). Но какой степенью невоспитанности должен обладать Муратов, чтобы говорить мне в глаза такие вещи! И потом я никогда не слышал о том, чтобы брат мой когда-нибудь собирался подать такое заявление в министерство. Откуда сие известно Муратову?

Поржезинский сказал мне, что он беседовал с Виппером об экзамене четырех студентов и о замысле милых товарищей по факультету. Виппер решил проэкзаменовать их. Значит, это нелепое затруднение исчезает, и здесь не выйдет никакой истории.

1913

8 января 1913.

Я начинаю новую большую тетрадь, в которую уместятся новые годы моей университетской жизни, если только я буду жив, и если попечительное начальство не остановит на мне чрезмерно благосклонного внимания. Что-то принесут ближайшие годы университету? В своей первой «книге» я записывал свои горькие впечатления от быстро надвигавшейся реакции, от великого февральского разгрома и от последующего пира победителей на костях. Я начинаю второе пятилетие своей профессорской жизни среди наивысшего торжества реакции. Новый год ознаменовался отчаянно дерзкой выходкой молдаванина: на кафедру политической экономии в Петербурге он назначил ничтожного Чистякова, который всего несколько недель тому назад стал доктором полицейского права, а в Одессе читал финансовое право. Правда, в других областях русской жизни — так по крайней мере многие думают, я предпочитаю быть скептиком — господство реакции становится как будто менее безраздельным и бесцеремонным. Но «просвещение» ведь всегда немного отстает от других «ведомств». Завоевания «освободительного движения» были ниспровергнуты в университете позднее, чем в других учреждениях. Не было бы ничего удивительного, если бы и реакция задержалась в воеводстве молдаванина дольше, чем в других департаментах. К сожалению, я вовсе не верю в близость новой весны. Ближайшее будущее России для меня темно. Конечно, некоторые перемены есть. Но их величина и прочность темны. Я не очень весело гляжу на ближайшие университетские годы.

Сегодня пришла повестка на экстренное заседание совета. 11 января совет будет иметь «суждение по вопросу о принесении верноподданического поздравления Его Императорскому Величеству Государю Императору по случаю 300-летия царствования дома Романовых». Надеюсь, что робкий Кузьмич гладко проведет это необходимое юбилейное дело. А 12-го состоится акт. Весной Кузьмич требовал акта на том основании, что Павлову очень хочется сказать речь о допотопных чудищах. И вдруг сказывается, что никакого Павлова не будет, а что с речью выступит допотопное чудище, чайник Тихомиров. Как этот пассаж характерен для мелкого Кузьмичевского режима! Ну что же, пусть себе чаевничают, так им и надо. А вечером 12-го профессоров зовут на то-

варищеский обед в «Прагу». Ко мне сие приглашение пришло всего с 4 подписями: Любавский, Лейст, Губарев, Буйневич. Я подписался. Мне очень интересно знать, что будет на этом «товарищеском» обеде, который так просится на сопоставление с пражским собранием 1910 года. Характерная подробность. В 1910 играли в демократизм и платили по два целковых с «рыла». Теперь ставшие еще беднее профессора (впрочем, вернее, их начальство) играют в буржуазное благополучие и будут платить по 10 рублей с «персоны». А Кассо, по слухам, не прочь повременить с прибавкой жалованья этим счастливым богачам.

На днях я был у Гензеля и видел там любопытную бумажку. В Коммерческом институте выбрали сверхштатным профессором П.П. Соколова, который состоит профессором в Московской духовной академии. В Министерстве торговли запросили московское епархиальное начальство о согласии. Московская консистория отвечает, что у профессора Соколова слабое здоровье, и что ему будет трудно нести новые обязанности. Какие нежные сердца у московского епархиального начальства! Курьезно, что сие начальство не воспрещает Соколову читать лекции в институте в звании преподавателя. Но профессором быть нельзя. А Соболевскому и Богословскому можно быть даже штатными профессорами в другом учебном заведении, а именно в университете. Капризна московская епархиальная благодать, но благодатна: даже карая Соколова за его порядочность, она милует, выказывает нежную заботливость о его слабом здоровье.

11 января. Сегодня экстренное заседание совета по поводу юбилея. Народу немного. Ректор сообщает, что к 12 января должен быть представлен список обществ и ученых учреждений, желающих послать депутатов на петербургские юбилейные торжества, причем число депутатов должно быть не больше трех. Все молчат. Ректор спрашивает, кого послать. Быстро решают послать ректора, помощника ректора и старшего декана, т.е. Зернова. Гулевич спрашивает, будет ли у депутации какое-нибудь всеподданнейшее приветствие. Ректор сообщает, что этот вопрос неясен; неясно, будут ли московские учреждения и общества обращаться с приветствиями теперь или в июне, когда государь, посетив Нижний Новгород и Кострому, прибудет в Москву; если возможно и желательно будет обратиться с приветствием, то для этого будет созвано особое заседание. Павлов предлагает на случай заранее подготовить проект обращения; ректор отвечает, что он имеет это в виду, заседание закрывается. Оно длилось всего минут 10—15. Очень хорошо. Ректор в вступительных словах напомнил, что Московский университет основан последней представительницей прямой линии Романовых, Елизаветой Михайловной. Зернов поправляет его: Елизаветой Петровной. Ректор поправляется. Очень хорошо.

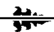

12 января, 10 часов вечера. Я с полчаса тому назад вернулся из «Праги» с «товарищеского» профессорского обеда. Это одно из сильных, но и неприятных впечатлений в моем опыте. Прихожу четверть седьмого, застаю порядочно народа, к моему удивлению присутствует и попечитель. К моему еще большему удивлению ни одного из теперешних «левых» профессоров, я единственный. Значит, прочие выказали большую брезгливость и, может быть, даже будут считать меня ренегатом. Все на Руси возможно. Я здороваюсь с деканом; он тоном шутливого выговора спрашивает: «А почему вы не были на акте?» И сейчас же снисходительно добавляет: «Вероятно, мундирный вопрос?» Тогда спрашиваю я: «А разве нужно было быть в мундире? Я этого не знал. Мундира у меня действительно нет. Но я не был по другой причине».

Садимся. Мне приходится сидеть рядом с Зыковым и Корсаковым, напротив меня Муратов и Озеров. Я вступаю в разговор с Озеровым и Муратовым насчет происшедшего два дня тому назад младотурецкого переворота и современного международного положения. Оба они ужасно либеральничают. Озеров говорит, что за два дня до объявления войны черногорцами Коковцев сказал ему о неизбежности войны и о том, что Россия ни в каком случае воевать не будет, хотя бы пришлось потерять свое лицо перед славянами. Муратов добавляет: «Революции боятся». И потом оба говорят о том, что денег нет, что высшее командование никуда не годится, что военное хозяйство из рук вон. Я с насмешкою слегка сдерживал эти самобичевания. Раздается пшютский** голос попечителя: за Московский университет. Кричат ура и чокаются. Ректор провозглашает тост за попечителя, который настолько чувствует себя профессором Московского университета, что делит с президиумом и правлением труды по управлению университетом, можно сказать управляет университетом, дай Бог, чтобы всегда были такие попечители. Нечего сказать, пожелание! Все торопятся чокнуться с попечителем. Остающихся с бокалом на месте немного, Богословский, Муратов, Озеров, я на нашей половине стола, на той я не разбираю лиц. Любавский пьет за помощника ректора, благодаря самоотверженным трудам которого бюджет начинает приходить в равновесие. Любавский пьет и за проректора, которому пришлось быть искусным стратегом, чтобы акт стал возможным. Что же это за стратегия? Переборки между факультетами? Алмазовский инцидент? Умный Елистратов спешит отвести опасный комплимент. Он говорит, что стратегия здесь не важна, а важна тяга к науке, которая теперь сильна у московского студенчества; он предлагает выпить за московское студенчество.

Самое неприятное впечатление от Буйневича, который пышно распускается. Вот не ожидал. Ядовито он говорит, что Татьяна должна быть

** пшют (устар.) — фат, пошляк.

днем единения и что надо выпить не только за присутствующих, но и за отсутствующих профессоров, которые, надо полагать, относятся к присутствующим с такою же приязнью, с какой присутствующие относятся к отсутствующим. Это ядовитая стрела по адресу левых, проявивших возмутительную партийность. И это осмеливается говорить человек, всего только третьего дня пролезший в профессора. Ну и фрукт! Странным образом речи крайних правых звучали приличнее, чем речи представителей центра. Головин пожелал возобновления старой Татьяны, сближавший детей, отцов, дедов, профессоров, приват-доцентов, студентов, дня, когда студент говорил «ты» старому профессору и купался в рыбном бассейне у «Яра». Три вещи уничтожили Татьяну — Лев Толстой, Власовский, который почему-то усмотрел в ресторанном веселье потрясение основ, политические раздоры. Дай же Бог, чтобы скорее исчезли вредное влияние толстовщины, произвол Власовских, политическая нетерпимость. Губарев говорит о необходимости единения, о том, что всякий, любовно потрудившийся на благо Московского университета, каковы бы ни были его политические убеждения, заслуживает сочувствия за свою работу. Что это такое? Намек на ушедших? Доброе слово по их адресу? Если да, то намек очень закутанный и с ядовитыми оговорками. Тарасов говорит о том, что незыблемою скалою университетского единения является наука. К настоящему научному работнику можно относиться сердечно, каковы бы ни были его политические взгляды.

У него, Тарасова, были ученики всяких направлений, анархисты pur sang** (это Боровой), социал-революционеры, социал-демократы, кадэки** (каково! жаргон «Колокола» и земщины), октябристы, умеренные правые, крайние правые (не Частяков ли?). И со всеми ними у него хорошие отношения. И даже анархист pur sang доставляет ему меньше хлопот, чем крайний правый. Сидящий против меня вбок Гидулянов говорит своему соседу Станкевичу: «Это потому, что анархист уж очень далеко»*1. И рядом с этим Тарасов зовет годы до разгрома 1911 года кошмарными годами; и это осмеливается говорить он, Тарасов, который в 1909 и 1910 году с гордостью говорил о своих хороших отношениях с Мануиловым.

Комический эпизод — выход Членова. Он выступил в качестве младшего. Он осмелился говорить о порядках русской деревни, где старики в почете; оттого надо выпить за стариков. И это говорит еврей, пятьшесть лет тому назад числившийся чуть не в сионистах. Вот человек, подобно Гольдштейну, точно нарочно созданный для насаждения анти-

---

** pur sang (франц.) — чистой крови.

** кадэки — «ка» и «дэ» — кадеты.

*1 Боровой теперь живет в Париже — *вписано в конце страницы.*

семитизма. Нужно сказать, что и здесь отнеслись к нему с пренебрежением. Другой комический выход — стихотворение Брандта, славословие тринадцатого года и воспоминание о том, что триста лет тому назад тринадцатый год «вернул власть народу». Если бы это был не Брандт, попечитель подскочил бы от ужаса; но Брандту все простительно.

Головин говорит во второй раз, говорит о печальном состоянии университетских зданий, о варварском разрушении нового здания, о печальной внешности старого, о порче старой лестницы старого здания, по которой ходило столько великих людей, об исчезновении двух люстр. По-видимому, и тут он готов винить во всем «кошмарные дни», режим Мануилова. Но на деле эти перемены произошли раньше. Любавский успокаивает, говорит, что внешность старого здания будет сохранена, что будет сохранен актовый зал, что есть надежда получить от казны 50.000 на реставрацию.

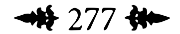
Хозяйственной частью заведует Голубов. Он предлагает пропеть Gaudeamus**. Начинает петь. Поют нестройно, главным образом медики, которые вообще преобладают в собрании. Сидящий рядом со мною Зыков оказывается семинаристом чистой воды. Он произносит «гавдеамус». Слышится озорной выкрик Буйневича: вот так медики, пьют и поют лучше других факультетов.

Подымаются, идут в соседнюю комнату чай пить. Я вобрал хорошую дозу неприятного лекарства, и ухожу. Довольно.

Хороши правые и средние, но хороши и левые. Сегодня в «Русских Ведомостях» ядовитая и демагогическая статья о Московском университете, о его внешнем и внутреннем развале. Ему противополагаются три цветущих вольных школы, и в их числе Коммерческий институт, тот самый институт, который только что превратился в казенное учреждение, со штатами, пенсиями, дипломами и прочими «казенными» прелестями. На какого читателя рассчитана эта «неточность», если выражаться мягко? Но еще лучше пожелание статьи, чтобы Московский университет стал вольной школой. Это тот университет, который ежегодно получает от казны больше миллиона. Мне было больно узнать от Котляревского, что эту статью написал Н. Сперанский, такой умный. До чего все запуталось!

Котляревский был на акте. Из «левых» кроме него был только Гензель. На акте он получил от Кузьмича благоприятное впечатление. Тот будто бы ловко смазал новоназначенных профессоров, сказал о них всего несколько слов и с теплотою говорил о привязанности Шершеневича к Московскому университету (Шершеневич завешал Московскому университету свои сочинения). Трудно жить.

** «Gaudeamus» (лат.) — возрадуемся — университетский гимн.

21 января. Вчера вечером был у Бориса Ключевского; это день именин его отца. Были еще Кизеветтер, Фортунатов, Виппер. Вспоминали про университетскую старину. Между прочим, услышал, что готовящийся к печати пятый том «Русской истории» уже обратил на себя благосклонное внимание начальства. Борис сказал мне, что в Петербурге и в Москве распускают слухи, будто текст Ключевского подвергается переработке в кадетском духе, и что поэтому редакцию пятого тома он, Борис, поручил Лаппо-Данилевскому, а не Кизеветтеру[*1]. А Кизеветтер и Фортунатов, выйдя со мною, говорили, со слов Бориса (я приехал позже их и сам не слыхал этого), будто Борису дали понять, что пятый том может подвергнуться судебному преследованию, если окажется столь же резким, как четвертый[114]. Предпринимает ли Борис какие-нибудь меры, чтобы «смягчить» текст, если он резок, я не знаю.

Кизеветтер сообщил, что Петрушевский утвержден сверхштатным ординарным профессором в Коммерческом институте. Я очень порадовался этому. Сегодня был у меня Егоров и подтвердил эту весть со слов самого Петрушевского. Теперь есть большая надежда на то, что Петрушевского утвердят штатным профессором в Петербургском политехникуме. Жена Петрушевского находится в некотором родстве с Маклаковыми (ее брат женат на сестре министра), значит с теперешним министром внутренних дел[115]. Петрушевский, кажется, дал понять Егорову, что родство с министром не осталось без влияния на благополучное решение дела, недавно казавшегося безнадежным.

5 февраля, вторник. В университете ничего нового, живем тихо — смирно. Вчера беседовал с одной медичкой — вольнослушательницей 4 курса, между прочим о некоторых профессорах — медиках. Любопытны ее сообщения о Муратове. Она признает, что он хорошо читает и вообще хорошо преподает. Но оказывается, что этот господин на лекциях весьма снисходительно треплет по плечу Шарко, и еще снисходительнее признает известную талантливость за Ротом и Минором, с диагнозами которых он считает еще для себя возможным считаться, остальную же московскую невропатологическую врачебную братию считает совершенно не стоящей внимания. С ординаторами при студентах обращается высокомерно, пренебрежительно, почти грубо.

[*1] А Фортунатов (С.Ф.) сказал мне, что дело много хуже, что Борис хочет поручить редакцию пятого тема Барскову и Чечулину. Оба подозрительные, особенно Чечулин. Что будет с текстом Василия Осиповича? — *сноска А.Н. Савина в конце страницы.*

Судя по тому, что я сам, своими ушами слышал от Муратова, я склонен думать, что в этих утверждениях очень мало преувеличенного. И это едва ли не лучший из назначенных медиков.

2 февраля был у Петрушевского и, слава Богу, застал его в хорошем настроении по случаю назначения. По-видимому, от Новгородцева он слышал, будто министр торговли Тимашев недавно сказал, вероятно, в разговоре с Лагорио: «Теперь я убедился в неверности дурных слухов о Петрушевском». Переубедил Тимашева, надо думать, Маклаков. Но кто распускал дурные слухи о Петрушевском? Кто доносил или, вернее сказать, лжедоносил, облыжно опорочивал? Надеюсь, что не Тарле.

16 февраля. Приближаются юбилейные романовские торжества. Я уже получил приглашение на торжественное заседание, которое состоится в воскресенье 24 февраля. Будут говорить Любавский, Сухотин, Готье, Богословский. Любопытно, сколько фимиаму запустит Богословский, который по званию члена Русского исторического Общества недавно представлялся государю, как я слышал (сам я давно не видал Богословского), получил милостивое приглашение прочитать в обществе какой-нибудь доклад. Любавский берет довольно свободные ноты в частном разговоре, когда заходит речь о юбилее. Очевидно, он несколько обижен тем, что его покуда никуда не возносят.

Кассо продолжает плодить сверхштатных профессоров на медицинском факультете. Сегодня на повестке два новых имени — Поляков и Струев. Что это за люди, я не знаю.

Вчера юристы выбирали себе декана, не в совете, а в факультетском заседании. Соперничали два великолепных кандидата, Гидулянов и Познышев. Кто из них хуже, сказать трудно. Пожалуй, Познышев все-таки хуже. В Гидулянове все-таки есть хоть жовиальность** и участливость к студенту.

21 февраля. Сегодня празднуется 300-летие дома Романовых. Я пошел в университетскую церковь к обедне. Она была почти пуста. Дюжина профессоров (все почти в мундирах), десятка два студентов, десяток профессорских дам, священник с дьяконом, вот и все. И в сегодняшнем указе сенату все серо и скупо. Я в церкви был, кажется, единственным из тех профессоров, которых товарищи считают «либеральными».

Готье вчера занес мне свою докторскую диссертацию.

Сейчас заходил ко мне Д.Н. Егоров. Он был на молебствии на ВЖКурсах. Там было на молебне человек 12 преподавателей и одна курсистка. Странно, что Чаплыгин задумал послать верноподданническую телеграмму. Ведь, если я не ошибаюсь, было уведомление от министер-

** жовиальность — оптимизм, жизнелюбие.

ства внутренних дел, что не будут допущены никакие письменные приветствия.

25 февраля, понедельник первой недели поста. Вчера было в университете юбилейное заседание, в актовой зале. Народу довольно много, но студентов ужасно мало. Много профессоров в мундирах, у кого есть — в лентах. Архиерея нет, но есть несколько человек из «высшей московской администрации». Ректор почему-то начал свою речь «ваше высокопревосходительство». Не ошибся ли он? Или, может быть, в заседании был командующий войсками округа, если только он имеет право на этот титул? Попечитель держит себя развязно, хозяином. Его противный голос слишком часто слышался в соседней зале во время антракта. Пригласили оркестр, военный. Он оказался очень полезен, не только играл гимн, но и кричал ура, без музыкантов даже в этом собрании ура вышло бы очень жидкое. Ректор говорил, вернее читал (все читали), коротко и серо, но прилично; хорошо было, что он говорил больше о патриотизме народа, чем о заслугах династии; упомянул, что и теперь Россия окружена врагами, с запада и с востока.

Сухотин, пасынок дочери Толстого, Татьяны Львовны, читал о народных движениях 1611 и 1612 года, длинно и серо, часто элементарно, кое-где был условный юбилейный язык, но в общем прилично.

Готье читал об избрании Михаила на царство, не длинно и не коротко, в самый раз, не весело и не скучно, средне, но совершенно объективно, без фимиама, так, как нужно. Потом перерыв, и немалая часть публики разбрелась. Богословский читал очень красивым голосом и очень красивым языком, и очень юбилейным образом. Он говорил почти только о династии и государстве, народ являлся больше объектом благодетельных династически — правительственных воздействий. Не то чтобы Богословский хвалил дурное. О нет! С этой стороны все обстояло прилично. Но из дел династии и правительства за три века Богословский брал только хорошее; а где хороших дел не хватало, на подмогу брались хорошие слова и хорошие намерения. Получилась очень красиво (по языку) сделанная, очень сентиментальная и очень юбилейная картина шествия России по пути трехвекового прогресса под добрым водительством династии. О Павле было сказано, что он нанес первый удар чудовищу крепостного права. О Николае I, что он хотел уничтожить крепостное право. Об Александре III, что он держал оливковую ветвь мира и высоко поднял международный престиж России. Николай II завершил дело деда дарованием представительных учреждений.

Впрочем, это было лучше, чем я ожидал. Ректор огласил текст телеграммы на высочайшее имя. Она была прилична. В заключение оркестр трижды играл и кричал ура.

А сегодня, слава Богу, будни.

3 марта, воскресенье. Сегодня мне приносят полученную по почте заказным пакетом книгу. Вскрываю и изумляюсь. Л.А. Кассо «Россия на Дунае и образование Бессарабской области». Есть собственноручная надпись: «Многоуважаемому А.Н.С. от автора». Я просмотрел книгу, она учена и интересна, несмотря на специальность предмета. Рассылается она всем профессорам или всем профессорам-историкам, или же только избранным? Нужно будет благодарить.

6 марта, среда. Сегодня был по зубной части у Тура. У Тура приятели всякие, но все-таки больше с правой стороны, в том числе Тарасов и Снегирев. Со слов Снегирева Тур рассказывал мне, что некоторые новоназначенные Кассою профессора-медики стали заниматься доносами. Дзирне и Корнилов доносят на Попова, с которым они поссорились из-за замещения одной должности в Ново-Екатерининской больнице (помощник главного врача).

9 марта. Сегодня столетие со дня смерти Грановского. Я был на Пятницком кладбище, где от Городской думы служили обедню и панихиду. Пароду немного. Одно время я был единственным профессором. Потом подошел Любавский, у могилы я увидал Виппера. Из ушедших я видел Мануилова, Сакулина. От думы был Пузыревский. Еще видел А. Веселовского, Грузинского, Розенберга, Ф.Е. Корша. Молодежи было очень мало, девиц все же больше, чем студентов. У могилы отслужили литию. Какой-то священник сказал несколько общих мест, слава Богу, полных сочувствия. Потом стали возлагать венки с произнесением коротких, очень коротких речей. Первым возложил венок Пузыревский от города; потом венки от Литературно-Художественного кружка и Общества народных университетов[116], потом я ушел. От университета венка не было. Я в первый раз был на могиле. Там очень хорошо. Могила на краю кладбища. Перед глазами пока простор и на близком горизонте Сокольники.

Я торопился в университет. Была панихида, пришло довольно много профессоров всякого колеру и, слава Богу, много студентов. После панихиды заседание совета. В Пятницкой церкви Любавский спрашивает меня, не скажу ли я несколько слов о Грановском в заседании совета. Как характерно это обращение за два часа до того, как предстоит сказать эти слова. Я все-таки не отказываюсь, несмотря на свою полную неподготовленность. Не сказать ничего в такой день было бы стыдно. Перед заседанием Любавский спрашивает Виппера, не пожелает ли он сказать соответствующее обращение. Виппер отказывается, и тогда я говорю, очень недолго и, вероятно, очень плохо. После этого заседание. Ректор сообщает, что по завещанию недавно умершего А.В. Станкевича библиотека Грановского, будто около 10.000 томов, и бюст Грановско-

го переходят к Московскому университету. В конце заседания должно было рассматриваться предложение о русском языке на международных конгрессах. Я ушел. Из газет узнал, что предложение было принято, но все-таки с оговорками, что употребление русского языка должно находиться в соответствии с составом участников съезда и потому может быть осуществлено по преимуществу в тех случаях, когда конгресс собирается в России.

Понедельник, 11 марта. Сегодня у меня в университете практические занятия от 5 до 7 часов. В этот день я встречаюсь в профессорской с Любавским, который по понедельникам экзаменует студентов. Сегодня он жмет мне руку и благодарит за «речь», которую я сказал в совете в субботу. Я говорю ему, что речь никуда не годилась и что простить ее мне можно только в виду ее полной внезапности. Он возражает, что речь была недурна, особенно для экспромта. И прибавляет: «Ну, слава Богу, прошел этот день, и никто нам не может сказать, что мы ничем не отметили годовщины: в церкви были, даже в двух церквах, речь в совете слушали». Я говорю: но ведь всего этого мало. Любавский отвечает: оно конечно мало, но ведь это еще можно поправить, можно как-нибудь (как хорошо это «как-нибудь») устроить торжественное заседание. И сам, конечно, не верит тому, что говорит. В самом деле, как хорошо все вышло: и годовщину отметили, и начальство ублаготворили, отметили неприятную начальству годовщину так кисло, что начальство весело ухмыляется.

Вторник, 12 марта. Факультетское заседание. Лопатин предлагает одну девицу, г-жу Петрову, оставить при университете для приготовления к магистерскому экзамену. Это первый случай у нас в факультете и в университете. В Киеве этою осенью министерство разрешило оставить двух женщин. Я спрашиваю, почему Лолатин предлагает оставить Петрову для приготовления в магистерскому экзамену, а не к профессорскому званию, как оставляют мужчин. Лопатин отвечает, что у него была мысль о «профессорском звании», но потом он побоялся.

Пикантная мелочь. Приват-доцент Самсонов подал в факультет просьбу о разрешении ему по случаю заграничной командировки закончить свои курсы раньше обыкновенного, на пятой, в крайнем случае, на шестой неделе поста. Тогда Челпанов заявляет: «Студенты заявили мне, что в весеннем полугодии Самсонов ни разу не являлся на лекции (а он должен читать шесть часов в неделю). Теперь Самсонов обещает в прошении, что он примет меры к тому, чтобы от ускоренного окончания его курсы не пострадали. Каким образом возможно сокращенным порядком докончить курсы, которые еще ни разу не читались в весеннем полугодии (сегодня третья неделя поста)». Пассаж! Декан

подтверждает сообщение Челпанова. И декану студенты говорили, что в весеннем полугодии Самсонов вовсе не ходит на лекции; студенты спрашивают с тревогой, зачтут ли им Самсоновские курсы, потому что думают, что Самсонов перестал читать с разрешения факультета. Все-таки факультет решил дать Самсонову требуемое разрешение, чтобы не ставить студентов в крайне тяжелое положение, тем более что сообщения о нерадении Самсонова не носят официального характера. Но конечно Самсонов утопил себя в глазах факультета.

Магистерский экзамен Бердоносова по средней истории. Он отвечает очень плохо, плохо о средиземноморской торговле и еще хуже об английском маноре норманского периода. Я и Виппер решаем признать экзамен несостоявшимся, и предлагаем ему передержать осенью. Он, конечно, в отчаянии. Его жаль, но он сер и безнадежен.

В восемь часов вечера направился в историческую секцию Чупровского общества, где на повестке стояли доклады Кизеветтера и Егорова о Грановском. Кизеветтер не явился, а Егоров пришел и читал. Я очень люблю и очень высоко ценю Егорова, но должен признаться, что мне доклад не понравился. Егоров пробовал характеризовать историческую философию западных историков Николаевской поры и таковую же философию Грановского. Но именно философии было мало в докладе, ибо, к сожалению, кажется как раз философия и есть единственная пята Егорова. Домой возвращаюсь с Петрушевским. Он слышал от Новгородцева, будто Ивана Ивановича Иванова, поссорившегося в Нежине с попечителем лицея Мусиным-Пушкиным, назначают к нам третьим профессором всеобщей истории. Иван Иванович — бывший человек и скандалист, в настоящее время кажется не имеющий ничего общего с наукой. Неужели придется испить и эту чашу?

Воскресенье, 17 марта. Грубо и глупо преобразована Петербургская медицинская академия в чисто военную школу. Не дали докончить по старому даже студентам последних курсов. Вызвали осуждение даже из нововременских уст, вызвали беспорядки, правда очень слабые, даже в теперешних, удивительно тихих высших учебных заведениях. Я очень мало понимаю в постановке военно-медицинского дела. Я вовсе не исхожу в своем осуждении правительственного поведения из какой-нибудь любви к автономии. Я просто вижу, что студентов, при своем поступлении в академию вовсе не имевших в виду становиться чистыми солдатами, хотят силою сделать вольноопределяющимися и «зауряд-врачами». Я вижу, что обращая академию в чисто военное учебное заведение, не принимают никаких мер к тому, чтобы создать в Петербурге медицинский факультет или медицинский институт и, таким образом, грозят оставить столицу без высшей медицинской ученой школы. Зазнались.

Сегодня прочел в «России» отчет о годовом заседании Русского Исторического Общества, состоявшегося в Высочайшем присутствии. Из москвичей членами общества состоят Филиппов, Герье, Богословский; на этом заседании выбрали в члены четвертого москвича — Любавского. Как он должен быть доволен!

Среда 20 марта. Вчера в Московской городской Думе вторым кандидатом в городские головы выбрали Чаплыгина, правда, незначительным большинством голосов, 76 голосами против 69. Я думаю, что его не утвердят. В глазах правительства Чаплыгин не лучше кн. Львова. Даже очень умеренные круги начинают расходиться с правительством. Третьего дня на славянском банкете А.И. Гучков произнес речь, полную резких упреков по адресу правительства. Да ведь и московские гласные — избранники домовладельцев. А правительство в черном ослеплении под нагайкой объединенного дворянства, пятится все дальше и дальше назад, можно было бы подумать умышленно готовит почву для нового «освободительного движения», если бы только эта грубая и жестокая бесцеремонность не объяснялась недальновидностью, даже глупостью бюрократического самомнения и дворянского эгоизма. — Для Высших женских курсов будет очень хорошо, если Чаплыгина не утвердят; у Чаплыгина большой административньй талант, его уход был бы великой потерей.

26 марта, вторник. Сегодня было факультетское заседание. Магистерский экзамен Сергиевского по всеобщей (по древней) истории. Отвечал недурно; у него хорошая голова, но он старается все сделать попроще, поменьше себя утруждая. Экзамен по всеобщей истории у него теперь закончен.

После заседания ходил с Любавским и Богословским смотреть помещение для исторического семинария; кажется Любавский готов смилостивиться и заказать для него большой стол и подвижные лампы. Богословский рассказывал мне о заседании Русского Исторического общества в Царскосельском дворце. Возит туда членов на бывающее всего один раз в году (обычно в марте) заседание великий князь Николай Михайлович, председатель общества вообще, по словам Богословского, довольно развязный, но в данном случае изображающий в поезде любезного хозяина. Едут по императорской ветке, в министерском вагоне, в придворных каретах. Проводят во внутренние покои. Государь обходит членов общества; он заранее знает их в лицо (они представляются ему после своего избрания), у него хорошая память на лица, и многим говорит по нескольку слов. Например, в этот раз он спросил Герье, почему тот не был на прошлогоднем заседании. Государь любит, чтобы члены общества подносили ему свои труды; он

внимательно слушает рефераты. В последнее заседание одним из троих референтов был министр Сазонов. Настоящих прений конечно не бывает. Поят чаем. А после заседания, когда государь простится и уйдет к себе, членам в одной из дворцовых комнат предлагают холодный ужин. Государь очень приветлив. Если б только в монархах достоинства частного человека находились хотя в каком-нибудь соответствии с их правительскими способностями и добродетелями!

Я не был в последний четверг на том заседании факультета Высших Женских Курсов, где разбирался конфликт Хвостов-Кизеветтер, разгоревшийся из-за непрекрасных глаз Ольги Рудченки-Летник. Кизеветтер сильно язвил Хвостова; но факультет весьма значительным большинством голосов решил не пересматривать своего постановления о порядке назначения стипендий оставляемым при курсах.

30 марта, суббота. Сегодня заседание совета. Кассо разрешил Елистратову уйти из проректоров. Выбирали нового проректора. Записками было заявлено несколько кандидатов, но все, кроме Никифорова, получили по одному голосу либо по два. Никифоров получил 46 записок, баллотировался он один и получил 57 шаров против 19. Это значит, что правые и средние превосходно спелись и что левые составляют всего только четверть совета. Президиум теперь соответствует составу совета: трусливый вьюн за ректора; тупой и злой формалист, но должно быть существо свободное от всякой политики — в роли помощника ректора и, наконец, определенно правый и сухой формалист в роли проректора. Совсем, как в Третьей думе. Но с тою разницею, что полномочия серых и черных профессоров пожизненны. Нужна очень большая перестановка в общих условиях русской жизни, чтобы значительная часть беспардонных членов совета переменила цвет, и еще большая перестановка для того, чтобы для пользы службы высшее ведомственное начальство нашло полезным перенести деятельность некоторых московских профессоров в другие университеты.

Как осмелели, лучше сказать обнаглели теперешние хозяева университета, являющиеся в то же время прислужниками попечителя и министра, обнаружилось в одном пустом деле, о котором много говорили в сегодняшнем заседании. Некоторые профессора подали в правление заявление о желательности перенести новые журналы в профессорский зал нового здания. Правление запросило факультеты и библиотечную комиссию. Три факультета высказались за перенос, библиотечная комиссия против переноса в виду сложности и дороговизны предположенного порядка; комиссия привела ряд технических соображений. Любавский с присными воспользовался разногласием между библиотечной комиссией (я состою ее членом) и факультетами, для того чтобы разнести комиссию; комиссия

неприятна правлению и потому, что это единственная советская комиссия, и потому, что ее члены почти все принадлежат к теперешней советской оппозиции. И при разносе выказал всю свою грубость и неумытость не только Грушка, но и Любавский. Грушка самым развязным тоном начал с того, что собственно говоря мнение библиотечной комиссии не заслуживает никакого обсуждения после того, как высказались единодушно три факультета; нелепость мнения комиссии объясняется тем, что она не пригласила ни опытного библиотекаря, ни хорошего столяра. А секретарем библиотечной комиссии состоит университетский библиотекарь, и это хорошо известно Грушке. Какие нравы! Декан факультета и член правления позволяет себе в советском заседании обозвать университетского библиотекаря неопытным. Грубое попрание бюрократической этики; ни один порядочный русский бюрократ не позволит себе так бесцеремонно говорить о своем видном подчиненном. Отличился и Любавский. Совет, очень поредевший к концу заседания, постановляет перенести намеченные факультетами журналы в новое здание и признает желательным, чтобы для этих журналов было отведено особое помещение. Тихим, вкрадчивым голосом Любавский техническую разработку этого дела предлагает поручить и правлению, и библиотекарю. О библиотечной комиссии ни полслова. Это конечно провокация с целью заставить уйти из комиссии неприятных членов. Но каков прием!

Одним из профессоров, возбудивших это дело о переносе журналов и подписавших соответствующее заявление, был Н. Каблуков. Пикантно, что он числится членом библиотечной комиссии, в которую никогда не ходит. Он не счел даже нужным известить комиссию о том, что он подписал это заявление; и другие члены комиссии узнали об его участии в заявлении лишь во время советского заседания. И на советском заседании он яро, и неприлично яро, выступал против мнения библиотечной комиссии. И это человек, претендующий на репутацию горячего защитника всяких самоуправлений.

Конечно, все это дело совершенно пустяковое. Но в нем, как в малой капле воды, отразился весь большой ушат современной университетской мути.

2 апреля, вторник. Факультетское заседание. Сакулин представил заявление о том, что он скоро, на днях, представит диссертацию на магистра (об Одоевском), оппонентами назначены Сперанский и Розанов. Диспут будет в мае. У бедного Сперанского страшно много работы, в том числе диспуты Сакулина и Шамбинаго. Розанов снова выказал мелкоту и нахрапистость своей душонки. У него, как и у Челпанова, консисторская манера устраивать своих человечков. Сегодня он прямо таки неприлично наседал на Сперанского, чтобы в придачу к его бес-

численным майским обязанностям заставить его еще проэкзаменовать в мае троих магистрантов, находящихся под покровительством Розанова. Розанов отстал лишь после многократных указаний на неделикатность его приставаний.

Экзаменовался Лукин по древней истории. Отвечал хорошо.

Сегодня в газетах циркуляр о государственных экзаменах для женщин. Пять высших женских учебных заведений, в том числе и Московские высшие женские курсы, поставлены в привилегированное положение. Их дипломы дают право без специального министерского разрешения держать государственный экзамен при университете, причем не надо передерживать полукурсового экзамена по тем предметам, по которым имеется экзаменная отметка в дипломе курсов. Надо отдать справедливость Кассе: он не ставит препятствий развитию высшей женской школы, и проявляет здесь правильный политический рассчет: женщины в роли дипломированных учителей средней школы будут смирнее и удобнее, и дешевле мужчин.

7 апреля, воскресенье. Третьего дня я был на юридическом диспуте. Казанский профессор церковного права Соколов защищал докторскую диссертацию о Kulturkampf[*] [117]. Я не видал книги до диспута. На диспуте оказалось, что книга проникнута крайнею неприязнью к католицизму, который будто бы несовместим с правовым государством и с современной культурой; суровая борьба с алчным католицизмом вытекает из простого чувства самосохранения. Католический клир нарочно накликал на себя гонения, провоцировал репрессию, чтобы через свои страдания доставить торжество католической церкви и, особенно, папе[*1]. Гидулянов в своих возражениях указывал, будто Соколов относился с сочувствием к церковной политике Комби[118]. На диспуте выяснилось, что Соколов сам тяготеет к «внеклассовому, демократическому христианству». Делать общие возражения по поводу подобных взглядов очень легко и Котляревский с большим искусством и успехом указал на тенденциозность и узость книги. Но Гидулянов не смог сделать и этих общих возражений; он вообще возражал как-то сумбурно, сплетал без всякой связи много разных возражений и легко приходил в замешательство при первом серьезном отпоре противника. Но всего удивительнее его трогательное невежество; он, например, считал ошибкой указание Соколова на то, что Döllinger и Lamennais выступали в роли горячих защитников католической церкви; он не знал, что Döllinger и Lamennais

---

[*] Kulturkampf (нем) — «борьба за культуру».

[*1] Котляревский слышал, что в своих лекциях сей комбиот весьма и весьма православен. Верен ли слух, не знаю. — *вписано в конце страницы.*

в раннем периоде своей деятельности были горячими церковниками[119]. Это позор для канониста. Сам Кассо много выше своего приспешника.

На физико-математическом факультете произошла печальная история. Министр разрешил заместить кафедру физики путем рекомендации. Кандидатом в заседании факультета был назван варшавский профессор Колли, хороший физик и приличный человек. Но его забаллотировали 10 шарами против 8, кажется потому, что «правые» боялись, что он может примкнуть к «левым». Как это отвратительно! Отвратительно тем более, что теперь в университете и не осталось никаких «левых». Те, которых теперь зовут «левыми», это только всего приличные, порядочные люди, сохранившие искру привязанности к университетской автономии, искру чуткости к достоинству Московского университета, люди, чрезвычайно умеренные не только по взглядам, но и по темпераменту.

В какую противную пору мне пришлось быть профессором в Москве. Неужели я не увижу лучших времен?

26 апреля. Сегодня был на заседании испытательной комиссии. Председатель у нас в этом году тот же, что был в позапрошлом, киевский Бубнов. Была на заседании сцена. С прошлого года министерство ввело письменные экзамены; я их считаю совершенно ненужными; обременяют они и студентов и преподавателей, а студенты занимаются на них по преимуществу списыванием. И вот для того, чтобы предотвратить списывание, Бубнов предлагает меру, которая применялась у них в Киеве: при выходе студента отмечать время выхода и возвращения и не позволять оставаться в отсутствии больше четверти часа. Соболевский очень одобряет эту меру, ту самую, которая применяется к гимназистам на экзамене зрелости. Розанов и я возражаем против этого предложения, но мягко. Сперанский очень резко замечает: «Предлагаемая вами мера — есть мера полицейская; полицейских обязанностей я нести не могу; и ежели вы считаете эту меру безусловно необходимой, я должен сложить с себя обязанности члена испытательной комиссии». Бубнов поджал хвост и отказался от своего предложения.

И Сперанский, и Любавский сообщают слухи, и к сожалению, слухи очень упорные и в высокой степени правдоподобные, о том, что Иван Иваныч Иванов назначается к нам в Москву, а что для освобождения ему штатной ординатуры кто-то из ординарных профессоров переводится в провинцию, по одним известиям Алмазов в Киев, по другим М.М. Покровский директором в Нежин. О своем скором переводе в Москву Иванов сам говорил Любавскому в Петербурге и Сперанскому в Нежине. В Петербурге же Любавский слышал от киевского попечителя, Деревицкого о том, почему Иванов переводится из Нежина в Москву. Деревицкий просит убрать Иванова из киевского округа, потому

что у Иванова невыносимый характер и потому что Иванов учиняет постоянные скандалы, в которых попечителю надоело разбираться. И Кассо внял просьбе Деревицкого. В глазах молдаванина Московский университет очевидно богадельня — склад для черных бездарностей и для полинявших скандалистов.

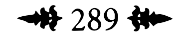
Любавский громко говорит о том, что молдаванин продержится не дольше июля. Если трусливый Любавский позволяет себе открыто передавать такой слух, значит дело молдаванина плохо.

Поговаривают о том, что Кассиным преемником будет Прутченко. Вряд ли от этой перемены станет лучше.

5 мая, 10 часов вечера. Сейчас был у меня по ученому делу Новгородцев. Он слышал, что перевод к нам Ивана Ивановича Иванова дело решенное. Сообщал о том разврате, который насаждается кассовскими профессорами на юридическом факультете Петербургского университета. Это со слов И.А. Покровского. Экзаменуют по энциклопедии права Петражицкий и Грибовский. Студены валом валят к Грибовскому, который спрашивает пустяки и почти всем ставит весьма удовлетворительно. К Петражицкому идут лишь лучшие студенты, но и те, оказывается, знают неважно. Петражицкий начинает стыдить их. Они отвечают: «Господин профессор, вы видите, как мало нас идет к вам; а если окажется, что и те, которые идут, не выдерживают, то в какое же положение вы поставите нас и себя!» Петражицкий пожимает плечами и не знает, что ему делать.

9 мая. Вчера слышал, что с утверждением Петрушевского в Политехническом институте что-то не ладится. Бедный Петрушевский! Всего печальнее и досаднее, что он никогда не занимался политикой.

Беседовал вчера с ректором об университетском хозяйстве, о предстоящей перестройке старого здания и от этого смирнейшего и любоначальнейшего человека услыхал с удивлением очень резкие отзывы о порядках в министерстве. Университету обещаны казенные деньги на перестройку. Правление пригласило известного архитектора Клейна заведовать работами и послало в министерство просьбу об утверждении Клейна. Из министерства пришла бумага с указанием, что работами должны заведовать петербургские архитекторы министерства. Правление всполошилось и стало хлопотать о том, чтобы работы всецело остались в его ведении. Когда ездили в Петербург Лейст и Елистратов, то смиренно просили министра и его товарища Шевякова о том, чтобы перестройка была всецело поручена правлению. Министр был благосклонен к угождающим просителям и обещал не обидеть москвичей. Когда попечитель ездил по делам в Петербург, Любавский просил его похлопотать насчет перестройки; попечитель, вернувшись, успокоил правление: министр

обещал передать все дело по перестройке в заведование правления. И вдруг после этого приходит из министерства бумага в правление, в которой торжественно заявляется, что министерство никогда и не думало навязывать правлению своих архитекторов, что правление вольно выбрать какою хочет архитектора, но дальше ехидная прибавка — для исполнения утвержденного министерством плана, а художественное руководство работами должно принадлежать петербургским архитекторам министерства. Я спрашиваю, что это значит. Любавский отвечает: «Очень ясно, что это значит. Это значит, что министр позорно бессилен. Профессорами швыряется точно пешками, а у своих канцелярских чиновников в постоянном плену, не может добиться исполнения своих приказаний». Я спрашиваю, почему чиновники из министерства проявляют такой живой интерес к московской перестройке, хотят ли они только свою власть показать или же сюда примешался карман. Любавский отвечает: «Ясное дело, почему. Петербургским архитекторам надо получить взятку за утверждение плана перестройки. Но правление совсем откажется от участия в перестройке, если дела не передадут Клейну».

Сперанский сообщил мне, что он частным образом сказал Шамбинаго о неудовлетворительности его диссертации и посоветовал ее переработать. Шамбинаго отнесся к сему афронту весьма благоразумно и берет свою диссертацию назад. И Сакулинский диспут откладывается до осени, но конечно совсем по другой причине. Сакулин написал очень основательную, немного сырую работу, относительно допуска которой к защите не может быть никаких колебаний. Кстати, Сакулин сам занес мне свою книгу и любезно беседовал со мною[120]. Я был этому очень рад; значит, он не считает меня ренегатом. Сакулина приглашают в Гельсингфорский университет[121]; утверждение зависит там от канцлера, которым, кажется, ex officio** состоит статс-секретарь по делам Финляндии[122]; Сакулин думает, что его утвердят.

На последнем факультетском заседании Богословский прочитал отзыв о докторской диссертации Готье[123], отзыв благоприятный, но отмечающий некоторую сырость и неравномерность книги. Экзаменовался оставленный по всеобщей литературе Арсеньев, кажется, человек талантливый. Он отвечал по всеобщей истории, хорошо.

Четверг 16 мая. Прошлую субботу было заседание университетского совета. Очень долго мы были не в числе, а ректору ужасно хотелось провести постановление о сдаче университетской земли на Страстном бульваре под доходные дела. Рядом со мною сидел Богословский и всячески бранил профессоров, которые не желают посещать советских заседаний,

** ex officio (лат.) — по должности.

а когда посещают, то говорят длинно и о вещах, в которых ровно ничего не понимают, говорят по нескольку раз из мелкого тщеславия, чтобы имя их чаще мелькало в протоколе; университету необходимо единовластие, которое всегда и везде лучше многовластия. Вот политический мазохист! Уж, кажется, достаточно мы вкусили молдавано-греческого единовластия. Уж, кажется, достаточно бьет профессоров единая рука фанариота. А ему все мало, ему все кажется, что главная беда в том, что мало власти и единовластия. — Стали опять говорить о том, что нельзя строить только доходные дома, что большую часть помещения надо отвести для учебных потребностей. Когда дело дошло до голосования, мы опять оказались не в числе, как и в прошлый раз (когда я не был на совете), но на этот раз никто не обратил на это внимания, и Любавский незаконно проголосовал предложение о сдаче участка под застройку.

Понедельник, 20 мая. Вчера был диспут Готье, докторский. Вступительная речь его была очень бледна. Первым оппонентом выступил Любавский, говорил недолго, но выставил возражения довольно существенные и употреблял выражения порою довольно резкие, например, жаловался на изобилие пустопорожних общих мест; но выставив возражения, он не настаивал на их верности, даже если Готье пытался отвести их. Вторым оппонентом был Богословский; он говорил долго, больше двух часов; выставлял еще более существенные возражения, а защищал их строго и настойчиво; часто бывал остроумен и смешил аудиторию. Готье, как и на магистерском диспуте, защищался тоном веселого и благонравного мальчика, мягкого и вежливого в обращении со старшими даже в случае их неправоты. Диссертация его свежая, дельная и трудолюбивая, но сырая, нестройная, немного terre à terre**. Готье хороший и полезный работник, но конечно не может стать вровень с Кизеветтером, Богословским, даже едва ли с Любавским. Публики на диспуте было количество среднее, были Кизеветтер, Сыромятников, Богоявленский, но никто не возражал. Обед после диспута был вопреки обычаю не в «Праге», а в Литературно-Художественном кружке. Помещение там очень хорошее, бесконечно лучше, чем в «Праге», но кормят поплоше. Народу человек 25, в том числе жена Готье, тесть и дядя. Из «ушедших» Кизеветтер и Пичета, из посторонних юрьевский Лаппо, киевский Бубнов, который в этом году во второй раз назначен к нам в председатели государственной комиссии, и Готьин товарищ присный поверенный Гартунг. На магистерском обеде он учинил скандал, перепил и, напряженно слушая Ключевского, упал к его ногам мертвым телом. Теперь он напился не допьяна и учинил еще больший скандал, в обществе «оставшихся»

** terre à terre (франц.) — заурядный.

заплетающимся языком говорил о развале Московского университета, о необузданном разгуле реакции, причем прибавлял, что о полевении университета судит по газетам. После своего тоста за возрождение Московского университета подошел с бокалом к Кизеветтеру в надежде на сочувствие, но тот громко заявил, что отнюдь не сочувствует его речи. Сам Кизеветтер выступил с интересной ученой речью о разногласиях между Готье и его оппонентами. В ответ на пожелание Готье когда-нибудь снова услышать Кизеветтера с кафедры Московского университета, Кизеветтер кратко, но твердо заявил, что для этого необходимо изменение общественно-политических условий. Но эти шероховатости бросили тень только на небольшую часть вечера. Заставили говорить всех собравшихся, а некоторые говорили по нескольку раз. Даже Брандт говорил недурно и сочинил экспромт о Готьином сыне Володе.

Неловкость учинил директор Румянцевского музея князь Голицын, который перебил начавшего первую речь Брандта (Брандт сиял, ибо он исполнял должность декана) и заявил претензию на право первой речи. Неважно держал себя и Бубнов, который говорил много раз, неуместно перебивал говоривших, несколько амикошонствовал с Кизеветтером и, похваставшись успехом своего предложения о русском языке на лондонском историческом конгрессе[124] (русский язык допущен в секции истории Восточной Европы) и восхваливши великие успехи русской историографии, через четверть часа стал говорить о том, что студенты стали сырые и ленивые, и что русской исторической науке грозит скорое оскудение. Даже Брандт оказался в силах обрезать этого бесцеремонного провинциала и указал на то, что в московских студентах он не видит резкого понижения научных интересов и способностей. Я ушел в 11 часов.

Против меня сидел Лопатин. За обедом как-то зашел разговор о дневнике Боголепова[125]. В недавней книжке «Русского Архива»[126] напечатаны боголеповские записи, относящиеся к концу 1894 и 1895 года. В них отражаются бури в профессорском стакане воды, история петиции 42 профессоров[127]. Мне хорошо памятно это время, потому что я тогда был на четвертом курсе университета и по-молодому, хотя и тогда уже немного по-стариковскому переживал «бессмысленные мечтания» и гнетущую, мелкую действительность первых месяцев нового царствования. Напечатание дневника произвело новую бурю в профессорском болоте. В дневнике выступают в неприглядном свете многие и теперь здравствующие люди, и про очень многих приходится сказать «Quantum mutatus ab illo»[**]. Боголепов честный, но тупой и злой сухарь; дневник он писал откровенно, и профессора у него выходят в общем

[**] Quantum mutatus ab illo (лат.) — как он изменился по сравнению с прежним (из Вергилия).

очень неприглядными, отчасти потому, что они неприглядны на деле, отчасти потому, что Боголепов не умел понимать людей враждебного лагеря, например, Герье. Но на трусов и единомышленников он часто бросает правильный свет. Особенно неказист и подхалимен был в 1894 А.С. Алексеев, ныне корчащий из себя гордого и пострадавшего борца за право и конституцию. Трусовато вел себя Лопатин. Заговорив о дневнике я запамятовал, что Лопатин вышел там некрасив. Мне пришлось золотить пилюлю, осуждать несвоевременность и неделикатность печатания подобных дневников.

Осень 1913 года. 29 августа. Я провел это лето под Москвой, в имении чудаковатого, но интересного старика, В.И. Танеева. Там на дачах жило несколько «ученых» семей, в том числе старик Тимирязев с женой и сыном. Я боялся знакомства с ним, потому что слышал, будто он нетерпим к тем, кого не уважает. А ввиду того, что я принадлежу к «оставшимся», я имел основания причислять себя к не заслуживающим уважения. Мои опасения оказались напрасными. После встреч на нейтральной почве я сделал ему визит и был принят очень любезно; на другой же день он отдал мне визит вместе с сыном; я был еще у него два раза. Он очень приятен; конечно, знает себе цену и тверд во взглядах, но прост, отнюдь не кичлив и очень приветлив у себя дома. Ум свой, несмотря на 70 лет и на недавний удар, сохранил в полной ясности; ходить ему трудно, но все же он ходит.

Вероятно на днях увижу другого большего человека, Виноградова, который сильно отличается от Тимирязева, и не к выгоде для себя. Виноградов приехал на побывку к родным и должен остановиться в пансионе под Москвой.

В университетской жизни новости все молдаванского свойства. Давида Гримма для пользы службы перевели из Петербурга в Харьков; одновременно томского ректора Базанова, цивилиста, перевели из Томска в Петербург сверхштатным ординарным, «согласно его прошению». Это Кассо придумал новую форму перевода, надо сказать довольно таки не лестную для переводимых угодников, слегка похожую на насмешливо-поощрительный начальственный щелчок. И к нам Иванов переведен тоже «согласно его прошению» и тоже сверхштатным ординарным. У нас нет вакантной ординатуры, и нежинскому алкоголику придется чуть-чуть подождать вакансии и начальственного благоволения. Но почему Базанову не дали ординатуры Гримма, не знаю.

Я перестал удивляться и возмущаться, привык смотреть на вещи больше с юмористической точки зрения; только при этом и возможно сохранять необходимое для работы равновесие. Может быть, летний румынский разбой подбавил министру новой прыти; его напрасно считали утихомирившимся.

31 августа. Сегодня был поражен известием о смерти Цветаева. Старик был весной бодрый и жизнерадостный, мнил себя у пристани: построил музей, выхлопотал для него штаты, кажется, первый из профессоров стал почетным опекуном. Думал пожить хорошо по крайней мере лет десять. Человек он был мелкий, консисторской складки, елейно-подобострастный перед высокопоставленными, пролаза, радетель близких человечков, но кажется не злой и необычайно искусный в вытягивании денег на свой музей из московских толстосумов; житейский ум немалый, но в науке серый, отчасти прямо вульгарный. Но жалко старика, так недолго услаждавшегося своим благополучием. Хоронят его завтра.

Сегодня был у Виноградова, который принимает имеющих до него надобность у сестры, в пятой гимназии. Был благосклонен, долго беседовал. Он уже прямо зовет себя отрешившимся от России; «у нас» значит в Англии; мечтает о поездке в Индию, его зовут прочитать несколько лекций в калькуттском университете. О русской действительности судит очень мрачно, и во многом справедливо, но мне приходилось указывать ему, что в некоторых существенных сторонах русской жизни все же есть неудержимое стремление вперед. Ему пришлось возиться с глазами. Конечно, и он стареет; в будущем году ему шестьдесят лет; но для своих лет он очень бодр.

1 сентября, 3 часа дня. Вернулся с похорон Цветаева. Много народу, и не только университетского. Три-четыре придворных мундира. Как на всех почти похоронах, почти у всех полное равнодушие к покойному, разговоры в церкви о живом и будничном. Но были и искренне опечаленные люди, между прочим А.И. Яковлев. Он рассказал мне трогательные вещи о покойном, повысившие мое мнение о человеке, который мне был открыт неказистой стороной. Покойный вышел из бедной провинциальной духовной семьи и до конца дней сохранил теплую привязанность к своей убогой почве, несмотря на свое опекунство и тайное советничество. Он от неизвестного, т.е. от себя, пожертвовал десять тысяч рублей на бедных воспитанников того духовного училища, в котором учился. Яковлев при поступлении в университет привез рекомендательное письмо от Цветаевского товарища по семинарии, занимавшего скромное положение в провинции; письма оказалось достаточно для того, чтобы Цветаев проявил к безвестному студенту очень теплое и прочно теплое отношение. Я нарочно спешу занести этот отзыв, чтобы быть справедливым именно к тому, кого я привык не уважать.

5 сентября. Молдаванин все еще не унялся. В Петербургском университете он не утвердил невинных необязательных курсов, заявленных двумя

приват-доцентами, Гессеном и Кауфманом. Это месть за то, что они подали в сенат жалобу на запрет приват-доцентских параллельных курсов.

Д. Гримм принял перевод в Харьков, чтобы для удовольствия Кассы остаться членом Государственного совета. Лекций в Харькове он читать не будет и останется жить в Петербурге. В Петербурге шесть профессоров-юристов внесли в свой факультет предложение выразить Гримму сочувствие по поводу его перевода. Professores Cassiani** немедленно выдвинули формальный отвод нелепого свойства: предложение не поставлено на повестку (это текущее дело), предложение не входит в компетенцию факультета (это неверно и лицемерно, ибо факультеты сплошь и рядом выражают сочувствие своим членам, прекращающим свою деятельность).

Припоминаю слышанное мною летом от молодого Тимирязева[128] об одном касьянском профессоре из плохоньких. Ассистентом Сербского был Федя Рыбаков, которому Сербский всячески покровительствовал. Летом 1911 Рыбаков с женою жил даже на даче у Сербского в имении окулиста Маклакова и выражал всячески сочувствие пострадавшему. Жена Рыбакова жила на даче Сербского в то же самое время, как Федя поехал в Петербург хлопотать о том, чтобы его назначили на место Сербского. Окулист Маклаков рассказывал об этом и М.М. Покровскому: это не сплетня, а не подлежащее сомнению происшествие.

10 сентября. Сегодня первое после каникул заседание факультета. Явился И.И. Иванов. Любавский познакомил меня с ним. Вид у него очень облезлый. Он просидел только половину заседания и не сказал ни слова, значит, держал себя вполне прилично. И курсы объявил вполне прилично, с точки зрения факультетской этики: два курса (философия и методология истории, история свободы во Франции в средние века) и один семинарий (по философии и методологии истории). Но по существу я чувствую сильное сомнение насчет его компетентности и в исторической методологи, и во французской средневековой истории.

Среди текущих дел приятное сообщение, какими нас балуют крайне редко. Сын Виппера официально оставлен при университете на два года и даже ему назначена министерская стипендия (теперь она больше, чем в мое время, 1200 р. в год). Челпанов внес предложение возбудить ходатайство о двух новых философских секциях, одна — смесь философии с германо-романской филологией, другая — смесь философии с классической филологией. Это — продолжение старой истории, из-за которой я в свое время с тремя товарищами подавал особое мне-

** Professores Cassiani — в данном случае по аналогии с латинским (cassianus) — кассианская профессура (т.е. сторонников Кассо).

ние. Об этом снова довольно много говорят, по большей части повторяя старые аргументы. Конечно меня с единомышленниками переголосовали, девятью голосами против пяти.

Самое интересное под конец. Сперанский читает отзыв о диссертации Сакулина, хорошей, свежей и очень длинной. Отзыв длинный, обстоятельный; отмечает большие достоинства диссертации, но написан без большой теплоты и кончается словами о том, что книга вполне соответствует своему назначению. Розанов указывает на большие достоинства диссертации; у него во время чтения не раз мелькала мысль о том, что за книгу можно дать и доктора, но только вот в чем беда: почти половина книги говорит о философском движении в России 20-х и 30-х годов, и литераторы не компетентны судить об этом отделе работы; вот если бы и философы дали высокую оценку книге, тогда не было бы никаких сомнений. Сакулину смело можно было бы сразу дать доктора. Любавский ухватывается за эту мысль. Но что это значит? В диссертации больше тысячи страниц. Чтобы среди учебного года одолеть и разобрать такую книгу, надо несколько месяцев, особенно такому неторопливому человеку, как Лопатин. Лопатин поспешно заявляет, что, если факультет поручит ему рассмотреть книгу, то диспут оттянется до весны. Между тем известно, что Сакулину нужно поскорее получить хотя бы магистра, чтобы скорее устроиться профессором в Гельсингфорсе. Любавский предлагает все же поручить философу рассмотреть книгу. Богословский выручает из затруднения. Он сегодня держал себя прекрасно, за сегодняшний день я многое ему прощаю. Он говорит, что прочел диссертацию и что она представляет большой интерес для историка; книга стоит доктора, и нет необходимости привлекать философов. Мальмберг говорит, что он — противник двух диссертаций и что за хорошие книги нужно давать доктора. Челпанов присоединяется к этому мнению. Любавский видит, что факультет выскажется за доктора и пробует расстроить дело формальным отводом. В настоящем заседании нельзя сделать постановления о докторстве; такое постановление возможно лишь на диспутном заседании. Поржезинский указывает, что предварительно нужно решить дело в сегодняшнем заседании и занести решение в протокол, а то на диспуте может не оказаться кворума. Тайный расчет Кузьмича и состоял в том, что при отсрочке постановления о докторстве до диспута на диспуте не окажется кворума, и докторство можно будет похоронить. Лично Кузьмич, вероятно, ничего не имеет против Сакулина и его докторства, но Сакулин — человек опальный; и Кузьмич боится, как бы в факультетском ходатайстве о возведении Сакулина в доктора начальство не почуяло противоначальственной демонстрации и не покарало Кузьмича за то, что он не досмотрел. Богословский соглашается с Поржезинским, что факультет должен се-

годня же сделать постановление. Припоминают прецеденты — диспуты Шахматова, Корелина, Виппера.

Соболевский рассказывает, что когда Герье предложил дать Випперу сразу доктора, то Брандт спросил, а не довольно ли магистра. Герье в свою очередь спросил Брандта, чем он может подкрепить свое сомнение. Брандт ничего не мог сказать, и факультет постановил дать доктора не в диспутное, а в предшествующее диспуту заседание. Кузьмич ретируется. Голосуется предложение возвести Сакулипа сразу в доктора (Сперанский сделал соответствующее добавление в своем отзыве) и принимается единогласно. Право, кажется за несколько лет это первое хорошее впечатление, когда уходишь бодрым и с удовольствием чувствуешь свою принадлежность к факультету. Все-таки Москва обязывает. Конечно, Кассо может не утвердить факультетского ходатайства, но факультет исполнил свой долг.

А Петербургский университет все еще не совсем замирен. В совет внесли предложение выразить сочувствие Гримму по случаю его перевода. Грибовский и тут пробовал говорить о превышении полномочий. Но что удалось на юридическом факультете, сорвалось в совете. Совет подавляющим большинством постановил послать к Гримму советскую депутацию — ректора и деканов — чтобы выразить сочувствие. Реальных последствий это сочувствие, конечно, иметь не будет, но молдаванин переживет несколько неприятных минут.

11 сентября. Сегодня прочитал в газете известие о том, что канцлер гельсингфорского университета Марков назначил Арабажина на кафедру русского языка. По уставу университета факультет и совет представляют канцлеру трех кандидатов, из которых канцлер и делает выбор. До сих пор канцлер назначал всегда первого кандидата. На этот раз были представлены Сакулин, финн Мансикка и петербуржец Арабажин, Сакулин на первом месте, Мансикка на втором, Арабажин на третьем. Канцлер выбрал самого плохого кандидата.

14 сентября. Заходил ко мне сегодня М.М. Покровский. Он на днях беседовал с А.А. Маклаковым о делах медицинского факультета. Маклаков очень резко отзывается о своих коллегах. Те, которые вершат теперь дела на факультете, хотят съесть всех инакомыслящих. Господа правые профессора в пору преобладания «левых» вечно брюзжали и жаловались на нетерпимость «либералов», которые будто бы пускают в университет только своих. Конечно, и в деяниях так называемого прогрессивного большинства сказывался порою дух партийности. Но сравните его с поведением теперешних господ положения, и эта «нетерпимость» покажется благодушием агнца, беспристрастием английского

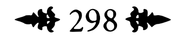

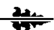
судьи. Теперешние Касьяны сидят в начальнической передней, нашептывают, сживают при первой возможности самых умеренных людей, в которых подозревают несочувствие себе и теперешнему положению, мстят злобно и методически.

На медицинском факультете, где теперь силен талантливый, но очень неприятный Снегирев, хотят не допустить до штатной профессуры давнего, честного, полезного и смирного работника Побединского, хотят вытолкнуть отслуживающих 25-летие Спижарного и умеренного из умеренных Кишкина. И без всякого зазрения совести, оттирая заслуженного Побединского, хотят продвинуть на акушерскую кафедру снегиревского сына, человека с легким багажом. А чтобы добиться цели, докладывают начальству, что Побединский человек ненадежный, что он посещал заседания «пражского» факультета. Кстати, по поводу пражского факультета. Министр Шварц в свое время прислал ректору запрос о пражском факультете после того, как в «Новом Времени» появилось хлесткое и негодующее сообщение московского корреспондента о засилье «левых профессоров-медиков», собирающихся в «Праге». Корреспондент получил сведения от какого-то профессора-медика из снегиревской стаи. Мензбир, исправлявший тогда должность ректора, ответил Шварцу, что ресторан «Прага» не принадлежит к числу учебно-вспомогательных учреждений университета, и что ректор не имеет никаких сведений о том, что делается в помещении этого ресторана. На одном из факультетских заседаний Снегирев, организовавший травлю «пражских» собраний в «Новом Времени», не постыдился заговорить о необходимости опровергнуть газетные сообщения о пражском факультете. Тогда не выдержал даже смирнейший анатом Карузин и сказал: «Пусть тот профессор, который доставил нововременскому корреспонденту сведения о пражском факультете, и опровергает эти сведения».

20 сентября, пятница. Сегодня состоялась вступительная лекция Иванова по «философии истории». Пришли профессора Любавский, Грушка, Соболевский, Розанов, Новосадский, Челпанов и я. Студентов собралось много. Слухи о том, что Иванов совсем спился, преувеличены. Он может говорить долго, гладко, свободно. Слушать его очень легко, точно читаешь бойкий фельетон из «Русского слова»[129]. Но, Боже мой, что он говорит! В лекции о философии истории даже не был поставлен вопрос, что такое философия истории, каков ее предмет, метод, отношение к другим наукам. Но за то мы услышали про Гиллельмо Ферреро, который сорвал маски с римских iustitia, luxuria, avaritia** и просто трезво посмотрел на Рим, про Гегеля, который пошел от Кон-

** iustitia, luxuria, avaritia (лат.) — справедливость, роскошь, жадность.

та, про Фихте, который пошел в солдаты. Основная мысль была та, что философия истории слагается под влиянием текущей действительности и что «научной» философии истории быть не может. И все-таки все историки создают себе философию истории. Отчего? «Это очень просто», — как с апломбом заявил Иван Иваныч. «Когда дикарь осенью сидит в хижине, слышит вой ветра и смотрит на серые облака, он невольно начинает думать о смысле своей и чужой жизни». Затем последовал иловайский анекдот об обращении англо-саксов в христианство и о воробье[130]. Заключение было такое. Философия истории не может быть хороша, потому что в истории много иррационального, потому что предмет истории возбуждает страсти. Философия истории не может не быть хороша, потому что хорошо думать о Боге, волноваться современностью и быть деятельным гражданином. Какая профанация философии истории, университета! Какая развязность и какая пошлость! Право, Сергей Яблоновский и Влас Дорошевич церемоннее обошлись бы с предметом. Но всего хуже, что Иван Иваныч понравился. Ему хлопали. Он понравился даже некоторым профессорам. Соболевский даже облобызался с Ивановым в профессорской. Какая жалкая и пошлая вещь средний, серый человек, в том числе и серый профессор, и серый студент! По Сеньке шапка. Андроны едут. Эти милые мальчики даже не подозревают, что присутствуют при обращении университетской аудитории в увеселительное заведение. Они хлопают.

21 сентября, 9 часов вечера. Сейчас мне звонил Котляревский, очень раздраженный на своих товарищей по факультету. Один молодой государствовед, Кузнецов, представил магистерскую диссертацию об английских политических теориях, с большими недостатками, но и с большими достоинствами[131]. Кузнецов впервые привлек к рассмотрению ряд полузабытых писателей, его работа бесспорно двигает исследование вперед и представляет немалый интерес для англичан. И вот некоторые из профессоров-юристов заявляют, что книга написана в декадентском духе и, кажется, не имеет никакой ученой цены. И кто же выступает с таким заявлением? Тарасов и Елистратов, люди, которые ровно ничего не понимают в английской истории и, может быть, даже плохо знают по-английски. Это, в своем роде, стоит нашего Иван Иваныча. Елистратов даже выступил с какими-то намеками на то, что Кузнецова муссируют, проводят усиленным темпом. Это конечно заблуждение, фантазия, если не нечто худшее, не сознательная и клеветническая выдумка подозрительных господ положения, везде чующих врага и не уверенных в прочности своего творчества. Кузнецов, правда, быстро напечатал свою диссертацию; надо прибавить, что у него готова и вторая работа[132]. Но его никто и не думал муссировать; он даже не ученик Котляревского. Я отзывался одобрительно об его книге; может

быть, эти отзывы имели действие, потому что в Москве я считаюсь специалистом по английской истории. Но здесь нет ни малейшей тени кружковского пристрастия. Я, например, совсем не знаю ни политических, ни академических взглядов Кузнецова. И самого его видел всего несколько раз. Что за люди попадаются среди профессоров, а в касьяновы дни даже начинают задавать тон! Надолго ли только? Сегодня в газетах напечатана резолюция, предложенная А. Гучковым на киевском съезде городских деятелей. Гучковское выступление едва ли не самый крупный признак роста оппозиционных настроений в умеренных и влиятельных кругах.

27 сентября. Гучков оказался хорошим пророком. Почти сейчас же вслед за его речью началась трамвайная забастовка в Москве, которая из экономической быстро превратилась в полуполитическую. Москвичи стали свидетелями уличных демонстраций. Единственными участниками этого движения, быстро перекинувшегося в Петербург, были трамвайные служащие и фабрично-заводские рабочие. Забастовка прекратилась, протекала, в общем, спокойно, снова полная тишина. Это слабый отзвук очень далекой грозы, но «имеющий уши слышать, да слышит»[133]. Боюсь, что не услыхал. Высшие учебные заведения не принимали никакого участия в движении. Министр может с гордостью говорить, что он успокоил высшую школу. Вот одно из проявлений этого успокоения.

Сегодня звонит ко мне Н.В. Богоявленский. Я познакомился с ним летом, на даче; и он, и жена его мне понравились. Что он за ученый, совсем не знаю: он доктор зоологии и приват-доцент. Оказывается, его выбрали на кафедру зоологии в факультете, а завтра должна быть его баллотировка в совете. Так вот он и говорит, что волнуется, что до него дошли слухи, будто некоторые назначенцы собираются класть ему налево только потому, что он думает прийти в профессора по выбору, а не по назначению. Пусть вперед попадают на кафедру только по назначению. Я все-таки отношусь с недоверием к этому слуху. Но самое возникновение слуха характерно для современного благорастворения университетских воздухов.

28 сентября. Как я и думал, слух об интриге против Богоявленского оказался неверным. Его сегодня преблагополучно выбрали в совете, 48 голосами против 4. Вероятно, и в министерстве не будут чинить преград его назначению.

Сегодняшнее заседание было короткое и скучное. Пикантна была одна бумажка. В министерстве нашли, что Станкевич набрал себе слишком много лекций по физике и предписывают передать часть лекций к кому-нибудь приват-доценту. Год тому назад предписывали не давать доцентам никаких обязательных лекций и не разрешать им па-

раллельных профессорским курсов; теперь предписывают отнять у профессора часть его обязательных курсов и передать ее какому-нибудь доценту. А большое количество доходных лекций попало в станкевические руки потому, что он провалил прошлой весной (1913 года) кандидатуру Колли. Это какая-то темная история. Факультет выхлопотал себе разрешение заместить кафедру физики по рекомендации. Станкевич и Соколов рекомендовали Колли, как говорят, хорошего ученого. Потом Соколов и Станкевич поссорились, Станкевич и Лейст выступили против Соколова, который один написал отзыв о Колли. Странным образом, черный Станкевич стал хвалить очень левого Гольдгаммера; Д.Ф. Егоров думает, что Станкевич выдвинул Гольдгаммера в твердой надежде, что в министерстве Гольдгаммера ни в коем случае не утвердят. Когда стали в факультете баллотировать рекомендованного одним Соколовым Колли, то его провалили. Гонорар за лекции по физике остался за Станкевичем. Но всего страннее то, что Соколов не проявил ни малейшего огорчения по поводу провала Колли. По отзыву Егорова, Соколов отличается редкой грубостью и бестактностью.

К характеристике нравов юридического факультета. Байков написал жалкую докторскую диссертацию и частным образом уже давно представил ее в юридический факультет[134]. Даже Гидулянов нашел, что диссертация плоха. Байкову посоветовали не представлять ее официально. Байков внял совету, но немедленно официально представил свою книгу в Киев. В Киеве ее официально забраковали. Тогда сей храбрый «профессор» сейчас же частным образом представил свою книгу петербургским профессорам-юристам. В Петербурге частным образом попросили Байкова не представлять книги официально. Байков внял совету, но немедленно официально представил книгу в юридический факультет Московского университета. Каков нахрап, истинно касьяновский!

А вечером 28-го я был на Высших женских курсах, на заседании совета. Там происходил ряд выборов, в том числе и выборы директора. По недостатку времени я уже давно перестал посещать заседания факультета и совета женских курсов. Атмосфера там очень резко обличается от теперешней университетской и близка к тому, что было в университете до февральского разгрома. Как ни старался Кассо, а все-таки осталась не завоеванная им, не вполне согнутая в бараний рог область. Еще характернее для русских порядков Коммерческий институт, где директором, значит особою четвертого класса, состоит Новгородцев, правда, человек очень умеренный, но выборжец. Удаленный из Петербургского университета И.А. Покровский получает ординатуру в Московском коммерческом институте и утверждается Тимашевым. И среди преподавателей Коммерческого института «левые» преобладают; конечно это слово «левые» надо понимать в очень условном смысле; теперь «левыми» счита-

ются самые умеренные люди, если они стоят за академическую автономию и не пускают «правого» политиканства в высшую школу.

На Высших женских курсах директора выбирают на два года. Чаплыгин прослужил директором уже четыре двухлетия, прослужил со славою, выстроил прекрасный аудиторный корпус (его будут освящать 5 октября) и был единогласно переизбран на пятое двухлетие.

7 октября, понедельник. В субботу был у меня Богоявленский, зоолог. Он говорил, что накануне своих выборов услышал о ведущейся против него интриге и потому звонил мне. Во главе интриговавших был Статкевич; Статкевичу почему-то показалось, что провал Богоявленского будет приятен попечителю, и потому решили угодить начальству. Распустили слухи, что Богоявленский — кадет; патрон Богоявленского, Зограф, человек очень правого склада; и вот кто-то из правых медиков явился к больному Зографу и стал укорять его, что он проводит на кафедру потайного кадета. Об интриге было доведено до сведения попечителя, который знает Богоявленского как бывший профессор зоологии, и решительно ничего не имеет против его кандидатуры, ибо Богоявленский политикой никогда не занимался. И достаточно было объяснить «правым» медикам, что они ошиблись в определении начальственных желаний, чтобы интриганы покаялись в своих грехах и положили Богоявленскому направо.

Богоявленский рассказывал интересные вещи о своих скитаниях в Аравии и на Памире. Говорил он про Григория Кожевникова. Кожевников соединяет умственную серость с честолюбием и самодурством. В прошлом году он чуть было не остался без ассистентского персонала, а при баллотировке на должность товарища председателя зоологического отдела в каком-то ученом обществе получил два шара из двадцати, несмотря на то, что уже занимал эту должность; так искусно он умеет восстанавливать окружающих против себя.

Вчера был на юбилейном банкете «Русских Ведомостей» в Славянском Базаре. Было тесно, душно, людно и .... ужасно скучно, не юбилейно. Не чувствовалось никакого подъёма, никаких следов того политического оживления, о котором без устали повествуют газеты. И внешним образом устроили все очень плохо. Ораторов поместили так неудачно, что половина присутствующих ничего не разбирала в речах. Положение было «спасено» полицией. По слухам, из Петербурга пришел приказ, во что бы то ни стало, сорвать банкет. Полицейский придрался к какому-то месту в речи князя П.Д. Долгорукова и воспретил говорить речи, потом придрался к какому-то месту в телеграммах и воспретил читать телеграммы. Тогда Долгоруков сложил с себя председательство, а полицейский заявил, что не может допустить собрания без председателя, и велел

расходиться. Я ушел несколько раньше этого заключительного приказа. Говорят, что у пристава при разгоне публики произошло какое-то нелепое столкновение с поэтом Буниным. Если бы полиция позволила довести ужин до конца, то получилось бы впечатление великой скуки, вялости, сонливости; правительство и правые могли бы потирать руки и насмешничать; теперь они сами лишили себя этого торжества.

Профессоров на банкете было очень немного: я очень удивился, когда увидал Брандта.

Кажется, недурно прошло в субботу освящение нового здания Высших женских курсов, отчасти потому, что освящение в значительной мере превратилось в чествование популярного Чаплыгина. Попечитель говорил настолько тактично, что ему хлопали. Девицы, кажется, по собственной инициативе послали телеграмму Герье. Вообще было всеобщее благоволение; das ewig weibliche zieht uns hinaus**.

Вторник, 8 сентября. Сегодня на факультетском заседании Грушка поднял вопрос о праздновании нового Герьевского юбилея. Оказывается, что Герье 31 декабря 1863 был назначен директором московского университета. Значит, приближается 50-летие. Любавский предлагает возвести старика в почетные члены; Иванов поддерживает это предложение в подходящих выражениях. Потом почему-то говорит Розанов. Я должен был присоединиться к этому предложению; ученые заслуги Герье невелики, но педагогические весьма значительны. Кстати, об Иванове. Из министерства пришло предписание выдавать ему 3000 р. в год из остатков от сумм на содержание личного состава; очевидно, он в фаворе у министерства, и сообразно с этим трусливый Кузьмич стал к нему внимательнее.

Сегодня говорили о диспуте Сакулина. Решили пускать публику по билетам.

Пятница 11 октября. На юридическом факультете конечно приняли диссертацию Байкова и третьего дня был его диспут. Говорят, что у студенческого быдла он имел даже успех на диспуте.

Сегодня в университете меня расстроил Сперанский. Он теперь в подавленном настроении, у него на днях умер престарелый отец. Мы разговорились о лежащей на нем непосильной работе по преподаванию. Он сказал, что ему осталось дотерпеть еще 1 ½ года до 25 лет. Он ни за что не будет проситься на новое пятилетие; во-первых, легко могут отказать, а во-вторых, уж очень противно оставаться в том кабаке, каким стал факультет и университет; а надежды на скорое улуч-

** das ewig weibliche zieht uns hinaus (нем.) — «Вечная женственность, тянет нас к ней» (цитата из трагедии И. Гете «Фауст»).

шение нет, скорее можно ждать дальнейшего загрязнения. Конечно, у М.Н. Сперанского теперь расстроены нервы. Но до какого падения, очевидно, дошел университет, если такие умеренные люди заговорили таким языком.

Понедельник, 14 октября. Мне нужно написать несколько слов о трех диспутах. Я слышал от Гензеля подробности о диспуте Байкова. Байков очень популярен среди студентов-юристов за то, что всем на экзамене ставит «весьма» и читает лекции в очень бойком и занятном тоне. Развязность у него безграничная, самомнение безмерное, а ученый багаж не бременит его плеч большой тяжестью. То обстоятельство, что он осмелился защищать трижды отвергнутую диссертацию, нисколько не смутило ни его, ни студентов. «Молодежь» встретила своего «любимого» лектора громкими рукоплесканиями. Байков держал себя на диспуте с беспримерной, почти балаганной распущенностью. Я приведу три его выходки. Оппонент, Вышеславцев, говорит, что Байков по какому-то вопросу выставляет себя сторонником мнений Спинозы, но на самом деле выставляет утверждения, отличные от спинозовских. Байков начинает свой ответ словами «Повернемся спиной к Спинозе». Какой-то восхищенный юнец восклицает «ловко сказано», а злые языки заверяют, что послышался даже крик «бис». Вышеславцев говорит что-то о вмешательстве и невмешательстве (диссертация откосится к области международного права); его речь понравилась публике, которая захлопала. Недовольный Байков начинает свой ответ словами: «Бывают разные случаи вмешательства, уместные и не уместные. К числу неуместных я должен отнести те рукоплескания, которыми были покрыты ваши возражения».

Неофициальным оппонентом выступил некто Головачев, недавно сдавший государственные экзамены. Он глупо сделал, что выступил. Головачев взял себе тему для сочинения у покойного Камаровского в надежде, что его оставят при университете. Камароский помер, и Головачев приносит свою работу Байкову; Байков не без основания находит тему неудачной (Аннексия Боснии и Герцеговины) и отказывается принять сочинение. Головачев остается на бобах. Ему не следовало выступать на диспуте. Но какой невинной кажется его бестактность по сравнению с выходкою Байкова! Байков так отвечает Головачеву: «Ваше возражение показывает, что вы держитесь безнадежно устаревших взглядов. Я боюсь, что в этом вопросе вы останетесь столь же одиноким, как в своем стремлении добиться оставления при университете». И декан не останавливает зарвавшегося «профессора», не напоминает ему, что он находится на университетской кафедре, а не на эстраде сомнительного подгородного ресторанчика. Какие нравы! И «молодое поколе-

ние», «надежда России» хлопает. Я вовсе не лишен Je m'en fiche**- изма, но мне очень стыдно за университет и за свое профессорское звание.

В диспуте другого юриста, Кузнецова, не было ничего укоризненного для университета. Диспут был в субботу 12 октября и для меня знаменателен тем, что я первый раз в своей жизни выступил в качестве оппонента. Кузнецов — человек трудолюбивый, способный, с литературной одаренностью, но какой-то безостовный, беспочвенный, случайный, отрывочный. Юрист, он написал книгу, свободную от всякой системы, почти от всяких конструкций. Близкий к историку по своей тяге к источнику, к сырью, он для историка слишком эскизен, капризен, и полукритичен. Его небольшая книга опирается на очень свежий и ценный материал, но не может не возбуждать досады в компетентном читателе. Официальными оппонентами были Котляревский и молодой Алексеев. Котляревский как всегда говорил кстати, но здесь, в чуждой ему области, особенно сильно проявились слабые стороны его редкой эластичности и многосторонности: он уж слишком скользил по вопросам, слишком быстро переходил от предмета к предмету. Алексеев говорил не более четверти часа и прямо сознался, что очень мало знаком с вещами, о которых говорится в диссертации. Я говорил об эскизности работы, на примере Старки показал, как неточны, отчасти прямо неверны характеристики некоторых политических писателей, выяснил незнакомство автора с новой литературой предмета и закончил, подобно Котляревскому, упреком в чрезмерном эмпиризме и импрессионизме. Кузнецов защищался слабо. Народу на диспуте было не много. Присутствовавшие на диспуте юристы говорили мне, что я возражал удачно; я себе вовсе не судья, но мне не было стыдно за свой дебют, который странным образом был дан мне не на моем факультете.

И, наконец, в воскресенье был диспут Сакулина. Переполненная аудитория, цветы от курсисток на кафедре, в аудитории множество курсисток, настроение чуть приподнятое, большой наклон к рукоплесканиям. Это трогательно и привлекательно. Но я слишком хорошо знаю дешевизну этого подъема, призрачность или вернее мимолетность этих симпатий. И потом ведь несколько дней тому назад в той же аудитории толпа молодежи устраивала овацию Байкову. И все-таки приятно побыть хоть несколько часов в обстановке привлекательной иллюзии. Сакулин приготовил нарочито академическую, свободную от всяких не академических намеков речь. Его встретили очень долгими рукоплесканиями. Возражали ему Сперанский и Розанов. Может быть под давлением аудитории, может быть из желания оправдать докторство, они несколько

** Je m'en fiche (фр.) — это мне нипочем; сущ. "Je-m'en-fichisme" обозначает взгляды человека, решившего ничему не придавать значения.

слишком славословили диссертацию. Сперанский, как это с ним часто бывает, говорил тихо (его не было слышно даже во втором ряду) и монотонно; и самые возражения его были робкие и малосущественные; к тому же все свои возражения он почему-то сказал все сразу, точно заученный урок. Розанов возражал много лучше, энергичнее и по более существенным вопросам, но закончил и он чрезмерным славословием. Сакулин защищался очень хорошо, и по существу и по форме. Какой-то слушатель университета Шанявского попробовал было сказать приветствие Сакулину. Любавский дернул Грушку за рукав, и тот заявил, что на диспуте допускаются возражения, но не приветствия. Слушатель спрашивает: так значит, я не имею права обратиться с приветствием? Грушка молчит, и проходят тягостные мгновения. Потом Грушка подымается и с выразительною грустью отвечает: к сожалению, нет. Что это? Рассеянность, любезность светского человека, погоня за популярностью? Но для посвященных момент был полон высокого комизма: Грушка перед аудиторией из поклонников Сакулина сожалеющий о невозможности допустить прочтение адреса! Впрочем, и эти моменты доставили мне удовольствие; дань правде, лицемерие, конечно, свидетельствует о силе правды. Отвыв факультета о диссертации и постановление факультета о докторстве привели публику в восторг, и Сакулину устроили овацию.

Вечером Сакулин устроил товарищеский обед в «Праге», куда позвал и меня. Там собралось очень интересное общество. По правую руку от Сакулина сидели Мануилов и Давыдов, по левую Любавский, Грушка и Соболевский. По такой пестроте собрание прошло очень гладко и благожелательно. Сакулин отвечал на все тосты очень тактично; славу Богу, и у него есть гибкость. Был только один щекотливый момент. Кизеветтер стал говорить о традициях Московского университета, сочетании научности с общественностью, причем заявил, что под Московским университетом он разумеет не определенное здание на определенной улице. Здесь была фальшь; ведь Сакулин представил свою диссертацию как раз в определенное здание, и как раз это определенное здание дало ему степень доктора, и как раз это происшедшее в определенном здании событие праздновалось на обеде. Но, в общем, все обошлось на обеде вполне благополучно, на посрамление всем скептикам и на радость русской терпимости и культурности.

На обеде Шамбинаго сказал мне, что он решил не переделывать своей докторской диссертации и что будет писать новую книгу. Он очень сердит на Сперанского, жалуется, что тот долго водил его за нос, прежде чем неожиданно дал ему отрицательный отзыв о диссертации. Очень неприязненно откосится к Сперанскому и другой приват-доцент по русской литературе, прежний приятель Сперанского, А.С. Орлов, управляющий синодальной типографией. Я теперь встречаюсь с ним в

университете по понедельникам. Орлов жалуется, что Сперанский прямо не давал ему никакого ходу на факультете и только после усиленных настояний допустил его специальный курс к зачету. Орлов уверяет, будто Сперанский совсем высох в Нежине и превратился в библиографа, который из преувеличенного скептицизма чурается всяких общих выводов. Орлов даже прямо говорит, что Сперанский ничего не сделал для своей кафедры. Что же касается знаний, то у покойного Матвея Соколова их было будто гораздо больше. Сколько в этих отзывах правды и сколько личной обиды, я судить не берусь.

Пятница 18 октября. Сегодня в газетах сообщение о том, что ординарный профессор Кишкин за выслугою лет (25) уволен от службы. «Правые» добились своего. Их нетерпимость все растет. Растет и их подозрительность. Среди них распространилась уверенность, будто Сакулин на другой день после своего диспута обратился к своим слушателям в университете Шанявского с речью, в которой сравнивал вольный университет с казенным, к большой невыгоде для второго. Но на чем основана эта уверенность? На сообщении «Русского Слова». Но верно ли, что в «Русском Слове» во вторник или в среду 15 или 16 октября появилась заметка подобного содержания? Я читаю «Русское Слово», я правда очень бегло просматриваю газету, но не помню, чтобы в ней стояли слова, о которых говорят негодующие. А потом, если бы даже в «Русском Слове» и была помещена подобная заметка, то можно ли заключать отсюда, что Сакулин произнес приписанные ему репортером слова?

Сегодня на юридическом факультете читается отзыв о диссертации Струве[135]. Каблуков собирается предложить факультету возвести Струве сразу в доктора. Диссертация очень умна и очень учена. Но она коротка и во многом спорна. Котляревский слышал от Гидулянова, что на сегодняшнем заседании докторство не пройдет, и не пройдет в значительной мере в связи с раздражением «правых» по поводу Сакулинского «инцидента». Возможно, что репортерская мнимая или подлинная заметка только придирка, что на деле правые раздражены газетным хвалебным шумом вокруг Сакулинского диспута.

Понедельник, 21 октября. Я был сегодня у ректора. Еще там были Богословский, Иванов, Грушка. Должен был быть Виппер, но он конечно не пришел. Ректор прочел проект представления о возведении Герье в почетные члены. Любопытно, что Иванов довольно решительно восстал против славословящих преувеличений и довольно откровенно говорил о слабостях Герье. Богословский, я и даже Грушка подтвердили справедливость замечаний Иванова, и с общего согласия первоначальный проект подвергся смягчительным изменениям. Иванов делал

сегодня и остроумные замечания, вообще слухи о его «падении» сильно преувеличены; он даже выставляет себя интересующимся наукою и преподаванием. Но в его речах чувствуется фальшь позиции, неуверенность в том, какой взять тон; думаю, и его тяги к науке хватит ненадолго. Во всяком случае, пока его поведение находится в резком контрасте с тем, что было известно о его нежинском поведении; вероятно, скоро обнаружится и нежинский аспект. Любавский и Богословский говорили о своем намерении сделать великого князя Николая Михайловича почетным доктором русской истории. Среди наших разговоров пришел С.Ф. Платонов, сообщил несколько петербургских новостей.

Между прочим, слухи о том, что Кассо, покончив с юридическим факультетом, собирается приняться за филологический, пока не оправдываются. Кассо, кажется, позволит петербургскому филологическому факультету заместить освобождающиеся кафедры по рекомендации; Платонов наметил себе в преемники Рождественского, а Введенский Лапшина (а не более талантливого Лосского). Платонов передает, что в управлении министерством народного просвещения весьма живое участие принимает весьма близкая к Кассе г-жа Денисова, при покровительстве которой быструю до смешного карьеру сделал прославившийся руками в кармане Бартольди, из молодых да ранний. Заговорили о бывших опальных учениках, ныне получающих места по ведомству просвещения; вспомнили о Тарле. Платонов сообщил, что в петербургских профессорских кругах распространился слух, будто для получения кафедры в Юрьеве Тарле принес начальству какое-то особое покаяние. Кареев и Лучицкий нашли нужным проверить этот слух, и Тарле будто бы дал письменное заверение в том, что он ни в чем не каялся начальству.

На юридическом факультете прошлую пятницу обсуждали диссертацию Струве. Некоторые думали, что ему сразу дадут доктора. Но эти ожидания не оправдались; Струве получит только магистра; диспут состоится 10 ноября.

Пятница, 25 октября. Студенты-медики устроили торжественные проводы Кишкину и в виде протеста против его увольнения объявили в клинике забастовку на три дня; кишкинский ассистент Усов подает в отставку. Ходит слух, что на кишкинское место назначат Буйневича. Я не хочу этому верить. Из этого хохлацкого поляка вырос очень дурно пахнущий фрукт; но все-таки не хочется верить, что он спихнул заслуженного, почтенного, свободного от всякой политики человека, чтобы усесться на его место. В Петербурге устроили в университете враждебную демонстрацию Косоротову за его экспертизу в деле Бейлиса[136]. Я ничего не пишу здесь о русском политическом положении, потому что я вовсе не занимаюсь политикой. Но не могу не отметить в качестве

простого наблюдателя, что положение делается неустойчивым, если не прямо тревожным, и что смута идет гораздо больше справа, чем слева.

Суббота, 2 ноября. Заседание совета, на другой день после очень тяжелого, может быть самого тяжелого дня в моей жизни. Я был в очень подавленном настроении, плохо слушал и ушел до конца заседания, хотя конец был интересный и поучительный. В числе текущих бумаг выговор от попечителя за демонстрации и забастовку по поводу отставки Кишкина. Но кому делается этот выговор? Кишкину? Но ведь он за пределами досягаемости. Ректору? Но ведь он изо всех сил старается угодить начальству. Студентам? Но ведь они даже не узнают об этом выговоре, который будет похоронен в архивах совета. Совет безмолвно и единогласно принимает предложение историко-филологического факультета избрать Герье в почетные члены и утвердить Сакулина в степени доктора.

Под конец спорное дело о Неврологическом музее имени Кожевникова[137]. Здесь столкнулись с одной стороны Общество невропатологов и психиатров[138] (где царит В.К. Рот, давший немало денег на музей), с другой министерство и теперешний медицинский факультет. Общество еще до разгрома сочинило устав для музея, дало в уставе себе важное место, провело устав через факультет и совет. Проект устава пошел в министерство, но там удосужились рассмотреть проект лишь в настоящем году и конечно забраковали проект. Министерство взамен прислало свой собственный проект, в котором обществу отведена очень скромная роль, и предложило обсудить этот проект. Я слышал только начало спора о министерском проекте. Застрельщиком оппозиции выступил Д.Ф. Егоров, который проявляет большое мужество и большую настойчивость в защите точек зрения благородных, но в данное время безнадежных, явно идущих в разрез с настроением огромного большинства в теперешнем совете. Егоров говорил о том, что желательно было бы сравнить новый проект со старым. Егорова поддержал Маклаков, который в первый раз выступил в совете. У Маклакова привлекательная внешность, красивый мягкий голос и приятная манера говорить. Маклаков говорил о том, что Рот дал деньги в уверенности, что его проект будет принят. Маклаков думает, что отказ теперешнего совета вступиться за первоначальный проект будет несовместим с достоинством университета, будет своего рода обманом по отношению к обществу невропатологов и Роту. Ректор самым вкрадчивым своим голосом заявляет, что на университете не лежит никаких обязательств по отношению к Обществу невропатологов и что он, ректор, не допустит внесения в протокол резких выражений Маклакова. Маклаков указывает тогда, что он говорил о моральных, а не о юридических обязательствах. К ректору спешит на подмогу Муратов, тоже впервые выступающий теперь в со-

вете. Он становится на формальную точку зрения и ставит ректору вопрос, можно ли обсуждать в совете отвергнутый министерством проект устава. При этом Муратов заверяет, что при обсуждении министерского проекта старый проект был принят во внимание. Егоров спрашивает тогда, почему же в медицинском факультете нашли возможным обсуждать то, что теперь считают невозможным обсуждать в совете. Муратов разъяснил, что старый проект привлекли к обсуждению не в факультете, а в факультетской комиссии, в которую были приглашены и представители Общества невропатологов. При этом Муратов неожиданно для меня заявляет, что он ученик Рота и очень близок к Роту. Что Муратов ученик Рота, это конечно вполне возможно; но что он в настоящее время близок к Роту, это кажется простое вранье, предосудительное в советском заседании. Тут я ушел. Можно было догадаться, что ректор признает старый проект неподлежащим обсуждению, и что совет громадным большинством примет министерский проект с немногими поправками, внесенными в проект факультетом.

В этом деле на миг приотворились двери и пахнуло воздухом доразгромного университета, но двери сейчас же захлопнулись. Командующее большинство может быть совершенно спокойно за ближайшее будущее.

Понедельник, 11 ноября. Вчера был диспут Струве. Публику пускали по билетам, и ее набралось много. Струве читал свою вступительную речь с исписанных листков; речь была интересная, но ему за нее не хлопали, а встретили его рукоплесканиями, хоть и не очень громкими. Каблуков возражал очень благожелательно и довольно слабо, так что Струве чувствовал себя очень хорошо. Говорит Струве с каким-то напряжением, усилием, точно берет какое-то препятствие. Каблуков закончил указанием, что диссертация на много превышает те требования, которые обычно предъявляются к магистерским диссертациям. Но когда стал возражать Бобин, атмосфера сразу стала напряженной. Бобин погряз в лицейском обществе и по отзывам некоторых лиц, его наблюдающих, стал приобретать весьма неприятные, почти елистратовские черты, черты человека, жадного до денег и ради своих выгод не брезгующего никем и ничем. Романист кажется он недурной и хороший преподаватель, но он ничего не пишет, не имеет никакой степени, и до Струве ему конечно очень далеко. Но держал он себя со Струве вызывающе. Начал он как-то необыкновенно издалека, ужасно хитро и длинно, и чуть не полчаса приводил выдержки из Потебни о мифологическом мышлении. Дело в том, что Струве приписывает Марксу субстанциализацию и даже материализацию ценности, сопоставляет учение Маркса о трудовой ценности с учением Фомы Аквинского о первородном грехе. И вот Бобин вступился за Маркса, стал доказывать,

что Маркс не повинен в грубом олицетворении ценности, что Струве неправильно толкует образный язык Маркса. Но весь яд возражения состоял в том, что Струве списал у Потебни свои наблюдения над мифологизмом Маркса и отцов церкви, взял у Потебни даже некоторые цитаты и выдал чужой товар за свое добро. Я не знаю, вполне ли понял Струве намеки Бобина, но он с негодованием отверг предположение о заимствовании у Потебни и стал укорять Бобина в полном незнакомстве со взглядами Маркса. Говорил Струве с большим пренебрежением, хотя, по моему мнению, он был не вполне прав; я не хочу защищать Бобина; может Бобин не знает Маркса, вот только труд у Маркса не совсем то, что первородный грех у Фомы. Бобин очень обиделся и громко заявил: «А, коли вы так говорите со мной, то я и с вами буду говорить по иному». И перешел к римскому праву. Сначала он говорил, что мнение Струве о господстве свободного, договорного установления цен в раннем, простом быту находится в противоречии с господствующим в литературе представлением о позднем происхождении договора; говорил, что Струве выдумал для Рима различие между публичным и полицейским правом, и, наконец, перешел к главному козырю. Струве решительно и резко отвергает мнение Граденвица о том, что две конституции 286 года интерполированы при Юстиниане. Бобин с пафосом выступил на защиту великого Граденвица, заявил, что мнение Граденвица опирается не на один аргумент, а на целых семь, и что к этим семи он, Бобин, может присоединить три своих, и стал увесисто перечислять свои десять аргументов. Когда он кончает, наш Грушка и уголовник Фельдштейн демонстративно хлопают. Хлопает и меньшинство аудитории. Странно, что Струве стал очень кроток с тех пор, как Бобин стал грубо нападать на него. Все-таки он указал на то, что вопрос об интерполяции не бесспорен и для общего построения не имеет большого значения. Большинство аудитории громко хлопает Струве. Тогда Бобин ядовито восклицает: «Значит, многие из присутствующих рукоплещут тому, что мнящий быть ученым исследователем пользуется явно недоброкачественными источниками, и может быть, даже среди рукоплещущих есть историки». В аудитории слабые хлопки, значительный шип и даже легкая попытка единичного тихого свиста. Настроение делается напряженным. Но, слава Богу, Бобин заканчивает возражения словами самого кислого доброжелательства. И уходит. За ним тянутся три-четыре профессора-юриста. Я уж подумал, не демонстративный ли это уход. Но под конец диспута двое из ушедших вернулись. Начинает говорить Котляревский. Он возражает больше для того, чтобы осыпать диссертацию похвалами и указать, что она много выше обычного типа магистерских диссертаций. Котляревского сменяет Митюков. Я в первый раз слышу этого господина, который в этот день не был пьян

и, стало быть, не может оправдываться своим недугом. Он держал себя необыкновенно грубо, прямо издевался над Струве. А Струве, не знаю почему, совершенно потерял способность отражать удары; правда, диспут был очень длинен, и поведение господ романистов было неожиданно. Говорил Митюков о вопросах маловажных, но требовал, чтобы Струве указал ему места в источниках; Струве молчит. Митюков заявляет, что таких мест нет, а есть места, говорящие иное, приводит место и требует перевода; Струве отказывается переводить. Митюков экзаменует Струве по поводу actio quanti minoris** и заявляет, что за такие ответы студент на государственном экзамене не может получить отметки удовлетворительно. Струве молчит. Декан молчит. Значительная часть публики с верхов шипит. Покончив с возражениями, Митюков уходит. Уже скоро семь часов, а диспут начался половина второго. Молодой и способный приват-доцент Ильин оказывает полумедвежью услугу: начинает осыпать книгу восторженными похвалами и забывает о том, что на диспуте надо возражать. Последним говорит из публики Булгаков, коротко, но хорошо. Он указывает на высокое положение Струве среди русских ученых, философов, литераторов и сжато намечает некоторые существенные возражения. Струве так устал, что возражает только на часть сделанных ему замечаний. Лестную для Струве речь Булгакова несколько поредевшая публика покрывает громкими рукоплесканиями. Декан читает отзыв, признающий Струве магистром. Струве почти ни с кем не целуется. Он измучен. Впечатление в общем очень тяжелое.

У этих Бобиных и Митюковых совсем нет пафоса расстояния, уважения к таланту. И, увы, это даже не самые плохие из теперешних университетских преподавателей. Нравственная чуткость, вообще не частая среди ученых, становится очень редка. Сомневаюсь, чтобы Струве представил в Московский университет свою вторую диссертацию. Развал высшей школы успешно продвигается вперед. Нужна очень тяжелая атмосфера для того, чтобы бывшие совсем недавно приличными людьми Бобин и Митюков осмелились позволить себе такое обращение с таким выдающимся человеком, как Струве.

Вторник, 12 ноября. Сегодня заседание факультета. Оно скучно. Два магистерских экзамена по всеобщей истории, Фортунатова и Косминского. Первый выход Ивана в кубе. В общем, он держит себя не вызывающе, добрососедски, но проявляет в своих вопросах удивительное в человеке его лет легкомыслие. Например, Фортунатову предложили отвечать о цехах; Фортунатов изучал раннюю историю цехов, а Иванов

** actio quanti minoris (лат.) — иск об уменьшении цены товара ненадлежащего качества.

желает узнать от него общий ход цеховой истории чуть не до 19 века и даже влияние цехов на судьбу индустрии; когда Фортунатов отвечает о средневековых университетах, Иванов спрашивает его: «А какое место занимает Болонский университет в культурной истории Европы? Каково место римского права в истории Европы? В каких памятниках французской истории отразилось идейное влияние римского права?» Мне было стыдновато за вопрошающего. Фортунатов отвечал недурно, но Косминский лучше. Обоим поставили весьма.

Воскресенье, 17 ноября. Вчера вечером случилось необычайное происшествие. Виппер устроил у себя собрание, на котором читал доклад о судьбе теории прогресса. Был даже холодный ужин, событие совершенно беспримерное. Приглашены были только «свои», из старших Форт[унатов?], Петрушевский, Поржезинский и я, из младших некоторые из оставленных Виппером при университете и некоторые молодые «искусники» (Бобочка, сын Виппера, только что сдавший магистерский экзамен, и его два товарища). И конечно Виппер поступил очень благоразумно, что пригласил только тех, в ком предполагал сочувствие к себе. Доклад был бы конечно встречен очень враждебно, если бы был прочитан не в искусственно подобранной аудитории. На меня он произвел тяжелое впечатление. Большой Виппер кончился, начинается старческое недовольство и брюзжание, конечно, на котором еще видны яркие следы таланта и ума. Научной осторожности почти совсем не осталось. Суждения становятся прямолинейны, жестки, пессимистичны. Уходит понимание сложности, многоцветности, таинственности. Все ясно, просто, и мрачно. Суть сообщения была в том, что вера в прогресс быстро уходит, даже ушла, и что наша культура тяжело, даже смертельно больна. Успехи техники, государственности, капитализма губят, а не улучшают человека; человеческая душа опустошается, оскудевает талантливость, выдумка, вкус к жизни, растет принуждение, насилие (особенно тревожит Виппера система Talor по выматыванию максимального труда из рабочих[139]), все шире разливается злоба и вражда, а старые, интимные связи исчезают. Люди устали от слишком быстрых перемен, слишком частых и грубых насилий, они переутомлены и надорваны. Виппер уже прямо странным образом, ссылаясь на какого-то Niceforo[140], говорил о всеобщем вырождении рабочих и даже опирался на учащение молодых самоубийств в доказательство всеобщей надорванности. Особенно доставалось религии, и особенно единобожию, христианству. Виппер позволил себе назвать торжество христианства в римской империи торжеством скудных и меланхоличных детей пустыни (?), торжеством умственного идиотизма. С видимым убеждением и удовольствием он несколько раз повторил эти грубые и

странные, больные три слова. — Quantum mutatus ab illo*. И преподносит эту дряхлую иеремиаду** молодым людям, у которых жизнь впереди и которым так естественно любить жизнь. И занятия этнологией привели к странным последствиям. Виппер теперь влюблен в простого человека, в его художественные дарования и нравственные добродетели, восторгается рисунками неолитического периода, играми и миролюбием дикаря.

Конечно, гости не могли высказать хозяину откровенно своего мнения, но все-таки С.Ф. Форт[унатов?] и я деликатно дали понять, что выслушанное кажется нам очень мало убедительным и очень мало привлекательным. Неужели Виппер будет печатать свои стариковские охуления? Мне было больно подмечать, как близко подошел он к чудаковатому семидесятипятилетнему старику, Владимиру Танееву.

Четверг, 5 декабря. «Ушедшие» осрамились. Они не умеют ужиться даже друг с другом. В университете Шанявского они хозяева положения. И что же они делают? Резкими нападками враги Хвостова заставили его уйти из деканов. Потом в частных совещаниях наметили кандидатуру Сакулина. Но за день до выборов члены факультета получают анонимный циркуляр с предложением выбирать Кизеветтера. Выборы были прошлый четверг. Сакулин явился, Кизеветтер нет. При подаче записок голоса разбились почти пополам между Сакулиным и Кивеветтером. Сакулин отказывается от баллотировки. Баллотируется Кизеветтер, из 31 присутствовавшего 16 голосуют за Кизеветтера, 7 против и 8 воздерживаются от голосования. Непосвященные в тайну циркуляра не понимают, почему отстранен Сакулин и отстранен без всяких объяснений и совещаний. Ничего не понимает и сам Сакулин. А уж он ли не заслужил внимания к себе со стороны ушедших? Какой нехороший муравейник господа ученые всяких направлений, ушедшие никак не меньше, чем оставшиеся и пришедшие!

Пятница, 7 декабря. А, пожалуй, черненькие и прикидывающиеся таковыми все-таки будут много похуже ушедших. Я только что пришел с университетского советского заседания. Обсуждалась смета специальных средств, из которой явствует, что университетское хозяйство находится в очень бедственном положении. Университетские доходы остаются неподвижными, в то время как все цены растут. Приходится сокращаться, плохо топить, плохо освещать, не ремонтировать постро-

* Quantum mutatus ab illo (лат.) — Как он изменился по сравнению с прежним.

** иеремиада (устар., м.б. иронич.) — плачевная жалоба (от плача Иеремии при разрушении Иерусалима).

ек, сжиматься в лабораториях при расходовании реактивов, не выписывать необходимых книг. И все-таки трудно свести концы с концами. Гензель, Егоров, Огнев, Зернов, я указывали на печальность положения. В сущности Лейст и Любавский не могли отрицать финансового кризиса. Например, Лейст указывал, что на отопление следовало бы назначить около ста тысяч, но что в смете поставили семьдесят. Я спрашиваю, что же будут делать, когда израсходуют топлива на семьдесят тысяч, а зима еще не кончится. Лейст отвечает: вся надежда на мягкую зиму. Егоров предлагает поручить правлению представить соображение об улучшении финансового положения. Зернов и я заявляем, что единственным выходом является увеличение штатных ассигновок. Лейсту, Любавскому и черным крайне неприятны указания на финансовый кризис и особенно на то, что надо предпринимать какие-то меры, чем-то беспокоить начальство в разрушать иллюзию, будто в университете все обстоит благополучно. Егоров вносит формальное предложение поручить правлению представить соображения об улучшении университетского хозяйства. Предложение проваливают 24 голосами против 13. Лахтин вносит ехидное предложение об избрании советской комиссии для той же цели. Предложение принимается 19 голосами против 18. Черненькие шипят: «Просим, просим тех членов совета, которые участвовали в сегодняшних прениях». Я заявляю: «Я решительно отказываюсь от участия в комиссии, против учреждения которой я голосовал». Я слышу из медицинского угла замечание в сторону, очень громкое: «Поговорил, и довольно». Эти возгласы — грубое нарушение советских традиций и приличий, нарушение тем более грубое, что в данном случае оно исходит от старика и давнего члена совета, от Голубова, правда, старика ничтожного. Грубоватые возгласы с места, «про себя», последнее время нередки.

На место Кишкина назначен киевский Вагнер, кажется недурной терапевт. Но про него ходят слухи, что он чем-то сильно скомпрометировал себя в Киеве в моральном отношении и стал там невозможен. За это министр переводит его в Москву.

Сегодня должны были происходить выборы варшавского профессора Сахарова на кафедру общей патологии, но почему-то они не состоялись.

10 декабря. Сегодня длинное, но скучное заседание факультета. Должны были слушать отзыв о докторской диссертации пресловутого Продана[141]; даже Челпанов решил отклонить ее. Продан, [1-]страшный крючкотвор и ябедник[-1] прислал декану письмо с просьбой «приостановить» дело об его диссертации. А к сегодняшнему заседанию истек полугодовой срок, в течение которого факультет должен представить отзыв о диссертации. Слово «приостановить» двусмысленное. Долго спорили о том, как понимать это слово, читать или не читать заготов-

ленные оппонентами отзывы. Решили понять «приостановить» в смысле «прекратить», но ввести в протокол указание на то, что факультет был готов рассмотреть отзывы о диссертации Продана и снял дело с очереди во внимание к письму Продана.

Розанов внес предложение о возведении лектора Брауна, очень ученого, но ничего не пишущего человека, в звание приват-доцента. Иванов, у которого в это заседание очень развязался язык, было запутал дело, указав на то, что по закону в таких случаях нужна оценка ученых трудов, а Розанов в своем представлении очень мало говорит об ученых трудах. Но Розанов очень мало говорит об ученых трудах потому, что этих ученых трудов вовсе нет. Иванова еле уняли.

Очень долго читали отзывы о медальных сочинениях.

Мальмберг внес представление об избрании Назаревского, успевшего стать приват-доцентом, в старшие хранители музея изящных искусств. Когда в свое время Цветаев продвигал этого господина, то заявлял, что Назаревский очень скромен и вовсе не стремится к ученой карьере. Но теперь он оказывается очень прытким. Мальмберг долгое время квартировал и столовался у Назаревских (отец и брат нашего Назаревского — очень известные черносотенцы[142]), злые языки уверяют — за очень низкую плату; долг платежом красен. Назаревский получил 8 избирательных шаров и 6 неизбирательных, не густо.

Воскресенье, 15 декабря. Вчера я отдавал визит Н.В. Богоявленскому, который недавно был выбран в профессора зоологии и теперь ждет себе утверждения. Он рассказывал интересные вещи о порядке на физико-математическом факультете, особенно в зоологическом музее. Музей построен всего лет десять тому назад; постройкой заведовал А. Тихомиров, тогдашний профессор зоологии, директор зоологического музея и ректор университета, теперешний попечитель. При постройке деньги были, и у Тихомирова было влияние, перед глазами был западный пример. Можно было построить очень хорошо. Но сюсюкающий пшют построил из рук вон плохо; кстати сказать, его правой рукой при постройке была тоже характерная фигура — Григорий Кожевников. Лаборатории очень малы, так что студентов приходится пропускать чуть не в двадцать смен. Лаборатории в четвертом этаже, а реактивы в первом, инструменты кажется во втором; за всяким пустяком приходится бегать Бог знает куда. У Богоявленского, который преподает эмбриологию и гистологию, две комнаты в первом этаже, а лаборатория в четвертом. В одной из его двух комнат бывает 8—10°, в другой 25—30°.

Странную, даже дикую вещь общеуниверситетского свойства сообщил он мне. На днях явился к нему служитель с ведомостью, в которой стояли имена преподавателей факультета и те дни истекшего полугодия,

в которые преподаватель не являлся на лекции и на практические занятия. На листе стояло предложение проректора Никифорова указать причины неявки с точным обозначением болезни. Когда лист принесли к Богоявленскому, то на нем стояло уже пять-шесть профессорских изъяснений в таком роде: был на похоронах такого-то, болело горло и т.д. Богоявленский увидал, что его пропуски обозначены неточно и решил указать на эту неточность проректору раньше, чем представить свои объяснения. Через несколько дней он спросил служителя, где лист. Служитель ответил: «Разорвали-с». — «Как разорвали?» — «Да профессора очень сердились, когда к ним приносили лист. Вот его и разорвали». — Какая милая мелочь! Далеко не во всех средних школах пристают к отсутствующим преподавателям с точными справками о болезни. А тут выборный проректор запрашивает профессора, чем он был болен три месяца тому назад. И как только натыкаются на слабое сопротивление, разрывают свою бумажную полицейскую затею. Какие людишки! Поржезинский сказал мне, что до 1905 профессора давали письменное объяснение причины своих неявок. Это попытка вернуться к старине.

23 декабря, понедельник. Я ездил в СПБ на предварительное совещание по созыву Международного съезда историков, который должен собраться в СПБ осенью 1918 года. От университета поехали только я и Готье, который впрочем, был откомандирован еще Румянцевским музеем. Для университетской нищеты, но также и для поведения администраторов (себе они по-видимому отпускают деньги для служебных поездок) характерно, что ни я, ни Готье не получили ни копейки на поездку. Совещание должно было продлиться три дня: 18, 19 и 20 декабря, а на 17 вечером была назначена встреча в Академии наук, которая взяла на себя организацию совещания и даже собирается нести большую долю хлопот по устройству самого съезда. Я поехал потому, что иначе от Московского университета не было бы ни одного профессора и это было бы неприлично. А потом я 13 лет не был в СПБ и я почти никого не знаю из своих собратьев по историческим занятиям, хотелось посмотреть их. Академия оказалась очень гостеприимной, на встрече напоили чаем, а в три дня заседаний, тянувшихся с 10 до 5, кормили холодными, но хорошими завтраками. Заседали в торжественной обстановке — в конференц-зале, что с диплодоком. Открыл совещание великий князь Константин Константинович, который жал руку делегатам и просидел часа полтора на первом утреннем заседании; под конец ему, впрочем, стало скучно, и он стал довольно громко разговаривать с вице-президентом академии Никитиным.

Председателем был Лаппо-Данилевский, человек по петербургским отзывам очень замкнутый и кабинетный; с его стороны принесена

большая жертва на алтарь патриотизма. Он для председательства человек очень подходящий — академик, специалист по русской истории, хорошо владеет тремя языками и имеет хороший выговор, хорошей дворянской семьи, хорошего воспитания и очень сдержанный, вдобавок человек очень широкого образования. Петербуржцев на совещании было гораздо больше, чем провинциалов, но голосовали по учреждениям, так что петербургского «засилья» не было; провинциалами зовут в СПБ и нас, москвичей.

Если бы все члены совещания оказались молчаливыми, можно было бы легко покончить все дела в полтора дня. Но безудержное витийство двух киевлян и выступление двух поляков растянуло разговоры на три дня. Бубнов болтлив, но куда ему до Ардашева. Правда, Бубнов приехал в очень удрученном состоянии: у него недавно умерла жена. Ардашев оказался одним из самых больших болтунов и пустословов, каких я когда-либо слышал. Еще, слава Богу, он не пришел на третий день, а то бы мы не кончили в три дня. Он не стесняется говорить раз по десяти в одно заседание, и говорить подолгу, и чем дальше, тем быстрее, точно какой-то волчок; и при этом ни тени ораторского дарования: ни темперамента, ни красивых жестов, ни изящного языка, ни остроумия, ни ума, сплошная серь. Бубнов все же крупнее: у него есть юмор, и не лишенная известней силы упрямая, бычья настойчивость. Между прочим и Бубнов и Ардашев обиделись на то, что в намеченном петербуржцами составе исполнительного комитета не оказалось ни одного провинциала, и стали требовать, чтобы члены совещания не руководились печатным списком кандидатов, предложенных петербуржцами, а писали новый список. Но решили оставить печатный список, а желающим предоставили вычеркивать из него и вписывать в него по усмотрению. В совещание явилось три генерала, которые выражали настойчивое пожелание, чтобы состав исполнительного комитета был пополнен хотя бы одним военным человеком. После счета записок оказалось, что предложено шесть-семь дополнительных кандидатов, в том числе Бубнов и Ардашев одной запиской, два генерала, Колюбакин и Баиов (кажется, болгарин) — двумя записками, Бубнов и Колюбакин отказались; Баиов был выбран 21 запиской, а Ардашев получил при голосовании всего одну записку.

Щекотливым вопросом был вопрос об языках, при обсуждении которого конечно проявились националистические страсти. Оказались пылкие защитники русского языка, польского языка и всех славянских языков. Кареев заговорил даже об украинском языке, но не встретил поддержки в собрании. Два поляка из Варшавы, Пулаский и Кониц (еврей?), явились только для того, чтобы поднять вопрос о польском языке. Мне пришлось председательствовать в том заседании, где Кониц заявил, что одновременно с вопросом о русском языке должен быть поставлен во-

прос и о польском языке. Мне пришлось указывать, что вопрос о русском языке уже обсуждался рядом русских ученых учреждений и был поставлен на Лондонском конгрессе, где решили предоставить русскому языку известное, не вполне ясное место, но что вопрос о польском языке такому обсуждению еще не подвергался. Кониц заявил тогда, что в польской ученой среде вопрос о польском языке обсуждался достаточно. Пресняков, который вместе с Карсавиным несет секретарские обязанности, спасает положение. Варшавские делегаты говорят об единстве польского народа. Так пусть они будут последовательны, пусть они возбуждают ходатайство о допущении польского языка на международные исторические съезды от имени всей польской ученой среды, от имени ученых учреждений русской, прусской и австрийской Польши. Пресняков побил поляков их же рублем. Поляки вынуждены отступить и ограничиваются заявлением о том, что на петербургском съезде 1918 года польские ученые выступят с ходатайством о польском языке. Это заявление принимается к сведению. После этого долгие прения о русском языке. Чрезмерно горячим русским патриотам очень хочется навязать петербургскому съезду 1918 года постановление об уравнении русского языка с четырьмя другими языками. Ростовцев, Гревс, Лаппо-Данилевский очень убедительно указывают на то, что русским у себя дома, на положении хозяев, не удобно навязывать гостям предложение о русском языке, предлагают отложить это предложение до следующего съезда, который соберется в 1923 году. Но при голосовании оказалось, что любовь к себе сильнее гостеприимства и деликатности: 19 голосами против 17 решили возбудить ходатайство о русском языке в Петербурге в 1918, а не откладывать его до 1923. Лаппо-Данилевский был очень огорчен исходом голосования.

На всех шести заседаниях выбирали почетных председателей. Почетный председатель должен сидеть истуканом. Так и было на первом заседании, где присутствовал великий князь; почетным председателем тогда был Голубев, профессор киевский духовной академии, отец знаменитого студента-союзника, игравшего немалую роль и в деле Бейлиса. Но последующие почетные председатели — Любович, Линниченко, Бубнов — оказались притязательны и пожелали вести заседание, причем делали это не искусно. Мне Лаппо-Данилевский предложил председательствовать на пятом заседании. Я упорно отговаривался младостью и слепотою; но Лаппо-Данилевский заявил, что необходимо оказать внимание Московскому университету. Мне пришлось согласиться. Я сказал, что мне хотелось бы сидеть, а не вести заседание. Но Лаппо-Данилевский решил, что три предыдущих почетных председателя уже установили неправильный порядок. И я председательствовал, кажется лучше, а не хуже стариков; добрые секретари подсказывали мне, кто просит слова, а то я сам ничего не вижу.

Всего было на совещании человек около шестидесяти. У меня очень плохая память на лица и на имена; я мало общителен, застенчив и очень не интересен. Я познакомился далеко не со всеми. Мне понравились многие петербуржцы. У них теперь историко-филологический факультет сильнее, чем в Москве. Некоторые из петербуржцев привлекательны, некоторые гостеприимны. У меня не было времени делать визиты. Я был у своих старых знакомых, Кареева и Васильева. Неожиданно для себя был приглашен к С.Ф. Платонову вместе с тремя москвичами-историками (Платонов у себя менее сдержан и дипломатичен, чем в гостях; он — интересный, остроумный собеседник, очевидно, могуший быть и злым), и на журфикс к Ростовцеву. Ростовцев неожиданно для меня был со мною очень любезен. Он, по моему мнению, теперь самый крупный из русских историков. По внешности он похож на богатого купчика (его отец кончил карьеру попечителем учебного округа; жена Ростовцева по слухам богатая женщина). У него очень живой темперамент и очень ясная голова. Он очень общителен и обычно устраивает товарищеские обеды. Между прочим, должен был состояться обед и после совещания. Но я не знал об обеде и взял себе заранее обратный билет. Кажется, на обед записалось немного народу, всего человек 25. Между прочим, я с четырьмя москвичами и Кареевым раз обедал в «Вене». Кормят хорошо и дешево, но отдельный кабинет был грязноват.

Приятно вернуться к себе.

1914

12 января. Татьяна. Был акт, я там не был. Был профессорский обед, я там был. Обстановка та же, что в прошлом году, попечитель в качестве бывшего профессора. На этот раз я не был единственным «левым». Были Гензель, Котляревский. Были вполне нейтральные люди, вроде Богословского и Розанова. Я чувствовал себя в смысле общества много лучше, чем в прошлом году. Было и другое нововведение: люди не ходили поминутно чокаться с начальством. Пили за здоровье, оставаясь на местах. Было третье нововведение: Федя Рыбаков аккомпанировал на пианино когда пели "Gaudeamus", причем порядком подвирал. Народу было человек под сорок. Болтали меньше прошлогоднего, тосты произносились банальные. Недержанием языка отличился Головин, который плел что-то несуразное о славянстве, грядущем слиянии всех народов в одно человечество, о том, что Грановский был прекрасным представителем славянской души, о том, что Грановский был слабодушен и картежник, о том, что он, Головин, земляк Грановского, орловец. Большой выход Тарасова. Он упоен своим участием на съезде правых профессоров[143] и сгорает нетерпением поведать присутствующим о его тайных деяниях. Он полон негодования на возмутительное бесстыдство левых петербургских газет «Речи», «Биржевика», «Дня», особенно «Дня», который позволил себе назвать членов совещания «реакционной шайкой», между тем как на совещании вовсе не говорили о политике; совещание поручило ему передать коллегам возмущение наглостью еврейской печати и просьбу бороться с этим засильем.

Любавский пробует унять разошедшегося Тарасова и говорит, что это обычный прием газетчиков — выдумывать небылицы про закрытые совещания, с тем, чтобы вызвать возмущение и разоблачение. Тарасов плохо унимается и зовет товарищей после обеда выслушать его рассказ о совещании. Идут и слушают внимательно, потому что речь идет о самом близком профессорскому сердцу предмете — о новых штатах. Совещание было очень конспиративное, в квартире Н.А. Зверева; совещание было четвертое по счету. Его успеху помешало распространившееся среди правых профессоров убеждение, будто совещание встанет в оппозицию министру. И некоторые профессора по назначению затруднялись принять участие в совещании, говорили: «Как могу я участвовать в сове-

щании, когда оно враждебно министру Кассо, который меня назначил?» Но Тарасов заверяет, что это чистое заблуждение, что члены совещания вовсе не думали чинить оппозиции министру (я плохо понимаю, откуда могло возникнуть такое нелепое мнение — единственно может быть потому, что провинциальные «правые» не любят гонорара, а Кассо стоит за гонорар), и что министр Кассо не чувствует никакого нерасположения к съезду. Наоборот, министр приехал на последнее заседание и заявил, что ценит труды совещания, резолюции которого будут ему большой поддержкой при защите новых штатов. Тарасов с самодовольством заявляет, что к осени 1914 можно ждать новых штатов. Вначале против новых штатов были и Дума, и Кассо. Дума, то есть комплот октябристов с кадетами, требовала, чтобы одновременно со штатами был представлен и проект нового университетского устава. Кассо не хотел новых штатов, потому что он хочет оставить в силе устав 1884 г. и считал, что новые штаты, которыми упраздняется гонорар, внесут большую брешь в устав 1884 года. Но министру разъяснили, что можно и гонорар оставить в силе, и ввести новые штаты. Пусть студенты по-прежнему платят гонорар, но только пусть весь уплачиваемый студентами гонорар поступает в казну; министр тогда смягчился. А в Государственной Думе и в Государственном Совете огромное большинство против гонорара. Националистам в Думе удалось перетянуть многих октябристов на свою сторону, и в Думе дадут новые штаты, но только временные, на три года, с тем, чтобы заставить министерство за это время подготовить проект нового устава. Особые заслуги по устранению препятствий на пути нового устава числятся за знаменитым одесским Левашевым. По новым штатам материальное положение провинциальных профессоров улучшится, но большинству столичных профессоров будет не лучше, а столичным юристам новые штаты — зарез. И я удивляюсь, почему Тарасов с таким торжеством передавал столь горестное для своих коллег по факультету известие; правда, что сам Тарасов по старости уже отошел от вкусного пирога. Тарасов с гордостью сообщает, что изо всех московских профессоров только он, Тарасов, участвовал во всех бывших доселе совещаниях правых профессоров. На последнем совещании кроме него принимали участие Корнилов и Любавский. Любавский был на двух совещаниях. Это пикантное разоблачение; доселе Любавский старался изобразить себя человеком середины; но когда за это его не произвели в попечители, то он решил сделать еще несколько шажков направо.

Корнилов делает поправку к Тарасову; оказывается, Кассо не участвовал ни в одном заседании совещания, а только раз заехал к Звереву на квартиру в то время как у Зверева заседали члены совещания, что интересно и звучит гораздо скромнее. Повесть Тарасова кончена. Я ухожу вместе с Богословским.

Тарасов груб и не умен. Но когда он заговорил о бесстыдстве левой печати, то поднялся Головин и елейным тенорком попросил позволения сделать поправку к словам почтенного Ивана Трофимовича: в бесстыдстве печати виновата не славянская душа, а другая национальность. В Одессе Головин, вероятно, брякал прямо «жид», а тут не решается сказать даже «еврей». Тогда Тарасов возражает: «Да ведь я и не думал приписывать славянам такого бесстыдства, я ведь прямо говорил о еврейском засилье».

В конце декабря с Кассо произошел крупный скандал в петербургском ресторане «Медведь». Оказывается, та госпожа Денисова, которая последнее время правила министерством, есть дама весьма почтенного возраста. У нее два сына студента и муж старик, член Государственного совета, донской предводитель[144]. Сыновья решили вступиться за честь отца и настигли мать с Кассо в ресторане, потребовали от Кассо объяснений. Злые языки говорят, что студенты побили Кассо. Еще более злые языки говорят, что Кассо брал с Денисовой деньги за свою любовь, и что молодые люди живо ощутили это на своих получках от родителей. Сколько правды в слухах, я не знаю; думаю, что слухи о Кассо – альфонсе простая сплетня. Но что большой скандал был, это вне сомнения. Конечно сейчас же по Петербургу пошли толки о том, что служебная карьера Молдаванина кончена. Но Кассо усидел. Очевидно, у него нашлись очень сильные заступники перед государем.

Гидулянов говорит, что Кассо, да и вообще петербургские бюрократы, смотрят на совещания правых профессоров весьма пренебрежительно и без всякой благосклонности. В этих самозванных совещаниях видят ненужную и докучливую болтовню зазнавшихся прислужников. Совещание будто просило о разрешении представиться министру; Кассо нашел такую встречу совершенно ненужной. Резолюции совещания будто не имеют решительно никакого значения. Новые штаты младших преподавателей пройдут, вероятно, еще в этом году; но штаты профессоров вряд ли пройдут раньше, чем через несколько лет; и гонорар в теперешнем виде преблагополучно проживет еще немало времени.

Ко мне заходил сегодня Н. Радциг, закинуть удочку. Он написал несколько статей о французской смуте середины XIV века и спрашивал моего мнения о них. Признался, что Герье осыпал их похвалами. Намекал, что Герье считает их очень хорошими, что их можно было бы представить в качестве магистерской диссертации. Я вежливо, но твердо указал ему, что эти статьи с моей точки зрения совсем не похожи на диссертацию, что в них самостоятельные наблюдения теряются в пересказе хорошо уже известных вещей.

Радциг притворился, что согласен с моей оценкой.

Да, на профессорском обеде был еще выход Муратова. Он восхвалял ученые доблести теперешнего проректора, Никифорова, действительно

хорошего ученого, хотя очень непривлекательного человека. Повод к прославлению — драма в семье Никифорова, самоубийство сына-студента. Газеты вылили на Никифорова много грязи, и он счел нужным даже оправдываться в газетах, ссылался на свое недавнее разорение (у него жена проиграла очень много в тотализаторе, с этой женой он разошелся). Муратов решил поддержать обиженного.

Еще характерная подробность о «татьянинском» обеде. Любавский предлагает выпить за Лейста, который неустанно трудится над улучшением университетского хозяйства. Выпили. Встает Лейст и говорит, что у него есть хороший помощник, проректор (Никифоров). Чтобы улучшить хозяйство, надо не только уменьшать расходы, но и увеличивать доходы. И вот проректор способствует росту доходов: он сильно сократил число студентов, освобожденных от платы. Поднимается Никифоров и заявляет, что он в своей деятельности во всем следует примеру своего предшественника Елистратова. Елистратов сидит почти возле меня. Ему стало чуть-чуть неловко от этой медвежьей похвалы. Он оправдывается, объясняет своему соседу Гензелю, что число освобожденных от платы сократилось совершенно независимо от проректора, просто потому, что меньше оказалось прошений, удовлетворяющих формальным требованиям, предъявляемым при освобождении от платы. Мне припомнились рассказы М. Хвостова о том, как этот самый Елистратов в 1905 являл собою в Казани большевика и раз явился в совет университета с требованием принять какие-то чрезвычайные меры для охраны студентов от черной сотни, бил себя в перси и вопиял, что в противном случае кровь студентов зальет вицмундиры презренных профессоров.

19 января, воскресенье. Богоявленский утвержден экстраординарным профессором. В наши дни приходится удивляться и радоваться тому, что в профессорской среде одним вполне порядочным человеком стало больше. Министерство продолжает издеваться над Щепкиным. После 25-летия его оставили на 2 года; теперь оставление продолжено еще на год. Зато господин Байков, совсем недавно защитивший свою срамную докторскую диссертацию, без всякого промедления возведен в ординарные.

26 января, воскресенье. Сегодня в газетах известие о вчерашнем самоубийстве молодого Денисова, сына Кассовой дамы. Юноша убил себя почти на глазах отца. По-видимому, разговоры о том, что оба сына были самые дурные представители золотой молодежи, были совершенно пустыми, ни на чем не основанными догадками. Кассин роман теперь выплыл на свет, ибо примешалась сыскная полиция, предупредившая отца о близком самоубийстве, пошли газетные пересуды. Как тяжело, но как заслуженно тяжело покарала судьба этого талантливого, но свободного

от всяких нравственных чувств, почти наглого циника. Разгром своего собственного университета, разгром своих собственных, ближайших и выдающихся товарищей по цеху, цивилистов, деяния Иудины, подлинно бесчестные (я отвлекаюсь здесь от всякой политики, от всякого направления, высказываемое мною суждение равно обязательно и для честного кадета и для честного черносотенца), прошли ему совершенно даром. И вот нравственная стихия в совершенно чистом беспримесном виде, элементарная нравственность двинула в бой мальчика, который ценой своей молодой жизни, своим трупом по всей вероятности заставит поскользнуться, упасть зазнавшегося молдаванина. Я отнюдь не моралист, не пуританин. В глубине души я эстет. Для меня красота есть наивысшее. Но ведь есть красота и в нравственном. Но ведь подлинно прекрасное не должно, не смеет быть безнравственным, особливо грубо безнравственным, лицемерно безнравственным. И потому не только во имя нравственности, но и во имя красоты, победной, торжествующей самою своею смертью нравственной красоты я приветствую это быстрое, меткое и самоотверженное мщение. В одной газете я прочитал слух, что Кассо уже подал в отставку. Я склонен верить этому слуху. Кровь несчастного юноши в самом прямом смысле слова лежит на его матери и на молдаванине, и при таких условиях трудно удерживать на посту воспитательного ведомства даже человека с такими большими политическими заслугами, какие имеются за молдаванином.

Я не думаю, чтобы с уходом Кассо стало лучше. Может быть, станет даже еще хуже. Но его ухода требует совершенно элементарное нравственное чувство, чувство нравственной опрятности, которому нет дела до политических последствий.

Надо признаться, что молдаванин талантлив. Талант ясен в его недавней статье по истории Бессарабии. Почему-то он снова почтил меня своим вниманием, прислал мне оттиск с собственноручною подписью. Подожду отвечать ему несколько дней. Если он уйдет, я тогда гораздо охотнее расхвалю его ученые дарования.

Воскресенье вечером. Даже после самоубийства некоторые продолжают отстаивать свое крайне неблагоприятное мнение о Денисовых сыновьях. Эти молодые люди будто бы хотели шантажировать Кассо, но Кассо будто бы удалось разоблачить их проделку, и все, в том числе и отец, отвернулись от молодых людей. У них не осталось ни денег, ни друзей. Не видя никакого выхода, они решили застрелиться, как стреляется разоблаченный шулер или растратчик. Идет слух от В.И. Герье, будто молодые Денисовы успели стяжать себе очень дурную репутацию, будто старший жил в Женеве под надзором Legras и будто Legras должен был отказаться от руководства его воспитанием. Мне переда-

вал эти слухи бывший у меня сейчас Б.В. Ключевский. Но мы единодушно отнеслись с большим сомнением к этим слухам. Странно только одно. Денисова — по-видимому, беспардонная, распутная, потерявшая свою совесть баба, какими-то подозрительными, возможно, что денежными нитями притягивавшая к себе щенка Бертольди[145] и здоровенного Кассо. Как можно стреляться по благородным побуждениям из-за подобной, с позволения сказать, матери? Сверх денисовской трагедии в темных недрах благословенного просветительного ведомства начинают разворашивать покушение на панаму[**], начинается газетная грызня из-за издания монопольных казенных учебников. Москвичей эта история живо интересует, потому что к изданию учебников захотел примазаться московский Сытин. Этот жуликоватый издатель каким-то манером раздобыл векселя [1-](называют даже точную сумму — 38 тысяч)[-1] товарища министра Таубе, направо и налево раздавал деньги разным пиявкам в министерстве, а в то же время завел себе ученый комитет из либеральных московских педагогов (в их числе Д.Н. Егоров и Сакулин), для того чтобы сохранить себе хорошее лицо перед «общественным мнением». Как только стали раскрываться сытинские шашни с министерством, либеральные педагоги решили уйти от Сытина, положившего им приличное жалованье; о своем уходе они, вероятно, скоро оповестят в газетах. Вдруг и Таубе, стоящий во главе этого учебнического предприятия, оборвется вместе со своим шефом? Кассо к учебникам по слухам не причастен. Если прибавить, что скоро должны раскрыться какие-то растраты в пенсионной учительской кассе, к которым по слухам, может быть впрочем и неверным, Таубе также имеет некоторое прикосновение, то какая получается назидательная картина молдаванского успокоения! И как хорош честный истинно-русский немец Таубе, недавно возмущавшийся в Думе насмешками Ивашова над его немецким акцентом и воспевавший вековое истинно-русское благородство своих семейных баронских традиций! Да, действительность наших дней будет покрасочнее былой щедринской выдумки.

Вторник, 28 января. Факультетское заседание, неинтересное. Рудаков, оставленный при университете Виноградовым и оскандалившимся со своим отчетом министерству, отправился держать магистерский экзамен в СПБ и сдал этот экзамен. М.И. Ростовцев говорил мне перед святками в СПБ, что отнюдь не был восхищен его ответом на экзамене или вообще его занятиями. Теперь этот господин подает прошение о том, чтобы ему разрешили в Москве прочитать пробные лекции. Ему

[**] панама (книжн.) — крупное мошенничество, связанное с подкупом должностных лиц.

назначили их на первую неделю поста. Он, оказывается, успел забежать к Любавскому и хлопотал о том, чтобы ему в будущем году дали обязательные практические занятия.

После заседания много злословили насчет Кассо. Лопатин знает от Денисовских знакомых, что г-жа Денисова — женщина добродушная, добрая, но очень чувственная и распущенная.

Суббота 1 февраля. После Кассовского кризиса разразился Коковцовский. Наверху еще немного повернулись вправо. И характерно, что всего чаще в газетах кандидатом в Кассовы преемники зовут Саблера, который будто бы соединит портфель просвещения с синодской обер-прокуратурой. Все возможно у нас, и все-таки я отказываюсь верить слухам: такое назначение было бы уж слишком откровенно, все-таки нельзя являться в общество нагишом, в чем мать родила, нельзя забывать о фиговом листе.

Один из приват-доцентов, ушедших в феврале 1911 г., зоолог С.А. Усов, вернулся в университет и недавно читал свою первую лекцию. На ней он заявил, что уход был ошибкой. Ему хлопали. Но один студент назвал возвращение Усова низким компромиссом. Недавно явился в свою клинику назначенный на место Кишкина киевский терапевт Вагнер. Он читать лекцию сразу, без приготовлений, не решился; он зовет к себе студентов группами, чтобы убедиться, в какой мере они подготовлены к восприятию Вагнеровских откровений.

Недавно мне звонил Котляревский и сообщил, что Новгородцев собирается хлопотать о штатной ординатуре для Петрушевского в Московском Комменческом институте (Петрушевский теперь там сверхштатным). Я недавно сам слышал от Петрушевского сделанное в присутствии Д.Н. Егорова заявление о том, что штатная профессура бережется в институте для Егорова. — 30 января вечером я был у Б. Ключевского на поминках по В.О. Ключевскому. С.Ф. Фортунатов рассказывал то, чего я не знал. Герье в свое время баллотировался в профессора. Тогда Леонтьев пользовался большим влиянием в профессорских кругах. Леонтьев терпеть не мог Герье и устроил дело так, что Герье был забаллотирован; вскоре после этого министр назначил Герье профессором Московского университета. Как насмеялась судьба над этим поклонником консервативного самоуправления! Назначенный профессор, назначенный член государственного совета. Герье недавно напечатал небольшую работу о Грановском[146], в которой пытается установить большое духовное сходство между собой и Грановским. Получилось резкое и непривлекательное искажение Грановского, ибо трудно представить себе столь непохожих друг на друга людей, как Герье и Грановский. Герье очень раздражен Боголеповым и его дневником о московской университетской смуте конца 1894 и начала 1856 года. Герье

винит Боголепова в черной неблагодарности. «Ведь и свою будущую жену (Ливен) он встретил у меня в доме». Это слышал от Герье Б. Ключевский. А я представлял себе, что Боголепов был репетитором в семье Ливен. Разве только, что Герье устроил его туда в репетиторы.

Понедельник 3 февраля. Вчера известие о том, что Кассо отставил Д. Гримма от должности ординарного профессора Харьковского университета и причислил его к министерству. Кара обрушилась за то, что Гримм решил не читать лекций в Харькове и даже не ездить в Харьков до тех пор, пока он состоит членом Государственного совета; разумеется, и перевод в Харьков Грим «принял» лишь для того, чтобы остаться членом Государственного совета. Кассо выжил Гримма из совета на другой день после отставки Коковцева; очевидно, Коковцев мешал совершить этот подвиг.

В «Русских Ведомостях» вчера помещено было язвительное и негодующее письмо Мензбира по поводу газетных известий об обращении вернувшегося приват-доцента Усова к студентам. Рана не хочет закрываться, болит.

Вторник 4 февраля. На медицинском факультете Зернов ушел из деканов и на его место выбрали Митропольского. Мартынов подал прошение об освобождении его от должности секретаря. Мартынов был единственным «прогрессивным» профессором в составе факультетской администрации. Теперь все стало «чисто». Правые профессора куда партийнее левых.

Новгородцев приезжал к Егорову и просил его отказаться от обещанной ему кафедры в Коммерческом институте в пользу Петрушевского, которого Новгородцев думает выбрать в штатные профессора (теперь Петрушевский сверхштатный профессор Коммерческого института) в надежде, что в Москве Петрушевского утвердят скорее, чем в Петербургском политехникуме. Мне не нравится поведение Петрушевского. Он делает вид, что ничего не знает. А между тем Новгородцев сказал Егорову, что Петрушевский согласен баллотироваться. Неужели Новгородцев говорит неправду? Без ведома Петрушевского сообщает о его согласии? А если Петрушевский знает, то, по моему мнению, он был обязан сам прийти к Егорову и просить Егорова уступить ему кафедру. Как все это тяжело! Вот она, расплата за февраль 1911 года. Единомышленники становятся друг другу поперек дороги, им тесно.

Вагнер поместил в «уважаемых» «Русских Ведомостях» оправдательное письмо, в котором объясняет, почему он беседует с отдельными студентами, прежде чем начать курс: надо знать что знают студенты, что они успели пройти.

Прочитал в газетах любопытное известие. В Киеве филологический факультет выбрал на кафедру греческой словесности хорошего эллиниста, Клингера. В совете Ардашев (в Киеве он числится националистом) заявил, что избрание недействительно, потому что Клингер — поляк, а какой-то министерский циркуляр запрещает полякам быть профессорами киевского университета. Я забыл, что произошло дальше в совете, выбирали ли Клингера и выбрали ли Клингера. Помню только, что Бубнов — декан филологического факультета — горячо защищал кандидатуру Клингера в совете (вспоминаю теперь, что и на декабрьском совещании историков в Академии Наук Бубнов держал себя вполне корректно по отношению к полякам). Сегодня читаю в газетах, что Киевский филологический факультет решил возобновить ходатайство о Клингере, и что попечитель Деревицкий отказался дать ход факультетскому ходатайству. Если это правда, то здесь новое знамение времени. Бубнов — фрондер, Шульгин — осужденный в политическом деле (бейлисиада), барон Розен — Кассандра Государственного совета! Вы, стоящие у кормила, вы смело обнажаетесь и жестоко истязуете. Но вы смелы, потому что вы слепы: вы не умеете читать знамений. Ведь от вас отодвигаются ваши вчерашние друзья.

9 февраля. Кассо осчастливил Московский университет еще двумя сверхштатными профессорами-медиками. Гистолог Карпов правда нужен; старик Огнев уже давно выслужил свой срок. Но совсем не нужен хирург Иванов; профессоров-хирургов и без него совершенно достаточно. Злые языки говорят, что стать сверхштатным профессором-медиком теперь очень просто: для этого нужно всего только дать несколько тысяч рублей кому-то в Петербурге. Может быть, эти слухи совершенно неверны, но Кассо делает все для того, чтобы сделать звание профессора чем-то смешным, подозрительным, почти презренным. Профессоров-медиков у нас теперь чуть не полсотни. Формальных трудностей в своем творчестве Кассо не встречает никаких. Профессором он имеет право сделать всякого доктора медицины; а докторами медицины хоть пруд пруди. В Москве можно сделаться доктором медицины года через два после получения лекарского диплома, а в Петербурге, кажется, еще скорее. Скоро мне, человеку очень терпимому, станет неприятно ходить в совет; уж слишком много набралось там «коллег».

Был вечером у Егорова. Сегодня утром он получил письмо от Петрушевского. Петрушевский, очевидно, боится прийти сам, хотя он нравственно обязан прийти к человеку, у которого как-никак он отымает место. И письмо было довольно странное. Петрушевский пишет, что он только недавно узнал о том, что его, Петрушевского, собираются предлагать на штатную кафедру. Он, Петрушевский, очень рад, что Егоров спокойно принял эту новость; он, Петрушевский, надеется, даже уверен, что

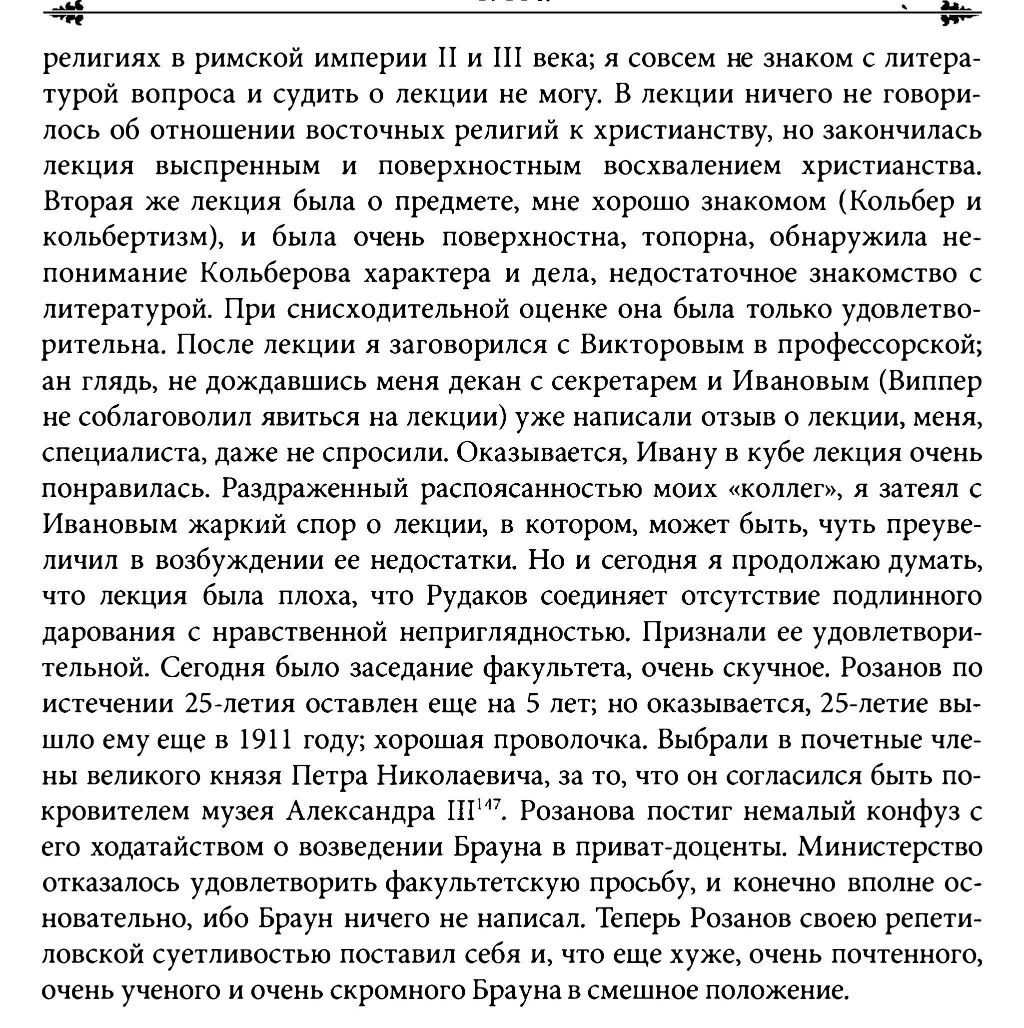
скоро все устроится благополучно для них обоих. Дело в том, что Егорова утешают скорым учреждением второй кафедры по всеобщей истории. Но эта вторая кафедра совсем не нужна Коммерческому институту. Вряд ли с ней будут настойчиво хлопотать, и вряд ли начальство согласится учредить ее. Так что утешение выходит очень лицемерным, лицемерие совершенно неожиданное в Петрушевском. До сих пор он отличался полной искренностью и прямотой. Как пригибает человека нужда!

Суббота 15 февраля. Приказ об увольнении Д. Гримма долго не появлялся. Стали поговаривать, что он, может быть, не появится вовсе ввиду того, что у Гримма нашлись влиятельные заступники в Государственном совете. Пошли слухи, будто Кассо уезжает в долгий отпуск, за которым последует отставка. По-видимому, слухи были мало основательные. Сегодня в газетах напечатан приказ об увольнении Гримма.

Как и следовало ожидать, терапевт Вагнер перекочевал со своими объяснениями из «Русских Ведомостей» в «Московские». Вагнер трубит победу: на второй лекции было 30 человек, на третьей — 180, а скоро будут и все 300.

10 февраля я был в заседании октябристского центрального комитета, где совместно с профессорами обсуждались два министерских проекта — об улучшении материального положения профессоров и младших преподавателей. Председательствовал Линдеман. Обсуждение было вполне деловое, без всякого неприятного партийного налета. Профессоров было человек 15—20, и несколько человек младших преподавателей. В числе последних был директор бактериологического института Кедровский. Он услыхал, что штаты института предположено оставить без перемены, и что институт назван состоящим при Новоекатерининской больнице. Он стал протестовать: институт вовсе не состоит при больнице. Но Лейст указал ему, что в штатной ассигновке на институт он обычно называется состоящим при больнице. Кедровский ссылался на временное положение об институте, где ни слова не говорится о больнице. По-видимому, здесь действительно какая-то странная неясность, очень характерная для сложности и запутанности университетских порядков. — Сытин напечатал сегодня в своем «Русском Слове» заявление о том, что нашумевшее предприятие по изданию учебников, «Школа и Знание», приказало долго жить. Жирный кусок уплыл из его лап, вероятно в другие, более цепкие.

Вторник 17 февраля. Вчера слушал две пробных лекции Рудакова. Оказывается, он успел забежать и к Иванову, заручился добавочным покровительством. И тему Иванов дал ему, очевидно, по взаимному соглашению, из магистерской программы. Первая лекция была о восточных

религиях в римской империи II и III века; я совсем не знаком с литературой вопроса и судить о лекции не могу. В лекции ничего не говорилось об отношении восточных религий к христианству, но закончилась лекция выспренным и поверхностным восхвалением христианства. Вторая же лекция была о предмете, мне хорошо знакомом (Кольбер и кольбертизм), и была очень поверхностна, топорна, обнаружила непонимание Кольберова характера и дела, недостаточное знакомство с литературой. При снисходительной оценке она была только удовлетворительна. После лекции я заговорился с Викторовым в профессорской; ан глядь, не дождавшись меня декан с секретарем и Ивановым (Виппер не соблаговолил явиться на лекции) уже написали отзыв о лекции, меня, специалиста, даже не спросили. Оказывается, Ивану в кубе лекция очень понравилась. Раздраженный распоясанностью моих «коллег», я затеял с Ивановым жаркий спор о лекции, в котором, может быть, чуть преувеличил в возбуждении ее недостатки. Но и сегодня я продолжаю думать, что лекция была плоха, что Рудаков соединяет отсутствие подлинного дарования с нравственной неприглядностью. Признали ее удовлетворительной. Сегодня было заседание факультета, очень скучное. Розанов по истечении 25-летия оставлен еще на 5 лет; но оказывается, 25-летие вышло ему еще в 1911 году; хорошая проволочка. Выбрали в почетные члены великого князя Петра Николаевича, за то, что он согласился быть покровителем музея Александра III[147]. Розанова постиг немалый конфуз с его ходатайством о возведении Брауна в приват-доценты. Министерство отказалось удовлетворить факультетскую просьбу, и конечно вполне основательно, ибо Браун ничего не написал. Теперь Розанов своею репетиловской суетливостью поставил себя и, что еще хуже, очень почтенного, очень ученого и очень скромного Брауна в смешное положение.

Вторник 4 марта. Сегодня факультетское заседание. Сергиевский подал заявление о своем желании прочитать пробные лекции. Он говорил с них с Виппером, а Виппер не удосужился придти на сегодняшнее заседание. Иван в кубе предложил было Сергиевскому прочесть о принципах и политике Священного Союза, я решительно восстал против такой несуразной темы, и Иванов удовольствовался Локком. Иванов болтал сегодня нелепости о собрании средневековых текстов, нужном для какого-то его курса, собрании в 25 листов, а потом сошел на пять листов. — Сегодня услышал о том, что в Петербурге собираются утвердить Петрушевского штатным профессором в политехникуме. Значит с ним заварили кашу в Москве, не спросясь броду.

Пятница, 7 марта. Вчера слышал от Любавского, что из толков о новых штатах для профессоров ничего не выйдет. Кассо заявил Озеро-

ву, что он решил оставить в силе гонорар для того, чтобы новоназначенные петербургские и московские профессора-юристы продолжали пользоваться своими доходами. Озеров без всякого стеснения выражал довольство таким оборотом дела и не постыдился признаться Любавскому, что в случае отмены гонорара немедленно уйдет из университета. Какой цинизм в шефе и в услужающем грюндере**.

Суббота, 8 марта. Молдаванин получил вчера жестокую пощечину, и где? в Государственном совете. Там обсуждалось вчера дело об исключении Гримма из числа членов. Очень ядовитую по Кассиному адресу речь сказал Гурко. Огромным большинством в 98 голосов против 56 государственный совет постановил Гримма из числа членов не исключать. Браво, господа члены Государственного совета!

Вторник, 11 марта. Слухи об утверждении Петрушевского в Петербургском политехникуме подтверждаются. В здешний Коммерческий институт пришла из министерства бумага о том, что с 1 июля Петрушевский будет назначен платным профессором в Петербурге. Я заходил сегодня к Петрушевскому поздравить его; он очень доволен своим назначением.

На медицинском факультете странные вещи. Месяц тему назад гистолог Карпов был назначен сверхштатным профессором. На днях он произведен в штатные. Почему же он сразу не назначен штатным? А если не было вакансии, то почему не подождали одного месяца и не назначили Карпова сразу штатным? Все это очень похоже на оперетку. Но совсем не похоже на оперетку назначение киевского приват-доцента Писемского штатным профессором по кафедре гинекологии и акушерства. Черные добились своей цели — отстранили Побединскского. Что такое Писемский, я не знаю.

Кассо не может даже похвастаться отсутствием беспорядков: в последние недели были университетские беспорядки в Харькове (Гиммель), Киеве (Шевченко), Варшаве (антипольская политика пруссаков), правда все не очень серьезные. В Одессе беспорядков не было, но там ректор Кишенский (из правых) молил местного градоначальника оградить его от грубых клевет местной черносотенной газеты, которая травит ректора за мнимое преследование студентов-академистов.

Суббота, 15 марта. Сегодня в «Русских Ведомостях» напечатана странная вещь про Огнева. Будто в последнюю годовщину смерти Толстого Огнев спросил у служителя, есть ли студенты в аудитории и, уз-

** грюндер — организатор предприятий(банков), преследующих спекулятивные цели.

нав, что студентов нет, прошел в кабинет, а не в аудиторию. Будто бы кто-то настрочил на Огнева донос министру, где изобразил дело в таком виде, как будто сам Огнев забастовал в этот день. Донос будто бы подействовал, и из Петербурга пришел приказ немедленно отнять у Огнева директорство над гистологическим кабинетом и выселить его из казенной квартиры. Этим будто бы объясняется и внезапное производство Карпова в штатные профессора. Сколько здесь правды, я не знаю. Карпов уже давно как служит ассистентом у Огнева. Огнев по политическим воззрениям человек умеренный, октябрист.

В Русских же Ведомостях прочитал о столкновении двух сефилодологов, Зеленева и Членова. Членов — иерусалимский дворянин и бывший кадет, и все же находится под каким-то начальственным благоволением. Уж не лечил ли он кого-нибудь от сифилиса? Торопливо сгибающееся перед начальством правление торопливо возбудило вопрос о разделении кожной клиники между Зеленевым и Членовым. Но Зеленев оказался строптивым и на заседании факультета заявил, что он покамест есть директор клиники, и что по уставу распределение помещений клиники зависит от директора. Встретив неожиданный отпор, Членов будто бы поджал хвост и до поры до времени отказался от покушений на клинику.

Я не видал никого из медиков и не могу проверить этих газетных сообщений.

Воскресенье, 16 марта. Сегодня в «Русских Ведомостях» очень резкая статья Кизеветтера о нравственности профессоров-медиков, по поводу последних скандалов на медицинском факультете. В газетах треплется и юридический факультет в связи с таинственным закрытием юридического общества[148]. По уставу его председателем должен быть профессор — юрист. Но из тех профессоров, которых члены общества желают видеть председателем, никто не желает идти в председатели. И вот уже год как общество остается без председателя. Раскрылось, что еще в ноябре прошлого года Кассо прислал ректору сообщение, что он считает общество прекратившим свое существование или, во всяком случае, недееспособным. Но на бумаге стояло «секретно», и ректор утаил ее от общества. Оттого обществу и не позволили собраться в университете. Эту «тайну» раскрыл Гидулянов в ответ на обращенное к нему, как к профессору юридического факультета, приглашение выставить свою кандидатуру в председатели. Свое разоблачение он сопроводил весьма странными соображениями о недееспособности общества, над которыми теперь измываются кадетские юристы. Но эти юристы по существу лицемерят: общество умерло, ибо у него не может быть председателя.

А волнения в высших учебных заведениях не прекращаются. Теперь неспокойно в Петербурге, на чисто политической почве, в связи с правитель-

ственным ответом на запрос о ленских событиях и в связи с рабочими беспорядками по поводу массовых отравлений на резиновой мануфактуре. Вот тебе и молдаванское умиротворение. Только в Москве все спокойно.

Вторник, 18 марта. Факультетское заседание в университете. Я попал в лужу. Сказывается, я неверно понял, какую тему о Локке собирается дать Сергиевскому Иван в кубе. Он шел в виду отношение Локка к обеим революциям, а я понял его так, что дело идет только об одной, а именно о второй. Это раскрылось на заседании, а Иван устроил мне маленький скандал. Я извинился перед ним, и его уломали не чинить препятствий. Много говорили об А.И. Успенском, пролазе, директоре здешнего Археологического Института[149]. Он подал прошение о принятии его в число приват-доцентов; он считает себя специалистом по истории русского искусства, имеет степень магистра богословия и состоит приват-доцентом Харьковского университета. В 1905 он подавал нам прошение о принятии его в приват-доценты, но тогда он не был еще ни харьковским приват-доцентом, ни магистром богословия. В 1905 его прошение было отклонено. Теперь с формальной стороны он устранил препятствия к своему зачислению в доценты; М.М. Покровский предлагал снарядить комиссию для рассмотрения его ученых работ; его магистерская диссертация написана на тему по истории русского искусства. Правда, степень у него богословская. Но многочисленные приятели Успенского, читающие в его институте, указали, что у нас имеются магистры богословия, в качестве приват-доцентов читающие вовсе не по кафедре богословия. Я голосовал за принятие его в доценты. Против голосовали четверо — Покровский, Поржезинский, Сперанский, Виппер.

Было много магистерских экзаменов, в том числе экзамен Пригоровского по русской истории. Отвечал он хорошо.

В субботу состоится советское заседание. Среди дел значится избрание ректора. Это неожиданность. Срок полномочий Любавского кончается только 30 апреля. Странно, что о выборах помощника ректора не говорится ничего. Я ничего не слышал о предварительном совещании. Интересно, выставят ли касьяновцы человека поярче Любавского. Левые профессора теперь не имеют значения. В лучшем случае они голосованием за Любавского могут помешать избранию черного человека вроде Никифорова или Головина.

Богословский ездил на днях на годичное заседание Русского Исторического Общества. Присутствовал там и Любавский. Богословский удостоился большей чести, читал доклад о письмах Петра Великого[150]. Говорит, что доклад понравился государю, который повторял оттуда некоторые выражения. Я вполне этому верю: у Богословского значительный литературный талант. Совет Общества предложил избрать пя-

терых новых членов, в том числе Лаппо-Данилевского и князя Н.В. Голицына. Государь говорил великому князю Николаю Михайловичу, что совету следует предложить в члены Кассо. Великий князь ответил, что такое предложение может натолкнуться на возражения; лучше пусть предложит Кассо сам государь. И государь предложил Кассо в члены, прибавив, что он делает это за книгу о Бессарабии. «Бессарабия — его родина, и книга хорошо написана, легко читается». Можно ли придавать значение этому монаршему благоволению и как растолковать его?

Среда, 19 марта. В «Русских Ведомостях» сегодня письмо, написанное «служебным лицом» и напечатанное на основании статьи 12-й приложения к статье 114 Устава о цензуре. Членов оскорбился кизеветтеровской статьей и привлекает Кизеветтера и редактора газеты к суду за клевету в печати, о чем и поставляет в известность читателей газеты.

В докторских кругах профессором-доносчиком определенно называют Статкевича.

Четверг, 20 марта. В «Русских Ведомостях» продолжается переписка по поводу кизеветтеровских обличений. Ассистенты и ординаторы гистологического института, числом кажется пять, поместили коллективное письмо. Они восхваляют знания и добродетели Карпова, который будет вполне достойным преемником Огневу. Огневу следовало уйти еще в 1911, и авторы письма были очень удивлены в 1911, что Огнев не очистил места Карпову. Перед тем как состоялось назначение Карпова в штатные профессора, Карпов совещался с авторами письма, и они выразили Карпову полную готовность служить под его началом. Нелепа самая мысль о том, что Карпов получил место путем доноса.

Весьма странное письмо. Значит об изгнании Огнева из гистологического института знали в институте все, кроме Огнева. За спиною директора происходят совещания подчиненных о том, что будет завтра, когда директора выгонят. Весьма корректно! Но хорош и Кизеветтер. Сгоряча, едва ли с умыслом, он написал свои обличения так, что неизвестно, к кому относится обвинение в доносительстве. И вот Карпов (через подчиненных) с Членовым становятся в благородную позу и вопиют: мы не доносчики. И они конечно не доносчики. В письме в редакцию Кизеветтер вынужден просить пардону и теперь разъясняет, что указание на донос не относится ни к Членову, ни к Карпову. А ведь если бы это было ясно с самого начала, может быть не было бы и дела о клевете в печати. Кизеветтер пишет странные вещи: «Я пошел бы в суд, если бы была надежда разоблачить университетские порядки». Но ведь если прокурор даст ход членовской жалобе, никто не будет спрашивать Кизеветтера о его согласии явиться в суд; его просто будут судить.

В газетах в последние дни репортеры немало строчили о возвращении Вормса в университет. Он действительно хотел вернуться. Но «ушедшие» насели на него, и он по-видимому отказался от своего намерения.

Суббота, 22 марта. Сегодня происходили выборы ректора. Народу пришло много, человек семьдесят. Подают записки. Любавский получил 56 записок, Гулевич 4, Филиппов 2 и несколько человек по одной. Конечно, все отказываются. Баллотируется только Любавский. Он даже не уходит из советской залы. Он получает 67 избирательных шаров и 12 неизбирательных. Хлопают. Он произносит несколько слов, гордится своим упорядочением университета, воздает должное своим ближайшим сотрудникам, т.е. обещает поддерживать Лейста. Однако побоялся связать свои выборы с его выборами, из спасения, что такой союз убавит ему число голосов. Университет «упорядочен». Сегодня была последняя лекция Огнева. Была студенческая демонстрация, была введена полиция, были арестованы два студента. Я историк, я знаю причуды и повороты судьбы.

Вчера была пробная лекция Сергиевского. Он читал о римском пролетариате конца республики и начала империи, занятно, живо, модернизации хоть отбавляй, слишком много слишком широких обобщений. А вторая лекция о Локке и революции 1688/9 была элементарна до крайности, местами прямо сбивалась на урок в средней школе. Ивана в кубе не было. Я был разочарован Сергиевским; все же он лучше Рудакова.

Воскресенье, 23 марта. Судя по газетным описаниям, в проводах Огнева участвовало много студентов и демонстрация слегка перекинулась на улицу, были небольшие столкновения с полицией. Арестованных немного. А профессорская среда продолжает упорядочиваться. Назначили еще одного сверхштатного профессора-медика, бактериолога Кедровского. На медицинском факультете теперь чуть не столько же профессоров, сколько на остальных трех факультетах, вместе взятых. От профессора-медика не требуется формально никакого ученого ценза: достаточно быть доктором медицины. Кассо может наплодить целые сотни сверхштатных профессоров — медиков без затрат для казны.

5 часов дня. В два часа состоялось открытие психологического института имени Щукиной[151]. Состоялось оно с архиереем, попечителем, лаврами и прочими торжественными вещами. На молебствии я не был. На заседании просидел только до перерыва. В теперешней обстановке это была как бы контр-демонстрация, доказательство университетского благополучия. Не соблюли никакой меры. Сергей Иванович пожертвовал 120 000; хвалили его по крайней мере на полмиллиона. Челпанов высказал

большую энергию, но льстивые ученики превозносили этого антифилософского преподавателя философии, лишенного всякой философской оригинальности, превыше небес. Челпанов в ответ восхвалял своих кажется сероватых учеников. Вступительная речь Челпанова отличалась обычной для него банальностью. Невзыскательная публика всему хлопала. Мне быстро стало неприятно и, когда объявили перерыв, я ушел.

Суббота, 29 марта. В среду был в гостях у Мартынова. Он рассказывал о понедельничном заседании медицинского факультета. Огнев подал заявление о своем желании читать часть обязательного курса гистологии и получить для своих занятий две комнаты в гистологическом институте. Статкевич, кстати сказать, после получения звания «доносчик» державшийся с особливой гордостью и особливо грубо обращающийся с ординаторами своего пресловутого медицинского института, немедленно заявил, что существуют формальный препятствия к удовлетворению ходатайства: обязательного курса делить нельзя, а хозяином института является его директор, каковым в настоящее время по распоряжению министра состоит штатный профессор Карпов. Новый декан, Митропольский, по существу желавший удовлетворить ходатайство, взялся разъяснить формальную сторону дела и только запутал ее. Мартынов и Спижарный обращаются к Карпову с просьбой объяснить факультету, как он, новый директор института, смотрит на ходатайство Огнева, своего учителя. Что же отвечает сей касьянец? Он мямлит, а потом объявляет, что просьба Огнева застала его врасплох и что он в настоящее время не может дать определенного ответа. Очевидно, ему необходимо предварительно посоветоваться со Статкевичем. Декан тогда предлагает факультету выразить пожелание, чтобы просьба Огнева была удовлетворена; факультет высказывает такое пожелание. И декан выражает надежду, что Карпов примет во внимание факультетское пожелание насчет отвода Огневу части институтского помещения. Но весьма сомнительно, чтобы Статкевич позволил Карпову совершить приличный поступок.

В этом же заседании факультет грубо проявил любоначальное юдофобство. На медицинском факультете пробные лекции читаются ищущими приват-доцентуры в заседании факультета; после лекции специалисты высказывают свое мнение, и все члены факультета подают записки «да» или «нет». Читал пробные лекции ларинголог Рубашов, еврей. Мартынов и Спижарный дали очень благоприятный отзыв о лекциях, и никто не возражал. Но когда дело дошло до записок, то 17 голосами против 13 Рубашов был признан недостойным приват-доцентуры. Это просто желание подслужиться начальству. Голосование за Рубашова не было сопряжено ни с какою опасностью для антисемитов. Приват-доценты утверждаются попечителем, и при теперешнем поло-

жении попечитель, конечно, не утвердил бы Рубашова. Но нет, хочется выказать усердие перед начальством, хотя бы с попранием элементарного научного приличия.

Сегодня в «Русских Ведомостях» странное известие. Профессор физики Соколов привлекает профессора физики Станкевича к суду по 1535 ст., обвинение предъявлено в клевете в официальной бумаге. Все дело в каком-то механике, причисленном к подвальной лаборатории покойного Лебедева. Соколов заявил, что он будет продолжать занятия в подвальной лаборатории и просил оставить при ней механика. Факультет удовлетворил его просьбу. Кажется, осенью 1913 Станкевич вошел в факультет с рапортом о том, что в подвальной лаборатории не ведется никаких занятий, и что механик работает на первоэтажный физический практикум Соколова. Значит, не в очень далеком будущем быть может предстоят два университетских процесса о клевете. Университет под руководством Любавского действительно «упорядочен». Зато наверху все цветет. Кассо наконец скушал Прутченку, а Таубе вчера гордо заявил Государственной Думе, что у нее вовсе нет права законодательной инициативы; надо впрочем прибавить, что даже Бобринский немедленно и решительно восстал против этого правительственного вызова Думе.

Понедельник, 14 апреля. На святой жил очень тихо. Слышал, что Кассо упрочился благодаря Распутину. Во дворце молдаванина всетаки считали человеком крови. Кассо поехал к Распутину и попросил снять с него кровь самоубийцы Денисова. Распутин помолился и снял. А влияние Распутина будто бы покоится на исцелении наследника. Врачи приговорили наследника к смерти. Когда Распутин стал вхож во дворец, наследнику стало лучше. Когда Распутина прогнали, наследнику стало хуже. Распутина вернули, и наследник начал быстро поправляться к великому изумлению врачей.

Последние две недели газеты полны известиями о садисте-ботанике Мережковском, испортившем много девочек, главаре Казанских черносотенных профессоров, профессиональном лжедоносчике, служившем по департаменту полиции. У Мережковского был достойный «ученик», заметавший следы его насилий. Газеты заверяют, что правительство и, особенно, министерство просвещения, постараются замять дело. Мережковский, куда-то скрылся, и его действительно не торопятся найти и арестовать. В лучшем случае признают сумасшедшим и упрягут в желтый дом. Хороший «герой нашего времени». Немудрено, что Гучков в октябристском комитете мечет молнии и пророчит революцию.

Среда, 16 апреля. Вчера было весьма мирное факультетское заседание. Когда декан Грушка доложил о магистерских экзаменах, назна-

ченных на ближайшее заседание, я спросил, не подавал ли Волгин заявления о своем желании приступить к экзамену. Он ответил, что нет. А Волгин был у меня в конце поста и говорил, что подаст заявление. Я решил, что Волгин раздумал. Сегодня Волгин звонит мне по телефону и взволнованно выражает свое удивление по поводу того, что о его заявлении не было доложено факультету. Оказывается, он подал декану письменное заявление на шестой неделе поста. А декан не только забыл доложить о заявлении, но забыл о факте подачи заявления и отрицал его. Едва ли позволительная рассеянность. Совершенно такую же рассеянность декан наказал в деле с представлением Фрязинова к оставлению. Он обещал Фрязинову переслать в канцелярию попечителя какой-то необходимый документ и, конечно, забыл о документе; представление из-за этого задержалось месяца на два, задержалось бы и на более долгое время, если бы Фрязинов не приехал в Москву и не выяснил этой забывчивости. И такого деловитого человека начальство ежегодно посылает председательствовать в испытательных комиссиях.

30 апреля. Давно не писал, потому что нечего было писать. Если бы я вёл политический дневник, то писать бы пришлось очень много: положение быстро обостряется, правительство ведет себя почти безумно. Но в университете тишь да гладь. Вчера было в университете факультетское заседание. Волгин держал свой первый и, может быть, последний магистерский экзамен. Иванов не пришел, экзаменовали я и Виппер, кроме нас троих в большом советском зале никого не было. И все-таки Волгин, человек несомненно очень солидный, много лет готовившийся к экзамену, пришел в такое нервное состояние, что не мог отвечать связно, останавливался, курил, и это несмотря на то, что мы были расположены к нему вполне дружелюбно. Пришлось мне предлагать ему вопросы и вытягивать из него ответы. Так трудно взрослому человеку держать экзамен (Волгину, я думаю, будет по крайней мере лет 30), даже при основательной подготовленности. Волгин был очень подавлен, и на наше ободрительное приглашение продолжать экзамен выразил сомнение в возможности продолжать его. Мы могли поставить ему только удовлетворительно.

В заседании доложено заявление казанского профессора Миронова о представлении им докторской диссертации по истории искусства. Миронов жалкая, прежалкая фигура. Свою печальную карьеру он начал приват-доцентом в Москве в тот самый год, когда я поступил в университет. Он написал позорную магистерскую диссертацию, которую пропустили только по халатности Цветаева. Его первая докторская диссертация была так плоха, что даже Цветаев не решался пропустить ее[152]. Миронова сослали профессором в Казань. С превеликим усилием он состряпал там постыдную книжонку о Венере Милосской и представил ее в свою

же Казань. М.М. Хвостов, хотя вовсе не специалист по искусству, с полным успехом разъяснил факультету, что это никуда негодная работа. Не знаю, совался ли он в другие университеты. Свою последнюю надежду Миронов возложил на доброту Мальмберга, к тому же родом казанца. Миронов прислал Мальмбергу слезное письмо, в котором жалуется на казанские интриги и просит его высказать московскому факультету свое суждение о книге, каково бы оно ни было, и в заключение прибавляет, что министр тоже посоветовал ему обратиться в Москву. Мальмберга спрашивают, знает ли он книгу. Он отвечает, что знает, что книга никуда не годная, что его засмеют, если он примет книгу в качестве диссертации; при всем сожалении к несчастному Миронову принять книгу нельзя. Представляющий книгу в факультет должен прислать 50 экземпляров; Миронов прислал всего один. Постановили дотребовать у него 49 экземпляров, в случае, если он не отказывается от своего намерения. Но хорошо обращение презренного «профессора» к министру с жалобой на партийное засилье и с подобострастной мольбой указать лазейку, через которую можно пролезть с заведомо негодной диссертацией. Хвостов рассказывал, что в Казани Миронов униженно благодарил какого-то председателя испытательной комиссии за то, что тот назначил Миронова членом комиссии и тем дал ему возможность заработать двести рублей.

1 мая. Сегодня дошли до меня из очень хорошего источника слухи о том, что доноситель Статкевич подкапывается под Мартынова, на место которого ему хочется посадить своего человека. Статкевич вообще обнаруживает совершенно непроницаемое бесстыдство. Он набрал себе приспешников с теряющим себя Карповым (ходят слухи о том, что Карпов собирается совсем выгнать Огнева из гистологического института[153]) во главе и добился избрания себя председателем физиологического отдела в обществе любителей естествознания[154]. М.Н. Шатерников безуспешно напоминал о том, что Статкевич доселе не опроверг «беговых» обвинений; Статкевич не высказал ни малейшего смущения и предложил Шатерникову беседовать на эту тему с репортерами. И этот прожженный наглец есть в настоящее время вершитель судеб медицинского факультета.

Воскресенье, 4 мая. Вчера было заседание совета, последнее в этом учебном году. Перед заседанием я говорю ректору, что я очень устал от экзамена и вряд ли попаду на заседание. Он отвечает: нет, приходите, там будут выборы, и ваш голос может понадобиться. Я удивляюсь: ведь выбирают астронома Штернберга, который связан больше с небом, чем с землей, это дело бесспорное. Ректор объясняет, что возможна неожиданность, и что правые может быть положут Штертбергу налево. Я

удивляюсь еще более, я никогда ничего не слыхал о том, чтобы Штернберг имел какое бы то ни было касательство к политике, а по своей педагогической и обсерваторской работе он человек весьма заслуженный и весьма пожилой, он кончил университет еще в 1887. Опасения ректора оправдались. Когда стали читать делопроизводство факультетских выборов, то «правые» медики вроде Савельева ядовито переспрашивают: а как прошли выборы на факультете? На факультете Штернберг получил 10 избирательных шаров и 3 неизбирательных. Вероятно, про 3 неизбирательных донесли черным медикам. В совете Штернберг получил 27 избирательных шаров и 23 неизбирательных. Мое присутствие действительно оказалось нелишним. Какие отвратительные нравы! Какая нравственная нечистоплотность у всех этих назначенцев!

Она обнажилась еще бесстыднее в деле Огнева, которое докладывалось совету. По уставу совету докладываются факультетские обозрения преподавания на ближайший год. С медицинским обозрением вышло затруднение: скаковой доноситель подал особое мнение с незаконности факультетского решения. На факультете по учебным планам 1907 года гистология делится на общую и частную; общая читается 2 часа на первом курсе, частная 5 часов на втором курсе. Пресловутый Карпов, окончательно ставший прислужником Статкевича, объявил на будущий год оба эти курса, ничего не оставив Огневу; но факультет поручил Огневу читать параллельный курс общей гистологии. Статкевич заявляет в своем особом мнении, что университетский устав знает только гистологию вообще, что ее разделение на две части незаконно и нецелесообразно, что на гистологию за глаза довольно пяти часов, ибо даже гораздо белее важные предметы — анатомия и физиология — читаются всего только по шести часов, и, наконец, что незаконно было бы со стороны факультета поручать внештатному профессору Огневу чтение курса параллельного курсу штатного профессора Карпова. Когда Статкевич заявил о желании подать особое мнение, никто не заявил о желании присоединиться к этому мнению. [2-]Особое мнение было прочитано в факультете, и никто е нему не присоединился[-2]. Но на поданном факультету особом мнении Статкевича неожиданно появилась приписка Карпова о присоединении его ко мнению Статкевича. Приписка эта лишена всякой юридической силы. Декан Митропольский доложил совету все дело и справедливо обратил внимание совета на то обстоятельство, что жалкий Карпов, комически присоединившийся к мнению Статкевича, сам же объявил семичасовой курс гистологии. Статкевич, весь полный злобой, бесстыдно два раза пытался защищать свое мнение и договорился до того, что учебные планы, утвержденные министром в 1907 году, незаконны. В заключение ректор самым мягким своим голосом заявил, что особое мнение Статкевича пойдет к министру вместе с обозрением

преподавания, что приписка Карпова, сделанная по-видимому по неопытности, не имеет юридической силы и потому не может пойти к министру, и что по его, ректора, мнению факультет действовал законно и должен был руководиться учебными планами 1907 года.

Очень много говорили о возможности сделать музей физико-математического факультета основой Романовского музея[155]. Дело это сложное, в котором трудно разобраться. Павлов и Кожевников говорили долго и не по вопросу. Много ораторствовал Головин на тему о мощи и величии России и о том, что для Национального музея надо выстроить единое величественное здание, т.е. нелепую вавилонскую башню. В речи Муратова любопытны были похвалы свободному университету Шанявского; эта лисица очевидно уже чует не очень далекую перемену погоды.

Доложена была просьба Базановой о том, чтобы выжить пожизненного директора ушной клиники Штейна из Базановской клиники[156] и поручить выбор директора медицинскому факультету. Штейн, кажется, действительно выживает из ума, привел клинику в большой беспорядок, бредит каким-то универсальным средством и в ушной клинике лечит больных волчанкой и раком.

Пресловутый «химик» Плотников совершил новый подвиг. Министр назначил его директором химической лаборатории с 1 июля. Не дожидаясь 1 июля, он написал заслуженному лаборанту Волконскому записочку с настоятельным советом немедленно подать в отставку. Записка была оглашена в газетах. После советского заседания я иду с ректором по университетскому двору. И он, этот смиреннейший любоначальник, против которого не голосовали ни черные, ни касьяновцы, горько жалуется на теперешнее растление профессорских нравов, на доносчиков Статкевича и Плотникова, на присоединившуюся к ним «баранью голову» Челинцева; ректор не меньше бранит и старика Соколова. А в советской зале октябрист Лопатин, друг Огнева, в разговоре со мною поносит Статкевича и жалуется на неслыханное разложение правительственной среды, грозящее России великими бедствиями. Если таким языком заговорили такие люди, то какова же должна быть глубина той позорной ямы, в которую мы постепенно скатились. Становится так нестерпимо душно, что даже очень робкие люди начинают желать свежего грозового ветра, громовых раскатов возмездия насильникам и их приспешникам, или, по крайней мере, начинают бояться недалекой бури. Недовольство растет. По пока все еще совсем тихо.

5 мая. Сегодня было назначено заседание комиссии по присуждению Соловьевской премии[157]. Комиссия имела в виду сочинение Д.Н. Егорова, которое и было представлено в рукописи («Колонизация Мекленбурга в XIII веке»). Членами комиссии по положению о премии состоят

профессора-историки, представитель от Общества истории и древностей, представитель от Московской городской Думы. Сегодня явился только ректор, председатель комиссии в качестве старшего профессора русской истории, да я. Мы приняли сочинение и написали протокол, а потом стали беседовать.

Ректор снова бранит Статкевича, признает, что тот позорит профессорскую корпорацию. Но бороться с ним не решается, ограничился тем, что попросил Гидулянова раскрыть глаза Кассо на нравственный облик Статкевича. Точно Кассо не знает этого облика. Ему как раз такие обличия и нужны на доносительные и лжедоносительные роли. Ректор объяснил, почему Статкевич говорил о незаконности учебных планов 1907 года. Планы были действительно утверждены только на один год. Но Статкевич не знает того, что в 1908 министерский циркуляр предписал руководиться этими планами впредь до их отмены. На ближайшем заседании медицинского факультета декан Митропольский проучит наглеца Статкевича за его речи о незаконности учебных планов. Любопытная подробность об Изачике, товарище Статкевича по устройству частного медицинского института[158]. Оказывается, что Изачик не только принял православие, но даже женился на дочери новгородского архиепископа Арсения, и что Арсений давал деньги на Статкевичский институт.

Воскресенье, 11 мая. Чтобы сразу разглядеть глубину теперешнего университетского растления, достаточно привести теперешние профессорские слухи. Может быть, слухи неверны; но им легко верят, в них не находят ничего нелепого. Скоро исполнится 25 лет службы Карузину, Северцеву, Кожевникову. Говорят, что Статкевич согласился оставить Карузина еще на пять лет, но под тем условием, чтобы Карузин читал анатомию в Статкевичевом заведении, и злые языки прибавляют — читал безвозмездно. Говорят, что Северцева — очень хорошего зоолога — и Кожевникова — всего только думающее животное — оставят, оставят потому, что их места понадобились каким-то услужающим молодцам, что все старания Кожевникова угодить начальству окажутся бесполезными. Говорят, что Штернберг не будет утвержден, и что профессором астрономии назначат кого-то из Лейстовских молодцов; конечно, люди посторонние будут утверждать, что метеорологи ровно ничего не понимают в астрономии; но попечительное начальство знает, что астрономы и метеорологи глядят в одно и то же небо. Злые языки прибавляют, что Штернбергу навалили черных не только за его подлинный или мнимый либерализм, но и по просьбе Лейста, которому хочется пристроить своего человечка. Я верю очень немногому в этих слухах. Но какою позорною должна была стать университетская жизнь, чтобы такие позорящие слухи могли создаваться и находить себе веру.

Зато есть и утешительные слухи. Какая-то газетка наболтала, что молдаванин женится на Денисовой и, стало быть, окончательно покрывает грех. Но он же в ослеплении восставляет себе опасного служебного соперника, выдвигает на место своего товарища пресловутого одесского попечителя Смольянинова, который так недавно был в Москве окружным инспектором и потому был хорошо известен со стороны своих нравственных статей еще до своих попечительских подвигов; к 6 мая этого Смольянинова сразу сделали гофмейстером. О Россы, род претерпеливый!

Четверг, 15 мая. Слухи о том, что от Статкевича и К° пошел ряд доносов на Мартынова, становятся все настойчивее. Истинно русскому хохлоевреополяку Статкевичу хочется посадить на мартыновское место истиннорусского латыша Дзирне, битого доносителя и, кажется, очень неважного хирурга. Недавно у истиннорусского поляка Буйневича были гости: Статкевич и Дзирне. Случайно присутствовал там человек совсем иного склада, присяжный поверенный, от которого, значит из первых рук, я и слышал рассказ. Дзирне развлекал компанию рассказами о своих подвигах. Номер первый. Был у меня очень хороший хлыст и пропал. Иду я по улице и вижу свой хлыст в руках у незнакомого человека. Я вырвал у незнакомца хлыст и отхлестал его хлыстом по лицу. Возвращаюсь домой, а жена говорит мне: а ведь твой хлыст нашелся. С тех пор у меня два хороших хлыста. Рассказ номер второй. Была у меня очень хорошая собака и пропала. Услышал я, что моя собака живет у незнакомых мне людей. Я взял полицию и отобрал собаку. А потом увидал, что собака-то не моя. С тех пор у меня очень хорошая чужая собака.

Суббота, 17 мая. Вчера в Думе начали обсуждать смету министерства народного просвещения. Молдаванин не соизволил явиться. Первым после докладчика говорил москвич Новиков. Между прочим, он приводил факты из новейшей истории Московского университета и в их числе один мне неизвестный. Оказывается, что химик Плотников усиленно зовет себя родственником г-жи Денисовой. Если это верно, то его карьера легко объясняется. Новиков не назвал Статкевича по имени, но инкогнито было довольно прозрачное, ибо доносительство было связано с приключением на скачках. Но ведь этому медному нахалу все обличения безразличны, пока слушают его клеветнический шепот. Вот когда перестанут слушать…

15 сентября, понедельник. Как мелки, как призрачны университетский дела по сравнению с подлинными делами! Моему поколению довелось жить в пору огромных событий, перед грозным ликом которых

пропадает охота писать о своей колокольне. И все-таки нужно писать, хотя, нехотя, с насилием над собою.

Я провел наш июнь в Лондоне, потом был в Париже и бретонских городках, потом осел в le Pouldu[159]. Война и французская мобилизация прикрепили меня к месту на три недели. Потом ушло время на получение денег и письменные расспросы о маршруте. Я двинулся из le Pouldu 31 августа нового стиля и только 11/24 сентября, усталый и не совсем здоровый, попал в Москву. Приехал бы скорее, если бы не ждал попусту денег в Lorient[160] и если бы не хворал в Лондоне. Впечатлений много, сильных и по большей части тяжелых. Отрадно было найти в России, и особенно в Москве, подлинный патриотический подъем. Я еще мало видел студентов. Но, по отзывам моих товарищей, на студентах война отразилась мало. И в «Петрограде»[*] и в Москве студенты не идут по доброй воле на войну, а силой их пока не берут. Думается все-таки, что занятия в этом году будут не настоящие.

Я приехал 11 сентября, а 12 праздновалось 30-летие Кузьмича[161]. Применительно к военному времени юбилей был скромный. В 2 часа собрались у него на квартире попечитель, профессора, некоторые приват-доценты, немногие представители немногих ученых советов. Странно было слышать из уст сюсюкающего попечителя поношение немца: ведь немец один из главных столпов русского черносотенства. До нелепости фальшив был адрес от Психологического общества. Лопатин для приятеля не поскупился на сильные слова и хвалил его, насквозь двоедушного, извилистого дипломата, за редкое прямодушие. Факультетский адрес был составлен Богословским, и, надо сказать, составлен с тактом и достоинством. Зато Лейст сочинил какую-то длинную нелепицу, так что даже попечитель жаловался на ее растянутость. Любавский отвечал тоже длинно, но скромно. Угостил собравшихся чаем.

Об университетских новостях я не спрашивал, да их, кажется, и нет. Голова теперь занята войной, ранеными, тревожными думами. Как-то странно и очень трудно заставить себя готовиться к лекциям, семинариям. Все это кажется чем-то ненужным.

Суббота, 20 сентября. Сейчас разговаривал с ректором, только что вернувшимся из «Петрограда». Для университета с войною настали очень печальные времена. В июне в Государственной думе и в Государственном совете прошли новые штаты для младших преподавателей к для учебно-вспомогательных учреждений университета[162]. Но Любав-

[*] А.Н. Савин ставит название города в кавычки, так как 18 августа 1914 столица Российской империи была переименована из Санкт-Петербурга в Петроград в связи с началом войны с Германией.

скому заявили, что введение в действие новых штатов отложено на неопределенное время. Университету был открыт кредит на постройку Минералогического института и на ремонт старого здания. В счет этого кредита исполнена уже часть работ по возведению института. Теперь кредит закрыт, университету нечем расплачиваться с подрядчиками, а постройка должна приостановиться на середине, и конечно то, что сделано, может сильно пострадать просто от дождей и холодов при таком перерыве работ на неопределенное время. О новых штатах для профессоров теперь, конечно, не может быть и речи; но характерно, что огромные гонорары некоторых профессоров остаются неприкосновенными даже в военное время. Кассо посоветовал ректору беречь специальные средства, потому что штатный ассигновки могут быть даже сокращены, посоветовал принимать как можно больше студентов. Особенно тяжелое впечатление на Любавского произвел Шевяков, который с полнейшим равнодушием относится к критическому состоянию университетского хозяйства. Казенное безденежье не только от военных расходов, но и от внезапной, чисто революционной расправы с винной монополией. Впрочем, все эти университетские нужды даже для университетских людей бледнеют перед грозной национальной борьбой за существование, перед ужасами войны.

Вторник, 30 сентября. Мое первое в этом году факультетское заседание. И на нем слышны отзвуки войны. Один из оставленных, славист Будилович, поступил в переводчики в главный штаб юго-западной армии. Есть оставленные и держащие магистерский экзамен, застигнутые за границею. Есть учившиеся за границею евреи, которые хлопочут о разрешении сдавать в России государственный экзамен. Есть и комические эпизоды. К нам напросился в приват-доценты А.И. Успенский, пролаза, директор археологического. Но он состоит где-то архивариусом по министерству двора и должен был просить разрешения на чтение лекций у министра двора. Министр ему не разрешил. Теперь Успенский в какой-то необыкновенно смешной бумаге извещает, что он прикомандирован к какому-то лазарету и потому временно освобожден от исполнения обязанностей архивариуса. Бумага нелепа еще и потому, что факультету нет никакого дела до личных дел г.Успенского.

Недавно умер Ф.Ф. Фортунатов, славный языковед. Декан на этот раз сказал по поводу кончины речь соответствующую важности события, хотя немного высокомерную.

Держал магистерский экзамен Н.М. Лукин и отвечал очень хорошо.

Ректор и Алмазов отслужили 30 лет и выбыли за штат. Теперь у нас четыре вакантных кафедры.

Суббота, 4 октября. Было заседание совета, на котором ректор сделал длинный доклад об участии университета в заботах о раненых. Много клиник отведено под лазареты, и там преподавание стало немыслимо.

Вечером заседание комиссии по присуждению соловьевской премии. Было представлено сочинение Д.Н. Егоровым. Пришли только Любавский, Богословский, Богоявленский (от Общества истории и древностей) и я. Я прочитал отзыв, мне пришлось писать его при исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Корректурные листы попали в мои руки всего каких-нибудь три недели тому назад, и эти три недели я был занят другими делами, а первое время чувствовал сильное утомление после трехнедельного возвращения. К моему удивлению в егоровской работе оказалось немало недостатков, особенно с точки зрения формы. Но по существу это все же очень хорошая, хотя и тяжелая работа.

Чувствуется эти дни тяжело. Немцев подпустили к самой Варшаве.

Четверг, 9 октября. Война все шире раскрывает свои крылья. Военному министру предоставлено право призывать студентов к отбыванию воинской повинности, невзирая на раньше дававшуюся им отсрочку. Студентов будут направлять в юнкерские училища на 4 месяца, а потом будут производить в офицеры; очевидно в офицерах большая недохватка. По слухам, первый набор студентов будет произведен в ноябре. Едва ли студентов возьмут столько, что занятия станут невозможны. Но, конечно, аудитории и лаборатории опустеют.

От Варшавы немца, слава Богу, отогнали, но совсем одолеть его будет очень трудно.

Умерла жена Герье, при загадочных обстоятельствах, обгорела; утешают, что обгорела мертвая. Я был на выносе, видел дочерей. Старика не видал. Говорят, что он твердо перенес это ужасное потрясение.

Пятница, 10 октября. Во всех университетских городах студенты всяких высших учебных заведений по случаю своего скорого зачисления в армию ходят толпами по улицам с портретом Государя, поют «Боже царя храни», останавливаются перед домами местных начальствующих лиц и союзных дипломатических представителей с просьбой послать патриотические телеграммы, перед военными памятниками становятся на колени и поют «Вечная память». Местные сановники выходят, горячо благодарят за патриотические чувства и обещают немедленно послать телеграммы. Монополия портрета и гимна отбита у дубровинцев и пуришкевичествующих студентами, в которых многие по старой, но и в старину фальшивой привычке, все

еще видят кто революционеров, кто «либералов-идеалистов». Nunc dimittis**. Какова ирония судьбы! Я наблюдаю с интересом, с напряженным любопытством. Но мой девиз — nil admirari**. Я прожил на свете чуть побольше сорока лет, но мне довелось жить в исполненное бурь и тишин, трагедий и фарсов время. Я видел Mafficing nights[163], через 6 лет после них высокий прилив радикального и рабочего миротворческого пуританизма в Англии. О России нечего и говорить. Все течет. Я ничему не удивляюсь и ничего не предсказываю. Но я интересуюсь. Я радуюсь даже, ибо я радуюсь всему, что хоть в некоторой степени способствует русскому освобождению от немцев, которых, кстати сказать, я очень высоко ставлю, несмотря на всю их противность. Fiat voluntas tua**.

14 октября. Факультетское заседание. Декан докладывает, что ввиду перехода Любавского и Алмазова во внештатные профессора, своевременно возбудить вопрос о сохранении за ними преподавания с содержанием в 1200 рублей и, таким образом, не замещать освободившихся кафедр. Я не ожидал такого предложения. Никто не возражал, и предложение было принято. Значит, Любавский не имеет намерения пустить Готье на свое место, хочет сидеть сам. И чтобы скрасить неловкость, решили заодно оставить и Алмазова, от которого при иных условиях, вероятно, постарались бы отделаться. Но еще разрешат ли в Петрограде такую пересидку?

Продолжение дела об отвратительной мироновской диссертации. Этот нахал в ответ на частное письмо декана прислал слезные и, вместе с тем, наглые письма Грушке и Мальмбергу, в которых опять винит Хвостова во всех своих неудачах и просит либо дать официальный отзыв об его диссертации либо (в случае неблагоприятного к ней отношения) указать на ее недостатки, чтобы он, Миронов, мог исправить диссертацию сообразно с факультетскими указаниями. Последняя просьба прямо поражает своим хитрым убожеством. Постановлено поставить отзыв о диссертации на повестку одного из ближайших заседаний.

В Москве при явном попустительстве полиции разгромили несколько немецких магазинов, побили очень много оконных стекол. По слухам, среди погромщиков были не только гимназисты, но и студенты. Правда, очень многие студенческие организации поспешили газетно отмежеваться от погромщиков. Верны ли слухи, не знаю.

** Nunc dimittis (лат.) — «Ныне отпущаеши…»

** nil admirari (лат.) — ничему не удивляйся (этими словами начиналось одно из писем Горация).

** Fiat voluntas tua (лат.) — Да будет воля Твоя.

Четверг, 16 октября. Богословский был взволнован приключением с двумя выслужившими свой срок профессорами. Оказывается, накануне факультетского заседания декан звонил ему в Сергиев Посад и просил быть во вторник на заседании ввиду того, что будет возбужден вопрос о выслуживших свой срок профессорах. Но иногородние разговоры по телефону очень коротки и Грушка не успел разъяснить в чем дело. Богословский очень хорош с Готье и решил спросить Лопатина в чем здесь дело. Лопатин уверяет, будто Любавский вовсе не хочет преграждать дорогу Готье, что все дело в исхлопотании 1200 рублей для Любавского, что для успеха нужно временное незамещение кафедры, и что после решения этого дела вопрос о Готье будет поставлен на очередь. То же подтвердил и Грушка. Каковы факультетские нравы! При решении таких важных для факультета вопросов не находят нужным осведомить как следует представителя кафедры, притом такого искренне расположенного к Любавскому человека, как Богословский. Все творится где-то взаперти. По существу здесь ничего нельзя возразить против этих 1200 рублей, только и из-за них пришлось приплести не имеющего решительно никаких заслуг перед Московским университетом Алмазова.

Вечером ректор устроил совещание о публичных лекциях на связанные с войной темы. Совет предоставил ректору самому определить состав этого совещания. В выборе ректора были странности. Он пригласил, конечно, тех лиц, которым предположил предложить лекторское выступление. Не было ни одного медика, а письменное предложение прочитать лекцию прислал один из самых плохих медиков, Голубев. Были приглашены все три зоолога, и только они с физико-математического факультета, да еще Павлов. С нашего факультета он позвал Лопатина, Розанова, Иванова и меня, но почему-то не было ни Челпанова, ни Богословского, и вообще не было намечено пока ни одной лекции по русской истории.

Котляревский уже начал цикл этих лекций. Собралось много народу и очистилось для университетских лазаретов 600 рублей.

Варшавский университет естественным образом прекратил свое бесславное существование[164]. Его канцелярия вкупе с ректором была перевезена в Москву и помещена в профессорской читальне. Теперь, слава Богу, немцев отогнали от Варшавы верст на сто, даже больше. Сегодня в газетах известие о том, что канцелярия возвращается в Варшаву. К чему возвращать ее в дни русско-польского примирения? Как удобно было похоронить ее в одном из московских архивов и помочь полякам забыть о печальном университете. Хорошо бы, если бы возвращалась только канцелярия.

Воскресенье, 19 октября. Сегодня получаю повестку, приглашение на освящение нового университетского лазарета. С изумлением встре-

чаю в списке профессоров новое имя — А.А. Сперанский. Теперь в газетах перестали правильно помещать Кассовы назначения. Кто он, откуда, зачем и почему, совершенно не знаю.

Воскресенье, 9 ноября. А.А. Сперанский оказывается метеоролог, только магистр, но зато зять Лейста, который таким образом испоместил свою дочь. Некрасиво, консисторно, но выгодно. А главный кормчий просветительного ведомства бонжурист, захворал. Наши распоясавшиеся газеты уже наградили его раком прямой кишки. Гидулянов уверяет, что болезнь всего только геморрой.

Я хворал целую неделю, не ходил на факультетское заседание, не ходил на пробную лекцию Пригоровского (Виппер говорит, что лекция прошла удачно). В пятницу был на части юридического диспута. Вышеславцев защищал «Этику Фихте»[165]. Вышеславцев ученик Новгородцева; и оппонент его, Н. Алексеев, тоже ученик Павла Иваныча. Значит, свои люди. По-видимому, они даже условились насчет хода споров: у Вышеславцева были заложены бумажкой нужные места из Фихте и Гегеля. Я никогда раньше не слышал Вышеславцева и с удовольствием убедился в том, что он человек умный и хорошо говорящий. Алексеев тоже человек способный. Спор был, безусловно, интересен, но ... Вышеславцев и Алексеев унаследовали от учителя тягу к немецкому идеализму, притом в неокантианской перелицовке, как известно, сильно схоластической, сбивающейся на диалектическую игру. Этот трансцендентализм не нравится ни любителям науки, ни поклонникам трансцендентного. В нем действительно есть нечто напоминающее позднюю схоластику, школу Оккама. Правоведением на диспуте и не пахло. Спорили больше о Гегеле, чем о Фихте, спорили о дурной и хорошей бесконечности, о качественном количестве и количественном качестве. Но ученики многограннее учителя. К его репертуару они присоединили отцов церкви и некоторых схоластиков; на диспуте часто упоминали Николая Кузанского и Августина. Но, по-видимому, в патристике они не очень сильны: Алексеев упрекал диспутанта в смешении Дионисия Великого с Ареопагитом. Во вступительной речи Вышеславцев усиленно отводил от себя обвинение в преклонении пред немцами: немцы — это азбука философии, от которой мы, русские, должны перейти к строительству русско-византийского склада. И потом громил теперешних немцев, стыдя их Фихтем, «бессмертный дух которого» теперь несет тягчайшую кару за свои философские грехи: ибо и Фихте отчасти виновен в теперешнем немецком самомнении. Вышеславцев читал свою речь; написана она красиво, но в чисто митинговом духе, хотя высокой марки. Это тем страннее, что последующий спор был высоко-немецкого характера и, в случае перевода на немецкий, пришелся бы по сердцу немецкой аудитории.

Я не мог оставаться до конца.

Вчера заходил ко мне на очень короткое время Петрушевский; он, по-видимому, доволен своей петербургской жизнью.

Вторник, 18 ноября. В воскресенье был еще на одном философском диспуте. На нашем факультете защищал магистерскую диссертацию Алекеев-Аскольдов[166], человек уже лет под пятьдесят, незаконный сын философа Козлова. Он несомненно человек начитанный, с философскими способностями и с литературной известностью, между прочим, с известностью защитника чудес. Главное в его книге — опровержение немецкого трансцендентализма и доказательство познаваемости трансцендентного. Говорит он хорошо, свободно и ясно. Оппонентами были Челпанов и Лопатин. К сожалению, первым был Челпанов, был приличен, но сер и слишком долог. Некоторые возражения были основательны, но мало затрагивали существо книги. Зато Лопатин сразу дошел до самой сути, указал в работе на весьма существенные пробелы и противоречия, например на то, что автор, выступающий с теорией концептуализма, удержал весьма существенные номиналистические взгляды. Вообще Лопатина часто слушаешь с большим интересом. Правда он очень погружен в себя и пренебрегает эрудицией, за что его резво упрекает печатно обидевшийся на него приятель, Евгений Трубецкой. Но он очень талантлив.

Сегодня было факультетское заседание, неинтересное. Хорошо отвечала девица Шилкарская по русской литературе; она сдала большую часть магистерского экзамена.

Много говорили о мерах борьбы с усиливающимся невежеством студентов в латинском и греческом. Особенно мало знают по-гречески, потому что не учатся по-гречески в гимназии. Богословский говорил классикам очень обидные вещи о том, что нельзя принуждать к учению, что надо сделать свой предмет интересным, что насильно ничему не научишь. Новосадский обиделся и возражал, Любавский мирил. Я боюсь, что не только у нас, но и на западе греческий снисходит, или может быть воздымается, на положение санскрита, языка для немногих.

Нахал Миронов написал весьма решительное опровержение хвостовской рецензии, вероятно никудышное, в надежде изменить мнение членов факультета о своей крылатой Нике.

Недавно был у меня Д.В. Викторов. Он попал в немецкий плен, выручая свою мать. Мать выпустили, но самого его задержали и отправили в Росток. Там с «пленными» (все ультра-штатскими) обращались особенно плохо: плохо поместили, очень плохо кормили, так что он быстро нажил себе катар желудка, конвойные приставали к женщинам, когда те выходили в помещавшийся на дворе «кабинет», женщин и мужчин заставили спать в одном помещении (в школьном здании).

Викторову скоро стало так плохо, что он выпросился на частную квартиру. Правда, не везде задержанным было так плохо, как в истинно-мекленбургском Ростоке. Но все-таки в рассказах о немецком варварстве немало правды по свидетельству заслуживающих доверия людей, попавших в немецкие лапы. До сих пор немцы не выпускают Гензеля, застрявшего в Бадене. И поделом ему. С разных сторон я слышу, что этот московский немец проявил в Badenweiler[167] удивительное германофильство и открыто пророчил победу немцам, что несмотря на войну он старался поддерживать хорошие отношения с тамошний немецкими властями. Я был с Гензелем в хороших отношениях, в нем было много хороших немецких свойств, я понимаю трудность его положения. Но на войне русские немцы должны покончить со своим сиденьем на двух стульях. Я человек середины. Но на войне может быть только Entweder-oder**. Придется отойти от мягкого московского немца.

Я забыл раньше записать, что один из самых левых «ушедших» благополучно поступил на штатную казенную должность, и даже по министерству народного просвещения. Сакулин стал ординарным профессором в петербургском платоновском Педагогическом институте[168]. Трудно выдерживать героическую позицию в русской обстановке.

Настойчивый в своей лени Шамбинаго переделал свою плохую диссертацию о песнях XVI века[169] по указаниям Миллера и Сперанского и не постыдился снова представить ее в наш факультет. Мало же у него самолюбия.

26 ноября. Вчера вечером помер Кассо, по иронии судьбы повидимому в еврейской лечебнице (Герзони). В мирное время эта смерть была бы событием. А теперь душа занята нашим новым отступлением, немцы опять заняли Лодзь, и военные власти глухо намекает на возможность дальнейшего отступления. Как силен немец! И как все еще темно будущее! И все не-военное кажется таким незначительным. И даже не хочется оценивать Кассо. Да и не кончилась еще молдаванская полоса. А чем и когда кончится, это решит тоже война. Если пока назначат кого-нибудь в стиле Кассо или даже еще хуже, и это неважно.

27 ноября. Кузьмич опять отличился. В газетах оглашено, что в физико-математический факультет поступила от ректора бумага с сетованиями на то, что в последнее время в газетах появляются сообщения о происходящем на заседаниях физико-математического факультета, и с угрозою привлечь виновных в разглашении служебной тайны к законной ответственности. Пикантно, что «Русские Ведомости» рядом

** Entweder-oder (нем.) — *либо … либо…*

поместили новую разгласительную заметку о стараниях Лейста устроить получше своего зятя, новоиспеченного назначенца. Повинен в разглашениях, по-видимому, Анучин и сделать с ним Кузьмич, вероятно, ничего не может. Не знаю, сам ли усердствует Кузьмич, или ему велит попечитель, или просит Лейст. Сегодня панихида по Кассо, а в воскресенье обедня с панихидой. Тоже избыток усердия.

Вторник, 2 декабря. Сегодня последнее в этом году факультетское заседание, читаются отзывы о сочинениях на медали и премии. У меня в этом году два сочинения на премию, оба хорошие, одно (Диесперова) выдающееся[170]. Д.Н. Егоров представил свою диссертацию[171]. Оппонентами назначены я и Любавский. Виппера сегодня не было: он болен. Иван Иванович было напутал, и стал говорить о себе, о Ясинском, так что было получились четыре оппонента. Но Любавский восстал против такого и ограничились двумя оппонентами, мною и Любавским; а в том случае, если Любавский не сможет участвовать в диспуте, то пригласят Ясинского.

Иван Иванович было напутал и на магистерском экзамене Косминского по древней истории, сначала даже вовсе отказывался от участия в экзамене, ссылаясь на отсутствие специалиста, Виппера. Но потом согласился. Пригласили еще двух классиков, Покровского и Новосадского. Отвечал Косминский хорошо, но Иван Иванович стал предлагать поверхностные и назойливые вопросы, на которые ждал ответа в своем духе — О прогрессе у Фукидида, о том, зачем Фукидид написал свою историю. Когда Косминский ушел, то Иван Иванович заявил, что Косминский больше знает книги о Фукидиде, чем самого Фукидида, что было несправедливо, ибо Косминский обнаружил несомненное знание подлинника. Но к моему приятному изумлению, он не только не возражал против отметки весьма, но даже сам предложил ее. Читался в заседании отзыв Лопатина о жидкой книге Эрна о Росмини[172]. Этот неудавшийся «логист» родил мышь. Отзыв Лопатина был мало благоприятный. Но все-таки решили допустить Эрна до защиты.

Богословский спрашивал Любавского о Готье. Оказывается, есть трудность. Готье занимает штатную должность по ведомству просвещения, он библиотекарь Румянцевского музея[173]. Занять вторую штатную должность по тому же ведомству можно только с высочайшего соизволения. Искренне ли говорит Любавский, иль просто хочет отвести лишнего человека, не знаю.

Приехал на несколько дней с войны Кончаловский. А Протопопов все еще в Москве, все еще учится на прапора.

Суббота, 6 декабря. Вчера я не пошел на заседание совета, потому что был очень занят. Там возводили в почетные члены великого князя

Николая Николаевича и короля Альберта[174]. Из газет узнал, что кто-то предложил исключить из числа почетных членов немцев, подписавших пресловутое воззвание, где между прочим русские обзываются азиатскими варварами. Предложение было принято. Я знаю, что среди подписавших есть один наш почетный член, это В. Вундт, который впрочем давно уже известен за ярого шовиниста. Может быть есть и еще такие. Нужно ли было исключать? Сомневаюсь. Вероятно, лучше было бы разделять патриотизм и чистое знание, и не следовать дурному немецкому примеру. Но, правда и то, что все эти Вундты забыли всякое приличие.

Среда, 10 декабря. Сегодня Виппер выразил мне свою обиду по поводу того, что его даже не предупредили о представлении диссертации Егорова и совершенно не запросили о желании быть оппонентом. Правда, я виноват перед ним, что не напомнил декану о необходимости запросить его. Но здесь только нарушение этикета. По существу же Виппер не выражал никакого интереса к диссертации, когда она была обсуждена в Соловьевской комиссии и не явился на тогдашнее заседание. Впрочем и теперь он заявил, что вовсе не хочет быть оппонентом.

Сегодня неожиданно явился ко мне Лесников, в мае оставленный мною при университете. Он с отцом, матерью и сестрой просидел три месяца в немецкой тюрьме в Halbach[175] по подозрению в шпионстве. Основания: инженерство отца и фотографический аппарат. В тюрьме издевательств не было, но всякая переписка была воспрещена. В Sassnitz[176] издевались: мать и сестру пропустили вперед на пароход, а потом убрали трап, чем сильно напугали женщин. И это сделали только для издевательства, потому что после этого без препирательств пропустили и мужчин. В Sassnitz и бранились грубо: Schwein[**]. О рюгенской наглости я на днях слышал от другого лица, тоже потерпевшего, от Веры Ал[?] Поповой. Ее и сотни две русских подданных держали в Sassnitz несколько недель, обращались грубо и глупо, а в заключение заставили подписать благодарность за доброе отношение прусских властей. Эту силою вынужденную благодарность по всей вероятности напечатали в газетах рядом с негодующими жалобами на страдания немецких подданных, томящихся в России под игом варварского кнута.

Сегодня узнал о приезде П.Г. Виноградова. Очевидно, сквозь толщу англичанства пробилась тяга к родине. Ведь теперь, особенно в его возрасте, переезд из Оксфорда в Москву дело вовсе не простое.

Пятница, 12 декабря. Вчера был у Виноградова. Он приехал через Hull — Christiania — Tornio[177] на пароходе. Такое путешествие, несо-

[**] Schwein (нем.) — свинья.

мненно, сопряжено с опасностью. Он очень возбужден войной и по-хорошему. Признает, что англичане ведут себя не очень хорошо, что Kitchener очень хороший организатор, но плохой стратег, что он упрямо хочет выдержать своих рекрутов целые полгода в обучении, между тем как они нужны в поле именно теперь, что French и Jan Hamilton стоят за более энергичную линию поведения. Он же сообщил, что дредноуты¨ стоят на севере Англии и Ирландии и что сверх-дредноут «Audacious» там наткнулся на немецкую мину. Это неизвестное русским известие только сегодня пропущено русской цензурой; впрочем, "Audaclous" будто бы не затонул и теперь чинится[178]. Эта северная стоянка может быть и благоразумна, но мало мужественна. И неужели нет стоянок на East coast?¨ Вообще отдельные англичане проявили много мужества, но Англия даже как морская держава не покрыла себя пока никакой славой. Будем ждать. Мне не хочется терять веры в нее.

Из Оксфорда ушло в армию больше двух третей студентов.

Суббота, 13 декабря. Забыл записать, что несколько дней тому назад ко мне заходил Кончаловский. Он артиллерист, служит в Сибирском дивизионе, на восточно-прусском фронте, у Мазурских озер, в горной батарее. Солдат очень хвалит, младших офицеров тоже; но начиная с подполковника офицеры часто не на высоте современной военной техники и даже не всегда на высоте мужества: нередко стараются держаться подальше от огня. Я слышал то же самое от другого офицера (поручика), по случаю раны приехавшего на время с восточно-прусского фронта. Артиллерию нашу Кончаловский хвалит. Потери в артиллерии несравненно меньше, чем в пехоте. В той части, где служит Кончаловский, из полутора тысяч человек не выбыло из строя и ста. Правда, эта часть почему-то месяца два простояла в тылу. Кончаловский виду очень мужественного и не хворал. Правда артиллеристам живется много легче, чем пехотинцам.

Вчера я был у Поржезинского. Говорили о будущем Галиции и об ее «обрусении». Поржезинский слышал, что львовский польский университет собираются перенести в Варшаву, а варшавский русский университет во Львов. Малорусские же кафедры со всякими малорусскими учеными учреждениями, по-видимому, будут уничтожены. Все это конечно в том случае, если Галиция останется за Россией. Сегодня в газетах известие, что видный вождь украинского движения, М. Грушевский, арестован в Киеве. Я отнюдь не украинофил. Наоборот, когда я, правда очень поверхностно, ознакомился с украинским движением, я

¨ дредноут — в тексте дневника А.Н. Савин везде пишет «дреднот» (от dreadnought (англ.) — бесстрашный).

¨ East coast (англ.) — восточное побережье.

не без удивления нашел в себе явственные кацапские инстинкты, сильную тягу к общерусской, единой культуре. Но и я боюсь, что в Галиции москвофилы ведут себя грубо и наделают русскому делу немало бед.

Среда, 17 декабря. Сегодня мне позвонил ректор и сообщил, что я произведен в ординарные вместе с Розановым. Я почти семь лет просидел в экстраординарных и, значит, нисколько не выиграл «по службе» от кассова разгрома, что будет для меня пожизненным удовольствием. Теперь, слава Богу, я уже достиг служебной грани и мне совершенно нечего добиваться.

В субботу я был в Психологическом обществе. Молодой юрист Ильин докладывал об основном нравственном противоречии войны. Я слышал, что Ильин в каком-то учебном заведении, кажется в Коммерческом институте, пользуется исключительным лекторским успехом, трогает слушателей до слез, чуть не до рыданий. Послушал и нашел это вполне возможным при серости слушательской толпы. Ильин, человек несомненно способный, не читает, а играет, притом играет глубокую драму, чуть не трагедию, и это в ученом обществе. Что же он позволяет себе в аудитории? Вероятно кричит, трагически шепчет и безнадежно рыдает. Совесть он проявил самую чуткую, à laТолстой, убивать — страшный грех; но уже совсем не по-толстовски, убивать на войне есть одновременно и великий подвиг. Вообще надрыв. Пишет красиво, декламирует красиво, но подлинного чувства, глубокого и скромного, как-то не чувствуется; слишком уж претенциозно и самовлюбленно. Спорщик он искусный, но очень дерзкий и потому неприятный, особенно после заверений в своей изощренной совестливости. Ему возражал слепец Щербина, правда топорно и тупо, но все-таки надо было помнить, что это слепой, особенно обладателю такой тонкой совестливости, и соблюдать хотя бы только элементарную деликатность. Ильин не соблюл и ее, был прямо груб в своей защите. Правда, с Лопатиным он был почтителен.

По существу реферат больше проповедь, чем философия, и Ильин мало похож на Зиммеля, на которого хочет быть похожим. Я, правда давно, слышал Зиммеля и сужу о нем не только по его писаниям: Зиммель как лектор холоден, изящен, аристократичен; «подражатель» пылок, нутрян, демагогичен, но талантлив; впрочем, у Ильина эта пылкость актерская, головная, напускная à la Coquelin; в основе своей он резонер, что подтвердил мне и хорошо знающий его Д.В. Викторов.

21 декабря, воскресенье. Вчера у меня были гости, главный среди них Виноградов. Снова пришлось думать над подбором компании, даже во время военного единения «ученые» не смогли сбросить с себя ссоры и личные счеты. Например Петрушевского Виноградов продолжает звать

«злобным, упрямым хохлом». Зато в кругу приятных людей Виноградов чувствовал себя хорошо и говорил много интересного, особенно об английских политических настроениях. Он верит в близкую победу союзников. Я скептичнее и считаю возможным исход в ничью. Н.В. Сперанский говорил, что очень неважны наш дела на Кавказе, где не хватает патронов, где турки в Сары-Камыше чуть ли не зашли в тыл нашим войскам, двигающимся к Эрзеруму. Правда, это второстепенный театр войны. Но ведь и в Польше наши дела не блестящи, хотя ничего угрожающего сейчас, по-видимому, нет. Я воздерживаюсь от суждений о войне: подлинное положение известно лишь заправилам главных штабов, а прочие добавляют штабные сообщения слухами, до смешного противоречивыми.

Сегодня в газете сообщение, что астроном Штернберг назначен профессором. Совет выбрал его еще в мае, причем черные клали налево. Я думал уже, что министерство решило не утверждать его по наговорам о его мнимом или действительном «либерализме». Не знаю, повлияла ли война и смерть молдаванина на решение утвердить его. Я совсем не знаю Штернберга. Но наши бюрократические нравы таковы, что, раз человека долго не утверждают, то естественно считать его человеком порядочным.

Вчера среди гостей был в солдатской форме Протопопов, который добровольно поступил в рядовые и был помещен в училище для прапорщиков, откуда его должны выпустить в феврале.

22 декабря, понедельник. Сегодня видел ректора. Спрашивал его, пришло ли назначение Штернберга. Еще не пришло, но должно придти. Еще покойный Кассо согласился в разговоре с Любавским утвердить выборы. Проволочка вышла из-за женщины. У женатого Штернберга вышел роман с какою-то девицею, кажется курсисткой. Девица попалась неблагонадежная и была куда-то выслана. Девица без разрешения вернулась в Москву, и Штернберг укрывал ее в квартире, которую нанял на свое имя. Полиция узнала про девицу, нагрянула и забрала девицу, а Штергберга заподозрила в политическом сочувствии к девице и ее единомышленникам и дала о нем неблагоприятный отзыв министерству. Штернберг покаялся ректору в своем грехе только осенью, и ректор в беседе с Кассо указал на романическую подкладку происшествия. Кассо изволил смеяться и обещал утвердить. Истинно русский случай. — Сегодня я получил от ректора официальную бумагу о том, что приказом от 3 декабря я назначен ординарным. Канцелярский прогресс: бумага пространствоала 19 дней, а бумага 1908 года о назначении меня экстраординарным путешествовала 22 дня.

25 декабря, четверг. Сегодня был у Петрушевского и слушал о его петербургских впечатлениях. Дела у него мало, и он отошел, отдохнул в

хорошем воздухе Лесного. Говорил о некоторых петербургских историках. Между прочим, я с удивлением узнал, что у него дурные отношения с М.М. Хвостовым. Как он умеет ссориться! Вчера с глубокою радостью прочитал о нашей победе над турками при Сары-Камыше. Теперь можно, кажется, надеяться, что турки уйдут к себе.

Смешное и в военное время переплетается с серьезно-печальным, особливо в ученой среде. Немецкие ученые, удивленные и потому вдвойне огорченные тем, что их воинство стяжало себе репутацию варваров, сочинило неумный и грубый манифест. В Москве манифестом пренебрегли. В Петрограде решили возражать. В московские высшие учебные заведения принесли текст петербургского патриотического ответа немцам, довольно резкий, в одном месте даже грубый. Но немцы так возмутили всех в Москве, что под ответом подписывались в Москве без всякого различия направлений. Подписался и я. Вскоре после этого в газетах москвичи прочитали, что «левые» петербургские ученые не нашли возможным подписаться под «шовинистическим» адресом, который был составлен при ближайшем участии Зверева, и составили свой текст ответа, благородный и корректный. Этот второй текст тоже был прислан в московские высшие учебные заведения, и под ним тоже подписывались без всякого различия направлений. Подписался и я. А Петрушевский говорил мне, что в Петрограде, например, в Политехническом институте, оказалась третья группа ученых, которые отказались от подписи под какими бы то ни было ответами, не желая еще более обострять и без того очень острых русско-германских отношений. Воображаю, с каким презрением петербуржцы должны глядеть на глупых москвичей, ничего не разглядевших в петербургской борьбе и беззаботно подмахнувших манифесты того и другого лагеря.

1915 г.

3 января,суббота. Умер Умнов, почтенный старик, которого я совсем не знал.

Войне пока не видать конца. Почему-то призвали в огромном числе ратников первого разряда, вплоть до 1902 года. Сомневаюсь, чтобы на всех хватило оружия, амуниции, артиллерии. Впрочем, кроме очень тесного круга посвященных, по правде говоря, никто не смеет судить о войне: конечно, воздержаться от мыслей и разговоров о войне невозможно, но болтовня остается болтовней.

7 января, среда. Помер Шварц. Вряд ли кто будет скорбеть. И всетаки Шварц был счастлив: его чернота потускнела в сравнении с негритянской чернотой его преемника.

Товарищеская профессорская «трапеза» в Татьянин день состоится , на этот раз в «Эрмитаже», а не в «Праге». Можно было бы и не устраивать ее в этом году; думаю, что будет немного народу. Я пойду, отчасти из любопытства, а главное мне было бы неприятно не пойти сейчас же после того, как меня назначили ординарным.

Был у меня недавно В.Н. Ивановский. Я нарочно спросил его о М.М. Хвостове, чтобы проверить отзыв Петрушевского: Ивановский долго жил в Казани. К моему удовольствию, Ивановский очень хорошо отозвался о Хвостове.

Впрочем, в Петрограде «ученые» ссорятся еще больше, чем в Москве: недавно у С. Веселовского я видел петербургского историка Полиевктова (которого я знаю давно по калужской гимназии) и тот подтвердил наше московское мнение о дурных отношениях между старшими петербургскими историками.

8 января. Сегодня в «Русских Ведомостях» довольно теплый шварцевский некролог Сперанского, даже переоценивающий покойного. Вчера был у Виноградова, имел интересную беседу, хотя он и наедине порою был важен. Мне нужно было расспросить его о мусульманах в Индии и Египте, о Delhi** [179]. Говорили о Д.Н. Егорове, и он согласился

** Delhi — Дели (Индия).

с моей критикой. Виноградов теперь сбросил с себя английскую маску и вновь стал русским патриотом, поверил в Россию. «Мы» теперь означает у него русских, а не англичан. Русское правительство он бранит ужасно, стал левее меня.

10 января. Министром народного просвещения (пока только управляющим) назначен граф Игнатьев. Что он за человек, я совсем не знаю. Хорошо только, что не немец; а то были слухи, что останется Таубе.

Вернулся Гензель; на каком основании его выпустили немцы, я не знаю. В России, вероятно, он посбавит германофильства, приспособится.

Вообще, при нашей бедности и вялости очень трудно освободиться от внутреннего немца.

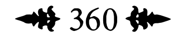
11 января. Сегодня был на панихиде по Шварцу, церковь была пуста. Из профессоров были только ректор и Соболевский, близкий прежде к Шварцу человек. Я пришел к самому концу обедни. Когда я поднимался по лестнице, с нее спускался попечитель.

Не достоял до панихиды. Мало почтения оказывают зашедшему солнцу.

13 января. Вчера был на профессорском обеде. «Архитриклин»** Голубов перенес его в «Эрмитаж», в белую колонную залу, где действительно кормят лучше, чей в «Праге». Вместо вина квас, за обедом сбор на сербов. Из «левых» только я. Всего человек 40-45. Держат себя лучше последних лет, может быть из-за войны, может быть потому, что не чувствуют под собой такой почвы, как при Кассо и до войны. Говорят очень мало, и то больше о войне, никаких внутренне-политических намеков. Я сидел с товарищами по факультету и чувствовал себя легко, беседовал с Брандтом об украинском вопросе, и здесь он оказался либеральнее меня. Попечитель в приличных выражениях говорил о борьбе с германизмом; хуже был Корнилов, сказавший среди банальной военной речи несколько слов о необходимости вырвать Иерусалим из «нечистых» рук.

Третьего дня беседовал с ассистентом хирургической клиники Костенко, которого взяли в главный московский военный госпиталь. Порядки там очень неважные: рутина, чинопочитание, любоначалие, презрение к личности, науке и больному, старание представить свое ведомство непогрешимым. Довершает беду то, что округом командует грубый и жестокий Сандецкий, который успел восстановить против себя даже офицеров. В госпитале в мирное время 200 мест, теперь там 7000 больных, на которых не хватает ни места, ни белья; а признаться

** архитриклин (греч.) — распорядитель питанием, столовой.

в своей неподготовленности не желают, потому что перед высшим начальством расхвастались своей готовностью. Лекарства употребляют «штатные», дорогой эфир вместо дешевого бензина, дорогой йодоформ вместо более дешевых препаратов, но зато не дают дешевой и необходимой перекиси водорода. Всякого врача считают способным ко всякому делу. Щеголяют презрением к специализации. Главный врач спрашивает Костенко: Вы по какой специальности? — Хирург. — Очень приятно, назначаю вас в терапевтическое отделение.

Конечно, и среди военных госпиталей попадаются недурные, которыми заведуют специалисты. Но, в общем, госпитали военного ведомства хуже, даже много хуже, краснокрестовских и общественных.

Три профессора-медика добровольно пошли на службу в военные госпитали — Зыков, Венгловский, Поляков — в надежде легко получить чин, и ошиблись в расчетах: великий князь запретил давать чин врачам за службу не в действующей армии.

Сегодня в газетах слух о том, что Таубе уходит в отставку.

Игнатьева в газетах хвалят. Лучше бы обождать.

14 ноября. Вчера вечером был у Котляревского. Он только что вернулся из Галиции, «контуженный» в глаз, но не на позиции. Он правил лошадью в Тарнове, не заметил русской проволоки заграждения, которую не успели убрать, и наехал на проволоку; проволока оборвалась и концом попала по глазу, попортила роговую оболочку; поранение не серьезное, глаз скоро пройдет. По его словам, настроение в армии бодрое, очень хорошие отношения между рядовыми и офицерами. Но есть и изнанка. В главной галицийской армии, третьей, расположенной недалеко от Тарнова, с севера на юг, под командой Радко Дмитриева, перешли к позиционной войне. Вся надежда на обход. Но и его произвести нелегко. Пшемысль сдастся не скоро. Как я слышу не первый раз, казаки пользуются очень дурной славой. Нечего и говорить, что они обворовывают своих и чужих; они очень плохие разведчики, на которых никак нельзя положиться; они жалеют своих лошадей и очень мало пригодны для боя. Годятся они только для преследования бегущего неприятеля и для грабительских наездов. Нередко грабят своих и чужих наши санитары, очень плоха разведочная часть, слишком мало аэропланов. Плохо налаживается и железнодорожное движение.

Я склонен думать, что воевать придется еще долго, по крайней мере, год.

17 января. В первый раз при мне факультетское заседание не во вторник, а в субботу. Есть одно важное дело, Богословский и Любавский вносят предложение о втором штатном профессоре по кафедре русской истории и о замещении одной из вакантных экстра-ординатур

путем рекомендации. Официально в представлении имя не названо, но частным образом они сообщают, что имеют в виду Готье. Конечно, никто не возражает. Богословский думает, что совместительство с библиотекарством в Румянцевском музее не представит больших трудностей.

Они же вносят предложение о возведении великого князя Николая Михайловича в доктора русской истории. Опять, конечно, никто не возражает.

Экзаменовался Лукин по политической экономии, хорошо.

В отчете университетском за 1914 год помещен написанный Озеровым некролог Янжула[180]. Боже мой, до чего он написан пошло, вульгарно! Право, кажется последний газетный репортер написал бы лучше, благороднее. Иван Иванович Иванов с завистью сообщает мне, что по словам Любавского, этот господин получает теперь в год до двухсот тысяч дохода. Но только, вместо того, чтобы стать большим барином, он от богатства становится все пошлее. И от науки он отходит все дальше, уж много лет как пишет почти только газетный вздор.

В университетском отчете помещен написанный Гуляевым некролог Кассо, очень короткий и сухой, почти послужной список. Но в конце удивительная черта. На своей могильной плите Кассо велел начертать Léon Victor Constantin Casso Dr. Juris. Оказывается, он родился в Париже, и на французский манер получил три имени в парижской mairie**, хотя и отец и мать были православные. И вот до последнего издыхания этот герой истинно русских мракобесов чувствовал себя детищем Парижа и вскормленником немецких университетов, в своей могильной надписи выставил на показ свое равнодушие, даже пренебрежение к России.

20 января, вторник. Новый министр, граф Игнатьев, начал свои министерские дни разговорами, от которых мы давно отвыкли. Он говорит о сотрудничестве с обществом, о внимании к запросам жизни, подолгу сидит в думской бюджетной комиссии, где ему хлопают левые и центровики. Он прекратил выдачу содержания юнцам-недоучкам, командированным за границу от министерства, и оставил содержание за магистрантами, командированными за границу от университета. «Русские Ведомости» сегодня чрезвычайно горячо приветствуют Игнатьева. Но жизнь в такой мере приучила к дурному и гадкому, что отказываешься верить в хорошее. Подождем дальнейших поступков. Говорили сегодня об Игнатьеве в профессорской женских курсов. Пессимисты, и в их числе я, сомневались, чтобы в ближайшее время кассовы авгиевы конюшни подверглись сколько-нибудь основательной чистке. Старик Огнев шутя замечает: некоторую помощь здесь может оказать ведомство юстиции. — При чем оно тут? — А

** mairie (франц.) — мэрия.

вот, например, оно может помочь в очищении от Статкевича. Оказывается, недавно раскрылась новая его проделка полууголовного свойства. Кассо издал циркуляр о том, что девицы, поступившие в высшие учебные заведения, следовательно, и в статкевичевский медицинский институт, не ранее 1911 года, могут получить дипломы лишь после некоторых дополнительных экзаменов в объеме курса мужских гимназий. Статкевич, не долго думая, перечислил многих девиц, поступавших в 1911 году и позже, в девиц, поступивших до 1911 года, чтобы тем спасти их от дополнительных экзаменов. Но этого мало. Он взял с них плату за то время, которое они будто бы проучились до 1911 года. Если только это верно, то каков недавний кандидат в товарищи министра! Истинно кассовский цыган, которому скорее бы всецело прилепиться к скаковой конюшне.

25 января, воскресенье. Наши профессора-юристы с войной почуяли, что в воздухе запахло вкусным «жидом». Повыгнанные из австро-немецких университетов юристы и юристки иудейского вероисповедания вернулись в Россию в качестве пострадавших российских граждан и стали толкаться во все министерские двери с просьбами о разрешении им докончить образование в русской школе. Но процент оказался непреодолимой преградой. Гидулянов и К° еще при жизни Кассо сообразили, что под флагом объединившего все верноподданные народы патриотизма и без отмены процента при содействии молдаванского покровителя можно будет постричь обрезанных и евреек. Быстро соорудили за подписью профессоров-юристов прошение о разрешении устроить в Москве частный юридический институт[181] для лиц обоего пола и без процента, институт, окончание курса в котором давало бы право держать государственный экзамен в университете. Кассо помер, не успев дать предприятию своего последнего благословения, и утвердить проект пришлось на днях Игнатьеву. Преподаватели в новоявленном институте предполагаются те же, что в университете. «Успех» нового «вольного» университета главным образом зависит от того, выхлопотали ли учредители право жительства для своих слушателей. Познышев или Гуляев в роли жидовского батьки, какое пикантное зрелище! Если удастся набрать человек пятьсот на курс и назначить приличную плату, хотя бы только рублей в двести, то можно сделать недурной гешефт и в придачу доказать широту и терпимость русского консерватизма. — Когда юридические курсы Полторацкой осенью просили о разрешении принять евреек-юристок, бежавших из немецких университетов, то получили отказ. На этих курсах есть преподаватели из числа ушедших.

1 февраля, воскресенье масленой. Вчера вечером видел Мартынова, который сообщил удивительные вещи о Венгловском. После смерти

молдаванина приподнялся край завесы, прикрывавшей доносительские и лжедоносительские подвиги его назначенцев. Молдаванин оказался патроном чрезвычайно коварным. От своих рабов-назначенцев он ждал писаных, собственноручных доносов, и эти грязные документы он не предавал уничтожению, а в некоторых случаях даже передавал директору департамента на хранение в качестве полуофициальных бумаг. Один из таких клеветнических доносов выплыл теперь на свет Божий и грозит потопить Венгловского в его собственной грязи. Оказывается, еще в конце 1913 года на медицинском факультете поднялась речь о сверхштатном профессоре по ушным и горловым болезням. Решили просить о его назначении без выборов. Главным кандидатом намечали Малютина. Малютин предпринял некоторые шаги и явился к попечителю, попечитель спросил его, на чьи рекомендации он может опереться. Малютин назвал Спижарного, Мартынова. Попечитель возразил: «Нет, вы назовите мне кого-нибудь из профессоров-академистов. Могут ли дать о вас сочувственный отзыв Головин или Савельев?». Малютин замялся и сказал, что не может дать совершенно определенного ответа, тем более, что Головин и Савельев стоят далеко от его специальности. Попечитель запросил Головина и Савельева о Малютине. Мартынов показал мне их ответы. Я догадываюсь, что Малютин побывал у Головина и Савельева и просил их поддержать его кандидатуру. Ответ Головина очень благоприятен Малютину и не говорит ни слова о его политических взглядах и поступках. Отзыв Савельева тоже благоприятен Малютину, но не ограничивается медицинской оценкой, а заключает в себе еще указание на политическую беспартийность Малютина. Но отзывы не помогли, Малютин назначен не был. Кассо остановил свой благосклонный взор на каком-то А.Ф. Иванове. Почему? Дело раскрылось только теперь. У Малютина есть связи с директором департамента Вильевым, тем самым, которому Кассо иногда передавал доносы московских назначенцев. Вильев недавно рассказал Малютину, что он не был назначен профессором из-за доноса, посланного Венгловским Кассо, и показал самый донос, писаный рукой Венгловского, даже позволил снять копию с доноса. Я видел копию. Донос написан на официальном бланке института топографической анатомии, но в форме частного письма. Лев Аристидович зовется высокочтимым. Подпись чрезвычайно подобострастна, но кое-где проступает почтительно-наглая фамильярность зазнавшегося лакея! Венгловский бьет тревогу. До него дошли слухи о том, что назначение Малютина уже почти состоялось. Если так, то в их медицинскую овчарню в овечьей шкуре пробрался волк, который сумел обмануть Головина и Савельева. Малютин — левый, человек способный на «политические предприятия», близкий к покойному Муромцеву, свой человек в либеральных и еврейских кругах Москвы. И без того назначенным профессорам нелегко закрепить свое большин-

ство на факультете. Тут Венгловский начинает фантазировать, врать и клеветать, как истый агент охранки.

Профессора-медики делятся на три группы: пражская группа [2-](левые смутьяны)[-2], виляющие, надежные академисты. Для душонки этого подлинного мерзавца характерна лютая ненависть к профессорам по выбору, и к профессорам «с традициями», т.е. старым, даже к таким, как Снегирев и Губарев. В надежные академисты из таких попали только Митропольский и Никифоров. В Митропольском «академисты» горько ошиблись: он оказался «с традициями» и между прочим возмущен сопричислением своим к лику надежных. Любопытен отзыв о Березовском: виляет, потому что по выбору. Венгловский и здесь врет: Березовский определенно правый человек и нисколько не виляет, но он, кажется, честный. Молдаванина доносчик просто морочит и хочет запугать. Он изображает дело так, как будто касьяновцы с трудом поддерживают свое большинство на факультете: для этого он зачисляет в левые Фохта, Шервинского, Поспелова, которые не принимают никакого участия в делах факультета. Всего курьезнее и наглее причисление к пражской группе попечительского брата Тихомирова. С другой стороны, Венгловский причисляет к надежным Муратова только потому, что он назначенец, хотя по словам Мартынова Муратов старается держать себя чем дальше, тем приличнее (по словам Мартынова, и Головин не оправдал возлагавшихся на него правыми надежд, старается держаться в стороне). Венгловский всячески рекомендует Иванова и, действительно, сделал его профессором. В клеветническом доносе много хныканья, жалоб на тяжелое положение назначенцев, на бойкот, под которым они живут, на трудность находить хороших ассистентов и ординаторов, на скудость профессорского жалованья (понимай: на отсутствие хорошей практики; в доносе со злобною завистью говорится, что Малютин весь ушел в частную практику и не занимается наукой). Наглый Венгловский, кстати, доносит и на одного из крупных чиновников министерства, имея в виду Вильева, который мирволит Малютину. Но здесь прохвост сел в лужу: Кассо передал донос именно Вильеву, а Вильев разумеется, сохранил его для потомства.

На днях на медицинском факультете предстоят выборы директора ушной клиники. Малютин получил глупое анонимное письмо, будто бы от расположенной к ному пациентки, которая предостерегает его от вредных ему интриг против Иванова и Венгловского; письмо, конечно, желает запугать врагов Иванова и написано какою-нибудь женщиной из круга назначенцев. Венгловский знает, что попался, и держит себя с бесстыдством сыщика, толкует о выкраденном частном письме и о своей близости к покойному министру. — Я очень терпим, даже слишком терпим, но не знаю, можно ли подать руку подобному «коллеге». Какое ароматное наследство оставил после себя Léon Victor Constantin.

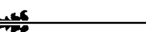
6 часов вечера 1 февраля. Сейчас вернулся от ректора, который приглашал членов нашего факультета, так сказать, по высочайшему делу. Временный ректор Юрьевского университета Крашенинников, по одним известиям полоумный, а по другим холопствующий, а может быть то и другое вместе, в конце прошлого года внес в филологический факультет своего университета предложение сделать государя доктором русской истории. Уже в Юрьеве предложение вызвало возражения и по форме, и по существу. Почетные доктора выбираются в факультете и совете и утверждаются министром за выдающиеся ученые труды. Еще в декабре Таубе, управлявший министерством, вызвал Любавского к себе и назвал юрьевское предложение симпатичным, но прибавил, что возведению государя в доктора лучше бы исходить от Московского, а не от Юрьевского университета. Любавский сразу указал ему на трудность такого возведения, а вернувшись в Москву предложил устроить взамен съезд профессоров русской истории, чтобы составить всеподданнейший адрес с указанием благотворности высочайших забот о разработке русской истории и к 25-летию царствования подготовить обзор успехов русской историографии за эти 25 лет. Тем временем назначили нового министра, который и сообщил государю на докладе о том и другом предположении. Государь сказал: «Приятно иметь докторский значок, но уж очень пахнет Гинденбургом[*1]», и отдал предпочтение московскому проекту. Любавский внесет соответствующее предложение в ближайшее факультетское заседание и созвал нас с тем, чтобы заранее разъяснить нам дело.

Он воспользовался случаем, чтобы разъяснить нам великие заслуги Лейста по упорядочению университетского хозяйства в виду близости его выборов. Но его защита была мало убедительная.

Кроме профессоров Любавский пригласил еще Готье; значит он уверен, что Готье в очень близком будущем станет членом факультета.

3 февраля, вторник. Сегодня Огнев говорил, будто в петроградском «Дне» были напечатаны некоторые документы из архива Денисовой насчет продажи профессур при Кассо. Верно ли это, я не знаю. Он же сообщил, что Кассо не поцеремонился еще с одним своим ставленником, Поляковым, недурным терапевтом. После своего назначения Поляков заверял, что он совсем не знает, чему он обязан своим счастьем. А Кассо возьми да и перешли официально в факультет все делопроизводство о назначении Полякова. В этом делопроизводстве оказалась униженная

[*1] Гинденбурга после Soldau все немецкие университеты выбрали своим почетным доктором — *вписано в конце страницы. (имеется в виду разгром 2-й русской армии в битве при Танненберге в Пруссии в августе 1914 г.)*

просьба Полякова к Кассо о назначении в сверхштатные профессора. Счастье разъяснилось.

5 февраля. Легкомысленный московский депутат М.М. Новиков, один из «ушедших» приват-доцентов, по словам вчерашнего «Русского Слова», беседовал с новым министром о возможности возвращения уволенных и ушедших. По-видимому, слова министра переданы с обычным для репортеров пошловатым искажением; но и из репортерского изложения видно, что министр не дал решительно никаких обещаний, хотя проявил ни к чему не обязывающую благожелательность. «Русское Слово» все-таки с обычной развязностью поторопилось устроить интервью, которое напечатано сегодня. Верно ли переданы беседы, не знаю, но по-видимому, без очень большего вранья. Мануилов, Мензбир, Минаков, Сербский сказали, что ничего не знают о своем возвращении; Мензбир раздраженно прибавил, что еще в 1911 он подал в отставку из причисленных и что его связь с университетом, в котором ничего не изменилось, потеряна навсегда. Попечитель Тихомиров, Любавский, Лейст, Гидулянов злобно доказывают невозможность возвращения уволенных и ушедших; ответ Грушки, если он передан верно, мягче: Грушка упомянул, что возвращение возможно только путем широкой амнистии. Суетливость «Русского Слова» смешна и никчемна. Но по лицам касьяновцев прошли вероятно сегодня очень кислые гримасы.

С войны последние дни нехорошие вести.

6 февраля, пятница. Членам Психологического общества разослано приглашение уплатить неуплаченные членские взносы и дать что-нибудь взаймы в виду постигшего общество финансового кризиса. Циркуляр жалуется на сокращение подписки в связи с войной. Я видел секретаря общества Н.Д. Виноградова. Он говорит, что подписка вовсе не сократилась, и что кризис наступил совсем от других причин. «Вопросы»[182] всегда приносили убыток тысячи на две в год. С 1905 года этот убыток покрывался Маргаритой Кирилловной Морозовой. А недавно она неожиданно заявила, что несет теперь большие расходы на свой лазарет и больше не может давать обществу субсидий. Виноградов прибавил, что по догадкам злых языков дело тут не в одном лазарете. Недавно в «Вопросах» была полемика между Евгением Трубецким и Лопатиным по поводу недавней книги Трубецкого о Соловьеве[183]. Трубецкой был очень обижен замечаниями Лопатина и отвечал очень раздраженно, почти грубо. Маргоша очень уважает Лопатина, но Трубецкой ей еще дороже. И вот будто бы она, обидевшись за Трубецкого, решила больше не давать денег на выходящие под редакцией Лопатина «Вопросы». Лопатин и Трубецкой были большие друзья, и Лопатин благородно поместил в «Вопросах» резкий ответ Трубецкого.

10 февраля, вторник. На факультетском заседании Кузьмич внес несколько напыщенно написанное предложение о созыве на пасху в Москве съезда русских историков для поднесения благодарственного адреса государю (за его заботы о русской исторической науке) и для подготовки какого-нибудь подходящего коллективного труда к 25-летию царствования.

Один прыткий молодой человек, Константин Смирнов, кончивший в Харькове и учительствующий в Петербурге, подал прошение об оставлении его при Московском университете по кафедре философии; прошение написано весьма льстиво для Лопатина и Челпанова, и они растаяли. Но по моему настоянию им предложили сделать обычное представление об оставлении этого юнца при университете, коли они находят это желательным, а прошение постановили в делопроизводство факультета не включать. Захворавший воспалением легких М.М. Покровский просит разрешить курсистке Е.В. Фрейберг посещать лекции и семинарии классического отделения; это, как я слышал от многих, очень дельная девица и весьма удивительная своим хорошим знанием древних языков. Но Соболевский восстает против «баб», с которыми неприлично читать нужных авторов, например, Аристофана. Его ублажили, и постановили уведомить начальство, что факультет не находит препятствий к удовлетворению ходатайства.

Обнаружился курьезный случай. Просит о продлении срока оставления при университете Ю. Ильин. Любавский говорит против удовлетворения просьбы и объясняет почему. Этот Ильин был оставлен весной 1912 Любавским по просьбе Богословского, тогда уезжавшего в Казань в председатели комиссии. Осенью Богословский с изумлением видит, что оставлен не тот Ильин, о котором он просил. Оказывается, было два Ильина, которые должны были держать государственный экзамен. Но тот Ильин, за которого просил Богословский, к экзамену не приступал, а держал экзамены только тот Ильин, за которого Богословский и не думал просить. Любавский их спутал. Делу все-таки дали ход, тем более, что и Ю. Ильин студент был сносный. Но за эти два года он никого не извещал о своих занятиях, и ему просить о дальнейшем оставлении было назойливо. Отказали.

Челпанов прочитал отзыв о магистерской диссертации Зеньковского, киевлянина, о психической причинности[184], отзыв благоприятный. В.Н. Ивановский к отзыву присоединился, диспут будет в воскресенье.

В «Дне» действительно были напечатаны документы по ведомству Кассо, но они не имеют отношения к университетам. Это пять писем пресловутого Бартольди к г-же Денисовой. Из оных явствует, что сия госпожа имела большой вес при раздаче мест, командировок и прочих благ, и что щенок Бартольди обладает большой наглостью. Он пытался

бороться при Денисовой даже с Таубе и Шевяковым и теперь получил двухмесячный отпуск.

14 февраля, суббота. Сегодня университетский совет собрался только для того, чтобы принять предложение о созыве византийского съезда профессоров русской истории. Кузьмич, который не смеет пикнуть о скандале с Венгловским, тут старается во всю: вчера он созывал частное профессорское совещание других факультетов для разъяснения всей важности дела о съезде. Совет продолжался полчаса, Богословский предложил созвать кроме профессоров русской истории еще профессоров русского права, и это предложение было принято советом к большому удовольствию Филиппова.

16 февраля, понедельник. Сейчас мне звонил из «Русских Ведомостей» Н.В. Сперанский. Оказывается, сегодня скончался Ф.Е. Корш. Ему недавно сделали операцию (аппендицит). Говорили, что ему стало лучше. Но очевидно стариковское сердце не выдержало. Лукавый это был человек, но по существу хороший, удивительных способностей и знаний и в то же время без той цельности и сосредоточенности, которая необходима для того, чтобы быть человеком крупным. В последние годы он потянулся к украинству и выказал здесь благородный, большой, может быть даже излишний либерализм.

18 февраля, среда. Сегодня хоронили Корша. Народу в церкви было много, была проповедь на арабском языке, евангелие на панихиде читал серб, был венок из колосьев от какого-то малорусского общества. Из Петрограда от академии приехал Шахматов. В церкви ко мне подошел Мартынов и сказал, что в будущий четверг у П.М. Попова предположено небольшое собрание, на которое зовут меня. Предполагают поговорить о деле Венгловского.

19 февраля. Вчера был на женских курсах, на заседании о занятиях будущего года. Я было предложил провести в преподаватели кончающего магистерский экзамен Косминского, о котором очень просил меня и Петрушевский, но наткнулся на неожиданное и решительное противодействие декана Хвостова, который указал, что семинарии по всеобщей истории в этом году пустовали, и что в новом руководителе сейчас нет никакой надобности, и слишком уж усердно выдвигал необходимость беречь финансы курсов. С ним пришлось вести не очень приятный разговор. Но эта неприятность была меньше той, которая произошла по поводу Петрушевского. Он в будущем году предполагает приезжать в Москву раз в две недели на два дня и хочет возобновить преподавание на Выс-

ших женских курсах. Это очень хорошо. Но приятели переусердствовали. Вчера Кизеветтер, не потрудившийся сам явиться на заседание, прислал письменное предложение, чтобы Петрушевскому исходатайствовали дополнительное вознаграждение на проезды из Петербурга в Москву. Это очень щекотливое предложение. Иногородний преподаватель, при прочих равных условиях, менее ценен для школы, чем преподаватель, живущий в том же городе. Петрушевский не единственный преподаватель, живущий в Петрограде. Там живет и Тураев, ученый крупнее Петрушевского. Можно ли давать проездные деньги Петрушевскому и не давать Тураеву? Правда, Тураев должен приезжать в Москву и помимо курсов, потому что у него есть должность в Музее изящных искусств. Но ведь и Петрушевский должен приезжать в Москву помимо курсов, потому что у него есть в Москве жена, дети и квартира. И в довершение неловкости, приятели, особенно Покровский, запросили несоразмерно большую сумму, 600 р. за 12 поездок. Говорили об этом предложении долго, но сдержанно. Я не раскрыл рта. Историческая группа решила внести предложение о 600 рублях в факультет, откуда оно должно пойти в попечительский совет. Враги Петрушевского могут причинить ему большие неприятности. И если даже предложение благополучно пройдет, сколько пищи для злословия! Боюсь, что приятели оказали здесь медвежью услугу.

27 февраля, пятница. Донос Венгловского стал известен студентам. Ректор, боясь беспорядка или просто того, что какой-нибудь пылкий медик даст Венгловскому пощечину, запретил ему читать лекции. К ректору ездили толковать о доносе — Лопатин, Корсаков, П.М. Попов. В результате бесед ректор послал письмо Малютину, с просьбою сообщить копию письма, которую Малютин и сообщил. Посещавшим ректор сказал, что он доложит о деле попечителю и министру, а Вильеву пошлет запрос о подлинности письма. Ректор будто бы даже просил, чтобы ему было подано заявление от каких-нибудь профессоров по поводу доноса. Вчера вечером состоялось совещание у П.М. Попова, на котором был и я. Присутствовало 15 человек: хозяин, Корсаков, Огнев, Чирвинский, Маклаков, Северцев, Егоров, И. Каблуков, Котляревский, Гензель, Н. Каблуков, Лопатин, я, К.А. Андреев. Долго говорили о том, как действовать и какую подать бумагу. Только И.Каблуков считал затруднительным подавать заявление, ввиду того, что письмо венгловское есть частное письмо. Поучительно, что молодые — Котляревский, Гензель, Егоров, я — оказались осторожнее людей более пожилых; осторожен был и Северцев. Четверо — Огнев, Лопатин, Северцев, Котляревский — выработали проект обращения, который затем был рассмотрен и установлен. Сегодня его уже разносят собравшимся для подписи. Постараются привлечь и другие подписи; всех подписей надеются собрать около тридцати. В заявлении говорится, что Венгловскому

приписывают письмо о Малютине. Если это письмо подлинное, то его написание есть факт этически недопустимый, возмутительный, и значение этого факта усугубляется тем, что в письме упоминается и о других подобных письмах. Ректора просят выяснить вопрос об авторстве и содержании письма и обращают внимание ректора на то, что подобные письма создают в университете очень тяжелое положение.

Что выйдет из этого заявления, я не знаю. Но отмежеваться открыто, официально от людей доносящих, сочувствующих доносителям и даже от людей, боящихся публично осудить донос, становится необходимо. Сегодня спрашиваю Богословского, подпишет ли он заявление, и он с эпическим спокойствием отвечает мне: надо будет спросить у Матвея Кузьмича.

Сегодня Бочкарев читал две вступительные лекции. Относиться к нему нужно очень снисходительно: ведь он почти слепой, совсем не может читать и берет все памятью, которая у него удивительно цепкая. Сегодня он приводил на память сотни цифр. Голос у него зычный, есть темперамент. Но по содержанию лекции элементарны и рассчитаны на неприхотливых слушателей. Признали удовлетворительным.

Вчера было факультетское заседание на Высших женских курсах. Декан сообщил о ходатайстве исторической группы о прогонах для Петрушевского. Сейчас же указали, что в таком случае надо просить о прогонах для Тураева и запросить Сакулина, не согласится ли он приезжать в Москву, если ему дадут прогоны. Все три ходатайства будут внесены в попечительский совет. Это — хороший урок для тех, кто поднял вопрос об одном Петрушевском. Говорил мне про заседание Егоров.

На юридическом факультете черные собираются совершить новый подвиг — учредить Научное Юридическое общество, конечно в пику замершему «ненаучному» Юридическому Обществу.

4 марта. Сегодня Маклаков передал ректору заявление о Венгловском. Пока набралось только 19 подписей. Это вовсе не значит, чтобы нельзя было набрать их больше. Но просто спешили с передачей заявления. Прошлый четверг Венгловский продолжал оправдываться перед студентами, заверял, что письмо подложное. Но какой-то студент сказал ему, что он лжет и смазал его по физиономии трупной губкой. Снегирев присоединился к заявлению с особым мнением, прося ректора выяснить, как посланное министру письмо попало в профессорский руки, и созвать для обсуждения всего этого дела частное профессорское совещание.

6 марта, пятница. В «Русских Ведомостях» сегодня напечатан полностью донос Венгловского, но без указания на имя автора. Малютин и Иванов отмечены инициалами М и И. Кто дал газете копию, я не знаю.

7 марта, суббота. Сегодня в «Русских Ведомостях» напечатано заявление 20 профессоров о Венгловском, [1-]но без указания на Венгловского и без подписей[-1]. Опять таки не знаю, откуда газетчики его достали, прочие газеты перепечатали из «Русских Ведомостей» донос, причем некоторые прямо указали на Венгловского. В одной вечерней газетке даже привели некоторые сведения из его биографии, не знаю точные ли. Полностью прописан в некоторых газетах и Малютин.

Сестра Малютина сегодня сообщила, будто Вильеву уже предложено подать в отставку за разглашение секретных бумаг.

10 марта, вторник. Сегодня Огнев говорил, что во вчерашнем заседании медицинского факультета декан не хотел слушать даже о частном факультетском совещании по поводу малютинского дела. В кругу назначенцев раскол: не все желают признать себя «академистами без традиций» и «почтительнейшими слугами». Муратов подписался под заявлением 19; кажется и Поляков собирается заявить, что Венгловский напрасно причислил его к своим.

Перемышль сдался вчера; это особенно приятно после большой неудачи англичан в Дарданеллах.

11 марта, среда. Сегодня в «Русских Ведомостях» сообщено, что пять профессоров-медиков (Муратов, Поляков, Голубов, Райский, Рыбаков) подали ректору письменное заявление. Они заявляют, что о содержании и даже о существовании «сенсационного документа» ничего не знали, и что обращение автора письма к министру от имени группы профессоров-академистов они считают недопустимым. Голубов человек правый и старый, бывший захарьинский ассистент; но ему стало противно молчать, допускать, чтобы его считали сподвижником Статкевича и Венгловского.

На наш факультет пришло разрешение министра путем рекомендации выбрать второго штатного профессора русской истории. Сегодня будет факультетское заседание, на котором Любавский и Богословский сделают представление о Готье. Будут экзаменоваться Лясковский и Косминский; Косминский кончает свой магистерский экзамен.

Вечером. Косминский сдал свой экзамен, отвечал дельно, но вяло; он вообще медлительный, а на этот раз был медлительнее обычного, и Каблукову показался серым. Он, правда, очень устал, потому что за короткое время сдал три экзамена. Ему приходится торопиться с приват-доцентурой, не то его заберут в солдаты, и на Фоминой он будет читать пробные лекции. Лясковский отвечал не очень удачно по своей крайней нервности. Сверх того Иван Иванович Иванов уличил его в том, что он держит в руках конспект своего вопроса (а у нас принято

отвечать без всяких пособий) и заставил его пережить несколько очень неприятных минут; поставили только удовлетворительно.

Представление о Готье было прочитано в то время, когда мы экзаменовали в другой комнате. В начале заседания долго говорили об отсрочке диспута Зеньковского; захворал второй оппонент Ивановский. Челпанов задумал провести диспут по-татарски в Вербное воскресенье, заместив Ивановского Шпетом; по этому поводу он, сказавший немало глупостей, выслушал немало неприятных вещей. Диспут отложили до 6 апреля.

Воскресенье Вербное, 15 марта. Сегодня в «Русском Слове» сообщение, будто министр признал дело Венгловского частным делом (в министерстве в делах не нашли письма), которому не дадут ходу. Еще в «Русском Слове» известие о том, будто Малютин подал в отставку, потому что не считает для себя возможным служить после того, как предложили подать в отставку Вильеву.

Среда, 18 марта. Сегодня был у ректора по одному благотворительному делу. Он только что вернулся из Петрограда, куда ездил на заседание Русского Исторического Общества. Видел он и министра, который говорил действительно приблизительно то же, что ему было приписано в «Русском Слове». Беседа была с глазу на глаз. Откуда газеты угнали про ее содержание ? Очевидно, министр проговорился. Любавский выразил по этому поводу свое удивление Куломзину, у которого был с визитом. А Куломзин посоветовал не удивляться, потому что яблочко от яблони недалеко падает. Папенька, Н.П. Игнатьев, тоже был очень ласков, обходителен, разговорчив. Но он же был очень хитер и свободен в обращении с истиной. В Константинополе его звали Ментир-паша**, а в Петербурге маркизом Враль-до-нельзя.

В «Московских Ведомостях» 11 и 15 марта появились в связи с делом Венгловского очень ядовитые статьи о профессорах Московского университета за подписью Родион Серебрянский (по слухам это псевдоним, за которым скрываются два или три сотрудника). Обличение ведется не с политической, а с нравственной точки зрения. Изображается, как «запаршивели» московские профессора. Всех больше — и поделом — досталось Озерову и Статкевичу. Краски сгущены, но немало и правды, к великому стыду для университета. Я говорю об этих статьях со слов Любавского. К «запаршивевшим» причислен и Венгловский, который продает свои политические убеждения.

Пятница, 20 марта. Котляревский сегодня говорил мне, что недавно беседовал с Гидуляновым. Гидулянов рад истории с Венгловским, по-

** mentir (франц.) — лгать, искажать.

скольку она снимает с Гидулянова подозрения в нашептывании Кассо. Гидулянов сообщил, что доносами занимался и один естественник, которого он не назвал; это, скорее всего, Плотников.

Гидулянов заверяет, будто это он, Гидулянов, уговорил Кассо оставить на пять лет Спижарного и Карузина; а то Венгловскому очень хотелось сесть на место Спижарного.

Кизеветтер, по словам Котляревского, недоволен тем, что Любавский и Богословский проводят Готье в профессора. А Готье говорил мне, что беседовал с Кизеветтером о своей кандидатуре и выражал сожаление о невозможности для Кизеветтера стать профессором, и Кизеветтер признал, что ему, Кизеветтеру, едва ли в скором времени возможно будет вернуться в университет.

25 марта, среда святой недели. Сегодня был у меня Петрушевский и рассказывал (от кого он это слышал, не знаю), будто недавно не то Адрианов, не то Модль призвал е себе московских редакторов и заявил им: «Пишите о чем хотите, только имейте в виду три вещи. Ничего не пишите о деле Венгловского. Критиковать можно все, но критика должна быть аналитическая. Юмор вполне допустим, но юмор должен быть гоголевский!»

Да, юмор действительно должен быть гоголевский. А о деле Венгловского действительно писать перестали.

30 марта, воскресенье. Профессорам конфиденциально рассылают решение министра Игнатьева по делу Венгловского от 16 марта за № 1057 в ответ на представление ректора от 8 марта. «Переживаемое ныне грозное время требует от всех сынов отечества первейше памятовать о том, чтобы общими дружными усилиями одолеть врага и в этом содружестве совершенно предать забвению всякие интересы личного характера. Управляющий министерством питает твердую уверенность в том, что в самом непродолжительном времени будет донесено ему о полной ликвидации вышеупомянутого дела». Глупо, пошло, лицемерно и высоко непатриотично. Только очень плохой либо неприлично глупый патриот может говорить такие неопрятные слова под флагом патриотизма. Либо Игнатьев глуп, либо яблочко от яблони недалеко падает.

1 апреля, среда. Вчера я видел на женских курсах Огнева. Он сообщил, что в понедельник на заседании медицинского факультета декан прервал заседание и сообщил, что к нему поступило частное письмо от Венгловского, где Венгловский признает себя автором частного письма к Кассо и выражает сожаление о том, что в письме были допущены такие отзывы о некоторых членах факультета, которые этим членам по-

казались оскорбительными. Он берет эти отзывы назад и просит предать дело забвению. По-видимому, этот человек прямо-таки психозный с moral insanity**. Меня удивило, что по словам Огнева, даже некоторые правые профессора истолковали министерскую бумагу в смысле очень неблагоприятном для Венгловского, в смысле совета профессорам нравственным давлением добиться ухода Венгловского, и что именно в связи с таким толкованием ожидается частное совещание членов факультета. Я считаю такое толкование крайне сомнительным, и меня подкрепляет в моем недоверии напечатанное сегодня в «Русских Ведомостях» лицемерное и неопрятное обращение попечителя к студентам-медикам, бойкотирующим Венгловского. Попечитель грозит карами студентам и обзывает нравственно недопустимым и даже уголовно преступным поведение лиц, напечатавших частное письмо ради личных целей.

На вчерашнем заседании факультета баллотировали Готье. Он получил 13 избирательных и 2 неизбирательных; кто положил, не знаю, скорее всего Сперанский и Поржезинский, но может быть вовсе не они. Экзаменовался Троицкий по древней истории, хорошо; он человек уже на возрасте, не моложе 30 лет; он уже читал в духовной академии пробные лекции на доцента, но лекции кому-то показались недостаточно православными, и Троицкий, магистр богословия, поступил к нам простым студентом, и был оставлен Виппером. — Любавский говорил, что съезд профессоров русской истории и истории русского права прошел гладко; адрес государю по словам Богословского написан Любавским не раболепный (он еще не напечатан), ходатайство о периодических съездах русских историков возбуждено, причем на съездах будет и секция всеобщей истории[185].

6 апреля, понедельник. Вчера был на диспуте Зеньковского. Народу собралось человек побольше ста. Зеньковский недурно говорит, очень вежлив и обладает философскими способностями. Но Челпанов еще раз выказал свою серость, вульгарность языка и мысли. Ему бы управлять домом или сидеть в амбаре, а он профессор философии. Зеньковского он перехвалил свыше меры. Уже Ивановский, который возражал совсем больной и все-таки, конечно, говорил куда умнее и интереснее мариупольца, был много сдержаннее в похвалах. Неофициально возражал Шпет. Я в первый раз слышу его и остался им очень доволен. У него очень острый ум и голос. Спорщик он очень сильный и очень язвительный. Обнаружил превосходное знание современной немецкой философской литературы и сделал длинный ряд существенных и кусательных замечаний, на которые Зеньковский отвечал слабо, и не только от утомления. Челпановская оценка сильно потускнела. Насколько же

** moral insanity (англ) — нравственное помешательство.

сильна человеческая глупость, раз студенты не в силах раскусить простоты ума этого восточного человека.

Суббота, 11 апреля. Вчера на заседании факультета я имел разговор с Виппером о Троицком, который недавно приступил к магистерскому экзамену. Этот «кутейник»** — я умышленно употребляю это слово в приложении к сему господину — явился ко мне во вторник за программой для экзамена по средней и новой истории и заявил, что он нуждается и что ему приходится содержать брата; что Виппер просит меня назначить ему программу возможно более короткую (Виппер говорил мне только о том, чтобы не очень обременять Троицкого) и, наконец, что мою сокращенную программу Виппер пересмотрит с тем, чтобы узнать, нельзя ли ее сократить еще больше. Последнее заявление было почти чудовищное, и я очень вежливо отказался давать Троицкому программу и направил его обратно к Випперу. Виппер заявил мне, что не говорил Троицкому ничего подобного. Каков гусь этот семинарист! И как глупо обнажает он свою консисторскую неумытость, прежде всего во вред самому себе.

Экзаменовался В.К. Мюллер по истории недурно, он литератор и кончил не то 10, не то 11 лет тому назад и только теперь покончил с магистерским экзаменом.

Председателем комиссии (государственные экзамены начались у нас сегодня) в этом году у нас петербуржец Петров, почти мой ровесник, но уже в четвертый раз назначаемый в председатели комиссии, мне он понравился, человек умный, насмешливый, по-видимому сухой, по слухам строгий и точный ученый (испанист).

Да, я забыл записать, что в четверг 2 апреля читал пробные лекции Косминский. Ни Виппер, ни Иванов не удосужились явиться; правда, у Виппера больна жена, но у Иванова болеть некому. Косминский читал вяло, но по содержанию недурно и странным образом греческую лекцию лучше своей английской.

Среда, 15 апреля. Вчера обедал у Котляревского с М.М. Ковалевским, веселым, шутящим, неутолимо читающим лекции. Между прочим я спрашивал его о том, какие у него отношения с кассовскими профессорами-юристами в Петрограде. Он говорит: «да никаких, в факультете здороваюсь, но не разговариваю». А Ковалевский в отношениях с людьми человек очень уживчивый, по мнению многих даже неразборчивый. Ковалевский прибавил: «да и не стоит разговаривать». И указал, например, что эти обособленные и злобные своей отверженно-

** кутейник (презрит., устар.) — человек, принадлежащий к духовному сословию (от «кутья»).

стью господа голосуют даже против избрания в почетные члены крупных естествоиспытателей, по чистой злобе к предлагающим избрать. Ковалевский укоризненно сказал Удинцеву, своему бывшему слушателю: «как вам не стыдно голосовать против такого большого ученого (англичанина)». Удинцев возражает: «А чего вы не вошли с нами в переговоры? Я бы тогда удержал своих».

Суббота, 18 апреля. Сегодня пришло очень много народу на выборы помощника ректора. Лейст получил 38 записок, Познышев 9, Голенкин, кажется, 4, Кожевников 2, Статкевич 2, несколько человек по одной записке, в том числе Венгловский. Венгловского нет (а в последнем заседании медицинского факультета он был и держал себя как ни в чем не бывало), и потому отказаться от баллотировки он не мог; никому не поручил он и сообщить о своем отказе от баллотировки. Собственно говоря, его нужно было бы баллотировать. Долго препираются о том, баллотировать или не баллотировать. Райский говорит много глупостей. Корнилов, желая предотвратить баллотировку, громко заявляет, что он может поручиться, что Венгловский отказался бы от баллотировки. Даже Н. Каблуков и Андреев, конечно совсем по другим соображениям, считали возможным не подвергать Венгловского баллотировке, опираясь на заявление его друга Корнилова. Ректор предложил не баллотировать Венгловского, и против этого не возражали. Лейст согласился баллотироваться и получил кажется 59 избирательных и 25 неизбирательных. Одновременно выбирали Готье, который получил 75 избирательных и 7 неизбирательных.

В своих стараниях доставить Косминскому занятия в Москве, я просил за него Ушакова, который состоит деканом на курсах Полторацкой. Ушаков сообщил мне, что Рудаков успел забежать и там, просил Успенского выступить с ходатайством о нем. Успенский обещал, но потом благоразумно раздумал. Этот проныра сумел проникнуть и к Герье, и в разговоре с Ушаковым, к которому он тоже явился на поклон, отрекомендовался последователем Герье, противником «материалистического» направления и любителем исторической психологии. Когда Виноградов оказался бесполезен, то проныра открещивается даже от Виноградова.

Троицкий являлся во мне с повинной и выражал всяческие сожаления, не знаю в какой мере искренние.

Лейст после своего избрания произносил какую-то речь, которую я не слушал. А после мне сказали, что речь была хамская; Лейст заявил, что не придает большого значения большому числу неизбирательных шаров, что для него гораздо важнее сочувствие ректора, которое он сумел приобрести в полной мере.

Воскресенье, 19 апреля, 5 часов. Сейчас вернулся от Котляревского, где 7 профессоров (Котляревский, Н. Каблуков, Гензель, Мартынов, Гулевич, Егоров, я) говорили с московским депутатом М.М. Новиковым о возможности возвращения «ушедших» профессоров в связи с некоторым укреплением Игнатьева. Новиков почему-то возлагает на Игнатьева немалые надежды. Профессора разъяснили Новикову, что от теперешнего университетского совета ждать нечего, и что «возвращение» ушедших может быть проведено только сверху. Выяснили, что и со стороны ушедших могут возникнуть больше трудности; особенно Мензбир может ответить безусловным отказом. Есть предположение, что государь не любит Мануилова, и что Игнатьев не решится возвратить его. Новиков думает, что некоторые влиятельные октябристы не откажутся поговорить с Игнатьевым в надлежащем смысле. Решили поговорить с Мануиловым и Мензбиром. Обязались не проговариваться, молчать безусловно. Сумеют ли? Я думаю, что на Игнатьева никаких надежд возлагать не следует, и что из всего этого разговора ничего не выйдет. Дай Бог, чтобы я ошибся.

Суббота, 25 апреля. Вчера на курсах Полторацкой обсуждался вопрос о приглашении нового преподавателя по всеобщей истории. Егоров внес предложение о Косминском и не встретил возражений. Рудаков же осмелился сам предложить себя в преподаватели, причем называет себя учеником Виноградова и Ростовцева (я сомневаюсь в том, чтобы он прослушал хотя бы одну лекцию Ростовцева) и выражает готовность читать какие угодно лекции, о римской религии так о римской религии, об итальянском возрождении так об итальянском возрождении. Сверх того он прислал декану частное письмо, в котором развязно выражает свою уверенность, что для ученика Ростовцева найдется место на курсах Полторацкой. Такой наглости и такой глупости я все-таки от этого молодца не ожидал. Егоров отлично указал сему молодцу его надлежащее место, и в протокол заседания внесено постановление в том смысле, что само предложение противоречит добрым академическим нравам; кандидатура Рудакова поставлена не будет, и будет баллотироваться только Косминский.

Среда 29 апреля. На медицинском факультете выбирали директора ушной клиники. Интерес был в том, выберут ли поставленного Статкевичем Иванова. Выбрали, 27 голосами против 13. Что за человек Иванов, я не знаю.

Четверг 30 апреля, Вознесенье. Еще на святой я слышал от Петрушевского, что состоялось совещание «ушедших» профессоров относительно возможности и условий возвращения, и что этом совещании

странным образом Хвостов проявил наибольшую непримиримость. Сегодня я слышал от Д.Н. Егорова, что сегодня вечером соберутся у Устинова «ушедшие» приват-доценты. Странным образом «ушедшие» профессора не нашли нужным пригласить на свое совещание приват-доцентов, хотя младшие преподаватели ушли исключительно из желания поддержать профессоров; профессора даже не поторопились навестить доцентов о своих решениях или взглядах. По слухам Мануилов и Минаков охотно примут назначение; будто бы даже Вернадский, который приезжал из Петербурга на профессорское совещание, стоит за принятие министерского назначения. Но для меня совершенно неясно, на чем покоятся все эти надежды на министерскую благодать.

Я нахожусь в подавленном состоянии. В последние дни военные вести очень плохи (Галиция), даже позорны для нас (Курляндия).

Воскресенье 3 мая. Младшие преподаватели собирались у Устинова в четверг, но в очень небольшом числе, человек девять и почти все люди уже немолодые. Собрались они вовсе не для того, чтобы выслушать какие-нибудь сообщения со стороны профессоров, а просто для того, чтобы не отстать от профессоров, поговорить о том же, о чем, по слухам, говорили старшие. Разговоры были беспредметные; между прочим говорили, будто Вернадский заявил о своем намерении с осени вступить в число приват-доцентов Петербургского университета. Этому нелегко поверить. Вероятно он будет ссылаться на войну и патриотический долг. Но тогда почему же не вернуться и в Москву?

Косминский выбран сегодня в преподаватели на курсах Полторацкой единогласно 12 голосами (всего преподавателей на факультете человек около 20).

Вторник 5 мая. Вчера вечером было заседание факультета, на котором я прочитал отзыв о Егоровской диссертации. Событием было появление 78-летнего Герье, который благоволит к Егорову, и хотел оказать ему внимание. Из уважения к старику, которому очень трудно подыматься по лестнице, заседание было в необычном месте, в первом этаже. Герье не сделал никаких замечаний. Было еще два любопытных маленьких дела. Харьковский выученик, перебравшийся в петроградские учителя и выпросившийся в оставленные при нашем университете по кафедре философии, К. Смирнов, оказывается из молодых да очень ранним. Еще до своего оставления он забегал в министерство и вынюхал там, что имеются свободные деньги, оставшиеся от попавших в немилость кассовских заграничных стипендиатов. Смирнов, вовсе чужой Москве, выхлопотал себе министерскую стипендию, в то время как чисто московские оставленные сидят без стипендий.

Другой искательный человек — некто Марков, именующий себя деканом Тифлисских женских курсов, но даже не сдавший магистерского экзамена. Он просит о разрешении представить магистерскую диссертацию (по русской литературе), не подвергаясь устному испытанию на магистра. Такой случай в уставе не предусмотрен, и этому предприимчивому человеку ответили, что факультет не усматривает законных путей к удовлетворению ходатайства.

Да, Алмазов, по рассказам, непристойно вел себя в комиссии, когда экзаменовал по истории церкви. Девицы стакнулись не отвечать ему по истории русской церкви, он вышел из себя и услыхав еврейскую фамилию, спрашивает девицу — «Вы какого вероисповедания?» — «Иудейского». — «Так расскажите мне что-нибудь про жидов». Если это было так в точности (а рассказывал мне это сам ректор), то это перенос к нам одесской резины. Если девица была крепко-нервна и умна, то она могла начать рассказ про апостола Павла или даже про Христа.

17 мая воскресенье. В четверг 14 мая был диспут Егорова. За несколько дней до того я захворал и почти больной возражал. Народу было много, но почти исключительно курсистки. Иванов уехал в свой Белый дня за два до диспута, а Виппер не соблаговолил явиться. Вступительную речь Егоров говорил длинную и скучную. Я был с Егоровым очень любезен, но говорил слишком долго и, кажется, скучно. Сверх того, по неопытности, я часто говорил спиною к публике и лицом к Егорову, так что в аудитории было мало слышно. Любавский просил ценя кончать поскорее; я действительно проболтал больше 2 ½ часов. Егоров защищался недурно. Но сам Любавский говорил немногим короче меня, поболее 2 часов. Говорил он много резче меня, среди его возражений были и поверхностные, но были и вполне серьезные. Например, он остроумно и справедливо доказывал, что Егоров чрезмерно придирается к Гельмольду[186], находит чудовищные противоречия там, где с точки зрения простого здравого смысла нет ничего противоречивого. Но дальше Гельмольда Любавский не пошел. Несколько слов сказал И.А. Лебедев, не прибавивший ровно ничего к возражениям Любавского. Курсистки много хлопали Егорову.

Обед был в «Праге», без вина. А шампанское с фруктами было на квартире у Егорова, где я сидел очень недолго, потому что чувствовал себя больным.

25 мая понедельник. Я приехал на три дня в Москву во-первых сказать несколько слов в первом заседании Общества сближения с Англией[187], во-вторых, явиться на последнее заседание экзаменной комиссии и факультета. На английском заседании я удостоился чести говорить

вслед за Ковалевским, Родичевым, и Милюковым. Первые два говорили неважно. Милюков, для большой публики вероятно неинтересно, но для меня очень занимательно, потому что сообщил много новых мне сведений (я теперь не слежу за английскими газетами и журналами). Меня пригласили сказать несколько слов всего за три дня до заседания, и эти три дня я провел на Сенежском озере, так что совсем не готовился и не делал никаких справок; оттого я говорил пошлости, но с внешней стороны совсем прилично, я уже настолько постарел и сбезстыжел, что утратил страх перед аудиторией; а народу в Думской зале было много.

Комиссия прошла благополучно. Председатель в этом году (петербургский испанист Петров) был очень хороший, лучший из всех председателей, какие были до сих пор. Но две «ученых» девицы, знаменитая Ольга Рудченко и моя ученица Старосельская, по-бабьи ослабели и бросили экзамены на середине, бальзаковская Рудченко с обмороком, трагическим письмом к Богословскому и другими фокусами.

Неожиданно интересным вышло последнее факультетское заседание, которое состоялось вчера вечером. Во-первых, совершенно неожиданно попечитель не утвердил Бочкарева приват-доцентом; вот тебе и новый курс. Во-вторых, Челпанов получил изрядную взбучку, и от кого ... от Лопатина. У Лопатина уже было с ним два небольших столкновения, вчера было решительное сражение. Татарин, по слухам, снова хотел оставить при университете девять человек, но решился оставить только четверых. Он так небрежен, что о двух даже не написал представления. Лопатин заявил, что из этих четырех двух он совсем не знает, что третий на экзамене очень плохо отвечал о Шопенгауере, и только четвертый действительно одаренный человек, что Челпанов вообще оставляет при университете слишком много молодых людей, и что экспериментальная психология грозит подавить философию. Я поддержал Лопатина; Покровский тоже ополчился на Челпанова и говорил резко. Челпанов вилял, с Лопатиным был вежлив, со мною сначала не совсем, но после моего отпора сократился и стал приличен. Лопатин предложил Челпанову оставлять при Психологическом институте, а не при кафедре. Не знаю, надолго ли хватит урока; конечно, в последней степени неприятный Грушка, только что вернувшийся из Одессы, и недалекий умом Соболевский поддерживали Челпанова. Татарина постигла и другая неприятность. Он развел у себя столько оставленных молодцов, что ему и Лопатину стало не под силу экзаменовать их на магистра коллегиально; они в последнее время стали экзаменовать на манер тайной исповеди, один на один, что и было занесено в протокол. По этому поводу Покровский и я выразили свое недоумение. Челпанов опять отвечал вначале грубо, но потом был сокращен и заявил, что Лопатин и он решили больше наедине не экзаменовать.

Розанов недалеко ушел от Челпанова. Немногим менее бездарный, чем Челпанов, он торопится окружить себя стаей учеников. На крайне малолюдном романо-германском отделении он ухитрился в этом году оставить четверых. Впрочем, спешу оговориться: морально Розанов все же лучше Челпанова.

Сегодня уезжаю на лето на Сенеж.

Увы, наши военные дела очень плохи: немцы нас гонят и бьют. Трудно нам, неумытым, справиться с ними.

27 августа, 7 часов, четверг. Все перевернулось. Все, что было весною, было до потопа. Крах наступил. Ужас оказался много больше, чем я думал. Немец взял Галицию, Варшаву, все царство Польское, Курляндию, все наш крепости, и все идет вперед, а мы почти безостановочно идем назад. Позорная анархия наверху, позорная тупость, позорное взяточничество, которое у некоторых соединяется с предательством. Какие мы варвары и как ужасно будущее! Немец дошел до Западной Двины и собирается дойти до Днепра. Но нет ничего нелепого в предположении, что он может дойти до Петрограда и даже до Москвы. Сегодня было заседание факультета и там говорили о возможной эвакуации университета. Многомиллионный поток беженцев, созданный не только войной, но и фантастическими бреднями не то правительства, не то генерального штаба о запутошении всей занятой неприятелем территории на манер 1812 года, начинает приводить в ужас самих создателей этого плана; уже теперь они просят население по возможности оставаться на местах; скоро они, пожалуй, запретят населению непризывного возраста двигаться на восток. Снарядов становится больше, но их все еще мало, и мало кто знает, а может быть и никто не знает, станет ли их достаточно во время, чтобы не дать немцу либо разбить армию окончательно, либо довести тыл, неармейскую Россию, до полного развала.

Конечно, наглая система á la Щегловитов, Маклаков и Сухомлинов (предатель, [1-]последний, может быть, даже прямой предатель[-1]) пала еще в конце мая. Но уступки правительства очень незначительны. И назревает внутреннее столкновение правительства со всеми патриотами, даже с людьми 3 июня[188]. Что же будет, если поднимутся низы? Армия во время войны — великая молчальница; но заговорит ли она или, точнее, наиболее деятельные ее представители после войны, этого не знает никто. И в довершение смуты государь 25 августа отстранил великого князя Николая Николаевича, которому, несмотря на все неудачи, доверяла армия и тыл, и услал его на Кавказ, и сам стал на его место, хотя внушает к себе очень мало доверия. Встает призрак развала, голод дровяной, товарный. Слава могу, что урожай выдался, хороший. О будущем не хочется думать, так оно темно и страшно. Ходят слухи о

новой попытке вернуться к черносотенству, о мягком разгоне собравшейся 18 июля Думы. Трудно сказать, и насколько велики аппетиты немца. Какие мы варвары и как мы несчастны! Но отвратителен победитель. Союзники наши воюют плохо. На Балканах мерзость.

А скоро мы, преподаватели, начнем экзаменовать, читать, вести семинарии. Как все это кажется мелко, призрачно! И какая мелкота мои факультетские товарищи. Еле- еле налаживается в Петрограде и Москве союз «левого центра», от Савенки[189] до Милюкова, скрипит и, вероятно, согнется под черносотенною дланью, очень может быть для того, чтобы уступить место оппозиции совсем иного сорта. Нам, умеренным людям и все же образованным, казалось бы нельзя не чувствовать симпатии к этому компромиссу, отказу от партийности. А вот господа Любавский, Богословский, Лопатин говорят о торжестве партийности и вздыхают по какой-то диктатуре. Кажется, уже довольно было у нас всякой диктатуры, а к чему мы пришли? О старомосковское холопство! Вокруг везде несообразности, между прочим, с евреями. Они, конечно, шпионят на западе (т.е.шпионы на западе главным образом евреи, но разумеется число шпионов — ничтожная часть всего еврейского населения), их потому выселяют на восток, но в черте оседлости нет места, и потому расширяют черту оседлости, пускают евреев во все города, кроме столиц. Не смеют сравнять их с не-евреями в праве на поступление в высшие учебные заведения, и сочиняют для них ряд циркуляров, чтобы сделать уступку частичной, сделать право на поступление наградой за патриотизм, за родство с солдатом. Но сочиняют циркуляры так странно, что евреи оказываются в привилегированном положении сравнительно с не-евреями. Их велят принимать вне процентной нормы и вне комплекта, если они родственники солдата. Разрешили принимать в университет семинаристов, и потому поступление студентов в этом году даже больше обычного. К нам поступило на факультет около трехсот человек, да еще варшавских беженцев набралось человек двадцать пять. Юрьевский университет эвакуируется в Ярославль, в киевском занятия «отсрочены», вероятно «эвакуируют и его. Варшавский университет переносится в Ростов-на-Дону. Специальных учебных заведений тоже перенесено не мало. Перенесено на восток не мало фабрик и заводов! Конечно, разговоры о быстром приведении перенесенных фабрик и заводов в работоспособность есть ребяческий лепет. Но одним из последствий войны может стать некоторая индустриализация и коммерциализация, [1-]черта оседлости[-1], центра за счет западных окраин.

Стыдно и темно.

Лето я провел в имении Олениных на Сенеже. Там хорошо, было бы очень хорошо, если бы не позорная война. Старший сын Олениных был в Новогеоргиевске, судьба его неизвестна.

Суббота 29 августа. Забыл записать, что на факультетском заседании возвели в почетные члены Иконникова, киевского старика. В Киеве безумная и преждевременная паника. Сегодня в газетах известие об утверждении Готье экстраординарным. Готье, как и М. Хвостов, вместе со мною, в один год поступил в университет и кончил курс (1891—5). Он слишком обыватель и сух, но он свободен от старомосковского духа и постольку живее талантливого Богословского.

Воскресенье 30 августа. Любавский разбил профессоров на три группы[*1] для совещаний о ближайшем советском заседании. Гвоздь в следующем. Недавно Любавский получил письмо от петроградского ректора Эрвина Гримма. В письме между прочим сообщается, будто министр (Игнатьев) в частном разговоре говорил ему, Гримму, о неблагоприятных для Московского университета слухах: московские профессора будто бы хотят мира. Как сложились такие слухи? Я не знаю. Я читал летом в газетах, что министр запрашивал московского ректора Любавского, что сделано университетом для народной обороны. Можно ли видеть в запросе намек на то, что университетом сделано мало и что надо сделать больше? Не знаю. Может быть министр осведомлен о том, что в московском университете черное большинство и заключил отсюда (а может быть и из личных наблюдений над ректором и Кожевниковым, почему-то приглашенным на летние разговоры об университетском уставе), что многие московские профессора, как подобает истинным касьяновцам и черносотенцам, болеют полуявным германофильством и желают мира. Любавский всполошился. Пока царствовали Щегловитов, Маклаков, Сухомлинов, он не особенно торопился с изъявлением о непреклонном желании воевать до полной победы. Но голая и германофильская реакция рухнула перед германским нашествием, обнаружились вредные плоды трусливой, рабьей сдержанности ректора. И вот он заявляет о своем намерении произнести речь о невозможности позорного мира и о посылке государю соответствующей телеграммы. О внутренних реформах и о министрах, облеченных народным доверием, Любавский не заикнулся, ибо боится себя скомпрометировать, да и в душе сочувствует старому порядку. Сообщению о письме Гримма предшествовала длинная ректорская болтовня о положении на войне и о видах на будущее, болтовня обывательского типа, но с явным наклоном в сторону пораженческой психологии [1-]и бюрократического черносотенства[-1].

Сверх того, была профессорская болтовня о том, что могут сделать разные факультеты для обороны. Но суть совещания была, конечно, в

[*1] По-видимому, по приказу попечителя; Любавский сам полупризнался в этом — *вписано в конце страницы.*

сообщении о письме Гримма. Характерно, что Любавский ни на одно из совещаний не послал приглашения Гензелю, но не менее немецкий русский немец Мальмберг был на сегодняшнем совещании.

А на страну надвигается какая-то смута, темная, зловещая. Блажен, кто может сказать о себе: impavidum ferient**. В Москве мало топлива, и самые трусливые уже выезжают.

2 сентября. Трусость Любавского начинает быть противна даже его недавним клевретам. Вчера Грушка и Розанов резко осуждали его пораженческие речи. Они согласились со мною и в том, что особенно теперь, когда собираются разгонять Думу, совершенно немыслимо посылать телеграмму государю с простым заявлением о борьбе до победы. Ведь о письме Гримма знают только посвященные; ответ на это частное письмо должен быть тоже частным письмом. А при настоящем положении предположенная ректором телеграмма явится одобрением черного переворота и новым позором для Московского университета. Грушка хотел даже пойти усовещивать Любавского.

И некоторые правые юристы остались очень недовольны пораженческим тоном ректора и тем, что он сообщил явно неверные сведения о военно-промышленном комитете[190], который будто бы не готовит решительно никаких снарядов. — В какой-то газете сообщено, будто Мануилов утвержден профессором Коммерческого института; верно ли это, не знаю.

И надежды на хороший урожай разбиты. В юго-восточных губерниях во время уборки шли непрерывные дожди, и очень много хлеба пропало. А юго-западный край у нас отбирают.

3 сентября четверг. Думу, по-видимому, разгонят сегодня. Наш ректор, по-видимому, стал заниматься распространением ложных известий, даже из таких областей, где он по долгу службы обязан обладать безусловно точной осведомленностью. Он рассказывает всем о еврейском засилье при приеме, о том что на один медицинский факультет принято чуть не четыреста евреев. Сегодня в газетах известие, что на все факультеты принято 298 евреев. Этого свойства я за Кузьмичом еще не знал; необходимо принять к сведению.

Сегодня читал в университетской библиотеке. Видел там Иванова и Богословского. Иванов с приключениями доехал до Москвы из своего Белого и не мог достать комнаты в своем Петергофе; он еще больше прежнего ругает все русское. А Богословский превратился в самого ба-

** impavidum ferient [ruinae] (лат.) — «Развалины мира поразят, но не устрашат его» (Гораций).

нального черносотенца: винит во всех бедах Керенского, негодует на то, что инородны Чхенкели и Чхеидзе позволяют себе называть преступниками русских министров. А когда я ему сказал, что есть инородцы много опаснее и указал ему на немецкое засилье, он заявил мне, что все прибалтийские немцы лояльны и в доказательство сослался на барона Мейендорфа. И охота человеку говорить такие не только противные, но и глупые вещи. Вот оно, колокольное холопство. И это сословие еще зовется хранителем русских начал. О, саблерово стадо!

5 сентября суббота. Известия с войны ужасны. Есть опасность окружения виленской армии. Ее фронт прорван и с севера и с юга, немецкая кавалерия заехала ей глубоко в тыл и портит пути сообщения. Я вообще ничего не понимаю в том, что происходит у нас с конца апреля. Но изо всех ужасов всего ужаснее последние известия.

Сегодня совет. Выбирали выборщиков для избрания членов государственного совета от университетов. Правые наметили Любавского, Митропольского, Филиппова; левые Гулевича, Анучина, Лопатина. Но левые в сущности почти не сговаривались, и за их кандидатов было подано почти вдвое меньше записок. Баллотируются пятеро: Любавский, Филиппов, Митропольский, Гулевич, Огнев (за него подана одна записка, но он не явился и потому не отказался). Любавский получил 49 избирательных шаров и 16 неизбирательных; Филиппов 29 и 26, Митропольский 34 и 31, Гулевич 31 и 34, Огнев 30 и 35. Даже в такие грозные дни правое засилье остается в полной силе. Еще больше пыталось оно проявиться после баллотировки. Под давлением ректор отказался от посылки телеграммы государю и ограничился речью. Речь вышла лучше, чем я ожидал; главное, в ней есть русский патриотизм и живая ненависть к немецкому засилью. Ее приняли единогласно. Но потом подымается Снегирев и хочет, чтобы в предложенные ректором резолюции была вставлена еще одна: всякое участие в забастовке есть измена и предательство. В Москве со вчерашнего вечера не ходит трамвай, забастовали некоторые мастерские и еще что-то. Что это за забастовка, я не знаю. Сколько она продлится, я не знаю. Я решительно осуждаю ее, даже если она однодневная. Если же наши эсдечные тупицы и мечтают о большой всероссийской забастовке, то по результатам это страшно близко к измене. Но разве по результатам не близки к измене казнокрадство, бездействие власти в вопросах о продовольствии, топливе, беженцах? Если забастовка разрастется, она, конечно, приведет к краху. Но разве есть у нас уверенность, что при отсутствии каких бы то ни шло забастовок не наступит скорого краха? Разве старый порядок не заключал в себе всех условий краха и разве мы не подошли страшно близко к краху к началу сентября, когда еще не было и тени забасто-

вок? Если говорить о рабочих и называть все вещи своими именами, то надо говорить о Сухомлиновых, Мясоедовых, Маклаковых, Рухловых, о придворных немцах и немках и тоже называть все вещи своими именами, Конечно, Снегирев нашел себе энергичную поддержку: Голубов, Кожевников, Байков (Боже, что он молол и как длинно), Познышев (в этой клике он все же был приличнее других), Корнилов (это уже форменное сыскное отделение; он так поставил вопрос: пусть голосование выяснит, кто из профессоров против забастовки и кто за нее)*[1]. Против внесения добавки, а в случае намерения совета говорить о ней, за предварительное ее обсуждение в частном совещании, говорили Котляревский, Егоров, Мартынов, И. Каблуков, Озеров, Андреев, Лопатин, я, даже Брандт, даже Лахтин, Гулевич, Грушка. Кузьмич сообразил, что если не снять вовсе снегиревской добавки, то пойдет разговор об измене всякого рода, и собственною властью снял поправку. Трусливые черносотенцы не протестовали. Потом ректор стал делать доклад об участии университета в обороне. Я все это уже знал и потому ушел.

А Богословский сзади меня поучал Готье, как вся Россия как один человек должна объединиться вокруг Николая II, и Юрочка сочувственно поддакивал; а в разговоре со мною Готье заявлял, что Николай II по своим данным приблизительно то же, что Петр III.

И как бессмысленны все эти разговоры! Черносотенцы напирали на то, что голос Московского университета прозвучит громко и окажет влияние. Какая тупость! Силы покрупнее жалкого теперешнего московского университета что труха на току ужасной судьбы. И будь совет Московского университета во сто раз лучше теперешнего, раскассированного, все равно он был бы ничтожной пылинкой. Вещим было мое летнее июньское уныние.

В тисках предчувствия смятенная страна
Всей страшной истины принять не хочет,
Надежды бледным маревом себя морочит,
Избыть мечтает чашу, горькую до дна.
Но скоро прозвучит зловещий перезвон,
Приблизятся сражений дальних крики,
Забрезжит рано день суда великий,
Судья многоголовый станет на амвон.

* Еще Иван в кубе. Он говорил красно и с темпераментом. Но как он противен! Он осмеливается говорить об обнаженной груди, которую надо подставить немцам, он, который презирает Россию больше всякого немца. У Ивана есть по бесстыдству и цинизму общее с В. Розановым, только Иван, конечно, гораздо менее талантлив. — *вписано в конце страницы.*

13 сентября. Вчера было заседание совета, на которое я не пошел; взамен я с С. Веселовским с большим интересом разбирал расписки иноземцев в Архиве юстиции. Я был уверен, что в проректоры Кузьмич будет проводить тупого, сухого и злого Познышева. Так конечно и вышло. И стадо пошло за лисицей. Познышева выбрали 50 голосами против 17.

Но все это ничтожно и призрачно в сравнении с происходящим. Наши военные дела на юге лучше, но на московском и петроградском направлении плохи. А внутренний развал грозно растет. В Москве давно не хватает дров, угля, нефти. Несколько дней тому назад обнаружился недостаток сахара. Сегодня в первый раз в мясных нет говядины. О дороговизне я уже не говорю. Нет, здесь речь идет об абсолютной недохватке топлива и съестных припасов. С разных сторон приходится слышать удивительные и ужасные вещи о полном административном, особенно беженческом, продовольственном и железнодорожном развале. Всего отвратительнее, что к нему примешивается спекуляция хищных дельцов всякого размера. Умеренную оппозицию, высказавшуюся на последних московских съездах, по-видимому, решено задавить. Даже ближайшее будущее совершение темно. Я очень люблю Россию и в качестве историка я лучше всякого другого знаю, что мы все время отставали, что в теперешнем крахе нет решительно ничего неожиданного, что нет оснований впадать в полное отчаяние, что даже в случае военного разгрома и окромсания возрождение России не есть вещь невозможная. Но даже у меня временами обостряется презрение к отечественному пошехонству и холопству, к государственной и хозяйственной бездарности русского обывателя, русского хищника и русского чиновника.

15 сентября. Сегодня заседание факультета. Выборы декана. Пришло семнадцать человек. Лопатин и Соболевский получили по одной записке, я — три, Грушка — двенадцать. Баллотируется Грушка. Два голоса переданных, один — правый, другой — левый. Грушка получил тринадцать избирательных и пять неизбирательных. Готье, конечно, послушно побрел за табуном. После заседания я шел с Грушкой и очень любезно разговаривал; в политических вопросах он разговаривает теперь очень трезво, так что говорить с ним приятно. Были экзамены Лукина по русской истории (его последний магистерский экзамен) и Панова по всеобщей истории. Кубический Иван опять спрашивал не то, что читал экзаменующийся, а то, что знает он сам, Иван; между прочим обнаружилось, что по мнению Ивана Laon произносится Лаон; но Иван не противился тому, чтобы поставить Панову весьма удовлетворительно.

После десяти месяцев бездействия французы двинулись и за два дня взяли в плен 20.000 немцев. А в Москве второй день вчера и сегодня беспорядки у Страстного монастыря — оба дня столкновения ране-

ных солдат навеселе с городовыми, толпа заступается за солдат; в толпу стреляли; газетам о беспорядках писать не позволяют.

Молодой Виппер подал заявление о своем желании прочитать пробные лекции. Его мать опасно, очень опасно больна. Удивляюсь, как при такой обстановке не пропала охота готовить и читать лекции. Еще подал заявление о пробных лекциях бездарный муравей Захаров; пришлось назначить ему вторую тему. Сегодня читал пробные лекции В.К. Мюллер, который в 1904 жил в одно время со мною в Оксфорде, читал недурно. Но медлительность у него великая, равная викторовской.

Среда 23 сентября. Вчера было заседание факультета. Профессора невыносимо долго болтали о пустяках, не стоящих выеденного яйца, между прочим о том, позволить или не позволить бесцеремонному еврею Айхенгольцу приступить к магистерскому экзамену. Долго говорили и о магистерских экзаменах философов, образовавших настоящий затор. Челпанов снова должен был выслушать ряд неприятностей от Лопатина и Богословского; последний прямо предложил на некоторое время приостановить оставление философов при университете в виду их перепроизводства. Баллотировали ассистентов психологического института; в штатные Корнилова, в сверхштатные Рудика и Петровского. А под конец стали толковать о трех ассистентах, которые созданы на нашем факультете новыми штатами. После долгих разговоров решили отдать их кафедрам западных литератур, русского языка и всеобщей истории и в следующее заседание баллотировать на ассистентскую должность Брауна, Ушакова, Косминского.

И все эти слова и дела текут, как будто в мирное время. А сегодня тревожный слух о том, что Греция и Румыния отказываются помочь Сербии, на которую готовится напасть с тыла Болгария.

Пятница, 25 сентября. Вчера молодой Виппер читал пробные лекции по искусству. Я попал на вторую лекцию «О сходстве в портрете». Бобочка молодой человек очень способный, унаследовавший от отца красивый голос, интересность фразировки, pointes[**] в речи. Но он грубее и холоднее отца, зато доступнее. Его слушало много студентов и членов факультета, он имел успех. Но у него манерность, афористичность, courte haleine[**], и для молодого человека слишком большая самоуверенность. Впрочем, он уже читал год в университете Шанявского с большим успехом.

[**] pointe (франц.) — острота, игра слов.

[**] de courte haleine (франц.) — уст. краткий, недолгий; не требующий большого труда.

Вчера вечером был на Высших женских курсах на заседании факультета. Я никогда не хожу туда. Но в этот раз должны были говорить об увековечении памяти В.С. Протопопова, павшего в бою 3 июля. Хотят устроить историческую библиотеку его имени и просить на нее по 1000 рублей в год.

Суббота 26 сентября. Вчера состоялись выборы в Государственный совет от университетов. У «левых» оказалось значительное большинство: из 33 выборщиков за Вернадского подали голос 21. Кузьмич, судя по газетам, выступил вождем правых и ратовал против политических резолюций, странным образом утверждая, что избирательное собрание не место для голосования политических резолюций. Он старается изо всех сил, а начальство упорно равнодушничает. О, бескорыстное холопство!

Воскресенье 27 сентября. Наверху безумие, больное безумие. Уволены Самарин и Щербатов, на внутренние дела назначен Алексей Хвостов. Одолел Гришка; брошен вызов московскому дворянству и православному духовенству. На кого же хотят во дверце и в ставке опереться ? Ведь это дом умалишенных, и этот желтый дом в самую трагическую полосу русской истории управляет страной. И это терпят. И еще не нашлось трех-четырех штабных или конвойных офицеров, которые указали бы выход из позорного тупика. Быть под пятою Гришки! Как мы дряблы и жалки даже в сравнении с дворянством XVIII века!

Вторник, 29 сентября. В вечерних газетах известие с том, что Гришкин Варнава возводится в сан архиепископа, и что увольняется еще несколько министров, в том числе просветительный Игнатьев.

1 октября, четверг. Сегодня в вечерней газетке странное известие. Мобилизация университета (для обороны) все не налаживается. А между тем из министерства все спрашивают, что сделал университет. Ректор по этому поводу 5 октября будто бы созывает частное профессорское совещание. Ходят слухи, что он собирается подать в отставку.

Я склонен думать, что здесь все выдумано газетчиком, кроме того, что с так называемой мобилизацией университета не ладится.

4 октября вечером. Вчера вечером был на заседании экзаменной комиссии на Высших женских курсах. Там в первый раз на нашем факультете назначили свою комиссию. Казалось бы отрадное в истории высшего женского образования событие. Но сын Ментир-паши и здесь преподнес half and half**. Председателем комиссии он почему-то назначил

** half and half (англ.) — половинчатый.

не преподающего на курсах Челпанова, который перенес на курсы весь обычный состав университетской комиссии. Правда, все члены этой комиссии, кроме Брандта, состоят преподавателями курсов. Но на курсах есть видные преподаватели, ушедшие из университета в 1911, как Кизеветтер или Егоров, которым приятно было бы быть членами комиссии, и которых Челпанов обошел. Им неприятно и то, что экзамены будут производиться по университетским пособиям. А в довершение Челпанов проявил свою грубость. Он не счел нужным сделать визит курсовому декану Хвостову, даже хотя бы только поговорить с ним по телефону. Оттого поднялось недовольство. Егоров, а может быть и Хвостов, откажутся экзаменовать, и вместо праздника получатся будни и нелепые трения. Все это ужасно мелко в теперешние дни. Но уж очень мелки иные люди из ученой братии вроде нашего татарина и близких к нему.

Сегодня в университетской церкви была панихида по С.Трубецкому по случаю десятилетия со дня его кончины. Профессоров пришло всего человек десять. Коротка людская память.

Игнатьев разрешил Юридическому обществу собираться в Московском университете. Общество собралось, кажется, 1 октября, в первый раз после кассовского перерыва, и выбрало в председатели Каблукова (Каблуков председательствует и в Чупровском обществе). Я не знаю, уклонился ли Котляревский от избрания, или его не хотели выбирать. В президиуме юридического общества экономист Каблуков — единственный профессор Московского университета. А общество состоит при университете.

6 октября, вторник. Сегодня заседание факультета. Выбирали кандидатов в ассистенты, намеченных в предыдущем заседании, но только двоих, а не троих. С Брауном вышло новое бюрократическое осложнение, на этот раз по поводу пенсии, которую оказалось невозможно сохранить в случае получения им должности ассистента. Дело Брауна отложили и выбирали только двоих, Ушакова и Косминского. С искренним и к сожалению очень редким чувством удовольствия я должен отметить, что мои товарищи по факультету проявили полную корректность по отношению ко мне, человеку меньшинства. И Ушаков, и Косминский получили по 16 избирательных шаров и по 1 неизбирательному.

На наш факультет подана магистерская диссертация по русской истории одессита Флоровского[191]; в Одессе профессора русской истории Линниченко и Трефильев живут на ножах и Флоровский предпочел Москву. Богословский говорит, что книга недурная («Состав законодательной комиссии 1767—1774 годов»).

На женских курсах Огнев рассказывал про новый скандал на медицинском факультете. Статкевич не унимается. Он все еще не утратил надежды умножить свою клику и всячески протаскивает вперед одного совершенно

неприличного человека, некоего Головинского, который в бытность ординатором в Голицынской больнице подал донос на уважаемого всеми (недавно скончавшегося) главного врача Дерюжинского и повинен в разных других художествах. Теперь Статкевич хотел провести его на приват-доцента; Головинский в настоящее время ассистент Статкевича. В факультете читался отзыв о «трудах» этого доносчика. И оказалось, что «труды» полны ученого жульничества, прямой недобросовестности. На этот раз Статкевич провалился. Даже в теперешнем медицинском факультете только пять человек решились признать работы Головинского удовлетворительными. Вот эта позорная пятерка: Статкевич, Венгловский, Карпов, Вагнер, [2-]Корнилов[-2] и, кажется, Буйневич. Корнилов воздержался от голосования. Головинский не допущен до прочтения пробных лекций.

8 октября. Сегодня читал пробные лекции Захаров, бездарнейший трудолюбец. Сам или при помощи Рудакова, только он мобилизировал 78-летнего Герье, который явился защищать этого муравья от вражеских нападений. В защите потребность была. Первую лекцию, по своему выбору, Захаров читал о древнейшей культуре Греции. Он выбрал себе самую скучную и самую спорную сторону этой культуры, вопрос с расе, которая была носительницею древнейшей культуры и добросовестно, но в сумбурном и совершенно невразумительном порядке, изложил ряд теорий. Читал он совсем по-дьячковски, невнятной скороговоркой, так что доброй половины я просто не расслышал. Вторую тему дал я — о национальных имуществах в эпоху французской революции; эта лекция была гораздо удачнее потому, что не мудрствуя лукаво, Захаров изложил очень хорошую книгу Marion[192]; и прочитал он ее медленнее и внятнее. После лекции длинный разговор. Герье заступается за Захарова. Виппер резко отзывается о первой лекции и находит ее совершенно неудовлетворительною и, в крайнем случае, предлагает, чтобы факультет потребовал от Захарова повторной пробной лекции по древней истории. Герье взывает к человеколюбию и язвит: а вдруг Захаров напечатает свою лекцию, и все скажут — какие великие ученые сидят в Москве, что не пропустили такого добросовестного трудолюбца. Иванов говорит о том, как нехорошо убегать для магистерского экзамена в Петроград, где программа несравненно легче, но лекцию находит удовлетворительной. Я, с оговорками, тоже признаю лекцию удовлетворительной. Особенно горячо стоит за Захарова Соболевский. Он с демонстративным громогласием благодарит Герье за то, что тот своим приходом содействовал безусловно справедливой оценке молодого ученого.

12 октября, понедельник. Вчера нас собралось несколько человек — Котляревский, Каблуков, Егоров, Северцев, Мартынов, Гулевич, Андреев, я и М.М. Новиков — поговорить об университетских делах. Мануи-

лов утвержден в Коммерческом институте; сверх того, в одном частном разговоре Игнатьев не так давно выразил желание содействовать умиротворению Московского университета. Но в разговоре с Новиковым Игнатьев держал себя очень осторожно и заявил, что он может предпринять что-нибудь для возвращения Мануилова в Московский университет только в том случае, если соответствующее ходатайство поступит от самого университета. Но от теперешнего совета было бы смешно ждать повторного ходатайства. А сверх того и положение Игнатьева теперь очень пошатнулось, он уже подавал прошение об отставке, которое пока не принято. Решили просить Новикова вместе с Е. Ковалевским снова обратиться к Игнатьеву с просьбою о назначении в сверхштатные сверху, причем в подкрепление просьбы предоставить две записки. Одну — с очень коротким изложением университетских ходатайств 1911 года о возвращении трех уволенных профессоров, ходатайств, на которые не последовало никакого ответа; другую — с объяснением тех условий, вследствие которых в настоящее время развращенный и извращенный молдаванином совет не может помочь в этом деле.

Маленькая, но характерная мелочь. Старик Андреев, теперь почти потерявший голос, бывает у Рота. У Рота после апоплексии осталась афазия** и несвобода движений, он не может больше заниматься практикой. И вот он, богатый человек, домовладелец и непримиримый ушедший, решает хлопотать о том, чтобы ему выдавали пенсию не за 25 лет, как до сих пор, а за 30, т.е. на 600 рублей больше. Какое унижение из-за каких-то 600 рублей, без которых именно он и его семья могли легко обойтись. Андреев взялся схлопотать это дело, составил записку, отнес ее к ректору, и, надо отдать ректору справедливость, ректор горячо поддержал просьбу, которую направили в министерство. И вот на днях, за подписью Новикова, пришел из министерства ответ в том смысле, что министерство не усматривает достаточных оснований к удовлетворению ходатайства.

Вторник, 13 октября. Вчера было заседание медицинского факультета, на котором шла речь о Венгловском. Студенты четвертого курса решили не слушать этого доносчика, и Венгловский сам облегчил студентам выполнение этого намерения. Венгловский, конечно по указке Статкевича, провел в свехштатные экстраординарные профессора своего собственного прозектора Старкова, это совершенно исключительное у нас совмещение профессорства с прозекторством. Мой брат-хирург хорошо знает Старкова и говорит, что это человек способный и знающий, но совершенно бессовестный. Статкевич и Венгловский уверены,

** афазия (мед.) — расстройство речи.

что Старков будет послушным рабом, но ошиблись. Факультет, предвидя возможность осложнений, поручил Старкову читать параллельный курс. Все пятьсот студентов четвертого курса записались к Старкову, который пытается перекраситься и вступать в разговоры с Котляревским и Северцевым. Тогда Венгловский заявляет, что он в качестве директора института оперативной хирургии не может предоставить у себя места для старковских занятий. Как тут быть? Предприимчивые студенты снаряжают депутацию в Петроград, к Игнатьеву. Игнатьев милостиво разговаривает с ними и обещает решить все дело в два дня. И действительно решает его в два дня. Вчера на факультете было прочитано министерское предписание предоставить в распоряжение Старкова половину помещений института и об исполнении предписания довести до сведения министра. Факультет конечно исполнил предписание.

Кассовцам и черносотенцам медицинского факультета в последнее время вообще не везет, летом у них умер Никифоров, а недавно Губарева хватил апоплексический удар. Они наивно думали, что колесо истории остановилось.

Четверг 22 октября. Сегодня собралось семь профессоров у Андреева. Котляревский прочитал проект записки о желательности возвращения уволенных троих. После исправлений решили подписать ее в будущую пятницу у Андреева. При случае Новиков покажет ее Игнатьеву. Но положение Игнатьева теперь весьма шаткое; да и в готовность Игнатьева сделать то, чего от него ждут, я совсем не верю. Я вообще всю эту затею считаю совершенно пустою, никчемною.

Новиков рассказывал удивительные вещи про товарища министра Шевякова. Шевяков гейдельбергского воспитания, был в Гейдельберге приват- доцентом и экстраординарным профессором, там сдавал и докторский экзамен. Перед экзаменом явился к своему учителю Bütchli и говорит: «За докторский экзамен надо заплатить четыреста марок, а у меня их нет. Как быть?». Bütchli высоко ценил способного Шевякова, сложился с одним товарищем и дал Шевякову взаймы четыреста марок. Шевяков сдал докторский экзамен, стал русским ординарным профессором, стал русским товарищем министра, но своего долга в четыреста марок все еще не уплатил. Уже товарищем министра он явился к Bütchli потолковать об устройстве семинария в Гейдельберге для русских профессоров, но о долге ни полслова.

Прошлую пятницу ходил на заседание исторической комиссии при так называемом учебном отделе, заседание было в память Протопопова. Очень тепла и интересна, хотя несколько преувеличена была характеристика, присланная с фронта Кончаловским; хорошо говорил Е.Г. Браун, интересно, но слишком приподнято Егоров. Остальное слабо.

Суббота 31 октября. Вчера ходил к К.А. Андрееву. Было человек десять. Устанавливали окончательный текст никчемной записки о возвращении троих М. М.М. Новиков собирается показать эту частную записку Игнатьеву, хотя министерские дни Игнатьева по-видимому сочтены. Собравшиеся решили подписать записку, которая составлена в очень осторожных выражениях, но конечно в глазах нового Кассо может почудиться служебным проступком. Обещали не разглашать записки, но боюсь, что кто-нибудь проболтается. Из не бывших ранее были Спижарный и Ив. Каблуков. Ив.Каблуков проявил обычную многоглаголивость и медлительность ума, чтобы не сказать туповатость.

Вечером было заседание отделения Чупровского общества; первая половина заседания была посвящена памяти Протопопова, говорил Егоров, на этот раз много проще и лучше; говорил я, не знаю как, скорее всего плохо; немного говорил Удальцов.

Вторник 3 ноября. Вчера мне звонил Андреев и с видимым удовольствием сообщил, что Жуковский согласился подписать наше заявление. Я удивился и порадовался, и потому что подпись Жуковского отымает у нашего заявления всякий партийный характер, и потому, что я очень люблю повышать свое мнение о человеке; Жуковский подписался главным образом потому, что ему очень хотелось бы вернуть в университет Чаплыгина, своего любимого ученика.

Сегодня на факультетском заседании были неприятные сцены. Покровский поднял истерию со своим протеже, выкрестом Раппопортом, которого будто бы несправедливо лишили хорошей стипендии; но оказалось, что у стипендиальной комиссии были серьезные основания обидеть Раппопорта. Затем декан поднял вопрос о диссертации Шамбинаго, которая была представлена в поправленном по указаниям рецензентов виде еще в прошлом октябре. А между тем министерство установило шестимесячный срок для представления отзывов о диссертациях. Сперанский ответил, что у него был разговор с Шамбинаго еще тогда, когда тот собирался подавать поправленную диссертацию. Сперанский говорил о своей занятости и о том, что он не сможет представить отзыв о ней к казенному сроку, а Шамбинаго обещал не торопить его. Лопатин обиженно заявляет, что его и Челпанова торопили с диссертацией Викторова; почему же Сперанский пользуется льготой? Юрочка Готье, который по-видимому и подговорил декана двинуть это дело, горячо стоит за возможно скорое представление отзыва о диссертации. Сперанский заявляет, что он просит о том, чтобы факультет заслушал не общий отзыв двух оппонентов (Сперанского и приват-доцента Орлова), чтобы оба оппонента представили отдельно свой отзыв; вместе с тем он заявляет, что не поспеет к следующему заседанию пред-

ставить обстоятельный отзыв. Голосованием Сперанского обязывают представить отзыв в следующем заседании; а чтобы как-то золотить пилюлю, ректор обещает на неделю освободить его от профессорских обязанностей в виду срочности поручения. В чем тут дело? Ведь Сперанский очень прилежен. Дело по-видимому в том, что Сперанский относится отрицательно к книге Шамбинаго, но не находит в себе смелости прямо заявить об этом, тянет дело и хочет разделить ответственность с Орловым. Я не одобряю его поведения.

Держал магистерское испытание Фортунатов по новой истории, так себе. На сей раз Иванов был милостив и не возражал против того, чтобы поставить весьма удовлетворительно; должен признаться, что я несколько покривил душою, ставя высокую отметку, в значительной мере из уважения к Степану Федоровичу.

Виппер с 14 октября взял себе отпуск; его жене стало хуже. Она умерла сегодня. Только что я был у него с Поржезинским и с моей женой; он держится мужественно и трогателен; его сын — сухарь, читал сегодня лекцию в университете Шанявского, через три часа после смерти матери.

Д.Н. Егоров представил докторскую диссертацию; ее отдали на рассмотрение мне и Любавскому.

Среда 4 ноября. Сегодня был на панихиде по Настасье Васильевне Виппер. В газетах не нашли нужным поместить объявления. Как он одинок. Из товарищей были только Поржезинский, Покровский, С.Ф. Фортунатов. Из молодежи никого. И частных знакомых почти не было. Ему будет очень тяжело, потому что они были на редкость привязаны друг к другу. Но он удивительно владеет собой.

Пятница 6 ноября. Вчера был на похоронах жены Виппера. За гробом из дому шло всего десять человек, считая родных. В том числе четверо из моей семьи. В газетах не было объявлений об ее смерти. В церкви Новодевичьего монастыря собралось еще несколько человек, отчасти потому, что Бобочка женится на Щенковой (собирались венчаться в воскресенье у постели умирающей, но она умерла раньше чем думали). Было похоже на то, как хоронят беженцев или людей, скоропостижно умерших на чужбине.

Воскресенье, 8 ноября. Сегодня узнал из газет, что вчера возле университетской церкви кто-то задавил старика Тарасова, и что он плох. По человечеству старика жаль, но человек он был недалекий и черный; имел впрочем замечательное свойство: чем больше пил красного вина, тем становился здоровее.

Понедельник, 9 ноября. Сегодня звонит мне по делу Егоров и, между прочим, с негодованием сообщает, что по сообщению «Вечернего Времени» вчера состоялась свадьба Бобочки Виппера и Щенковой. Я свободен от предрассудков, весьма холоден в семейственных чувствах и очень дурного мнения о людях. Но такой деревянности я не ожидал. Какое зверье! Еще тверже буду держаться правила nil admirari**. Через три дня после похорон матери, которая ходила на все лекции этого чурбанчика.

Вторник 10 ноября. Из газеты и из беседы с Огневым узнал о последнем заседании медицинского факультета. Венгловский написал Игнатьеву донос на Старкова, который будто подымает против Венгловского темные студенческие силы. Игнатьев вызвал Старкова к себе и после беседы с ним предписал факультету, чтобы институт топографической анатомии целиком был отдан в заведование Старкову. Тогда Венгловский прислал заявление о том, что обремененный работой в военных госпиталях, он отказывается от чтения лекций по топографической анатомии. Кроме того, Чирвинский начал было разговор о том, что в канцелярии медицинского факультета он застал Статкевича над протоколом комиссии, рассматривавшей работы Головинского, статкевического прозектора. В газете Чирвинскому приписаны слова: у Статкевича карандаш плясал по бумаге. Огнев передает, будто в заседании факультета Чиервинский говорил о прямой подчистке протокола. Чирвинский в канцелярии выразил свое негодование, Статкевич ответил ему бранью. В заседании факультета трусливый декан Митропольский остановил Чирвинского, не позволил говорить и Статкевичу, на том основании, что поднятый ими вопрос не подлежит ведению факультета. Это конечно глупость. Вопрос о сохранности протоколов факультетской комиссии конечно подлежит ведению факультета; факультет не только может, но и обязан обсуждать поднятый вопрос.

Виппер сегодня звонил моей свояченице и очень удивился тому, что мы знаем о бобочкиной свадьбе: он не читал газеты. Он пытался оправдывать неприличную торопливость тем, что покойная хотела свадьбы в воскресенье. Но ведь в промежутке покойная умерла, воображая все время своей болезни, что она выздоравливает и поздравит молодых. Какая грубость души!

16 ноября, понедельник. С разных сторон я слышу весьма нелестные для Випперов слова. Некоторые объясняют неприличную торопливость со свадьбою даже тем, будто сын торопился обеспечить за собою приданое влюбившейся в него купеческой дочери: одна подруга сооб-

** nil admirari (лат.) —ничему не удивляйся.

щила, будто у молодых уже появился дом на Плющихе. А то родители невесты будто были против свадьбы. Я совсем не верю этим злым языкам. Мне хочется твердо верить, что отец и даже сын, безусловно, выше таких соображений. Но что их поведение подает повод для самых злых пересудов неприязненно настроенным людям, это верно.

Среда, 18 ноября. Вчера было заседание факультета. Выбирали секретаря. Соболевский получил 12 записок, я — 4, Розанов, Брандт и Готье по 1. Все, кроме Соболевского, отказываются. Соболевский получает 12 избирательных и 6 неизбирательных шаров. Он произносит речь, в которой выражает недоумение, чем недовольны в его деятельности шестеро положивших налево и чем плохи его протоколы. Что это, шутка или злоба недалекого человека? Розанов, за отказом Брауна, предлагает в старшие ассистенты по своей кафедре В.К. Мюллера; никто не возражает, баллотировать будут в следующий раз.

И, наконец, отзывы о диссертации Шамбинаго. И отзыв Сперанского и отзыв Орлова очень длинны, заняли часа полтора. Те, которые ждали от Сперанского резко отрицательной оценки, сильно разочаровались или очаровались: отзыв кисло-сладкий, но снисходительный. Сперанский закончил тем, что он не решается высказать окончательного суждения и предоставляет факультету решить вопрос о допуске к диспуту. Орлов чрезмерно восхваляет способного, но легкомысленного Шамбинаго. Богословский, Готье, Брандт, Розанов, заступаются за Шамбинаго. Декан выражает удовольствие но поводу того, что повидимому вопрос о диссертации разрешится благополучно и спрашивает, возражает ли кто против допущения к диспуту. Не возражает никто, и диспут назначается на декабрь.

Сегодня был на собрании у Андреева, где слушали сообщение Новикова о его шагах в Петрограде. Игнатьев благосклонно выслушал и принял обе записки, сказал, что это он способствовал назначению Мануилова штатным профессором Коммерческого института тем, что дал Шаховскому благоприятный отзыв о Мануилове, но прибавил, что теперешний политический момент решительно неблагоприятен для решения этого деда. На другой день у Игнатьева со сходным ходатайством были М.М. Ковадевский, Ольденбург, Васильев, которые были выслушаны столь же благосклонно и получили столь же уклончивый ответ. Новиков возлагает немалые надежды на Евграфа Ковалевского, которого он посвятил в дело и который, в качестве воспитанника московского университета, отнесся сочувственно к ходатайству и обещал оказать на министра посильное давление. Е. Ковалевский считается одним из кандидатов в товарищи министра просвещения или даже в министры. Я по-прежнему считаю дело безнадежным.

Воскресенье 22 ноября. В четверг был на факультетском заседании женских курсов. Недавно Герье пожертвовал курсам капитал своих первых частных курсов, около ста тысяч рублей, на учреждение стипендий, в том числе трех стипендий оставляемым при курсах, по тысяче рублей. Но эти деньги он передал в городскую Думу с тем, чтобы стипендии выдавал городской голова по представлению соответствующих факультетов. По-видимому, Герье несколько обижен на теперешнюю администрацию курсов за недостаточное к нему внимание. Со своей стороны, директор курсов и наш декан Хвостов обиделись на Герье за выбранное им направление дара и решили не благодарить Герье до тех пор, пока из городской Думы не придет извещение о пожертвовании. А бумага все не приходит. У подобострастных почитателей Герье — Любавского, Грушки, Богословского — не вытерпело сердце и они повели атаку на Хвостова с тем, чтобы факультет возможно скорее изъявил Герье свою благодарность. Хвостов упирался, но его робко поддержал только Покровский. Пикантно было, когда Егоров вытащил из кармана копию заявления Герье о пожертвовании, заявления неведомого декану, и прочитал в назидание присутствующим (Герье при составлении правил о стипендиях советовался с Егоровым). По предложению Богословского решили отправить к Герье благодарственную депутацию с адресом, составление которого поручено Егорову и мне.

Я представил к оставлению очень способную, к сожалению не очень молодую девицу Старосельскую, и тут столкнулся с неприятным положением оставляемых. Слушательниц оставляют при курсах, но ученую степень они могут получить только в университете, а потому должны держать магистерский экзамен в университете. Среди же оставляющих преподавателей есть ушедшие из университета в 1911 году, и вот они попадают в обидное положение: они оставляют и назначаются руководителями занятий, а магистерская программа дается профессорами университета. Виппер всегда дает одни и те же вопросы, которыми Егоров очень недоволен. Егоров усмотрел даже злой умысел со стороны Виппера, стремление давать девицам, не знающим греческого языка, большое количество греческих источников. Я думаю, что здесь вовсе не злой умысел, а рутина. Богословский уже отверг два вопроса из двенадцати, данных Кивеветтером знаменитой Рудченко. Мое положение легче, потому что я состою одновременно и на курсах, и в университете.

Слушательницы, оставленные Петрушевским, отправились за программой в Петроград, где экзамен много легче. Одна по них, мне неизвестная, но по слухам весьма серая и великовозрастная дама, Оловянишникова, уже приступила к экзамену. Егоров говорил мне, будто на каком-то экзамене она отвечала очень неудачно, так что ее попросили придти еще раз. Верно ли это, я не знаю.

Вторник, 24 ноября. Третьего дня было собрание Общества сближения с Англией в Думе[193]. Народу было очень много, скверный оркестр играл гимны, но было гораздо менее торжественно, чем в мае. Председательствовал Мануилов, но на эстраде кроме докладчиков и председателя совсем не было видных людей. У распорядителей бестолковость: например меня, кажется единственного человека на эстраде, сносно говорящего по-английски, не познакомили ни с кем из официальных англичан, которых впрочем было очень мало. Говорили Котляревский, Дживелегов, Вяч. Иванов, Новиков и я. Дживелегов был прямо плох, сравнивал английский взгляд на государство с немецким, без малейшей оригинальности, длинно и нудно. Новиков говорил на очень специальную тему — об английских натуралистах. Зато Вяч.Иванов был широк, говорил о том, что Германия есть Китай, Кант — кенигсбергский китаец, что две срединных империи — Германия и Китай — несут с собой дехристианизацию, что им должна противостоять в Азии двуединая белая христианская империя, Англороссия, что Англия уже на пути к превращению в державу по преимуществу азиатскую, что обратившаяся в христианство Индия должна сокровищами своего духа обогатить жизнь христианского мира. Все эти фантазии говорились очень докторально и красиво. Котляревский по обыкновению был очень благодушен, оптимистичен, уравновешен и прекраснодушен. Я говорил о взглядах англичан на войну и мир, по общим отзывам нескучно. Под конец позволил себе дерзость, прочитал собственный Сонет, который был одобрен Вяч. Ивановым, может быть, только из любезности.

Должен был говорить еще В.Маклаков, но не соблаговолил приехать из Петрограда.

В общем, наши московские сближатели из международного дела пытаются устроить домашнее и кружковое, так что даже Котляревского и меня приглашают не без колебаний, ввиду нашего «оппортунизма».

Карлыч Саблер перекрестился в Десятовского[194] и по сегодняшним газетным слухам намечается в преемники Игнатьеву. Созыв Государственной Думы отсрочили по крайней мере до января. На черносотенном съезде бывшие министры Щегловитов, Маклаков, Макаров открыто говорят о необходимости возврата к тому, что было до 17 октября, и государь шлет этим революционерам справа сердечную благодарственную телеграмму. Русский человек все стерпит.

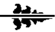
27 ноября, пятница. Из постановления нашего факультета на женских курсах вышла буря в стакане воды. Получаю повестку об экстренном заседании советской комиссии, членом которой я состою. Являюсь. Народу необычно много. Приглашены даже два посторонних лица, Д.Н. Егоров и Любавский. Выясняется, что месяц тому назад в послед-

нем своем заседании, на котором я не был, комиссия рассматривала вопрос о пожертвовании и единогласно постановила не благодарить Герье, пока не придет извещения от Думы. А Чаплыгин сообщает, что Дума даже еще и не приняла дара, а только сдала его в комиссию о пользах и нуждах, которая еще не удосужилась представить доклад. Декан Хвостов в факультетском заседании ничего не говорил о постановлении комиссии, и я был очень удивлен тем, что услышал. В постановлении нашего факультета медики, естественники и отчасти Чаплыгин усмотрели фронду, поход против совета. Шатерников произнес по этому поводу негодующую речь и даже нелепо оспаривал право факультета выступать отдельно с благодарностью в данном случае; даже декан Давыдовский поддержал его, и Чаплыгин выразил им осторожное сочувствие. Богословский энергично отстаивал право факультета на самостоятельное выступление, а я указал на неосведомленность многих членов факультета относительно постановления комиссии, и предложил комиссии пересмотреть свое решение и выступить с благодарностью одновременно с факультетом. Хвостов и Чаплыгин поддержали меня, но Шатерников упорно заявил, что раз Герье сам выбрал странный путь, то должен нести последствия своего выбора, не рассчитывать на скорую благодарность. Я предложил для устранения формальных трудностей добыть копию журнала того заседания думы, на котором было сделано заявление о пожертвовании. Я не мог дождаться конца, потому что мне надо было спешить в университет, к французам. Но сегодня слышал, что несмотря на некоторые трения, вопрос о главном разрешился благополучно, комиссия постановила пересмотреть свое решение.

Французы вот какие. В Париж недавно приезжали какие-то румынские ученые. И по любезным и по политическим соображениям им решили отдать визит. Немцы с болгарами теперь отрезали южный путь, и пришлось совершать нелепо длинный, с французской точки зрения прямо чудовищный, северный объезд. Нашлись три героя: Lacour-Gayet, средней руки историк; Gaboty средней руки журналист, Charles Richet большой ученый. Наш лектор Lannes, в качестве председателя Alliance française[195] выхлопотал у ректора большую богословскую аудиторию для двух вечеров conférences, конечно, с благотворительной целью. Ректор известил всех профессоров и особо тех, кого считал способным побеседовать с гостями, в том числе меня.

Профессоров пришло человек 12, но в беседе участвовало человек шесть. Публики много, но больше взрослые и французы, учащейся молодежи совсем мало. Ректор произнес приветствие и по-русски и по-французски, с семинаристским выговором. Да, был и попечитель, с которым я первый раз в жизни имел частную беседу; он ломался, но оказался знающим по-английски. Lacour- Gauet низенький чистенький

старичок; говорил о битве при Марне, торжественно, старомодно, с приподнятым пафосом, но для специалиста слишком популярно; правда он должен был применяться к аудитории, в значительной мере дамской. Gaboty приземистый, плотный южанин, на вид лет 45, говорил о настроениях французского общества, просто, уютно, местами остроумно; в частном разговоре он приятный собеседник, мы говорим о балканских делах. Richet высокий, по-юношески стройный старик, изящный по виду и по манере говорить, рассказывал об успехах авиации, чрезмерно элементарно, но очень тонко и красиво. Гостям предложили чай и фрукты; был английский вице-консул Lockhart, с которым меня познакомили. Он даже для англичанина очень моложав и человек приятный, бывалый, объездивший весь свет. Вероятно, придется сделать ему визит.

4 декабря. Вчера был на заседании факультета женских курсов из-за оставления Старосельской, и неожиданный образом моя инструкция для Старосельской прозвучала резкой критикой на петроградские порядки. Оловянишикова, которая держит магистерский экзамен в Петрограде, прислала программу своего экзамена. И что же оказалось? В программе всего восемь вопросов, а в Москве дают пятнадцать (прежде давали 18). В программе нет ни одного вопроса по древней истории, а в Москве вопросы распределены равномерно между древней, средней и новой историей, и я включил в инструкцию совет немедленно приступить к изучению греческого языка. В довершение убожества три из четырех оловянишниковских вопросов только воспроизводят те три темы, которые поочередно обсуждаются на семинарии Петрушевского (Germania Тацита, Lex Salica, происхождение немецких городов). Значит, Оловянишникова, выдержав магистерский экзамен, будет знать не более того, что она выучила на курсах; а она еще считает себя специалисткой по средней истории. В программе новой истории есть два нелепых вопроса: английская революция, французская революция.

Дело с адресом Герье на факультете улажено.

Сегодня мы выдавали дипломы курсисткам, выдержавшим государственный экзамен. Это событие, потому что это первая комиссия на курсах. Но председатель Челпанов и здесь сделал бестактность: он назначил это заседание не на курсах, а в университете. Почему он это сделал, я не знаю. Присуждено 46 дипломов: 3 романо-германисткам, 21 историчкам и 22 словесницам.

Четверг 10 декабря. В понедельник вечером выдержавшие государственный экзамен курсистки пригласили экзаменаторов и преподавателей на вечерний чай в курсовую чайную. Я первый раз в жизни пошел на такое собрание в виду экстренности случая. Угощали по-дамски,

нежно, но несущественно — торты, конфеты, фрукты. Читали адреса Чаплыгину и Челпанову. Обнаружилось, что Чаплыгин очень благоволит к Челпанову; это странно и пикантно, ведь Челпанов несомненно обидел курсы неглижированием декана Хвостова, но я недавно имел случай в разговоре с Чаплыгиным убедиться, что особо теплых чувств к Хвостову он не питает. Курсистки были очень приветливы. Я сделал глупость, читал стихотворение и на середине забыл его, осрамился, но потом припомнил. Егорова не было; я думал, что это демонстративное отсутствие, но он мне после сказал, что его задергали в Коммерческом институте, где судили проворовавшегося студента.

Вчера было в университете заседание факультета, неинтересное; выбрали В.К. Мюллера в старшие ассистенты, 12 голосами против 2.

Петрушевский привез из Петрограда слух, будто П.Г. Виноградов желает вернуться в Россию на постоянное житье и хлопочет об избрании себя штатным академиком.

Суббота 12 декабря. Вчера был диспут Шамбинаго. Народу в богословскую аудиторию набралось огромное количество. Не знаю почему, может быть ждали скандала. Но все обошлось как нельзя более мирно и скучно, Шамбинаго сказал довольно интересную вступительную речь. А потом Сперанский стал читать шестопсалмие, стал вычитывать с листиков все свои возражения подряд. Он странный человек, в разговоре живой, нередко веселый, не односторонний, но при всяком публичном выступлении высыхает, преображается в скучнейшего начетчика. Странным образом Орлов на этот раз тоже высказал все свои, правда, очень короткие возражения подряд. Оживление наступило только тогда, когда из публики выступил оставленный при университете Б. Соколов, сын нашего покойного декана, и стал с почтительным задором выставлять серьезные возражения. Шамбинаго отвечал ему решительнее и удачнее, чем своим официальным оппонентам.

Шамбинаго устроил хороший докторский обед у себя на квартире. Он понимает в кулинарном деле и одно время был директором литературно-художественного кружка по гастрономической части (спешу оговориться, что по слухам, в кружке кормили неважно). Шамбинаго человек веселый, общительный, и на обеде была ученая братия, было два актера, был композитор Василенко. К сожалению, я должен был уйти рано, спешил в Чупровское общество, где читался первый ученый доклад Косминского о Hundred Rolls[196]. Я явился в девять часов и боялся опоздать, потому что заседание назначено в восемь. Но оказалось, что председатель Петрушевский ухитрился явиться половину девятого и даже мало извинялся. Я уговорил присутствовавшего товарища председателя Кизеветтера начать заседание без Петрушевского. Доклад был

дельный. Любопытно, что Петрушевский, который является специалистом по средневековой Англии, не сказал ни одного слова по существу доклада, и что все «английские» замечания свелись к моим словам, хотя я специалист по новой истории. Кизеветтер и какой-то статистик говорили о русских аналогиях. Народу было до постыдности мало — человек десять — двенадцать.

А сегодня я первый раз в жизни был у Чаплыгина, обсуждали вместе с А.Б. Фохтом и Б.К. Млодзеевским приветствие Герье от совета. Лишний раз убедился в том, как скучны и мелочны профессора. Особенно мал Млодзеевский, между тем по общим отзывам талантливый математик; и раньше как-то по-польски обидчивый и самомнительный, он после своего «ухода» в 1911 стал каким-то недотрогой, любующимся на каждый свой пустяк, раздувающим муху из слона. А.Б. Фохт, старик живой и бодрый, привыкший к застольным речам, привез проект приветствия, который и был принят с изменениями; но оказалось, что он не совсем ясно представляет себе значение слова гуманный. Чаплыгин очень хороший и привлекательный человек, но без всякой риторической или лирической струны, необходимой во всяком чествовании. Всего страннее была серьезность, с которою они обсуждали это выеденное яйцо.

13 декабря, воскресенье. Сегодня утром состоялось посещение Герье советской и факультетской депутацией. Прочитали два адреса, с чувством и с расстановкой, Герье отвечал речью, медленной, старчески медленной, но все еще умной и местами ядовитой, с горечью говорил о моменте, когда курсы закрылись для него, и подчеркнул, что главными создательницами курсов были сами русские девушки. В депутациях было человек десять. Оказалось, что нам приготовили прекрасный завтрак, Елена Владимировна и Софья Владимировна были очень любезными хозяйками. Старик для полноты позвал еще Бориса Ключевского. Завтрак прошел не нудно. Между прочим воспользовались этим случаем для того, чтобы воскресить историческое общество, и в следующее воскресенье несколько человек снова соберутся для этого у старика.

21 декабря, понедельник. Прошлое воскресенье вечером я получил телеграмму о смерти отца и немедленно выехал в деревню, вернулся в пятницу. Вчера, в воскресенье был вынужден пойти к Герье на совещание. Были Любавский, Богословский, Егоров, Розанов и я. Старик был в полном порядке и выдержал почти трехчасовую беседу. Решили созвать собрание уцелевших членов[197] 10 января, предложить на нем к избранию длинный список новых членов и через час открыть второе заседание уже с новыми членами и предложить к избранию членов комитета. Председателем остается Герье, товарищами председателя хотят

сделать Любавского и меня, что мне не очень приятно, потому что на меня могут дуться Виппер и Иванов. Сверх того, в члены пока не предлагают Кизеветтера и Петрушевского ввиду того, что они оба в очень плохих отношениях с Герье; Сторожева и Бочкарева не предлагают по иным соображениям. Мне эти отстранения очень не нравятся. Боюсь, как бы они не поссорили меня с Петрушевским и Кизеветтером, особенно, если меня действительно выберут товарищем председателя. Но я ни в малейшей мере не повинен в отстранении и даже пытался говорить против него, но наткнулся на твердое, хотя и любезное противодействие.

Главным действующим лицом в этом воскрешении Лазаря является Егоров, который в добавок со своим обычным пылом мечтает выхлопотать казенную субсидию на издание исторического журнала при обществе. Я отношусь со значительным сомнением к успеху предприятия. Поживем, увидим. Уж очень сварливы и самолюбивы господа ученые.

1916 г.

8 января, пятница. Чем дальше, тем труднее жить, тем мучительнее становится созданное войною положение, тем загадочнее будущее. Я, например, думаю, что война должна кончиться в этом году, что ни у кого не хватит сил дальше выдерживать сверхчеловеческое напряжение. Но даже в этом нет полной уверенности, ясно только, что все будут обескровлены и что первые, а может быть, и многие годы, жить будет еще тяжелее, чем до войны. — В Москве последние дни острый мясной кризис. И так мелко все будничное, так трудно и смешно писать об университетских делах. Пишу с насилием над собой. Во вторник пятого был у К.А. Андреева, где несколько профессоров обсуждали новый, игнатьевский проект университетского устава, доставленный Новиковым. Конечно, в проекте есть кое-что хорошего, но в общем он плох, в некоторых отношениях даже хуже теперешнего. Но когда проект будет обсуждаться в Думе и будет ли вообще обсуждаться, долго ли продержится Игнатьев, я не знаю.

Получил приглашение на университетский акт и на трапезу в «Праге», у меня в этом году нет никакой охоты трапезовать, не пойду, на акт тоже не пойду.

10 января, воскресенье. Сегодня состоялось заседание воскресного исторического общества. Пришло человек около тридцати пяти. Приехал и Герье, который сказал довольно длинную речь, но один раз, вспоминая скончавшихся членов общества, запнулся и с минуту молчал, так что всем стало тяжко. Пришел из уважения к старику даже Новгородцев (вчера он читал в Психологическом обществе реферат о марксизме, главу из своего «Кризиса»[198]). Выбрали много новых членов, ибо среди пришедших старых членов было немного. Сейчас же выбрали новый комитет из 10 человек, выбрали двух почетных членов — Герье и Виноградова (сегодня в газетах известие, что Виноградов избран штатным академиком), а комитет выбрал двух товарищей председателя — Любавского и меня, секретаря — Егорова, библиотекаря — Готье, казначея — Н.М. Горбова. Председателем, конечно, останется пожизненно Герье. Один из пришедших — Филиппов — очень обиделся, что его не выбрали в комитет; его немного утешили тем, что его выбрали в редакционную комис-

сию предполагаемого исторического журнала. Вероятно, обиделся Хвостов, которого никуда не выбрали, но только своей обиды не показал.

14 января, четверг. Вчера был опять у Андреева, где мы кончили обсуждение проекта университетского устава. Говорили много. Вряд ли только из этих разговоров выйдет что-нибудь путное. — Написал представление об избрании Виноградова в почетные члены по случаю его избрания в штатные академики. Сестра Виноградова не знает, переезжает ли П.Г. Виноградов совсем в Россию или будет делить свой год между Оксфордом и Петроградом. Мне кажется, что совсем он не переедет.

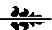
18 января, понедельник. Сегодня утром прихожу в университет на экзамен и застаю ректора. Он отводит меня в сторону и говорит, что у него возникли сомнения насчет избрания Виноградова в почетные члены. На моем лице изумление. Он обещает разъяснить все на дневном заседании по поводу государственных экзаменов. После заседания осталось нас пятеро — ректор, декан, Соболевский, Челпанов, я.

Ректор произносит речь о том, что есть доводы и за избрание Виноградова и за отложение этого избрания. Виноградов высоко держит знамя русской науки за границей и способствует англо-русскому сближению. Но он два раза уходил из Московского университета. Первый уход ему может быть и нельзя поставить в вину, потому что он был лично сильно обижен тогдашним попечителем Некрасовым[199]; но второй раз он ушел демонстративно в феврале 1911 года, и Московскому университету не пристало оказывать высокую честь людям, которые стремятся провести резкую грань между собой и университетом. Сверх того, при взбалмошности Виноградова нельзя даже сказать, как он отнесется к своему избранию: может быть поблагодарит, а может быть даже высокомерно не примет избрания.

Я отвечаю, что главный мотив избрания — научные заслуги; дополнительный — патриотические заслуги. Я хорошо знаю, что двухкратный уход из Москвы есть помеха избранию; именно поэтому я и дожидался избрания Виноградова в штатные академики. В военное время следует забыть о старых и местных распрях, и особенно мы должны простить большому человеку то, что некоторые считают его faux pas***. Перед Московским университетом у Виноградова очень большие заслуги; а в признании его ученых заслуг мы и без того сильно отстали от западно-европейских и американских университетов.

Соболевский спрашивает, за что собственно Виноградова хотят избрать в почетные члены. Я скромно отвечаю, что за ученые заслуги, а что благо-

*** faux pas (франц.) — бестактность.

приятным моментом является избрание в штатные академики. Соболевский с гримасой говорит, что он согласен, и уходит. Ректор говорит мне тогда, что Соболевский — противник избрания, и что в совете можно ожидать других протестов, что поэтому необходимо подготовить почву. Декан считает возможным, что в совете будут возражать Снегирев и Корнилов.

Меня просят прочесть мое представление, которое я предусмотрительно захватил. Его одобряют и просят внести лишь незначительные поправки, мое представление внесено на повестку завтрашнего факультетского заседания. Я боялся, что меня попросят снять его с очереди. Но нет, этого не случилось; стало стыдно, может быть, немного подействовала и горячность моей речи, завтра я прочту свое представление. Ректор предположил, что возможна будет оппозиция со стороны Виппера. Я сообщил, что я не сказал Випперу ни одного слова об этом деле; я думаю, что он просто не придет на завтрашнее заседание. — Господи, как люди запутывают самое простое дело!

Ректор и декан ужасно жаловались на Филиппова, который на акте час сорок минут читал скучнейшую речь невнятным голосом и уморил публику.

21 января, четверг. Во вторник было заседание факультета, на котором без всяких возражений было принято мое представление о Виноградове. Битый час говорили о двух девицах (Фрейберг и Грузовой), для прикомандирования которых к нашему факультету министерство не находит препятствий; ректор весьма непочтительно отзывался о министерстве Игнатьева и все требовал, чтобы ему как ректору указали, кто же их прикомандировывает к университету.

26 января, вторник. Сегодня факультетское заседание. Оказывается исполнилось 25 лет какой-то деятельности Челпанову. Грушка по этому поводу произнес безвкусную, напыщенную и противную речь, в которой выказал все худшие свойства своей маленькой души. Челпанов слушал эту грубую лесть и не поморщился, даже благодарил с видимым удовольствием.

Богословский прочитал отзыв о магистерской диссертации одессита Флоровского о екатерининской комиссии 1767—74 гг., отзыв очень одобрительный.

Я не знаю почему, но последнее время университетские дела кажутся мне какими-то маленькими, я теряю охоту писать о них. Приходится принуждать себя.

11 февраля, четверг. Насильно пишу несколько строк. В узком мирке есть новости, конечно маленькие. Состоялось заседание Исторического

общества, на котором Егоров говорил о своей диссертации, хорошо; состоялись даже прения не лишенные интереса; Герье не пришел, и председательствовал я. Членов было мало, а публики и того меньше. Виппер по телефону заявил мне, что не может быть членом комитета в обществе, где нет Петрушевского и Кизеветтера; он очень резко говорил о «Мекленбурге» Егорова, который будто бы хочет себе сделать карьеру на Герье и обществе.

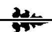
В разговоре с Петрушевским сейчас обнаружилось, что у него душа мягче и лучше. Он по-видимому действительно не хочет вступать в общество, но не питает к нему никакой вражды, а мыслям о журнале даже сочувствует. Петрушевский сообщил некоторые петербургские известия. Дьяконов говорил, будто Виноградов порывает связи с Оксфордом и окончательно переселяется в Москву. Красное вино сблизило три поколения историков в Петербурге: Лучицкого, Грима, Карсавина. Они стали говорить друг другу «ты», и Лучицкий даже переехал на жительство в квартиру Гримма.

Меня привлекли к новому издательскому предприятию, затеваемому Маковским журналу «Вопросы внешней политики». Редактором намечен Байков, который, по словам Котляревскcго, стал теперь много приличнее. Сотрудники — профессора и главные приват-доценты юридического факультета. Предприятие показалось мне на двух предварительных совещаниях совершенно неслаженным и едва ли жизнеспособным; у изворотливого Маковского, может быть, даже есть задняя мысль — перевести в свое издательство учебники юридического факультета.

В субботу заседание совета, на котором предложат к избранию нескольких почетных членов — от нашего факультета Виноградова и Кондакова, от медиков Зернова, Снегирева, И. Павлова.

На войне неожиданная радость: взяли Эрзерум[200]. Третьего дня открыли Государственную думу, и в Думе впервые был государь.

Воскресенье, 14 февраля. Вчера на совете выбрали Виноградова в почетные члены, без всяких осложнений. Чтобы Виноградов не был один, ректор придумал одновременно выбрать и других, Кондакова и троих медиков — Зернова, Снегирева, физиолога Павлова. Мне не понадобилось доказывать виноградовского патриотизма. Почему-то ректор всего больше опасался Снегирева, которому зажали рот почетным членством. На совет явился, прихрамывая, Губарев; значит, он выправился после удара. Докладывали об увековечении памяти Рота в нервной клинике и неврологическом институте; Муратов старался выявить свою близость к Роту и, между прочим, говорил про общественные заслуги Рота, про его председательство в университете Шанявского. Выбирали Кедровского на кафедру патологической анатомии; по требованию Андреева прочли отзыв факультета не только о Кедровском (выбирали в порядке рекомендации),

но и об Абрикосове, которого тоже предлагали на факультете, но предлагали без успеха: Кедровский получил на факультете 28 голосов, Абрикосов только 10. Чтение вышло бесконечным, и я ушел. Из газет сегодня узнал, что Кедровского выбрали — 37 шарами против 8. Под моим представлением о Виноградове подписались Богословский и Готье; уже после избрания пришел Лопатин и тоже захотел подписаться, подписался.

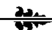
Сегодня был на магистерском диспуте одессита Флоровского по русской истории. Это человек низенький, плотненький, с тоненьким голоском и необыкновенно моложавый, хотя ему тридцать второй год. Я не досидел сегодня до конца, так скучно было на диспуте. Впервые я испытал, что Богословский может быть скучен, правда диссертация уж очень неудобна для возражений: очень специальна и очень основательна. И Богословский, и Готье очень хвалили Флоровского, даже чрезмерно. Флоровский был у меня с визитом; между прочим, сообщил, что Крусман, который пишет по-русски как воскресенский охотник, родом с Волги, любит говорить «у нас на Волге» и выставлять себя русским.

Суббота, 20 февраля, масленая. Сегодня был у Любавского и читал ему свой отзыв о диссертации Егорова, довольно суровый; Любавский принял его почти без поправок. Сам он судит диссертацию даже строже меня. Уж очень неблагодарную тему выбрал себе Егоров. Кроме того, у него есть какой-то изъян, несмотря на его огромную трудоспособность и большую талантливость. Отзыв прочту во вторник, а диспут будет в воскресенье 28 февраля; Егоров очень торопит нас, потому что ему нужно скорее выходить в ординарные профессора Коммерческого института.

Во вторник 16 февраля было торжественное заседание в память Корша, бесконечное; но я прослушал только речь А. Веселовского, бесцветную, и А.А. Шахматова, сухую, но дельную.

Среда, 24 февраля. Вчера я прочитал отзыв о диссертации Егорова в заседании факультета, кисло-сладкий. Спрашивал Виппера о нем. Мои осуждения ему понравились, но мои заключительные похвалы пришлись ему не по вкусу. Вообще Виппер теперь очень резко отзывается о Егорове. Любавский, Богословский, Готье одобрили отзыв. Егоров обладает сладким искусством делать врагов. Из-за Петрушевского к нему относится холодно Кизеветтер.

Вторник, 1 марта. В воскресенье был диспут Егорова. Молодежи, главным образом женской, собралось очень много, принесли цветы, богословская аудитория переполнена. Преподавателей тоже много, в том числе Котляревский и Новгородцев, но, конечно, нет ни Виппера, ни Иванова. У Егорова несчастье: заболел скарлатиной старший сын за два дня

до диспута, чадолюбивый отец, конечно, очень встревожен; да и последиспутное торжество, задуманное на широкую ногу, пришлось отменить. Вступительная речь скучна и очень длинна. Я дал себе слово говорить короче, но незаметно для себя оказался почти столь же многоглаголен, спорил 2 ½ часа; правда, много виноват здесь и Егоров, который слишком подолгу отвечает на возражения и затем защищает незащитимые утверждения. Во время нашего с ним спора было эпизода два развлекательных — с ломаной линией и с вопросительным знаком[201]. Было так жарко, что декан после моих возражений объявил перерыв. Неожиданным для меня образом мне, оппоненту, хлопали; правда, я был мягок и скептически благожелателен. Новгородцев и Котляревский хвалили меня за тон. Егорову при его появлении на кафедре устроили овацию. Я утратил страх перед аудиторией, даже перед большой. За два дня до того я говорил, конечно, в несравненно меньшем, но переполненном помещении, в женском клубе — об англо-русских отношениях, и тоже без смущения.

После перерыва Любавский возражал два часа, опять таки в значительной мере по вине Егорова, который говорил в ответ много дольше Любавского. Любавский был на этот раз гораздо мягче, чем на магистерском диспуте, но заключительные слова его были кусательные, много строже моих. А я допустил легкомысленную выходку, сказал три стиха, чем вызвал улыбки у людей, разобравших в чем дело.

Еще говорили Брандт, коротко и довольно нелепо, Поржезинский, длинно и интересно. Аудитория почему-то была крайне недовольна выступлением Поржезинского и демонстративно кашляла, чтобы заглушить его слова, так что он громко выразил свое возмущение; декан почему-то не усмирил аудитории. Диспут затянулся безобразно, больше чем на семь часов, и до конца досидела разве только треть первоначальной аудитории, которая устроила Егорову овацию. Грушка с большим смаком прочитал мой отзыв, написанный живее обычных отзывов, но, вероятно, неприятный для Егорова.

Газеты не обмолвились ни словом о диспуте, за исключением «Русских Ведомостей». Но и те сделали бы лучше, если бы не написали ничего. Я уж не говорю о том, что от моих длинных и разнообразных возражений не осталось почти ничего. Гораздо хуже, что заметка кончалась словами: после прений факультет признал достойным. Это легко понять в том смысле, что факультет препирался о том, признать или не признать. О переполненной аудитории и об овациях диспутанту ни слова. А о диспуте бездарного Устинова писали с умилением. Я давно перестал удивляться, но Егоров обижен. Зато ему сегодня на курсах слушательницы поднесли адрес, цветы и серебряный бювар.

В газетах известие о том, что Игнатьев добился Высочайшего утверждения для своего предположения о том, чтобы впредь назначать

сверхштатных профессоров только в исключительных случаях и только по представлению факультетов и советов. Это по-видимому ответ на нашу записку о «трех М». Настоящий сын Ментир-паши. Правда, все это бледно перед войной. Наконец и у нас забирают студентов, в первую очередь первокурсников, родившихся в 1895.

13 марта. Вчера очень неудачно — ездил в Клин смотреть дачу. Моим спутником был Н.В. Богоявленский. Он слишком поглощен университетом, в моих глазах все умаляющимся. Но один из его рассказов о профессорах любопытен. Он касается Статкевича. Когда Зограф по болезни перестал читать медикам лекции по зоологии, то его преемником стал Богоявленский. Немедленно к Богоявленскому является Статкевич и говорит: «Вы будете читать на нашем факультете лекции по зоологии. Ваш предшественник получал за это от факультета 1200 руб.в год. Я совершенно не заинтересован в данном вопросе и смотрю на него только с точки зрения высшей справедливости. Я медик, читаю на вашем (физико-математическом) факультете курс физиологии и ничего не получаю за это от вашего факультета. (Надо заметить, что медикам читается особый, упрощенный курс зоологии, в особые часы; Статкевича же естественники слушают совместно с медиками). Почему же труд медика и труд естественника измеряются разной мерой? Если вы на своем факультете выступите с предложением о назначении мне вознаграждения в 1200 р. за чтение курса физиологии, то я не буду возражать против того, чтобы вы получили те 1200 р., которые выплачивались Зографу. В ту пору Статкевич имел еще очень большое влияние на факультете и в министерстве. Богоявленский не предпринял никаких шагов в пользу Статкевича. Медицинский факультет постановил прекратить выдачу 1200 рублей за чтение зоологии. Высшая справедливость восторжествовала.

Среда, 23 марта. Вчера было заседание факультета. Декан читает бумагу от петроградского совета детских приютов. Совет запрашивает, в должности какого класса состоит приват-доцент Ярхо, какое он получает содержание, и не имеет ли факультет каких-либо препятствий к тому, чтобы Ярхо был определен на должность почетного старшины петроградских приютов. Сначала недоумение, потом презрительный смех. Ярхо еврей, который утвержден приват-доцентом лишь после личного ходатайства со стороны Розанова. Я встречаюсь с Ярхо по пятницам, он пораженец и русофоб. Это первый случай, чтобы приват-доцент поступил в почетные старшины из-за чинов и орденов. Есть евреи, специально созданные для насаждения антисемитизма.

Министерство наконец согласилось утвердить Брауна приват-доцентом.

Декан читает частное письмо от бывшего варшавского ректора Карского, ныне эвакуированного в Ростов. Карский просится в сверхштатные профессора; он хороший специалист по русскому языку и по белорусам. Он заявляет, что не просит никакого вознаграждения и не хочет загораживать дорогу молодым силам. Но предложение встречено с явным недоброжелательством; кисло высказываются Сперанский, Щепкин, Поржезинский; только Брандт за удовлетворение просьбы. Всех решительнее за отклонение просьбы говорит Любавский; он выступает ярым сторонником автономии; инициатива приглашения профессоров должна принадлежать только факультету. Что сей сон значит? Вот что. До сведения ректора дошли слухи о стараниях некоторых профессоров вернуть Мануилова; они могли дойти до него и от министра, и от Гидулянова, с которым Котляревский, может быть слишком поспешно, говорил о мануиловском деле. Министр сообщил Новикову, что ничего не имеет против возвращения троих уволенных, но затрудняется сам начать дело; инициатива здесь должна принадлежать университету. Может быть, даже Любавский и внушил министру его ответ.

Вчера вечером было заседание Исторического общества. Докладчиком был Диесперов, в белой блузе. Интерес к заседаниям очень слаб, что я, впрочем, предвидел.

8 апреля, Вербное воскресенье. Был занят, и не хотелось писать. Теперь напишу коротко. На женских курсах есть течение в пользу превращения курсов в правительственный университет; по слухам то же и в Петрограде. Чаплыгин — горячий сторонник такого превращения. Хотят получить большую казенную субсидию, право службы для преподавателей, право давать ученые степени. В советской комиссии Чаплыгин прочитал черновой набросок своей докладной записки. Странным образом только я, «оставшийся» и профессор казенного университета, указывал на опасности, сопряженные с превращением, например на то, что от поступающих в правительственный женский университет могут требовать аттестатов зрелости.

Приехал Виноградов. Я видел его у его сестры, где было довольно много народа, и где он держал себя даже важнее прежнего. Он был гораздо лучше у себя в номере в Национальной гостинице. Он еще не знал о своем избрании в почетные члены и был очень доволен им; но, странным образом, министр еще не удосужился утвердить его в сем звании; и штатным академиком он все еще не утвержден.

В последнем заседании университетского совета произошел пикантный инцидент. Все еще не окончательно освободившийся от статкевического плена медицинский факультет внес ходатайство о включении зубоврачебной школы статкевичского компаньона Изачика в число

учебно-вспомогательных учреждений университета. Умышленно или неумышленно, вопрос этот не был поставлен на повестку, и я, например, ушел из заседания не зная, что это дело будет обсуждаться. К счастью, несколько естественников откровенно указали на неприличие ходатайства, которое медики и поспешили снять с немалым для себя конфузом.

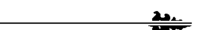
Умер М.М. Ковалевский, очень привлекательный человек и очень легкомысленный ученый. Газетная легенда немедленно превратила его в исследователя первой величины. Мне придется делать доклад о нем[202], и я нахожусь в деликатном положении, потому что ученые заслуги покойного считаю весьма скромными.

Святая, воскресенье 10 апреля. Теплая, бодрая пасхальная ночь, но войне не видно конца, и исход ее окутан глубоким туманом. Жизнь в России и в Москве становится трудна даже для людей со средним достатком. Правда, let the stricken deer go weep, the heart ungalled play[203]. Но за будущее беспокойно. Хорошо только на Кавказе, где наши войска покрыли себя подлинной славой.

В пятницу я с женой был у Виппера. Он живет с сыном и снохой в маленьком флигеле, «большой» домик пуст после смерти жены. Я должен изменить мнение о деревянности старика; он все еще подавлен своей утратой, живет одиноко и часто ездит в Новодевичий. Живет в плохонькой комнатенке, в студенческой обстановке и пишет историю Греции, чтобы забыться; к специальным исследованиям он уже давно утратил всякую тягу. Его вид и обстановка говорят о заброшенности, а за стеной веселый эгоистический смех молодых. Мне стало жаль этого все же крупного человека.

Виноградов утвержден почетным членом, а штатным академиком еще нет, и это его несколько тревожит. Он был у меня в понедельник на страстной, был важен, но интересен и любезен. Народу я позвал немного, был Гензель, который понравился министру финансов Барку и несмотря на свою юность (ему должно быть лет 37) получил белоштанное и видное место члена совета Государственного банка; профессором в Москве он остается. Озеров, вероятно, позеленел от зависти.

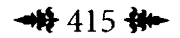
16 апреля, суббота. Вчера Егоров устроил празднование своего докторского диспута. Собрался очень тесный кружок, вместо предположенных прежде 70 человек всего десять человек. Богословский, Сакулин, я с женой и четыре мужа — Любавский, Богоявленский, Кизеветтер, Гершензон. Богословский был в ударе и сказал очень остроумную застольную речь. Я бесстыдно прочитал сонет. Между прочим говорили о биографии Шварца, написанной Соболевским со всею свойственною ему «наивностью» и помещенной в ЖМНП. В офици-

альном журнале ей не место, потому что в ней приведены резкие и не всегда соответствующие действительности отзывы о живых людях, ибо Шварц был фонфарон, ругатель и выдумщик, а недолюбливающие его говорят, просто враль. Обнаружилось в разговоре, что Любавский не любит Шварца. Между прочим Любавский сообщил, что вскоре после февральского разгрома 1911 года он был у Шварца, тогда фрондировавшего на своем положении несправедливо отставленного министра. Шварц поинтересовался, узнал, кто из профессоров-филологов ушел. Услышав, что ушел только Петрушевский, он заметил: «Какой беспокойный человек! Ведь и в Варшаве он чуть не слетел! Раз генерал-губернатор говорит мне: кто это у вас профессор Петрушевский? Я хочу его выслать из края за полонофильство. — Я пустился на хитрость, чтобы спасти Дмитрия Моисеевича, и говорю генерал-губернатору: Ваше высокопревосходительство, не придавайте ему никакого значения, не трогайте его, он — дурачок, и я легко успокою его домашними средствами. Так и спас от высылки». Какая грубая душа была у Шварца! Но я удивился решимости Любавского привести этот отзыв en toutes lettres** перед друзьями Петрушевского — Кизеветтером и Гершензоном, да и передо мной. Правда, тогда уже было порядочно выпито. Да и Егоров в прохладных отношениях с Петрушевским. Еще прохладнее отношения между Егоровым и Поржезинским.

Петрушевский вчера был у меня, веселый, оживленный, между прочим со слов Гревса говорил, что Карсавин держал себя слишком важно на диспуте[204], и что Гревс разочаровался в Карсавине; сам Петрушевский — с чужих слов — отзывается о Карсавине необыкновенно резко. Сакулин был на диспуте Карсавина, хотя не досидел до конца и подтвердил, что Карсавин держался высокомерно, жаловался в неприлично короткой вступительной речи, что факультет слишком долго откладывал его диспут и на упреки в неточностях, что кроме историков, нашпиливающих факты на булавку, есть историки, пытающиеся узреть смысл великих загадок.

По счастливой случайности одновременно с Петрушевским пришел Виппер и в этот раз посидел часа полтора, был разговорчив и для своего настроения оживлен. Петрушевский недавно был у Вяч. Иванова (с которым я недавно познакомился) и по этому поводу зашла длинная речь о наших богоискателях. Петрушевский относится к ним насмешливо, но мягко; Виппер же обнаружил полную неспособность стать на их точку зрения и все приводит розные конфузящие их исторические параллели. И моногамическая мораль для Виппера есть нечто непреложное для теперешнего времени. Поржезинский сообщил мне, что Виппер каждой день ездит на могилу жены в Новодевичий и оттого

** en toutes lettres (франц.) — (перен.) откровенно.

остается в Москве на лето. Некоторые знакомые видели его у могилы на кладбище, это очень трогательно и все-таки странно во враждебном всему религиозному человеке. Мне припоминаются слова Любавского о том, что Виппер кончит религиозным помешательством. Это, конечно, совершенные пустяки. Но я не решился бы теперь утверждать, что для Виппера совершенно немыслим сдвиг в сторону «запредельного».

Поржезинский сообщил мне со слов Новгородцева, будто М.М. Новиков считает возможным, что к осени этого года Мануилов будет возвращен в университет. Я считаю эти надежды весьма сомнительными. Впрочем, осенние события будут определены летнею войною.

8 мая. Сегодня слышал сплетню о том, будто Гидулянова, по должности директора Лазаревского института, подозревают в растрате каких-то армянских денег и будто по этому поводу окружными властями ведется какое-то следствие.

5 мая, понедельник вечером. Сегодня провел чуть не весь день на диспуте Шпета[205]. Боже, какая это была длинная вещь! Правда, было целых четыре оппонента, из коих два талантливых — Виппер и Эрн. Сам Шпет — превосходный спорщик, но в основе суховатый немец; может быть, отсюда и реабилитация Вольфа. Эрн читал три четверти часа по тетрадке, очевидно рецензию, написанную для какого-нибудь журнала. Челпанов говорил прилично, но серо и серость казалась тем серее, что он одновременно был очень важен и очень легко уступал Шпету. Виппер говорил остроумно, но голос его потускнел и, очевидно, он мало готовился к диссертации. А главное, споры на очень общие философские темы весьма бесплодны и выясняют лишь. что один думает одно, а другой другое. Ну и пускай себе думают на здоровье.

В.Н. Ивановский выступал неудачно, хотя он и милый человек. Шпет гораздо сильнее его как спорщик и бесцеремонно, даже не совсем вежливо, использовал свое диалектическое превосходство.

Народу вначале было много. Больше девицы. Под конец поредело. Я слушал внимательно все семь часов. И все-таки мне скучно.

15 мая, воскресенье. В пятницу было заседание совета. Юридическое общество ходатайствует об изменении устава, о разрешении ему выбирать председателя не из числа профессоров юридического факультета. Ректор высказывается за удовлетворение этого ходатайства и восхваляет свободу. Никто не возражает. Возбудили ходатайство перед министерством. Министерство предложило университетам высказаться насчет сближения с Англией, факультеты представили по короткому докладу, от нашего факультета писал я. Дело бесспорное и, по правде

говоря, маловажное, но профессора ухитрились наболтать груду ненужного; а вечно злой Иван в кубе не постыдился даже обругать англичан и рассказал анекдот о том, как какой-то англичанин прислал Стороженке много экземпляров своей книги о Шекспире и вслед за тем потребовал немедленной уплаты денег за все эти книги. Я не дождался конца этой болтовни. По инициативе Котляревского послана советом телеграмма Бьюкенену по случае избрания его в почетные граждане Москвы.

12 мая я был в Донском на панихиде по Ключевскому. Среди прочих там присутствовал Степа Фортунатов, в своем знаменитом картузе. Он был даже веселее и бодрее обычного и собирался через неделю ехать в Крым. А на другой день его хватил легкий удар. Хорошо еще, что это случилось в здании Высших женских курсов. Его сейчас же отвезли в клинику.

На заседании совета выбрали в почетные члены Анучина и Жуковского.

Вторник 23 мая. Заседание факультета. С удовольствием услышал, что министерство удовлетворило целый ряд наших ходатайств о назначении стипендии оставленным, в том числе по моей просьбе Сказкину и Лавровскому. Держала магистерский экзамен, свой последний экзамен, Шилкарская. К сожалению, отвечала она неважно, но Виппер преувеличил недостатки ее ответа и был готов просить ее придти еще раз. Я вступился за нее. Но поставить ей можно было только удовлетворительно. Она первая женщина, выдержавшая на нашем факультете магистерский экзамен, и собирается поступить к нам в приват-доценты. Она очень мужественная женщина, хотя совсем не virago**. Имение ее семьи в Ковенской губернии; семья бежала от немцев. Она, а не ее три взрослых брата, хлопотала перед разными властями о выдаче пособия потерпевшей от нашествия семье и выхлопотала это пособие.

5 сентября. Еще лето миновало, исключительно дождливое и холодное. На беду я провел его в очень сырой, болотистой местности, в Калязинском уезде, на Волге, среди болот. В чисто военном отношении лето прошло хорошо: немцы со своими союзниками не продвинулись нигде, кроме Персии и Греции, и потерпели ряд неудач, из которых самая важная на нашем юго-западном фронте. Но есть обратная сторона наших и англо-французо-итальянских военных успехов: Россия быстро разоряется, нам не хватает мяса, масла, сахара, зерна достаточно, но правительство не хочет и не может правильно поставить продовольственное дело, даже в России сильно чувствуется отлив мужчин на фронт, всюду недохватка рабочих рук. Наша убогая железно-дорожная сеть совер-

** virago (лат.) — мужественная женщина, воительница.

шенно не в состоянии справиться с предъявляемыми к ней запросами. Аппетиты сельских хозяев, фабрикантов, купцов, биржевиков, комиссионеров, даже простого рабочего люда — крестьян, ремесленников, фабричных рабочих — растут безмерно; дороговизна, трагическая для людей с неподвижным доходом, принимает характер катастрофический, и бумажные деньги все быстрее приближаются к состоянию бумажных клочков. Я отнюдь не пессимист и оцениваю хладнокровно положение: оно лучше прошлогоднего, и теперь можно надеяться на победу над немцем. Но если победа будет, ее купят безумно дорогой ценой. Пусть. Я все-таки очень хотел бы дожить до дня победы, но не уверен в том, что доживу.

Еще меньше прежнего хочется писать о высшей школе. Все меркнет перед военными событиями и грозным хозяйственным развалом. Война стала пустошить даже русские университеты. В Москве до войны было 11 тысяч студентов, осталось 7 ½ , потому что второй и третий курсы взяты на войну, [1-]на первый курс подано около двух тысяч прошений[-1]. Процент убыли был бы гораздо больше, если бы не быстрый рост числа студентов-медиков. В Петроградском университете, где нет медицинского факультета, число студентов сократилось вдвое, с восьми тысяч до четырех. А женской высшей школе грозит в больших городах хозяйственная разруха. Стоимость жизни удвоилась и стала непосильной для тощих кошельков русской учащейся молодежи. Ей придется буквально недоедать, если ее не будут прикармливать на благотворительный счет. Но этого мало. Вследствие прошлогоднего беженческого паводка и правительственной растерянности, Москва переполнена выше меры. Нет свободных квартир, нет свободных комнат, особенно дешевых комнат, и учащимся негде жить. К ним приходят на помощь благотворители и бескорыстные организаторы, приходит на помощь город, но вся эта филантропия конечно не сможет помочь всем. Многим придется уезжать домой, если у кого есть способный приютить дом. И в такой обстановке придется жить по крайней мере еще два года. Утешаться можно только тем, что у наших союзников и наших врагов высшая школа запустела еще больше, и этой убыли самого дорогого человеческого материала не возместит никакое хозяйственное и культурное превосходство.

Если бы не затмившая все война, пришлось бы говорить о большой перемене в университетской жизни. Весною прошел в Думе и совете, и летом высочайше утвержден закон (правда, только временный, имеющий силу на три года), которым отменяется с 1 января 1917 гонорар, с того же времени устанавливаются новые правила о вознаграждении профессоров (размер жалованья одинаков для всех факультетов, причем установлены две пятилетних прибавки; если бы не было войны, жалованье можно было бы признать сносным, при создаваемых во-

йною ценах новое жалованье еще ниже прежнего убогого и позорного оклада); выбор профессоров советом указывается в качестве единственной формы замещения свободных кафедр (странным образом о факультете не говорится ни слова, вообще редакция закона очень плоха); приват-доценты обязываются в пятилетний срок представить диссертацию. Если у меня не пропадет охота писать про университет, об этом законе придется писать немало.

В конце августа скоропостижно помер Муратов, невропатолог, профессор касьяновского назначения, но хороший врач, ученый и преподаватель.

Вчера вечером заседал редакционный комитет нашего нового исторического журнала. Его первые шаги плачевны: пока набралось всего только сто подписчиков. Вот она, русская культура.

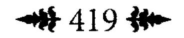
Летом Виппер пришел к ректору и спросил, что предпримет ректор, когда Випперу исполнится 25 лет службы (что случится, кажется, этой осенью). Ректор недоуменно пожал плечами и почти обиделся. Оказывается, Виппер хотел знать, возбудит ли ректор ходатайство об оставлении Виппера еще на пятилетие. Ректор объяснил вопрошавшему, что он только в одном случае возбудил ходатайство об отстранении отслужившего профессора; это в случае с Зеленевым, который, будто бы прочитал всего десять лекций за три года своего московского пребывания, но удосужился открыть свою венерическую лечебницу. По новому закону прослуживший 25 лет профессор, буде пожелает, может остаться еще на пять лет; но закон вступает в силу только с января.

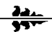
Английский консул прислал ко мне ученую чету англичан, Storr-Best, которые приехали учиться по-русски. Они были у меня вчера, а до этого я был у них в гостинице и хлопотал о пансионе для них. Они очень милые и простые люди, живо интересующиеся Россией.

Среда, 7 сентября, 5 часов. Сейчас вернулся с советского заседания, где выбирали трех выборщиков по случаю смерти Ковалевского. Всемогущий ректор наметил троих — себя, Митропольского и Филиппова[2-2]. Оппозиция подавала записки за Гулевича, и записок набралось 18; неожиданно баллотировался сверх этих четырех еще геолог Павлов, который получил не то две, не то четыре записки, но не явился на заседание. И произошел неприятный для заправил конфуз: Павлов получил на два голоса больше Митропольского, которого таким образом забаллотировали. Из 56 голосовавших получили избирательных шаров Любавский 47, Филиппов 38, Павлов 35, Митропольский 33, Гулевич 31.

После этого ректор читал новый закон о профессорах, который оказался очень темным. На его редакционные недостатки, между прочим,

[2-2] Гулевича — *зачеркнуто*.

подробно указывал Гидулянов, который не упустил случая всплакнуть об отмене «огромных», как он признался, гонораров.

Пятница, 29 сентября. Во вторник было факультетское заседание. В мое отсутствие декан приветствовал Розанова, которому исполнилось 30 лет службы. Завершился инцидент с Раппопортом. В последнее весеннее заседание М.М. Покровский из Крыма прислал представление об оставлении при университете классика Раппопорта, крещеного еврея. Отдуваться за Покровского пришлось его приятелю Поржезинскому. Грушка выступил с решительным возражением против оставления Рапп̱епорта, как он упорно произносил это имя, указывая на то, что Раппопорт слишком рано и слишком узко специализировался, но и в своей узкой области вовсе не обнаруживает подлинной одаренности; общие же знания по классической филологии даже ниже среднестуденческого уровня. Соболевский поддержал Грушку и тоже говорил о недостаточности общего образования у Раппопорта, и в его устах эти жалобы имели комический характер. Грушка, по моему искреннему убеждению, свободен от антисемитизма, Соболевский — несомненный антисемит. Угодливый Розанов поспешил заявить, что он считает указания Грушки весьма важными; сей самый Раппопорт был репетитором детей Розанова, но это обстоятельство не помогло ему. Становилось ясно, что если дело дойдет до голосования, то представление Покровского будет отвергнуто. Я указал на невозможность голосовать в отсутствии Покровского, который не может ответить Грушке; Сперанский поддержал мое предложение отсрочить дело до осени. Так и решили. Тогда Поржезинский передает декану Грушке заранее заготовленный письменный протест Покровского против факультетского отказа оставить Раппопорта. Ему сейчас же указывают, что факультет не может принимать жалоб на себя самого, что Покровский должен либо подать особое мнение, либо жаловаться на факультет попечителю либо министру, а главное, что факультет ни в чем не отказывал и только постановил отложись дело.

Я не имел и не имею понятия о Раппопорте, не знаю его в лицо. Поржезинский признается, что Раппопорт по-видимому не блещет дарованиями. Раппопорт, за свое пребывание в университете успевший установить весьма неприязненные отношения с Соболевским и, особенно, с Грушкой, дожидался решения факультета в коридоре. Когда крайне удрученный всем делом Поржезинский вышел из факультетской комнаты и сообщил о решении, Раппопорт пластом свалился к нему на руки без чувств; по-видимому, храбрый молодой человек увидал, что его немедленно берут в солдаты и что на него уже летит немецкий чемодан.

Эпилог дела разыгрался в последнем заседании, 27 сентября. Покровский просит слова и заявляет, что ввиду того, что произошло

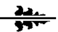

между деканом и Раппопортом, он не настаивает на своем предложении об оставлении, но желал бы обосновать перед факультетом свое представление и говорит длинно, очень длинно. Грушка снова говорит о Раппопорте, а потом в очень торжественных, высокопарных выражениях заявляет, что еще важнее умственной серости Раппопорта его моральное убожество, из-за которого ему, Грушке, пришлось испытать кошмарные впечатления. После заседания я спрашиваю Грушку, что случилось. Оказывается, весною после факультетского заседания Раппопорт явился на квартиру к Грушке и попросил объяснить причины недоброжелательства. Грушка пространно и торжественно объяснил. Раппопорт выслушал и дерзко заявил, что он объясняет все случившееся личными мотивами. Грушка попросил его уйти из квартиры. На беду никакой прислуги не было. Раппопорт полуотворил выходную дверь и явственно сказал стоявшему в нескольких шагах Грушке: «хулиган», и поспешно скрылся. А на другой день позвонил по телефону и произнес: «Где бы и когда бы я вас не встретил, я буду бить по морде».

В университете сейчас ревизуют хозяйство Мальмберговского музея и Статкевичского физиологического института. У Мальмберга и Назаревского, конечно, только небрежное хозяйничанье, но у Статкевича возможно и худшее; на Статкевича подал жалобу ушедший от него ассистент Рожанский.

Хозяйственный развал в Москве и вообще в России становится очень острым. В Москве нет пшеничной муки, а черный хлеб пекут плохой. Градоначальник выпустил бестолковое и циничное объявление, в котором валит все на войну и ничего на правительство и спекулянтов и призывает терпеть и голодать. Зато у нас министр внутренних дел суконный фабрикант, а министр земледелия сахарозаводчик, который вдобавок у себя в имении продает хлеб дороже установленных им самим твердых цен. Вообще трудно представить себе что-нибудь позорнее теперешних петроградских действ в высоких сферах. Но и по всему лику русской земли акулы ширят свою пасть.

Суббота 1 октября. Вчера был совет, на котором выбрали Лузина в профессора чистой математики; я там не был. Лузин кажется хороший математик и хороший человек, его, помнится, хвалил Д.Ф. Егоров. Вечером у меня собралось несколько историков и литераторов поговорить о лекциях про Англию, которые хочет устроить Общество сближения с Англией. Я послал приглашение В.П. Волгину, и в ответ получил отказ с длинным объяснением, которое произвело на меня впечатление странное. Оказывается, Волгин, постоянный сотрудник «Русских Ведомостей», не сочувствует Обществу и желает сближения не только с Англией и Францией, но и с Германией; в Англии он сочув-

ствует Лиге демократического контроля[206]. Нет более слепых людей, чем те, которые не хотят видеть.

Сегодня опубликован Высочайший приказ о наборе первокурсников, родившихся в 1897 и раньше. Нам скоро почти некого будет учить.

Воскресенье, 2 октября. На юридическом факультете отмена гонорара уже сказалась. Те, которые в состоянии устроиться в другом месте, покидают утопающий корабль. Гуляев выхлопотал себе назначение в сенаторы. Он, конечно, мог перебраться в Петроград и раньше, но при гонораре это было невыгодно.

Среда, 5 октября. В члены Государственного совета от университетов и академии выбрали Дьяконова 20 левыми голосами против 12 правых, которые достались Любавскому. Ему полезно побывать в меньшинстве. Вчера было заседание Соловьевской комиссии по присуждению премии. Председательствовал Богословский, Любавский еще не вернулся из Петрограда. Готье прочитал доклад о представленном на премию сочинении А.И. Яковлева «Приказ сбора ратных людей». По отзыву Готье, с которым сходится Богословский, работа выполнена очень хорошо, но тема выбрана неудачно; она очень специальна и, кроме того, материал очень разнокалиберен. Бахрушин, который был от городской Думы, защищал монографичность. А Богословский винил С.Б. Веселовского в том, что он направляет молодых и талантливых русских историков — в том числе Яковлева и Бахрушина — на ложный путь мелочных архивных изысканий. По мнению Богословского, сам Веселовский обнаружил полную неспособность к историческому творчеству большого стиля в своем «Сошном письме». Кстати, Филиппов собирается, по слухам, дать Веселовскому почетного доктора истории русского права за это «Письмо» и потом провести его в профессора истории русского права.

Четверг, 6 октября. Кажется, все недовольны теперь. Во вторник черносотенец Алмазов, выйдя со мной с заседания Соловьевской комиссии, стал распространяться о тягостях внутреннего и внешнего положения; я его не поддержал. Но Иван Иванович Иванов беседует с Алмазовым усердно и слышал от него, что теперь в духовном мире ходят слова Распутина митрополиту Питириму: «Радуйся, Питирим, крепко сидим, чудеса творим».

Пятница, 7 октября. Вчера вечером ходил к Андрееву на совещание. Новиков сообщил, что Игнатьев не хочет, вернее не может взять на себя инициативу в деле Мануилова и ждет шагов совета, которых, конечно, никогда не будет; Игнатьев указал еще Новикову, что Мануи-

лов сам затрудняет себе возвращение своими новыми политическими выступлениями (имеются в виду, по-видимому, его доклады о примирительных камерах) и что он, Игнатьев, не хочет из-за второстепенного дела подвергать опасности судьбу своих широких преобразовательных начинаний. Сверх того, Игнатьев сообщал Новикову, что он говорил с московским ректором по мануиловскому делу и что тот заверил его, министра, что московский совет готов осенью предпринять необходимые шаги по этому делу. Любавский просто водит министра за нос.

Много говорилось на совещании о возможности сделать еще что-нибудь, но почти единогласно пришли к заключению, что сейчас сделать ничего нельзя, что приходится ждать у моря погоды.

Дела на румынском фронте плохи, и в публике снова пошли слухи об измене в петроградских высоких кругах. Надо, впрочем, прибавить, что сами румыны во всех отношениях очень плохи, вроде греков.

11 октября. Сегодня факультетское заседание. Опять выход Рудакова. Из министерства прислано слезное прошение сего господина на имя министра. Рудаков обращается к доброте и великодушию его сиятельства и просит о пособии на бедность для написания диссертации о житиях греческих святых. Из прошения нельзя даже разобрать, просит Рудаков графских или казенных денег. Говорили очень долго, и даже Грушка возмущался бесцеремонностью Рудакова. Дадут фактическую справку о Рудакове. Много говорили о старике Александрове, бывшем редакторе «Русского Обозрения», который просится в приват-доценты по русской литературе. В доказательство своей причастности к литературе прислал сборник своих стихотворений; Брандт с большим смаком прочитал одно из них, весьма посредственное. Но 9 голосами против 7 факультет отказал в удовлетворении ходатайства.

А.А. Фортунатов держал магистерский экзамен по русской истории, хорошо, но медлительно.

В Румынии румын и нас бьют в Добрудже. Как стыдно!

20 октября, четверг. Вчера было заседание Исторического общества. С.Б. Веселовский читал доклад о своем сошном письме, а Богословский возражал ему. Народу пришло много-много. Богословский жестоко напал на Веселовского, резко обвиняя в бессвязности изложения, в высокомерном отношении к своим ученым предшественникам и в том, что на московскую жизнь он смотрит глазами подьячего семнадцатого века. Веселовский возражал менее запальчиво, но временами и он сердился. Конец прений отложен до следующего заседания. Самым внимательным слушателем был Филиппов. С тех пор, как отменили гонорар, он потерял вкус к лекциям и стал думать о преемнике. Его выбор пал

на Веселовского, и он решил провести последнего на кафедру чрезвычайным путем — сделать его почетным доктором и после этого сейчас же выбрать в профессора. Он уже начал дело на юридическом факультете и встретил поддержку со стороны Гензеля и Озерова. Богословский очень недоволен такой помпой и начал поход против Веселовского. Возможно, что в случае Филипповского упорства он будет говорить в совете против почетного докторства, и тогда произойдет скандал. Пожалуй, действительно будет лучше, если Веселовский получит свое докторство менее скоропалительным путем.

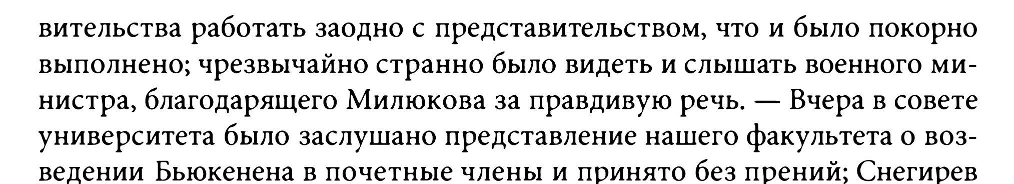
В воскресенье 16 октября я говорил в Думе о Ковалевском. Народу было немного: очевидно тревога из-за еды отбивает интерес к англо-русскому сближению. После меня долго говорил Кокошкин, с большим жаром и с безвкусными, преувеличенными похвалами Англии.

2 ноября. Над бедной Россией тучи сгущаются. Все настойчивей, определенней становятся слухи об измене при дворе и в министерстве. Оптимисты говорят, что прямой измены нет и что все дело только в том, что с соизволения или по приказу монарха и монархини Штюрмер, Бобринский и Протопопов умышленно расстраивают продовольствие тыла, чтобы довести Россию до необходимости заключить сепаратный мир и закабалиться немцу.

Вчера на заседании факультета я был приятно удивлен, что декан заявил о своем намерении выступить с политической демонстрацией и внести в факультет и совет предложение о возведении Бьюкенена в почетные члены. На факультете возражения, и то очень вялые, были только со стороны Соболевского, который теперь не боится говорить о своем германофильстве. Сегодня Грушка по телефону прочитал мне проект своего представления. И странное дело! На всякий случай я набросал начерно проект представления, ибо мне могли поручить написать его. И проект Грушки оказался смелее, красочнее моего: он говорит о подпольных германофильских происках, а я от указания на них воздержался. Это красноречиво.

Газетам сегодня не позволили напечатать отчет о вчерашнем заседании Государственной думы; напечатан только казенный отчет. А масло сегодня дошло почти до трех рублей за фунт.

6 ноября. В Государственной думе Милюков, Шульгин, Маклаков 1 и 2 ноября говорили о предательстве Штюрмера, Распутина, государыни. Об их речах мы знаем в Москве больше по слухам: газеты выходят теперь с большими плешинами. По-видимому, государь одновременно был и взбешен и напуган. Затаив злобу, он через Алексеева велел военному и морскому министру явиться в Думу и заявить о желании пра-

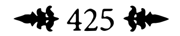

вительства работать заодно с представительством, что и было покорно выполнено; чрезвычайно странно было видеть и слышать военного министра, благодарящего Милюкова за правдивую речь. — Вчера в совете университета было заслушано представление нашего факультета о возведении Бьюкенена в почетные члены и принято без прений; Снегирев предложил благодарить наш факультет за своевременное предложение.

Лейст сделал доклад о финансовом положении университета. Оно ужасно. Специальных средств не хватает и на топливо. Будут просить о сверхсметных ассигновках, но что из этого выйдет, неизвестно. Настойчиво в совете говорили — и по преимуществу левые профессора — о необходимости повысить плату за ученье до ста рублей, т.е. вернуть ее к прежнему номинальному уровню: студенты вместе с гонораром платили около ста рублей, а теперь гонорар отменен. Даже если плата в пользу университета будет доведена до ста рублей, она все-таки будет вдвое дешевле прежней при обесценении нашего рубля. Постановили просить министерство о доведении платы до ста рублей в проекте университетского устава.

В заключение был скандал, грубая перебранка между профессорами физико-математического факультета по поводу замещения кафедры физики, особенно между двумя теперешними физическими ничтожествами, Соколовым и Станкевичем. Факультет, оскандалившийся с замещением кафедры путем рекомендации и путем конкурса, постановил просить министра перевести из Одессы в Москву известного физика Кастерина. Министерство ответило, что оно удовлетворит просьбу лишь в том случае, если совет признает, что все обычные пути замещения кафедры исчерпаны. В бесконечных прениях по этому поводу натуралисты перемывали на публике свое грязное белье, пока не стало поздно, и решение не было отложено до следующего заседания.

Воскресенье 20 ноября. Сегодня был диспут Дератани[207] по римской словесности. Я попал на него главным образом потому, что хотел показать знакомому и очень симпатичному англичанину, Сторр-Бесту, ученому латинисту, университет и диспут. К моему удивлению, народу было довольно много. Диспутант был скромен, приличен, но малоцветен; кажется такова же и книга. Оппоненты — Покровский и Грушка — блистали красноречием. Англичанин многое понял; за два с половиной месяца он сделал очень большие успехи. Во время своего ухода с диспута я беседовал с ректором и Богословским. Ректор — умеренный из умеренных — очень мрачно смотрит на политическое и военное положение России, на развал власти, гибельную близорукость, вернее слепоту государя, происки германофилов с государыней во главе. А пессимисты прямо говорят о неминуемой и близкой катастрофе. Но какой? Никто не знает. Сегодня по городу прошел слух об убийстве Брусилова.

Не хочется верить. Так много неверных слухов. Но все возможно в нашей несчастной стране.

В четверг было заседание редакционного комитета «Исторических Известий». Подписчиков всего только 250, а субсидия на будущий год не внесена в смету министерства по небрежности министерства. Если не удастся как-нибудь отстоять субсидию, журналу конец. А осложнения с журналом множатся, полемика приводит к ссорам. Есть инцидент с Карсавиным, с Веселовским. Даже 80-летний старец Герье создает осложнения. Он желает украшать собою каждую книгу журнала и, между прочим, навязывает журналу анонимную, неприлично резкую и очень неученую брань по поводу випперовской характеристики Сократа. Даже по мнению самых близких к Герье людей статья неприемлема, и они теперь придумывают способы отклонить ее, не огорчая старика.

Отзыв Богословского о сошном письме Веселовского[208] Яковлев сегодня в беседе со мной назвал пасквилем. Яковлев еще сообщил, что Богословский считает только что напечатанную «Засечную Черту»[209] его слишком специальной для представления в качестве диссертации, что Готье за допущение книги, а Любавский будет читать ее на святки.

Ректор рассказывал мне и Богословскому о том, отчего Гуляев ушел в сенаторы. Недавно в юридический факультет пришла из министерства бумага с укорами за то, что профессора-юристы отдают слишком много времени Лицею цесаревича Николая и слишком мало — университету. Всего больше обиделся Гуляев, директор лицея. Он поехал к министру и стал сердито объяснять, что профессора-юристы не сами пошли в лицей, что их просил пойти туда министр Кассо, что при существовании гонорара лицейская плата за лекции была мало притягательна, и в заключение подал Игнатьеву прошение об отставке; Игнатьев прошения не принял. Но Гуляев все-таки поехал к министру юстиции Макарову, с которым у него были старые связи, и выпросил себе назначение в сенаторы. Теперь директором лицея назначен Филиппов, очень мало по своей серости подходящий к этому месту.

Ректор сообщил так же, что ревизия обнаружила значительную растрату в Музее изящных искусств, и что проворовался там Назаревский; дело вполне уголовное, но дойдет ли оно до суда, пока не известно: у Назаревских большие черносотенные связи.

Суббота 26 ноября. Сегодня был совет. Челпанов с несколькими юристами и естественниками возбудил ходатайство об учреждении при университете Общества экспериментальных исследований. Лопатин не подписался под этим заявлением и считает его вредным для Психологического Общества, о чем он сегодня и говорил в Совете. Но главным делом была речь ректора о тяжелом военном положении и о

призраках измены (Бухарест взят немцами, Греция против нас), за речью последовало чтение телеграммы Родзянке с пожеланием Государственной думе одержать верх в борьбе с темными силами в защиту национального достоинства России. И речи, и телеграмме много хлопали. Телеграмма составлена ректором вместе с Грушкой. Нужно прибавить, что даже объединенное дворянство пожелало обособиться от Маркова 2-го и послало сочувственную телеграмму Родзянке[210].

Если верить газетам, Назаревский внес 12 тысяч на покрытие произведенной им растраты.

9 декабря, пятница. Во вторник на заседании факультета декан заявил, пока еще неофициально, что приват-доцент Назаревский (брат редактора «Московских Ведомостей»), старший хранитель Музея изящных искусств, предается суду за растрату. В газетах было известие, что он внес 12 тысяч для пополнения своей растраты. Либо это известие неверно, либо внес слишком поздно.

У меня было небольшое приключение с оставлением при университете. По некоторой слабости я обещал способному, но ленивому и не особенно привлекательному молодому человеку с большими средствами, Кулакову, оставить его при университете. В факультете не было возражений, но после заседания ректор спросил меня, знаю ли я, что у этого Кулакова ночлежка на Хитровке. Я ответил, что в точности этого не знаю, но что какие-то слухи до меня доходили. Ректор сказал, что отец Кулакова был экономом Воспитательного дома[211] и что деньги их темные. Об этом я не имел ни малейшего представления и очень пожалел, что до представления не поговорил с Любавским. Позорить Кулакова мне не хотелось. Я ограничился тем, что вызвал Кулакова и спросил его, правда ли, что ему принадлежит хитровская ночлежка. Со смущением он признался, что ему таковая действительно досталась по наследству, совместно с сестрой. Я заявил ему, что нельзя быть одновременно собственником ночлежки и оставленным при университете. Он сказал, что немедленно предпримет шаги для продажи дома, хотя в отцовском завещании есть трудности, и что будет просить об отчислении от университета, если не удастся развязаться с домом.

Вчера на заседании факультета ВЖК Кизеветтер доложил просьбу Петрушевского об увеличении суммы, отпускаемой ему на проезд из Петрограда. Это не совсем ловко, потому что Тураев, тоже приезжающий из Петрограда, ничего не получает и ни о чем не просит.

Суббота 10 декабря. Сегодня заседание совета, заполненное физикой. Читается все производство по замещению кафедры, в котором удивительны особые мнения Станкевича и Плотникова о Кастерине,

выборных правых профессорах и прочих материях. Плотников проливает крокодиловы слезы о недостатке талантливых молодых ученых и всячески поносит пожилого и ленивого преподавателя Кастерина. Станкевич заявляет, что единственная большая работа Кастерина, его единственная диссертация, никуда не годится. А когда в прениях его притянули к ответу, он заявил, что математическая часть работы безупречна, что плоха только часть экспериментальная. Затем он пытался опорочить еще новую, еще ненапечатанную и неизвестную ему работу Кастерина, которую очень хвалил Жуковский; но Жуковский сразу посадил его в лужу. Очень пикантна была перепалка между честным Лахтиным и противным Станкевичем. За святость и неприкосновенность выборного начала ополчился Иван в кубе; я был очень рад, что Котляревский и Иван Каблуков корректно, но ясно указали этому бесцеремонному Ивану Непомнящему на неприличие его поведения. При голосовании только девять человек высказались в ответ на запрос министерства, что в данном случае еще не все средства в распоряжении университета исчерпаны; остальные признали все средства исчерпанными; Станкевич заявил, что подаст особое мнение.

Среда, 14 декабря. Вчера было заседание факультета. Я внес представление об избрании Пиренна в почетные члены университета.

Я пришел с опозданием и не слышал, как декан внес предложение об исключении Назаревского из числа приват-доцентов в виду его близкого предания суду по обвинению в растрате. А сидевший рядом со мною ректор говорит, что Назаревский и теперь надеется уйти от суда при помощи Елизаветы Федоровны, Петра Николаевича и генерала Степанова, что он поехал в Петроград обелять себя, что Назаревский совсем запугал Мальмберга своими связями и даже топал на бедного старика; что запуганный старик со страху пошел на лекцию Назаренко уже после того, как всплыло дело о растрате; что он, ректор, в случае прекращения дела о растрате по приказу свыше на свой счет напечатает документы по делу и разошлет всем членам Государственной думы; что у Назаревских казнокрадство есть семейная традиция — Назаревский-отец в свое время тоже был отставлен за растрату. Заговорив о «семейных традициях», ректор спросил меня, читал ли я в газетах красноярское дело. Я ответил, что нет. — «Напрасно, это дело о шайке подделывателей кредитных билетов, и одним из главарей шайки был брат нашего Гидулянова».

Вторник, 20 декабря. В субботу было заседание Исторического общества, прения по докладу Веселовского. Заседание происходило в советской зале, потому что все филологические помещения были заняты

тремя медицинскими съездами. В большом вестибюле было необычайно людно, светло, оживлено, отчасти потому, что среди тысячной толпы — как и по всей Москве — быстро разнеслась весть, что убит Распутин, и убит в Юсуповском дворце молодым Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем. Оттого было трудно слушать прения, тем более, что позже разнесся слух, что Гришка только ранен, а не убит; позже полиция старалась распустить слух, что Распутин скрыт, а не убит. Но вчера в Невке нашли обмерзший труп. Каковы будут последствия этого «события», сейчас не знает никто. Слухов и легенд масса.

В прениях участвовали Гневушев, Яковлев, Любавский; Богословский не явился, по слухам, по болезни. Веселовский получил реванш, все его хвалили, особенно Яковлев, которого я слышал в первый раз, который был в ударе и говорил талантливо, образно, хотя несколько вычурно и слишком «художественно». Я сидел рядом с Филипповым, который сказал мне, что нападения Богословского нисколько не разубедили его в высоких достоинствах книги Веселовского. Но когда двинется дело Веселовского, Филиппов не знает; ему теперь не до того, он назначен директором лицея и поглощен своим величием.

В воскресенье днем П.Г. Виноградов читал от нашего англо-русского общества публичную лекцию (в университете Шанявского, я был там в первый раз и мне помещение понравилось) о средней школе в Англии; первый час был скучен и холоден, второй занятнее и теплее; говорил о только о public schools**. Большая аудитория была полна.

Сегодня известие о смерти Снегирева, человека со всячинкой, но крупного врача. Как опустился теперь медицинский факультет в сравнении с временами моего студенчества!

** public schools (англ.) — государственные школы.

1917 г.

6 января. Каждый год мы начинаем уверениями, что хуже быть не может. А делается все хуже. Наверху так плохо, что не выдержало даже придворное долготерпение. Распутина убили Дмитрий Павлович и Юсупов. Их сослали: возможны дальнейшие расправы. Полный правительственный развал. Трудно найти министров. И судьбы России вершатся жалкой парой, Протопоповым и Щегловитовым. Игнатьев ушел, и на его место сел «Хужекассов» Кульчицкий, мелкий черносотенный каверзник, которому в бытность его харьковским профессором не все подавали руку. Только долго ли усидит? Вчера собрались у Андреева толковать, посылать ли Игнатьеву сочувствие по поводу его ухода, и об этом пустяковом деле толковали часа два. Расстройство транспорта идет грозными шагами.

24 января. Мне прямо тягостно писать. До такой степени малы теперь университетские дела. С насилием над собой записываю, что Вормс вернулся в «казенный» университет и будет читать лекции по гражданскому праву, что Кизеветтер по этому поводу поместил в «Русских Ведомостях» грозное письмо, в коем упрекает виновного в измене ушедшим вместе с ним товарищам; что в сегодняшнем заседании факультета Челпанов потерпел первое настоящее поражение, и что один из предложенных им на штатную должность молодцов, Экземплярский, сегодня получил 7 избирательных и 7 неизбирательных шаров, и потому не выбран. Но что значат все эти мелочи в сравнении с тем, что немцы грозят топить все корабли, что Америка разорвала дипломатические сношения с Германией, что фунт ржаной муки стоит у нас 10 копеек и сажень березовых дров 45 рублей?

И все-таки я, мелкий педант, записываю, что сегодня Любавский и Готье читали отзыв о диссертации Яковлева про засечную черту. Я опоздал к чтению доклада, но пробежал его после; он довольно благоприятный. Диспут назначен на 19 февраля.

Шилкарская подала заявление о своем желании читать пробные лекции, которые состоятся 14 февраля.

12 февраля. Вчера собралось семь человек у Котляревского, поговорили о трех М. Поводом послужило возвращение Вормса в «казенный» университет. Кизеветтер сейчас же написал статью в «Русских Ведомостях», где

обвинял оставшихся и вернувшихся в отсутствии чувства собственного достоинства; у Давыдова собралось самозванное совещание (из филологов был, кажется, только Н.Д. Виноградов), на котором проступок Вормса был предан осуждению. Несколько неудобное положение для того, чтобы подымать дело о возвращении президиума, и все-таки многотерпеливые собравшиеся решили попробовать почву, Спижарный взялся переговорить с ректором. Я думаю, что из этого ровно ничего ней выйдет, что ректор откажется поставить вопрос в совете, и что под предположенным обращением к совету не соберешь и тридцати профессорских подписей.

Снова Статкевич, на этот раз в камере мирового судьи. Его жена, с которой он не живет, пожаловалась мировому на нанесенные ей мужем побои и представила медицинское свидетельство: этот негодяй бил женщину долго и жестоко, так что во многих местах были большие кровоподтеки. Статкевич заявил, что это была простая супружеская драка.

Судья постановил допросить свидетелей. Студенты пришли к ректору и сказали, что перестанут слушать Статкевича. Сделают ли что профессора, я не знаю.

18 февраля, суббота. В четверг у Давыдова собралось человек 40 ушедших в 1911 году, и в связи с делом Вормса толковали о возможности возвращения в университет. Вынесли, при одном воздержавшемся, следующую резолюцию: «Присутствующие не считают нравственно возможным и целесообразным в интересах науки и общественности возвращение в Московский университет при существующих условиях лиц, вышедших из него в 1911 году». А на другой день в «Русском Слове» («Русские Ведомости», очевидно, отказались поместить письма) появились два письма — одно единоличное, а другое коллективное — о порядках, царящих в Научном Институте, кстати, недавно получившем от Маркса пожертвование в 1.200.000. Первое письмо написано Тимирязевым-отцом и обвиняет П.П. Лазарева в том, что он обратил физический институт Научного Института в физиологическую лабораторию и не пускает туда никого, кроме угодных ему людей, не пускает даже его, старика, почетного члена Научного Института, всячески отстраняет подлинного физика, Эйхенвальда. Второе письмо подписано Тимирязевым — сыном, Романовым (ассистентом Лебедева) и, кажется, тремя другими молодыми физиками, которые заявляют, что Лазарев не позволяет им заниматься в физическом институте. Тимирязев-отец в своем письме зовет Лазарева арравистом, который через «свободный» Научный институт хочет пробраться в несвободный университет. А между тем завтра должно состояться торжественное заседание Научного Института, на котором должны были громко звучать победные трубы. Теперь они потускнеют. Право, в «свободных» академических кругах нравы немногим лучше, чем в казенных.

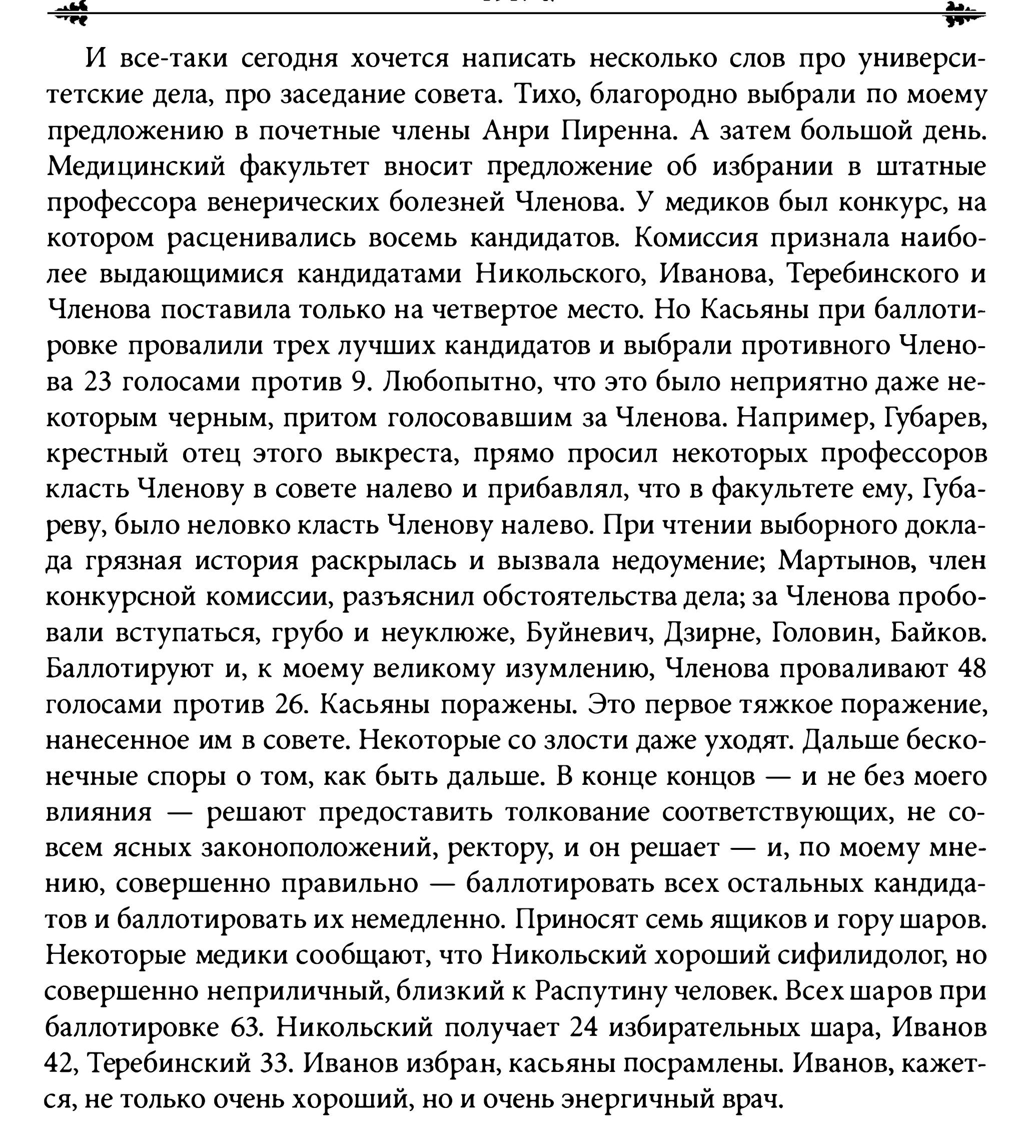

14 февраля во вторник читала пробные лекции Шилкарская. Я попал только на вторую о La Rochefoucauld. Профессоров и доцентов было много, студентов странным образом немного. Лекция была хороша, умна, но слишком считана с рукописи; русский язык хромает; Шилкарская производит впечатление насмешливой, холодной лекторши, но она по уму и знаниям скорее выше среднего приват-доцентского уровня, и студентам есть чему у нее поучиться; она занимается по преимуществу испанской литературой.

Воскресенье, 19 февраля, 9 часов вечера. Сегодня диспут Яковлева. В богословской аудитории народу много, но очень холодно. На эстраде два петербургских гостя — Платонов и Васенко; они приехали на совещание о предположенном на 1919 год съезде русских историков. Яковлев все время сидит. Тон диспута очень, даже изысканно, куртуазный. Официальные оппоненты — Любавский и Готье. Говорили они приблизительно одно и то же. Основная часть работы слишком близка к источникам, недостаточна критична. Введение и заключение слишком далеки от источников. Есть и основное разногласие. Яковлев считает засечную черту и вообще военную политику Московского государства на южной границе в XVII веке архаизмом, проявлением московской косности, чтобы не сказать тупости, и еще проявлением московского крепостничества, охранявшего свое Запечье, задерживавшего народную колонизацию. Оппоненты были откровеннее в своих выражениях. Любавский сказал, что «Засечная черта» похожа на главу из «Истории города Глупова»; Готье сказал, что в «Засечной черте» московские люди-головотяпы. Оба оппонента — и, по моему мнению, с немалой долей правды — указывали на реальное стратегическое значение черты и на невозможность объяснять цеплянье за нее социальной политикой, крепостничеством. И Платонов всецело присоединился к этому протесту; он отметил еще литературную разностильность книги и литературный талант автора. Яковлев был неровен: вступительную речь, слишком длинную, считывал довольно вяло, порой отвечал не на тему, но нередко бывал остроумен.

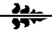
Сегодня вечером встретил на улице Д.Ф. Егорова, узнал, что Спижарный говорил с ректором об ушедших. Как я и думал, ректор отказывается вести дело прямо через совет, но ничего не имеет против возбуждения дела в факультетах.

Суббота, 25 февраля. Мы дожили в России до голода. В Петрограде голодные, хлебные беспорядки, которые переполошили Думу и правительство, заставили передать продовольственное дело в руки города. В Москве положение не такое ужасное, но очень тяжелое. На днях вводятся хлебные карточки. А на будущую зиму будет еще хуже.

И все-таки сегодня хочется написать несколько слов про университетские дела, про заседание совета. Тихо, благородно выбрали по моему предложению в почетные члены Анри Пиренна. А затем большой день. Медицинский факультет вносит предложение об избрании в штатные профессора венерических болезней Членова. У медиков был конкурс, на котором расценивались восемь кандидатов. Комиссия признала наиболее выдающимися кандидатами Никольского, Иванова, Теребинского и Членова поставила только на четвертое место. Но Касьяны при баллотировке провалили трех лучших кандидатов и выбрали противного Членова 23 голосами против 9. Любопытно, что это было неприятно даже некоторым черным, притом голосовавшим за Членова. Например, Губарев, крестный отец этого выкреста, прямо просил некоторых профессоров класть Членову в совете налево и прибавлял, что в факультете ему, Губареву, было неловко класть Членову налево. При чтении выборного доклада грязная история раскрылась и вызвала недоумение; Мартынов, член конкурсной комиссии, разъяснил обстоятельства дела; за Членова пробовали вступаться, грубо и неуклюже, Буйневич, Дзирне, Головин, Байков. Баллотируют и, к моему великому изумлению, Членова проваливают 48 голосами против 26. Касьяны поражены. Это первое тяжкое поражение, нанесенное им в совете. Некоторые со злости даже уходят. Дальше бесконечные споры о том, как быть дальше. В конце концов — и не без моего влияния — решают предоставить толкование соответствующих, не совсем ясных законоположений, ректору, и он решает — и, по моему мнению, совершенно правильно — баллотировать всех остальных кандидатов и баллотировать их немедленно. Приносят семь ящиков и гору шаров. Некоторые медики сообщают, что Никольский хороший сифилидолог, но совершенно неприличный, близкий к Распутину человек. Всех шаров при баллотировке 63. Никольский получает 24 избирательных шара, Иванов 42, Теребинский 33. Иванов избран, касьяны посрамлены. Иванов, кажется, не только очень хороший, но и очень энергичный врач.

1 марта, среда. Дни фантастические и трагические. Государственная дума распущена высочайшим приказом от 25 февраля, но распубликован этот приказ, кажется, только 26 февраля. Прогрессивный блок[212] решил не расходиться, часть петроградского гарнизона поддержала его; в воскресенье, по-видимому, преимущественно на Невском, были бои между войсками, ставшими на сторону Думы, и войсками, защищавшими старую гниль. В Москве командующий войсками Мрозовский всецело за старину и никого не подпускает к телеграфу и телефону. В понедельник вечером пришли неизвестным мне путем неофициальные и неизвестно в какой мере достоверные известия о победе войск, ставших на сторону Думы в Петрограде. Вчера, во вторник, не было никаких официальных

и, кажется, вообще никаких известий из Петрограда. По городу ходили самые фантастические слухи. Мрозовский и Шебеко растерялись и выжидали, не мешали уличным, впрочем, очень мирным демонстрациям с флагами и песнями. Образовался в Москве какой-то исполнительный комитет не то 10, не то 11, кажется, по преимуществу, из главных деятелей Всероссийского союза городов. Вчера вечером состоялось заседание городской Думы, единогласно выразившей сочувствие Государственной думе и пригласившей население к спокойствию. Поздно вечером я был в редакции «Русских Ведомостей», где мне показали «военную» телеграмму Бубликова, который вступил в управление министерством путей сообщения, и сообщает по всем линиям приказ — призыв Родзянки железнодорожникам об удвоенной работе; подлинная ли эта телеграмма и, если подлинная, то какая ей цена? А сегодня с утра на улицах Москвы расклеено объявление Мрозовского об осадном положении в Москве, которое вводится по высочайшему повелению. Сейчас (11 часов утра) девушка, пришедшая из Замоскворечья, сообщила, что на Каменном мосту стоят солдаты с ружьями на перевес, и что позади себя она слышала залп. Я ничего не знаю и не понимаю, не только того, что происходит в России, но даже того, что происходит в Москве. Возвещенный Мрозовским запрет сборищ невыполним, ибо перед булочными обычные хвосты; с сегодняшнего дня начинается выдача хлеба по карточкам.

Вчера вечером в университете был государственный экзамен.

Половина первого. С разных сторон идут слухи о том, что часть московского гарнизона восстала, что образовался военный революционный комитет, который вступил в связь с комитетом десяти. Дни великие и страшные. Чичкин сообщает, что его автомобили реквизированы восставшими. По улицам расставлены патрули и движутся войска. 9 часов вечера. В пятом часу вечера я ходил к Манежу и в Охотный. Улицы полны народа и радостного возбуждения. Толпа братается с солдатами, проезжают автомобили с красным флагом, на них солдаты вместе со штатскими, иногда со студентами, подчас даже мальчиками. Центр города во власти восставших. Но в редакции «Русских Ведомостей» тревожные слухи о Петрограде, правда недостоверные: будто образовался какой-то совет рабочих депутатов и совет военных (каких), который не признает авторитета Думы и сам хочет быть правительством; будто и в Москве образовался какой-то рабоче-солдатский комитет, который не признает «комитета десяти». На улицах объявление Мрозовского об осадном положении сорвано, зато свободно красуется «бюллетень революции», даже на доме офицерского экономического общества.

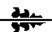
Из Ставки и о Ставке никаких достоверных известий. Все темно. Может быть возрождение, а может быть развал и национальная катастрофа, победа немца.

2 марта, четверг. Вышли газеты без цензуры. Восставшие взяли верх в Петрограде и окрестностях. Николая, где-то ездящего, готовятся арестовать. Бьюкенен и Палеолог признали временное думское правительство. Вчера к вечеру и Москва перешла окончательно в руки восставших, Мрозовский и Шебеко арестованы, образован комитет 15 (5 «цензовиков», 5 представителей от «демократических организаций», 5 от совета рабочих депутатов), и появился командующий войсками московского гарнизона — председатель земской управы подполковник Грузинов. С фронта никаких известий. Есть тревожные известия о пагубных, безумных притязаниях петербургских «товарищей», не желающих признавать авторитета Государственной Думы. Падение старого порядка, конечно, свидетельствует о жизненности русских, но будущее полно туч.

Я сегодня ходил по улицам. Тверская, Моховая, Воскресенская площадь, Охотный ряд, Театральная площадь запружены народом. Проходит много войск. Настроение праздничное, но спокойнее вчерашнего.

3 марта 12 часов дня. Великий князь Николай Николаевич, генерал Алексеев, Рузский, Брусилов признали новое правительство. Поезд Николая II был остановлен в пути, по-видимому, железнодорожниками, не то на Бологом, не то на Вишере. Сейчас Николай II, по-видимому, отвезен в Псков. Образовалось министерство с князем Г. Львовым во главе — Милюков, Гучков, Вл. Львов, Годнев, Шингарев, Терещенко, Некрасов и Керенский — министр юстиции! Мануилов — министр просвещения. В связи с этим пикантно для нашего муравейника, что вчера в 4 часа дня состоялось экстренное заседание совета, на котором ректор предложил послать телеграмму Родзянко и возобновить советское ходатайство 1911 года о возвращении Мануйлова, Мензбира и Минакова в Московский университет. Значит, Мануилов в качестве министра должен будет рассматривать это ходатайство о возвращении его, Мануйлова, в московский университет. Знал ли ректор о назначении Мануйлове министром, когда созывал совет, я не знаю. Предложения были приняты единогласно; за них голосовали Дзирне и Статкевич; мое презрение к человеческой природе оправдалось в полной мере. Я на совете не был, потому что странным образом не получал повестки. Милюков уже в качестве министра иностранных дел, что Николай II отречется — добровольно или вынужденно, что его преемником будет Алексей, а регентом — Михаил Александрович, но что вопрос о форме правления будет решен окончательно четырехвостным учредительным собранием. Эта учредилка во время войны и смуты есть бессмыслица, которую вынудили «товарищи»; может быть, удастся ее отсрочить если не до греческих календ, то до конца войны. Впрочем, что я говорю? До конца войны может смениться еще много программ и правительств! И каков будет этот конец войны?

4 марта. Николай II отрекся от престола за себя и за сына в пользу Михаила Александровича, а Михаил Александрович согласился принять корону лишь в том случае, если ее предложит ему учредительное собрание. Таким образом, у нас фактически установилась на время республика, и пока даже без президента. Я совершенно свободен от предрассудков в политике, не боюсь решительно никаких страшных слов, но должен признаться, что очень боюсь, патриотически боюсь и болею за мою несчастную родину, над которой проделывали, проделывают и будут проделывать самые истязательские, мучительские эксперименты.

В университете человеческая низость проявляет себя все красноречивее. На завтра назначено экстренное заседание совета. Привожу без комментариев его повестку. «В воскресенье 5 марта в университетской церкви после литургии будет совершено молебствие о ниспослании Божия благословения на возрождающееся к новой жизни государство российское. После молебствия в 12 ½ часов дня в Круглой зале правления (советский зал нового здания, вероятно, захвачен явочным порядком под митинги) в 12 ½ часов дня состоится экстренное заседание совета. Предметы заседания: 1) Предложение ректора о посылке приветственной телеграммы новому правительству. 2) Предложение ректора о посылке приветственной телеграммы министру народного просвещения А.А. Мануилову, 3) Предложение ректора о необходимости соблюдать настоящие узаконения, регулирующие жизнь университета, впредь до их изменения в законном порядке».

Как стыдно, стыдно!

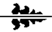
5 марта, воскресенье. Сегодня состоялось в Круглом зале правления заседание совета. Много растерянных лиц. Кожевников высказывает великие опасения насчет социал-демократической республики. Зыков испуганно говорит насчет ужасного поведения рабочих и солдатских депутатов. Ректор открывает заседание речью о падении русской абсолютной монархии, о ее великих заслугах и великих грехах, о незначительности большинства русских монархов и кончает пожеланием, чтобы в предстоящие трудные дни опасной войны и политического переустройства не было расточено народное достояние; будущий порядок ректор представляет себе либо как конституционную и парламентарную монархию, либо как демократическую республику. Затем он оглашает свой проект приветствия князю Львову и Мануилову. Я прошу слова по поводу приветствия Мануилову (который немедленно ответил благодарностью факультету и совету за их ходатайство о восстановлении его, Меизбира и Минакова в профессорских правах и назвал Московский университет бесконечно дорогим ему) и напоминаю, что прямым следствием удаления Мануилова в 1911 году был выход в отставку многих преподавате-

лей, и что теперь настал момент, когда можно и должно говорить о примирении. Я спрашиваю, как удобнее поступить, включить ли пожелание совета о возвращении ушедших преподавателей в телеграмму Мануилову (я говорю это только для того, чтобы сохранить формальную связь с телеграммой Мануйлову), или же выделить пожелание в качестве самостоятельного советского постановления. Завязываются прения и, по моему мнению, правильно, решают отделить «горячее пожелание» от телеграммы. Голосуют формулу «горячего пожелания», и ни один человек не осмелился голосовать против нее. Ректор заявляет, что он сообщит об этом пожелании факультетам, которые и обсудят его. Довольно много говорят — и я не дослушиваю до конца — о соблюдении существующих законоположений. Но в теперешние смутные дни это чисто академические разговоры; университет снова захвачен учащеюся молодежью под митинги и никто не слушается профессоров; просто нужно ждать, чтобы эта горячечная волна спала. Гулевич боится, как бы митинговая толпа не учинила взрыва в его лаборатории по неумению обращаться с газом.

А общее положение все-таки очень тревожно.

11 марта. Все страшнее становится общее положение, все тревожнее вести из Петрограда и с фронта о развале армии и фронта. Опасность близкого немецкого прорыва на северном фронте и похода на Петербург очень велика, тем более что при развале флота немцы легко могут произвести десант вблизи Петербурга. В Петербурге по-прежнему двоевластие; Совет рабочих и солдатских депутатов притязает командовать Временным правительством. Уже слышатся слова о революционной гвардии. Правда, уже есть расхождение между деморализованными петербургскими солдатами и не менее деморализованными петербургскими рабочими, но оно скорее увеличивает, чем умаляет смуту. Солдаты указывают, что рабочие работают 8 часов (а в революционные дни не работают и все-таки получают) и получают 10-15 рублей в день, а они, солдаты, в распоряжении начальства круглые сутки и получают 10 копеек в день. Крайне бестактно держат себя некоторые евреи в Петроградском и Московском совете рабочих депутатов. На этом грозном фоне высшие учебные заведения кажутся подробностью. Но все-таки запишу коротко несколько слов. В среду 8 марта в Психологическом Институте состоялось очень многолюдное собрание старших и младших преподавателей. Младшие преподаватели уже начали сплачиваться, образовали общество младших преподавателей и явились в большом числе. Председателем был намечен Северцев, секретарем, к моему удивлению, очень деятельный среди младших преподавателей, Косминский. Наметили программу: война, возобновление занятий, участие в подготовке учредилки. Послышались речи за войну до победы, но, к удивлению собравшихся

профессоров, главари младших преподавателей, Ильин и Ивановский, заявили, что их общество уже выработало свою формулу о войне до почетного мира и не может допустить в ней никаких изменений. Страстные споры о неприемлемости этой формулы, среди которых постепенно выясняется, что члены общества младших преподавателей пришли говорить не столько о войне, сколько об очищении профессорского состава. Ассистент по кафедре ботаники Понятский заявил, что совет засорен и загрязнен, что профессора воруют трубы и архивные документы, доносят на товарищей, истязают жен и что для младших преподавателей невозможно голосовать с профессорами, пока в их составе имеются такие люди. Наступает тягостная минута, тягостная нелепость которой еще увеличивается, что свое согласие вставить в свою формулу слова «в единении с нашими союзниками» ставят в зависимость от того, будет или не будет очищен профессорский совет. А нужно заметить, что общество младших преподавателей на митингах энергично борется с пораженцами. Вячеслав Николаевич Щепкин, свыше осененный, придумывает нелепый, но примиряющий выход: младшие преподаватели соглашаются воевать за войну в единении с союзниками, если старшие преподаватели примут зависящие от них меры для очищения своего состава. Младшие преподаватели встречают это предложение шумными рукоплесканиями и просят о перерыве для того, чтобы обсудить предложение Щепкина. Я ухожу во время перерыва. На другой день узнаю, что младшие преподаватели согласились даже голосовать за войну до победы.

В четверг 9 марта я ходил в университет на экзамен, после экзамена нас осталось несколько человек и «обсуждали положение»; ректор сообщил, что он предложил Статкевичу и Венгловскому подать в отставку, на что Статкевич согласился, только прося о пенсии, а Венгловский, кажется, даже опередил ректора и подал прошение прямо министру с указанием, что он освобождает место для Рейна. Подписался он — временно занимающий должность профессора оперативной хирургии. Какое благородство. Я слышу с двух сторон, что сей самый Венгловский был в толпе, бравшей Кремль, а теперь заседает не то в Совете рабочих депутатов, не то в комитете общественных организаций и произносит сам крайне левые речи, очень милые сердцу товарищей. В том же духе еще превращение: Елистратов организует республиканский клуб.

Вчера вечером на совещании у Андреева, на которое впервые был приглашен и Богоявленский. Только что вернувшийся из Петрограда Котляревский сообщает, что Мануилов очень озабочен возрождением московского и петроградского университетов. Первоначально у него была мысль уволить всех профессоров того и другого университета, но потом он основательно отказался от такой расправы и решил уволить лишь тех профессоров, которые были назначены после указа 27 августа 1905 года

об автономии. Мы много говорили об этом плане и предпочитали ему придуманную, кажется, Ильиным ревизию дел Московского университета; Северцев и Грушка составили черновой текст предложения о ревизии, который и будет внесен в сегодняшнее экстренное заседание совета. Говорили еще о способах войти в общение с младшими преподавателями и со студентами, значительная часть которых, по-видимому, правеет.

8 часов вечера. Я вернулся с заседания совета. Ректор доложил о захвате университетских зданий под митинги и под милицию — общегородскую и студенческую. Между прочим, в новом здании помещались арестованные городовые и околоточные, теперь их осталось только четыре, но они занесли с собою возвратный тиф. Надежды на очень скорое высвобождение университетских помещений нет. И новый попечитель московского учебного округа — Чаплыгин — советует ждать. Затем ректор сообщает о состоявшемся в среду собрании старших и младших преподавателей, об обещании присутствовавших там профессоров принять меры к самоочищению и о том, что он, ректор, в тот же вечер предложил Венгловскому и Статкевичу подать в отставку, что оными и было сделано. Мартынов предлагает войти в сношение с младшими преподавателями и со студентами, не с большевиками «студенческого дома», а с более умеренным и с патриотичным «советом студенческих депутатов». Долгие прения. Только Иван Иванович Иванов находит в себе смелость высказаться против всякого общения со студентами, у которых не может быть общего языка с профессорами: крайние правые среди студентов — меньшевики. Иванов предлагает процессорам совершенно самостоятельно читать лекции о современном политическом положении; но Иванов не встречает решительно никакой поддержки. Выбирают восемь человек для предварительных переговоров с младшими преподавателями и студентами о создании коалиционного комитета из профессоров, младших преподавателей и студентов. И сейчас же обнаруживается, что мы, левые, на минуту ведем за собою совет: выбраны Северцев, Егоров, Спижарный, Мартынов, Котляревский, Познышев (как проректор), Грушка и я; по всей вероятности через самое короткое время и мы будем сметены приливом. Затем наступает решительная минута. Ректор читает составленное на нашем вчерашнем совещании предложение о ревизии; под ним подписались еще некоторые не бывшие на совещании наши единомышленники и ректор, помощник ректора и проректор, и нагло-захватным путем Рыбаков и Челинцев (они взяли у ректора бумагу во время заседания, чтобы прочесть ее, и без спроса подписались под ней). Слушатели ошеломлены, особенно после того, как Грушка — не очень тактично — поясняет, что мысль о ревизии навеяна или навязана нам младшими преподавателями. Пробует говорить против предложения только Ко-

жевников, но и он быстро смолкает. Предложение группы профессоров о ревизии принимается единогласно с присоединением указания на полное доверие совета к президиуму.

А завтра большая, главным образом социал-демократическая манифестация в честь революции, с засильем: отменяются концерты, лекции, вообще все публичное, кроме этой манифестации.

Съест нас Вильгельм или не съест?

12 марта, воскресенье. Сегодня в «Русских Ведомостях» сообщается, что совет министров принял предложение министра народного просвещения об увольнении профессоров, назначенных после указа 27 августа 1905 года без представления факультетов и советов. У нас подходит под эту меру Богословский и Иванов. Очень жаль Богословского. С его переизбранием есть трудность, которая, по моему мнению, будет устранена. Кизеветтер был выбран факультетом и советом, но не был утвержден Шварцем; если проводить Кизеветтера и Петрушевского, то не останется штатного места для Богословского; но я думаю, Кизеветтер откажется.

14 марта, вторник. Третьего дня у Спижарного мы, человек 9-10 профессоров, очень долго говорили о трудностях, вытекающих из мануиловской меры, и о том, как нам быть. Перебрали отставных назначенцев и подлежащих возврату ушедших 1911 года. Несмотря на всю нравственную тяжесть участия в очищении университета, мы признали необходимым принять участие в выборах.

Вчера заседал в комиссии по сближению, где мы решили на следующее заседание пригласить представителей от младших преподавателей, а после этого пришел к шапочному разбору на учредительное заседание возрождающегося академического союза[213], где было тихо и академично.

Сегодня было у нас частное факультетское совещание по поводу мануиловского указа. Ректор и Виппер негодовали по поводу незакономерности указа, но не встретили поддержки; Виппер выступил с нелепым предложением прежде всего подвергнуть баллотировке всех уволенных указом, но не встретил сочувствия решительно ни у кого и вскоре после этого ушел. Грушка изложил положение дела и трудность с Богословским —Кизеветтером. Решительно все стояли за возвращение Богословского, но некоторые настаивали на том, что Кизеветтера надо вести по меньшей мере наравне с Богословским, если не впереди его. И Готье, и Соболевский выказали великодушие. Готье просил задержать свое продвижение в ординарные, если оно еще не состоялось, с тем, чтобы вакантную ординатуру предоставить Кивеветтеру; Соболевский заявил, что в мае он выходит за штат и не претендует на дополнительное вознаграждение, тоже с тем, чтобы освободить ординатуру для

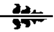
Кизеветтера. Я сообщил о согласии Петрушевского вернуться; никто не возражал, а Поржезинский напомнил о том, что Иван Иванович Иванов был назначен в Москву по собственной о том просьбе. Я заявил о крайней желательности ввести в нашу среду Егорова в качестве сверхштатного ординарного профессора; возражений не было, только Розанов сделал замечание о том, что Егорову может быть следовало бы начать с экстра-ординатуры, но не настаивал на этом. Сам Розанов очень энергично выдвинул кандидатуру Сакулина в сверхштатные ординарные; возражений не было, но Сперанский почему-то молчал. Мануиловский указ еще не пришел; если он придет, то дело, вероятно, будет проведено в факультете в следующем же заседании.

Общее положение как будто улучшается, солдатские депутаты как будто начинают выходить из под опеки товарищей, а безумные, полупровокаторские выкрики большевиков начинают пробуждать отвращение в широких кругах населения. Авось, как-нибудь выплывем.

15 марта, среда. Сегодня как будто опять товарищи осмелели в Москве и запретили манифестацию в честь армии. А мы заседали в комиссии с младшими преподавателями, Ильиным и Косминским, которые заявили, что они не имеют никаких полномочий и ничего не знают про студенческие организации. Так и потеряли попусту часа два очень дорогого времени. — Я был у Петрушевского, беседовал по душам, между прочим узнал, что Виппер с ним из-за чего-то поссорился; вообще Виппер в 1917 ведет себя нисколько не лучше, чем в 1911. Между прочим, он отказался вступить в академический союз.

Понедельник, 20 марта. В четверг я ездил с Котляревским во 2-ую артиллерийскую бригаду беседовать с офицерами и солдатами о текущем политическом положении. Котляревский говорил о причинах и общем ходе революции, о войне, я — об армии во Французской революции и о международном положении России. Офицеры и солдаты слушали очень внимательно и устроили нам настоящую овацию. Но зато я окончательно простудился и захворал ангиной, даже звал к себе доктора, Готье; я уже поехал в казармы с больным горлом и голосом.

А в среду у ушедших состоялось собрание, которое преподнесло сюрприз. Ушедшие решили, что вышедшие в отставку в 1911 профессора не должны вновь переизбираться, но что совет должен возбудить перед министром ходатайство о простом восстановлении их в прежних или повышенных должностях; только после этого, при обновленном составе совета, факультеты могут пополнить свой состав новыми членами либо профессорами, уволенными по предложению Мануилова. Младшие преподаватели возвращаются в университет по своему о том заявлению

и по возможности на прежние должности. Что касается требования о профессорах, то оно навеяно действительно предосудительным поведением юридического факультета, к которому ушедшие не чувствуют никакого доверия; даже Котляревский ведет себя странно в этой истории. В самые первые дни революции, среди всеобщей сумятицы, юридический факультет воспользовался замешательством и, кажется, с нарушением норм, провел в факультете четырех в профессора — Гордона, Фрезе, Н. Алексеева, Вышеславцева (последние два вдобавок магистры, доктора ли два первые — я не знаю). Еще обнаружилось, что из ушедших в 1911 году профессоров они желают вернуть только Мануилова и враждебны возвращению Новгородцева, Трубецкого и Хвостова. Я ничего не понимаю в этой истории. Всего хуже ведет себя декан Гидулянов, о котором начинают ходить прямо криминальные слухи. Гидулянов упорно не собирает факультета для того, чтобы не ставить вопроса о возвращении ушедших, и ректор должен был прямо потребовать, чтобы Гидулянов собрал факультет и предложил факультету сделать постановление об ушедших; только после этого юристы подчинились.

Вчера, когда я лежал больной, у меня в квартире собралось человек тридцать профессоров (в том числе ректор и помощник ректора) выбрать делегатов в комитет возрождающегося академического союза и поговорить об ультиматуме ушедших; решили подчиняться ему и на ближайшем заседании совета возбудить перед министром соответствующее ходатайство.

В четверг вечером, когда я совсем больной был в университете на экзамене, ректор разоткровенничался со мной и Грушкой и сообщил, что в первые дни революции его, Любавского, чуть- чуть не арестовали, видя в нем слугу реакции (еще раньше, у себя на квартире, Любавский читал членам факультета полученное им, и не первое, псевдоанонимное ругательное письмо с грубым перечислением его реакционных прегрешений и хамелеонских превращений и с предложением немедленно выйти в отставку), что он, Любавский, не выставит своей кандидатуры на предстоящих в апреле ректорских выборах; что новому времени нужны новые люда в новые льстецы; что с Кассо у него были только сносные отношения; что с Игнатьевым отношения стали хорошими только под конец; что к Кульчицкому он вовсе не ездил на поклон (не успел). Да, многое переменилось, если Любавский ведет со мной такой разговор.

А революционная буря разыгрывается своим чередом. Между прочим, Финляндии возвращена автономия, Польша признана независимой. Смута сильна, кое-где перекинулась и в деревню.

22 марта, среда. Я все еще болен и не выхожу. Вчера было заседание совета, на котором Иван Каблуков поднял шум из-за заявления ушедших,

справедливо усмотрел в нем недоверие к оставшимся. Ректор поддержал его, Познышев тоже. Произошел скандал, тем более нежелательный, что в конце концов совет подчинился и принял все требования ушедших. Решили не вносить щекотливых прений в протокол, только Познышев потребовал, чтобы его мнение осталось в протоколе. Мне говорил обо всем этом вчера Д.Ф. Егоров, который, между прочим, попросил меня переговорить с редакцией «Русских Ведомостей» о помещении соответствующей заметки в газете, что я исполнил. Заметка сегодня появилась.

Вторник 11 апреля. Сегодня было частное совещание всех профессоров, созванное ректором отчасти по указанию нашей группы.

Да, мы недавно собирались (на святой в среду, 5 числа) у Д.Ф. Егорова поговорить о предстоящей встрече с возвращающимися и о выборе ректора и решили настаивать на том, чтобы возвращающихся приветствовали ректор и кто-нибудь из нашей группы. В качестве возможных кандидатов в ректоры наметили Мензбира, Чаплыгина, Северцева, Гулевича.

Наше предположение, чтобы возвращавшихся приветствовал не только ректор, но и еще кто-нибудь, не встретило сочувствия; будет говорить только ректор. Есть значительное раздражение против Е. Трубецкого, который, приветствуя Мануилова на кадетском съезде заявил, что Кассо сделал ставку на хамство.

Любавский трусил перед Кассо и Тихомировым; теперь он трусит перед революционерами, не оказывает никакого противодействия захвату университетских помещений советом студенческих депутатов.

После совещания собралось человек шесть у Северцева и решили в ближайшее воскресенье попытаться поговорить с некоторыми из возвращающихся об университетских делах.

Вторник, 18 апреля. Сегодня «товарищи» празднуют по новому стилю первое мая и большевики выпустили по сему случаю новое киентальское воззвание[214], бешено-миролюбивое и полоумно-восторженное. Все учреждения закрыты, даже по ведомству православного исповедания. А смута растет.

В воскресенье у Спижарного произошла первая встреча оставшихся профессоров с «возвращающимися». Из последних были Млодзеевский, Фохт, Петрушевский, Трубецкой; из оставшихся кроме хозяина Мартынов, Северцев, Егоров, Гулевич, Поржезинский, я. Встреча была весьма мирная; с их стороны, по-видимому, есть полная готовность действовать по соглашению с нами; мы рассказали им об университетском положении и изложили свои соображения о совместной работе; они соберутся в среду и тогда примут окончательное решение. В ректоры мы решили просить идти Мензбира, но мало надежды на то, чтобы он со-

гласился. — Вчера я подписал повестку советского заседания, назначенного на субботу и с большим удивлением увидел, что Алмазов и Глинка остались профессорами, очевидно в качестве выслуживавших 30 лет.

Среда, 19 апреля. Сегодня заседание факультета. Я немного запоздал. Грушка уже начал свою вступительную речь. Ему отвечал сначала Кизеветтер в примирительном духе, причем выразил уверенность в скором возвращении многоуважаемого М.М. Богословского. Петрушевский говорил очень коротко. Потом читались два отзыва: Готье о докторской диссертации Яковлева и Лопатина о докторской диссертации Эрна[215]. Вторым оппонентом у Эрна будет Шпет; он присутствовал на заседании и сделал дополнения к кисло-сладкому отзыву Лопатина, о том, что Джоберти, которому посвящена диссертация Эрна, не философ, а богослов, и что Эрн нередко бывает неточен в своих цитатах; о богословстве Эрна был любопытный спор между Лопатиным и Шпетом. Затем поставили вопрос об усилении преподавания по кафедрам русской истории, всеобщей истории, русской литературы. Отзыв о Богословском написан в очень повышенном тоне и подписан Любавским, Кизеветтером и Готье. Отзыв о Сакулине, подписанный Сперанским и Розановым, написан со свойственной Сперанскому длиннотой и скучной обстоятельностью. Оба отзыва приняты без всяких затруднений; Богословского и Сакулина будут баллотировать в следующем заседании факультета. — Богословского в штатные ординарные, Саккулина — в сверхштатные ординарные. Но с моим представлением о Егорове вышла очень печальная история. Я написал его сегодня. На заседании показал Любавскому, который подписал, Випперу, который не подписал, Петрушевскому, который не подписал, Готье, который подписал. Я прочитал отзыв. Петрушевский заявляет, что в отзыве не объяснено, какими потребностями преподавания вызывается предложение возвести Егорова в сверхштатные профессора, когда он мог бы быть и приват-доцентом. А Кизеветтер прибавляет, что Егоров медиевист и предложение о его возведении в профессора должно было бы исходить от медиевиста Петрушевского, который притом только на заседании ознакомился с представлением. Виппер присоединился к мнениям Петрушевского и Кизеветтера. Вот тебе и примирение, вот и солидарность между людьми, ушедшими в 1911 году. Я отвечал всем трем врагам Егорова, указал на то, что Егоров есть единственный в Москве историк, который может авторитетно преподавать вспомогательные исторический науки и методику истории, что он может читать курсы и по древней, и по новой истории. В заключение прибавил, что если Петрушевский и Виппер будут настаивать на своих возражениях, то я снимаю с очереди свое предложение. Они повторили. Декан хотел было поставить вопрос на голосование, но я заявил, что не хочу его немедленного решения. Вопрос снят с очереди. Вдруг Виппер

предлагает сделать Пригоровского каким-нибудь ассистентом для чтения курса по истории эллинизма. Тогда я указываю на крайнюю непоследовательность такого поведения: доктору истории, видному ученому и очень опытному преподавателю предлагают быть приват-доцентом, а начинающего ученого хотят перевести на должность, которую еще придется создать. Любавский и Готье энергично меня поддерживают. Розанов спрашивает, на какой же срок отложить решение вопроса о Егорове и предлагает отложить решение до следующего факультетского заседания. Декан предлагает назначить комиссию из всеобщих историков; я предлагаю присоединить к ним русских историков. Мое предложение принимается; комиссия соберется в воскресенье. Мне очень горько разочаровываться в людях.

Да, еще декан поставил вопрос о доверии и хотел вырешить его записками. Ему указали с разных сторон, что лучше отложить вопрос о доверии до того времени, когда состав факультета пополнится, и тогда разрешить его подачей прошения об отставке и новыми выборами. Грушка соглашается с этим.

Суббота, 22 апреля. Вчера у меня собралось человек 25 «остававшихся» и «возвращающихся». Пришел и Мензбир, которого мы очень хотели бы видеть ректором. Мы, остававшиеся, шли навстречу возвращавшимся с безусловно примирительными чувствами и были жестоко разочарованы. Среди возвращающихся пытаются задавать тон люди, которые желают нам дать понять свое превосходство, стать вождями совета (хотя еще совсем неясно, кто за ними пойдет) и проводить какую-то свою линию. Особенно высокомерно держали себя Новгородцев и Хвостов, но и Кизеветтер взял отчасти такой же тон. Мы решили просить Мензбира быть председателем, но он решительно отказался и председателем был Млодзеевский, а секретарем Северцов. «Остававшиеся» усердно просили Мензбира баллотироваться в ректоры: «возвращающиеся» совершенно не поддержали нас, а Новгородцев заявил, что по его мнению, как и по мнению Мензбира, нельзя идти в ректоры не ознакомившись предварительно с положением дел в университете, в частности, с недавно учрежденной общеуниверситетской комиссией. Когда мы сообщили, что в этой временной комиссии три курии с равным числом голосов и с равными правами, Мнезбир пришел в ужас и сообщил мне, что мы с ним говорим на разных языках, что университетом должны управлять ректор и совет, а не соединенный комитет трех коллективов. Напрасно мы, члены комиссии, уверяли, что комиссия эта — сугубо временная, подготовительная, осведомительная. Мензбир уперся на своем и заявил, что он не пойдет. Всего хуже было то, что сложилось впечатление, что Новгородцев и Хвостов расставили ему ловушку и испугали его комиссией, чтобы добиться с его стороны отказа от ректор-

ства и тем расчистить дорогу для Новгородцева. И эти мелкие счеты и рассчеты в те дни, когда в Петрограде происходят огромные и печальные события, когда мы объяты вихрем красных и черных катастроф.

Сегодня было первое заседание совета в обновленном составе. Любавский и Мензбир произнесли хорошие прочувственные речи. Послали телеграмму временному правительству и Мануилову. Любопытный инцидент: Любавский прочитал свой проект телеграммы временному правительству с очень резкими выражениями по адресу Вильгельма[216] и Компании, в которую входит и пролетариат. Штернберг, который нежданно оказался большевиком и сотрудником «Социал-демократа»[217], заступился за честь немецкого пролетария. Текст телеграммы смягчили. Заслушали студенческие пожелания насчет участия студентов в управлении университетом (между прочим, о допуске студентов в факультеты и совет с совещательным голосом) и постановили обсудить их в одном из ближайших заседаний.

Воскресенье, 23 апреля. Сегодня состоялось заседание Егоровской комиссии и было еще печальнее, чем факультетское заседание. Я и Готье произнесли самые мягкие, примирительные речи, но нам не сделали никакой уступки, Петрушевский был даже упрямее прежнего. Кизеветтер говорил любезно, но по существу был непримирим. Виппер, как это иногда с ним бывает в последнее время, говорил странные вещи. Так и осталось — три и три; три находят дело спешным, три совсем неспешным; Кизеветтер находит, что только Петрушевский имел право возбудить вопрос о кандидатуре Егорова. Петрушевский говорил что-то угрожающее в том случае, если мы вздумаем проводить Егорова против его воли. Было очень тяжело. Потом пошел к Д.Ф. Егорову говорить о советском положении и о том, как прикончить нашу общеуниверситетскую комиссию. Решили всячески хлопотать о кандидатуре Мензбира; обсуждали возможность того, что нам навяжут кандидатуру Новгородцева. Нам желательнее Гулевич, но трудно сказать, пройдет ли он.

Среда 26 апреля. Вчера было заседание факультета, держали магистерский экзамен по новой истории два мои ученика, Лавровский и Сказкин. Лавровский хорошо и бойко, Сказкин основной вопрос отвечал хорошо, хотя вяло, но в вопросе о Прудоне запутался и остановился, впал в полную нервность. По настоянию Петрушевского и Виппера ему все-таки поставили весьма, хотя я был скорее против этого и предпочел бы отметку удовлетворительно. Бедный Сказкин кончал свой ответ в восемь часов вечера, а началось заседание в три.

Довольно долго говорили о возрождении отделения истории искусств и о предоставлении приват-доцентам по искусству возможности

заниматься в Музее изящных искусств. Приват-доценты участвовали в обсуждении, и от их имени выступал главный образом старший из них, А.И. Некрасов. Потом мы выбирали Богословского и Сакулина. Богословского выбрали единогласно 17 шарами, а Саккулина 15 шарами, против 2. И, наконец, долго препирались о Егорове, отчасти повторяя то, что мы говорили в комиссии, отчасти придумывая новое. Я выдвинул два неотразимых довода: 1) я выдвигаю Егорова не потому, что он медиевист, а несмотря на то, что он медиевист; 2) мы, оставшиеся, стремились, чтобы за 1911 год университет получал удовлетворение не только в лице ушедших профессоров, но и в лице ушедших приват-доцентов. Еще я говорил о важности вспомогательных исторических наук, об École des Chartes[218], о Traube[219] и Tangl[220]. В сущности восставшие против меня Кизеветтер, Петрушевский и Виппер решительно ничего не могли возразить мне, что и отметил Розанов, неосторожно выразившийся, что он не услышал ни одного серьезного довода против Егорова. Петрушевский вышел из себя и наговорил Розанову невероятно грубые, почти дерзкие вещи; Розанов был очень мягок, слишком мягок в ответе, а декан даже и не сделал Петрушевскому замечания. Для Егоровского дела это было полезно, но по существу неправильно. В конце концов, повидимому, мои противники наметили себе путь для почетного отступления, стали настаивать на том, чтобы я представил более подробный доклад о потребностях преподавания истории, вызывающих предположение о приглашении четвертого профессора всеобщей истории. Был ряд предварительных открытых голосований, в которых против Егорова голосовали четверо (Петрушевский, Виппер, Кизеветтер, Новосадский), а за него остальные двенадцать. Я очень устал от заседания. Вечер провел у Богословского, где были Егоров и Готье.

На улице встретил случайно Мануилова, который очень мрачно смотрит на политическое положение, думает, что очень скоро правительством станет кабинет Керенского, а потом власть может докатиться и до большевиков, если только раньше не произойдет резни между солдатами, стоящими за порядок, и солдатами, которые упиваются анархией. Для товарищеского засилья поучительна мелочь. К Мануилову приехали в Петроград жена и дочь, которым надо было назад в Москву. Билетов на станции не нашли. Мануилов обратился к министру путей сообщения Некрасову с просьбой о билетах. Некрасов ответил, что бессилен дать билеты, ибо сие дело в ведении каких-то товарищей; все, что он может сделать, это дать Мануилову салон-вагон, как министру, но только Мануилов должен тогда сам поехать в Москву. Так и пришлось Мануйлову нежданно, без всякой государственной надобности, проехаться в Москву в качестве проводника при жене и дочери.

Обреченная страна и проклятый народ.

Суббота, 29 апреля. Сегодня советское заседание, на котором выбирали ректора. Мензбир получил 33 записки, Любавский 23, Трубецкой, Хвостов и Тимирязев понемногу. Мензбир соглашается баллотироваться и получает 54 избирательных шаров и 15 неизбирательных; произносит речь о том, что нужно отделять университет от политики, высказывается за студенческие организации на академической почве. Затем обращается с приветствием и благодарностью к Любавскому и целуется с ним. Вокруг Любавского образуется груша из остававшихся профессоров и Жуковский обращается к Любавскому с приветствием от их имени; Любавский отвечает недурной речью. Одновременно выбирали Сакулина и Богословского: Богословский получил 66 избирательных и 4 неизбирательных, Сакулин 62 избирательных и 8 неизбирательных. Розни между остававшимися и возвратившимися в этом заседании, слава Богу, не замечалось.

Вечером в университете совещание, устроенное младшими преподавателями, об организации кафедры или, как они говорят, ячейки. Из трех профессоров пришли два, я и Петрушевский. Из приват-доцентов не было большевика Лукина, Рудакова, священника Попова. Из оставленных было только двое — Лавровский и Лесников. Говорили главным образом я и Косминский. Я изображал крайнюю правую, впрочем, довольно левого уклона, Косминский — несколько неожиданным для меня образом — крайнюю левую, впрочем, благовоспитанную. Пока мы говорили только о составе предполагаемого совещания по делам кафедры. Решили, что студенты не должны иметь постоянного представительства в совещании, хотя весьма желательно в соответственных случаях приглашать их на совещание. Желательно, чтобы все оставленные при университете были постоянными членами совещания, но не на одинаковых правах с подлинными преподавателями. Обсуждение было мирное, и вопрос о компетенции совещания будем обсуждать, кажется, 11 мая.

Вторник, 2 мая. Сегодня университетский факультет. Я прочитаю свое второе заявление о Егорове. Виппер и Петрушевский подали особое мнение, в котором они заявляют, что представление о Егорове внесено одним профессором всеобщей истории вопреки мнению двух других, и что факультет тем не менее решил пригласить четвертого профессора, что ввиду этого они, Петрушевский и Виппер, воздержатся от всякого дальнейшего участия в этом деле. Кизеветтер присоединился к особому мнению. Мне это было очень тяжело. Постановили баллотировать в следующем заседании, которое будет 16 мая.

Очень много говорили о реформе Музея изящных искусств; это, в сущности, тоже организация «ячейки». При директоре музея, который есть одновременно профессор изящных искусств, приват-доценты хотят учредить ограничивающий его власть совет. У них есть и недовольство Мальмбергом, который выдвигает приват-доцента Недовича

в ученые секретари музея, человека, по общим отзывам властного, грубого и для этой должности совершенно неподходящего, особенно в теперешнее время. Оно ужасно, теперешнее время. Армия и балтийский флот в полном развале, нас можно теперь взять голыми руками.

Среда, 10 мая. Вчера вечером у меня состоялось небольшое собрание по вопросу о выборе помощника ректора и проректора. Из остававшихся были Егоров, Северцев, Мартынов, Спижарный, Поржезинский, Гулевич, из вернувшихся Млодзеевский, Петрушевский, Мензбир. Мензбир держал себя очень хорошо и тепло. Когда Егоров не без горечи сказал, что в совете было две группы, а теперь стало три, Мензбир горячо возразил, что и теперь в совете две группы, что вернувшиеся и «меньшинство остававшихся» должны слиться в одну группу, которая и может образовать большинство совета. Подходящих кандидатов в помощники ректора нашли наши только двоих — Гулевича и Егорова; Гулевич отказался наотрез. Мы будем проводить Егорова; его опасным конкурентом будет Любавский, у которого очень много сторонников; Мензбир сказал, что, в крайнем случае, он будет служить и с Любавским, но что это будет ему крайне тяжело. Проректуру предложат Минакову, но он по всей вероятности откажется; в кандидаты мы наметили Сперанского, а в случае его отказа Петрушевского. Большого предвыборного собрания устраивать не будем. Любопытно, проведем ли мы своих кандидатов.

Я, кажется, становлюсь газетчиком. Сегодня был на редакционном совещании в «Русских Ведомостях».

Пятница, 12 мая. Вчера был на заседании о «ячейке». Пришел и Виппер. Обсуждали вопрос о бюро. Решили выбирать председателя и товарища председателя на год. Обсуждали вопрос о компетенции. Младшие преподаватели выработали проект, весьма невинный, против которого не пришлось возражать. Виппер возбудил вопрос о том, не привлечь ли младших преподавателей и оставленных при университете к обсуждению вопроса о замещении кафедры. И это говорит человек, который по своей личной неприязни не желает пускать Егорова в факультет. Я решительно восстал против Випперовского предложения. Виппер кротко обозвал меня крайним правым; я столь же кротко упрекнул его в демагогии. Петрушевский был на моей стороне. Приват-доценты молчали. Голосования не было. Расстались дружелюбно. В понедельник соберемся опять, говорить о преобразовании магистерских экзаменов.

Вторник, 16 мая. Сегодня заседание факультета, на котором, наконец, выбрали Егорова. Петрушевский и Кизеветтер уклонились от участия в выборах; Виппер и здесь держал себя «независимо», даже независимо от

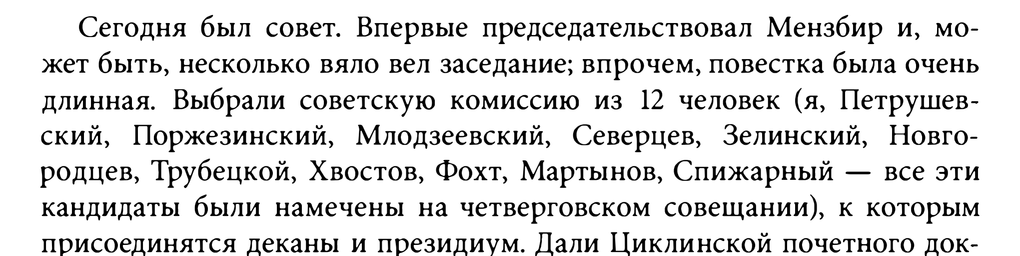
себя самого: вопреки своему письменному обязательству он принял участие в баллотировке. Петрушевский и Кизеветтер были очень удивлены, когда он подошел к ящику, взял шар и опустил его. Он оправдывался рассеянностью; на деле рассеянности у него очень мало, но мелкой злобности достаточно. Петрушевский и Кизеветтер, конечно, не голосовали. Егоров получил 10 избирательных и 4 неизбирательных. Три неизбирательных шара ясны: Виппер, Новосадский, Покровский. Кто четвертый, я недоумеваю. Неужели Поржезинский? Какое малодушие, если это так!

Скоропостижно помер К.Н. Успенский, от какой-то эмболии — вялый и неудачливый, но мягкий человек. Вчера на «кафедральном» собрании много говорили о преобразовании магистерского экзамена. И конечно оказалось, что Виппер очень консервативен, а я радикален — стою за специализацию и введение исследовательского элемента в магистерскую подготовку. Я был рад, что Петрушевский на моей стороне. Молодежь особенно решительно стояла за перемены. В пятницу будем продолжать обсуждение.

Общее положение России ужасно. Мы не накануне катастрофы; катастрофа уже пришла, и ни откуда не видно спасения. Русские — отвратительный народ.

Суббота, 20 мая. В четверг у меня было профессорское собрание по поводу выборов помощника ректора. Оказалось, что Мензбиру очень хочется провести Эйхенвальда, но когда мы познакомились с законоположениями, то увидали, что помощника ректора надо выбирать из ординарных. А среди ординарных у вернувшихся не оказалось ни одного подходящего человека. Довольно неприлично держал себя Зелинский, заявивший, что уж так и быть, они уступят это место оставшимся. Мы, обсуждавшие 9 мая с Мензбиром кандидатуру Егорова, не показали виду, что мы остановились на этой кандидатуре и Голенкин с Новгородцевым по телефону запрашивали Мензбира о Егорове; Мензбир конечно ответил полным согласием.

Вчера в пятницу собралась в последний раз «кафедральная организация» докончить обсуждение реформы магистерского экзамена. Говорили долго, я во многом расходился с Виппером, но кое в чем и сходился против Петрушевского, например, в защите серьезных занятий русской историей. В конце концов, решения вышли близкие к моим предложениям. Теперь у нас будет для магистрантов только десять вопросов по всеобщей истории (3+3+4), три вопроса по русской истории и один по политической экономии. Зато оставляемые должны участвовать по крайней мере в двух семинариях и представить, по крайней мере, одну письменную работу исследовательского характера. Облегчение получилось в общем большое, и меня удивило, что Петрушевский, впрочем, безуспешно, настаивал на дальнейших сокращениях.

Сегодня был совет. Впервые председательствовал Мензбир и, может быть, несколько вяло вел заседание; впрочем, повестка была очень длинная. Выбрали советскую комиссию из 12 человек (я, Петрушевский, Поржезинский, Млодзеевский, Северцев, Зелинский, Новгородцев, Трубецкой, Хвостов, Фохт, Мартынов, Спижарный — все эти кандидаты были намечены на четверговском совещании), к которым присоединятся деканы и президиум. Дали Циклинской почетного доктора медицины. Выбрали Власова в экстраординарные, Гензеля в ординарные профессора; Власову положили 3 черных жара, Гензелю 12.

Юридический факультет внес предложение о возведении С.Б. Веселовского в почетные доктора, но по просьбе Филиппова дело отложено до следующего заседания, когда в заседании может присутствовать Богословский. (Чаплыгин сообщил, что к нему уже пришло утверждение Богословского профессором).

Закончилось заседание выборами помощника ректора. Предупрежденный Любавский принял меры к тому, чтобы за него не подавали записок: Егоров подучил 29 записок, Лейст 13, остальные совсем по малу. Баллотируется один Егоров и получает 48 избирательных шаров и 15 неизбирательных.

И все это пустяки в сравнении с полным развалом России и крушением революции, голодом, смутой, сепаратным перемирием и неминуемым откромсанием западных окраин.

Четверг 25 мая. Во вторник было заседание факультета. Тряпка Мальмберг все-таки представил кандидатом в ученые секретари музея изящных искусств Недовича, который возбудил к себе крайнюю неприязнь в музее; это обстоятельство известно членам факультета и Недович получил 3 избирательных шара и 12 неизбирательных. Я очень обрадовался тому, что русские историки сделали представление об избрании Яковлева в сверхштатные экстраординарные профессора, а Лопатин о таком же избрании Н.Д. Виноградова. Яковлев будет пятым профессором русской истории, и Кизеветтер подписывает представление о нем, а Виппер и Петрушевский ничего против этого не возражают. Как же можно тогда возражать против четвертого профессора всеобщей истории?

Вчера заходил на юридический диспут Спекторского[221]. Было интересно, и Новгородцев был величественен, но я не мог досидеть до конца.

Воскресенье, 28 мая. В четверг и в пятницу были заседания советской комиссии, на которых я был за секретаря, обсуждались, и очень долго, вопросы о младших преподавателях и о приват-доцентах. Всех больше любят говорить Новгородцев и Хвостов, оба очень любят

себя, но Новгородцев гораздо изящнее и не лишен чуткости к чужим мнениям и жизненным переменам. Они говорят о незыблемых устоях университетского строя и больше всего боятся собрать в одном учреждении профессоров, младших преподавателей и студентов; им всякое такое собрание кажется трехкуриальной классовой организацией. В четверг решили, что студентов следует допустить в стипендиальные комиссии, в дисциплинарный суд, в совет при проректоре по делам внутреннего распорядка; в случае же университетских затруднений по более важным делам приглашать студентов в советскую комиссию, которой вообще вернувшиеся желают придать слишком большое значение. Об участии студентов в делах факультета и совета не говорили.

В пятницу Новгородцев читал свою старую записку о младших преподавателях. В ней он признал нужным внести дополнения в связи с новшествами — кафедральными советами и усложнением университетского преподавания. Особенно решительно он высказывается против всякой делегации от младших преподавателей. Но некоторые категории их он считает возможным допустить в факультет и даже в совет.

Мензбира особенно волнует вопрос о притязаниях младших преподавателей на управление учебно-вспомогательными учреждениями медицинского и физико-математического факультета. Это правда дело очень деликатное, в даже на нашем факультете приват-доценты оказались очень требовательными. По их инициативе учрежден научно-учебный совет при музее изящных искусств, и в положение о нем, принятое факультетом, вошел параграф, предоставляющий совету рекомендовать кандидатов в ученые секретари музея. И вот, когда Мальмберг предложил Сидорову быть ученым секретарем, Сидорова приват-доценты, входящие в состав совета, подвергли баллотировке и провалили 4 голосами против трех, после чего Сидоров снял свою кандидатуру. В факультете обратили на это внимание и когда вчера проект положения доложили совету, то просили отложить до осени его обсуждение.

Вчера состоялось самое длинное из заседаний университетского совета, на коих только я присутствовал. Почти все время было занято выборами 4 штатных и 5 сверхштатных профессоров. Особенно много времени заняли медицинские выборы двух терапевтов, двух нервников и физиолога. Выбрали Плетнева, Россолимо, Даркшевича (сверхштатным), Шатерникова. С выборами на госпитальную терапевтическую клинику и в факультете, и в совете. Участвовали в конкурсе три кандидата — Воробьев, Предтеченский, Вагнер — и все они получили в факультете по 11 избирательных и по 11 неизбирательных шаров. При втором голосовании выбранным оказался Воробьев, но в совете он получил 31 избирательный шар и 36 неизбирательных. Оттого пришлось баллотировать Вагнера и Предтеченского;

Вагнера забаллотировали, а Предтеченского выбрали сносным большинством; Воробьев ученее, но Предтеченский лучше как клиницист.

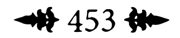
От нашего факультета баллотировали троих в сверхштатные — Егорова в ординарные, Яковлева и Н.Д. Виноградова в экстраординарные. Мне было очень на руку, что Кизеветтер подписался под представлением о Яковлеве, который будет у нас пятым профессором русской истории; это сделало нелепым его мнение о ненужности четвертого профессора всеобщей истории. По делу о Егорове были прочитаны мои представления, особое мнение и я сказал короткую, по словам нескольких товарищей, удачную речь с критикой особого мнения. Все трое прошли хорошо, Егоров хуже других, но все-таки получил 52 избирательных и 15 неизбирательных.

Юристы предложили выбрать в сверхштатные Булгакова. Его выбрали хорошо.

Чрезвычайно долго Филиппов читал представление о возведении Яковлева в почетные доктора; ему все-таки не дали дочитать до конца; Богословский, впервые явившийся в факультет и совет заявил, что он присоединяется к представлению юридического факультета, несмотря на свою полемику с Веселовским. Кизеветтер горячо заступился за Веселовского. Кончили заседание в половине десятого, заседали 6 ½ часов. Страшно болела голова, и все-таки пришлось пойти к Егорову, где еще были Богословский, Готье, Любавский, Грушка.

Во вторник, если не будет железнодорожной забастовки, уезжаю на лето в Верейский уезд, в Чеблоково. Возможно, что придется вернуться много раньше: смута растет, и близятся призраки голода.

Понедельник 4 сентября. Мы живем в новом мире, вернее, в аду. Произошла одна из величайших исторических катастроф. Война и революция разоблачили нищету, темноту, дрянность России и русского народа. Падение России было головокружительно; мысль, чувство отказывались мириться с ужасом крушения, с отвратительностью обнажившегося лика нации, со звериными призраками нашего ближайшего будущего. Мы дошли до голода, холода, военного разгрома, трусливого бегства перед слабым неприятелем, гражданской войны, и трудно сказать, где кончатся стерегущие нас ужасы. Я теперь готов ко всему, и в личной, и в общественной, и в народной жизни. Я не удивлюсь решительно ничему. Но душа опустошена, изувечена, полна презрения к своему народу и, в связи с этим, к себе. Я даже перестал писать стихи. «К чему? Для кого?» Как раз в последние дни обозначилось, в связи с провалом «мятежа» Корнилова, торжество большевиков, и ходят слухи о том, что финляндские и петроградские войска готовятся торжественно встретить братьев — немцев и при их поддержке на радостях сепаратного мира создать правительство не то Чернова, не то самого Ленина. Предстоят потоки крови, и трудно поручиться

за чью бы то ни было голову. Может быть, даже погибнет навсегда самая Россия в качестве великого народа, особенно если Украина действительно станет совсем особым народом. Но если даже Россия уцелеет и возродится, она окрепнет самое раннее через несколько десятилетий, а люди моего поколения умрут среди нищеты, позора, под ярмом иноземца.

Я прожил июнь и июль в Верейском уезде, где было только сносно во многих отношениях, но зато тихо. Август был в Москве, но не мог работать как следует. Не знаю, смогу ли писать про университетские дела, когда нет уверенности в том, что будешь сыт, обогрет, свободен, жив завтра и послезавтра. Но надо притворяться, что живешь. Попробую писать хотя бы не все, хотя бы немного, пока хватит сил, пока жив. Нет никакой уверенности в том, что учебные занятия состоятся. В Москве очень мало еды, еще меньше квартир для учащейся молодежи. Надвигается гражданская война, может быть в самой зверской форме, в форме разгрома бегущих с фронта ордами солдат. Сверх того, студенты-большевики хотят сорвать учебный год, чтобы освободить своих агитаторов и великодушно разрешают держать только государственные экзамены.

В субботу (2 сентября) был первый совет, который и говорил об открытии университета, о начале занятий. Ректор хочет собрать студентов и обратиться к ним с речью, указать, при каких условиях занятия возможны. В университете теперь студентов тысяч восемь, но из них многие, вероятно, не приедут в Москву. Вчера состоялось первое заседание советской комиссии, на котором битых три часа говорили о том, как начать учебный год. Самые словообильные ораторы Хвостов и Новгородцев, особенно Хвостов; Новгородцев, конечно, много талантливее, но и много самомнительнее. Очень неприятно наблюдать, что они не проявляют достаточного уважения к Мензбиру, который много привлекательнее их и отдает много труда и нервов университету. Мануилов снова профессор, но пока еще не в Москве. Совет теперь кадетообразен, но ведь кадеты самая правая из надпольных партий, а скоро они могут уйти в подполье, начать подвергаться арестам и казням.

В университетской жизни большая перемена: воскрешены доценты, и немалая часть младших преподавателей припущена в факультеты (в совете только с совещательным голосом); студентам дано немного, а левые студенты хотят многого, хотя в сумятице вряд ли будут серьезно интересоваться университетскими делами, такою мелочью, подлинно мелочью.

Комментарии

1 Выборжцы — 10 июля 1906 г. в Выборге в ответ на роспуск Думы Николаем II группа депутатов 1-й Государственной думы (кадеты, трудовики и социал-демократы) приняли воззвание («Народу от народных представителей»). Против подписавших его было возбуждено уголовное преследование.

2 Суворовский подголосок — речь идет о Н.С. Суворове (1848—1909), выпускнике юридического факультета Санкт-Петебургского университета, специалиста по церковному праву. С 1899 г. профессор Московского университета. Придерживался точки зрения о значительном влиянии западноевропейского права на нормы церковного права Древней Руси. Считал, что со времен Византии церковь поглощена государством и от него получает свои полномочия. Таким образом, приходя к выводу о праве российского императора руководить церковью. В глазах либерально настроенной профессуры его взгляды могли выглядеть реакционными. П.В. Гидулянов был его учеником.

3 «Союз русского народа» — правомонархическая организация (1905—1917), созданная А.А. Дубровиным, А.А. Майковым и др. Печатным органом СРН была газета «Русское знамя».

4 Молчалин — герой поэмы А.С. Грибоедова «Горе от ума».

5 «Голос Москвы» — ежедневная газета (1906—1915), орган партии октябристов. Первый редактор и издатель — А.И. Гучков.

6 «Русские ведомости» — ежедневная газета (1863—1918) либерального направления, с 1906 — орган партии кадетов. Отличалась серьезными обзорами зарубежных событий, публикацией произведений известных российских литераторов, постоянным освещением вопросов университетской жизни. В работе издания активно сотрудничали представители либеральной профессуры.

7 «Россия» — ежедневная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1905—1914 гг. По инициативе П.А. Столыпина эта частная газета в 1906 г. становится рупором правительственной политики.

8 Межевой институт — Константиновский межевой институт (с 1916 г. Императорский Константиновский межевой институт), основан на базе Константиновского землемерного училища, созданного в 1779 г. С 1918 г. назывался «Московский межевой институт». Просуществовал до 1930 г., когда был разделен на два учебных заведения — Московский институт инженеров землеустройства и Московский геодезический институт.

9 Сельскохозяйственный институт — Московский сельскохозяйственный институт (сейчас РГАУ—МСХА имени К.А. Тимирязева) стал в 1894г. восприемником основанной в 1865 г. Петровской земледельческой и лесной академии.

10 Технический институт — в данном случае речь идет об Императорском техническом училище (1868—1917), которое было основано как ремесленное училище в 1830 г. В 1917 г. переименовано в Московское высшее техниче-

ское училище (МВТУ им. Баумана). Являлось одним из центров подготовки инженерных кадров в России.

[11] Инженерный институт — речь идет о Московском императорском инженерном училище, основанном в 1896 г. и готовившем специалистов по ведомству министерства путей сообщения. С 1913 г. — Институт инженеров путей сообщения. Впоследствии — Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.

[12] «Речь» — ежедневная газета (1906—1917), издавалась в Санкт-Петербурге и являлась центральным печатныиорганом партии кадетов. Фактическими редакторами являлись И.В. Гессен, П.Н. Милюков. Издатели — Ю.Б. Бак, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич.

[13] «Правительственный Вестник» — ежедневная газета (1869—1917) при главном управлении по делам печати Министерства внутренних дел. Была предназначена для обнародования официальных правительственных сообщений, отчетов заседаний Совета министров и Государственного совета.

[14] Союзники — черносотенцы, члены Союза русского народа

[15] История противостояния студента Георгия Шенкена, который являлся председателем студенческого отдела Союза Русского народа и проректора Санкт-Петербургского университета Ф.А. Брауна произошла в сентябре-октябре 1908 г. Выступив против политики министра просвещения А.Н. Шварца, руководство университета подало в отставку. Началась и студенческая забастовка. 24 сентября Совет министров под председательством Столыпина потребовал прекратить забастовку и обязал профессуру приступить к занятиям. На студенческой сходке, которая должна была принять соответствующее решение, произошла борьба между сторонниками РСН («академисты») и забастовщиками. Г.Н. Шенкен был обвинен руководством университета в организации беспорядков.

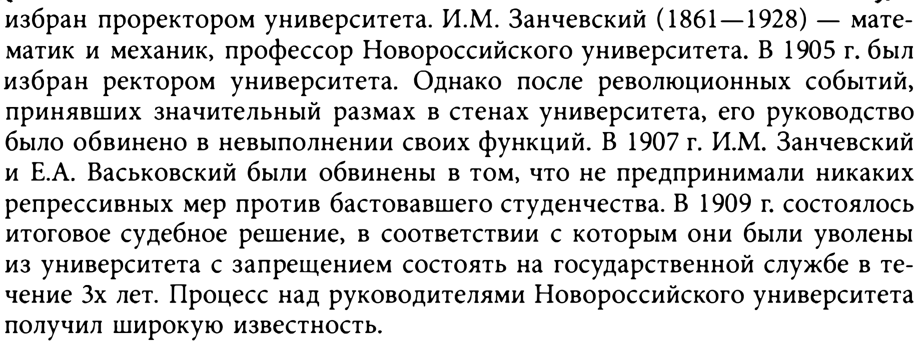
[16] Театр Гирша (немчиновский) — театральный зал в Москве, устроенный в доме М.А. Немчинова, который был выкуплен братьями Гирш и перестроен по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица. Помещение театра сдавалось различным коллективам.

[17] Платоновский протест — Платон высказывался против отождествления знания и восприятия, считая то, что человек получает через органы чувств, недостойным называться «знанием». С точки зрения философа единственно реальное знание должно иметь дело лишь с понятиями.

[18] Гоголевские торжества 1909 г. — речь идет о торжественном праздновании в России 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя. При этом данный юбилей, в отличие от прошедшего незадолго до того юбилея Л.Н.Толстого, активно поддерживался официальной властью. Именно поэтому проводились торжественные заседания различных обществ, отменялись занятия в вузах и школах, именем Гоголя назывались улицы; 20 марта 1909 г. была отслужена торжественная панихида в Даниловском монастыре, на которой присутствовала профессура Московского университета и представители московской элиты. В Москве 26 апреля был открыт памятник Н.В. Гоголю (скульптор Н. Андреев, архитектор Ф. Шехтель).

[19] «Вся Москва» — адресная и справочная книга г.Москвы, выпускавшаяся в 1894—1917 гг. издательством А.С. Суворина.

[20] Дело Занчевского и Васьковского — Е.А. Васьковский (1866—1942), цивилист, профессор Новороссийского университета (г. Одесса), в 1906 г. был

избран проректором университета. И.М. Занчевский (1861—1928) — математик и механик, профессор Новороссийского университета. В 1905 г. был избран ректором университета. Однако после революционных событий, принявших значительный размах в стенах университета, его руководство было обвинено в невыполнении своих функций. В 1907 г. И.М. Занчевский и Е.А. Васьковский были обвинены в том, что не предпринимали никаких репрессивных мер против бастовавшего студенчества. В 1909 г. состоялось итоговое судебное решение, в соответствии с которым они были уволены из университета с запрещением состоять на государственной службе в течение 3х лет. Процесс над руководителями Новороссийского университета получил широкую известность.

21 Реформа Штейна — Генрих Фридрих Карл фон Штейн (1757—1831), государственный деятель Пруссии, который провел ряд важных реформ, способствовавших укреплению Прусского государства (отмена крепостного права, муниципальная и административная реформы).

22 *Лазурский В.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Т. I. Одесса, 1909.

23 Московский Екатерининский институт благородных девиц был основан в 1802 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны. Одно из первых в России женских учебных заведений. Первоначально предназначалось для обучения девушек из дворянских семей, но затем появилось и «мещанское отделение» (впоследствии Александровский женский институт).

24 *Поржезинский В.Ф.* Введение в языковедение. М., 1907 (переиздано: М., 2005). Данный курс был впервые введен автором для преподавания студентам-филологам.

25 Тема докторской диссертации А.А.Кизеветтера «Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария».

26 «Вехи» — «Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909), в котором участвовали публицисты и философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, П.Б. Струве и др., признававшие революцию 1905—1907 гг. ошибкой, причем немалая вина возлагалась на социалистически настроенную интеллигенцию.

27 Имеется в виду имение артиста и режиссера А.П. Ленского (1847—1908), внебрачного сына князя А.П. Гагарина. А.П. Ленский (псевдоним) был артистом, а затем режиссером Малого театра в Москве, с 1898 по 1907 — Нового театра. Похоронен в Каневе, под Киевом.

28 Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) был открыт 31 мая (13 июня) 1912 г. Активным организатором и первым директором музея стал И.В. Цветаев (1847—1913). Египетская коллекция ученого-востоковеда В.С. Голенищева была куплена государством и передана в музей в 1909—1911 гг.

29 См.: *Викторов Д.В.* Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта. М., 1909.

30 Франсиско Феррер-и-Гуардия (1859—1909), испанский педагог, автор концепции «рационального воспитания», активист анархистского движения. В июле 1909 он был обвинен в организации восстания в Каталонии и по решению суда расстрелян в Барселоне 13 октября 1909 г. Казнь педагога вызвала массовые протесты по всему миру, в том числе студенческие волнения в России.

[31] Речь идет о книге: *Лазурский В.Ф.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Т. I. Одесса, 1909.

[32] Тема докторской диссертации М.М. Богословского: «Земское самоуправление на русском севере в XVII веке».

[33] См. примечание 24.

[34] Всероссийский национальный союз — право-консервативная партия, создававшаяся в 1908-1910 гг. на базе многочисленных организаций и фракций Государственной думы, в частности, Русской партии народного центра, Киевского клуба русских националистов и др. Возникший в период III Думы союз октябристов и националистов сделал ВНС заметной политической силой. Для консолидации русской национальной элиты был создан Всероссийский национальный клуб.

[35] *Петрушевский Д.М.* Английское общество в одиннадцатом веке (Paul Vinogradoff. English society in the Eleventh Century. Oxford, 1908). СПб., 1909. 88 с.

[36] Конститюанта (Конституанта) — (франц. constituante) — в данном случае имеется в виду Национальное собрание 1789 во Франции.

[37] Подробнее о дискуссии по диссертации В.А. Савальского см.: *Красиков В.И.* Складывание основных позиций отечественной эпистемологии: гносеологические дискуссии конца XIX начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2(10). С. 137—143.

[38] Шометт, Пьер Гаспар (1763—1794) — деятель Великой французской революции, якобинец, прокурор Парижской коммуны.

[39] Вероятно, имеется в виду Марк-Антуан Жюльен де Пари (1775—1848), который был активным участником Великой французской революции, единомышленником и соратником Робеспьера; в наполеоновское время был удостоен ордена Почетного легиона. Он являлся основателем и редактором "Revue encyclopedique" (1819—1831)

[40] Дмитрий Григорьевич Коновалов, выпускник Московской Духовной Академии. В 1908 г. ему присуждена степень магистра за сочинение «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1, в. 1: Физические явления» (Сергиев Посад, 1908), однако Священный Синод не утвердил эту защиту. В 1909 г. он был уволен из МДА.

[41] Московское Психологическое общество — первое профессиональное общество философов и психологов было созданов 1885 г. С 1889 г. издавало журнал «Вопросы философии и психологии». В состав общества входили представители различных наук, писатели (Л.Н. Толстой) и деятели культуры (А.Н. Скрябин, В.И. Немирович-Данченко). Председателем общества с 1899 по 1918 г. был Л.М. Лопатин

[42] Cohen (нем.) — Коген, Герман (1842—1918) —философ, глава марбургской школы неокантианства

[43] Имманентная школа — субъективно-идеалистическое направлений в философии конца XIX века. К нему относились В. Шуппе, Р. Шуберт-Зольдерн, И. Ремке, А. Леклер. Идеи этого направления были близки Э. Маху, Р. Авенариусу

[44] (Rickert) — Риккерт, Генрих (1863—1936) — немецкий философ, представитель неокантианства, один из основателей баденской школы.

[45] (Windelband) — Виндельбанд, Вильгельм (1848—1915) — немецкий философ, основатель баденской школы неокантианства.

[46] Вторник Фоминой недели (Радоница) — в этот вторник, после праздника Пасхи, совершается панихида.

[47] Курсы Алферова — в данном случае речь идет о частной женской гимназии, созданной супругами А.Д. и А.С. Алферовыми в 1896 г.

[48] Крупенские —Представители дворянского рода Бессарабской губернии, откуда был родом и Л.А. Кассо. П.Н. Крупенский (1863—1939) был депутатом II и IV Государственной думы, монархистом. В 1909 г. стал одним из руководителей Всероссийского национального клуба. А.Н. Крупенский (1850—1923) был российским послом в Норвегии и Италии.

[49] Мозаики Кирие Джами — это византийские мозаики XIV века храма Христа Спасителя в Полях, который после захвата Константинополя турками был превращен в мечеть.

[50] Зерентуйская каторжная тюрьма являлась центральной тюрьмой Нерчинской каторги. Осенью 1910 г. шесть политических заключенных попытались покончить с собой в знак протеста против бесчеловчного обращения с ними тюремного начальства. Весть о событиях в Зерентуе вызвала всплеск студенческих волнений.

[51] Имеется в виду самоубийство (яд) в 1910 г. эсера Е.С. Сазонова, который был осужден за убийство министра внутренних дел В.К. Плеве в 1904 г. на пожизненную каторгу.

[52] Имеется в виду Осведомительное бюро при Главном управлении по делам печати МВД Российской империи

[53] Имеется в виду события, связанные с убийством 18 июля 1906 г. М.Я. Герценштейна, кадета, депутата I Гсударственной думы. Среди прочих подозреваемых оказался член СРН Е.С. Ларичкин. На суде выяснилось, что он также убил в 1906 г. рабочего А. Мухина, которого члены ячейки СРН подозревали в предательстве.

[54] А.Н. Савин использует знаменитую цитату из трагедии «Гамлет» У. Шекспира, когда Гамлет восхищается мастерством перевоплощения актера: «Не страшно ль, что актёр проезжий этот /В фантазии для сочиненных чувств, / Так подчинил мечте своё сознанье, / Что сходит кровь со щёк его, глаза / Туманят слёзы, замирает голос... / Что он Гекубе? Что ему Гекуба? / А он рыдает...». В иносказательном смысле используется для характеристики человека, безразличного к несчастьям других.

[55] Одночастная симфоническая поэма «Прометей (Поэма огня)» А. Скрябина была написана им в 1908—1910 гг. и впервые исполнена 2 марта (ст.стиль) 1911 г. в Москве оркестром под руководством С. Кусевицкого.

[56] Московский сельскохозяйственный институт — таким с 1894 по 1917 г. было название Петровской земледельческой и лесной академии (Петровской сельскохозяйственной академии), основанной в 1865 г. С 1923 г. — Сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева

[57] Речь идет о втором из трех братьев семьи Савиных — Вите Николаевиче (1874—?), который закончил медицинский факультет Московского университета в 1898 г., участвовал в русско-китайкой войне 1900—1901 гг. и русско-японской войне, в 1903 г. защитил диссертацию и стал приват-доцентом университета в 1904 г. В 1909г. назначен экстраординарным профессором Томского университета. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 487. Д. 354).

[58] Имеется в виду книга: *Розанов М.Н.* Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц, его жизнь и произведения. М., 1901.

[59] “Duna Zeitung” — газета, которая издавалась в Риге на немецком языке в начале XX века; “Vossishe Zeitung” (1721—1934) и “Berliner Tageblatt” (1872—1939) — берлинские либеральные газеты.

[60] Вероятно, речь идет о жене А.А. Кизеветтера — Екатерине Яковлевне.

[61] Bad Neuenahr — бальнеологический курорт в Германии

[62] Saas Fee — высокогорный курорт в Швейцарии

[63] Стрелявший в Столыпина в киевском театре Дмитрий Григорьевич (Мордко Гершкович) Богров был секретным осведомителем охранного отделения.

[64] Ново-Александрия — посад Ново-Александрийского уезда Люблинской губернии, где находился Институт сельского хозяйства и лесоводства.

[65] «академистами» называли студентов — членов студенческого отдела СРН(Союза русского народа)

[66] Педагогический институт имени П.Г. Шелапутина — высшее учебное заведение, открытое в 1911 г. в Москве на средства действительного статского советника П.Г. Шелапутина В институт принимались мужчины, окончившие высшие учебные заведения и желавшие стать учителями средней школы. Выпускники института ежегодно собирались на педагогические съезды. До 1917 состоялось 4 выпуска. С 1923 г. Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской.

[67] *Лапин В.В.* Отзыв о сочинении Н.С. Гольдина на тему: «Император Тиберий, характеристика его внутренней и внешней политики» // Ученые записки Харьковского университета. 1898. Кн. 2. С. 199—217.

[68] Hachette — книгоиздательская и торговая фирма Луиса Ашетта была создана в 1826 г.

[69] Corpus juris civilis — название (с XII века) свода римского гражданского права, составленного при императоре Юстиниане Великом в 529—534 гг.

[70] Литературно-художественный кружок в Москве (1899—1920) был создан по инициативе А.П. Чехова, К.С. Станиславского, М.Н. Ермоловой, А.И. Южина-Сумбатова, А.Ф. Кони и др. В него входили артисты, профессора, общественные деятели, фабриканты, банкиры, адвокаты. На знаменитых «вторниках» кружка выступали писатели, артисты, читались доклады и лекции, проходили диспуты, отмечались юбилеи. Председателем дирекции в 1899-1908 был А.И. Южин-Сумбатов, затем — В.Я. Брюсов.

[71] Абас-Туман (Абастумани) — курорт в Грузии, где находился на лечении цесаревич Георгий Александрович (1871—1899), которому В.О. Ключевский преподавал историю в 1893-1895 гг.

[72] Вероятно, имеется в виду один из томов 25 томной “Storia dell’arte italiano” («Истории итальянского искусства») Адольфо Вентури (Venturi), которые публиковались в 1901—1938 гг.

[73] Циркуляром министра в средних учебных заведениях кворум собраний родителей, избиравших родительские комитеты, был увеличен до 2/3 от всех родителей. Нередко это приводило к прекращению деятельности родительских комитетов.

[74] Катковский лицей — неофициальное название Московского Императорского лицея в память Цесаревича Николая, привилегированного высшего учебного заведения, предназначенного для детей дворян. Просуществовал лицей с 1868 по 1917 г. Основан на средства М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева. С 1872 г. являлся государственным учебным заведением, в котором были как гимназические, так и лицейские (университетские) классы.

75 Имеются в виду лекции В.О. Ключевского в доме московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

76 Частная мужская гимназия Льва Ивановича Поливанова (1838—1899 гг.), деятеля русского просвещения, была открыта в Москве в 1868 г. и просуществовала до 1918 г. Гимназию закончили среди прочих В. Брюсов и М. Волошин, князь Г.Е. Львов и Андрей Белый. Гимназия отличалась сильным педагогичским составом: Л.М. Лопатин, М.М. Покровский, Ю.В. Готье и другие.

77 Женская частная гимназия Софьи Александровны Арсеньевой, дочери архитектора А.Л. Витберга, была открыта в Москве в 1873 г. Преподавание велось на уровне мужских классических гимназий.

78 Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского (1908—1919) — негосударстенное высшее учебное учреждение, основанное на средства А.Л. Шанявского. По уставу находился в ведении Московской городской думы. Университет состоял из двух отделений — научно-популярного и академического. В общедоступном учебном заведении работали ведущие педагоги московских вузов.

79 Общество деятелей периодической печати — общественная книжная организация, устав которой бы разработан в 1902 г. по инициативе Русского библиографического общества, была создана в 1907 г. с целью защиты профессиональных интересов журналистов и помощи малоимущим авторам.

80 Журнал «Логос» был попыткой международного издания по философии культуры, призванной осмыслить общеевропейский опыт в этой области. Были осуществлены проекты немецкой и русской редакций. В России были опубликованы 9 выпусков. Русское издание «международного ежегодника по философии культуры» выходило в Москве (1910—1914 гг.) и в Петербурге (1914 г.). Редакторами издания были С.И. Тесен, Э.К. Метнер, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко, В.Э. Сеземан. Цель издания заключалась, в частности, в том, чтобы освоить достижения европейской философии.

81 Имеется в виду наиболее популярный в высшей школе учебник О.Д. Хвольсона: *Хвольсон О.Д.* Курс физики: в 4 т. СПб., 1892—1915.

82 «Биржевые ведомости» — ежедневная газета, выходившая в свет в Петербурге в 1880-1917 гг., имела умеренно либеральную направленность.

83 «Новое время» (1868—1917) — политическая и литературная газета, печаталась в Санкт-Петербурге. В газете принимали участие А.С. Суворин, А.В. Амфитеатров и др. Постепенно от либеральной направленности (1870-е гг.) перешла в консервативный лагерь (особенно после 1905 г.).

84 А.Н. Савин здесь цитирует строки Евангелие от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. *По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?* Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их». (Мф. 7:16)

85 «Русская мысль» — ежемесячный литературно-политический журнал, издававшийся в Москве в 1880-1918 гг. С 1906 г. редактором журнала стал П.Б. Струве, а журнал — отражать взгляды кадетов. С журналом сотрудничали в разные годы А.П. Чехов, В.Г. Короленко, Г.И. Успенский и др.

86 фикс (от лат. fixus) — точно определенная сумма вознаграждения.

[87] С 23 января по 6 февраля 1912 г. состоялся визит английской парламентской делегации в Россию. В составе делегации было тридцать человек — представители двух палат парламента, англиканского духовенства, военные и журналисты.

[88] «Russian Review» — журнал, издававшийся Б. Пэйросом в 1912—1914 гг.

[89] В данном случае имеется в виду созданный при Ливерпульском университете Бернардом Пэйросом (1867—1949) центр по изучению русской истории — Школа русских исследований. Позднее, в 1916 г. при его участии при Лондонском университете была создана School of Slavonic and East European Studies.

[90] За выступление в поддержку профессоров Московского университета А.Д. Алферову было запрещено преподавание в государственных учебных заведениях, он также был отстранен от занятий в Екатерининском институте благородных девиц и частных гимназиях. В 1912 г. право преподавания было ему возвращено. М.Я. Пергамент, профессор СПб университета, в 1911 г. по распоряжению министра Кассо был переведен в Юрьевский университет. Несогласный с переводом, профессор подал в отставку.

[91] «Страницы из жизни Московского университета. Профессора Н.П.Боголепова» (Русский Архив. 1913. Т. 41, вып. 1. С. 10—89).

[92] В ноябре 1894 г. В.О. Ключевскому на лекции была устроена студентами обструкция из-за выхода в свет его речи памяти императора Александра III. После ареста зачинщиков студенты устроили сходку в здании университета, в результате чего 3 декабря были арестованы и высланы из Москвы 47 человек. После вмешательства В.И. Герье решение о высылке студентов было пересмотрено.

[93] Общество истории и древностей Российских (ОИДР) было создано в 1804 г. при Московском университете по инициативе Шлецера для изучения и издания источников по русской истории. В разное время общество публиковало «Чтения ОИДР», «Русский исторический сборник» и другие издания, где печатались источники и исследования по русской истории. Официально деятельность общества была прекращена в 1929 г.

[94] Барсов Елпидифор Васильевич (1836—1917) — знаменитый русский филолог и этнограф, исследователь ревнерусской литературы, собиратель уникальной коллекции древнерусских рукописей. В данном случае под «елпидифоро-барсовским» элементом в быту вероятно, следует иметь ввиду широко известное стесненное в средствах состояние Барсова, который все свои скромные средства библиотекаря тратил на приобретение рукописей, а не на обустройство своего скромного дома.

[95] См. примечание 91.

[96] Имеется в виду защита магистерской диссертации Н.Н.Алексеева «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов».

[97] См. *Виппер Р.Ю.* Две интеллигенции и другие оченки. 1900—1912. М., 1912.

[98] Докторская диссертация Н.Д. Виноградова «Философия Давида Юма. Ч. 2: Этика Д. Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII—XVIII вв.» (М., 1911)

[99] Русское историческое общество было создано в 1866 г. и распущено в 1917. В 1873 г. ему присвоено название Императорского. Занималось сбором и введением в научный оборот источников по истории России, для этого из-

давались «Сборники РИО». Всего с 1866 по 1917 вышло 148 томов. Членство предусматривало приглашение несколькими действительными членами или одним из основателей общества. В 1909-1917 гг. почетным председателем РИО был Великий князь Николай Михайлович. Среди деятелей общества обычно упоминаются С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, Н.Ф. Дубровин, П.П. Пекарский, В.И. Сергеевич, Я.К. Грот, И.Е. Забелин, А.Н. Пыпин, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, Н.Д. Чечулин, А.Н. Попов и др. После революции РИО было воссоздано в Праге.

[100] Речь идет о книге С.А. Котляревского «Юридические предпосылки русских основных законов» (1912)

[101] Московский коммерческий институт («Коммерческий институт московского общества распространения коммерческого образования») был открыт 19 февраля 1907 г. по инициативе купца первой гильдии А.С. Вишнякова. В 1913 г. было достроено новое здание института, который являлся негосударственным высшим учебным заведением.

[102] Обры — так в древнерусских летописях называли аваров, чей каганат был уничтожен в результате походов Карла Великого и западных славян. «Погибоша аки обри, их же несть племени ни наследка» записал Нестор в «Повести временных лет»

[103] Имеется в виду сын императора Николая II и Александры Федоровны — Цесаревич Алексей Романов (1904—1918), болевший гемофилией

[104] *Чистяков И.* Образование народа во Франции. Эпоха Третьей республики (1870—1902) // Ученые записки императорского Московского университета. Юридический факультет. Вып. 23. М., 1904

[105] *Чистяков И.* Страхование рабочих в России. Опыт истории страхования рабочих, в связи с некоторыми другими мерами их обеспечения. М., 1912.

[106] Речь идет о С.Е. Трубецком (1890—1949), который был преподавателем Московского университета, участником организации Тактического центра, философом и литератором.

[107] А.Н. Савин в данном случае имеет в виду то обстоятельство, что до 1804 года деятельность университета регулировалась «Высочайше утвержденным проектом об учреждении Московского университета». В 1804 году был принят университетский устав, в соответствии с которым университету предоставлялась значительная автономия: ректор и деканы избирались из числа профессоров университета (первым выборным ректором стал Х.А. Чеботарев), большую роль играл совет университета.

[108] Министром торговли в это время (1909—1915) был С.И. Тимашев.

[109] А.Н. Савин здесь цитирует название известной книги “The Gentle Art Of Making Enemies” художника Джеймса Уистлера (James McNeill Whistler) опубликованной в 1890 году. Книга содержала в том числе стенограмму заседания суда, куда Уистлер обратился после того, как критик Джон Раскин в обзоре первого показа картины в Grosvenor Gallery назвал картину художника «Ноктюрн в черном и золотом: падающая ракета» «ведром с краской, брошенным в лицо обществу».

[110] «Мюр и Мерилиз» — российский торговый дом (1857—1922), основанный выходцами из Шотландии. В 1892 году был открыт крупный торговый центр в Москве (ныне ЦУМ), где можно было купить любые товары. В данном случае А.Н. Савин использует это сравнение именно в смысле сосредоточения в одном месте самых разных вещей.

[111] Речь идет о намерении матросов черноморского флота летом 1912 г. поднять восстание и арестовать царскую семью, отдыхавшую в Ливадии. В связи с этим в Севастополе прошла серия арестов, и после судебных слушаний 28 октября был объявлен приговор 142 матросам. Командующий флотом подписал приказ о расстреле 10 человек.

[112] Имеется в виду период 1882—1897 гг., когда министром народного посвещения был И.Д. Делянов. Именно в эти годы был принят университетский устав 1884 г., сокративший университетскую автономию, были введены государственные экзамены для студентов и система назначений профессоров. В 1887 г. принят «циркуляр о кухаркиных детях», затруднявший доступ в гимназии и высшие учебные учреждения представителям низших сословий.

[113] Чупровским обществом называли нередко Общество по распространению технических знаний, существовавшее в 1868-1919 гг. по имени его организатора А.И. Чупрова. В составе Учебного отдела Общества была и секция преподавателей истории. Однако в данном случае речь идет о другом обществе, носившем имя А.И. Чупрова — «Обществе им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук», которое было создано в 1911г.

[114] Четвертая часть «Курса русской истории» В.О. Ключевского охватывала период от правления Петра I до переворота 1762 г. и восшествия на престол Екатерины II. В.О. Ключевский охарактеризовал реформы Петра как «потрясение» и даже «революцию».

[115] В это время министром внутренних дел был Н.А. Маклаков

[116] «Московское общество народных университетов» было создано в 1907 г.

[117] *Соколов П.П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев: тип. И.И. Чоколова, 1913 [Дисс.]. Kulturkampf (нем) — «борьба за культуру» — такое название получила политика канцлера Бисмарка в 1870-х гг., направленная против католической церкви. В более широком плане — борьба светской и духовной власти.

[118] Речь идет, скорее всего, о взглядах знаменитого шотландского физиолога и просветителя Дж. Комба (George Combe), который в XIX в. был одним из основоположников учения о зависимости формы черепа от психики человека, то есть развития разных долей мозга (френология). Помимо этого Дж.Комб был сторонником всеобщего светского образования, не зависимого от религиозных корпораций. Он настаивал на необходимости преподавания в школах физиологии, философии, истории, химии и других наук. Вместе с У.Уильямсом он участвовал в формировании т.н. «Бирбекских школ» для взрослых, направленных на широкое просвещение «низших классов».

[119] Ламенне (Félicité-Robert Lamennais, 1782—1854) — французский аабт и журналист, первоначально придерживался ультра-клерикальных взглядов, защищая истинность католической веры на том основании, что ее придерживается большинство человечества. Он выступал против ограничения прав духовенства в сфере народного образования. Впоследствии его взгляды изменились, и он стал одним предшественников т.н. католического социализма. Ряд его сочинений были осуждены папой римским. Сочинения Ламенне были изданы на русском языке «Современное рабство» (СПб., 1905); «Слова верующего» (СПб., 1906). Об актуальности взглядов Ламенне писал С.А. Котляревский «Ламенне и современный католицизм» (М., 1904).
Иоганн Деллингер (Johann Joseph Ignaz von Döllinger, 1799—1890) — историк церкви, богослов, был одним из инициаторов движения «старокатоли-

ков» в Германии. Первоначально придерживался ультрамонтанских воззрений, выступал против подчинения церкви государству. Однако, в том числе после посещения Рима, стал критиковать его политику, выступил с отрицанием догмата о непогрешимости папы. Критиковал решения Первого Ватиканского собора. В 1871 г. был отлучен от церкви. В 1873 г. был назвачен президентом Баварской Академии наук. И. Деллингер активно участвовал в «Конференциях воссоединения», призванных объединить те Церкви, которые сохранили старые каноны.

[120] *Саккулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский, ч. 1—2, М., 1913.

[121] Гельсингфорский университет (сейчас Хельсингский) был основан в качестве королевской академии в 1640 г. в г. Турку. В 1827 г. Николай I распорядился перевести его в Гельсингфорс. Университет получил название Александровского в честь императора Александра I.

[122] Статс-секретарь по делам Финляндии — должностное лицо, стоявшее во главе управления великого княжества Финляндского, когда оно входило в состав Российской империи. Под разными названиями эта должность существовала с 1809 г.

[123] *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1 : Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. М., 1913.

[124] См. *Бубнов Н.М.* Ученые права русского языка. В защиту равноправия русского языка на международных исторических конгрессах. Киев, 1913. Лондонский конгресс историков проходил в апреле 1913 г.

[125] Имеются в виду «Страницы из жизни Московского университета. Профессора Н.П. Боголепова» (Русский Архив, 1913. Т. 41. Вып. 1. С. 10—89)

[126] «Русский архив» — литературно-художественный журнал, основанный П.И. Бартеневым, просуществовал с 1863 по 1917 г. Пубиковал архивные документы и другие материалы по отечественной истории, преимущественно XVIII—XIX вв.

[127] Петиция 42 профессоров Московского университета стала результатом того, что в декабре 1894 года за обструкцию, устроенную В.О. Ключевскому по поводу его лекции, посвященной Александру III, студенты подлежали отчислению из университета. Петицию в защиту студентов подписали 42 члена универитетского совета. Либеральную профессуру представлял В.И. Герье.

[128] Речь идет о приемном сыне К.А. Тимирязева, Аркадии Климентьевиче (1880—1955), который в 1904 г. закончил математическое отделение физического факультета МГУ и был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

[129] «Русское слово» — ежедневная массовая газета (1895—1917) либерального направления, издававшаяся в Москве И.Д. Сытиным (с 1897). Для газеты писали В. Дорошевич, А. Амфитеатров, В. Гиляровский и др.

[130] Речь идет о гимназических учебниках по истории, автором которых был Д.И. Иловайский. «Однажды, раскрыв его учебник, я попала глазами на следующее, внизу страницы, булавочным шрифтом, примечание: «Митридат в Понтийских болотах потерял семь слонов и один глаз». Глаз — понравился. Потерянный, а — остался! Утверждаю, что этот глаз — художествен! Ибо что же все художество, как не нахожденье потерянных вещей, не увековече-

ние — утрат?» — вспоминала стиль текста в этих учебниках Марина Цветаева («Дом у старого Пимена»). Либеральные историки начала XX в. считали монархиста Д.И. Иловайского и его учебники устаревшими.

[131] *Кузнецов К.А.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.). Владивосток, 1913.

[132] *Кузнецов К.А.* К характеристике исторической школы юристов. Одесса, 1914.

[133] А.Н. Савин цитирует Евангелие от Матфея «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Матф.13:9)

[134] Речь идет о диссертации А.Л. Байкова на звание доктора международного права (1913) «Междувластные и властные отношения в теории права. Опыт теоретико-познавательного построения».

[135] *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Часть 1. СПб, 1913

[136] Дело Бейлиса — судебный процесс, проходивший в Киеве в сентябре-октябре 1913 г., на котором рассматривалось обвинение еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего А. Ющинского в марте 1911 г. Официальная медицинская экспертиза, в которой принимали участие Д.П. Косоротов и А.И. Сикорский — поддержала версию обвинения, но была опровергнута в ходе процесса. В ходе процесса проводились дополнительные медицинская, психиатрическая и богословская экспертизы. М.Бейлис был оправдан. «Дело Бейлиса» сопровождалось наряду с антисемитскими выступлениями широкой кампанией в защиту обвиняемого как в России, так и в других странах.

[137] Научный неврологический музей Московского университета был создан А.Я. Кожевниковым в 1892 г. с научной и образовательной целью. Впоследствии, в 1913 г. на базе музея был создан Неврологический институт.

[138] Общество невропатологов и психиаторов в Москве начало формироваться в 1885 г. под руководством А.Я. Кожевникова из числа его коллег и учеников. Проект устава был написан С.С. Корсаковым. В 1911 г. состоялся первый съезд «Русского союза психиаторв и невропатологов».

[139] «Система Тэйлора» — система организации труда и управления производством, названная по имени американского инженера Ф. Тэйлора. Способствовала рационализации трудовых процессов, распространению сдельной заработной платы. Наибольший эффект внедрение системы принесло на заводах Г. Форда.

[140] Альфредо Нисефоро (A. Niseforo) — итальянский социолог и криминолог (1876—1960), некоторое время последователь идей Ч. Ламброзо. В 1902 г. выдвинул теорию, в соответствии с которой в каждом человеке заложено особое «глубинное эго» подсознательных антиобщественных импульсов, которые представляют собой наследие «нецивилизованного» прошлого человечества. Удержание этих импульсов возможно потому, что в человеке благодаря социальным навыкам вырабатывается «супер эго», которое в итоге и помогает предотвратить латентную преступность. Поэтому, чтобы понять преступника и его мотивы, по мнению А. Нисефоро, требуется всестороннее изучение психологии «нормального» человека и его мотивации.

[141] *Продан И.С.* Познание и его объект : (Оправдание здравого смысла). Ч. 1. Харьков, 1913.

[142] Родственники А.В. Назаревского (1876—после 1919), искусствоведа, действительно отличались монархическими взглядами. Это его отец — историк В.В. Назаревский (1870—1919), в 1895—1909 гг. председатель Московского цензурного комитета. И дядя — Б.В. Назаревский — литератор и обще-

ственный деятель, один из создателей Русского монархического собрания, участвовал в подготовке Съезда Русских Людей в Москве осенью 1909г., редактор «Московских Ведомостей».

[143] Подобные собрания стали реакцией части профессуры на проникновение революционных беспорядков в университеты в период 1905—1907 гг. Первое собрание правых профессоров прошло в Петербурге 5—7 апреля 1906 года в помещении Археологического института. В совещании приняли участие восемнадцать профессоров. Второе состоялось в декабре 1910 и было много представительнее. Затем традиция таких собраний продолжилась.

[144] Речь идет о В.И. Денисове (1863—?), известном предпринимателе в сфере сельского хозяйства, предводителе дворянства Области войска Донского в 1901—1907 гг. С 1906 — В.И. Денисов член Государственного совета. Был женат на С.П. Навроцкой (Денисовой). Имел трех сыновей.

[145] Речь идет, видимо о Романе Бертольди, выпускнике Петербургского университета, преподававшем теорию музыки. Его отцом был известный в столице зудожник и музыкант Антонио Камилло Бертольди, который одновременно являлся лютеранским пастором в одном из приходов Петергофа.

[146] *Герье В.И.* Тимофей Николаевич Грановский: В память столетнего юбилея его рождения. М., 1914.

[147] Первоначально Музей изящных искусств и древностей Московского университета стал называться с 1895 г. Музеем изящных искусств им. Александра III. Музей был открыт в 1912 г. Первым директором музея был И.В. Цветаев.

[148] Московское юридическое общество при Московском университете было создано в 1865 г.

[149] Московский археологический институт был создан в 1907 г. по образцу Петербургского археологического института как высшее учебное заведение, где готовили археологов и архивистов. Принимали туда выпускников высших учебных заведений, допускали также вольнослушателей. В Положении об институте говорилось: «§1. Московский Археологический институт, учреждаемый на частные средства, есть высшее учебное заведение, состоящее в ведомстве Министерства народного просвещения и имеющее целью научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, а равно и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных». Директором института был А.И. Успенский. В 1920-х гг. институт вошел в состав Московского университета.

[150] См. *Богословский М.М.* Петр Великий по его письмам // Сборник статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 230—251.

[151] Психологический институт им. Л.Г. Щукиной был открыт в 1914 г. как научно-исследовательское и учебное учреждение. Средства на его создание выделил известный московский меценат С.И. Щукин, поэтому институт получил имя в память его жены. Директором института в первые годы (1912—1923) был Г.И. Челпанов.

[152] См.: *Миронов А.М.* Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпхи Возрождения в немецком искусстве. М., 1901. Вторая доктовская диссертация А.М. Миронова «Изображение богини Победы в греческой пластике» (Казань, 1911) также не была должным образом оценена коллегами.

153 И.Ф. Огнев стал директором Гистологического (кабинета) института при Московском университете в 1911 г.

154 Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете было создано в 1863 г. и в качестве самостоятельной организации просуществовало до 1931г. К 1913 г. в составе общества было два отделения и восемь отделов, в том числе — физиологический.

155 В канун празднования 300-летия дома Романовых (21 февраля 1913 г.) было выдвинуто предложение о создании в Москве Национального Национального музея в честь 300-летия царствования. В состав его коллекций должны были войти коллекции Румянцевского, Политехнического, Русского и других музеев. Проект остался неосуществленным.

156 Базановская клиника — так называли Клинику болезней уха, носа и горла, построенную в Москве на средства Ю.И. Базановой. Клиника была открыта в 1896 г. и по решению Московской городской думы получила имя Ю.И. Базановой.

157 В данном случае — стипендия им. С.М. Соловьева, которая учреждалась на проценты от средств, полученных по всероссийской подписке с 1888 г. Предназначалаь стипендия выпускникам университета, готовившимся к испытаниям на степень магистра всеобщей или русской истории.

158 Речь идет о Московском высшем женском медицинском институте, учрежденном П.Г. Статкевичем и А.Б. Изачиком (1909—1918).

159 le Pouldu — городок в Бретани, на северо-западе Франции.

160 Lorient — город в Бретани на западе Франции.

161 Имеется в виду 30-летний юбилей преподавательской деятельности М.К.Любавского.

162 3 июля 1914 г. был опубликован «Об улучшении материального положения лиц, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях Императорских российских университетов, об увеличении числа их и об усилении кредитов на учебную часть сих университетов».

163 Mafficing (правильно Mafeking) nights — событие из истории второй англо-бурской войны 1899—1902 гг. В течение 217 дней 1899—1900 гг. городок Мафекинг оборонялся от превосходящих сил буров, причем основной военной силой оказались кадеты местного военного училища. Снятие осады 17 мая 1900 г. вылилось в серию празднеств и торжест в Великобритании, откуда и пошло понятие "maffick".

164 Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону в связи с наступлением германских войск.

165 Магистерская диссертация Б.П. Вышеславцева «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии» // Ученые записки Императорского Московского Университета: Отдел юридический. Вып. 44. М., 1914.

166 Алексеев-Аскольдов С.А. Мысль и действительность. М., 1914.

167 Badenweiler — курорт в Германии в земле Баден-Вюртемберг.

168 Речь идет о Санкт-Петербургском женском педагогическом институте (1903—1918), директором которого в 1903—1916 гг. был С.Ф. Платонов

169 Докторская диссертация С.К. Шамбинаго называлась «Песни времени царя Ивана Грозного».

170 Скорее всего речь идет о работе А.Ф. Диесперова «Блаженный Иероним и его век» (М., 1916), поскольку это единственная его работа историко-философского характера, опубликованная в эти годы.

[171] *Егоров Д.Н.* Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII веке. Т. 1—2, М., 1915.

[172] Магистерская диссертация В.Ф. Эрна «Розмини и его теория знания» (М., 1914)

[173] Румянцевский музей был создан в результате того, что в 1826 г. граф Н.П. Румянцев завещал государству свое собрание собрание книг, рукописей, монет и других коллекций. В 1861 эти собрания были перевезены в Москву, где составили основу Румянцевского музея, а с 1862 г. и библиотеки. В 1921—1927 гг. музей был расформирован, а библиотека и отдел рукописей стали называться с 1925 г. Государственной библиотекой им. В.И. Ленина (сейчас — Российская государственная библиотека).

[174] Возведение в почетные члены Московского университета вел. кн. Николая Николаевича Романова и бельгийского короля Альберта I было продиктовано военным временем. Вел. кн. был верховным главнокомандующим войск Российской империи (1914—1915), тогда как Альберт I прославился организацией героического сопротивления германским войскам, в частности, с помощью затопления части территории Бельгии. Осенью 1914 г. король был награжден орденом св. Георгия 4-й, а затем и 3-й степени.

[175] Halbach — город в земле Северный Рейн- Вестфалия в Германии.

[176] Sassnitz — город в Германии, в земле Мекленбург — Передняя Померания.

[177] Hull—Christiania — Tornio — т.е. Халл (порт на востоке Англии) — Християния (Дания) — Торнио (северная Финляндия).

[178] Информация об английском линкоре-дредноуте “Audacious” («смелый») отражает специфику пропаганды в период Первой Мировой войны. “Audacious” был первым в истории дредноутом, затонувшим в ходе боевых действий. 27 октября 1914 г. корабль подорвался на мине, установленной немцами и, несмотря на все попытки спасти его, затонул. Экипаж был эвакуирован. Однако Британское адмиралтейство постаралось скрыть факт гибели мощного корабля от противника, и в сообщениях прессы дредноут до ноября 1918 г. упоминался как действующий.

[179] А.Н. Савин собирал материал для статьи, которая выйдет отдельным изданием: *Савин А.Н.* Война империй и мир ислама. М., 1915.

[180] *Озеров И.Х.* И.И. Янжул // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 г. Ч.1. Некрологи. М., 1915. С. 31—43.

[181] Московский частный юридический институт был создан в 1915 г.

[182] Имеется в виду периодическое издание «Вопросы философии и психологии», издававшееся Московским психологическим обществом. Председателем общества с 1899 по 1920 был Л.М. Лопатин

[183] См.: *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание Вл.Соловьева. Т. 1—2. М., 1913; Лопатин Л.М. Ответная речь // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 111; Лопатин Л.М. Вл.С. Соловьев и князь Е.Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119, 120. 1914. Кн. 123; Работы Е.Н. Трубецкого о Вл. Соловьеве и полемику с Л.М. Лопатиным можно проследить в современных изданиях: *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание В.С. Соловьева Т. 1—2. М., 1995; *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 2000.

[184] Магистерская диссертация В.В. Зеньковского называлась «Проблема психической причинности» (Казань, 1914)

[185] Оценки 1-го Всероссийский съезда профессоров по кафедрам русской истории и истории русского права были различными. См., например: *Покров-*

ский М. Лейб-гвардия Романовых // Наше Слово. № 139—140, 14 и 16 июля 1915 г. Париж.

[186] Гельмольд — Хельмольд (Helmold) (ок. 1125—после 1177) — немецкий хронист. Написанная им «Хроника славян» ("Chronica Slavorum") является источником по истории покорения земель полабских славян. Особую ценность представляет период XII века, поскольку автор являлся современником и свидетелем происходивших событий.

[187] «Общество сближения с Англией» было организовано 22 мая 1915 г. в Москве. А.Н. Савин произносил речь на учредительном заседании вместе с М.М. Ковалевским, П.Н. Милюковым и др. См.: Отчет о деятельности Общества сближения с Англией. М., 1917

[188] Речь идет о тех, кто после роспуска 2-й Государственной думы 3 июня 1907 г. получили преобладающее влияние в государстве и в его центральных органах власти.

[189] Скорее всего речь идет о Б.В.Савинкове, одном из лидеров партии эсеров.

[190] Военно-промышленный комитеты были созданы в 1915 г. для мобилизации промышленности для военных нужд после поражений русской армии весной того же года. Решение об их создании было принято на Девятом Всероссийском съезде представителей торговли и промышленности, которые были недовольны действиями правительства, в том числе по обеспечению армии вооружением и продовольствием.

[191] А.В. Флоровский, брат известного философа Г.В. Флоровского в 1916 г. защитил магистерскую диссертацию «Состав Законодательной комиссии 1767—1774 гг.»

[192] См. *Marion M*. La vente des biens nationaux pendant la Révolution française. P., 1908.

[193] См. сноску 180.

[194] Обер-прокурор Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер в 1915 г. принял фамилию жены — Десятовский.

[195] Alliance française — Французский альянс — международная организация, созданная в 1883 г. во Франции, целью которой является пропаганда и распространение французского языка и культуры. В ее создании принимали участие Луи Пастер, Жюль Верн, Эрнест Ренан.

[196] Hundred Rolls (лат. Rotuli hundredorum) — «Сотенные свитки» — описи владений, составлявшиеся в Англии XIII века. Наиболее полное обследование владений было проведено в 1279 г. по единой анкете специальными комиссарами Эдуарда I с фискальными целями. В отечественной историографии этот источник наиболее полно исследовался в работах ученика Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина и Е.А. Косминского.

[197] Речь идет о возобновлении деятельности Исторического общества при Московском univeритете, созданного в начале 1890-х гг. (первое публичное заседание состоялось в 1895г.) Председателем общества стал В.И. Герье. В его создании принимали участие В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, П.Н. Милюков, В.М. Михайловский и другие. В 1904 г. деятельность общества была приостановлена и возобновлена только в 1916г.

[198] Видимо, речь идет о книге П.Н. Новгородцева «Кризис современного правосознания» (1909)

[199] Первый уход П.Г. Виноградова из университета был связан со студенческими волнениями оченью 1901 г., поводом к которым стало появление статьи

В.П. Мещерского в газете «Гражданин», с негативной характеристикой российского студенчества. Созданная в университете кмиссия по руководству курсовыми совещаниями студентов, которую возглавил П.Г. Виноградов, в итоге должна была взять на себя функцию проводника официальной позиции Министерства просвещения, с которой были согласны не все члены комиссии. 12 декабря 1901 г. П.Г. Виноградов подал в отставку и вскоре уехал а Англию.

[200] Эрзерум (Турция) был взят войсками кавказской армии под командованием генерала Н.Н. Юденича 3 февраля 1916 г. в результате сложной военной операции, проходившей с декабря 1915 г.

[201] М.М. Богословский в дневниках писал, что Савин «говорил обращаясь лицом к публике, а к диспутанту неуклюже повернувшись спиной. Одно время в момент оживления спора из-за какой-то линии на карте, А.Н. Савин, встав во весь рост и повернувшись совсем уже к публике, обратился к ней со словами: «Господа, правда же здесь ломаная линия, а не прямая?» — как будто зала могла быть судьею спора. И эти слова говорились с веселым смехом, и вообще достопочтенный историк весьма напоминал на этом диспуте танцующего верблюда». (*Богословский М.М.* Дневники (1913—1919): Из собрания государственного исторического музея. М., 2011. С. 152).

[202] Доклад А.Н. Савина о М.М. Ковалевском был прочитан на заседании Исторического общества при Московском университете 30 апреля 1916г. и опубликован: *Савин А.Н.* М.М. Ковалевский как историк // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Императорском Московском университете. М., 1916. № 1.

[203] “Why, *let the stricken deer go weep, The heart ungalled play*; For some must watch, while some must sleep; Thus runs the world away.» — строки из «Гамлета» У. Шекспира: «Олень подстреленный хрипит, /А лани — горя нет. / Тот — караулит, этот — спит. / Уж так устроен свет.» (Акт 3, сцена 2)

[204] Речь идет о диспуте по докторской диссертации Л.П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII—XIII веках преимущественно в Италии», который проходил 27 марта 1916 г.

[205] *Г.Г. Шпет.* История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть I: Материалы. М., 1916.

[206] Лига (союз) демократического контроля (Union of democratic control) — организация, созданная в Англии в 1914 г. политиками, которые осознали что секретные договоренности без контроля общества ведут человечество к масштабным войнам. В Союз входили либерал Ч.П. Тревельян, лейборист Р. Макдональд и другие. Организация не была пацифистской, однако выступала против интервенции в Россию, считала Версальский договор разорительным для Германии.

[207] *Deratani N.* Artis rhetoricae in Ovidi carminibus praecipue amatoriis perspicuae carita quaedam. M, 1916.

[208] *Богословский М.М.* Рец. на кн.: Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства М., 1915. Т. 1; М., 1916. Т. 2 // Исторические известия. 1916. № 2. С. 68—85.

[209] *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

[210] 19 ноября 1916 г. в Государственной Думе Пуришкевич выступил с речью, в которой обвинял власти и министров в прогерманских настроениях, корысти и интригах. В ответном выступлении 22 ноября монархист Н.Е. Марков

2-й, один из лидеров «Союза русского народа», выступил в защиту монархии и ее институтов. Шум делегатов, мешавших его выступлению, рассердил оратора, так что в итоге он назвал председателя Государственной Думы М.В. Родзянко «мерзавцем». Все это привело к расколу фракции правых, к бойкоту Маркова 2-го со стороны левых и центристов. Председателю Думы выражалось всеобщее сочувствие.

[211] Воспитательный дом, открытый в 1764 г. был приютом для сирот и незаконнорожденных.

[212] Прогрессивный блок — объединение политических фракций Государственной Думы и Государственного совета в период Первой мировой войны. Был создан в августе 1915 г. и состоял из представителей партий октябристов, кадетов, «прогрессистов» и «пргрессивных русских националистов». Программа блока предусматривала создание т.н. «правительства доверия» и проведение либеральных реформ.

[213] Академический союз — общественные профессиональные организации, которые начали создаваться в период первой русской революции представителями профессуры и образованной интеллигенции.

[214] Кинтальская конференция (или вторая Циммервальдская) международная социалистическая конференция проходила в Швейцарии в апреле 1916 г. На ней развернулась борьба по вопросу об отношении проетариата к войне и миру между левым крылом (во главе с В.И. Лениным) и правоцентистской группой (Р. Гримм, Дж. Модильяни и др). В принятом «Обращении второй социалистической конференции к разоряемым и умерщвляемым народам» была выдвинута идея о том, что единственное средство прекратить войну — это завоевать власти пролетариатом.

[215] *Эрн В.Я.* Философия Джоберти. М., 1916. Автор считался защитником христианской философии, выступал с критикой рационализма. В 1910 г. на страницах журнала «Русская мысль» развернулась полемика между В.Я. Эрном и С. Франком, в том числе и о природе философского знания. Отсюда, возможно, такая «кислая» реакция на его работу, о которой пишет А.Н. Савин.

[216] Имеется в виду Вильгельм II (1859—1941), в 1888—1918 германский император и прусский король. После отречения 28 ноября 1918 г. переехал в Нидерланды.

[217] «Социал-демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП (с 1908), а с 1912 — большевиков. Издавался в Париже и в Женеве.

[218] École Nationale des Chartes (Национальная школа хартий) — высшее учебное заведение создано в 1821 г. и специализируется на преподавании вспомогательных исторических дисциплин, готовит архивистов-палеографов.

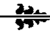
[219] Taube L. — немецкий медиевист Людвиге Траубе (1861—1907), известный работами о латинской поэзии эпохи Каролингов.

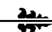
[220] Michael Tangl (1861—1921) — австрийский медиевист, специалист по палеографии и дипломатике, редактор Monumenta Germaniae Historica.

[221] *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 2. Киев, 1917.

Указатель имен

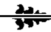

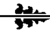

академии; директор Института истории АН СССР (с 1936). 29, 93, 209, 267, 287, 346, 361, 388, 348.

Лукьянов Сергей Михайлович (1855—1935), доктор медицины (1883); профессор Варшавского университета (с 1886); в 1902 — товарищ министра народного просвещения; осень 1905 — управляющий министерством народного просвещения; с 1906 — член Государственного совета; обер-прокурор Святейшего Синода (1909—1911). 209.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), окончил Цюрихский университет; общественный и политический деятель, переводчик, публицист, критик; член РСДРП с 1895, академик (1830), нарком просвещения 1917—1929. 115.

Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918), окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1866); доктор всеобщей истории (1877); профессор (1877—1901); профессор Киевских высших женских курсов; депутат III Государственной думы; 65, 81, 82, 308, 409.

Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) кн., окончил юридический факультет Московского университета (1885); общественный и политический деятель; депутат I Государственной думы; кадет (с 1911 — прогрессист); март-июль 1917 — министр-председатель Временного правительства; с 1918 — в эмиграции. 283, 435, 436, 461.

Львов Николай Николаевич (1867—1944), публицист, журналист, политический (кадет) и государственный (Депутат III и IV Государственной думы) деятель; участник Белого движения. Окончил юридический факультет Московского университета(1891). 98, 99.

Любавский Матвей Кузьмич (1860—1936) , окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). Доктор русской истории (1900). С 1894 — приват-доцент, профессор (1901—1930), декан историко-филологического факультета (1908—1911), ректор (1911—1917). Член-корреспондент АН с 1917 года, академик АН СССР с 1929 г. 25, 27, 28, 34, 36, 40, 45,46, 56, 58, 59, 61,62, 64, 66, 67, 68, 71, 72, 76, 77, 85, 87, 88, 92, 93, 96, 98, 103, 117, 124, 154, 157, 158, 161, 162, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 194, 196, 198, 199, 202, 205, 208, 210, 214, 217, 218, 219, 227, 228, 229, 233, 236, 238, 239, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 250, 255, 259, 260, 266, 269, 274, 275, 279, 281, 282, 284, 285, 286, 288, 289, 290, 291, 295, 296, 298, 303, 306, 308, 315, 321, 322, 324, 327, 331, 334, 336, 338, 345, 346, 347, 348, 349, 351, 353, 357, 362, 366, 367, 368, 372, 373, 375, 380, 383, 384, 385, 386, 396, 400, 404, 405, 406, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 422, 423, 426, 427, 429, 430, 432, 442, 443, 444, 445,446, 448, 449, 451, 453, 467, 468.

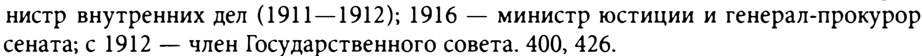
Любович Николай Николаевич (1855—?), историк; окончил историко-филологический факультет киевского университета; доктор — 1890); профессор Варшавского, Киевского университетов. 319.

Лютер Артур (1876—1955) — окончил историко-филологический факультет Московского университета; преподавал на Высших женских курсах в Москве, университете. Переводчик; литературный критик; библиограф. 81, 242.

Люткевич Александр Григорьевич (1867—1928), окончил медицинский факультет Московского университета (1893), доктор медицины (1904); приват-доцент по кафедре офтальмологии Московского университета; профессор Юрьевского университета (1911—1918). 101.

Лясковский Сергей Антонович, окончил историко-филологический факультет Московского университета (1911); преподавал на Высших женских курсах в Москве; в 1920-х гг. — в Ивановском педагогической институте, Московском педагогическом институте. 29, 180, 188, 226, 372.

Макаров Александр Александрович (1857—1919), окончил юридический факультет Петербургского университета; с 1906 — товарищ министра внутренних дел; ми-

Некрасов Павел Алексеевич (1853—1924) — математик, социолог и философ. Окончил физико-математический факультет Московского университета (1878); доктор чистой математики (1886); профессор (1886—1905); помощник ректора (1890—1893); ректор (1893—1898); попечитель Московского учебного округа (1898—1905). 54, 76, 407.

Нечаев Александр Петрович (1870—1948), философ, психолог. Окончил философское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета (1894). Создал лабораторию экспериментальной педагогической психологии при Педагогическом музее (1901). С 1921 г. — профессор Московского государственного психоневрологического института, директор (1922—1925). 111.

Никитин Петр Васильевич (1849—1916), филолог-классик, вице-президент Академии наук (1910—1916); с 1886 — профессор греческого языка и литературы в Петербургском университете. 317.

Никитский Александр Васильевич (1859—1921), окончил Петербургский историко-филологический институт (1882). С 1886 — приват-доцент, профессор в Новороссийском университете. С 1896 — профессор древнегреческой филологии и древностей в Юрьевском университете; профессор Московского университета (1902—1910); декан историко-филологического факультета (1906--1909). В 1908 назначен попечителем Оренбургского учебного округа; академик (1917). 27, 28, 36, 42, 56, 61, 62, 63, 67, 68, 105, 120, 158, 227, 317.

Никифоров Михаил Никифорович (1858—1915), окончил медицинский факультет Московского университета (1883); профессор (с 1894), проректор Московского университета (1913—1915). 101, 102, 131, 172, 262, 265, 285, 317, 323, 324, 334, 365, 394.

Николай II (1868—1918), российский император (1894—1917). 137, 280, 387, 435, 436.

Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401—1464), немецкий теолог, философ, кардинал. 350.

Николай Михайлович (1859—1919), вел. кн., военачальник, историк; председатель Русского исторического общества; с 1915 — доктор русской истории honoris causa Московского университета. 237, 308, 335, 362, 464.

Николай Николаевич (1856—1929), вел. кн., военачальник; в 1914—1915 — верховный главнокомандующий. 354, 382, 435.

Никольский Николай Михайлович (1877—1959), востоковед; окончил историко-филологический факультет Московского университета (1900); преподавал в гимназиях; с 1918 — в Смоленском государственном университете, с 1921 — профессор минского университета. 118, 267, 268, 433.

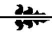
Никонов Сергей Павлович (1868—?), окончил юридический факультет казанского университета (1890); приват-доцент Ярославского Демидовского лицея (с 1895), профессор; с 1903- в Харьковском университете; доктор (1910); в 1909—1910 — ординарный профессор и секретарь юридического факультета в Новороссийском университете. В 1912 был перемещен в Петербургский университет (до 1917) на кафедру торгового права и судопроизводства. 244, 246, 247.

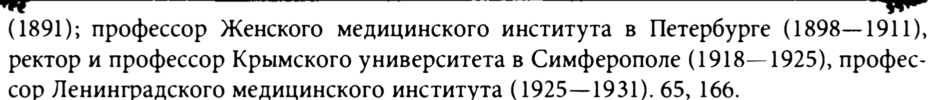
Новгородцев Павел Иванович (1886—1924) , окончил юридический факультет Московского университета (1888). доктор государственного права (1902); приват-доцент, профессор кафедры энциклопедии права и истории философии права юридического факультета (1896—1911; 1917). В отставку в 1911. С 1906 — директор и профессор Московского высшего коммерческого института; кадет; депутат 1-й Государственной думы (1906). 30, 86, 98, 100, 111 , 112, 129, 140, 267, 170, 171, 173, 193, 233, 234, 246, 255, 256, 279, 283, 301, 328, 350, 406, 410, 411, 416, 442, 445, 446, 450, 451, 452, 454, 470.

Новиков Михаил Михайлович (1876—1965), окончил Гейдельбергский университет (1903); доктор натурфилософии (1904); магистр (1910); доктор (1911). Приват-доцент Московского университета — в отставку в 1911. С 1911 — профессор Московского

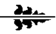

Научное издание

Александр Николаевич Савин
Университетские дела. Дневник 1908—1917

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
Отпечатано: Публичное акционерное общество «Т8 Издательские Технологии» 109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80
Подписано в печать 11.11.2015. Формат 70×100/16. Заказ № 138.
Тираж 500 экз. 33 п.л. 34,5 уч.-изд. л.

Серия MEDIAEVALIA
Средневековье как историко-культурный феномен.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2015—2016 гг. в рамках серии предполагается опубликовать:

Франсуа Отман
Франкогаллия / Пер., вступ. ст., комментарии И.Я. Эльфонд.

Сочинение известного французского юриста, публициста и ведущего идеолога тираноборчества Франсуа Отмана (1524–1590) «Франкогаллия» является одним из ярчайших памятников политической мысли XVI века. Впервые трактат увидел свет непосредственно после Варфоломеевской ночи, т.е. в 1573 г., и его содержание в значительной степени было определено религиозным и политическим противостоянием в эпоху гражданских войн во Франции XVI в. Широкая популярность «Франкогаллии» в Европе оказалась связана с изложением учения о правах народа, суверенитете и легитимацией политического сопротивления монархической власти. Автор сочинения также изложил собственную концепцию этногенеза и истории Франции. Перевод был осуществлен с последнего, наиболее полного издания данного сочинения. Издание снабжено развернутой статьей, посвященной истории идейно-политической борьбы в эпоху гугенотских войн, обширными комментариями, приложениями и указателями.

Для историков, юристов, политологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей Средневековья и раннего Нового времени, гугенотских войн во Франции и европейской общественной мысли.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: **medieval.books@mail.com**
или электронный адрес издателя: **unikniga@yandex.ru**

Серия MEDIAEVALIA
Средневековье как историко-культурный феномен.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2015—2016 гг. в рамках серии предполагается опубликовать:

Политическая культура средних веков и раннего Нового времени / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков.

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя, анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Скандинавских стран, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: **medieval.books@mail.com**
или электронный адрес издателя: **unikniga@yandex.ru**

Серия MEDIAEVALIA
Средневековье как историко-культурный феномен.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2015—2016 гг. в рамках серии предполагается опубликовать:

М.М. Ковалевский и его время. Медиевистика и новистика в России второй половины XIX – начала XX в. / Сост. и отв. ред. А.К. Гладков

Сборник посвящен всестороннему анализу исторических трудов выдающегося российского ученого, академика М.М. Ковалевского (1851—1916), внесшего исключительный вклад не только в социологию и правоведение, но и медиевистику – «науку о Средневековье». Ведущие российские и европейские специалисты исследуют работы М.М. Ковалевского, посвященные социальной и экономической истории, политической мысли и общественным отношениям в Средние века и ранее Новое время, англоведению, а также сравнительно-историческому правоведению. Впервые в мировой историографии изучен весь комплекс медиевистических трудов ученого, проанализированы его взаимоотношения с коллегами-историками, осмыслено значение исследователя для развития отечественной науки и развития университетского образования в России. Значительная часть предлагаемых работ основана на привлечении уникальных, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов.

Для историков, юристов, политологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и историографией Средневековья и раннего Нового времени.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: **medieval.books@mail.com**
или электронный адрес издателя: **unikniga@yandex.ru**

А.Н. Савин

Университетские дела

Дневник 1908—1917 гг.

Университетские дневники (1908–1917) видного российского историка-медиевиста, профессора Московского университета Александра Николаевича Савина (1873–1923) — уникальный источник, в котором изложена история Московского университета в сложное десятилетие начала XX в. — борьба за сохранение университетской автономии, массовая отставка преподавателей в 1911 г., министерские назначения на профессорские должности и возвращение «отставленных» после февраля 1917 г. В записях А.Н. Савина представлен образ университетской корпорации в различных аспектах ее бытования, яркие портреты историков, преподававших как в университете, так и на Высших женских курсах в Москве. Дневники историка – свидетельство сложных взаимоотношений университетского сообщества и власти в России, взгляд изнутри на университетский мир и ее представителей. Дневниковые записи А.Н. Савина позволяют лучше понять мировоззрение самого историка.

